

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2025. № 515. Июнь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2025. № 515. June

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Гаврилин П.О., Щитова О.Г. Способы заимствования терминологии профессиональной сферы «Беспилотные технологии в строительстве»	5
Киосе М.И., Прокофьева О.Н., Смирнова Е.Е. Категория интенсивности и ее реализация в устном экспозиторном диалоге на русском языке	14
Маматов Г.М. Образ Гамлета в лирике Бориса Поплавского	25
Падерина Е.Г. Проблемы комментирования восприятия современниками «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846–1847). Статья первая	37
Сенинг М.А. Дата-трекер как формат дата-журналистики: типологическая характеристика	44
Швецова Т.В., Лещева А.А. Пространство метафизического путешествия в сказке Анастасии Строкиной «Держиоблако»	55

ФИЛОСОФИЯ

Ульянов А.М. Критика критики: от Просвещения через Франкфуртскую школу к постструктурализму и деконструкции	63
Хитрук Е.Б. Метафизика пола в русской религиозной философии (на примере концепций В.В. Розанова и В.С. Соловьева)	69

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Гостев К.В. Нарратив виктимности в дискурсе о независимости Каталонии	81
Петрова Е.В. Российская идентичность в дальневосточных регионах (Республика Бурятия, Забайкальский край, Приморский край)	89
Попадьева Т.И. Политика развития через призму славянской идентичности: сравнительный анализ политических дискурсов в Сербии и Хорватии	97
Тхориков Б.А., Клименко В.А., Осадчая О.С., Машепуро Д.М., Труфанов Д.А. Концептуальные шаблоны создания фейковых новостей	107

ИСТОРИЯ

Назарова Т.П. Новые подходы к проектированию кладбищ и поиск новых форм траурной обрядности в СССР в послевоенный период	114
Октябрьская И.В. Категория «границы» в российской этнографии	122
Плешивцев А.К. Приходские школы в природном ландшафте и инфраструктуре Томского уезда: цифровое картографирование как инструмент синтеза источников информации	128
Румянцев П.П. Взгляд жандармских офицеров на коммерцию и коммерческие слои в Сибири в дореформенное время	136
Селин Д.В., Чиндина Л.А. Технология производства керамики кулайской культуры в Васюганье (по материалам поселений Степановское I и IV)	145

ПЕДАГОГИКА

Задорожная О.В., Новохатько Е.Н. Копинг-стратегии и психологические особенности педагогов с различным стажем профессиональной деятельности: психолого-образовательный контекст	154
--	-----

CONTENTS

PHILOLOGY

Gavrilin P.O., Shchitova O.G. Methods of borrowing terminology in the professional sphere of unmanned technologies in construction	5
Kiose M.I., Prokofieva O.N., Smirnova E.E. The category of intensity and its manifestation in Russian spoken expository dialogue	14
Mamatov G.M. The image of Hamlet in Boris Poplavsky's lyrics ...	25
Paderina E.G. Problems of commenting on the perception of <i>Selected Passages from Correspondence with Friends</i> by contemporaries (1846–1847). Article I	37
Sening M.A. Typological characteristics of data tracker as a format of data journalism	44
Shvetsova T.V., Leshcheva A.A. The space of a metaphysical journey in Anastasia Strokina's fairy tale <i>Derzhioblako</i>	55

PHILOSOPHY

Ulianov A.M. Critiquing criticism: From the Enlightenment to the Frankfurt School and poststructuralist deconstruction	63
Khitruck E.B. Metaphysics of sex in Russian religious philosophy (using the concepts of Vasily Rozanov and Vladimir Solovyov as examples)	69

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Gostev K.V. Victimhood narrative in the Catalan independence discourse	81
Petrova E.V. Russian identity in the Far Eastern regions (Republic of Buryatia, Zabaykalsky Krai, Primorsky Krai)	89
Popadeva T.I. Development policy through the lens of Slavic identity: A comparative analysis of political discourses in Serbia and Croatia	97
Tkhorikov B.A., Klimenko V.A., Osadchaya O.S., Matsepuro D.M., Trufanov D.A. Conceptual templates for creating fake news	107

HISTORY

Nazarova T.P. New approaches to cemetery design and the search for new forms of funeral rites in the USSR in the post-war period	114
Oktyabrskaya I.V. The category of "borders" in Russian ethnography	122
Pleshivtsev A.K. Orthodox parish schools in the natural landscape and infrastructure of Tomsk Uezd: Digital mapping as a tool of source information synthesis	128
Rumyantsev P.P. The view of gendarmerie officers on commerce and commercial strata in Siberia in the pre-reform period	136
Selin D.V., Chindina L.A. The ceramic production technology of the Kulai culture in Vasyugan (based on materials from the Stepanovskoye I and IV settlements)	145

PEDAGOGICS

Zadorozhnaya O.V., Novokhatko E.N. Coping strategies and psychological characteristics of teachers with different professional experience: A psychological and educational context	154
--	-----

Корнеева Л.И., Васильева В.И. Технология виртуальной реальности в обучении иностранному языку в вузе: дидактические возможности и ограничения	162	Korneeva L.I., Vasileva V.I. Virtual reality technology in teaching foreign languages at the university: Didactic possibilities and challenges	162
Мутьев А.В., Лебедев Д.В. «Будь готов к труду и обороне» как основа физического воспитания детей и молодежи в 30-е гг. XX в. в Крыму	171	Mutiyeu A.V., Lebedev D.V. "Be Ready for Work and Defense" complex as the basis of physical education of children and youth in the 1930s in Crimea	171
Сосуновский В.С. Личностно-центрированный подход в физическом воспитании дошкольников: теоретический аспект	178	Sosunovsky, V.S. Person-centered approach in physical education of preschoolers: A theoretical aspect	178
Тарева Е.Г., Богданов А.А. Произносительная норма: современный статус в обучении английскому языку	188	Tareva E.G., Bogdanov A.A. Pronunciation norm: The modern status in teaching English	188
Шимкович Е.Д., Гильманшина С.И. Концепция успешности университетского обучения иностранных граждан в условиях подготовительного факультета университета	195	Shimkovich E.D., Gilmanshina S.I. The concept of foreign students' academic success in the university preparatory faculty framework	195

ПРАВО

Агабекян А.Л., Долматов А.О., Ольховик Н.В. Взаимодействие субъектов исполнительной пробации (часть 2)	206	Agabekyan A.L., Dolmatov A.O., Olkhovik N.V. Interaction of subjects of executive probation (part 2)	206
Долгиев А.А. Характеристика личности иностранного агента	216	Dolgiev A.A. Characterization of the identity of a foreign agent as the subject of a crime	216
Иванова С.В., Рыбак С.В. Правовая природа договоров в сфере использования объектов животного мира (на примере охотхозяйственного соглашения)	221	Ivanova S.V., Rybak S.V. Legal nature of contracts in the sphere of wildlife utilization (on the example of the hunting management agreement)	221
Кощеева Е.С. Понимание природы административного иска через призму научных взглядов М.А. Гурвича	230	Koshcheeva E.S. Understanding the nature of the administrative claim through the prism of Mark Gurvich's scientific views	230
Савченко Е.А. Правовые аспекты социального неравенства, связанные с «разноуровневым» доступом к возможностям искусственного интеллекта	238	Savchenko E.A. Legal aspects of social inequality associated with a "multi-level" access to artificial intelligence capabilities	238

LAW

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/15617793/515/1

Способы заимствования терминологии профессиональной сферы «Беспилотные технологии в строительстве»

Павел Олегович Гаврилин^{1, 2}, Ольга Григорьевна Щитова³

^{1, 3} Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

² Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия

^{1, 2} gavrilin.p.o@yandex.ru

³ shchitova2010@mail.ru

Аннотация. Анализируются иноязычные единицы терминологической номинации в области беспилотных технологий в строительстве с точки зрения способов пополнения данной лексики на материале текстов профессионального интернет-дискурса. Выявлены иноязычные терминоединицы, вошедшие в русский язык путем прямого заимствования (лексического и синтаксического), калькирования (полного и частичного), заимствования смешанного вида, в том числе номинации, не зафиксированные в терминологических словарях.

Ключевые слова: русский язык для специальных целей, заимствование, специальная лексика, терминология, беспилотные технологии, строительство

Для цитирования: Гаврилин П.О., Щитова О.Г. Способы заимствования терминологии профессиональной сферы «Беспилотные технологии в строительстве» // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 5–13. doi: 10.17223/15617793/515/1

Original article "
doi: 10.17223/15617793/515/1

Methods of borrowing terminology in the professional sphere of unmanned technologies in construction

Pavel O. Gavrilin^{1, 2}, Olga G. Shchitova³

^{1, 3} National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

² Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation

^{1, 2} gavrilin.p.o@yandex.ru

³ shchitova2010@mail.ru

Abstract. As a result of the rapid development of unmanned technologies in construction, the Russian language for special purposes in this professional field has seen a significant increase in the number of foreign-language terms. The relevance of the study is due to the fact that foreign-language terms related to the subject area of "Unmanned Technologies in Construction" are insufficiently represented in relevant terminological dictionaries and require detailed examination for the purpose of systematizing this specialized vocabulary, which contributes to the formation of a professional worldview among students at construction universities, studying new programs related to unmanned technologies in construction and transportation. The article aims to identify and analyze the ways of borrowing foreign-language terminology in the field of "Unmanned Technologies in Construction". The material for the study was terminological units selected through a comprehensive sampling method from texts related to unmanned technologies in construction, including scientific articles, textbooks, and professional websites. The methodological basis is built on descriptive and comparative methods. The scientific novelty of the work lies in the fact that, for the first time, the professional vocabulary in the field of unmanned technologies in construction is analyzed; the foreign-language terminology of this field, including terms not recorded in lexicographical sources, is identified, systematized, and described. Additionally, material from professional online discourse in the analyzed subject area from the last five years is introduced into scientific discourse for the first time. The materials and results of the study can be applied in university and lexicographical practice. It was found that in the Russian terminology of the "Unmanned Technologies in Construction" field, there are foreign-language units (lexical and syntactic) borrowed in various ways: original (direct) borrowing – both literal and with transformations (19% of the total number of foreign-language units); the use of foreign morphemes to artificially create terms (13%); and calquing (25%). The clear predominance of calquing as a way of enriching the terminology indicates the foreign semantic influence on the Russian language and, at the same time, the activation of the host language's own resources, which contributes to harmonious professional communication. In addition, a significant number of the terms examined were borrowed through a mixed method, combining two or

more of the above-mentioned ways. All of this reflects the influence of international terminology and the terminology of foreign languages on the development of the Russian language for special purposes in the "Unmanned Technologies in Construction" field.

Keywords: Russian language for specific purposes, borrowing, specialized vocabulary, terminology, unmanned technologies, construction

For citation: Gavrilin, P.O. & Shchitova, O.G. (2025) Methods of borrowing terminology in the professional sphere of unmanned technologies in construction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/1

Введение

Активизация лексического заимствования стала результатом количественного и качественного скачка в развитии и использовании новейших технологий, а также глобализации современного мирового информационного и экономического пространства [1, 2]. Беспилотные технологии сочетают в себе особенности информационных и технических сфер деятельности, и это вызывает потребность в детальном анализе специальной лексики, применяемой в данной динамично развивающейся области [3]. Беспилотные технологии предполагают применение дронов, автоматических систем управления, роботов и используются в различных сферах профессиональной деятельности. Наивысшие темпы внедрения беспилотных технологий (за исключением оборонной сферы) отмечаются в сфере строительства: за 2018 г. частота использования беспилотников в строительстве выросла на 239% [4], а за 2023 г. глобальный оборот на рынке строительных дронов увеличился на 20%: с 4,9 до 6,01 млрд долл. [5].

Исходя из этого, актуальность темы данного исследования обусловлена необходимостью систематизации формирующейся терминологии сферы беспилотных технологий в строительстве (БТС), фиксации данных терминов в специализированных словарях; востребованностью формирования профессиональной картины мира с помощью изучения терминологии у обучающихся в вузах по новым программам, связанным с информационными и беспилотными технологиями в строительстве и на транспорте. Актуальность изучения терминов иноязычного происхождения в сфере БТС, преимущественно англицизмов, обусловлена тем, что международные компании используют английский язык как основной язык профессиональной коммуникации, что приводит к заимствованию терминологии и терминологических словосочетаний из английского языка.

Цель данной работы заключается в выявлении и описании терминологии иноязычного происхождения профессиональной сферы «Беспилотные технологии в строительстве» в аспекте способов заимствования.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые объектом лингвистического изучения послужила терминология, используемая в сфере БТС. В статье выявлена, систематизирована и описана терминология БТС иноязычного происхождения, включая термины и терминологические словосочетания, не зафиксированные в лексикографических источниках. В научный оборот введены тексты профессиональной коммуникации последних лет.

Практическая значимость материалов и выводов работы заключается в возможности их использования в процессе преподавания лингвистических и профильных строительных дисциплин, а также в лексикографической практике.

Обратимся к основным понятиям, используемым в данной работе. В трудах современных исследователей существуют различные определения понятия *термин*. Согласно С.В. Гриневу-Гриневичу, термин – номинативная специальная лексическая единица (слово или словосочетание), принимаемая для точного наименования понятий [6. С. 723]. В.М. Лейчик подробно описал тщетность попыток многих ученых дать исчерпывающее определение термину и предложил следующее: «термин – лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее, конкретное или абстрактное понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [7. С. 96]. Данное определение уточнено Д.С. Шеловым с учетом не только связи термина с его дефиницией, но и необходимости включения в дефиницию термина также его понятийной мотивации при сохранении понятийной цельности обозначения: «Языковой знак (словосочетание, сочетание слова или словосочетания с особыми символами и т.п.), соответствующий норме его употребления в профессиональном или ином сообществе, является термином, если он выражает специальное понятие какой-либо области знания и мотивируется языковыми знаками (словами, словосочетаниями, сочетанием слова или словосочетания с особыми символами и т.п.), хотя бы один из которых признается термином» [8. С. 47]. Последнее определение представляется наиболее исчерпывающим.

Требуют разъяснения также понятия *терминология* и *терминосистема*. Представляется целесообразным их разграничение. Терминосистема является упорядоченной совокупностью кодифицированных терминов, а терминология включает в себя не только термины, но и полутермины (терминоиды, предтермины, квазистермины), не вполне отвечающие требованиям, предъявляемым к терминам (в частности требованию однозначности, четкости дефиниции, устойчивости семантики, краткости и др.), и имеющие перспективу стать терминами (см. также: [7. С. 116–117; 8. С. 270–271]).

«Под беспилотными технологиями понимаются устройства, аппараты и транспортные средства, оборудованные системой автоматического управления или управляемые человеком извне, которые могут передвигаться без непосредственного участия человека» [9. С. 325]. В границах *терминологии БТС* находятся терминологические единицы, обозначающие: 1) беспилотные устройства; 2) их оснащение; 3) процессы, осуществляемые в

сфере БТС; 4) IT-сопровождение БТС (программное обеспечение) и др.

Остановимся на классификации терминов с точки зрения способов их заимствования. Д.С. Лотте выделяет с данных позиций следующие типы терминов иноязычного происхождения: 1) оригинальные заимствования, подразделяющиеся на буквальные оригинальные заимствования и преобразуемые оригинальные заимствования; 2) термины, образованные из заимствуемых или ранее заимствованных «элементов», которые либо впервые привлекаются специально для построения данного термина, либо уже существуют в языке-реципиенте; 3) термины, представляющие собой переводы иноязычных терминов, которые можно разделить на буквальные переводные заимствования и преобразуемые переводные заимствования; 4) термины, появившиеся в результате двух или более видов трансформаций либо путем трансформации только одной из частей слова [10. С. 8].

Данный классификационный подход позволяет структурировать анализ и даёт понимание разнообразия способов заимствования иноязычных терминов в русский подязык сферы БТС.

Материал и методы

В качестве материала для исследования послужили терминологические единицы области БТС, отобранные методом сплошной выборки из соответствующих профессиональных текстов в количестве более 100 единиц. При этом были использованы тексты научных статей, учебных пособий, профессиональных и новостных сайтов анализируемой сферы, а также Национального корпуса русского языка.

Методологическую базу исследования составили труды российских и зарубежных ученых по лингвоконтактологии и терминоведению, таких как А.В. Агеева, Л.М. Баш, Н.В. Габдреева, С.В. Гринев-Гриневич, А.В. Дьяков, Т.Л. Канделаки, Э.А. Китанина, З.И. Комарова, Л.П. Крысин, В.М. Лейчик, Ю.Т. Листрова-Правда, Д.С. Лотте, Е.В. Маринова, И.О. Наумова, О.В. Николаева, З.Л. Новоженнова, А.А. Реформатский, Е.В. Сенько, В.А. Татаринев, М. Хаспельмат, Э. Хауген, Р.Р. Яхина и др.

Исследование осуществлялось с применением описательного и сравнительно-сопоставительного методов лингвистики. Описательный метод позволил систематизировать терминологические единицы и выявить их структурные и функциональные особенности. Использование сравнительно-сопоставительного метода помогло установить общие и специфические черты, типологические сходства [11. С. 399] между словами разных языков «без привязки к историческому аспекту» [12. С. 452]. В рамках данного исследования основное внимание уделяется сравнительному анализу различных элементов языковой системы, таких как терминологические единицы, терминологические словосочетания (коллокации). Для достижения целей исследования также использовались научные приемы наблюдения, интерпретации, сопоставления и систематизации, дефиниционный, дистрибутивный, компонентный и количественный анализ.

Эти методы дополнили аналитический подход, обогатив исследование контекстом и глубиной понимания особенностей терминологии беспилотных технологий в строительстве. Дистрибутивный анализ, отличающийся «объективностью и точностью» [11. С. 419], позволил исследовать особенности заимствований в различных контекстах, в том числе в профессиональном интернет-дискурсе. Дефиниционный анализ применен для уточнения значений заимствованных терминов и определения их функциональной роли в профессиональной коммуникации. Компонентный анализ использовался для изучения семантики и смысловой структуры сложных терминов, образованных из иноязычных элементов.

Результаты исследования

В результате исследования терминологических единиц сферы БТС в источниках интернет-дискурса были обнаружены примеры всех выделенных Д.С. Лотте способов заимствования. Остановимся подробнее на каждом из них.

1. Оригинальное (прямое, материальное) заимствование. Результатом данного процесса являются единицы иноязычного происхождения, транспонированные в язык-реципиент без значительных формальных или фонетических изменений, – оригинальные (прямые, материальные) заимствования; они делятся на буквальные и преобразуемые.

1.1. Под *буквальными оригинальными* заимствованиями понимают слова, перенесенные в принимающий язык в той форме, в которой они существовали в момент заимствования в языке-источнике; при этом допускаются незначительные фонетические изменения, обусловленные различиями в фонетических системах контактирующих языков.

К буквальным оригинальным заимствованиям (10% от общего количества иноязычных номинаций) относятся такие терминологические единицы, как *геофенсинг* ‘процесс определения географических зон на стройплощадке с использованием беспилотных технологий для точной геопривязки данных’ (англ. *geofencing* ‘геозонирование’), *девелопер* ‘строительная компания’ (англ. *developer* ‘застройщик, конструктор, разработчик’), *лидар* ‘лазерный эхолотатор’ (англ. *lidar* ‘определение дальности с помощью света’), *магнитометр* ‘устройство, измеряющее магнитное поле или магнитный дипольный момент’ [13] (англ. *magnetometer* ‘то же’), *мониторинг (строительных объектов)* ‘дистанционный диспетчерский контроль за состоянием строительных объектов и инфраструктур’ (англ. *monitoring* ‘наблюдение, контроль’), *фототранзистор* ‘преобразователь светового излучения в электрический сигнал’ (англ. *phototransistor* ‘то же’), *трекинг* ‘определение местоположения движущегося объекта (нескольких объектов) во времени с помощью камеры’ (англ. *tracking* ‘отслеживание, сопровождение, прокладка маршрута’), *филамент* ‘термопластичная полимерная нить, с помощью которой происходит печать трехмерных строительных объектов на промышленных принтерах’ (англ. *filament* ‘то же’) и др.

Проиллюстрируем несколько примеров буквальных оригинальных заимствований контекстами из строительного дискурса: **демпфер** ‘антивибрационная прокладка, обеспечивающая более гладкую картинку при съёмке, гасящая дрожание прикреплённой к БЛА камеры’ (нем. *Dämpfer* ‘амортизатор, гаситель колебаний’ [14]): *При этом демпфер допускает низкочастотное движение пластины вместе с движением корпуса беспилотника* [15]; **рендер** ‘процесс получения изображения по модели с помощью компьютерной программы’ и ‘полученное в результате данного процесса изображение’ (англ. *render* ‘то же’): *Можно сделать панораму местности и интегрировать туда рендер строящегося ЖК, что даст понимание, как проект будет выглядеть после завершения* [16].

В группу буквальных оригинальных заимствований входят также единицы, близкие по семантике и обозначающие многовинтовые беспилотные летательные аппараты (БЛА) – **мультиротор** (англ. *multirotor* ‘вертолёт с несколькими несущими винтами; мультикоптер’) и **квадрокоптер** (англ. *quadrocopter* ‘четырёхвинтовой вертолёт, квадрокоптер’) ‘летательный аппарат, построенный по вертолётной схеме, с четырьмя и более несущими винтами’; в профессиональном дискурсе данные номинации часто функционируют как синонимы. *Для каких случаев использования геодезии и картографии идеально подходят мультироторные квадрокоптеры? ...Мультироторы – это адаптируемое и экономичное решение для картографирования и моделирования участков площадью до 10 гектаров. Проекты в строительстве... могут значительно выиграть от скорости, глубины и точности аэрофотоснимков, которые могут быть собраны* [17] (см. также: [18]).

1.2. Преобразуемые оригинальные заимствования – это слова, получившие в процессе перехода из одной языковой системы в другую изменения различных морфем (корней, суффиксов и др.), обусловленные «осмыслением или так называемой аналогией» [10. С. 11].

К преобразуемым оригинальным заимствованиям (13% от общего количества проанализированных иноязычных заимствований) относятся терминыединицы **лазерное сканирование** (объектов строительства) ‘технология, которая использует лазерные излучатели для создания точной трехмерной 3D-модели строительного объекта или его окружения’ [19] (англ. *laser scanning* ‘то же’); **информационное моделирование** (строительства) ‘создание объемной 3D-модели, где каждый объект связан с информационной базой данных проекта’ [20] **автономная роботизированная система** ‘мобильный робот, способный выполнять задачи без человеческого вмешательства’ (англ. *autonomous robotic system* ‘то же’) и др.

В эту группу входят также следующие единицы: **референциальная станция** ‘опорная станция GPS, непрерывно подключенная через линии передачи данных к центру управления’ [13] (англ. *reference station* ‘то же’), **бинокулярный оптический сенсор** ‘устройство, состоящее из двух камер (датчиков), расположенных на определенном расстоянии друг от друга и имеющих разный угол обзора’ (англ. *Binocular Optical Sensors* ‘то же’); **дронпорт** ‘база взлетно-посадочных платформ,

имеющая комплекс специальной инфраструктуры, обеспечивающий базирование, взлет-посадку и маршрутизацию дронов в автоматическом режиме’ [21] (англ. *droneport* ‘то же’). Данные терминыединицы претерпели незначительные изменения (добавление суффиксов прилагательных *-н-*, *-еск-*, интерфикса *-о-*), адаптируясь к словообразовательной системе русского языка. Приведем примеры употребления преобразуемых оригинальных заимствований в профессиональном дискурсе (коммерческих каталогах, статьях на порталах новейших технологий). *Получение точных координат снимка происходит методом PPK (Post Processing Kinematic). Данные для обработки могут быть получены от сети референциальных станций или от базового приемника* [22]. *Для увеличения стабильности и безопасности полета, разработчики добавили бинокулярные оптические сенсоры и датчики ToF по шести сторонам беспилотника. Сферы применения DJI Matrice 300 RTK... строительство... проверка трубопроводов и скважин* [23]. *Для того чтобы в реальном времени контролировать ход строительства Международного медицинского кластера Сколково, мы используем не просто дроны как таковые, а целый автономный комплекс – дронпорт Hive* [24].

2. Заимствование терминологических элементов (заимствуемых или уже заимствованных) для создания новых терминологических единиц – следующий способ заимствования. Искусственно созданные термины – слова, составленные из элементов иноязычного происхождения, не существующих в качестве самостоятельных слов в языке, из которого происходит заимствование. В этом состоит их отличие от оригинальных заимствований-терминообозначений. Д.С. Лотте указывает на «творческий момент» в создании языковых единиц как фактор, не позволяющий причислить данные слова к категории прямых заимствований и приводит следующие примеры данных заимствований: **деформатор**, **декодатор** и **дешифратор** [10. С. 11].

К искусственно созданным терминыединицам (9% от общего количества иноязычных заимствований) в исследуемом дискурсе относятся **аэроинспекция** (англ. *air inspection* ‘то же’), **аэромониторинг** и др.

Слово **аэромониторинг** ‘наблюдение за процессом с воздуха посредством беспилотных авиационных систем’, создано при помощи морфемы греческого происхождения *аэр-* (др.-гр. *ἀέριος* ‘воздушный’) и англицизма **мониторинг** (англ. *monitoring* ‘наблюдение’). *Суть стартапа – аэромониторинг строительных площадок, когда дроны с высоты мониторят весь процесс строительства и передают данные в веб-сервис* [25]. Аналогично образована терминыединица **аэроинспекция** ‘диагностика (строительных) объектов с воздуха’, создана при помощи морфемы *аэр-* и галлицизма латинского происхождения **инспекция** (фр. *inspection* ‘осмотр’ < лат. *inspectio* ‘то же’). Как видим, морфема *аэро-* функционирует в русском языке в качестве префиксоида. Для сравнения приведем известные примеры: рус. слово **аэропорт** заимствовано из фр. *aéroport*, в котором оно было искусственно создано из гр. *ἀέρ-* и лат. *port(us)* ‘гавань, пристань’; рус. **аэрофлот** состоит из терминологического элемента греческого происхождения *аэр-* и заимствованного в XVII в. из фр. *flotte* или голл. *vloot* обозначения совокупности судов **флот**.

Искусственно создан также термин **тепловизор** ‘прибор для бесконтактного измерения температуры’ при помощи латинской корневой морфемы *vīsor* ‘смотрящий, обозревающий’ [26. С. 1085], ср.: *телевизор*, *3D-визор*. *Дрон можно использовать не только днем, но и ночью, используя тепловизор* [27]. По данным научной электронной библиотеки *elibrary*, термин **тепловизор** отмечен в научном дискурсе с 1970-х гг., термины *аэромониторинг* и *аэроинспекция* – с 2000-х гг.

3. Третий способ заимствования терминологии сферы БТС – семантическое заимствование, или калькирование. Кальки, или переводные заимствования, являются в языке-реципиенте результатом точного копирования структуры иностранного термина (композиита или словосочетания) и перевода его компонентов (морфем или слов) [28. С. 55]. Данный процесс продуктивен в исследуемой профессиональной сфере: он охватывает около 25% всех терминоединиц иноязычного происхождения.

В случае калькирования композиита терминологическая единица представляет собой словообразовательную кальку (например, *геозонирование* ‘технология, позволяющая задавать границы территории с целью выполнения определенных задач’ (англ. *geofencing* ‘то же’; *fencing* ‘ограждение’): компонент *geo-* является интернационализмом; вторая часть слова переведена как *зонирование*). Результат калькирования терминологического словосочетания называется фразеологической калькой [29. С. 126]. В терминологии БТС среди переводных заимствований подавляющее преимущество составляют фразеологические кальки. Данный тип терминоединиц иноязычного происхождения также подразделяется на буквальные и преобразуемые (трансформируемые) переводные заимствования.

3.1. К буквальным переводным заимствованиям, полностью сохраняющим структуру иностранного эквивалента, относятся терминоединицы *цифровое пространство* ‘виртуальная среда, создаваемая с использованием цифровых технологий, предназначенная для хранения, обработки и передачи информации’ (англ. *digital space* ‘то же’), *умное здание / умный дом* ‘здание, оснащенное системой управления, автоматически регулирующей энергопотребление, безопасность, освещение и другие параметры с целью повышения комфорта и эффективности’ (англ. *intellectual building* ‘то же’). При калькировании данных терминов, а также термина *цифровой двойник* ‘цифровая копия физического объекта или процесса, помогающая оптимизировать эффективность строительства’ [30] (англ. *digital twin* ‘то же’) использовался буквальный перевод составляющих их лексем. Для создания *цифровых двойников* и *информационного моделирования зданий сегодня можно использовать наземные и воздушные методы съемки/сканирования* [31].

3.2. К трансформируемым переводным заимствованиям, согласно Д.С. Лотте [10. С. 13], относятся термины, при калькировании которых происходят определенные перестановки или изменения типа конструкции: например, у терминоединицы **кинематика в реальном времени** ‘технология коррекции данных о местоположении в реальном времени’ (англ. *real-time*

kinematic ‘то же’) происходит трансформация прилагательного (адьюнкта) *real-time* в словосочетание *в реальном времени* и изменение порядка слов. *Чтобы создать готовые конструкции и инфраструктуру, которые выдержат испытание временем, строительному персоналу при создании цифровых карт рабочих участков необходима точность до сантиметра. Такого качества съемки специалистам помогут достичь модули кинематики в реальном времени (RTK)* [32]. Трансформируемыми переводными заимствованиями также являются терминоединицы *информационное моделирование зданий* ‘способ проектирования, строительства и управления сооружениями с помощью специализированного программного обеспечения’ (англ. *building information modeling [BIM]* ‘то же’), *модуль полезной нагрузки* ‘отсек с оборудованием, которое летательный аппарат несет на себе для выполнения разных задач’ (англ. *payload module* ‘то же’), *система управления базами данных* ‘программное обеспечение для создания, управления и обеспечения доступа к базам данных’ (англ. *database management system* ‘то же’), *беспилотный летательный аппарат* (англ. *unmanned aerial vehicle* ‘то же’) и пр. В данных случаях также прослеживается изменение порядка слов либо замена дословного перевода синонимичными единицами (в последнем примере компонент *aerial* ‘воздушный’ трансформируется в *летательный*, а *vehicle* ‘транспортное средство’ – в *аппарат*).

4. Отдельно следует выделить **смешанный способ заимствования**, когда одновременно используется комплекс способов заимствования (41% от общего количества терминоединиц иноязычного происхождения). Результатом данного способа являются *смешанные заимствования*, или «термины-гибриды», состоящие из оригинальных и переводных заимствований [10. С. 14]. Например, термин **времяпролетная камера** ‘устройство для измерения расстояния на основе времени пролета’ (англ. *Time-of-Flight camera* ‘то же’; *time of flight* ‘время пролета’) состоит соответственно из переводного и оригинального заимствований: *Времяпролетная камера позволяет быстро и эффективно измерять расстояние до объекта* [33].

Терминологическая коллокация **тепловые сигнатуры** ‘уникальный тепловой рисунок или отпечаток, излучаемый объектом, поверхностью или организмом из-за разницы в его температуре по сравнению с окружающей средой’ (англ. *heat signature* ‘то же’) также представляет собой термин иноязычного происхождения, появившийся в результате калькирования слова *heat* в *тепловые* и буквального прямого заимствования слова *сигнатуры* от *signature*. *Использование тепловизионных камер высокого разрешения дает возможность операторам просматривать и обнаруживать участки с тепловыми сигнатурами из-за неисправной изоляции, невидимые невооруженным глазом* [34].

К типу смешанных заимствований относятся также неоднословные термины *искусственная нейронная сеть* ‘математическая модель, вдохновленная структурой и функционированием биологических нейронных сетей, используемая для обработки информации и ре-

шения задач, таких как классификация и прогнозирование' (англ. *artificial neural network* 'то же'), *машинное обучение* 'направление искусственного интеллекта, связанное с разработкой алгоритмов, позволяющих компьютерным системам обучаться и принимать решения без прямого программирования' (англ. *machine learning* 'то же'). В их состав входят переводные заимствования (калькированные элементы) *искусственная, сеть, обучение*, а также оригинальные трансформированные заимствования *нейронная, машинное*.

Термин-гибрид *цифровизация* 'процесс превращения аналоговых данных и рабочих процессов в цифровой формат' появился в результате частичного калькирования англ. *digitalization*: основа *digital-* переведена основой русского слова *цифров(ой)*; при этом суффикс *-изаци-* остался непереуведенным. В Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации хотят синхронизировать практику применения беспилотников с *цифровизацией* строительной отрасли [35].

К заимствованиям смешанного типа мы относим случаи заимствования терминологических сочетаний, в состав которых входят иноязычные вкрапления (слова, оформленные в графике языка-источника) наряду с заимствованиями вышеназванных типов (27% от общего количества отобранных терминологических единиц), которые отдельно не выделяются в работах Д.С. Лотте. На наш взгляд, иноязычные вкрапления, функционирующие в русской речи, относятся к графически не освоенной лексике иноязычного происхождения в языке-реципиенте. Иноязычные вкрапления относятся к лексическим заимствованиям, находящимся на первом этапе освоения иноязычных терминологических единиц [36]. Аналогичного мнения придерживается Л.П. Крысин, который определяет иноязычные вкрапления как «незамкнутые группы слов, употребление которых обусловлено степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи» [37. С. 47].

Для заимствований смешанного типа характерна высокая степень вариативности комбинаций вышеупомянутых способов. Примером тому служат термины *FPV-камера / FPV камера* 'видеокамера, используемая для съемки с дрона и передающая изображение на экран монитора' (англ. *FPV camera* 'то же', *first person view* 'вид от первого лица') и *датчик ToF / ToF датчик* 'устройство для измерения расстояния на основе времени пролета (времени прохождения светового сигнала от источника до объекта и обратно)' < англ. *ToF sensor / Time-of-Flight sensor* 'то же', *time of flight* 'время полета; время пролета'. В данных номинациях использованы иноязычные вкрапления (*FPV*, *ToF*), а также буквальное оригинальное заимствование (*камера*) и калькированный компонент (*датчик* < *sensor*). Также в работе установлена *FPV камера*, которая позволяет управлять роботом дистанционно и камера для машинного зрения, обеспечивающая распознавание объектов и дальнейшим выводом их на монитор [38]. Для увеличения уровня безопасности и стабильности летательного аппарата бинокулярные оптические

сенсоры и датчики *ToF* расположены по шести сторонам дрона [22].

Терминологическая единица *фотореалистичная модель* (здания, объекта) '3D модель, созданная с использованием компьютерной графики, которая стремится к максимально реалистичному внешнему виду, пытаясь воссоздать детали, освещение и тени, которые могли бы быть в реальном мире' (англ. *photorealistic model* 'то же'), демонстрирует сочетание способов оригинального буквального (*модель*) и трансформированного (*фотореалистичная*) заимствования. При этом происходит значительное сужение сферы употребления выражения: в то время как в английском языке данное сочетание употребляется при описании всех видов дизайна настолько часто, что возникает сомнение в его принадлежности к категории терминов, однако в русскоязычной исследуемой сфере данное словосочетание полностью соответствует определению термина. *Фотореалистичные модели*, создаваемые по факту завершения строительства того или иного объекта, дают представление о геометрических, пространственных характеристиках зданий [39].

Заключение

Таким образом, в сфере «Беспилотные технологии в строительстве» функционирует значительное количество терминологических единиц иноязычного происхождения – в ходе исследования проанализированы тексты профессионального интернет-дискурса последних лет (научных статей, тематических сайтов и форумов), данные словарей разного типа (терминологических, иностранных слов, многоязычных) и выявлено 112 таких единиц, 24 из которых не зафиксированы в терминологических словарях и Национальном корпусе русского языка. В результате анализа можно сделать вывод о том, что в русской терминологии области беспилотных технологий, применяемых в строительстве, присутствуют иноязычные языковые единицы, которые заимствованы различными способами: оригинальным (прямым) заимствованием – буквальным и с применением трансформаций (около 23% от общего количества терминологических единиц иноязычного происхождения), с использованием иноязычных морфем/терминоэлементов для создания новых терминов (около 9%) и калькированием (примерно 25%). При этом почти половина рассмотренных терминов заимствована с применением комбинации из двух и более названных способов. Все это свидетельствует о влиянии интернациональной терминологии и терминологии иностранных языков на развитие русского языка для специальных целей в сфере БТС.

В результате исследования выявлено, что абсолютное большинство терминологических единиц заимствовано из английского языка либо появилось под его влиянием (из всего отобранного материала лишь один термин заимствован из немецкого языка). Из этого делается вывод о том, что влияние английского языка в области БТС является доминирующим.

Полученные результаты могут быть полезны для филологов, специалистов в области строительства и беспилотных технологий, преподавателей русского и

иностранных языков в специализированных учреждениях и всех, кто интересуется развитием и использованием новейших (и в том числе беспилотных) технологий.

Предполагается, что дальнейшие исследования могут сфокусироваться на анализе влияния иноязычной терминологии на развитие русского языка в данной области.

Список источников

1. Щитова О.Г. Лексикографические источники изучения функциональной эквивалентности иноязычных новаций в русском языке начала XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 355. С. 27–30.
2. Мацкевич Н.А., Щитова О.Г. Ксеногенность в русской архитектурно-дизайнерской терминологии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 43–51.
3. Трофимова Н.А., Щитова О.Г. Иноязычные обозначения новейших строительных технологий в русском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. Вып. 2 (208). С. 49–54.
4. The Rise of Drones in Construction. URL: <https://www.droneDeploy.com/blog/rise-drones-construction> (дата обращения: 28.11.2024).
5. Drone Programs in Construction Update: Who's Doing What? URL: <https://www.commercialuavnews.com/construction/drone-programs-in-construction-update-who-s-doing-what> (дата обращения: 28.11.2024).
6. Гринев-Гриневич С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А. Еще раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 3. С. 710–729.
7. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
8. Шелов С.Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения. М.: ПринтПро, 2018. 472 с.
9. Спиридонов А.А., Фадеев А.М. Стратегические приоритеты применения беспилотных технологий при реализации энергетических проектов в Арктике // Стратегирование: теория и практика. 2023. Т. 3, № 3. С. 322–335.
10. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. 147 с.
11. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. Екатеринбург: Урал. ун-та, 2012. 818 с.
12. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов: Справочное пособие для студентов и аспирантов. 6-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2016. 610 с.
13. Словарь терминов БВС. URL: <https://aeromotus.ru/glossary/> (дата обращения: 28.11.2024).
14. Байков В.Д., Иобст Бёме. Новый немецко-русский, русско-немецкий словарь: 40 000 слов и словосочетаний. М.: Эксмо, 2011. 800 с.
15. Как устроены подвесы со стабилизацией на квадрокоптерах DJI? URL: <https://dji-blog.ru/novichkam/kak-ustroyeny-podvesy-so-stabilizatsiej-na-kvadrokopterah-dji.html> (дата обращения: 28.11.2024).
16. Эксперты объяснили, зачем нужны дроны на стройплощадках. URL: <https://rg.ru/2023/04/01/eksperty-obiasnili-zachem-nuzhny-drony-na-strojploshchadkah.html> (дата обращения: 28.11.2024).
17. Крыло или квадрокоптер. URL: <https://coptermarket.by/fixed-wing-ili-multirotor-kakoy-dron-vybrat> (дата обращения: 28.11.2024).
18. Щитова О.Г., Щитов А.Г. Терминологическая иноязычность происхождения в русском строительном дискурсе: функциональный аспект // Язык и культура: сб. ст. XXXIII Междуна. науч. конф. (16–17 ноября 2023 г.). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2024. С. 114–119.
19. Лазерное сканирование зданий и сооружений. URL: <https://geotop.msk.ru/lasernoe-skanirovanie.html> (дата обращения: 31.01.2025).
20. Информационное моделирование зданий и сооружений. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/BIM_-_Информационное_моделирование_зданий_и_сооружений (дата обращения: 31.01.2025).
21. Дроны и дирижабли. URL: <http://droneport.ru/about> (дата обращения: 28.11.2024).
22. Геодезическая модернизация Geobox For. URL: <https://geospb.ru/geodezicheskie-bpla/3936-modernizaciya-drone-autel-gnss-ppk-upgrade.html> (дата обращения: 28.11.2024).
23. RTK квадрокоптеры и их применение. URL: <https://aeromotus.ru/rtk-kvadrokopty-i-ih-primeneniye/> (дата обращения: 28.11.2024).
24. Нам дроны строить и жить помогают. URL: <https://rspectr.com/articles/nam-drony-stroit-i-zhit-pomogayut> (дата обращения: 28.11.2024).
25. Российские идеи покоряют Силиконовую долину. URL: <https://iz.ru/news/635674> (дата обращения: 28.11.2024).
26. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь: около 50 000 слов. 2-е изд. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
27. БПЛА для задач строительства. URL: <https://rusdrone.ru/otrasli/stroitelstvo> (дата обращения: 28.11.2024).
28. Трофимова Н.А., Щитова О.Г. Новейшие заимствования в русской строительной терминологии XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 50–61. doi: 10.17223/15617793/470/6
29. Маринова Е.В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2014. 240 с.
30. Глоссарий Gartner по информационным технологиям. URL: <https://iz.ru/news/635674> (дата обращения: 28.11.2024).
31. Применение дронов в BIM-проектировании и создании цифровых двойников. URL: <https://enterprise.4vision.ru/otrasli/stroitelstvo/primenenie-dronov-v-bim-proektirovani-i-sozdaniy-cifrovyyh-dvoynikov/> (дата обращения: 28.11.2024).
32. Применение беспилотников в строительстве: современный подход. URL: <https://dji-blog.ru/naznachenie/construction/primenenie-besplotnikov-v-stroitelstve-sovremennyy-podhod.html> (дата обращения: 28.11.2024).
33. Времяпролетные камеры: 2D- и 3D-изображения за один кадр. URL: <http://seceuteck.ru/articles2/videonabl/vremyaproletnye-kamery-2d-i-3d-izobrazheniya-za-odin-kadr> (дата обращения: 31.01.2025).
34. Кудасова А.С., Тютина А.Д., Сокольников Э.В. Применение беспилотных летательных аппаратов в строительстве // Инженерный вестник Дона. 2021. № 8 (80). С. 31–38.
35. Беспилотники в строительстве: инструкция к применению. URL: <https://dzen.ru/a/ZCaF9BvP7UBQSm64> (дата обращения: 28.11.2024).
36. Банщиков Д.С., Щитова О.Г. Иноязычная градостроительная терминология в русском профессиональном дискурсе XXI века // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 5–28. doi: 10.17223/19986645/89/1
37. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.
38. HEXAROD, или робот-паук, как способ автоматизации строительных работ. URL: <https://3dtoday.ru/blogs/vasykosovkot11-at-mailru/hexarod-ili-robot-pauk-kak-sposob-avtomatizacii-stroitelnyx-rabot> (дата обращения: 28.11.2024).
39. БПЛА для строительства. URL: <https://www.geoscan.ru/ru/application/construction> (дата обращения: 28.11.2024).

References

1. Shchitova, O.G. (2012) Leksikograficheskiye istochniki izucheniya funktsional'noy ekvivalentnosti inoyazychnykh novatsiy v russkom yazyke nachala XXI v. [Lexicographic Sources for Studying the Functional Equivalence of Foreign Language Innovations in the Russian Language of the Early 21st Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Tomsk State University Journal*. 355. pp. 27–30.
2. Matskevich, N.A. & Shchitova, O.G. (2023) Ksenogenost' v russkoy arkhitekturno-dizaynerskoy terminologii [Xenogeneity in Russian Architectural and Design Terminology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4 (228). pp. 43–51.

3. Trofimova, N.A. & Shchitova, O.G. (2020) Inoyazychnyye oboznacheniya noveyshikh stroitel'nykh tekhnologiy v russkom yazyke [Foreign Language Designations of the Latest Construction Technologies in the Russian Language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (208). pp. 49–54.
4. Dronedeploy. (2024) *The Rise of Drones in Construction*. [Online] Available from: <https://www.dronedeploy.com/blog/rise-drones-construction> (Accessed: 28.11.2024).
5. Commercialuavnews.com (2024) *Drone Programs in Construction Update: Who's Doing What?* [Online] Available from: <https://www.commercialuavnews.com/construction/drone-programs-in-construction-update-who-s-doing-what> (Accessed: 28.11.2024).
6. Grinev-Grinevich, S.V., Sorokina, E.A. & Molchanova, M.A. (2022) Yeshche raz k voprosu ob opredelenii termina [Once Again on the Definition of a Term]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 13 (3). pp. 710–729.
7. Leychik, V.M. (2009) *Terminovedeniye: Predmet, metody, struktura*. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
8. Shelov, S.D. (2018) *Ocherk teorii terminologii: sostav, ponyatiynaya organizatsiya, prakticheskiye prilozheniya* [An Outline of the Theory of Terminology: Composition, Conceptual Organization, Practical Applications]. Moscow: PrintPro.
9. Spiridonov, A.A. & Fadeyev, A.M. (2023) Strategicheskiye priority primeneniya bespilotnykh tekhnologiy pri realizatsii energeticheskikh proyektov v Arktike [Strategic Priorities for the Application of Unmanned Technologies in the Implementation of Energy Projects in the Arctic]. *Strategirovaniye: teoriya i praktika*. 3 (3). pp. 322–335.
10. Lotte, D.S. (1982) *Voprosy zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnykh terminov i terminoelementov* [Issues of Borrowing and Systematizing Foreign Language Terms and Term Elements]. Moscow: Nauka.
11. Komarova, Z.I. (2012) *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike: ucheb. posobiye* [Methodology, Method, Techniques and Technology of Scientific Research in Linguistics: Textbook]. Yekaterinburg: Ural University.
12. Zhrebilo, T.V. (2016) *Slovar' lingvisticheskikh terminov: Spravochnoye posobiye dlya studentov i aspirantov* [Dictionary of Linguistic Terms: A Reference Guide for Students and Postgraduates]. 6th ed. Nazran': Piligrim.
13. Aeromotus.ru. (2024) *Slovar' terminov BVS* [UAV Terminology Dictionary]. [Online] Available from: <https://aeromotus.ru/glossary/> (Accessed: 28.11.2024).
14. Baykov, V.D. & Iobst Böhme. (2011) *Novyy nemetsko-russkiy, russko-nemetskiy slovar': 40 000 slov i slovosochetaniy* [New German-Russian, Russian-German Dictionary: 40,000 Words and Phrases]. Moscow: Eksmo.
15. Dji-blog.ru. (2024) *Kak ustroeny podvesy so stabilizatsiyey na kvadrokopterah DJI?* [How are stabilized gimbals on DJI quadcopters arranged?]. [Online] Available from: <https://dji-blog.ru/novichkam/kak-ustroeny-podvesy-so-stabilizatsiej-na-kvadrokopterah-dji.html> (Accessed: 28.11.2024).
16. Rg.ru. (2023) *Ekspertry ob "yasnili, zachem nuzhny drony na stroyploshchadkakh* [Experts explained why drones are needed at construction sites]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2023/04/01/ekspertry-obiasnili-zachem-nuzhny-drony-na-stroyploshchadkah.html> (Accessed: 28.11.2024).
17. Coptermarket.by. (2024) *Krylo ili kvadrokopter* [Fixed-Wing or Multirotor]. [Online] Available from: <https://coptermarket.by/fixed-wing-ili-multirotor-kakoy-dron-vybrat> (Accessed: 28.11.2024).
18. Shchitova, O.G. & Shchitov, A.G. (2024) [Terminological Vocabulary of Foreign Origin in Russian Construction Discourse: A Functional Aspect]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Proceedings of the XXXIII International Conference (November 16–17, 2023)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 114–119. (In Russian).
19. Geotop.msk.ru. (2025) *Lazernoye skanirovaniye zdaniy i sooruzheniy* [Laser Scanning of Buildings and Structures]. [Online] Available from: <https://geotop.msk.ru/lasernoe-skanirovanie.html> (Accessed: 31.01.2025).
20. Tadviser.ru. (2025) *Informatsionnoye modelirovaniye zdaniy i sooruzheniy* [Building Information Modeling (BIM)]. [Online] Available from: <https://www.tadviser.ru/index.php/BIM> (Accessed: 31.01.2025).
21. Droneport.ru. (2024) *Drony i diri* [Drones and Airships]. [Online] Available from: <http://droneport.ru/about> (Accessed: 28.11.2024).
22. Geospb.ru. (2024) *Geodezicheskaya modernizatsiya Geobox Fora* [Geodetic Modernization Geobox Fora]. [Online] Available from: <https://geospb.ru/geodezicheskie-bpla/3936-modernizatsiya-drone-autel-gnss-ppk-upgrade.html> (Accessed: 28.11.2024).
23. Aeromotus.ru. (2024) *RTK kvadrokoptery i ikh primeneniye* [RTK Quadcopters and Their Application]. [Online] Available from: <https://aeromotus.ru/rtk-kvadrokoptery-i-ikh-primeneniye/> (Accessed: 28.11.2024).
24. Rspectr.com. (2024) *Nam drony stroit' i zhit' pomogayut* [Drones Help Us Build and Live]. [Online] Available from: <https://rspectr.com/articles/nam-drony-stroit-i-zhit-pomogayut> (Accessed: 28.11.2024).
25. Iz.ru. (2024) *Rossiyskiye idei pokoryayut Silikonovuyu dolinu* [Russian Ideas Conquer Silicon Valley]. [Online] Available from: <https://iz.ru/news/635674> (Accessed: 28.11.2024).
26. Dvoretzkiy, I.Kh. (1976) *Latinsko-russkiy slovar': okolo 50 000 slov* [Latin-Russian Dictionary: About 50,000 Words]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
27. Rusdrone.ru. (2024) *BPLA dlya zadach stroitel'stva* [UAVs for Construction Tasks]. [Online] Available from: <https://rusdrone.ru/otrasli/stroitelstvo> (Accessed: 28.11.2024).
28. Trofimova, N.A. & Shchitova, O.G. (2021) Latest Borrowings in Russian Construction Terminology of the 21st Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 470. pp. 50–61. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/470/6
29. Marinova, E.V. (2014) *Teoriya zaimstvovaniya v osnovnykh ponyatiyakh i terminakh: slovar'-spravochnik* [The Theory of Borrowing in Basic Concepts and Terms: A Dictionary-Handbook]. 2nd ed. Moscow: Flinta.
30. Gartner.com. (2024) *Glossariy Gartner po informatsionnym tekhnologiyam* [Gartner Information Technology Glossary]. [Online] Available from: <https://www.gartner.com/en/information-technology/glossary> (Accessed: 28.11.2024).
31. Enterprise.4vision.ru. (2024) *Primeneniye dronov v BIM-proektirovanii i sozdanii tsifrovyykh dvoynikov* [Application of Drones in BIM Design and Creation of Digital Twins]. [Online] Available from: <https://enterprise.4vision.ru/otrasli/stroitelstvo/primenenie-dronov-v-bim-proektirovanii-i-sozdanii-tsifrovyyh-dvoynikov/> (Accessed: 28.11.2024).
32. Dji-blog.ru. (2024) *Primeneniye bespilotnikov v stroitel'stve: sovremennyy podkhod* [Application of Unmanned Aerial Vehicles in Construction: A Modern Approach]. [Online] Available from: <https://dji-blog.ru/naznachenie/construction/primenenie-bespilotnikov-v-stroitelstve-sovremennyy-podhod.html> (Accessed: 28.11.2024).
33. Secuteck.ru. (2025) *Vremyaproletnyye kamery: 2D- i 3D-izobrazheniya za odin kadr* [Time-of-Flight Cameras: 2D and 3D Images in a Single Frame]. [Online] Available from: <http://secuteck.ru/articles2/videoonab/vremyaproletnye-kamery-2d-i-3d-izobrazheniya-za-odin-kadr> (Accessed: 31.01.2025).
34. Kudasova, A.S., Tyutina, A.D. & Sokolnickova, E.V. (2021) *Primeneniye bespilotnykh letatel'nykh apparatov v stroitel'stve* [Application of Unmanned Aerial Vehicles in Construction]. *Inzhenernyy vestnik Dona*. 8 (80). pp. 31–38.
35. Dzen.ru. (2024) *Bespilotniki v stroyke: instruktsiya k primeneniyu* [Drones in Construction: An Instruction Manual]. [Online] Available from: <https://dzen.ru/a/ZCaF9BvP7UBQSm64> (Accessed: 28.11.2024).
36. Banshchikov, D.S. & Shchitova, O.G. (2024) Foreign Urban Planning Terminology in Russian Professional Discourse of the 21st Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 89. pp. 5–28. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/89/1
37. Krysin, L.P. (1968) *Inoyazychnyye slova v sovremennom russkom yazyke* [Foreign Words in the Modern Russian Language]. Moscow: Nauka.

38. 3dtoday.ru. (2024) *HEXAPOD, ili robot-pauk, kak sposob avtomatizatsii stroitel'nykh rabot* [HEXAPOD, or a Spider Robot, as a Method of Automating Construction Work]. [Online] Available from: <https://3dtoday.ru/blogs/vasykovskot11-at-mail-ru/hexapod-ili-robot-pauk-kak-sposob-avtomatizatsii-stroitelnyx-rabot> (Accessed: 28.11.2024).
39. Geoscan.ru. (2024) *BPLA dlya stroitel'stva* [UAVs for Construction]. [Online] Available from: <https://www.geoscan.ru/ru/application/construction> (Accessed: 28.11.2024).

Информация об авторах:

Гаврилин П.О. – аспирант отделения русского языка Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия); ассистент кафедры иностранных языков Томского государственного архитектурно-строительного университета (Томск, Россия). E-mail: gavrilin.p.o@yandex.ru

Щитова О.Г. – д-р филол. наук, профессор отделения русского языка Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: shchitova2010@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

P.O. Gavrilin, postgraduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); teaching assistant, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gavrilin.p.o@yandex.ru.

O.G. Shchitova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shchitova2010@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.02.2025;
одобрена после рецензирования 06.04.2025; принята к публикации 30.06.2025.*

*The article was submitted 08.02.2025;
approved after reviewing 06.04.2025; accepted for publication 30.06.2025.*

Научная статья
УДК 81-114.2
doi: 10.17223/15617793/515/2

Категория интенсивности и ее реализация в устном экспозиторном диалоге на русском языке

Мария Ивановна Киосе^{1, 2}, Ольга Николаевна Прокофьева³, Евгения Евгеньевна Смирнова⁴

^{1, 3, 4} Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

² Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия

^{1, 2} maria_kiose@mail.ru

³ olviaprok@gmail.com

⁴ eva.buddaeva@gmail.com

Аннотация. Устанавливаются особенности функционирования интенсивности в устном экспозиторном диалоге на русском языке. Интенсивность рассматривается как когнитивная категория, содержание которой представлено в эпистемологическом, онтологическом и семиотическом измерениях. Результаты позволили противопоставить предметные и непроцессуальные объекты интенсификации, с одной стороны, и процессуальные объекты, с другой стороны, демонстрирующие разные возможности в реализации степени интенсификации.

Ключевые слова: интенсивность, когнитивная категория, степень интенсификации, основание интенсификации, объект интенсификации, устная речь, спонтанный диалог, экспозитив

Источник финансирования: исследование подготовлено в рамках реализации проекта РНФ № 24-18-00587 «Роль рекуррентных жестов в разных языках: социокогнитивные основы полимодального позиционирования», реализуемого в Московском государственном лингвистическом университете.

Для цитирования: Киосе М.И., Прокофьева О.Н., Смирнова Е.Е. Категория интенсивности и ее реализация в устном экспозиторном диалоге на русском языке // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 14–24. doi: 10.17223/15617793/515/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/2

The category of intensity and its manifestation in Russian spoken expository dialogue

Maria I. Kiose^{1, 2}, Olga N. Prokofieva³, Evgenia E. Smirnova⁴

^{1, 3, 4} Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

² Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

^{1, 2} maria_kiose@mail.ru

³ olviaprok@gmail.com

⁴ eva.buddaeva@gmail.com

Abstract. The present article focuses on the structure and functioning of the category of intensity in Russian expository dialogues as well as a new three-dimensional approach to its study as a modus category in cognitive linguistics. The research data comprise about three hours of video recordings of 20 participants as the speakers dwell upon a series of questions on the topic of AI in a specifically designed experiment setting. The collected speech was automatically recognised, transcribed, assigned to speakers, and segmented by the automated speech-to-text (transcription) tool Whisper integrated into ELAN. The upcoming analysis was conducted on the verbal markers of intensity singled out within it. Mainly expository (explanatory) by its nature, including multiple cases of authentic turn taking, explicit evaluation and personal opinion manifestation, the data set proved to be rich in the samples of interest and provided 1072 cases of intensity. We regarded intensity as a cognitive category that could be described within three dimensions, epistemological, ontological and semiotic. The dimensions served as three vectors for more detailed qualitative and quantitative (including Wilcoxon and Student's tests) analyses of intensity cases. Each dimension possessed a unique set of classification features. Among the epistemological features, we opted for the basic degree of intensity (high, medium, and low) and conceptual representation of intensity describing the cohesion between the meaning of quantity and quality, where even if the former stayed the main meaning of the verbal marker, it was tightly linked with the latter. The spontaneous dialogues under analysis demonstrated the prevalence of high-intensity cases (64%), while quantity and quality proved to be merged in 40% of cases, most of which adhered to low or middle degree of intensity. Meanwhile, the ontological dimension of intensity explored the type of the object modified by intensity as well as the degree of intensity. The predominant objects were non-procedural (commonly manifesting unstable qualities) and substantive ones, 40% and 32% respectively, both mainly used with intensifiers of high degree, whereas procedural objects (commonly manifesting actions) were less frequent in the data and were often employed with intensifiers of

high and low degree. Thus, the research resulted in the juxtaposition of substantive and non-procedural features of situation components, on the one hand, and procedural features, on the other hand, in terms of their intensity potential. As for the semiotic dimension, we differentiated between the cases, where intensity was verbalised as a single significant meaning, and where it appeared in context only. Whereas the former would be a more typical case, the relative abundance of the latter (38%) illustrated the speakers' expressivity and creativity in spontaneous expository dialogues. Overall, the results helped identify the epistemological, ontological and semiotic potential of the category of intensity expressed in the specificity of its qualitative and quantitative relations as well as its relevance to different situation components.

Keywords: intensity, cognitive category, intensity degree, conceptual representation of intensity, object of intensification, spoken discourse, spontaneous dialogue, expository discourse

Financial support: The study was prepared within the framework of the Russian Science Foundation project No. 24-18-00587 "The role of recurrent gestures in different languages: sociocognitive foundations of polymodal positioning", implemented at Moscow State Linguistic University.

For citation: Kiose, M.I., Prokofieva, O.N. & Smirnova, E.E. (2025) The category of intensity and its manifestation in Russian spoken expository dialogue. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 14–24. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/2

Введение

В настоящей работе рассматриваются особенности реализации категории интенсивности в устном экспозитивном (пояснительном) диалоге в спонтанной коммуникации носителей русского языка. В самом общем виде интенсивность выступает «количественной мерой оценки качества, мерой экспликативности, показателем содержания коммуникации» [1. С. 7], «усиливающей оценочность высказываний» [2], т.е. она демонстрирует тесную связь с другими категориями – оценкой (оценочностью) и градуальностью [3]. Как языковая категория интенсивность изучалась в контексте ее оценочных значений. Так, в работе Р. Мразека [4] классифицированы средства реализации и некоторые значения категории, например значение характера действия (ср. «оттенок интенсивного, внезапного наступления действия», «своевольно, беспрестанно осуществляемое действие», «экспрессивность в смысле длительности действия»). Последующие отечественные исследования в большей степени были сосредоточены на функциях языковых средств интенсивности, как коммуникативов и как дискурсивных слов [5], а также на критериях их разграничения [6, 7]. Как коммуникативы такие слова и выражения обычно толкуются через указание на тип речевого акта и характер эмоции; как дискурсивные слова – в качестве демонстрирующих указательных, выделительных, усилительных, анафорических и иных функций [5]. Таким образом, особенности интенсификации в принципе могут определяться с опорой на лексическое, дискурсивное и коммуникативное значение слов и выражений. Однако методы, используемые для разграничения дискурсивных и коммуникативных значений слов, не всегда применимы для анализа спонтанной речи, также они не позволяют установить степень интенсификации.

Хотя для разграничения коммуникативных значений дискурсивных слов часто используется просодический критерий [6], в частности при разграничении акцентированных и неакцентированных употреблений слов [7]; например, применительно к разграничению *вот* (оно не является интенсификатором, но, как и интенсификатор, может демонстрировать описанные

особенности употребления) в функции дискурсивного и указательного слова этот способ не будет результативным для определения высокой и низкой степени интенсивности в оценке объектов, потому что и в значении высокой, и в значении низкой степени интенсивности слова могут быть акцентными. Также степень интенсификации может варьироваться в зависимости от того, что является объектом интенсифицирующей оценки [8], а таких объектов в рамках конструируемой ситуации может быть несколько. Это объясняет случаи, когда одно и то же слово, соотносясь с разными объектами в составе ситуации коммуникации, будет представлять оценку этих объектов с разной степенью интенсивности. Высказанное наблюдение согласуется с положениями работ, в которых разграничиваются интенсивность в реализации языковой и когнитивной семантики [2], где второй случай описывает проявления интенсивности в конструировании ситуации коммуникации.

Методологическое решение проблемы анализа интенсивности в спонтанной коммуникации мы усматриваем в исследовании интенсивности как когнитивной категории [9], способной проявляться в трех измерениях: эпистемологическом, онтологическом и семиотическом [10]; соответственно, особенности реализации данной категории могут быть обнаружены в каждом из этих измерений. Так, эпистемологическое (собственно когнитивное) измерение категории описывает концептуальные характеристики объектов интенсификации (интенсифицирующей оценки), а именно степень и основание интенсификации; онтологическое измерение определяет референтные характеристики категории, описываемые типами объектов интенсификации, по отношению к которым она реализуется; семиотическое (лингвистическое) измерение устанавливает типы интенсифицирующих значений в средствах реализации категории. На настоящий момент состав и особенности проявления интенсивности в составе этих трех измерений не были изучены, при этом с применением описанного подхода были подвергнуты анализу многие другие языковые явления в когнитивных позициях, например, отглагольное наименование [11], окказиональная метафоризация [12], многозначность (полисемия) [13], фразеологизация [14], не прямое наименование [15] и др. Предположительно, с привлечением

когнитивных методов анализа категорий [9, 10–12] возможности исследования категориальных значений, в том числе и в отношении категории интенсивности [2, 16–18], могут быть значительно расширены. Важно отметить, что анализ особенностей реализации категории интенсивности в трех измерениях позволяет установить не только значения категории и средства ее реализации в языке, но и особенности конструирования ситуации, компоненты которой подвергаются интенсификации, что обусловлено модусным статусом данной категории. Модусные категории, как пишет Н.Н. Болдырев, «не существуют отдельно от концептуальных областей их определения, представляя вместе с ними единый формат знания» [19. С. 138]; это дополнительно обосновывает необходимость привлечения анализа эпистемологического и онтологического измерений интенсивности.

Особый интерес в этом смысле представляет изучение спонтанной коммуникации, так как в ней проявляется варьирование в конструировании ситуации и, соответственно, варьирование в категориальном проявлении интенсивности. В настоящей работе предпринимается попытка применить разработанную методику анализа категории в трех ее измерениях к анализу записи спонтанных диалогов экспозиторного (пояснительного) характера, в которых обнаружены множественные случаи реализации интенсивности. Предположительно, такой подход укажет на особенности реализации интенсивности, позволяющие описать ее потенциал в эпистемологическом, онтологическом и семиотическом измерениях, а также установить ее специфические характеристики в устной спонтанной коммуникации экспозиторного типа с учетом ее коммуникативной и дискурсивной природы.

Методология исследования

При разработке методологии исследования мы опираемся на работы, посвященные структуре и функционированию когнитивных категорий в языке и модусных категорий в частности. Категории вслед за Н.Н. Болдыревым в данной работе определяются как «классы языковых объектов с общими концептуальными характеристиками, которые приобретают характер особых форматов знания, выполняющих специфическую роль в организации и оперативном использовании знаний о мире, о языке как части мира, о способах их обработки и интерпретации человеком» [20. С. 8]. Реализация интенсивности (иначе – интенсифицирующей оценки) как модусной категории связана с проявлением количественного признака в отношении некоторого качества. В отличие от грамматической категории, она не имеет прототипической структуры, а в отличие от лексической – лишена отношений семейного сходства. Как указано в [20. С. 7], «структурная специфика модусной категории зависит от структуры самой функции, ее дискретизации», в нашем случае структура категории определяется существованием ее категориальных значений, описывающих объект интенсификации, основание интенсификации (по аналогии со

структурой категории оценки [8]), степень интенсификации, а также интенсифицирующих значений в языковой семантике. Интенсифицирующие значения в языке могут быть выражены морфологическими и лексическими средствами, такими как наречия, местоимения и прилагательные со значением степени типа *чрезвычайно, очень, весь, полный, высший, никто, сильно, много*, словами разных частей речи с оценочной окраской, степень выраженности которой определяет оценку как крайне (полярно) интенсивную или неинтенсивную в *радикально, полноценный, прекрасно, супер-мега-гига задачи, жиденько*, выражениями типа *десятый-пятый раз, самые-самые базовые функции, только-только реализуемые*.

При изучении содержания категории мы считаем возможным разграничивать три аспекта ее функционирования вслед за Е.С. Кубряковой: когнитивный, описывающий концептуальные характеристики, которые она реализует; семиотический, который определяет референтные свойства категории; лингвистический, реализующийся в специфике соотношения языковой формы в категории с фиксированным содержанием [21. С. 17–18]. Сходные замечания о структуре категорий находим в работах Н.Н. Болдырева (разграничиваются интерпретирующий, репрезентативный, семиотический аспекты) [9], О.К. Ирисхановой (разграничиваются эпистемологическое, онтологическое и семиотическое измерения) [12], М.И. Кюсе (разграничиваются отношения концептуализации, референции и языковой репрезентации) [15]. В настоящей работе для анализа трех указанных аспектов мы воспользуемся терминами, предложенными в работе [12], как наиболее обобщенными и, соответственно, опишем эпистемологическое (особенности реализации степени и основания интенсификации), онтологическое (особенности конструирования объектов интенсификации) и семиотическое (особенности реализации интенсифицирующих значений в языке) измерения категории.

Ввиду того что в языке интенсивность выражается лексико-морфологическими средствами, содержание категории представляется возможным описать с опорой на положения когнитивной концепции частей речи, предложенной Е.С. Кубряковой. Выделяются такие свойства знаменательных частей речи, как предметность и признаковость в процессуальности (глагольности, реализующей семантику собственно процесса, действия, состояния и отношения) и непроцессуальности (атрибутивности, реализующей семантику стабильной и нестабильной атрибутивности) [10. С. 247–249]. Такая структура предполагает иерархию, где «самой онтологичной оказывается категория предметности, а при делении категории признаковости на категории процессуальных и непроцессуальных признаков более высокое место в иерархии займут признаки стабильные» [10. С. 250]. Описанное разграничение предопределяет существование разных типов объектов интенсификации, а именно объектов предметного, процессуального и непроцессуального типа. Однако объектами оценки в принципе могут выступать и компоненты ситуации, не представленные «полно-

значными частями речи» [10. 247], но реализующие семантику количественности; такие случаи будут установлены в настоящей работе. Основанием интенсифицирующей оценки объектов будут, соответственно, их качественные и количественные характеристики, а степень интенсификации – уровень экспликации этих характеристик. Таким образом, интенсивность в настоящей работе выступает модусной когнитивной категорией, концептуальное содержание которой определяется степенью выраженности количественно-качественных характеристик при конструировании объектов интенсификации, а языковое содержание – особенностями реализации интенсифицирующих значений в языке.

Материал и процедура анализа

Эмпирическим материалом для анализа особенностей реализации категории интенсивности стали записанные спонтанные диалоги общей длительностью около 3 часов (171 минута) с участием 20 говорящих (средний возраст – 25 лет), обсуждающих вопросы функционирования искусственного интеллекта. Данный тип коммуникации носит характер экспозитивного (пояснительного) дискурса [22]; для него характерны чередование коммуникативных ходов (запроса информации, развития темы и ответа-реакции), высокая степень проявления нечеткой референции, экспли-

кация оценочности и личного мнения, установка на достижение общей позиции [23, 24]. Перечисленные характеристики пояснительного дискурса обуславливают в целом высокую вероятность проявления категории интенсивности, реализующуюся как в продвижении своей, так и в достижении общей позиции в диалоге. Участники располагались лицом друг к другу (под небольшим углом); велась запись их речевого поведения, которое далее было подвергнуто автоматической транскрипции и сегментации (Whisper). Речь левого и правого участников была далее аннотирована в корпус-менеджере ELAN, где проведена разметка всех случаев использования интенсивности в составе элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ), в качестве которых рассматривались клаузы, при этом учитывалась роль как синтаксического критерия, так и просодического (паузации) [7].

Так, на рис. 1 приведен фрагмент речи *чтобы точно определить уже, точно разграничивать эти эмоции, да, человеку все-таки нужно реальное общее*, который включает ряд ЭДЕ: *чтобы точно определить уже / точно разграничивать эти эмоции / да / человеку все-таки нужно реальное общение*.

При произнесении первой и второй ЭДЕ говорящий использует слово-интенсификатор *точно*, которое определяется в эпистемологическом измерении как слово, реализующее высокую степень выраженности качества. Рассмотрим иной пример (рис. 2).

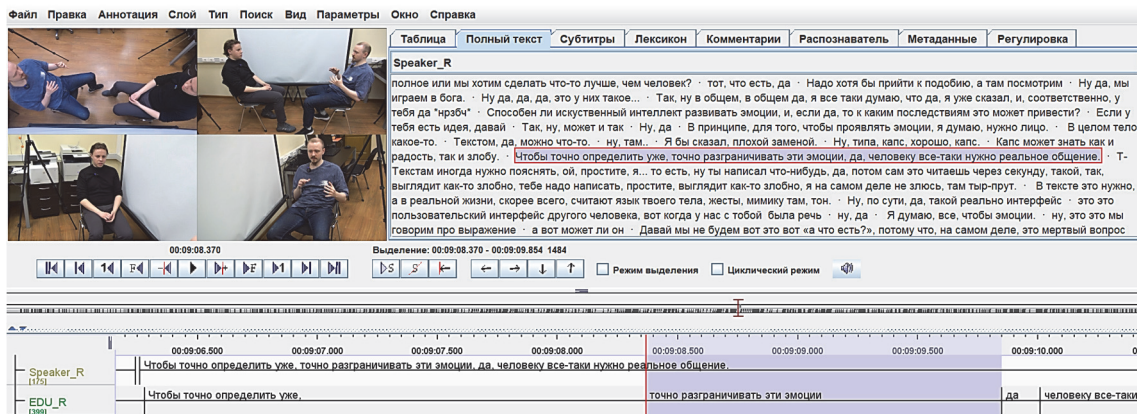

Рис. 1. Разметка случаев интенсивности в ЭДЕ. Интенсификатор *точно*

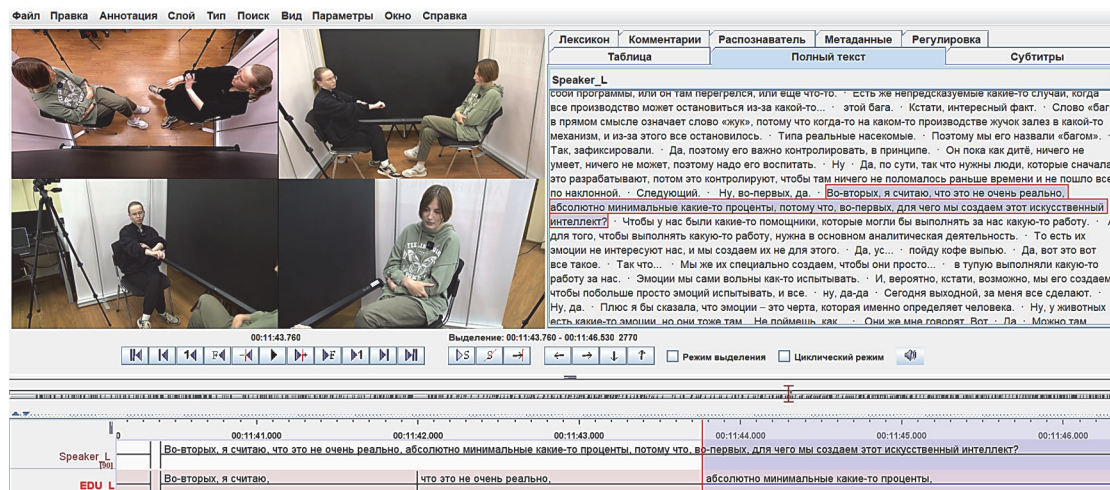

Рис. 2. Разметка случаев интенсивности в ЭДЕ. Интенсификатор *абсолютно минимальные*

На рис. 2 приведен фрагмент речи *во-вторых, я считаю, что это не очень реально, абсолютно минимальные какие-то проценты, потому что, во-первых, для чего мы создаем этот искусственный интеллект?*, который включает ряд ЭДЕ: *во-вторых, я считаю / что это не очень реально / абсолютно минимальные какие-то проценты / потому что, во-первых, для чего мы создаем этот искусственный интеллект*. При произнесении второй ЭДЕ говорящий использует интенсификатор *не очень* (реально); при произнесении третьей – *абсолютно минимальные*, которые определяются в эпистемологическом измерении как слова и выражения, реализующие низкую степень выраженности качества. Отметим, что выражение *абсолютно минимальные* содержит слово *абсолютно*, которое в изолированной позиции рассматривается как представляющее высокую степень интенсивности; однако в составе выражения формируется общее значение высокой степени реализации низкой степени интенсивности, поэтому данное и подобные употребления размечаются как демонстрирующие низкую степень выраженности качества с опорой на семантику ключевого слова в выражении.

Случаи использования интенсивности были размечены на предмет особенностей реализации интенсивности с учетом трех ее измерений. Аннотирование проведено тремя кодировщиками (авторами настоящей статьи) в два этапа: 1) разметка каждой записи одним кодировщиком; 2) корректировка разметки каждой записи тремя кодировщиками.

Для разметки использовался следующий **набор параметров**, описывающих возможность реализации трех измерений интенсивности. Так, эпистемологическое измерение представлено: 1) степенью интенсификации, определяемой количественной степенью выраженности некоторого качества (Э1); 2) основанием интенсификации, определяемым спаянностью значений количества и качества (Э2). Онтологическое измерение описывает типы объектов интенсификации (О1). Семиотическое измерение интенсивности представлено особенностями реализации интенсифицирующего значения в словах-интенсификаторах (С1). Разметка проходила с привлечением следующих параметров: Э1.1 – «высокая степень интенсивности», Э1.2 – «средняя степень интенсивности», Э1.3 – «низкая степень интенсивности»; Э2.1 – «только количество», Э2.2 – «количество и качество»; О1.1 – «предметный объект», О1.2 – «процессуальный объект», О1.3 – «непроцессуальный объект», О1.4 – «объект-количество»; С1.1 – «основное значение слова», С1.2 – «контекстуально обусловленное значение слова».

При проведении разметки кодировщики ориентировались как на состав собранных в ходе первичной разметки записей **маркеров**, так и на их контекстуально обусловленные значения.

В **эпистемологическом измерении** маркерами высокой степени интенсивности (Э1.1) являются слова *очень, совсем, самый, точно, супер, классный*, указания на множественность и размер компонентов ситуации в *все, всегда, много, целые*, восклицательные конструкции типа *такая прекрасная память! столько*

книг! и эмоционально окрашенные экспрессивные слова и выражения, нередко отличающиеся сниженным и разговорным стилем, как в *поедет крыша, расфигачит, отвратительно, склепали, ужас, бестолковый*. Средняя степень интенсивности (Э1.2) выражена 1) сравнением атрибутов, процессов, предметов по степени интенсивности в выраженности их непроцессуальных, процессуальных, предметных и количественных свойств (в *лучше, интереснее*); 2) введением значения неопределенности и/или неопределенности (в *достаточно, вполне*), указывающего на размытость степени интенсивности, т.е. на невозможность определения ее полюса (высокого или низкого). Низкая степень интенсивности (Э1.3) определяется при присутствии маркеров *немножко, как минимум, просто, не очень, никто*. Выражение только семантики количественности (Э2.1) обнаруживаем в маркерах *очень, ничего, минимальный, много, никакой, никого, супер, больше, все, меньше, только, намного, всегда, любой, многие, только* и др. Проявление семантики количественности и качественности (Э2.2) находим в примерах с маркерами *полноценный* (в ЭДЕ *что будут / будет испытывать полноценный спектр эмоций*), *совершенно / совершенный* (в ЭДЕ *поэтому мы уже уходим в совершенно другие дебри*), *поистине* (в ЭДЕ *что это какая-то возможность делать что-то поистине новое*), *окончательно/окончательный* (в ЭДЕ *что прямо окончательного уничтожения я не могу себе представить под воздействием развития искусственного интеллекта*), *радикально/радикальный* (в ЭДЕ *какие-то радикальные изменения человечества однозначно будут*), *сильно* (в ЭДЕ *то есть разделить сильно общество на тех*) и др., а также в тех ситуациях, когда все выражение с маркером интенсификации приобретает дополнительный оценочный характер, как в *слишком расплывчатая* (формирование отрицательной оценки с помощью интенсификации признака ‘расплывчатый характер’), *дай Бог, с кнопчатыми телефонами*, др.

В **онтологическом измерении** маркерами типов объектов интенсифицирующей оценки (О1), иначе – таких компонентов ситуации, концептуальное значение которых (предметное, процессуальное, непроцессуальное, количественное) подвергается интенсификации под влиянием семантики интенсифицирующего слова или выражения, становятся слова со значением предметного характера (О1.1), например, *мы, человек, задача, текст, проблема, вопрос, фильм, работа, ошибка*, процессуального характера (О1.2), например действия, например, *изучать, делать, считать, разрабатывать, говорить, давать, проверять, взламывать* и др. и собственно процессы, например, *знать, предполагать, вспомнить, помнить, думать, глядеть* и др., непроцессуального характера (О1.3), иллюстрирующие нестабильные признаки (по: [10]), например, *интересный, быстрый, сложный, главный, популярный, маленький, хороший* и др. и стабильные признаки, например, *философский* (вопрос), *кнопчатый* (телефон), *текстовый* (паттерн). В некоторых случаях разграничение стабильных и нестабильных признаков затруднено, например, в метафорических употреблениях выражений типа *деревянный (голос)*; также затруднено

разграничение типов процессуальных значений, которые во многих, но не во всех случаях, могут быть установлены с опорой на грамматические значения слов в устной спонтанной речи. По этой причине в работе не рассматриваются частные типы этих значений. Важно отметить, что частотна одновременная реализация нескольких характеристик, как в *супер-кибер-оборудовано*, где в одном выражении актуализируется компоненты ситуации с процессуальными и непроцессуальными характеристиками. Дополнительно были выделены маркеры объектов количественного типа (О1.4), это, например, *много, мало, год, секунда* (в двух крайних случаях одновременно представлены объекты количественного и предметного типа) и др.

В семиотическом измерении маркерами интенсифицирующего значения как основного значения слова (С1.1) служат, например, слова *достаточно, весь* (в *все знаки*); использование сравнительной степени прилагательных, например, *хуже* концептуализируется как ‘более + плохой’, *больше* – как ‘более + много’, *главнее* – как ‘более + главный’; употребления слов или выражений, имеющих эмоциональную окраску или использующихся в разговорном стиле, например, *куча мусора* – как ‘очень много мусора’, *экстренная ситуация* – как ‘очень непредвиденная ситуация’, *катастрофа* – как ‘очень трагический случай’, *покайфовал* – как ‘получил очень большое удовольствие’, *расфигачит* – как ‘сильно разрушит’. Маркерами интенсифицирующего значения как контекстуально обусловленного (С1.2) являются слова в составе выражений, где данное значение обусловлено общим содержанием высказывания, например, в *повредился он просто или умер – умер* в данном случае служит контекстуальным антонимом *просто повредился* и транслирует таким образом значение ‘окончательно вышел из строя’, где *окончательно* определяется как интенсификатор.

Проиллюстрируем процедуру установления степени интенсификации на примере ЭДЕ *И если правильно научить модель ИИ воспринимать все подобные тексты* в составе фразы *Если правильно научить модель ИИ воспринимать все подобные тексты / она должна их как раз не нарушать те моральные основания / которые в нее закладываются / и как-то перерабатывать эти тексты*. ЭДЕ содержит определительное местоимение *все*, в ед. ч. *весь*, которое определяется как имеющее значение *весь 1* ‘без исключения или целиком’, ср.: *Все мои друзья давно за границей; Весь день ушел на беготню по магазинам*, использующееся с обозначениями совокупностей, физических и пространственных объектов, ресурсов и расходуемых средств, временных интервалов, некоторых ситуаций и свойств [25. С. 85]. Данное употребление реализует конструкцию первого типа (может располагаться перед актантом и просодически к нему относиться) и используется для обозначения совокупности объектов (текстов), находящихся в пределе границ подобия. Это значение не обозначено как демонстрирующее интенсивность в отличие от значения *весь 3.2* ‘с максимальной интенсивностью’, ср. в *от всей души; бежать со всех ног*. Однако интерпретация значения данного

слова в составе ЭДЕ применительно к конструированию ситуации позволяет сделать иной вывод. Оценке подвергается характер препятствия, связанный с восприятием текстов определенного типа (необходимость обучения как преодоления этого препятствия), при этом подчеркивается, что трудность соотносится с восприятием всех без исключения объектов этого типа; соответственно, в данном случае тоже идет речь о демонстрации интенсивности, но не при оценке действия (ср. *весь 3.2*), а при оценке признака объектов (высокая степень).

Рассмотрим иной пример. В ЭДЕ *который нас превзойдет* в составе фразы *Ну да / а чтобы сделать ИИ / который нас превзойдет / нам нужно сперва самих себя превзойти* обнаруживаем слово *превзойдет* (исх. – превосходить), которое имеет дефиниции ‘быть больше кого-л. в каком-л. отношении’, ‘быть больше в количественном отношении’ [26], т.е. семантика интенсивности определяется в основном значении слова. Дальнейший анализ позволяет установить, что оценке подвергается траектория действия (движение по траектории вверх). При этом есть только три оцениваемые величины – «наши умения и знания», «умения и знания, превышающие наши», «умения и знания ниже наших», и в данном примере речь идет о полюсе со значением максимально возможного в контексте ситуации, поэтому наблюдаем высокую степень интенсификации в оценке самого действия.

Полученные данные были обработаны с применением процедур описательной статистики для анализа распределения особенностей реализации категории интенсивности в трех ее измерениях, также были получены данные аналитической статистики для установления возможных значимых различий в их реализации в устном спонтанном пояснительном диалоге.

Результаты исследования

В собранном материале было обнаружено 5 883 ЭДЕ, содержащих 1 072 случая реализации интенсивности (т.е. маркеры интенсивности содержались в 1 072 ЭДЕ с общим количеством слов, равным 7 066, общим количеством знаков с пробелами, равным 43 934), диапазон их варьирования в речи участников составил от 29 до 115. Маркеры интенсивности встречаются как по отдельности, так и кластерами от 2 до 4 элементов в рамках одной клаузы, как, например, в выражении *супер-пупер-мега-гига задачи*. Рассмотрим особенности реализации каждого из трех измерений интенсивности.

Эпистемологическое измерение подвергалось анализу в аспекте степени интенсификации (Э1.1–Э1.3) и основания интенсификации (Э2.1–Э2.2). Представим значения данных характеристик с учетом индивидуальных проявлений в речи участников в табл. 1.

Результаты показали, что в речи участников преобладает выражение высокой степени интенсивности (Э1.1), составившей 64% всех случаев. Она превалирует как в общей базе данных, так и у каждого говорящего. Доля использований низкой и средней степени интенсивности различалась в отличие от стабильно

превалирующей доли маркеров высокой степени интенсивности. Случаи реализации средней степени интенсивности составили 14%. 22% случаев интенсивности характеризовались противоположным «полюсом»,

низким. Таким образом, спонтанная речь участников отличается «полюсностью», категоричностью, при этом преобладает тяготение к полюсу высокой интенсивности.

Таблица 1

Распределение индивидуальных показателей в эпистемологическом измерении интенсивности

Показатель	Э1.1	Э1.2	Э1.3	Э2.1	Э2.2
Среднее	34.7	7.6	11.8	32.5	21.6
Медиана	35.5	6	10.5	30	19.5
Стандартное отклонение	12.9	5.38	6.86	12.1	10.5
Минимум	16	2	2	19	8
Максимум	75	18	26	73	43

В отношении реализации основания интенсификации укажем, что в рассматриваемом материале количество примеров, характеризующихся степенью спаянности характеристик количества и качества (Э2.2), составило 40% (от 32 до 76% в речи каждого участника), из них 18% при высокой, 6% при средней и 16% при низкой степени интенсивности. При этом 74% всех случаев использования низкой степени интенсивности, 44% случаев средней степени и 27% случаев высокой степени обнаруживают спаянность характеристик количества и качества. Эти результаты указывают на то, что, несмотря на свою общую частотность, маркеры высокой степени интенсивности демонстрируют большую однозначность и «чистую количественность», в то время как менее частотные маркеры средней и, особенно, низкой степени интенсивности служат для привнесения не только количественной, но и качественной оценки.

Онтологическое измерение интенсификации представлено распределением типов объектов интенсификации. Анализ показал, что для установления количества возможных объектов интенсификации могут использоваться несколько критериев: 1) семантический, который позволяет определить объект интенсификации с опорой на контекстуальную семантику выражения в ситуации; 2) синтаксический, который учитывает состав предикативной или номинативной групп с включенным словом со значением интенсификации (если таких слов несколько, то и объектов интенсификации несколько); 3) акцентный, который указывает на выделенное в контексте слово, к которому с большей степенью вероятности относится значение интенсификации; 4) лексико-морфологический, который позволяет определить объект интенсификации как реализующийся в рамках одного слова или в рамках двух слов с опорой на лексико-морфологическую функцию слова (например, различия в *весь* (в *весь дом*) как местоименного прилагательного и *все* (в *все ушли*) как местоименного существительного). С опорой на эти критерии в некоторых случаях можно установить первичный и вторичный объекты интенсификации. Так, в *просто это действительно философская проблема* значение интенсификации в *просто* может снижать степень проявления предметной характеристики в *это*, признаковой (одновременно непроцессуальной и процессуальной) характеристики – в *действительно*, непроцессуальной стабильной характеристики – в *философская*, предметной и одновременно непроцессуальной

характеристик – в *проблема*. С опорой на акцентный критерий определяется первичный объект интенсификации – это одновременно действие и степень его интенсивности, реализуемые словом *действительно*. При этом компоненты ситуации, представленные словами *это*, *философская* и *проблема*, также являются объектами интенсификации, но вторичными. Приведем данные, описывающие распределение объектов интенсификации в речи участников (табл. 2).

Таблица 2

Распределение индивидуальных показателей в онтологическом измерении интенсивности

Показатель	О1.1	О1.2	О1.3	О1.4
Среднее	21	13,8	26,1	5,15
Медиана	22	13	22,5	3
Стандартное отклонение	8,21	6,91	12,1	4,45
Минимум	8	1	12	0
Максимум	38	29	54	15

Чаще всего в качестве объектов интенсификации выступают компоненты ситуации непроцессуального характера (О1.3), составившие 520 случаев (40%), несколько реже – предметного (О1.1), составившие 420 случаев (32%) и еще реже – процессуального (О1.2), составившие 271 случай (21%). Компоненты ситуации количественного типа (О1.4) встретились в 103 случаях (7%). При этом (с опорой на различия в среднем и медианном значениях) наблюдаются более значительные индивидуальные различия в использовании объектов непроцессуального и количественного типов.

Помимо общего распределения объектов интенсификации в дискурсе интерес представляет и их использование с маркерами высокой и низкой степени интенсификации (как «полюсными»). В табл. 3 приведены данные, описывающие распределение индивидуальных случаев использования объектов интенсификации трех типов (как наиболее частотных) с маркерами высокой и низкой степени интенсификации.

Таблица 3

Распределение случаев использования объектов интенсификации трех типов с маркерами интенсивности

Показатель	О1.1 с Э1.1	О1.1 с Э1.3	О1.2 с Э1.1	О1.2 с Э1.3	О1.3 с Э1.1	О1.3 с Э1.3
Среднее	15,7	4,2	7	5,75	15,8	3,25
Медиана	15,5	4	6,5	5	15,5	3
Стандартное отклонение	6,65	3,04	4,78	3,85	7,23	1,92
Минимум	7	1	0	0	5	1
Максимум	31	11	18	13	31	7

Для проверки наличия значимых различий в использовании объектов интенсификации трех типов с маркерами высокой и низкой степени интенсификации были проведены три парных теста; с учетом того, что в отношении распределения предметных и непроцессуальных объектов данные (количество случаев использования в речи индивидуальных участников) являются непараметрическими (значение Шапиро–Уилк $p < 0,05$), для проверки различий был использован ранговый коэффициент Уилкоксона, в отношении процессуальных объектов – коэффициент Стьюдента. На рис. 3–5 приведены распределение трех типов объектов, используемых с двумя (полюсными) проявлениями интенсивности (на оси ординат обозначено количество случаев их встречаемости у индивидуальных участников эксперимента).

Рис. 3. Распределение предметных объектов интенсификации с количественной степенью выраженности ими некоторого качества: высокой и низкой

Как видно из рис. 3, предметные объекты значительно чаще используются с указанием высокой степени выраженности в них качественного признака. Это можно проиллюстрировать примерами *абсолютно все, паранойя, максимум, полностью все, апокалипсис* и другие, которые демонстрируют разные возможности гибридизации характеристик, но с присутствием предметной. Тест Уилкоксона показал наличие значимых различий в индивидуальных показателях использования предметных объектов с высокой и низкой степенью интенсификации при $W(19) = 210$, $p < 0,001$. В отличие от предметных объектов, процессуальные объекты интенсификации демонстрируют достаточно сходное распределение в использовании интенсифицирующих значений (рис 4).

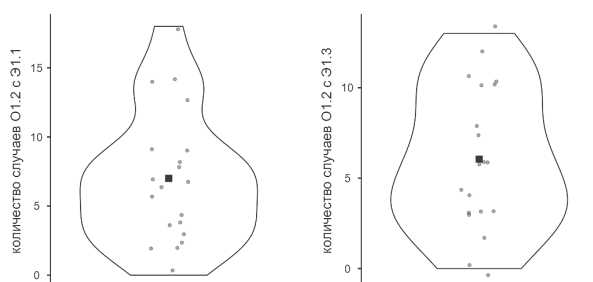

Рис. 4. Распределение процессуальных объектов интенсификации с количественной степенью выраженности ими некоторого качества: высокой и низкой

Тест Стьюдента не показал значимых различий при $t(19) = 0,758$, $p = 0,458$. Приведем некоторые примеры, демонстрирующие это: *покайфовал, очень сомневаюсь, офигеть, лезем (в науку)*, обнаруживающие высокую степень интенсификации качества, и *просто устал, мини-конфликт, только реагировать, просто генерирую*, обнаруживающие низкую степень.

Распределение непроцессуальных объектов интенсификации сходно с распределением предметных объектов. Как видно из рис. 5, эти объекты значительно чаще используются с указанием на высокую степень интенсификации их качественных характеристик.

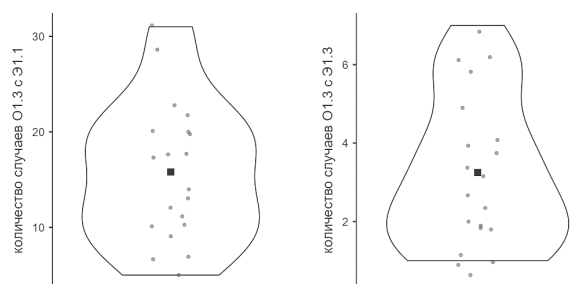

Рис. 5. Распределение непроцессуальных объектов интенсификации с количественной степенью выраженности ими некоторого качества: высокой и низкой

Тест Уилкоксона показал наличие значимых различий в показателях при $W(19) = 210$, $p < 0,001$. Так, примеры *очень сильная, очень случайно, максимально тупая, сильно массово* иллюстрируют высокую степень интенсификации качества, а *такая небольшая, просто интересно, никаких* (вариантов) – низкую.

Таким образом, значительно чаще интенсификации подвергаются объекты непроцессуального и предметного характера; при этом и те и другие чаще получают указание как демонстрирующие высокую степень интенсификации. Процессуальные объекты подвергаются интенсификации реже, и они интенсифицируются с разной степенью. Полученные данные свидетельствуют том, что интенсивность как когнитивная категория разграничивает в дискурсе номинативные и предикативные объекты, где первые чаще получают интенсификацию высокой степени, а вторые могут интенсифицироваться как с высокой, так и с низкой степенью.

Семиотическое измерение интенсивности представлено двумя возможностями ее реализации в семантике слова и выражения, а именно как основного значения слова и как контекстуально обусловленного. Приведем в табл. 4 результаты индивидуальных показателей использования двух указанных значений.

Таблица 4
Распределение индивидуальных показателей в семиотическом измерении интенсивности

Показатель	C1.1	C1.2
Среднее	33,3	20,4
Медиана	32	18,5
Стандартное отклонение	12,9	8,78
Минимум	18	7
Максимум	69	46

Как показал анализ, в рассмотренном материале существенно больше случаев реализации интенсифицирующего значения как основного значения слова (665 случаев, 62% всех рассмотренных примеров), однако при этом достаточно частыми оказываются и случаи реализации контекстуально обусловленных значений, что позволяет сделать вывод о широких возможностях интенсификации в семантике спонтанного диалога, по крайней мере, экспозиторного характера. Можно предположить, что частотность реализации интенсифицирующего значения слова связана с проявлением экспрессивности, эмоциональности и языкового творчества говорящего в диалоге, в котором участники вынуждены представлять и отстаивать свою позицию.

В целом, анализ и его результаты демонстрируют возможность и продуктивность изучения категории интенсивности как когнитивной и модусной в составе трех измерений, описывающих ряд характеристик:

- в составе эпистемологического измерения: степень проявления интенсивности (высокая, средняя и низкая) и основание интенсификации, описывающее степень спаянности количественного и качественного значений категории;
- в составе онтологического измерения: тип объекта интенсификации;
- в составе семиотического измерения: тип интенсифицирующего значения в языковой семантике как основного или контекстуально обусловленного значения.

Анализ позволил установить особенности распределения данных характеристик интенсивности в устном спонтанном экспозиторном диалоге. Такими особенностями являются: 1) большая индивидуальная вариативность в конструировании объектов интенсификации, степени и основания интенсификации, типов интенсифицирующих значений в языке; 2) высокий эмоционально-экспрессивный потенциал категории, проявляющийся в преобладании высокой степени интенсивности и спаянности количественно-качественных значений; 3) различия в интенсификации разных объектов, проявляющиеся в разграничении, с одной стороны, предметных и непроцессуальных объектов и, с другой стороны, процессуальных объектов, подвергающихся интенсификации в разной степени.

Заключение

Проведенное исследование структуры и особенностей функционирования категории интенсивности в

устном спонтанном экспозиторном диалоге на русском языке позволило сформулировать ряд выводов. Во-первых, категория проявляет себя в трех измерениях: эпистемологическом, онтологическом и семиотическом, и в каждом из этих измерений отмечаются ее специфические характеристики.

В качестве значимых эпистемологических характеристик выступают степень проявления интенсивности: высокая, которая преобладает, средняя и низкая, а также основание интенсификации, описывающее степень спаянности количественного и качественного значений категории, которая выше в интенсификаторах низкой и средней степени.

Установлено, что в спонтанном диалоге преобладает выражение высокой степени интенсивности (64% всех случаев), спаянность количественного и качественного значений категории проявляется в 40% случаев. Значимыми характеристиками варьирования выступают тип объекта интенсификации и степень его интенсификации.

Наибольшая частотность обнаружена у непроцессуальных объектов и предметных объектов (40 и 32%), которые значительно чаще используются с интенсификаторами высокой степени, в то время как процессуальные объекты не демонстрируют такой особенности, часто употребляясь с интенсификаторами как высокой, так и низкой степени.

Таким образом, исследование позволило констатировать варьирование, проявляющееся в разграничении предметных и непроцессуальных объектов, с одной стороны, и процессуальных объектов, с другой стороны, как получающих разную степень интенсификации.

В качестве семиотической характеристики интенсивности рассмотрены способы ее реализации как основного значения слова или контекстуально обусловленного значения (отмечено в 38% случаев) нередко во многом благодаря эмоциональности и экспрессивности говорящих.

Также обнаружено, что использование категории интенсивности обнаруживает достаточно высокий уровень индивидуального варьирования в речи говорящих. Тем не менее наблюдения указывают на эмоционально-экспрессивный потенциал категории, специфику проявления качественно-количественных отношений, особенности интенсификации разных объектов в ситуации коммуникации.

Список источников

1. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М. : Высшая школа, 1990. 173 с.
2. Liebrecht Ch., Hustinx L., van Mulken M. The relative power of negativity: the influence of language intensity on perceived strength // Journal of language and social psychology. 2019. Vol. 38, Is. 2. P. 170–193.
3. Николаева Ю.В. К истории слова абсолютно в русском языке // Studi Slavistici. 2020. Вып. XVII (2). С. 199–211.
4. Мразек Р. Десигнаторы интенсификации действия в русском языке // Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské univerzity. 1964. Vol. 13 (12). P. 169–180.
5. Шаронов И.А. Дискурсивные слова и коммуникативы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2016. Вып. 15. С. 538–547.
6. Кобозева И. М., Захаров Л. М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды междунар. семинара «Диалог». М. : Наука, 2004. С. 292–297.
7. Подлеская В.И., Кибрик А.А. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». М. : Изд-во РГГУ, 2009. Вып. 8(15). С. 390–395.
8. Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. 1985. Вып. 3. С. 13–24.
9. Болдырев Н.Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. 10. С. 17–120.

10. Кубрякова Е.С. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения // Язык и знание. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 29–304.
11. Ирисханова О.К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М. : Издательство ВТИИ, 2004. 352 с.
12. Ирисханова О.К. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке / под ред. Е.С. Кубряковой. М. : Институт языкознания РАН ; Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 157–171.
13. Заботкина В.И., Боярская Е.Л. Роль когнитивного контекста в разрешении многозначности: опыт когнитивного моделирования // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. 12. С. 624–635.
14. Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М. : URSS, 2015. 380 с.
15. Киосе М.И. Наименование в тексте: прямое и не прямое. М. : Онтопринт, 2014. 323 с.
16. Родионова С.Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / под ред. А.В. Бондарко. СПб. : МАКС Пресс, 2005. С. 150–166.
17. Кустова Г.И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (Magn'ы-прилагательные) // Слово и язык : сб. ст. к 80-летию акад. Ю.Д. Апресяна / под ред. И.М. Богуславского, Л.Л. Иомдина, Л.П. Крысина. М. : ЯСК, 2011. С. 256–268.
18. Колесникова С.М. Градуальность: системные связи и отношения в русском языке. М. : Прометей, 2012. 294 с.
19. Болдырев Н.Н. Когнитивная лингвистика. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. 252 с.
20. Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. Вып. 1 (34). С. 5–13.
21. Кубрякова Е.С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о ее роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Когнитивные исследования языка. 2010. Вып. 7. С. 13–18.
22. Longacre R.E. The grammar of discourse. New York : Plenum Press, 1983. 423 p.
23. Iriskhanova O.K., Kiöse M.I., Leonteva A.V., Agafonova O.V., Petrov A.A. Multimodal collaboration in expository discourse: verbal and nonverbal moves alignment // Lecture Notes in Computer Science (LNAI 14338). 2023. P. 350–363.
24. Киосе М.И. Выработка общей позиции в экспозитивном коллаборативном диалоге: исследовательская модель // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. 2 (58), ч. 1. С. 530–534.
25. Активный словарь русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна. М. : ЯСК, 2014. Т. 2.
26. Идеографический словарь русского языка / под ред. О.С. Баранова. М. : И ЭТС, 1995. URL: <https://rus-ideographic-dict.slovaronline.com/>

References

1. Turanskiy, I.I. (1990) *Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v angliyskom yazyke* [The Semantic Category of Intensity in English]. Moscow: Vysshaya shkola.
2. Liebrecht, Ch., Hustinx, L. & van Mulken, M. (2019) The relative power of negativity: the influence of language intensity on perceived strength. *Journal of Language and Social Psychology*. 38 (2). pp. 170–193.
3. Nikolayeva, Yu.V. (2020) K istorii slova absolyutno v russkom yazyke [On the History of the Word absolyutno in the Russian Language]. *Studi Slavistici*. XVII (2). pp. 199–211.
4. Mrázek, R. (1964) Designatory intenzifikace děje v ruštině [Designators of Action Intensification in Russian]. *Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské univerzity*. 13 (12). pp. 169–180.
5. Sharonov, I.A. (2016) Diskursivnye slova i kommunikativy [Discourse Words and Communicatives]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the Annual International Conference "Dialogue"]. 15. pp. 538–547.
6. Kobozeva, I.M. & Zakharov, L.M. (2004) Dlya chego nuzhen zvuchashchiy slovar' diskursivnykh slov russkogo yazyka [What is a Sound Dictionary of Russian Discourse Words For?]. In: *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: trudy mezhdunar. seminara "Dialog"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Workshop "Dialogue"]. Moscow: Nauka. pp. 292–297.
7. Podlesskaya, V.I. & Kibrik, A.A. (2009) Diskursivnye markery v strukture ustnogo rasskaza: opyt korpusnogo issledovaniya [Discourse Markers in the Structure of Oral Narrative: A Corpus Study Experience]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the Annual International Conference "Dialogue"]. 8 (15). pp. 390–395.
8. Arutyunova, N.D. (1985) Ob ob'yekte obshchey otsenki [On the Object of General Assessment]. *Voprosy yazykoznanija*. 3. pp. 13–24.
9. Boldyrev, N.N. (2012) Kategorial'naya sistema yazyka [The Categorical System of Language]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*. 10. pp. 17–120.
10. Kubryakova, E.S. (2004) Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy točki zreniya [On the Way to Gaining Knowledge About Language: Parts of Speech from a Cognitive Perspective]. In: *Yazyk i znanie* [Language and Knowledge]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. pp. 29–304.
11. Iriskhanova, O.K. (2004) *O lingvokreativnoy deyatel'nosti cheloveka: otgлагоl'nyye imena* [On Human Linguo-Creative Activity: Deverbal Nouns]. Moscow: Izdatel'stvo VTI.
12. Iriskhanova, O.K. (2009) O ponyatii kreativnosti i yego roli v metayazyke lingvisticheskikh opisaniy [On the Concept of Creativity and Its Role in the Metalanguage of Linguistic Descriptions]. In: Kubryakova, E.S. (ed.) *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Issue V. Moscow: Institute of Linguistics, RAS; Tambov: TSU. pp. 157–171.
13. Zabol'tkina, V.I. & Boyarskaya, E.L. (2012) Rol' kognitivnogo konteksta v razreshenii mnogoznachnosti: opyt kognitivnogo modelirovaniya [The Role of Cognitive Context in Disambiguating Polysemy: An Experience in Cognitive Modeling]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*. 12. pp. 624–635.
14. Zykova, I.V. (2015) *Kontseptosfera kul'tury i frazeologiya: Teoriya i metody lingvokulturologicheskogo izucheniya* [The Conceptosphere of Culture and Phraseology: Theory and Methods of Linguocultural Study]. Moscow: URSS.
15. Kiöse, M.I. (2014) *Naimenovaniye v tekste: pryamoye i ne pryamoye* [Nomination in Text: Direct and Indirect]. Moscow: Ontoprint.
16. Rodionova, S.E. (2005) Semantika intensivnosti i yeye vyrazheniye v sovremennom russkom yazyke [The Semantics of Intensity and Its Expression in Modern Russian]. In: Bondarko, A.V. (ed.) *Problemy funktsional'noy grammatiki. Polevyye struktury* [Problems of Functional Grammar. Field Structures]. Saint Petersburg: MAKS Press. pp. 150–166.
17. Kustova, G.I. (2011) Slova so znacheniyem vysokoy stepeni: semanticheskiye modeli i semanticheskiye mekhanizmy (Magn'y-prilagatel'nyye) [Words with the Meaning of a High Degree: Semantic Models and Semantic Mechanisms (Magn Adjectives)]. In: Boguslavsky, I.M., Iomdin, L.L. & Krysin, L.P. (eds) *Slovo i yazyk: sb. st. k 80-letiyu akad. Yu.D. Apre'syana* [Word and Language: Collection of Articles for the 80th Anniversary of Academician Yu.D. Apre'syan]. Moscow: YASK. pp. 256–268.
18. Kolesnikova, S.M. (2012) *Gradual'nost': sistemnyye svyazi i otnosheniya v russkom yazyke* [Graduality: Systemic Connections and Relations in the Russian Language]. Moscow: Prometey.
19. Boldyrev, N.N. (2016) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow; Berlin: Direct-Media.
20. Boldyrev, N.N. (2013) Aktual'nyye zadachi kognitivnoy lingvistiki na sovremennom etape [Current Tasks of Cognitive Linguistics at the Present Stage]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 1 (34). pp. 5–13.

21. Kubryakova, E.S. (2010) O meste kognitivnoy lingvistiki sredi drugih nauk kognitivnogo tsikla i o yeye roli v issledovanii protsessov kategorizatsii i kontseptualizatsii mira [On the Place of Cognitive Linguistics Among Other Cognitive Sciences and Its Role in the Study of the Processes of Categorization and Conceptualization of the World]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*. 7. pp. 13–18.
22. Longacre, R.E. (1983) *The Grammar of Discourse*. New York: Plenum Press.
23. Iriskhanova, O.K., Kiose, M.I., Leonteva, A.V., Agafonova, O.V. & Petrov, A.A. (2023) Multimodal collaboration in expository discourse: verbal and nonverbal moves alignment. *Lecture Notes in Computer Science (LNAI 14338)*. pp. 350–363.
24. Kiose, M.I. (2024) Vyrabotka obshchey pozitsii v ekspozitornom kollaborativnom dialogue: issledovatel'skaya model' [Developing a Common Position in Expository Collaborative Dialogue: A Research Model]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* 2 (58) 1. pp. 530–534.
25. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2014) *Aktivnyy slovar' russkogo yazyka* [Active Dictionary of the Russian Language]. Vol. 2. Moscow: YASK.
26. Baranov, O.S. (ed.) (1995) *Ideograficheskiy slovar' russkogo yazyka* [Ideographic Dictionary of the Russian Language]. Moscow: IETS. [Online] Available from: <https://rus-ideographic-dict.slovaronline.com/> (Accessed: 05.07.2025).

Информация об авторах:

Киосе М.И. – д-р филол. наук, главный научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник Лаборатории мультимедиа и коммуникации Института языкознания Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: maria_kiose@mail.ru

Прокофьева О.Н. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса, доцент кафедры стилистики английского языка Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). E-mail: oliviaprok@gmail.com

Смирнова Е.Е. – младший научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). E-mail: eva.buddaeva@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.I. Kiose, Dr. Sci. (Philology), chief research fellow, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation); leading research fellow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: maria_kiose@mail.ru

O.N. Prokofieva, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: oliviaprok@gmail.com

E.E. Smirnova, junior research fellow, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: eva.buddaeva@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.12.2024;
одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 30.06.2025.*

*The article was submitted 10.12.2024;
approved after reviewing 20.05.2025; accepted for publication 30.06.2025.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/515/3

Образ Гамлета в лирике Бориса Поплавского

Глеб Максимович Маматов¹

¹ Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, G.M.Mamatov@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается образ Гамлета в лирике Б. Поплавского от ранних стихов 1920-х гг. до посмертной книги «Снежный час». Изучаются связи гамлетизма Поплавского с поэтической традицией изображения «принца датского» и Офелии в русском и европейском модернизме. С предшественниками Поплавского объединяет осознание шекспировского героя как символа трагического, связанного с дионисийско-мистерийным началом. Но Гамлет в поэзии Поплавского является и символом поэзии, воплощением художника и Орфея, чьё «аполлоновское творчество» не может быть принято в холодном страшном мире, потому трагедия этого героя заключается в его одиночестве и отчуждении.

Ключевые слова: Б. Поплавский, образ Гамлета, У. Шекспир, образность, поэзия русского зарубежья, символ

Для цитирования: Маматов Г.М. Образ Гамлета в лирике Бориса Поплавского // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 25–36. doi: 10.17223/15617793/515/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/3

The image of Hamlet in Boris Poplavsky's lyrics

Gleb M. Mamatov¹

¹ Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, G.M.Mamatov@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the image of Hamlet in the poetry of Boris Poplavsky, drawing on the material from his early lyric poetry and the poetic collections *Automatic Poems*, *Flags*, and *Snowy Hour*. It identifies a specific evolution of this canonical hero, driven by the poet's changing aesthetic principles and the metamorphoses of his artistic views. In his early works, the Hamlet theme emerges in poems dedicated to the creative act itself. The most frequent image here is that of Ophelia. In this early lyric poetry, which is close to the avant-garde tradition, art is perceived as an aggressive force that brings death and mutilation to both the creator and the audience. Consequently, Ophelia, symbolizing creativity and universal beauty, is portrayed either as a victim devoured by monsters at a phantasmagorical feast arising in the mind of the mad poet, or as the heroine of a play during which an unknown force destroys the theater along with all its visitors and actors. The correlation between the theme of creativity and the Shakespearean plot is presented differently in the collection *Automatic Poems*, which features a Hamlet cycle. Here, the Shakespearean hero embodies the poet, who creates mysterious worlds within his consciousness – a concept represented through surrealist symbols of mechanical devices. These devices symbolize the creator who, in accordance with the ideas of André Breton's French Surrealist School, is merely a phonograph, reproducing the images he witnesses in an oneiric state. However, the role of the creator is tragic; his poems transform into a scream and morbid sounds, signifying absolute solitude and the impossibility of reconciliation with reality. This theme continues in *Flags*, where Hamlet and Ophelia appear in connection with themes of eschatology, death, and madness. In this collection, the fate of the Shakespearean hero is presented as a cycle, which can be divided into the following stages: the rejection of paradise and existence on earth ("Hamlet's Childhood") – the desire for death as departure ("Pity for Europe") – disappearance/departure to Valhalla ("Hamlet") – existence in the otherworld and the vision of earthly nightmares ("Hamlet and the Angel"). The image of Hamlet is presented in a completely different way in the collection *Snowy Hour*, where it is endowed with multiple connotations. Primarily, he is a solar god, defeated by the darkness of an earthly world indifferent to him; his creative power proves unnecessary in reality. The Hamlet plot concerning Hamlet-Sun's descent into the kingdom of shadows and the womb of darkness is merged with the myth of Orpheus's descent into Hades. However, in Poplavsky's version, this occurs not for the sake of searching for Eurydice-Ophelia, but due to the incompatibility of sublime art with the earthly world ("Gazing into the Perdition of Summer Days"). Throughout Boris Poplavsky's body of work, Hamlet acts as a symbol of the creator and of art itself. Yet, whereas in the early lyrics this symbol signified creativity as madness, obsession, and the loss of sanity in the name of the creator's grand purpose, starting with *Automatic Poems*, the image of Hamlet-the-poet becomes associated with a tragic understanding of his alienation in a cold, wintry world. This introduces motifs of suicide and the desire to abandon the real world in order to attain spiritual harmony.

Keywords: Boris Poplavsky, image of Hamlet, William Shakespeare, imagery, poetry of Russian abroad, symbol

For citation: Mamatov, G.M. (2025) The image of Hamlet in Boris Poplavsky's lyrics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 25–36. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/3

На протяжении творческого пути представитель первой волны русского зарубежья Б. Поплавский неоднократно обращался к «Гамлету» У. Шекспира. О.А. Савинская пишет, что созданный младоэмигрантом «гамлетовский миф» обусловлен биографией поэта, а шекспировский персонаж представляется литературной маской монпарнасса: «Лирик-эмигрант вписывает мифологему Гамлета в смысловое пространство собственной биографии» [1. С. 16]. В диссертации О. Савинской и её статье [2. С. 134–138] сделана попытка реконструировать эволюцию архетипического образа мировой литературы в лирике Поплавского: «Можно говорить о динамике, сложной эволюции лирического мифа о Гамлете, созданного Поплавским. От Гамлета – носителя романтического миропонимания <...> авторский миф движется к Гамлету – провозвестнику Апокалипсиса XX века. Но затем логика лирического мифотворчества Поплавского превращает Гамлета в создателя особого “Солнечного мира”, преодолевшего мучившие его земные противоречия» [1. С. 17]. Соглашаясь с эсхатологической и биографической трактовкой, мы не можем полностью принять остальные позиции исследовательницы. Во-первых, в работах Савинской не учтены ранние авангардистские стихи монпарнасса, где сюжеты о Гамлете и Офелии имеют особое развитие. Во-вторых, не упоминается важнейшая трактовка Гамлета как воплощения творца. В-третьих, стихотворение «Всматриваясь в гибель летних дней», где возникает образ солнечного бога, не соотносится с темой преодоления мучительных противоречий. Отдельные мысли о гамлетизме поэта сделаны другими исследователями. Н.О. Осипова рассматривает шекспировский сюжет в контексте связей его творчества с культурой Ренессанса [3. С. 109]. Н.А. Кузнецова изучает гамлетовский сюжет во «Флагах» в сравнении с поэзией Серебряного века [4. С. 272–273]. В работах Н.Б. Лапаевой [5], Р. Компарелли [6. С. 56–57], Н.С. Милюковича [7. С. 86] изучены отдельные аспекты темы гамлетизма. Лакунарной темой остаётся образ Гамлета как воплощение художника, что связано с концепцией творчества Б. Поплавского, во многом опиравшегося на традиции модерна. В связи с этим целью работы является рассмотрение образа Гамлета-Творца в лирике Б. Поплавского в контексте его эстетических взглядов на творчество, а также в связи с поэтикой русского символизма.

Перед непосредственным анализом образа Гамлета в поэзии Поплавского следует обозначить основные значения шекспировского сюжета в русской литературе. Начиная с конца XVIII в., после гибели Павла I, «русского Гамлета», главный герой шекспировской трагедии неизменно возникает в произведениях большинства русских писателей, среди которых А.С. Грибоедов, А. Пушкин, А. Герцен, И. Тургенев, А. Фет, А. Чехов. В статье Н.Н. Летиной отмечаются два основных аспекта в образе Гамлета, которые актуализируются в русской литературе XIX в.: 1. «Философский, духовно-нравственный, социальный, интеллектуальный и эсхатологический аспекты гамлетизма» [8. С. 88]. «Высокие» и «философические» черты шекспировского героя реализуются в образах Чацкого и Ленского.

Интеллектуализм Гамлета обусловлен проявлением таких качеств шекспировского героя, как свободомыслие, рефлексия и критицизм. 2. Социальный аспект [8. С. 90]. В русском реализме второй половины XIX в. (И. Тургенев, А. Герцен, Н. Златовратский, А. Чехов) Гамлет становится уже не литературным, а социальным типом «бездеятельной, сомневающейся, эгоистичной, критичной, несчастной и бесполезной личности» [8. С. 90]. Следует отметить другие воплощения шекспировского героя в русской литературе. В 1824 г. Е. Баратынский создаёт элегию «Череп», где реконструируется сцена на кладбище: Гамлет держит в руках череп Йорика и рефлексировал о тщете всего мирского. У Баратынского лирический герой находит разрытую могилу и размышляет над смертью, воспринимая её как единую участь для всех людей. В «Послании к Дельвигу» А. Пушкина с Гамлетом отождествлён сам Баратынский как создатель кладбищенских элегий, причём Пушкин пародирует основную образность «Черепа». Гамлет-поэт возникает и в стихотворении «Кинжальные слова» К. Бальмонта, где шекспировский герой – творец-бунтарь, желающий ниспровергнуть каноны современного ему искусства.

Ранее пушкинского послания его адресат А. Дельвиг создаёт идиллию «Конец Золотого века», в которой впервые в русской поэзии обыгрывается сцена смерти Офелии и вводятся связанные с ней темы пения, безумия и утопления. Тема самоубийства возлюбленной Гамлета стала развиваться в дальнейшем (цикл А. Фета «К Офелии», «Офелия в цветах и уборе», «Песня Офелии» А. Блока). Особое место в русской лирике занимает мотив жалости к Офелии со стороны лирического героя («Офелия» Н. Некрасова). Почти все стихотворения, связанные с Гамлетом и Офелией, пронизаны темой смерти. В русской классической литературе образ Гамлета также возникает в произведениях с политической тематикой, в которых затронуты темы власти и справедливости («Гамлет» А. Сумарокова, «Гамлет» С. Висковатова) [9]. Таковым предстаёт гамлетовский комплекс в русской словесности, предшествовавшей лирике Б. Поплавского.

Необходимо сделать предварительные выводы. В поэзии Поплавского Гамлет всегда ассоциируется с образом творца, создателя художественного текста, чей образ можно трактовать как двойника лирического героя-поэта. Поплавского можно назвать продолжателем выделенной нами традиции, начатой в русском романтизме Баратынского и Пушкина, и продолженной лишь в поэзии К. Бальмонта. Однако говорить о том, что Поплавский становится наследником такого восприятия шекспировского героя, нельзя, что соотносится с его самобытной концепцией творчества и поэтической полемикой с эстетикой русского и европейского модерна.

В ранней авангардной поэзии Бориса Поплавского [10; 11. С. 58] в основном упомянута Офелия. Лишь в черновом варианте стихотворения «Лицо в окне висит, стоит, лежит» возникает образ Гамлета-поэта: «Мертвецы в салоне ели карты/ Пели им в цилиндрах петухи/ А при лунной музыке за партой/ Гамлет сочинял свои стихи./ Был он бледен некрасив и грязен/ За стеклом

смеялся соловей» [12. Т. 1. С. 490]. Образ Гамлета-поэта можно трактовать как страдальца во имя искусства, полностью посвятившего себя высокому призванию, а потому измотанного и измученного, но в то же время его лирика прекрасна и сопровождается звуками серенады. Упоминание «лунной музыки» и соловья представляется пародированием известных в культуре поэтизов, литературных клише, причём эта музыкальная образность также двойственна: она и гармонична, и мучительна, мотив «смеха соловья» (инверсирование классического мотива соловьиного пения) можно трактовать как насмешку над героем, чьё творчество – тяжёлый и неблагодарный труд.

В футуристической поэме «Мракта о гуне» объектом пародии становится Офелия, чьё имя соотносится с небесным телом, поэт соединяет «Офелию» с «Перигелием» с помощью внутренней рифмы. Поэт использует приём каламбура: «Всего стадий у луны шесть/ НаDIR и зенит/ Офелия и перигелия/ Правое и левое/ Париж и Лондон» [13. С. 50]. Отметим, что поэма посвящена демифологизации константного в мировой лирике образа луны, само ночное светило в творчестве монпарнасца часто связано с Офелией («Гамлет» («Флаги»)), образ безумной возлюбленной, представляющийся возвышенным в мировом искусстве, в поэзии Поплавского воспринимается иронично. Обыгрывание имени Офелии возникает в миниатюре «Ручей, но чей?». Если в «Мракта о гуне» игра слов основана на омонимичной связи имени девы и космического тела, то в этом стихотворении используется изощрённая звуковая семантизация: «Офелия, ты фея иль афера?! Венок над головою Олоферна!/ В воде стоит литературный ад, / Открытие и порочный клад» [12. Т. 1. С. 93]. Офелия объединена с Олоферном (аллитерации на «ф» и «л» и ассонансы на «о» и «е»), ассирийским полководцем, обезглавленным Юдифью. Нельзя не отметить и образ венка, ассоциирующегося с цветочным венком на голове мёртвой Офелии, упомянутой в предшествующей строфе: «Офелия пошла, гуляя, в лес,/ Но уж у ног её – ручей-подлец./ Её обвил, как горничную сонник./ Журча, увлёк на синий подоконник» [12. Т. 1. С. 93]. Стихотворение посвящено теме творчества как безумия, в нём описывается «литературный ад», пир фантастических существ, царящий в голове страдающего поэта, потому такое разнообразие поэтических и библейских образов осмысливается как сумасшествие творца, посвятившего себя служению искусству: «Варёные сирены с грудью женской,/ Три-тоны с перекошенным лицом./ Морские змеи бесконечной лентой/ И дети, проданные их отцом <...> Я отрезаю голову себе» [12. Т. 1. С. 94]. Тема отсечения головы явно отсылает к образу Олоферна, и обезглавливает себя сам герой-поэт. Мотив усекновения головы символизирует процесс создания как потери разума, уход от рационального начала жизни в сферу бессознательного. Создание не контролируется рассудком. Заметим, что кроме поэта «блюдом» на этом пиру становится и Офелия: «И ты лежишь под соусом любви/ С румяною картошкой вокруг./ На деревянном блюде, с изголовьем/ Разваренных до пористости рук./ Стучит ножами разношерстный ад» [12. Т. 1. С. 93]. В этом

фрагменте возникает тема амбивалентности искусства: творчество подобно волшебству, чудотворству, но в то же время это обман, нечто запутывающее и творца, и читателя. Упоминание ручья в названии стихотворения также можно трактовать двояко: во-первых, как намёк на описание работы бессознательного, создающего всевозможные картины в порыве вдохновения и экстаза, что у Поплавского часто маркируется акватическими образами [14. Р. 184]; во-вторых, как связь со смертью Офелии, чьё тело омывал ручей.

В стихотворении «Бардак на весу» Офелия и Гамлет не упоминаются, но, согласно комментарию к произведению, Поплавский приписал к нему небольшой прозаический фрагмент на французском языке: «Тебе, распутный ангел, тебе, благочестивый бес, до глубины уязвлённый лунной отравой, я посвящаю сон в весеннюю ночь, апологию тлетворных добродетелей – похвалу небесным порокам. Борис Поплавский, могильщик, влюбленный в Офелию цивилизации» [12. Т. 1. С. 500]. В этой записи, как и в стихотворении, акцентируется тема мучительного творчества: типичные поэтические клише (лунная ночь, весна, иронически изменённое заглавие другой пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь») воспринимаются как яд, мучающий поэта, представляющегося то лунным раком (акватическая метафора бессознательного), то мертвецом: «Вращающаяся и ледяная/ Игла весны входящая в пальто/ Среди майской теплоты где ходят льды» [12. Т. 1. С. 174]; «В тумане лунный рак метал икру/ <...>/ Безумно шевеля рукой клешней/ С зажатою в ней плешивою луной/ Покойник жрет проворно колбасу/ В цилиндре пляшет нагишом в лесу» [12. Т.1. С. 173–174]. Творчество видится как медиация между миром живых и царством мёртвых, сравнение себя с лунным раком, выражает двойственность творчества: это постижение мрачных глубин жизни и подсознания, и возвышение до небесных сфер: «Переползающие в дыму столы/ И там на них поэты сняв портища/ <...>/ И голый голос тонет без воды/ Прозрачный череп стонет без беды/ Возвратный выдох молкнет на весу/ Прелестный призрак виснет на носу» [12. Т. 1. С. 174]. Упоминание черепа можно интерпретировать как аллюзию к знаменитой сцене с Гамлетом и черепом Йорика. Поэт всегда находится на грани миров живых и мёртвых, разрушения и гармонии. В финале подчёркивается апокалиптическое начало искусства, название «Бардак на весу» можно трактовать как хаос творчества и литературы, способный уничтожить и окружающий поэта мир, и его самого: «Что ночью слышит, видит Вечный Жид», «И с ним в него впившись волшебный рак/ Трясется в такт как образцовый фрак/ Раскачивается небес барак/ Кракк!!!!» [12. Т. 1. С. 174]. Офелия цивилизации – метафора художественной вселенной, создаваемой поэтом, которую он, будучи могильщиком, способен похоронить-уничтожить, данная трактовка соединена с толкованием образа могильщика как реминисценции к «Гамлету».

В стихотворении «Не тонущая жизнь, ау, ау!» вновь упоминается Офелия: «Почто мадам? театрам нет конца!/ Кафе анатомический театр/ Где каждый рад от своего лица/ Прошелестеть: Офелия, Экватор» [12. Т. 1. С. 437–438].

Гамлетовская тематика связана с мотивом театра, причём поэт совмещает значения омонимов: драматический театр и анатомический театр. Возможно, образ Офелии в анатомическом театре отсылает к уже проанализированному стихотворению «Ручей, но чей?», где на пиршественном столе лежит отрезанная голова поэта, а одним из блюд является труп Офелии, который съедают фантазмагорические чудовища. Тело девы стало экспонатом для толпы, которая вместе с театром, описываемым как «бутафорский ад», уничтожается стихией искусства: «В партере публика бесшумно умерла./ Уж тысяча карет ведёт останки. <...> Стреляют пистолеты, хлещут шпаги./ И пушки деревянные стучат./ Актёров душат черти из бумаги./ Вся труппа, весь театр разгромлен, смят» [12. Т. 1. С. 438]. В миниатюре «Томился Тютчев в темноте ночной» возникает образ Гамлета. Тема творчества очевидна, причём одним из воплощений героя является Гамлет: «– Скелет и Гамлет, Делия в цилиндре» [12. Т. 1. С. 127]. Возникающая «муза из подвала» в стихотворении – это многогранный образ, возникающий в различных ипостасях, одной из которых является Офелия, которую ожидает Гамлет: «Томился Тютчев в темноте ночной./ И Блок впотьмах вздыхал под одеялом./ И только я, под яркою луной./ Жду, улыбаясь, деву из подвала» [12. Т. 1. С. 126].

Говоря о раннем творчестве Поплавского, допустимо предположить, что на его раннюю авангардную лирику и концепцию творчества оказали влияние итальянские и русские футуристы, в чьей эстетике агрессия становится необходимым «атрибутом» поэзии. Е.А. Бобринская отмечает, что в итальянском футуризме насилие виделось возможностью спасения ветхой европейской культуры, погибшей в огне Первой мировой войны [15. С. 205]: «Красота может быть только в борьбе. Никакое произведение, лишённое агрессивного характера, не может быть шедевром. Поэзию надо рассматривать как яростную атаку против неведомых сил, чтобы покорить их и заставить склониться перед человеком» [16. С. 7]. Иная картина обнаруживается в поэтике русского футуризма. Насилие в их творчестве больше согласуется с эстетикой «ярмарочных представлений», восходя к скоморошеству и фольклору [15. С. 204–206]. Итальянские футуристы видели в насилии именно разрушение старого искусства; русские поэты полагали, что обновление обретается через гибель, но отличием становится обращение русских футуристов к истокам, примером чего являются реминисценции к лубкам, в которых изображались сцены из «Апокалипсиса» или мучения грешников в Аду в иллюстрациях К. Малевича и Н. Гончаровой к книге А. Кручёных и В. Хлебникова «Игра в аду». Насилие – путь к катарсису и возрождению [15. С. 206]. В лирике и философии Поплавского отличием является то, что агрессия совершается не автором, чья созидательная функция в авангарде сохранена, а искусством, стихией творчества, причём жертвой насилия является поэт, представляющийся как орудие неведомых сил, заставляющих его творить, процесс создания произведения искусства часто представлен как борьба и членовредительство. Поэтому в поэзии монпарнасса

Гамлет-Поэт и Офелия-Творение осмыслены как жертвы. Сам Поплавский изложит понимание искусства-насилия в следующей записи из философского дневника: «Христос, Сократ и Моцарт погибли и сиянием своего погибания озарили мир. Ясно, что удаваться и быть благополучным – греховно и мистически неприлично. Может быть, даже и духовно погибать необходимо – агонизировать нравственно» [12. Т. 3. С. 257]. Гибель во имя искусства является необходимым опытом для творца, как и прохождение жестоких испытаний (смерть Моцарта во время написания «Реквиема», казнь Сократа и Христа во имя их убеждений).

В книге «Автоматические стихи» значимое место занимает «гамлетовский цикл». В этих стихах обнаруживается влияние эстетики французских сюрреалистов школы А. Бретона, что уже освещено в научной литературе [17, 18]. Как в ранней лирике, шекспировский герой связан с темой творчества, но акценты меняются кардинально. Образ Гамлета предстаёт в связи с темами музыки и литературы: «Жарко, судьба на закате/ Пыль летит до небес/ До иных мирозданий/ Нам Гамлета кто-то читает –/ Как будто фонограф во мраке» [12. Т. 1. С. 388]. «Гамлет» подразумевается как произведение Шекспира, строки из которого произносит загадочный диктор из неведомого мира. Важны темы мрака, механистичности и искусственности, что эксплицируется в образе фонографа, прибора для воспроизводства звуков, подобного граммофону и патефону. Л. Ливак отмечает: «В контексте французского сюрреализма заключение подразумевает зависимое состояние поэта, подобного “записывающему устройству”, и обмен сообщениями между путниками в сюрреалистическом художественном методе» [14. Р. 183]. Фонограф в стихотворении можно трактовать как образ лирического героя-поэта, который «ломается» и создаёт дисгармонию. Строки из шекспировской трагедии, раздающиеся из неведомого мира, искажаются, превращаясь в диссонансные громкие звуки, в которых герой слышит всемирную инфернальную какофонию: «Яркие муки/ Мерзкие звуки/ Долгие муки/ И всё грех/ И всё смех/ Нам жизни не надо/ Над миром смех/ Горячие органы ада/ Спят в отраженьях луны» [12. Т. 1. С. 388]. Тема превращения высокого искусства в крики центральная. Мотив вселенского смеха разрушает миф о мировой музыке, становящейся сатанинским хохотом, пронизывающим Вселенную и делающим существование истинного искусства невозможным. В следующем стихотворении образ Гамлета соотносится с темой литературы, а мир представлен как Вселенская Книга: «В огромной кожаной книге/ Танцевали карты во тьме золотистых мечей/ <...>/ И Гамлет в саду говорил что вертелся на север/ Сквозных и бессмысленных слов/ О судьбе/ И только мне было видно/ Как бились в подвале/ Огромные руки минут-палачей» [12. Т. 1. С. 387]. Над миром-книгой вновь звучит вселенский шум рока, судьбы. Повторяется тема уничтожения великого искусства. Слова Гамлета «сквозные и бессмысленные», не имеющие ценности из-за скоротечности бытия, беспомощного перед потоком времени и рока.

В следующей миниатюре возникают Гамлет и Офелия: «Стекло лазури, мания величия./ Философия Шеллинга, газета и шар Гесперид/ Всё было странно найти

на снегу/ Гномы спускались к извилинам/ Век, слов, капель, цветов/ Немного выше рвали газету/ И ангелы ели судьбу/ Там Гамлет кричал о закате/ И билась Офелия в новом стеклянном гробу/ Видимо, не зная философии Шеллинга» [12. Т. 1. С. 389]. Важна контаминация мотивов трагедии Шекспира и сказки Братьев Гримм: скрещены образы Офелии и Белоснежки, Гамлета и принца. На это соединение указывает упоминание гномов и стеклянного гроба, отсылающего к хрустальному гробу из сказки. Принцесса-Офелия жива, но она находится в неволе, ибо образ гроба можно интерпретировать как метафору ограниченности жизни. Центральна тема рока, «высокой участи», являющейся обречённостью Гамлета, не способного освободить сказочную Офелию и находящегося в такой же неволе, ибо небо в миниатюре также представлено как стеклянная лазурь, подобно гробу. Важно упоминание философии Ф. Шеллинга. В. Копылова пишет, что в лирике Поплавского частотна связь с шеллингианской темой предназначения художника [19. С. 117]. Эта идея немецкого философа проявляется в лирическом сюжете стихотворения, основанного на мотиве сна как на погружении в бессознательное, что типично для сюрреалистической поэтики А. Бретона, опиравшегося на идеи З. Фрейда и понимавшего роль художника как механического устройства, «записывающего» картины, видимые в онейрическом состоянии [20. С. 45]. Поплавский также писал о снах как наиболее приемлемом состоянии, дарующем возможность созидания. Нахождение в бессознательном равнозначно пребыванию в мистическом трансе: «...то, что делает любого иллюмината пророком, — это точное предчувствие и осознание мистического припадка — внезапной близости подсознательной сферы, внезапного утончения перегородки между его обоими сознаниями, во время которого каждое усилие сознания во сто крат обрастает светом и жалкое слово человека, как бы подхваченное неуправляемой инерцией, всё с возрастающим грохотом вращается вокруг внесознательной оси» [12. Т. 3. С. 472]. Во всех приведённых стихотворениях возникает мотив ухода в мистическое состояние, когда снимается грань между сном и явью. Гамлет становится двойником поэта, находящегося в пограничном состоянии, так как его слова превращаются в крик или в нечто бессмысленное и обречённое на забвение.

В последней миниатюре цикла возникает Гамлет-инженер: «Стекловидные деревья рассвета/ На фабричном дворе/ Там Гамлет пускает в ход сложнейшие машины/ Которые ударяют колёсами/ В вершины подводных гор/ И тают/ Утро равняется себе и соседнему вечеру счастья» [12. Т. 1. С. 390]. Стихотворение можно интерпретировать как описание момента перед пробуждением. «Стекловидные деревья рассвета» — метафора зари, восходящего солнца, чей свет чист и прозрачен. На мотив сна указывает соединение образа Гамлета и урбанистических мотивов инженерии, фабрики, заводских машин. Происходит внезапный и резкий переход от «фабричного двора» в подводный мир, где находятся неведомые горы. Б. Поплавский акцентировал связь сна и воды, процесс творчества он видел

как погружение в глубины подсознательного: «...нижнее сознание, слишком активно наполненное, не даёт возможности высшему выразиться в себе, вот почему поэты бегут от жизни и культивируют пассивность — она и есть та гладь воды, без которой не отражается лицо, склонённое над ним, ибо уже давно замечен тот странный факт, что особо замечательные мысли и моменты появляются не в момент величайшей активности сознания, а наоборот, в полной его тишине, ни с того ни с сего, без всякой подготовки, кроме спокойствия. Подсознательное выкатывается в дремлющее сознание» [12. Т. 3. С. 472]. Уход в глубины сознания порождает таинственные картины, которые поэт механически воспроизводит на бумаге. Упоминание подводных гор в стихотворении неслучайно: это пространство пограничное, символическая диагональ между пучиной подсознания и будничным бытием. Удар «сложнейших машин» о пики этих гор и последующее таяние знаменуют исчезновение сна и картин, которые видит герой. Гамлет, который приводит в движение механизмы творчества, имеет теургическое начало, ибо контролирует работу механизмов творчества.

Связь Гамлета с концепцией творчества продолжится в единственной прижизненной книге стихов Поплавского «Флаги», в которой он отходит от идеалов ранней лирики и «Автоматических стихов» [1. С. 17; 21. Р. 93–94]. Стихотворение «Гамлет» строится на диалоге Офелии и Гамлета. Основопологающим приёмом становится антитеза, противопоставление жизни и смерти, посю- и потустороннего: «Молча снежинка спускается бабочкой алой./ Тихо стекают на здания струйки огня./ Но растворясь в сиреневом небе Валгаллы./ Гамлет пропал до наступления дня» [12. Т. 1. С. 189]. Офелия предлагает Гамлету остаться ради наблюдения за небесными светилами. В финале она лишается рассудка и обращается также к высшему миру, маркированному образом луны: «Гамлет, Ты уезжаешь, останься со мной!'/ Пела безумная девушка под луной» [12. Т. 1. С. 188–189]. Если в Раю-Валгалле возможно существование небесной гармонии, то в нижнем герои обречены на страдания: «Гамлет, Ты уезжаешь, останься со мной./ Мы прикоснёмся к земле и, рыдая, заснём от печали/ Мы насладимся до слёз униженьем печали земной./ Мы закричим от печали, как раньше до нас не кричали» [12. Т. 1. С. 189]. Исчезновение Гамлета допустимо интерпретировать в связи с его принадлежностью к космическому миру, где нет места земной жизни. Сюжет о любви Гамлета и Офелии достаточно распространён в поэзии Модерна [22], у Поплавского он реализован в особом ключе. Герой жертвует чувствами ради обретения Валгаллы. В миниатюре продолжается тема творчества, искусство видится как сила, несущая муки, безумие и в то же время надежду на существование в Раю: «Там на большой высоте расцветает мороз./ Юноша спит на вершине горы розовой./ Сад проплывает в малиновом зареве роз./ Воздух светает, и полюс блестит синеватый» [12. Т. 1. С. 189].

В стихотворении «Жалость к Европе» образы шекспировских героев соотносятся с эсхатологической тематикой: «Европа, Европа сады твои полны народом./ Читает газету Офелия в белом такси./ А Гамлет в трам-

вае мечтает уйти на свободу/ Упав под колёса с улыбкой смертной тоски» [12. Т. 1. С. 213].

Тема ухода Гамлета представлена как суицид героя, не желающего существовать в реальности. Допустимо предположить, что Б. Поплавский инверсирует сюжет о самоубийстве Офелии; в поэзии Серебряного века гибель героини, падающей под колёса, встречается в миниатюре В. Брюсова «Офелия»: «Метнулась толпа и застыла, жадная,/ Вкруг бедного тела, в крови, в пыли.../ Но жизнь шумела, всё та же, нарядная,/ Авто и трамваи летели вдаль» [23. С. 32]. Если у Брюсова подчёркивается тема равнодушия толпы к смерти Офелии, то у Поплавского гибель видится как желанное обретение свободы и полёта над погибающей цивилизацией. Важным нюансом становится упоминание роз: «И розы в магазинах вянут за толстым стеклом». Увядающие за стеклом цветы символически дополняют образ не способного выжить в равнодушном и холодном «стеклянном» мире Гамлета. Рассмотрим следующие стихи: «И плакали – люди наутро от жалости страшной/ Прошедшие годы увидев случайно во сне» [12. Т. 1. С. 213]. Прошедшие годы, вызывающие слёзы, являются временами Гамлета и Офелии, эпохой существования истинного чувственного искусства, которому нет места в современной действительности.

В миниатюре «Детство Гамлета» имя героя даже не упомянуто. Урбанистические мотивы связывают произведение с «Жалостью к Европе». В «Детстве Гамлета» звучит тот же мотив разделения на прекрасный запредельный сказочный мир, полный музыки и красок («Зимнее утро чесалось под снежной перинкой./ А на другой стороне был отвесный лиловый лес./ Сверху курлыкал невидимый блеск соловьиный./ Яркие лодки спускались сквозь листья с небес» [12. Т. 1. С. 194]), и на земную реальность, скрытую тьмой и снегом. Но если в предыдущих стихах Гамлет желал совершить суицид, то в этом тексте он возвращается в реальность: «Каждый был тих и красив и умён беспредельно./ Светлый дракон их о Боге учил на горе./ В городе ж снежном и сонном был понедельник –/ Нужно в гимназию было идти на заре» [12. Т. 1. С. 195].

В стихотворении «Гамлет и ангел» шекспировский герой существует в запредельных эмпириях, он видит сон о земной жизни. Если ранее герой мечтал о трансцендентных мирах, то теперь ему снятся кошмары о земле, в которых основным цветом является чёрный: «Гамлет начал стареть./ Он не хочет картины смотреть./ Чёрное масло медлит гореть./ Боже, как я хочу умереть./ Птице над бездной трудно лететь./ Гамлет и ангел вместе пришли./ Чёрную розу в поле нашли./ <...>/ Осень сияет в лесу на горе./ Грезят рябины о мёртвом царе./ Чёрные сфинксы в розах молчат./ Смерть, улыбаясь, входит в свой сад» [12. Т. 1. С. 202–203]. Этой цветовой символике из сна Гамлета противопоставлена колористическая образность во сне Иоанна Крестителя, которому снятся «далёкие страны». Гамлет и Иоанн становятся отражениями друг друга, ибо переживают, с одной стороны, схожие, но с другой стороны, противоположные ситуации; в тексте очевидной является будущая гибель пророка из-за упоминания Саломеи, что, воз-

можно, противопоставлено Гамлету, из-за которого погибла Офелия: «Спит Иоанн, про далёкие страны/ Голос поёт безмятежно и странно:/ “О! Саломея, ведь он Твой гость/ До самой ночи средь ярких звёзд”» [12. Т. 1. С. 202–203]. Иоанн является «перевёрнутым» Гамлетом, которому перед гибелью приходит видение иных миров. Гамлет просыпается в руках ангела: «Ангел прекрасный ему улыбнулся./ “Где я, что делал все эти века?”/ “Милый, ты спал у меня на руках./ Сон Твой был долог, высок, глубок/ Страшен, как счастье, сладок, как рок”» [12. Т. 1. С. 203]. Классическая формула «Жизнь есть Сон» получает неортодоксальную интерпретацию. Грёза Гамлета оказывается всеохватывающей и бесконечной во времени и пространстве, в финальном стихе вводится оксюморон. Счастье несёт ужас для героя, тогда как страдания, посылаемые роком, знаменуют радость и воскрешение.

Анализ гамлетизма «Флагов» мы завершим интерпретацией финальной строфы стихотворения «Мистическое рондо III»: «И тогда стекает время жизни,/ Как вода,/ Что несёт Офелию к отчизне./ Навсегда» [12. Т. 1. С. 221]. Само стихотворение посвящено теме времени, являющейся очень значимой в поэзии Поплавского [7. С. 57; 24; 25]. Обретение прошлого, умершего-упорхнувшего времени невозможно, в финальной строфе оно превращается в некий поток, по которому плывёт Офелия. Невозможность покорения времени связано с его пониманием поэтом как течения, которое нельзя остановить: «Основная истина о мире есть ощущение его как не чего-то каменного, а чего-то движущегося, становящегося и меняющегося наподобие не статуи или вещи, а разноцветной жидкости, переливающейся и уплывающей. С неё началась Философия, со слов тёмного Гераклита о том, что всё течёт, из определения Фалесом родового начала как начала влажного» [12. Т. 3. С. 26]. Трагедия в «Мистическом рондо III» заключается в невозможности возвращения утраченного времени, лишь искусство, символизируемое Офелией, оказывается вечным и бессмертным. Шекспировский финал может отсылать к «Офелии» А. Рембо. В этом стихотворении тело девы, плывущее по реке в виде белоснежной лилии среди кувшинок, знаменует вечность искусства: «По сумрачной реке уже тысячелетью/ Плывёт Офелия, подобная цветку;/ В тысячелетие, безумной, не допеть ей/ Свою невнятицу ночному ветерку» [26. С. 229]. Оба стихотворения сближает тема вечности искусства, силы, побеждающей время и смерть.

Необходимо сделать замечания по поводу гамлетизма в зрелом творчестве Поплавского в контексте русского модерна. Эстетические взгляды Поплавского во многом опираются на А. Блока, это касается и образа Гамлета. Для младосимволиста принц датский – чистый душой прекрасный человек, не могущий совершить возложенную на него миссию из-за собственной слабости: «Главное лицо трагедии всё время делает шаг вперёд и шаг назад, путается и изворачивается» [27. Т. 7. С. 439]. Сомневающийся герой Шекспира также осмыслен Блоком как мученик, находящийся в духовном одиночестве и противопоставленный другим

персонажам трагедии: «Пока король, Гертруда, Полоний, Розенкранц и Гильденстерн допытываются, догадываются, хитрят, – им всё-таки остаётся непонятной (как и после, впрочем) тайна Гамлетовой души. <...> Итак, они живут, ибо не дан им от бога тот гений мысли, который присущ одному только Гамлету» [27. Т. 7. С. 439]. Во «Флагах» подчёркивается одиночество, духовная отчуждённость Гамлета от всего мира, что обусловлено его отличием от всех людей, связанным с творческим и поэтическим началом. Во «Флагах» принц датский представлен в образе пророка, существующего в особых трансцендентных сферах, это творец не от мира сего, а потому кризис сильной личности Гамлета, который «вошёл в конфликт с Временем» [28], у Поплавского реализован иначе, это, прежде всего, воплощение художника. Данная полемика с Блоком усилится в финальных стихотворениях поэта из опубликованной в 1936 г. книги «Снежный час», в которой поэт ушёл от идеалов раннего творчества [10. С. 88–89]. При этом младоэмигрант вновь обращается к образу Гамлета, но в «Снежном часе» шекспировская мотивика существенно изменена, на что указывает упоминание Офелии.

Гамлетизм Поплавского в «Снежном часе» оказывается ещё ближе к блоковской традиции, в частности, и к символистской эстетике в целом. Нельзя не отметить, что, как и у Блока, в ранней авангардной лирике Поплавского доминировал образ Офелии, символизирующий произведение искусства. Возможно, поэт гротескно осмыслил архетипический мотив Вечной Женственности, ведь у Блока это божественная дева, воплощение Прекрасной Дамы. Гибель Офелии воспринимается как утрата духовного идеала, невозможность его обретения, причём это возникает и в ранних, и в поздних стихотворениях символиста: «И вдруг звезда полночная упала,/ И ум опять ужалила змея.../ Я шёл во тьме, и эхо повторяло: “Зачем дитя Офелия моя?”» [27. Т. 1. С. 382]; «Тебя, Офелию мою,/ Увёл далёко жизни холод,/ И гибну, принц, в родном краю,/ Клинком отравленным заколот» [27. Т. 1. С. 91]. У Поплавского подразумевается абсолютное отчуждение героя от мира, лишённого идеалов, с чем связан мотив бессилия Творца-Теурга, которым в «Снежном часе» становится синтетичный образ Гамлета-Орфея, носителя демиургического начала. В стихотворении «Всматриваясь в гибель летних дней» это и «Солнечный герой, создавший мир», и «Архитектор солнечного ада». Такая двойственность объясняется характерным для «Снежного часа» пониманием солнца как мёртвого, потерявшего божественный огонь светила, не способного рассеять тьму земного мира [24. С. 106]. Гамлет-Творец не может быть принят на земле и получает проклятия: «Слушай бездну, вот твоя награда,/ Проклят будь, смутивший лоно тьмы» [12. Т. 1. С. 281]. Угасание света и огня обуславливает движение Гамлета-Солнца в загробное царство теней: «Всматриваясь в гибель летних дней,/ В пыльный, яркий мир, лишённый счастья,/ Гамлет-Солнце в царстве теней/ Тихо сходит, утомясь от власти» [12. Т. 1. С. 281]. Подразумевается невозможность существования Гамлета-Теурга в реальности, собственно, и в трагедии Шекспира

принц датский живёт во враждебном для него мире [28. С. 126]. Но нельзя не отметить связь солнечного Гамлета и с Орфеем, сходящим в Аид. Орфей-Гамлет уходит в «лоно тьмы» не ради Эвридики, а из-за проклятия обитателей земного мира, их неприятия его дара, что можно трактовать как символ аполлонического искусства, обречённого на гибель в «тёмной воронке ада» [3. С. 109].

Поплавский наследует традиции русских символистов, в чьей поэзии образ Орфея ассоциируется с Офелией («Дома растут, как желанья» А. Блока, «Ноша жизни светла и легка мне» И. Анненского). Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, фонетической созвучностью их имён. Во-вторых, связь героев с солнцем (Орфей был поклонником Гелиоса, за что его растерзали вакханки по приказу Диониса, в имени Офелии возникает связь с Гелиосом в корне *Ophelia*). В-третьих, символикой фиалок, выросших на том месте, где Орфей оставил лютню [29] и вплетённых Офелией в венок. В-четвёртых, музыкальностью героев. В-пятых, их смертью, связанной с водой (утопление Офелии, поступок менад, бросивших голову Орфея в Гебр). Во «Флагах» и ранних стихотворениях фракийский певец также появляется в различных воплощениях. Помимо указанного мотива о спуске в ад и связанного с ним поиска Эвридики возникает реминисценция на Орфея-аргонавта. Поплавский объединяет образ Орфея с Тангейзером из оперы Р. Вагнера («Дождь»), рыцарем Круглого Стола, ищущим Святой Грааль («Под землю», «Нездешний рыцарь на коне»). Разветвлённая актантная структура связана с сюжетом поиска духовного идеала, что обусловлено влиянием русского младосимволизма на Поплавского [30]. Как отмечают исследователи, Орфей у Поплавского, прежде всего, олицетворяет «поэта-музыканта», это одна из граней лирического героя, понимающего себя как овидиевского певца [31. С. 153]. Его судьба трагична, ибо он потерял гармонию, воплощённую в Эвридике, которую он не может обрести.

В «Снежном часе» происходит соединение Гамлета с Орфеем. Важно указать отличия сюжета об Орфее в Аиде у Поплавского от эстетики младосимволистов. В целом, Орфей воплощает витальную силу искусства, способную своим светом рассеивать тьму Аида, в чём мифический певец уподобляется Дионису и Гелиосу, и является воплощением безудержной фантазии, как в программной статье А. Белого «Символизм»: «Два типа символических образов встречаются нас в истории искусств; два мифа олицетворяют нам эти пути; в образах явлены эти мифы: первый есть образ светлого Гелиоса (Солнца) <...> другой образ есть образ музыканта Орфея, заставляющего ритмически двигаться неодушевленную природу <...> в первом образе свет творчества лишь освещает в природе то, что уже дано; во втором образе сила творчества создает то, чего в природе нет. И, повинаясь этим символам, двояко озаряет искусство поверхность жизни» [32. Т. 8. С. 386–387]. Собственно, и роль поэта – это всегда божественное избрничество для Белого: «Поэт, – ты не понят людьми./ В глазах не сияет беспечность./ Глаза к небесам подними:/ с тобой бирюзовая Вечность./ С тобой, над тобою она,/ ласкает, целует беззвучно./ Омыта лазурью, весна/ над ухом звенит однозвучно» («Бальмонту») [32. Т. 1. С. 23].

Обратимся к концепции Вяч. Иванова. Орфей предстаёт полубогом, порождением Диониса и Аполлона [33. С. 172]. Основная образность статьи «Орфей» обыграна в дневниковых записях Поплавского за 1932 г., созданных во время написания стихотворений «Снежного часа». Прежде всего, обоих поэтов объединяет понимание Орфея как «Логоса»: «Мусaget мистический есть Орфей, солнце темных недр, логос глубинного, внутренне-опытного познания. Орфей – движущее мир, творческое Слово <...>. Призвать имя Орфея – значит воззвать божественно-организующую силу Логоса во мраке последних глубин личности, не могущей без него осознать собственное бытие» [34. Т. 3. С. 705]. Эта мысль Иванова найдёт своё отражение в дневнике Поплавского: «...начало есть как бы уход, смерть Бога для своей прекрасной реальной жизни, Он покидает дивное зрелище своей супружизны и рождается во тьме. Познаёт другую свою супругу, глубину молчания, символизируемую мировым пространством, вернее, всё начинается с того, что Сиге, мировое пространство, озаряется изнутри, это с неё снизошло семя Божества. Логос, который постепенно просыпается внутри её как Сын внутри чрева <...>. Здесь он, то есть, субъект, начинает вспоминать, ужаснувшись молчания, и вспоминает своего отца, небесную мать, вспомнив и вновь согласившись на своё рождение. Логос начинает обдумывать все возможности творения, и это и есть “мировой” разум за работой до начала творения или самосознание абсолютного субъекта» [12. Т.3. С. 307]. Совпадения с Ивановым очевидны в понимании Орфея как творческой световой силы, божественной сущности, Логоса, который должен гармонизировать своим светом окружающий хаос. Если у Иванова Логос-Орфей есть божественное порождение, то у Поплавского это Мировой разум, наделённый созидательным витальным началом и существующий в докосмогоническом хаосе. В «Снежном часе» данные философские идеи находят своё отражение. Пребывание в Сиге реализовано в мотиве бесцельного скитания в ледяном аду современности. Причём герой-поэт не способен озарить мир светом своего искусства. Важным нюансом является мотив инициации Логоса-Орфея у символиста и младоземитанта. У Иванова превращение Орфея в бога происходит только через скорбь, сходжение в Аид и последующую гибель: «И гармоний возмущенных вопиет из крови стон:/ Вновь из волн поработанных красным солнцем встанет он./ Строя семя, искра бога сердце будет вновь томить,/ От порога до порога к невозможному стремить» [34. Т. 1. С. 803]. Поэт должен совершить подвиг самопожертвования ради вознесения и становления в Теурга, преображающего мироздание и освещающего подземную тьму, как ночное солнце: «Я жду. Исполнись кровью. Брызны!/ Луч, жреца предвечного огня!/ И лик твой жертвенный – меня/ Венчай во исполнение Жизни! <...>/ Я ж не сниду на живые лона,/ Солнце склона – встретить луч восклона,/ Не пройду спасительной тропой./ Опеняйте жертвенник великий,/ Волны! Дивен жребий мой двуликий:/ Солнце ночи, темною музыкой/ Дня завет в разрывах тьмы воспой!» [34. Т. 1. С. 803].

Преображение певца в «Орфее растерзанном» маркировано превращением Орфея из солнца недр в небесное светило, что, возможно, связано с мифом о превращении лиры Орфея Аполлоном в небесное созвездие.

Орфей Поплавского является более трагичной фигурой, его божественная сила не способна преобразить мир, а свет, несомый им, не преодолевает тьму, но инициация несёт для него превращение в божество, но мир, окружающий его, обречён на гибель, в связи с чем бессильный творец жалеет эту реальность, витальный и оптимистичный миф младосимволистов сменяется эсхатологическим осмыслением бытия человечества, а слияние Орфея с Гамлетом подчёркивает пессимистическое понимание реальности как холодной и бездушной пустыни, не способной к спасению и обречённой на апокалиптическую гибель, что очевидно в финальном стихотворении книги «Рождество расцветает. Река наводняет предместья». Герой обретает божественное прощение и переживает духовную метаморфозу, а земная реальность покрывается тьмой и исчезает в хаосе: «Рождество, Рождество! Отчего же такое молчанье./ Отчего всё темно и очерчено четко везде?/ За стеной Новый Год. Запоздалых трамваев звучанье/ Затихает вдали, поднимаясь к Полярной звезде./ <...>/ Всё как будто ждало, и что спугнута птица шагами/ Лишь затем, чтоб напомнить, что призраки жизни страшны./ Осыпая сиянья, как долго мы были врагами/ Тишины и природы, и всё ж мы теперь прощень» [12. Т. 1. С. 289].

Трагическая сущность Гамлета-Орфея проявляется в миниатюре «Тень Гамлета. Прохожий без пальто»: «Он песенку поёт под барабан./ В мундире синем. – Господи, помилуй!/ Ты дал мне боль Своих ужасных ран./ Ты мне понятен. Ты мне близок, милый» [12. Т. 1. С. 288]. Тема музыки в связи с шекспировским героем восходит к эстетике русского символизма. Впервые о связи музыки и «принца датского» пишет И. Анненский в статье «Проблема Гамлета»: «В сущности, истинный Гамлет может быть только – музыкален, а всё остальное – лишь стук, дребезг и холод нашего пробуждения с музыкой в сердце» [35. С. 172]. О музыкальных ассоциациях в связи с Гамлетом можно говорить и у Блока, в чьей поэзии трагедия Шекспира соотносится с искусством звуков в стихотворении «Дома растут, как желанья» в едином образе Офелии-Орфея, причём финальный образ лилии («Благовонный речной цветок»), по мнению Л. Силард, можно трактовать как реминисценцию к голове Орфея в реке Гебр [36. С. 87]. Связь с музыкой у Поплавского вновь вводит орфический контекст. В стихотворении мотив музыки возникает довольно часто, причём, слышит эту музыку только лирический герой-больной: «лифт поёт», «Звенит трамвай. Никто не замечает». Единственное спасение для героя – дионисийское опьянение и уход в особые миры: «Пойти гулять. Поглядить снег рукой./ Уехать на трамвае с остальными./ Заснуть в кафе. В вине найти покой./ В кинематографе уйти в миры иные» [12. Т. 1. С. 286].

Не менее важной в стихотворении оказывается известная в культуре ассоциация Гамлета с Христом [37. Р. 164]: «Христос, конечно, в армии Спасения». Этот

стих является автоцитатой из рецензии Поплавского на труд Д.С. Мережковского «Атлантида-Европа». В фигуре Христа доминирует человеческое над божественным, что связано с бедностью и страданиями Христа, обусловленными жертвенностью ради мира: «Было ли чудо? Было. И здесь, как везде, всегда, чудо единственное, чудо чудес – Он Сам. Отдал все, что имел; будучи богат, обнищал, и Его нищетой обогатились все. Только на Него глядя, “обратились” – “опрокинулись” – стали, как дети, и вошли в царство Божие» [38. С. 341]. Гуманизм и страдальческий путь Христа важен и для Поплавского: «...где новое восхищение, Иисус Неизвестный? Не в грозном Боге он. Бог этот далек слишком <...> а на земле в сораспятии Христу, в нищете Господней, в грязи Господней и в отвратительности Господней, в венерологической лечебнице, в Армии спасения» [12. Т. 3. С. 71]. В культуре отождествление Гамлета с Христом традиционно: «...параллель Гамлет-Христос может <...> показаться не совсем убедительной», но «вполне можно предположить <...> что Шекспир попытался изобразить тернистый путь духовного перерождения молодого человека. Ведь лишь “приняв в себе всего Адама, сделавшись <...> человеком <...> мог Христос сделаться Новым Адамом»» [39. С. 68]. Жизненный путь Христа-Гамлета – это духовное развитие от распада к гармонии [40. С. 90]. Такое же движение оказывается основополагающим и для лирического сюжета «Снежного часа»: лирический герой переживает метаморфозу от духовного падения до гармонии и воскрешения, находясь на грани жизни и смерти, что восходит к гамлетовскому вопросу «Быть или не быть?». В «Снежном часе» шекспировская сентенция обыгрывается в частых инфинитивных конструкциях с глаголами с бытийной и мортальной семантикой: «Всё вокруг тебе знакомо./ Ты простил, но ты не в силах жить./ Скоро ли уже ты будешь дома?/ Скоро ли ты перестанешь быть?» («Снег идёт над голой эспланадой»), «В этой жизни слабым не ужиться./ Петь? К чему им сердце разрывать./ И не время думать и молиться./ Время – спать, страдать и умирать» («Лунный диск исчез за виадуком»), «Ночь блестит. Огни горят в овраге./ Может быть, природе счастье лгать?/ Может быть, что счастье жить во мраке?/ Может быть, что счастье умирать?» («Слабый вереск на границе смерти») [12. С. 243, 268, 275]. Находясь на распутье, выбирая между смертью и жизнью, скитающийся по безлюдному европейскому зимнему городу герой переживает духовную эволюцию от распада своего душевного состояния к восстановлению. Земной путь Христа-Гамлета проецируется на духовные поиски лирического субъекта, а сам шекспировский персонаж становится его двойником.

Итак, исходя из проведённого исследования, можно сделать следующие выводы. Образ Гамлета в творчестве Б. Поплавского всегда становится воплощением трагической роли поэт, творца, который обречён на непонимание со стороны окружающего его мира. Несмотря на это достаточно устойчивое значение в поэтике монпарнасца, допустимо говорить о специфической эволюции исследуемого образа в лирике

младоземлигранта, «вступающего в диалог» с различными течениями русского и европейского Модерна. В раннем творчестве, близком авангардной традиции, искусство осознаётся как агрессивная, несущая смерть и увечья творцу и зрителям сила. Поплавский оспаривает идею итальянских футуристов об агрессии как о способе преображения реальности, а также о роли художника, который способен изменить «старый мир». Центральным образом в этих стихах является Офелия, символизирующая творчество и мировую красоту, она представлена или как жертва, съедаяемая чудовищами на фантасмагорическом пиру, или как труп. Сам поэт обречён на физические и духовные мучения и гибель, его дар является проклятием, несущим опасность и муки.

Иначе корреляция темы творчества и шекспировского сюжета представлена в «Автоматических стихах», где возникает гамлетовский цикл. Шекспировский герой – это воплощение поэта, создающего таинственные миры, что представлено через сюрреалистические символы механизмов, записывающих устройств; в этих произведениях Поплавский близок идеям французского сюрреализма, согласно которым поэт является лишь фонографом, воссоздающим видимые им в онейрическом состоянии картины. Роль его трагична, ибо стихи превращаются в крик и болезненные звуки, что знаменует абсолютное одиночество творца в мире и невозможность быть принятым в реальности. Но в «Автоматических стихах» возникает и Гамлет-Инженер, управляющий сложными машинами и механизмами, регулирующими работу сознания и отвечающий за творческий процесс, что близко понятию теургии. Но такое значение изучаемого образа у поэта единично.

В гамлетовских стихах «Флагов» Гамлет и Офелия возникают в связи с темами эсхатологии, смерти, безумия. Судьба шекспировского героя представлена как цикл, который можно разделить на следующие этапы: отказ от мира грёз и пребывание на земле («Детство Гамлета») – желание смерти-ухода («Жалость к Европе») – исчезновение в Валгалле («Гамлет») – пребывание в ином мире и видение земных кошмаров («Гамлет и ангел»). Если рассматривать произведения «Флагов» как цикл, то можно обнаружить, что герой проходит инициацию, позволяющую ему совершить восхождение в прекрасное запредельное пространство, противопоставленное земной реальности. Во «Флагах» можно говорить о связи с символистским осмыслением Гамлета (А. Блок, А. Рембо, В. Брюсов) как, с одной стороны, чистой и прекрасной души, которой нет места в холодной земной действительности, с другой стороны, как мученика, находящегося в абсолютной духовной изоляции. Но для Поплавского датский принц остаётся олицетворением художника, способного преодолеть враждебную ему реальность, а искусство видится как сила, побеждающая время и смерть.

Совершенно иначе образ шекспировского героя представлен в книге «Снежный час», где он наделён множеством коннотаций. Во многом Поплавский остаётся наследником символистской эстетики. Во-пер-

вых, это носитель демиургического начала, знаменующий бога побеждённого, лишённого творческих потенций. Особенно важно, что это солнечное божество, наделённое аполлонической силой. Необходимо указать, что гамлетовский сюжет соединён с сюжетом о спуске Орфея в Аид, но у Поплавского это происходит из-за несоответствия высокого искусства земному миру. Поплавский разрушает традиции символизма, где овидиевский и шекспировский сюжеты часто соединялись. Но если в поэзии Блока и Анненского с Гамлетом соединялся образ Офелии, что обуславливалось их связью с музыкой и природными символами, то у эмигранта мифический певец – воплощение Гамлета. С орфизмом связана и музыкальность шекспировского героя. Гамлет-Орфей у Поплавского наделён и аполлонической-солнечной, и дионисийской-мистериальной силами, что знаменует его творческое начало, в котором происходит гармоничное слияние противоположностей. Гамлет становится трагическим двойником Орфея. Для Поплавского шекспировский герой является воплощением божественного посланника, чья роль заключается в просвещении человечества, но трагедия заключается в нежелании мира воспринимать те священные истины, которые он несёт, потому Гамлет становится воплощением трагического начала в Творце, бессильного перед косностью окружающей реальности, обречённой на гибель, в связи с чем Гамлет-Пророк испытывает к нему сострадание и жалость, что нивелирует теургический и жизнеутверждающий пафос орфического мифа в символизме Вяч. Иванова и А. Белого. Сам герой оказывается на грани между потусторонним бытием искусства и повседневной действительностью. Именно в этом Гамлет «Снежного часа» отходит от символистской концепции. Это пророк, пытающийся спасти мир, находящийся в предапокалиптическом состоянии, но он не может этого осуществить. Истинной остаётся лишь сфера искусства, тогда как действительность является страшным и равнодушным миром.

Особое место в книге занимает контаминация Гамлет-Христос, восходящая к религиозно-философским поискам монпарнасца 1930-х гг., его увлечению философией Д. Мережковского. Жизнь Гамлета, как и бытие Спасителя, наполнена страданиями, это путь от разрушения к гармонии. Данное движение прослеживается

на духовное развитие героя «Снежного часа», что позволяет сделать вывод о функционировании гамлетовской темы на уровне лирического сюжета, а также предположить, что Гамлет становится одной из ипостасей героя книги. Таким образом, в «Снежном часе» Гамлет объединён как с языческим символом искусства (Орфей), так и с религиозным (Христос). Это образ небесного певца, проходящего тернистый путь во враждебном ему мире и исполняющего священный долг пророчества. Трагедией же является неприятие его миссии в реальном мире, что обуславливает его духовное одиночество и вынужденное существование во тьме на грани жизни и смерти, что связано с хрестоматийным гамлетовским вопросом «Быть или не быть?».

Таким образом, Гамлет в творчестве Бориса Поплавского выступает как символ творца и искусства. В ранней лирике он связан с творчеством как безумием, наваждением и потерей рассудка во имя великой цели творца. Начиная с «Автоматических стихов» образ Гамлета-поэта связан уже с трагическим осмыслением его отчуждённости в холодном зимнем мире, что вводит мотивы суицида и желания покинуть реальный мир ради обретения духовной гармонии. Но если во «Флагах» Гамлет исчезает в красочных и прекрасных запредельных эмпириях, то в «Снежном часе» Поплавский, с одной стороны, продолжает традиции символизма И. Анненского и А. Блока, но с другой стороны, «остаётся верен» собственной концепции Гамлета-Творца. Гамлет для поэта является носителем музыкального начала и оказывается посредником между аполлонизмом и дионисийством, с этим посредническим положением Гамлета у Поплавского связано и соединение шекспировского героя с Орфеем. Гамлет выражает трагическое начало в пророке, которому дано священное предназначение освещать тьму земного мира, пройти путь Христа и Орфея, испытать физические и духовные страдания и возродиться, оставив мир, который он жалеет, в апокалиптическом мраке. Помимо трагического, в Гамлете-Творце сильно и гуманистическое начало, а гамлетизм Поплавского, соотносящийся с темами творчества и пророчества, роли художника в современности, различными мифологическими мотивами, можно назвать пограничным явлением между традицией русских символистов и поэтикой Бориса Пастернака («Марбург», «Гамлет»).

Список источников

1. Савинская О.А. Генезис лирики Б.Ю. Поплавского : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кострома, 2012. 24 с.
2. Савинская О.А. Образ Гамлета в лирике Б.Ю. Поплавского // Вестник Костромского государственного университета. 2007. № 2. С. 134–138.
3. Осипова Н.О. «Ренессансный текст» в поэзии русской эмиграции // Вестник Вятского государственного университета. 2013. № 1. С. 103–111.
4. Кузнецова Н.А. Еще раз о «тоске небытия» (образы «Гамлета» в русской литературе первой трети XX века) // Дергачевские чтения – 2002. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы VI Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2004. С. 268–275.
5. Лапаева Н.Б. Трансформация мифологемы «Гамлет» в поэтическом мире Б. Поплавского // Художественный текст и историко-культурный контекст (на материале русской литературы XX в.) : сб. науч. тр. Пермь, 2000. С. 61–82.
6. Компарелли Р. Лирика Б. Ю. Поплавского: мотивы, сюжеты, образы : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2015. 194 с.
7. Милькович Н.С. Три разговора о Поплавском. Белград : Изд-во Белград. ун-та, 2022. 233 с.
8. Летина Н.Н. Русский Гамлет в российской глоссарии пограничности // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 3. С. 88–92.
9. Лебедева О.Б., Филиппова Д.К. «Гамлет» У. Шекспира и русская литература: от классицизма к сентиментализму // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 16–23. doi: 10.17223/15617793/491/2
10. Токарев Д.В. «Между Индией и Гегелем». Творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе. М. : Нов. лит. обозрение, 2011. 352 с.

11. Чагин А.И. «Стеклянный дом» Бориса Поплавского // Русская словесность. 2018. № 1. С. 49–61.
12. Поплавский Б.Ю. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Согласие, 2009.
13. Поплавский Б.Ю. Орфей в Аду. М. : Гилея, 2009. 192 с.
14. Livak L. The Poetics of French Surrealism in Boris Poplavskii's Poetry 1924–1927 // The Slavic and East European Journal. 2000. Vol. 44, № 2. P. 177–194.
15. Бобринская Е.А. Красота и необходимость насилия. Мифопоэтика раннего футуризма // Искусствознание. 2015. № 1–2. С. 194–215.
16. Манифесты итальянского футуризма. Собрание манифестов Маринетти, Боччони, Карра, Балла, Северини, Прателла, Сен-Пуан. М. : Тип. Русского товарищества, 1914. 77 с.
17. Сыроватко Л.В. Русский сюрреализм Бориса Поплавского // О стихах и стихотворцах. Калининград : Изд-во НЭТ, 2007. С. 51–85.
18. Прадильяная Л.Н. Автоматические стихи Бориса Поплавского // Сборник научных трудов по лингвистике и языкознанию. Киев : Изд-во КНПУ им. М.П. Драгоманова, 2017. С. 116–124.
19. Копылова В.В. Творчество Бориса Поплавского в контексте немецкого романтизма // Русская литература за рубежом : сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. М. : Изд-во ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2023. С. 115–118.
20. Называть вещи своими именами: программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М. : Прогресс, 1986. 640 с.
21. Livak L. The surrealist compromise of Boris Poplavsky // Russian Review. 2001. Vol. 60, № 1. P. 89–108.
22. Кизима М.П. «Влюблённый Гамлет» как тема поэзии XX века // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 271–278.
23. Брюсов В.Я. Зеркало теней. М. : Скорпион, 1912. 215 с.
24. Менегальдо Е. Поэтическая вселенная Бориса Поплавского. СПб. : Алтейя, 2007. 264 с.
25. Болтовский Е.О. К календарной мифологии Бориса Поплавского // Вестник Костромского государственного университета. 2012. № 3. С. 93–95.
26. Проклятые поэты: золотая серия поэзии. М. : Эксмо, 2014. 416 с.
27. Блок А.А. Собрание сочинений : в 8 т. Записные книжки. М. : Худ. лит., 1960–1965.
28. Кувшинова М.С. Фауст и Гамлет как архетипические герои немецкой культуры: методология философской антропологии и проблема изучения национального менталитета // Критика и семиотика. 2013. № 2. С. 123–129.
29. Фролов И.А. Уравнение Шекспира, или «Гамлет», которого мы не читали // Стороны света. 2011. № 6. URL <http://www.w-shakespeare.ru/library/uravnenie-shekspira-ili-gamlet-kotorgo-mi-ne-chitali21.html>
30. Кочеткова О.С. Миф об Орфее в творчестве Бориса Поплавского // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2010. № 1. С. 11–18.
31. Назаренко И.И. «Орфей в аду»: трансформация мифа об Орфее и Эвридике в романе Б. Поплавского «Домой с небес» // Имагология и компаративистика. 2020. № 14. С. 90–109. doi: 10.17223/24099554/14/4
32. Белый А. Собрание сочинений : в 14 т. М. : Республика, 1994–2014.
33. Болнова Е.В. Семантика мифа об Орфее и Эвридике в творчестве В.И. Иванова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4. С. 172–176.
34. Иванов В.И. Собрание сочинений : в 4 т. Брюссель : Жизнь с Богом, 1979.
35. Анненский И.Ф. Книги отражений. М. : Наука, 1979. 608 с.
36. Силард Л. «Орфей растерзанный» и наследие орфизма // Studia Slavica Hungarica. 1996. № 41. С. 209–246.
37. Di Matteo A. Hamlet as fable. Reconstructing a Lost Code of Meaning // Connotations. 1996–1997. Vol. 6. (2). P. 158–179.
38. Мережковский Д.С. Атлантида-Европа. Тайна Запада. М. : Русская книга, 1992. 416 с.
39. Гайдин Б.Н. Христианский тезаурус «гамлетовского вопроса» // Тезаурусный анализ мировой культуры. 2005. № 1. С. 35–48.
40. Аникст А.А. Трагедия Шекспира «Гамлет». М. : Просвещение, 1986. 226 с.

References

1. Savinskaya, O.A. (2012) *Genesis liriki B.Yu. Poplavskogo* [The Genesis of B.Yu. Poplavsky's Lyric Poetry]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kostroma.
2. Savinskaya, O.A. (2007) *Obraz Gamleta v lirike B.Yu. Poplavskogo* [The Image of Hamlet in the Lyric Poetry of B.Yu. Poplavsky]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 134–138.
3. Osipova, N.O. (2013) "Renessansnyy tekst" v poezii russkoy emigratsii [The "Renaissance Text" in the Poetry of the Russian Emigration]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 103–111.
4. Kuznetsova, N.A. (2004) [Once More on the "Anguish of Non-Being" (Images of "Hamlet" in Russian Literature of the First Third of the 20th Century)]. *Dergachevskiy chteniya – 2002. Russkaya literatura: natsional'noye razvitiye i regional'nye osobennosti* [Dergachev Readings - 2002. Russian Literature: National Development and Regional Specifics]. Proceedings of the 6th All-Russian Conference. Yekaterinburg. pp. 268–275. (In Russian).
5. Lapayeva, N.B. (2000) Transformatsiya mifologemy "Gamlet" v poeticheskom mire B. Poplavskogo [Transformation of the "Hamlet" Mythologeme in B. Poplavsky's Poetic World]. In: *Khudozhestvennyy tekst i istoriko-kul'turnyy kontekst (na materiale russkoy literatury XX v.): sbornik nauchnykh trudov* [Literary Text and Historical-Cultural Context (Based on Russian Literature of the 20th Century): Collection of Scientific Works]. Perm. pp. 61–82.
6. Comparelli, R. (2015) *Lirika B. Yu. Poplavskogo: motivy, syuzhety, obrazy* [The Lyric Poetry of B.Yu. Poplavsky: Motifs, Plots, Images]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
7. Mil'kovich, N.S. (2022) *Tri razgovora o Poplavskom* [Three Conversations about Poplavsky]. Belgrade: Belgrade University.
8. Letina, N.N. (2016) Russkiy Gamlet v rossiyskom glossarii pogrannichnosti [The Russian Hamlet in the Russian Glossary of Liminality]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik*. 3. pp. 88–92.
9. Lebedeva, O.B. & Filippova, D.K. (2023) Shakespeare's "Hamlet" and Russian Literature: From Classicism to Sentimentalism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 16–23. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/491/2
10. Tokarev, D.V. (2011) "Mezhdru Indiyey i Gegelem". *Tvorchestvo Borisa Poplavskogo v sravnitel'noy perspektive* ["Between India and Hegel". Boris Poplavsky's Work in a Comparative Perspective]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
11. Chagin, A.I. (2018) "Steklyanny dom" Borisa Poplavskogo [Boris Poplavsky's "House of Glass"]. *Russkaya slovesnost'*. 1. pp. 49–61.
12. Poplavsky, B.Yu. (2009) *Sobraniye sochineniy: v 3 tomakh* [Collected Works: in 3 vols]. Moscow: Soglasije.
13. Poplavsky, B.Yu. (2009) *Orfey v Adu* [Orpheus in Hell]. Moscow: Gileya.
14. Livak, L. (2000) The Poetics of French Surrealism in Boris Poplavskii's Poetry 1924–1927. *The Slavic and East European Journal*. 44 (2). pp. 177–194.
15. Bobrinskaya, E.A. (2015) *Krasota i neobkhodimost' nasiliya. Mifopoetika rannego futurizma* [Beauty and the Necessity of Violence. The Mythopoeitics of Early Futurism]. *Iskusstvovznanie*. 1–2. pp. 194–215.
16. Anon. (1914) *Manifesty ital'yanskogo futurizma. Sobraniye manifestov Marinetti, Boccioni, Carrà, Balla, Severini, Pratella, Sen-Puan* [Manifestos of Italian Futurism. Collection of Manifestos by Marinetti, Boccioni, Carrà, Balla, Severini, Pratella, Saint-Point]. Moscow: Tipografiya Russkogo tovarishchestva.

17. Syrovatko, L.V. (2007) Russkiy syurrealizm Borisa Poplavskogo [The Russian Surrealism of Boris Poplavsky]. In: *O stikhakh i stikhotvortsakh* [On Verses and Poets]. Kaliningrad: Izdatel'stvo NET. pp. 51–85.
18. Pradivil'naya, L.N. (2017) Avtomaticheskiye stikhi Borisa Poplavskogo [The Automatic Poems of Boris Poplavsky]. In: *Sbornik nauchnykh trudov po lingvistike i yazykoznaniyu* [Collection of Scientific Works on Linguistics and Language Studies]. Kyiv: Izdatel'stvo KNPU im. M.P. Dragomanova. pp. 116–124.
19. Kopylova, V.V. (2023) [The Works of Boris Poplavsky in the Context of German Romanticism]. In: *Russkaya literatura za rubezhom* [Russian Literature Abroad]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Izdatel'stvo IRYa im. A.S. Pushkina. pp. 115–118. (In Russian).
20. Anon. (1986) *Nazyvat' veshchi svoimi imenami: programmye vystupleniya masterov zapadnoyevropeyskoy literatury XX veka* [To Call Things by Their Proper Names: Programmatic Statements by Masters of Western European Literature of the 20th Century]. Moscow: Progress.
21. Livak, L. (2001) The surrealist compromise of Boris Poplavsky. *Russian Review*. 60 (1). pp. 89–108.
22. Kizima, M.P. (2016) "Vlyublyonnyy Gamlet" kak tema poezii XX veka ["Hamlet in Love" as a Theme in 20th Century Poetry]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*. 1. pp. 271–278.
23. Bryusov, V.Ya. (1912) *Zerkalo teney* [Mirror of Shadows]. Moscow: Skorpiion.
24. Menegaldo, E. (2007) *Poeticheskaya vseennaya Borisa Poplavskogo* [The Poetic Universe of Boris Poplavsky]. Saint Petersburg: Alteya.
25. Boltovskoy, E.O. (2012) K kalendar'noy mifologii Borisa Poplavskogo [On the Calendar Mythology of Boris Poplavsky]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 93–95.
26. Anon. (2014) *Proklyatyie poety: zolotaya seriya poezii* [The Cursed Poets: The Golden Series of Poetry]. Moscow: Eksmo.
27. Blok, A.A. (1960–1965) *Sobraniye sochineniy: v 8 tomakh. Zapisnyye knizhki* [Collected Works: in 8 vols. Notebooks]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
28. Kuvshinova, M.S. (2013) Faust i Gamlet kak arkhетипические герои немецкой культуры: методология философской антропологии и проблема изучения национального менталитета [Faust and Hamlet as Archetypal Heroes of German Culture: The Methodology of Philosophical Anthropology and the Problem of Studying National Mentality]. *Kritika i semiotika*. 2. pp. 123–129.
29. Frolov, I.A. (2011) Uravneniye Shekspira, ili "Gamlet", kotorogo my ne chitali [Shakespeare's Equation, or the "Hamlet" We Haven't Read]. *Storony sveta*. 6. [Online] Available from: <http://www.w-shakespeare.ru/library/uravnenie-shekspira-ili-gamlet-kotorogo-mi-ne-chitali21.html> (Accessed: 05.07.2025).
30. Kochetkova, O.S. (2010) Mif ob Orfeye v tvorchestve Borisa Poplavskogo [The Myth of Orpheus in the Work of Boris Poplavsky]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedeniye. Zhurnalistika*. 1. pp. 11–18.
31. Nazarenko, I.I. (2020) "Orpheus in Hell": Transformation of the Myth of Orpheus and Eurydice in B. Poplavsky's Novel "Home from the Heavens". *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 14. pp. 90–109. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/14/4
32. Bely, A. (1994–2014) *Sobraniye sochineniy: v 14 tomakh* [Collected Works: in 14 vols]. Moscow: Respublika.
33. Bol'nova, E.V. (2016) Semantika mifa ob Orfeye i Evridike v tvorchestve V.I. Ivanova [The Semantics of the Myth of Orpheus and Eurydice in the Works of V.I. Ivanov]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 4. pp. 172–176.
34. Ivanov, V.I. (1979) *Sobraniye sochineniy: v 4 tomakh* [Collected Works: in 4 vols]. Brussels: Zhizn' s Bogom.
35. Annenskiy, I.F. (1979) *Knigi otrazheniy* [Books of Reflections]. Moscow: Nauka.
36. Szilárd, L. (1996) "Orfey raterzanny" i naslediyе orfizma ["Orpheus Torn Apart" and the Heritage of Orphism]. *Studia Slavica Hungarica*. (41). pp. 209–246.
37. Di Matteo, A. (1996–1997) Hamlet as fable. Reconstructing a Lost Code of Meaning. *Connotations*. 6 (2). pp. 158–179.
38. Merezhkovskiy, D.S. (1992) *Atlantida-Yevropa. Tayna Zapada* [Atlantis-Europe. The Mystery of the West]. Moscow: Russkaya kniga.
39. Gaydin, B.N. (2005) Khristianskiy tezaurs "gamletovskogo voprosa" [The Christian Thesaurus of the "Hamlet Question"]. *Tezaurnyy analiz mirovoy kul'tury*. 1. pp. 35–48.
40. Anikst, A.A. (1986) *Tragediya Shekspira "Gamlet"* [Shakespeare's Tragedy "Hamlet"]. Moscow: Prosveshcheniye.

Информация об авторе:

Маматов Г.М. – канд. филол. наук, преподаватель кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: G.M.Mamatov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

G.M. Mamatov, Cand. Sci. (Philology), lecturer, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: G.M.Mamatov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.12.2024;
одобрена после рецензирования 08.05.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 13.12.2024;
approved after reviewing 08.05.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья
УДК 821.161.1.0
doi: 10.17223/15617793/515/4

Проблемы комментирования восприятия современниками «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846–1847). Статья первая

Екатерина Геннадьевна Падерина¹

¹ Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, kbogan@yandex.ru

Аннотация. Выход из печати «Выбранных мест из переписки с друзьями» вызвал множество негативных оценок и личных претензий к Гоголю как к автору и как к личности. В причинах пытались разобраться еще в 1847 г., и вопрос до сих пор актуален, но полный объем документальных данных о встрече книги современниками к анализу не привлекался. В статье освещаются важные и сложные для комментирования подробности предпечатной ситуации 1846 г.: источники слухов, разнообразие мнений, динамика оценок по мере знакомства с книгой.

Ключевые слова: Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями», восприятие современников, субъективизм мнений, динамика оценок, А.В. Никитенко, П.А. Плетнев, Аксаковы, Свербеевы, комментирование

Для цитирования: Падерина Е.Г. Проблемы комментирования восприятия современниками «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846–1847). Статья первая // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 37–43. doi: 10.17223/15617793/515/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/4

Problems of commenting on the perception of *Selected Passages from Correspondence with Friends* by contemporaries (1846–1847). Article I

Ekaterina G. Paderina¹

¹ A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, kbogan@yandex.ru

Abstract. It is a well-known fact that the publication of *Selected Passages from Correspondence with Friends* (*Selected Passages*) made a tremendous noise in the society, and Gogol was attacked by a wave of negative assessments and personal claims against him as an author and as a person. Even Gogol's contemporaries tried to figure out the causes of the scandal that broke out in 1847, and the questions of who is to blame for what happened and who is right in the polemic about the book, are still being raised by the commentators. The traditional estimative approach has led to a simplified and schematized view of the situation, which has not been sufficiently investigated yet. The full volume of documentary data on the reaction of contemporaries to *Selected Passages* has not been involved in the analysis, while it gives a different picture. An overview of the details – important and difficult to comment on – of the reader's situation in 1846–1847 is presented in two articles on the same topic. This article, the first in a two-part study, provides a comprehensive overview of the initial contemporary perception of Gogol's book, with a specific focus on the under-examined pre-publication period of late 1846. This period, often overlooked in Gogol scholarship, is precisely when the enduring myths about Gogol's later works, the book itself, and the contemporary reaction to it were formed. Historical interpretations of this perception varied: at times it was framed as a simple confrontation "for" and "against" Gogol; at others, as a debate between rival literary parties concerning *Selected Passages*, or reduced solely to the disagreement between Belinsky and Gogol. The frameworks for these interpretations, however, were largely derived from the opinions and assessments of the participants in the pre-print discussions themselves. This article draws scholarly attention to the genuine diversity of hearsay, rumors, and opinions that circulated about the still-unread book. It identifies the sources of these rumors and pinpoints the factors and timing behind the formation of a prejudiced attitude among the readership. Challenging the traditional view that blames the editor and censor of *Selected Passages* for spreading negative interpretations, the provided data demonstrate that responsibility was more widely shared and that prejudice developed much earlier than the first rumors emerged, within both friendly and hostile circles. Furthermore, the article highlights several important, yet overlooked, issues pertinent to commenting on this notorious episode. These include the fluidity of certain opinions alongside the stability of others, and the differing ideological bases that can lurk behind superficially similar negative or positive assessments of the book and its author. The article illustrates this with examples of how opinions evolved as readers became familiar with the actual text, as well as instances where opinions converged for purely external reasons.

Keywords: Gogol, "Selected Passages from Correspondence with Friends", perception of contemporaries, subjectivity of opinions, dynamics of assessments, A.V. Nikitenko, P.A. Pletnev, Aksakovs, Sverbeevs, commenting

For citation: Paderina, E.G. (2025) Problems of commenting on the perception of *Selected Passages from Correspondence with Friends* by contemporaries (1846–1847). Article I. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 37–43. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/4

«Выбранные места из переписки с друзьями» были не первым произведением Гоголя, вызвавшим бурную реакцию «озадаченных» (П.А. Вяземский [1. С. 175]) читателей. Вот, например, как описал К.С. Аксаков в ноябре 1842 г. реакцию публики на «Мертвые души»: «Ни один решительно человек не остался равнодушным; книга всех тронула, всех подняла, и всякий говорит свое мнение. Хвала и брань раздаются со всех сторон, и того и другого много; но зато полное отсутствие равнодушия. Отовсюду слышны мнения. Их говорит всякий; всякий открыл свое суждение и потому – при этом всеобщем объявлении своих мыслей, взглядов на вещи, при этом всеобщем признании, вынужденном книгою, – произошла такая разность мнений, такие поразительные несходства, что едва веришь ушам своим. Без этой книги и предполагать нельзя бы было *такого различия мнений, которое вышло теперь на свет*» (курсив мой. – Е.П.) [2. С. 90].

Это же могло быть сказано о первом этапе восприятия «Выбранных мест...», и сравнение толков и споров вокруг и по поводу последней гоголевской книги с недавно нашумевшими обсуждениями поэмы принадлежит современникам Гоголя и довольно часто встречается в их письмах той поры. Д.Н. Свербеев, в частности, писал, что «книга наделала много шума и, как некогда “Мертвые Души”, стала камнем преткновения, о который спотыкаются многие, а иные и совсем на него падают, получая порядочные синяки от этого падения...»¹.

Но во многом реакция современников на последнюю книгу носила беспрецедентный характер. Это относится прежде всего к «препарированию» (печатно и изустно) личности писателя, против чего в печати уже в конце апреля 1847 г. протестовал П.А. Вяземский [1. С. 176–177], а также к слухам, толкам и даже безапелляционным отрицательным оценкам произведения и порицаниям автора (вплоть до объявления его сумасшедшим) – *до прочтения самой книги*. Еще одно важное отличие отметил С.П. Шевырев в январе 1848 г.: «Действие Мертвых Душ не было столько значительно, как действие Переписки: первое отдалось звонким хохотом на всю Россию, не везде хорошо осознанным, не везде благотворным; второе *разбудило мысль, привело в движение мнения, подняло вопросы*» (курсив мой. – Е.П.) [4. С. 1].

Вопросы, взбудоражившие первых читателей книги, были самого разного свойства, но во всех случаях их можно считать назревшими. Многие из поднятых Гоголем (религия и жизнь, религия и искусство) ощущались, а кем-то и осознавались как насущные², многие – обнажили свою болезненную нравственную суть (личная ответственность каждого перед Богом, перед государством и проч.), а иные вопросы, важные для гоголевских читателей и критиков, стали неожиданностью для автора (право писателя на самовыражение в избранной форме, право читателя на публичное высказывание, право человека на привычный образ жизни и проч.). Книга действительно «стала камнем преткновения», как выразился Свербеев, для подавляющего большинства внимательно или по верхам читавших ее современников.

Все участники и наблюдатели поднявшегося шума восприняли происходящее как скандал, обвинители считали, что оскандалился автор, защитники и почитатели – что оскандалилась публика. Сам Гоголь писал В.А. Жуковскому 6 марта н. ст. 1847 г.: «Появление моей книги разразилось точно в виде какой-то оплеухи: оплеуха публике, оплеуха друзьям моим, и, наконец, еще сильнейшая оплеуха мне самому» [7. Т. 8. С. 243]. Были и не вполне определившиеся, а также, по свидетельству Свербеева, такие, у кого «было заготовлено по несколько мнений на эту книгу: в своем кабинете и в короткой беседе они говорили одно, в гостиных – другое» [3. С. 521]. При этом не только сама книга, но и публичная и изустная реакция на нее (а пред тем – тревожное ожидание ее выхода) сразу стала предметом обсуждений в гостиных, письмах и печатных рецензиях современников. Именно тогда сложились те мифы о позднем Гоголе, о самой книге и о реакции на нее, которые по разным причинам в дальнейшем удерживали свою влияние, несмотря на неоднократные опровержения. И сейчас «Выбранные места» продолжают возбуждать не только научные, но нередко полунаучные и открыто публицистические споры, в числе прочего – о личности автора. При этом обстоятельства первой встречи «Переписки с друзьями» читателем исследованы недостаточно, а в ее описаниях по сю пору превалирует оценка «правоты» и «неправоты» того или иного отзыва или суждения.

Вместе с тем разобраться в произошедшем и описать события более чем непросто в силу перегруженности подробностями и перипетиями, редукция которых, как показал опыт гоголеведения, оборачивается упрощением и схематизацией.

Задача нашего обзора комментаторской проблематики, разделенного на две статьи, – указать на обойденные вниманием аспекты первоначальной рецепции книги. К ним относятся допечатный период слухов и толков о книге и Гоголе, беспримерное разнообразие («разноголосица, какой доселе не бывало», по выражению Гоголя [7. Т. 13. С. 260]) и подвижность мнений как в отрицательных, так и в положительных оценках, а также разнообразие причин и особенностей предвзятого восприятия современниками как «Переписки...», так фактически и отношения к ней других читателей и критиков.

Прежде всего рассмотрим к хронологическим границам скандальной ситуации. То, что шум по поводу «Переписки с друзьями» существенно опередил ее выход из печати, было отмечено современниками, потом неоднократно упоминалось историками литературы и комментаторами, но подробно в причинно-следственном ряду событий не рассматривалось, хотя слухи и домыслы задолго до прочтения книги выступили одним из существенных факторов влияния на восприятие и оценку книги.

Вышли из печати «Выбранные места» 31 декабря 1846 г. [8. С. 692], и в первых числах января П.А. Вяземский написал П.Я. Чаадаеву в Москву: «У нас возбудила всеобщее внимание книга Гоголя. То-то у вас будут толки о ней» [9. С. 209]. Но и в Москве книга уже давно и активно обсуждалась, так что Шевырев, отметивший этот факт в своей рецензии (№ 1 «Москвитянина» за 1848 г.), сильно смягчил ситуацию, написав,

что «еще за два месяца по крайней мере до появления книги предшествовали ей слухи» [4. С. 1] (курсив мой. – Е.П.). Период обсуждения книги до ее выхода длился около полугода. Даже в Москве это началось еще в начале августа, первое из известных упоминаний (в письме Е.А. Свербеевой к А.Н. Попову) относится к 11-му числу [8. С. 685]. И уже тогда определились, можно сказать, основные «страхи и ужасы» будущих читателей. В. Шевырев, сообщая 29 октября 1846 г. Гоголю толки о книге, заключил их краткий перечень (включая версию о сумасшествии автора) выводом: «Книга твоя должна возбудить всеобщее внимание, но к ней приготовлены уже с *предубеждением* против нее» (курсив мой. – Е.П.) [9. С. 331].

Ответственность за формирование и распространение слухов и толков традиционно возлагается на цензора книги А.В. Никитенко и на ее редактора П.А. Плетнева (см., например, у В.И. Шенрока [3. С. 514]). Современный комментатор винит исключительно цензора, опираясь на мнение Плетнева и Шевырева [10. С. 962] и считая, что Никитенко был предубежден именно против христианских взглядов Гоголя, а потому «постарался – еще до публикации книги – бросить на них тень, объявив гоголевское сочинение следствием душевного помешательства автора» [11. С. 449]. Между тем просьбу Гоголя сохранить печатание книги втайне нарушил не только цензор, но и редактор, и удержаться, к слову сказать, вряд ли было по силам. Шевырев тоже не выдержал и ознакомил, вопреки просьбе Гоголя, московских друзей с предисловием ко 2-му изданию поэмы еще в рукописи (в Петербурге оно стало известно от цензуравшего его Никитенко), так что обращение Гоголя-сочинителя (в предисловии к «Мертвым душам») к прочитавшим «Переписку» современникам тоже трактовалось *еще не читавшими книгу* и уже предубежденно настроенными, и это дополнительно запутывало и без того сложную ситуацию.

Однако в вопросе об ответственности за слухи и толки важно учесть следующее. Два альтернативных источника, т.е. Никитенко с негативными трактовками и Плетнев с положительными, не образовали двух однородных по ожиданиям потоков, как можно было бы подумать и как это оценил в своей рецензии Шевырев [4. С. 1], еще не располагавший достаточными сведениями. В реальности отрывочные сведения из обоих источников порождали в Петербурге, а тем более в Москве вопросы и толки как таковые, а окраска и домыслы зависели от уже имевшегося настроения каждого следующего посредника.

В этом плане примечательны обстоятельства, образовавшие предвзятость самого цензора. А.В. Никитенко распространял *свое*, действительно, предубежденное, мнение, и сложилось оно за полтора года до получения им гоголевской рукописи для цензурирования. Напомним его дневниковую запись от 8 мая 1845 г. об инициированном С.С. Уваровым разговоре о Гоголе: «Уваров хотел показать мне письмо к нему Гоголя, да не отыскал его в бумагах. Он *передал мне его содержание на словах, ручаясь за достоверность их*» (курсив мой. – Е.П.). Гоголь благодарит за получение

от государя денежного пособия и, между прочим, говорит: «Мне грустно, когда я посмотрю, как мало я написал достойного этой милости. Все, написанное мною до сих пор, и слабо и ничтожно до того, что я не знаю, как мне загладить перед государем невыполнение его ожиданий. Может быть, однако, бог поможет мне сделать что-нибудь такое, чем он будет доволен». Печальное самоуничижение со стороны Гоголя! Ведь это написал человек, взявший на себя роль обличителя наших общественных язв и действительно разоблачающий их не только метко и верно, но и с тактом, с талантом гениального художника. Жаль, жаль! Это с руки и Уварову и кое-кому другому» [12. С. 292]. Между тем Гоголь в своем письме, почтительно благодаря министра за хлопоты и ходатайство, а через него выражая особую благодарность императору, по тону и риторике всего лишь высказывает естественную в таком случае скромность и пользуется традиционной для официально-делового эпистолярного стиля и соответствующей ситуации речевой фигурой – и не помышлял, еще не заслужил, но надеюсь, буду достоин и т.п. (см.: [7. Т. 12. С. 483–485]). Что бы ни думал Гоголь о написанных ранее произведениях, с письмом он обращался к министру, а не к confidentу. И Никитенко, уже 10 лет служивший по цензурному ведомству, не зря дистанцировался от «достоверности» уваровской трактовки – и закавычив ее, и подчеркнув, что министр поручился за достоверность и что ему такое признание Гоголя «с руки», и, наконец, записав 10 мая: «Заходил в канцелярию к Комовскому, чтобы, по желанию министра, прочесть письмо Гоголя. *Суицист* его *почти та же*, что передавал мне Уваров» (курсив мой. – Е.П.) [12. С. 292]. То есть не только в форме подачи, но и в содержании он увидел искажение. Не беремся сейчас разбираться, зачем и почему Уваров решил познакомить Никитенко с гоголевским письмом, зачем и почему искажил гоголевское высказывание буквализацией риторической фигуры почтительной благодарности, ясно одно – именно эта подсказка министра повлияла на восприятие Никитенко (цензуравшего до того «Мертвые души» и четыре тома Сочинений Гоголя и проявившего доброжелательное отношение к автору) полученных в июле 1847 г. первых глав «Переписки с друзьями», прежде всего – на чтение «Предисловия» и «Завещания». Начав чтение рукописи, Никитенко, как и многие другие, увидел именно то, чего уже ждал. Характерно в этом плане, что С.Т. Аксаков, близкий друг и один из самых активных и жестких обвинителей автора «Выбранных мест», свое тревожное ожидание, «подтвержденное» слухами 1846 г. из Петербурга, измерил почти пятью годами (ср.: «Пятый год душа моя наполнена этими чувствами и убеждениями» [2. С. 164]).

Другое дело – поспешность, с какой А. Никитенко, не прочитав еще всего текста, делился своими оценками и иллюстрировал их примерами из гоголевской рукописи, вырванными, разумеется, из общего контекста. Но ведь и Плетнев, еще не прочитав книгу целиком, составил «полное» мнение о ней и делился этим – глубоко положительным – мнением: в письмах – с Я.К. Гротом и Жуковским, при чтении корректурных листов первых глав книги – с часто бывавшими в его

доме во второй половине 1846 г. П.А. Кулишом и А.О. Ишимовой [3. С. 514], с приезжавшим в Петербург Гротом, а также с «небольшим кружком приближенных», по выражению Кулиша [13. С. 61].

Позднейшее осуждение поведения А.В. Никитенко восходит к «свидетельствам» С. Шевырева конца октября [14. С. 331] и начала ноября [10. С. 962] того года, а в Москве слухи поползли, как уже говорилось, в августе. Отсюда вопрос: из каких источников были почерпнуты московскими друзьями Гоголя «верные и секретные известия» (по С.Т. Аксакову) о книге, «в строжайшей тайне» печатавшейся в Петербурге? Единственным пока источником данных об этом являются опубликованные Л.Р. Ланским в т. 58 «Литературного наследства» (1952) фрагменты из писем Е.А. Свербеевой к А.Н. Попову, бывшему тогда в Петербурге. Свербеева 11 и 15 августа 1846 г. [8. С. 685–686] отвечала на письма Попова, местонахождение которых неизвестно (скорее всего, они не сохранились), поэтому выяснить, что знал, что и как сообщил Попов о готовящемся издании, не представляется возможным. Известно, однако, что он не входил в близкий круг общения Плетнева или Никитенко, а Белинский с соратниками относились к нему, мягко говоря – недружественно. И скорее всего, в августе сам Попов попросил москвичей прояснить ситуацию в связи с распространившимся в Петербурге слухом, а это оказалось для них «вестью» о книге. Ясно, что слухи были неблагоприятными, раз Свербеева, отвечая, упомянула «новую книгу Гоголя, которая *угрожает* нам» (курсив мой. – Е.П.) [8. С. 685]. В сентябре, кстати, Попов написал ей: «издатели хранят его (“сочинение Гоголя”. – Е.П.) в тайне и даже мне не показали ни одного печатного листа» [8. С. 690].

По большей части, судя по ныне известным подробностям, слухи и рождались, и распространялись стихийно, подобно гоголевскому описанию в поэме. Шевырев подметил это в упомянутом выше письме к Гоголю от 29 октября ст. ст. 1846 г. о предпечатных толках: «Когда я слушаю эти вести, всегда вспоминаю город NN в М<ертвых> Душах и толки его о Чичикове» [14. С. 330–331]. Приведем характерный, хотя и чуть более поздний по времени, пример стихийности, с которой бесполезно было бороться. 22 февраля 1847 г. Гоголь написал Смирновой по поводу ее смущения неприятием книги в Москве: «С московскими моими приятелями об этом не рассуждайте. Они люди умные, но многословы и от нечего делать толкут воду в ступе. Оттого их может смутить всякая бабья сплетня и сделаться для них предметом неистощимых споров. Пусть их пугаются обо мне, я их вразумлять не буду» [7. Т. 13. С. 224]. К этому времени он уже получил письмо старшего Аксакова (от 9 декабря) с «беспощадной правдой» о еще не прочитанной книге и краткой хроникой нарастания слухов и общего «возмущения» автором, да и прежде возникала необходимость опровергать московские слухи и толки о себе. Но речь о другом. Смирнова показала письмо брату – Л.И. Арнольди, он пересказал его близкому другу Ивану Аксакову, опустив конец (от слов «и от нечего делать»), тот

написал о гоголевском совете родным в Москву, сопроводив ремаркой: «Тут еще некоторые эпитеты, которые Арнольди, рассказывая письмо, не мог припомнить. Мне же дать прочесть это письмо Смирнова, несмотря на все просьбы Арнольди, отказала!» [5. С. 315]. Мы согласны с Ланским, отметившим тактичность Арнольди, умолчавшего по «вполне понятным причинам» об оценке Гоголем «московских приятелей» [8. С. 703]. Но вот вопрос: зачем Арнольди вообще рассказал об этом совете Ивану Сергеевичу, очень хорошо зная о его постоянной и откровенной переписке с родителями, о противоречии в семье по поводу гоголевской книги и ревностном отношении к Смирновой? Зачем сам Иван принял эту эстафету? Ответа мы не найдем, потому что каждый следующий посредник начиная с самой Смирновой (и прежде, и в этот раз, и позднее) руководствовался исключительно причиной, а не целью, не задумываясь о последствиях вообще или частично, а причин у всех было достаточно: в каждом звене этой цепочки отношения были или родственные, или дружески-солидарные, или те и другие. А в итоге получалось нечто самопроизвольно расширяющееся и уплотняющееся.

Итак, целесообразность различения двух этапов обсуждений – до и после непосредственного выхода книги из печати – очевидна. Но всех сложностей это не устраняет. Обстоятельства в целом сформировали как минимум три варианта реагирования на вышедшую из печати книгу.

Первый – переоценка после прочтения. Например, изменение мнения И.С. Аксакова от согласия с отцом, основанного на переданных из Москвы слухах, в ноябре 1846 г. [5. С. 336] до собственного принятия книги по ее прочтении и спора с отцом в январе 1847 г. [5. С. 344].

Второй – эволюция и корректировка оценки по мере углубленного знакомства или осмысления целой книги. Для примера обратим внимание на дневниковую запись П.А. Кулиша (в феврале 1847 г.), который познакомился с текстом «Переписки» по корректурным листам в Петербурге у Плетнева в ноябре–декабре 1846 г., а потом на родине, внимательно и сосредоточенно прочитал ее в январе 1847 г.: «К увеличению наших духовных наслаждений П<стр> А<лександрович> прислал нам “*Выбранные места из переписки с друзьями*” Гоголя <...> Голос сердечного убеждения, которым проникнута эта книга, поразил теперь меня самого, хотя в Петербурге первые места этой книги, тогда печатавшейся, показались мне ниже таланта Гоголя» [15. С. 57].

Третьим вариантом является неготовность переменивать загодя сформированное мнение и отношение. Отметим, что в большом числе таких случаев образованная, а чаще усиленная предпечатными толками предвзятость к моменту знакомства с самим произведением приобретала такую плотность, что стала совершенно непроницаемой для всякой несовпадающей мысли или сомнения.

Один из характерных и доступных в документах примеров можно наблюдать в переписке Аксаковых. Уже 26 августа старший Аксаков писал Ивану Сергеевичу: «Мы получили верное и секретное известие из

Петербурга, что там печатается целая книга, присланная от Гоголя: *отрывки из писем или переписки с друзьями* (название хорошенько не помню). <...> Между прочим, там Гоголь признает совершенную ничтожность всего им написанного и говорит, что изорвал продолжение “Мертвых душ”, объявляет, что едет в Ерусалим и делает какое-то завещание публике или России. Плетнев печатает эту книгу в возможном секрете и потому не говори об этом никому ни слова <...> Увы, исполняется мое давнишнее опасение! Религиозная восторженность убила великого художника и даже сделает его сумасшедшим. Это истинное несчастье, истинное горе. Впрочем, ласкаю себя надеждой, что это как-нибудь да не так: может быть, он изорвал прежнее продолжение “Мертвых душ” и написал новое. Истина должна скоро открыться. Второе издание “Мертвых душ” уже печатается и к 15 октября выйдет в свет, если не задержит сам Гоголь присылкою предисловия. Меня удивляет эта несообразность: если он отказывается от всего им написанного, зачем второе издание “Мерт<вых> ду<ш>”?» (курсив автора. – Е.П.) [2. С. 159]. Подчеркнем, прежде всего, уверенность Сергея Тимофеевича в том, что известие об отказе Гоголя от прежних творений и проч. – «верное», и эту уверенность не колеблют собственные здравые мысли, что «истина» еще только должна открыться, что зачем-то Гоголь затеял второе издание поэмы. Оказалось легче признать близкую к сумасшествию несообразность гоголевских действий, чем отказаться от уверенности в том, что опасения сбылись и что художник в Гоголе погиб. «Давнишнее опасение» Аксакова относится еще к 1842 г. и связано с намерением Гоголя поехать в Иерусалим, породившим подозрение в «религиозной восторженности» и увлечении Гоголя мистицизмом. Уже тогда предубеждения Аксакова не поколебали ни попытки Гоголя объясниться, ни последующие эпистолярные подтверждения серьезности, обдуманности и прочувствованности его христианских устремлений: предубеждение превращало все это в признаки ханжества. Поэтому в 1846 г. уже ничто не смогло поколебать его уверенности в правоте слухов: сообщенным Шевыревым в начале сентября разъяснением Плетнева он просто не поверил³, как и объяснениям Гоголя, положительному мнению Ивана Сергеевича, уже прочитавшего книгу в Калуге. «Переполнилась мера», – написал Аксаков Гоголю 9 декабря 1846 г., изложив свою «беспощадную правду» о «дьявольской гордости», ханжестве и т.п. автора не прочитанной им книги [2. С. 164]. Реальное знакомство с книгой только ужесточило эту давно готовую позицию⁴ (чаще замечалось в письмах определение «беспощадный»), а борьба с автором книги приобрела оттенок общественной миссии, и, сообщая Ивану Сергеевичу о своей эпистолярной отповеди Гоголю, Аксаков резюмировал: «...я исполнил свой долг как друг, как русский и как человек» [2. С. 161]. С этим же пафосом он убеждал сына (в письме от 16 января): «Мы не можем молчать о Гоголе, мы должны публично порицать его» (курсив мой. – Е.П.) [2. С. 164].

По части разнообразия давних предубеждений информативен обзор мнений, сделанный по просьбе

С.Т. Аксакова Д.Н. Свербеевым. Литературный салон Свербеевых известен нейтральным отношением к убеждениям и литературным пристрастиям гостей, и хозяева знали из первых уст разные мнения о книге. Но о каких «прочитавших» книгу гостях написал Свербеев – загадка. Письмо написано 16 января 1847 г., собирались у Свербеевых по пятницам, и последняя перед письмом приходится на 10 января. Но 9 января книга только появилась в московской книжной лавке М.Д. Ольхина, о чем сообщили «Московские ведомости» (в «Прибавлениях» к № 4). В тот же день Аксаковы написали Ивану Сергеевичу в Калугу, что они книги еще не видели [8. С. 696]. Не исключено, конечно, что среди гостей этого вечера были такие, кто за сутки успел пролистать книгу (для сравнения: Ивану Аксакову на беглое чтение потребовались сутки – без перерыва на ночь [5. С. 343]). Не вполне исключено и то, что за первую декаду января кто-нибудь (?) привез в Москву купленный в Петербурге экземпляр, который кем-то, опять же, был прочитан. Но доля вероятности этого чрезвычайно мала. Думается, что об этом было бы прямо или косвенно упомянуто в письме, где в числе прочего Свербеев (надо отдать ему должное) сам высказал сомнения относительно реальной осведомленности оценивающих лиц («Сперва повторю я чужие мнения о книге, которые удалось мне выслушать справа и слева от прочитавших *Избранные письма Гоголя*, а может быть, и от тех, которым совестно было бы признаться, что они их еще не читали» (курсив автора. – Е.П.) [3. С. 520]), а в заключение обзора подчеркнул: «А каких бы еще диковинных мнений наслаивались мы, если бы наши московские торгаши книгами не отсылали от себя покупателей *за неимением книги*» (курсив мой. – Е.П.) [3. С. 521].

Отметим особо, что Свербеев вовсе не считал эти предваряющие реальное знание оценки неправомерными: «После будет поздно; первая вспышка пройдет. Привилегированные умники, уже давно *прочитавшие книгу*, наложат на общество свое собственное мнение, ему обрадуется большинство и примет с голоса. Есть люди осторожные, слишком к себе недоверчивые, которые этого именно и ждут» (курсив мой. – Е.П.) [3. С. 521]. Иными словами, слухи или искаженные фрагментарные сведения, обросшие эмоциями посредников, он считал вполне достоверным источником, и суть извлекалась не из самостоятельного прочтения, а из отношения к чужому суждению. Сам Свербеев, по его словам, свое мнение составил «по прочтении всей книги» [3. С. 521], но из приведенных им оценок и высказываний, не выходящих за пределы самых одиозных и обсуждаемых вопросов и претензий к автору, можно заключить, что его знакомство с книгой было беглым пролистыванием с возможными остановками не некоторых глав (в письме есть косвенные отсылки к главе «Чем может быть жена для мужа в домашнем быту», превратно истолкованной, и высказано недоумение гоголевской трактовкой пушкинского стихотворения «С Гомером долго ты беседовал один...» из главы «О лиризме наших поэтов»).

В.И. Шенрок считал, что Свербеев, в отличие от Аксаковых, «говорит совершенно беспристрастно и ни

одним словом не подает повода упрекнуть в увлечении какой-либо любимой идеей» [3. С. 523]. Но это не так. Пристрастность обозревателя выражена уже в комментариях к чужим мнениям: простосердечные (кто «в простоте сердца» поверил) читатели приняли религиозность Гоголя со «слезами умиления», другие «робко» – «выражали сомнение» в смирении автора, третьи – «посмелее, называли уже книгу первым неудачным опытом автора в этом великом подвиге христианина», а «отчаянный смельчак» назвал Гоголя Тартюфом (курсив мой. – Е.П.) [3. С. 521] и т.п. Причем собственное мнение Свербеева об авторе книги практически совпадает с последним – «отчаянного смельчака», отличаясь только сомнением в мотивах Гоголя: «...надувает ли он (от чего Боже сохрани), прежде чем сам надувается, или же надувается прежде сам, а уже потом надувает своих читателей» [3. С. 523].

Получившие впоследствии особую популярность сравнение Гоголя с Тартюфом и обвинение его в ханжестве распространились, вероятно, под влиянием или как минимум при поддержке сугубой сплетни о Гоголе-человеке. Так, О.С. Аксакова, «доселе, как правило, на литературные темы письменно не рассуждавшая», как точно подметил В.А. Кошелев [6. С. 79], писала сыну в Калугу 14 января 1847 г. (едва в семье прочитали «Выбранные места»): «...одно сильное действие возбудила во мне эта книга: сильное негодование – вот и польза его книги; до сих пор не могу истребить этого ощущения, оно же и поддерживается вестями (которые привез <Н.П.> Боткин и переданные нам Константином), что он иначе не ходит, как потупя взор, и ему говорят тихо, с подобострастием: “Николай Васильевич, Николай Васильевич, хорошо ли это блюдо?”, а он, кушая, отвечает: „С о ф ъ я П е т р о в н а, д у м а й т е о д у ш е В а ш е й“» (выделено

в оригинале. – Е.П.) [8. С. 698, примеч. 2]. Судя по приведенному Ланским в примечании отрывку из неизданных «Путевых записок за границей» Ф.П. Толстого, по Риму носились разные слухи о «ханжестве» Гоголя и подобострастии к нему в доме С.П. Апраксиной (сестры А.П. Толстого). Сам Толстой между тем сообщил в «Записках» только то, что Гоголь в доме Апраксиных «играет роль» «какого-то» углубленного в думы человека и потому по большей части все молчит» [8. С. 698–699].

Предвзятость Свербеева, как мы видим, была образована совсем другими причинами, чем у Аксакова. В глазах Свербеева, чурающегося Гоголя из-за риска быть упомянутым в печати⁵ и тем самым оказаться «прихвостником у какой-то знаменитости», – писатель «как-то и почему-то поставил себя вне всех приличий», в то время как «русское общество умеет замечать странности своих знаменитостей, скорбит о толпе, когда эти странности нисходят до мании, но хранит к ним уважение, терпеливо ожидая благодетельного для них кризиса и в этом своем ожидании все странности замечательного писателя, всякую манию достойного по высокому характеру человека, может быть *слишком долго прикрывает своим благодушным снисхождением*» (курсив мой. – Е.П.) [3. С. 520–521]. Так что Свербееву, по сути, книга предоставила возможность отставить в сторону снисхождение к странностям (как к вседозволенности) знаменитого писателя.

Таким образом, одинаковая оценка книги нередко исходила из разной предвзятости. Но документально засвидетельствованы и обратные примеры, когда за разными оценками скрывалось одинаковое предубеждение. Однако эти факты и обтекаемое привычно применяемых понятий будут раскрыты во второй статье на эту же тему.

Примечания

¹ ОР РГБ. Ф. 3. Аксаковы. К. 16. Ед. хр. 16. Письмо Д.Н. Свербеева С.Т. Аксакову от 16 января 1847 г. Л. 2 об. Впервые опубликовано с неточностями в этом фрагменте и ошибкой в дате (10 января) [3. С. 521]; сверено с автографом и исправлено О.В. Голодняк.

² И.С. Аксаков, например, писал родителям 28 сентября 1846 г.: «Меня все это время ужасно тревожил и мучил вопрос о примирении искусства с религиею и наводил тоску, тягостную и невероятную... Вопросы этого, разумеется, я не разрешил, но как-то теперь перестал об нем думать так много; этот вопрос есть вопрос о примирении язычества с христианством, религии с жизнью, словом, завлекает далеко» [5. С. 315]; эти темы Аксаков выделил и в своей оценке вышедшей книги в письме к родным от 18 января 1847 г. [5. С. 344]. О других гоголевских «тезисах», усвоенных И. Аксаковым «еще до знакомства с “Перепиской...”», см. в [6. С. 81–82].

³ Ср.: «Плетнев пишет, что в сочинении Гоголя, которое скоро выйдет из печати, ничего нет такого <...> и что известие это совершенно ложно; а я думаю, что оно справедливо» [8. С. 688, примеч. 1].

⁴ 11 января отец и сестра, прочтя «только половину», написали Ивану Сергеевичу, что признание автора сумасшедшим – самая благоприятная оценка книги [2. С. 164].

⁵ Ср.: «Письменные же сношения с Гоголем – вы сами это видите – опаснее, нежели с кем бы то ни было» [3. С. 520].

Список источников

1. Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. 463 с.
2. Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 302 с. (Серия: Литературные Памятники)
3. Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1897. Т. 4. 978 с.
4. Шевырев С. Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя // Москвитянин. 1848. Ч. 1, № 1. Критика. С. 1–29.
5. Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849 гг. М.: Наука, 1988. 724 с. (Серия: Литературные Памятники)
6. Кошелев В.А. Иван Аксаков: консервативная оппозиция как литературная идеология // Русская литература. 2006. № 1. С. 76–94.
7. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. <Б.М.>: Изд-во АН СССР, 1937–1952.
8. Литературное наследство. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Наука, 1952. 1060 с.
9. Из бумаг П.Я. Чаадаева. Письма князя П.А. Вяземского / сост. и примеч. А.И. Кирпичникова // Старина и новизна. Исторический сборник. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1897. С. 205–212.
10. Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым: в 3 т. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1896. Т. 2. 968 с.
11. Виноградов И.А. Цензурная история «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Москва; Киев: Изд-во Моск. Патриархии, 2009. Т. 6. С. 445–464.
12. Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. [Л.:] ГИХЛ, 1955. Т. 1. 543 с.

13. <Кулиш П.А.> Записки о жизни Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем : в 2 т. Т. 2. СПб. : В типографии Юлиуса Штайфа, 1856. 302 с.
14. Переписка Н.В. Гоголя : в 2 т. М. : Худож. лит., 1988. Т. 2. 479 с.
15. Кулиш П. Щоденник / упор. тексту, прим. С.М. Кіржаєва. Київ : Інститут Української Археології, 1993. 83 с.

References

1. Vyazemskiy, P.A. (1984) *Estetika i literaturnaya kritika* [Aesthetics and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo.
2. Aksakov, S.T. (1960) *Istoriya moyego znakovstva s Gogolem* [The History of My Acquaintance with Gogol]. Moscow: USSR AS.
3. Shenrok, V.I. (1897) *Materialy dlya biografii Gogolya* [Materials for the Biography of Gogol]. Vol. 4. Moscow: Tip. A.I. Mamontova.
4. Shevryyov, S. (1848) Vybrannyye mesta iz perepiski s druz'yami N. Gogolya [Selected Passages from Correspondence with Friends by N. Gogol]. *Moskvityanin*. 1 (1). Kritika. pp. 1–29.
5. Aksakov, I.S. (1988) *Pis'ma k rodnym. 1844–1849 gg.* [Letters to Relatives. 1844–1849]. Moscow: Nauka.
6. Koshelev, V.A. (2006) Ivan Aksakov: konservativnaya oppozitsiya kak literaturnaya ideologiya [Ivan Aksakov: Conservative Opposition as Literary Ideology]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 76–94.
7. Gogol', N.V. (1937–1952) *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 tomakh* [Complete Works: in 14 vols]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
8. Anon. (1952) *Literaturnoye nasledstvo. Tom 58: Pushkin. Lermontov. Gogol'* [Literary Heritage. Vol. 58: Pushkin. Lermontov. Gogol']. Moscow: Nauka.
9. Kirpichnikov, A.I. (1897) Iz bumag P.Ya. Chaadayeva. Pis'ma knyazya P.A. Vyazemskogo [From the Papers of P.Ya. Chaadayeve. Letters of Prince P.A. Vyazemsky]. In: *Starina i novizna. Istoricheskiy sbornik* [Antiquity and Novelty. Historical Collection]. Saint Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha. pp. 205–212.
10. Anon. (1896) *Perepiska Ya.K. Grot s P.A. Pletnevym: v 3 tomakh* [Correspondence of Ya.K. Grot with P.A. Pletnev: in 3 vols]. Vol. 2. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva Putei Soobshcheniya.
11. Vinogradov, I.A. (2009) Tsenzurnaya istoriya "Vybrannykh mest iz perepiski s druz'yami" [The Censorship History of "Selected Passages from Correspondence with Friends"]. In: Gogol, N.V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Complete Works and Letters: in 17 vols]. Vol. 6. Moscow; Kyiv: Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii. pp. 445–464.
12. Nikitenko, A.V. (1955) *Dnevnik: v 3 tomakh* [Diary: in 3 vols]. Vol. 1. Leningrad: GIHL.
13. [Kulish, P.A.] (1856) *Zapiski o zhizni Gogolya, sostavlenkiye iz vospominaniy yego druzey i znakomykh i iz yego sobstvennykh pisem: v 2 tomakh* [Notes on the Life of Gogol, Compiled from the Recollections of His Friends and Acquaintances and from His Own Letters: in 2 vols]. Vol. 2. Saint Petersburg: V tipografii Yuliusa Shtaufa.
14. Anon. (1988) *Perepiska N.V. Gogolya: v 2 tomakh* [Correspondence of N.V. Gogol: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
15. Kulish, P. (1993) *Shchodennyk* [Diary]. Kyiv: Instytut Ukrain'skoi Arkheohrafii.

Информация об авторе:

Падерина Е.Г. – д-р. филол. наук, ведущий научный сотрудник Отдела русской классической литературы Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: kbogan@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.G. Paderina, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: kbogan@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.02.2025;
одобрана после рецензирования 23.04.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 28.02.2025;
approved after reviewing 23.04.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья
УДК 070
doi: 10.17223/15617793/515/5

Дата-трекер как формат дата-журналистики: типологическая характеристика

Марина Андреевна Сенинг¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, sening.m@gmail.com

Аннотация. Представлена характеристика дата-трекера как формата дата-журналистики, выделены основные формообразующие признаки дата-трекера, проведена тематическая классификация, сформулировано определение дата-трекера. Определено, что основным элементом дата-трекера является дата-визуализация, которая изменяется в течение времени в зависимости от изменений параметров, лежащих в ее основе, а наиболее близким форматом – мультимедийный лонгрид, имеющий схожую структуру и интерактивные элементы.

Ключевые слова: дата-журналистика, дата-трекер, дата-визуализация, COVID-19, формат

Для цитирования: Сенинг М.А. Дата-трекер как формат дата-журналистики: типологическая характеристика // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 44–54. doi: 10.17223/15617793/515/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/5

Typological characteristics of the data tracker as a format of data journalism

Marina A. Sening¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, sening.m@gmail.com

Abstract. Data journalism is being actively studied by domestic and foreign researchers, but the genre and format characteristics of data-based articles have not yet been described. Meanwhile, due to the specifics of the sources and presentation of information, data materials have their own characteristics. In this article, we characterize the data tracker as a format of data journalism, identify its main formative features, and for the first time in the Russian scientific literature, formulate the definition of the data tracker. The study analyzed 40 data trackers published in *The New York Times*, *The Washington Post*, *The Guardian*, *The Economist*, *The Palm Beach Post*, *RBC*, and *Mediazona*, released from 2009 to 2024. The research method is a typological analysis, which was carried out according to the following scheme: (1) definition of the subject of the text; (2) definition of the structure of the text; (3) visualization analysis; (4) identification of information sources; (5) analysis of the relationship between the verbal and visual parts of the text. It has been revealed that the main characteristic of the data tracker is variability. Once published, materials are regularly updated over a period of several weeks to several years. Variability does not occur spontaneously, but is controlled by defining specific parameters, updates of which are recorded in the tracker. Thus, two formative characteristics of the data tracker are highlighted: (1) the unity of the theme; (2) the changing of certain parameters. The main element of the data tracker is data visualization, which is initially developed by a person, but then it is processed algorithmically using software, which allows it to be updated and supplemented with new data. Often, several data visualizations are used in one data tracker, each of which is based on several sources of information. Visualizations are often interactive, which allows the reader to influence the appearance of the data tracker, delve deeper into the topic, and study the data in more detail. The author defines the data tracker as a format of data journalism because it is a specific form of information presentation. At the same time, the text of the data tracker can be written in different information genres. The closest format to the data tracker is the longread, which has a similar structure and interactive elements. However, unlike the longread, the data tracker is not text-centric; it is formed around data visualization, and it is not static and changes regularly.

Keywords: data journalism, data tracker, data visualization, COVID-19, format

For citation: Sening, M.A. (2025) Typological characteristics of data tracker as a format of data journalism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 44–54. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/5

Введение

Дата-журналистику можно считать новой областью журналистики, так как этот термин появился в 2010 г. Он впервые прозвучал на первой Международной конференции Data-Driven Journalism, организованной в Амстердаме немецким журналистом Мирко Лоренцом и Европейским центром журналистики [1], с тех пор

дата-журналистика стала активно развиваться и изучаться.

При этом в научном дискурсе до сих пор не сложилось единого мнения о том, что именно считать дата-журналистикой. М.Н. Шерстюкова определяет дата-журналистику как новый жанр, «использующий для предоставления информации общественно доступные базы данных (отсюда и название), т.е. статистические

сводки, графики, списки, карты и многое другое» [2]. С.И. Симакова говорит об этом феномене как об инструменте представления общественности важных сведений, которые могли бы остаться незамеченными, а также как об эффективном способе критического исследования какой-то проблематики [3]. Р.В. Жолудь определяет дата-журналистику как «комплекс журналистской деятельности, включающий сбор и анализ больших массивов информации с целью выявления общественно значимых процессов и явлений, а также последующее представление результатов в удобном для восприятия массовой аудиторией виде» [4. С. 104].

Исследователи Е.А. Баранова и А.А. Шнайдер считают, что отсутствие единого понятия связано с тем, что ученые рассматривают дата-журналистику с разных сторон: «...как направление медиаиндустрии, тесно связанное с развитием компьютерной, вычислительной журналистики; в ракурсе эпистемологии журналистики данных (влияния феномена больших данных на современную журналистику); в ракурсе темы, связанной с журналистским образованием (новые требования к обучению журналистов программированию, статистике, визуализации данных)» [5. С. 100]. В данной работе мы будем придерживаться определения, данного А.Г. Шилиной: журналистика данных – это «направление в журналистике, основой материалов которого являются результаты обработки количественных данных, которые могут служить инфоповодами или быть частью материала, обогащая его» [6. С. 4].

Активное развитие дата-журналистика как журналистская практика получила во время пандемии COVID-19¹ [7]. В.В. Бондарчик отмечает возрастание интереса к этой области как со стороны журналистов, так и со стороны аудитории [8]. Журналисты следили за статистикой заболевших и умерших от ковида, при этом часто сами собирали эти данные и анализировали их с помощью языка программирования Python. Собранные наборы данных некоторые редакции выложили в открытый доступ на специализированном ресурсе GitHub: так поступили The Economist [9], The New York Times [10] и «Медиазона»* [11].

В 2021 г. Пулитцеровскую премию – одну из самых престижных в журналистике – получило издание The New York Times «за смелое, дальновидное и широкое освещение пандемии коронавируса, которое выявило расовое и экономическое неравенство, провалы правительства в США и за их пределами и заполнило информационный вакуум, который помог местным органам власти, поставщикам медицинских услуг, предприятиям и частным лицам быть лучше подготовленными и защищенными» [12]. Награду издание получило за 15 материалов о ковиде, 5 из них было сделано дата-журналистами: The Fullest Look Yet at the Racial Inequality of Coronavirus (5 июля 2020 г.), Tracking the Coronavirus at U.S. Colleges and Universities (2020 г.), How Full Are Hospital I.C.U.s Near You? (16 декабря 2020 г.), Nearly One-Third of U.S. Coronavirus Deaths Are Linked to Nursing Homes (2020–2021 гг.), Coronavirus in the U.S.: Latest Map and Case Count (2020–2023 гг.)².

Деятельность дата-журналистов во время пандемии была отмечена медицинским сообществом: в 2021 г. в медицинском научном журнале The Lancet был опубликован комментарий ученых, которые подчеркивали необходимость взаимного сотрудничества между исследователями-медиками и дата-журналистами, собирающими оперативную информацию о пандемии COVID-19 и представляющими ее аудитории [13]. Авторы The Lancet особенно выделили функцию сопоставления данных, размещения «сводок» о заболеваемости и смертности в режиме реального времени. В качестве примеров таких «сводок» были приведены так называемые трекеры (trackers) – дата-материалы с обширными визуализациями, в которых в графическом виде отображались данные о заболеваемости и смертности; при этом данные обновлялись ежедневно или (позже) еженедельно, благодаря чему читатели получали актуальную и проверенную информацию о статистике заболеваний и смертей. Несмотря на то что пандемия COVID-19 ушла с передовой новостной повестки, ВОЗ регулярно сообщает о возможности возникновения новых эпидемий [14]. Поэтому опыт работы журналистов во время пандемии ковида активно изучается отечественными и зарубежными исследователями и самими практиками, однако до сих пор никто не описал явление трекера, его характеристики и особенности.

Ни в отечественной, ни в зарубежной литературе мы не нашли определения термина «трекер», хотя оно и используется в среде профессионалов и самими исследователями. М. Конов-Лунд и Дж. Вийк, рассматривая трекер норвежского издания VG Online как пример инноваций в расследовательской журналистике, называют этот проект «цифровым представлением фактов» [15. С. 116]. М. Конов-Лунд, Л. Пан и Е.-К. Олссон Гарделли сравнивают практики китайских и норвежских журналистов-расследователей во время пандемии, использование ими соцсетей для сбора информации и форматы ее предоставления аудитории [16]. На специализированном журналистском интернет-ресурсе The Open Notebook дата-журналисты обсуждают, с какими трудностями они столкнулись при создании дата-трекеров о пандемии COVID-19 [17].

В отечественной литературе исследований, посвященных дата-трекерам, не обнаружено. Однако дата-журналисты используют термин в своей профессиональной деятельности. В частности, дата-отдел «Новой газеты» выпустил на платформе YouTube серию роликов, в которых журналисты рассказывали о том, как собирали данные для трекера COVID-19³ [18]. Таким образом, дата-трекер представляет собой новый формат журналистских практик, имеющий высокую социальную значимость, но при этом он практически не исследован.

Типологизация материалов, созданных на основе данных, еще не проведена. Однако исследователи выделяют разные виды и формы материалов в дата-журналистике. Е.А. Баранова и А.А. Шнайдер, проведя анализ статей, опубликованных в российских и зарубежных

* Учредитель издания ООО «ЗП» с 29.09.2021 по 12.04.2024 был включен в Российской Федерации в реестр иностранных агентов.

СМИ, выделяют пять форм подачи материалов: 1) аналитическая статья; 2) картинка; 3) карточки; 4) лонгрид; 5) интерактивный мультимедийный проект [5].

При этом авторы не дают дефиниций выделенных типов, а в качестве описания приводят примеры дата-материалов. Д.В. Неренц классифицирует дата-материалы в зависимости от цели их создания: 1) новости, основанные на анализе данных; 2) социальные проекты, которые предполагают ориентацию на общественный интерес; 3) расследовательские дата-материалы, которые, как отмечает исследователь, разнородны по целевым установкам, форматным и содержательным признакам [19]. В другой работе Неренц отмечает, что дата-материалы «трансформируются в один из двух журналистских продуктов: журналистское расследование или социальный проект (чаще всего созданный в новостном отделе СМИ)» [20. С. 36], и классифицирует дата-материалы по тематическому признаку на восемь групп: исторические исследования, криминальные дата-проекты, коррупционные проекты, социальные исследования, политические дата-материалы, экологические исследования, спортивные дата-материалы, культурные и развлекательные проекты. Подчеркнем, что перечисленные классификации основаны на внешней форме или цели дата-материала, но их авторы не используют понятия «жанр» и «формат».

В данной работе мы попытаемся представить типологическое описание дата-трекера в системе форматов и жанров дата-журналистики, рассмотреть его тематическое разнообразие и ввести термин в научный дискурс.

Материалы, метод и методология

В качестве материала исследования были отобраны дата-материалы изданий The New York Times, The Washington Post, The Guardian, The Economist, The Palm Beach Post, Rest of Word, в заголовке или подзаголовке которых присутствовали слова *track*, *tracker* или *tracking*. Некоторые из этих материалов содержали гиперссылки на другие журналистские статьи, в заголовке или подзаголовке которых не было упомянутых слов, но структура текстов соответствовала выявленным позже характеристикам трекера, поэтому они также были включены в анализ. Аналогично были отобраны русскоязычные материалы изданий РБК и «Медиазона»⁴.

Таким образом, на первоначальном этапе был отобран 41 журналистский материал, выпущенный с 2009 по 2024 г. Однако в ходе исследования мы выявили, что не все отобранные материалы можно отнести к дата-журналистике – один текст был основан не на количественных данных (2024 AI Election Tracker – Rest of Word), а на новостных сообщениях, поэтому он был исключен из выборки. Таким образом, основу исследования составили 40 журналистских текстов, выпущенных с 2009 по 2024 г.

Методом исследования является типологический анализ журналистского текста, предложенный М.Ю. Казак и базирующийся на моделях массовой коммуникации [21].

Основные результаты и обсуждение

Общая характеристика понятия «дата-трекер»

Трекер – графически адаптированное заимствование из английского языка, *tracker* означает «отслеживание» или «слеδοпыт». В современных словарях русского

языка данное слово еще не зафиксировано. На орфографическом академическом ресурсе «АКАДЕМОС», который ведет Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, лексема «трекер» присутствует только в составе сложного слова «тайм-трекер», которое было добавлено в 2020 г. [22].

В связи с тем что в научных источниках определение еще не зафиксировано, мы обратились к общественным проектам. «Викисловарь» определяет «трекер» как неологизм и дает слову три определения: 1) следящая программа или устройство; 2) программа для создания несложных ритмических мелодий, сконструированных из готовых звуковых фрагментов; 3) сервер, осуществляющий координацию клиентов сети обмена файлами по торрент-протоколу [23]. «Википедия» содержит четыре статьи о слове «трекер»: одна из них посвящена программам для создания музыкальных композиций [24], вторая определяет трекер как специальность – «человек, использующий методологию трекинга для ускорения роста и достижения стратегических целей бизнеса» [25]. Помимо этого, Tracker – это название поисковой программы для Linux [26]. Этим же словом называют файловый менеджер в операционных системах BeOS, Zeta и Haiku [27]. Помимо этого, лексема «трекер» является составной частью еще пяти слов, например фитнес-трекер [28] или GPS-трекер [29], входит в название сервиса для управления проектами Yandex Tracker [30]. В Википедии трекер имеет еще одно значение (жарг.) – система отслеживания движений головы [31].

Как мы видим, все значения связаны со слежением: отслеживанием изменений, происходящих в организме (фитнес-трекер), изменений географических координат (GPS-трекер), отслеживанием движения головы, отслеживанием прогресса и развития бизнеса и т.д.

Обращение к области медиа позволило установить еще одно значение этой лексемы. Редакции обозначают словом «трекер» тексты, которые выполняют функцию информирования об изменениях, происходящих в той или иной тематике. Новая информация не оформляется в новый журналистский продукт, а обновляет уже существующий.

Обновления дата-трекера происходят на протяжении периода от нескольких дней до нескольких лет – в зависимости от тематики. Так, материал The New York Times под названием Path to 218: Tracking the Remaining House Races⁵, в котором редакция следила за результатами выборов в Палату представителей США, обновлялся с 25 ноября по 30 декабря 2024 г. Дата-трекер The Washington Post, посвященный пандемии ковида⁶, был опубликован в марте 2020 г. и обновлялся до мая 2023 г.

Самый ранний дата-трекер, который удалось найти в ходе исследования, начал публиковаться в 2009 г., он посвящен статистике убитых в округе Палм-Бич (штат Флорида, США), которую ведет The Palm Beach Post⁷. Последние обновления в этот дата-трекер были внесены в январе 2023 г.

Как отмечают исследователи, с течением времени информация, размещенная в сети Интернет, теряется: старые страницы удаляются, меняются технологии и

т.д. [32, 33]. Поэтому можно предположить, что дата-трекеры публиковались и ранее 2009 г., но уже недоступны по техническим причинам.

В связи с тем что дата-трекер регулярно обновляется, главной его характеристикой является *изменчивость*. Но эта изменчивость происходит не стихийно, а контролируется определением конкретных параметров, обновления которых и фиксируются в треkere. Например, в дата-трекере Tracking Abortion Bans Across the Country (The New York Times)⁸ параметром является наличие законов о запрете или ограничении абортов в разных штатах США. Параметров может быть несколько, как в Tracking U.S. covid-19 cases, deaths and other metrics by state (The Washington Post)⁹: количество заболевших ковидом, количество умерших от ковида и количество госпитализированных.

Таким образом, можно выделить две формообразующие характеристики дата-трекера:

- 1) *единство темы* – дата-трекер должен следить за тем, как изменяется конкретное событие или явление;
- 2) *изменение определенных параметров* – любой дата-трекер отслеживает изменения конкретных параметров, которые были определены на момент первой публикации; новые параметры вводятся в дата-трекер не могут.

Для отслеживания одного параметра авторы дата-трекера могут использовать несколько источников информации. Например, для того чтобы обновлять информацию в дата-трекере See How Vaccinations Are Going in Your County and State (The New York Times)¹⁰ авторы использовали информацию Центра по контролю и профилактике заболеваний США, Департамента общественного здравоохранения Массачусетса и Бюро переписи населения США.

В зависимости от темы можно выделить следующие виды дата-трекеров¹¹:

1. *Климатический* – интегрирует данные о климатически значимом событии или явлении. Например, Tracking Tropical Cyclone Dikeledi¹², с помощью которого The New York Times отслеживала движение циклона, или What's happening with the climate crisis and heat-trapping emissions in Australia¹³, с помощью которого The Guardian следит за выбросами углекислого газа в Австралии.

2. *Политический* – транслирует информацию о политическом событии. К примеру, Tracking the House's Most Competitive Races¹⁴, с помощью которого редакция The New York Times следила за результатами выборов в Палату представителей.

3. *Медицинский* – представляет данные о явлении или событии, имеющем медицинский характер. Например, Tracking covid-19 excess deaths across countries¹⁵, с помощью которого редакция The Economist следила за смертностью от ковида в разных странах.

4. *Экономический* – транслирует информацию об экономических изменениях. К примеру, Cost of living explorer 2024: track the impact of Australia's quarterly CPI on prices¹⁶, с помощью которого The Guardian отслеживает влияние инфляции на различные виды товаров и услуг.

5. *Социальный* – представляет информацию о социальных и общественно значимых проблемах. Например, Unemployment Tracker: Job Losses for Black Workers Are Deepening¹⁷, с помощью которого издание The New York Times в течение 3,5 месяцев следило за тем, как меняется количество потерявших работу.

Дата-визуализация как основной элемент дата-трекера

Источником для дата-трекера, как уже было сказано выше, служат цифровые количественные данные, которые журналисты собирают сами или берут из открытых источников. Эти данные оформляются в виде дата-визуализации. Дизайнеры Дж. Стил и Н. Ильински определяют дата-визуализацию (датавиз) как визуальное представление данных, которое соответствует четырем основным характеристикам: 1) составлено алгоритмически (визуализируется с помощью компьютерных методов); 2) легко восстанавливается с использованием разных данных (одна и та же форма может быть использована для представления разных данных со схожими характеристиками); 3) имеет эстетичный вид; 4) используется для представления больших данных. Стил и Ильински разделяют понятия «дата-визуализация» и «инфографика», определяя для инфографики следующие основные характеристики: 1) отрисована вручную; 2) специфична для имеющихся данных (и потому не может применяться с использованием других данных); 3) эстетически насыщенная; 4) интегрирует относительно небольшой объем данных [34].

Инфографика создается вручную с помощью программного обеспечения для рисования, и дата-визуализация может быть ее частью. Дата-визуализацию изначально разрабатывает человек, но затем она обрабатывается алгоритмически с помощью графического программного обеспечения. «Преимущество этого подхода заключается в том, что визуализацию относительно просто обновлять или восстанавливать заново, добавляя новые данные», – отмечают дизайнеры [34. Р. 25].

Исходя из этой характеристики, дата-визуализация является наиболее удобным способом передачи информации для дата-трекера, так как возможность изменений заложена в ее основании. Исследования компании Nelson Norman Group, проведенные с помощью технологии eye-трекинга, показывают, что при взаимодействии с текстом, опубликованным на экране компьютера, пользователи в первую очередь обращают внимание на иллюстрации и только потом – на вербальный текст [35]. Таким образом, дата-визуализация – это главный элемент дата-трекера.

Вид дата-визуализации зависит от задач, которые ставят перед собой авторы. Однако можно выделить несколько наиболее часто встречающихся:

- 1) линейные графики – представляют изменение параметра во времени;
- 2) барчарты – сравнивают показатели одного и того же параметра у нескольких объектов;
- 3) гистограммы – как и линейные графики, представляют изменение параметра во времени;
- 4) таблицы – могут представлять разную информацию; при их создании авторы дата-визуализаций могут

использовать графические элементы: градуированные символы, линейные графики и др.;

5) карты-хороплеты, карты градуированных символов и плиточные карты – демонстрируют показатели одного и того же параметра в разных регионах или странах;

6) географические карты – представляют путь перемещения объекта.

Нередко в одном дата-трекере авторы используют несколько дата-визуализаций, с помощью которых отслеживают несколько параметров одной темы. Например, в дата-трекере Coronavirus in the U.S.: Latest Map and Case Count¹⁸ редакция The New York Times представляла следующие количественные параметры:

- 1) заболевшие ковидом;
- 2) госпитализированные;
- 3) умершие;

4) положительные тесты на ковид;

5) уровень вакцинации населения.

Визуализации дата-трекера могут быть интерактивными. Интерактивность позволяет пользователю получить более подробную информацию и повлиять на вид визуализации. Например, читатель может выбрать период, данные за который отобразятся на визуализации. Часто издания включают в дата-визуализацию поисковую строку, в которой читатель может ввести название региона и посмотреть актуальные данные по определенной территории. Интерактивными могут быть и таблицы, как, например, в материале Tracking Coronavirus Cases at U.S. Colleges and Universities¹⁹ (The New York Times), в таблице которого при нажатии на строку с названием штата пользователь открывает список учебных заведений этого штата с информацией о заболеваемости ковидом (рис. 1).

Search for a school

The table includes more than 1,900 colleges and lists case totals where available. A few schools report only positive test results, which can include multiple tests for one person. Others were not clear about whether they counted positive test results or unique cases.

SCHOOL	ALL CASES	2021 CASES	CHANGE SINCE 2020	COUNTY	LOCAL CASES TREND
+ Alabama	15,975 cases at 30 schools				
- Alaska	430 cases at 3 schools				
University of Alaska Anchorage	186	51	38%	Anchorage Municipality	
University of Alaska Fairbanks	228	79	53%	Fairbanks North Star Borough	
University of Alaska Southeast	16	3	—	Juneau City And Borough	
+ Arizona	16,419 cases at 8 schools				
+ Arkansas	10,675 cases at 30 schools				
+ California	21,668 cases at 81 schools				
+ Colorado	14,647 cases at 29 schools				

Рис. 1. Интерактивная таблица в The New York Times

New reported cases

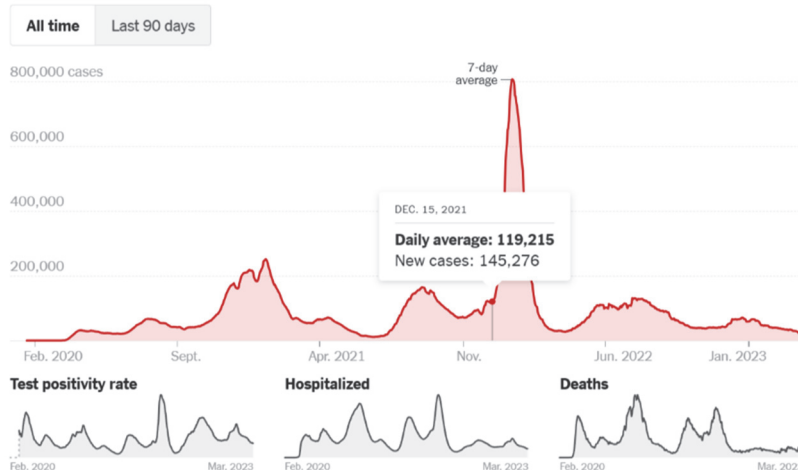

Рис. 2. Тултип на интерактивном графике дата-визуализации в The New York Times

Интерактивность может проявляться в наличии тултипов – подсказок, которые появляются при наведении курсора на конкретную точку визуализации, например линейного графика. Так, в линейном графике New reported cases (Coronavirus in the U.S.: Latest Map and Case Count, The New York Times) в тултипе указана следующая информация: дата, среднесуточный показатель и количество случаев (см. рис. 2).

«Медиазона» в дата-трекерах «Коронавирус в России. Избыточные смерти»²⁰ и «Коронавирус в России. Избыточные смерти»²¹ использует сложные дата-визуализации, состоящие из нескольких элементов, которые взаимодействуют между собой (рис. 3). С помощью интерактивности пользователь меняет вид визуализаций (из плиточной карты может сделать плиточный полигон), выбирает временной период, за который он хочет посмотреть данные. При нажатии на плитку, обозначающую определенный регион, читатель меняет вид линейного графика: на нем отображаются данные по выбранному региону. Аналогичным образом меняются и числа над графиком.

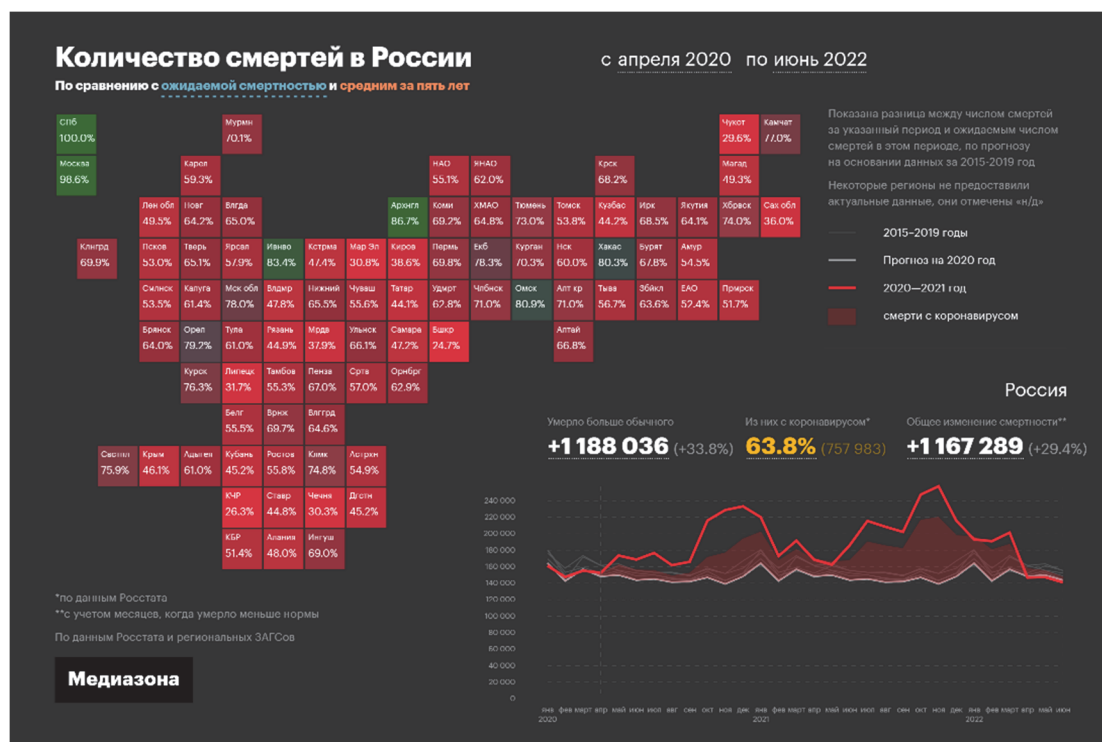

Рис. 3. Дата-визуализация в материале «Медиазоны» «Коронавирус в России. Избыточные смерти»

У.Л. Аллен ввел понятие визуального посредничества – совокупность «процессов замысла, создания, интерпретации и реагирования на визуализации данных, происходящие в социальном, политическом и культурном контекстах» [36. Р. 907]. СМИ, по мнению исследователя, являются одним из участников этой сложной системы наряду с исследовательскими институтами, аналитическими центрами, дизайнерами и широкой общественностью. Все связи в этой системе двунаправленны, а ключевым фактором является доверие, которое формируется при взаимодействии посредников. В этом ключе дата-визуализация в дата-трекерах предстает как элемент сложных общественных процессов, влияющий на отношения между институтами.

Дата-трекер как формат дата-журналистики

Дискуссия о разграничении понятий «жанр» и «формат» ведется в научной среде уже более десяти лет. Многие исследователи при этом ссылаются на мнение Г.В. Лазутиной, которая определяет формат как «понятие коммуникативистики, характеризующее

место предмета коммуникации в информационных потоках, адресуемых обществу» [37. С. 17]. Л.В. Иванова определяет формат как «стандарт трансформации информационного потока в способ его представления в зависимости от выбранной платформы» [38. С. 99], а жанр – как категорию текста, нацеленную на «определенное оформление содержания для эффективного решения познаваемой задачи» [38. С. 99]. Как отмечают Е.В. Мартыненко и А.Е. Базанова, проблема соотношения понятий «жанр» и «формат» остается нерешенной, так как медиасреда продолжает изменяться, некоторые жанры уходят в прошлое, а новые форматы становятся катализаторами для трансформации традиционных жанров и возникновения новых [39].

Исследователь К.А. Онуфриенко дифференцирует понятия «жанр» и «формат» с точки зрения семиозиса – процесса производства и восприятия знаков [40]. По мнению исследователя, формат зависит от канала и типа аудитории, а жанр – от типа содержания. Например, сообщение об аварии будет передано, скорее всего, в жанре новостной заметки, а не очерка. Формат – способ донести информацию до читателя, и он тесно связан с каналом коммуникации – например,

мультимедийный лонгрид будет размещаться на интернет-сайте, но может быть написан в разных жанрах: репортажа, очерка, интервью и т.д. «Формат – это внешняя форма представления контента, тогда как жанр – вид, группа произведений, имеющая устойчивое, постоянное единство признаков. Формат относится исключительно к способу представления, то есть “упаковке” содержания, тогда как жанр – к внутренней, имманентной этому типу содержания структуре» [40. С. 469].

С этой точки зрения дата-трекер представляется нам форматом дата-журналистики, так как является определенной формой представления информации, в основе выбора которой лежит стремление донести до читателя сообщение наиболее эффективным способом. Дата-трекер тесно связан с каналом коммуникации: этот канал должен быть гибким – сообщение, переданное с помощью него, можно редактировать (так как информация в дата-трекере периодически обновляется). Такие каналы коммуникации, как периодическая печать, радио и телевидение, не обладают таким свойством – их сообщения единовременны, поэтому дата-трекер – формат интернет-журналистики. Опубликованный однажды, он обновляется, не изменяя своего адреса, остается актуальным на протяжении длительного времени.

Наиболее близким форматом к дата-трекеру, на наш взгляд, является мультимедийный лонгрид. М.Н. Булаева характеризует мультимедийный лонгрид как «особый формат передачи информации в интернете, основой которого является журналистский текст, создающийся на отдельной странице; отличающийся большим объемом и продолжительностью материала во времени; сочетающий в себе все многообразие аудиовизуальных, графических средств; основанный на мультимедийном интерактивном нарративе» [41. С. 122]. Е.М. Пак определяет мультимедийный лонгрид как «журналистское произведение, в основу которого заложен длинный текст, сопровождаемый насыщенным высококачественным аудиовизуальным или анимационным рядом (архивные фотографии, аудиосопровождение, видео- и графические элементы, всевозможные симуляции)» [42. С. 50]. Исследователь подчеркивает, что формат мультимедийного лонгрида предполагает глубокое погружение читателя в тему, а восприятие происходит как линейно (прокручиванием веб-страницы сверху вниз), так и нелинейно (просмотром мультимедийных фрагментов). Таким образом, пользователь получает «равноценно важную информацию» как от текста, так и от мультимедийных элементов.

Структура дата-трекера аналогична структуре мультимедийного лонгрида и позволяет воспринимать текст как линейно, так и нелинейно, переходя от одной дата-визуализации к другой. Еще одна схожая черта дата-трекера и мультимедийного лонгрида – интерактивность. Словарь «Отечественная теория медиа. Основные понятия» определяет интерактивность как «способность медиа/массмедиа изменять характер презентации передаваемой информации в зависимости от действий потребителя (пользователя)» [43. С. 60].

И в мультимедийном лонгриде, и в дата-трекере присутствуют интерактивные элементы, которые позволяют читателю менять внешний вид текста и более глубоко погружаться в тему.

Отличие дата-трекера от мультимедийного лонгрида в том, что основным элементом дата-трекера является не вербальный текст, а дата-визуализация (часто – несколько дата-визуализаций). Вербальный текст носит вспомогательную функцию, а основную информацию читатель получает именно из дата-визуализации, взаимодействуя с ней путем интерактивных элементов.

Еще одна важная характеристика дата-трекера, отличающая его от мультимедийного лонгрида, – это изменчивость. Как было сказано выше, дата-трекер обновляется в течение времени (от нескольких дней), демонстрируя изменения параметров и динамику того или иного явления. Дата-трекер не статичен в отличие от мультимедийного лонгрида, а регулярно меняется. Пользователь, зайдя на веб-страницу дата-трекера в разный период времени, получает разную информацию – чем дольше обновляется дата-трекер, тем полнее информация, которую он представляет.

К.А. Онуприенко отмечает, что современные форматы – мультижанровые, в медиаполе идет процесс «упрощения жанра до формата», что является «свидетельством поиска нынешними медиаторами оптимальных способов коммуникации с аудиторией» [44. С. 50]. Текст дата-трекера не всегда можно отнести к определенному жанру²², однако на жанровые характеристики текста влияет тип взаимоотношений между вербальной и визуальной частями дата-трекера. При отношении зависимости, когда части дополняют друг друга [45], текст дата-трекера написан в виде заметки (Tracking U.S. cov-19 cases, deaths and other metrics by state, The Washington Post²³) или дайджеста новостей («Началась выдача QR-кодов по антителам. Актуальное о COVID на 22 февраля», РБК²⁴). При отношении дополнения, когда вербальная часть комментирует визуальную [45], текст дата-трекера написан в виде расширенной подписи к визуализации (Tracking Typhoon Gaemi, The New York Times²⁵) или инструкции о том, как читать визуализацию («Коронавирус в России. Избыточные смерти», «Медиазона»²⁶). Такие инструкции обычно даются в дата-трекерах, которые содержат довольно сложную визуализацию, нередко интерактивную, которая может изменять свой внешний вид в зависимости от действий пользователя.

Заключение

Результаты исследования позволяют сформулировать следующее определение дата-трекера. Дата-трекер – это формат дата-журналистики, с помощью которого читатель может следить за изменениями события или явления в течение времени; его формообразующими характеристиками являются единство темы и единство параметров слежения, а основным элементом – дата-визуализация, внешний вид и содержание которой меняются в течение времени в зависимости от изменений параметров. Наиболее близким форматом к

дата-трекеру является мультимедийный лонгрид, имеющий схожую структуру, позволяющую читателю воспринимать текст как линейно, так и нелинейно, а также интерактивные элементы, погружающие пользователя в тему. Однако в отличие от мультимедийного лонгрида в центре дата-трекера стоит не вербальный текст, а дата-визуализация, а сам дата-трекер регулярно обновляется, представляя новую информацию в течение периода от нескольких дней до нескольких лет и позволяя читателю следить за развитием явления в режиме реального времени (например, за количеством заболевших и умерших во время пандемии COVID-19). Жанр текста дата-трекера зависит от типа взаимоотношений между его вербальной и визуальной частями и может быть как более самостоятельным (информационная заметка, дайджест новостей), так и дополняющим дата-визуализацию (расширенная подпись к визуализации, инструкция).

Самый ранний дата-трекер, который нам удалось обнаружить, начал публиковаться в 2009 г., последние обновления в него вносились в январе 2023 г. Тематически можно выделить пять видов дата-трекера: климатический, политический, медицинский, экономический, социальный.

Главным элементом дата-трекера является дата-визуализация, которая изначально разрабатывается чело-

веком, но затем обрабатывается алгоритмически с помощью графического программного обеспечения, что позволяет добавлять в дата-визуализацию новые данные. Благодаря этому дата-трекеры могут регулярно обновляться и выполнять функцию информирования об изменениях параметров, отображающих динамику явления. Параметров может быть несколько, как и источников данных. Журналисты также могут сами собирать данные, формируя базу, и позже выложить ее в открытый доступ.

В одном дата-трекере часто используется несколько дата-визуализаций. Вид дата-визуализации зависит от задачи, которая перед ней стоит. Основные виды дата-визуализаций, которые используются в дата-трекере: линейный график, барчарт, гистограмма, таблица, карта-хороплет, карта градуированных символов, плиточная карта и географическая карта. Дата-визуализации могут быть интерактивными, благодаря чему читатель глубже погружается в тему, а от его действий зависит внешний вид дата-визуализации.

Перспективы исследования мы видим в изучении других форматов дата-журналистики и создании полной классификации форматов и жанров, соответствующей современному состоянию медиасреды. Также возможно рассмотрение явления дата-трекера с разных сторон, используя различные методы исследования, так как данный формат имеет яркие особенности.

Примечания

¹ Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила о начале пандемии 11 марта 2020 года, 5 мая 2023 года режим чрезвычайной ситуации в мире из-за COVID-19 был отменен, однако заявлений об окончании пандемии на момент написания статьи не поступало и ВОЗ продолжает публиковать ежемесячные отчеты о мировой эпидемиологической ситуации. URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/situation-reports>

² The Fullest Look Yet at the Racial Inequity of Coronavirus (<https://www.nytimes.com/interactive/2020/07/05/us/coronavirus-latino-african-americans-cdc-data.html>), Tracking the Coronavirus at U.S. Colleges and Universities (<https://www.nytimes.com/interactive/2020/us/covid-college-cases-tracker.html>), How Full Are Hospital I.C.U.s Near You? (<https://www.nytimes.com/interactive/2020/us/covid-hospitals-near-you.html>), Nearly One-Third of U.S. Coronavirus Deaths Are Linked to Nursing Homes (<https://www.nytimes.com/interactive/2020/us/coronavirus-nursing-homes.html>), Coronavirus in the U.S.: Latest Map and Case Count (<https://www.nytimes.com/interactive/2021/us/covid-cases.html>).

³ На момент написания статьи трекер удален с сайта «Новой газеты». Группа издания в социальной сети «ВКонтакте», в которой содержалась информация об этом трекере, заблокирована на территории Российской Федерации на основании решения Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26.07.2023 № 27-31-2023/Тре6577-23. Но в Яндексе сохранилась копия одного из постов – анонса трекера COVID-19 «Новой»: https://yandexwebcache.net/yandbtm?fmode=inject&tm=1736914098&tld=ru&lang=ru&la=1652171008&text=covid+трекер+новая&url=https%3A/vk.com/wall-6726778_1842555&l10n=ru&mime=html&sign=d5e0eb8e23084f4d9508f49258afec9a&keyno=0

⁴ В анализ были включены материалы только двух российских изданий, так как дата-журналистика в России менее развита, а некоторые СМИ, которые на ней специализируются, признаны нежелательными (The Insider, «Важные истории»), в связи с чем анализ их материалов не может быть представлен в публичном пространстве (ст. 20.33 КоАП РФ, ст. 284.1 УК РФ).

⁵ Path to 218: Tracking the Remaining House Races // The New York Times. 2024–2025. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2024/11/06/us/elections/results-house-races-tracker.html?searchResultPosition=61> (дата обращения: 13.04.2025).

⁶ Tracking U.S. covid-19 cases, deaths and other metrics by state // The Washington Post. 2020–2023. URL: https://www.washingtonpost.com/graphics/2020/national/coronavirus-us-cases-deaths/?itid=sn_coronavirus_1/ (дата обращения: 13.04.2025).

⁷ Palm Beach Post Homicides tracker. 2009–2023. URL: <https://apps.palmbeachpost.com/homicides/> (дата обращения: 13.04.2025).

⁸ McCann A., Schoenfeld Walker A. Tracking Abortion Bans Across the Country // The New York Times. 2022–2025. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2024/us/abortion-laws-roe-v-wade.html> (дата обращения: 27.04.2025).

⁹ Tracking U.S. covid-19 cases, deaths and other metrics by state // The Washington Post. 2020–2023. URL: https://www.washingtonpost.com/graphics/2020/national/coronavirus-us-cases-deaths/?itid=sn_coronavirus_1/ (дата обращения: 13.04.2025).

¹⁰ See How Vaccinations Are Going in Your County and State // The New York Times. 2021–2022. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/us/covid-19-vaccine-doses.html> (дата обращения: 30.04.2025).

¹¹ «Медиазона» ведет трекер, который можно выделить в еще одну тематическую дефиницию – военный. Однако мы не можем представить анализ этого материала в публичном пространстве (ст. 283, 283.1 УК РФ).

¹² Tracking Tropical Cyclone Dikeledi / B.W. Davis, M. Dong, J. Jones, J. Keefe, B. Malsky // The New York Times. 2025. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2025/01/09/weather/dikeledi-map-path-tracker.html?searchResultPosition=1> (дата обращения: 30.04.2025).

¹³ Evershed N., Nicholas J., Morton A. What's happening with the climate crisis and heat-trapping emissions in Australia // The Guardian. 2023–2025. URL: <https://www.theguardian.com/environment/datablog/ng-interactive/2022/oct/03/tracking-australias-progress-on-the-climate-crisis-and-the-consequences-of-global-heating> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁴ Tracking the House's Most Competitive Races / L. Boyce, L. Gamio, E. Murray, A. Parlapianno // The New York Times. 2024. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2024/us/elections/house-election-swing-districts.html?searchResultPosition=149> (дата обращения: 30.04.2025).

¹⁵ Tracking covid-19 excess deaths across countries // The Economist. 2020–2024. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/coronavirus-excess-deaths-tracker> (дата обращения: 30.04.2025).

- ¹⁶ Evershed N. Cost of living explorer 2024: track the impact of Australia's quarterly CPI on prices // The Guardian. 2024. URL: <https://www.theguardian.com/news/datablog/ng-interactive/2023/apr/26/cost-of-living-2023-see-how-inflation-has-changed-prices-in-australia-in-the-march-quarter-interactive> (дата обращения: 01.05.2025).
- ¹⁷ Tedeschi E., Bui Q. Unemployment Tracker: Job Losses for Black Workers Are Deepening // The New York Times. 2020. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/05/13/upshot/coronavirus-america-job-losses-slowng-tracker.html?searchResultPosition=39> (дата обращения: 02.05.2025).
- ¹⁸ Coronavirus in the U.S.: Latest Map and Case Count // The New York Times. 2020–2023. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2021/us/covid-cases.html?action=click&module=RelatedLinks&pgtype=Article> (дата обращения: 02.05.2025).
- ¹⁹ Tracking the Coronavirus at U.S. Colleges and Universities // The New York Times. 2020. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/us/covid-college-cases-tracker.html> (дата обращения: 10.02.2025).
- ²⁰ Френкель Д. Коронавирус в России. Инфографика // Медиазона. 2020–2021. URL: <https://zona.media/coronagraph?0114> (дата обращения: 11.04.2025).
- ²¹ Френкель Д. Коронавирус в России. Избыточные смерти // Медиазона. 2021–2022. URL: <https://zona.media/coronadeaths> (дата обращения: 11.04.2025).
- ²² В соответствии с классификацией жанров А.А. Тертычного, которая считается общепризнанной (Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2017. 320 с.)
- ²³ Tracking U.S. covid-19 cases, deaths and other metrics by state // The Washington Post. 2020–2023. URL: https://www.washingtonpost.com/graphics/2020/national/coronavirus-us-cases-deaths/?itid=sn_coronavirus_1/ (дата обращения: 09.04.2025).
- ²⁴ Началась выдача QR-кодов по антителам. Актуальное о COVID на 22 февраля // РБК. 2020–2023. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/02/2022/5e2fe9459a79479d102bada6> (дата обращения: 10.04.2025).
- ²⁵ Tracking Typhoon Gaemi / M. Bloch, W.B. Davis, M. Dong [et al.] // The New York Times. 2024. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2024/07/23/world/asia/gaemi-map-path-tracker.html?searchResultPosition=14> (дата обращения: 13.02.2025).
- ²⁶ Френкель Д. Коронавирус в России. Избыточные смерти // Медиазона. 2021–2022. URL: <https://zona.media/coronadeaths> (дата обращения: 11.04.2025).

Список источников

1. #ddj: Reasons to cheer from Amsterdam's Data-Driven Journalism conference // Editors Blog Journalism.co.uk. 2010. URL: <https://blogs.journalism.co.uk/2010/08/26/ddj-reasons-to-cheer-from-amsterdams-data-driven-journalism-conference/#respond> (дата обращения: 19.04.2025).
2. Шерстюкова М.Н. Дата-журналистика как новое направление в системе средств массовой коммуникации // Медиа. Информация. Коммуникация. 2012. № 1. URL: https://mic.org.ru/vyp/1-nomer-2012/data-zhurnalistika-kak-novoe-napravlenie-v-sisteme-sredstv-massovoy-kommunikatsii/?sphrase_id=117241 (дата обращения: 19.04.2025).
3. Симанова С.И. Дата-журналистика как медиатренд // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (2). С. 481–484.
4. Жолудь Р.В. Журналистика данных: предпосылки возникновения, функции и возможности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 4. С. 104–106.
5. Баранова Е.А., Шнайдер А. А. Формы подачи материалов в дата-журналистике // Litera. 2022. № 3. С. 98–107.
6. Шилина А.Г. Основные характеристики материалов журналистики данных в зарубежной и российской качественной прессе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 33 с.
7. Ladyzhets B., Bergin B. How data can power public health investigations – through collaboration // DataJournalism.com. 2022. URL: <https://datajournalism.com/read/longreads/how-data-can-power-public-health-investigations-through-collaboration> (дата обращения: 20.04.2025).
8. Бондарчик В.В. Журналистика данных в 2021 году: обзор результатов глобального опроса // Журналистика – 2022: стан, проблемы і перспективи : матеріали 24-й Міжнародної науково-практичної конференції, Мінск, 3 листопада 2022 г. Мінск, 2022. С. 18–22.
9. The Economist's tracker for covid-19 excess deaths // GitHub. URL: <https://github.com/TheEconomist/covid-19-excess-deaths-tracker> (дата обращения: 20.04.2025).
10. Coronavirus (Covid-19) Data in the United States (Archived) // GitHub. URL: <https://github.com/nytimes/covid-19-data> (дата обращения: 20.04.2025).
11. data-corona-Russia // GitHub. URL: <https://github.com/mediazona/data-corona-Russia> (дата обращения: 20.04.2025).
12. The 2021 Pulitzer Prize Winner in Public Service. The New York Times // The Pulitzer Prizes. URL: <https://www.pulitzer.org/winners/new-york-times-6> (дата обращения: 26.04.2025).
13. Desai A., Nouvellet P., Bhatia S., Cori A., Lassmann B. Data journalism and the COVID-19 pandemic: opportunities and challenges // The Lancet. 2021. Vol. 3, Is. 10. P. e619–e621. doi: 10.1016/S2589-7500(21)00178-3
14. Второе совещание Комитета Международных медико-санитарных правил (2005 г.) по чрезвычайной ситуации в связи с резким подъемом заболеваемости оспой обезьян в 2024 г. // Всемирная организация здравоохранения. 2024. URL: [https://www.who.int/ru/news/item/28-11-2024-second-meeting-of-the-international-health-regulations-\(2005\)-emergency-committee-regarding-the-upsurge-of-mpox-2024](https://www.who.int/ru/news/item/28-11-2024-second-meeting-of-the-international-health-regulations-(2005)-emergency-committee-regarding-the-upsurge-of-mpox-2024) (дата обращения: 26.04.2025).
15. Konow-Lund M., Wiik J. How a COVID-19 Live Tracker Led to Innovation in Investigative Journalism // Hybrid Investigative Journalism / eds. by M. Konow-Lund, S. Bebaui, M. Park. Cham, 2024. P. 115–135.
16. Konow-Lund M., Pan L., Olsson Gardell E.-K. How COVID-19 Affected the Practice of Investigative Journalism in Norway and China // Hybrid Investigative Journalism / eds. by M. Konow-Lund, S. Bebaui, M. Park. Cham, 2024. P. 137–165.
17. Nguyễn T. Data Journalists' Roundtable: Visualizing the Pandemic // The Open Notebook. 2020. URL: <https://www.theopennotebook.com/2020/09/29/data-journalists-roundtable-visualizing-the-pandemic/> (дата обращения: 20.04.2025).
18. COVID-трекер «Новой». Часть 1: вакцины // Новая газета : [YouTube канал]. 2021. URL: <https://youtu.be/A2u1FLJvKc?si=0wlH6p3L6ARGZ9> (дата обращения: 23.04.2025).
19. Неренц Д.В. Разновидности дата-материалов в российских СМИ // Трансформация медиасреды в XXI веке : материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 24 апреля 2019 г. М., 2019. С. 385–395.
20. Неренц Д.В. Тематическое разнообразие дата-материалов в современных СМИ // Современные проблемы журналистской науки. 2019. С. 35–51.
21. Казак М.Ю. К вопросу о типологии журналистских текстов // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 24 (95), вып. 8. С. 193–200.
22. Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС». 2016–2025. URL: <https://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения: 13.04.2025).
23. Трекер // Викисловарь. 2018. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/трекер> (дата обращения: 15.04.2025).
24. Трекер (программа) // Википедия. 2024. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Трекер_\(программа\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Трекер_(программа)) (дата обращения: 14.04.2025).
25. Трекер (специальность) // Википедия. 2024. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Трекер_\(специальность\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Трекер_(специальность)) (дата обращения: 14.04.2025).
26. Трекер (локальный поисковик) // Википедия. 2023. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Tracker_\(локальный_поисковик\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Tracker_(локальный_поисковик)) (дата обращения: 14.04.2025).
27. Трекер (BeOS) // Википедия. 2024. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Tracker_\(BeOS\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Tracker_(BeOS)) (дата обращения: 14.04.2025).

28. Фитнес-браслет // Википедия. 2022. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фитнес-браслет> (дата обращения: 14.04.2025).
29. GPS-трекер // Википедия. 2025. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/GPS-трекер> (дата обращения: 14.04.2025).
30. Yandex Tracker // Википедия. 2025. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Yandex_Tracker (дата обращения: 14.04.2025).
31. Система отслеживания движений головы // Википедия. 2022. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Система_отслеживания_движений_головы (дата обращения: 14.04.2025).
32. Мишанкина Н.А., Жиликова Н.В., Вершинин В.А., Ершова В.Е. «Томская медийная аномалия»: методологическая модель исследования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 269–286. doi: 10.17223/19986645/85/14
33. When Online Content Disappears. 17.05.2024 // Pew Research Center. URL: https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/20/2024/05/pl_2024.05.17_link-rot_report.pdf (дата обращения: 02.05.2025).
34. Steele J., Iliinsky N. Designing Data Visualizations. O'Reilly Media, 2011. 153 p.
35. Moran K. How People Read Online: New and Old Findings // Nielsen Norman Group. 2020. URL: <https://www.nngroup.com/articles/how-people-read-online/> (дата обращения: 20.04.2025).
36. Allen W.L. Visual brokerage: Communicating data and research through visualization // Public Understanding of Science. 2018. Vol. 27, Is. 8. P. 906–922.
37. Лазутина Г.В. Жанр и формат в терминологии современной журналистики // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2010. № 6. С. 14–21.
38. Иванова Л.В. Жанры и форматы мультимедийной журналистики как учебная дисциплина и методологическая проблема // Челябинский гуманитарий. 2020. № 4 (53). С. 97–104.
39. Мартыненко Е.В., Базанова А.Е. К проблеме соотношения формата и жанра при формировании контента российских медиа // Журналистика в цифровую эпоху: технологии и методология творчества : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию факультета журналистики Белорус. гос. ун-та. Минск, 2024. С. 293–297.
40. Онуприенко К.А. Семиотические аспекты новых медиаформатов // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41, № 3. С. 463–472.
41. Булаева М.Н. Мультимедийный лонгрид как новый журналистский формат // Журналистский ежегодник. 2015. № 4. С. 121–123.
42. Пак Е.М. Мультимедийный лонгрид в современном медиапространстве // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2024. № 2 (64), Т. 15. С. 50–54.
43. Отечественная теория медиа. Основные понятия. Словарь / под ред. Е.Л. Варгановой. М. : Факультета журналистики МГУ; Изд-во Моск. ун-та, 2019. 246 с.
44. Онуприенко К.А. Новые медиаформаты как способы реализации коммуникативных стратегий в период пандемии COVID-19 // Трансформация стратегии и тактики медиакоммуникаций в условиях пандемии / под ред. Л.К. Лободенко, Л.П. Шестеркиной. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2022. С. 42–64.
45. Hennecke A. Multimodale Texte und ihre Bedeutung für die Übersetzungspraxis // Zeitschrift für Translation und Fachkommunikation. 2015. Vol. 8 (1). P. 202–232.

References

1. Journalism.co.uk. (2010) *#ddj: Reasons to cheer from Amsterdam's Data-Driven Journalism conference*. Editors Blog [Online] Available from: <https://blogs.journalism.co.uk/2010/08/26/ddj-reasons-to-cheer-from-amsterdams-data-driven-journalism-conference/#respond> (Accessed: 19.04.2025).
2. Sherstyukova, M.N. (2012) Data-zhurnalistska kak novoye napravleniye v sisteme sredstv massovoy kommunikatsii [Data Journalism as a New Direction in the System of Mass Communication]. *Media. Informatsiya. Kommunikatsiya*. 1. [Online] Available from: https://mic.org.ru/vyp/1-nomer-2012/data-zhurnalistska-kak-novoe-napravlenie-v-sisteme-sredstv-massovoy-kommunikatsii/?sphrase_id=117241 (Accessed: 19.04.2025).
3. Simakova, S.I. (2014) Data-zhurnalistska kak mediatrend [Data Journalism as a Media Trend]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2 (2). pp. 481–484.
4. Zholud', R.V. (2014) Zhurnalistska dannykh: predposylki vozniknoveniya, funktsii i vozmozhnosti [Data Journalism: Prerequisites for Emergence, Functions and Opportunities]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistska*. 4. pp. 104–106.
5. Baranova, E.A. & Shnyder, A.A. (2022) Formy podachi materialov v data-zhurnalistske [Forms of Presenting Materials in Data Journalism]. *Litera*. 3. pp. 98–107.
6. Shilina, A.G. (2019) *Osnovnyye kharakteristiki materialov zhurnalistski dannykh v zarubezhnoy i rossiyskoy kachestvennoy presse* [Main Characteristics of Data Journalism Materials in Foreign and Russian Quality Press]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
7. Ladyzhets, B. & Bergin, B. (2022) *How data can power public health investigations – through collaboration*. DataJournalism.com. [Online] Available from: <https://datajournalism.com/read/longreads/how-data-can-power-public-health-investigations-through-collaboration> (Accessed: 20.04.2025).
8. Bondarchik, V.V. (2022) [Data Journalism in 2021: A Review of the Global Survey Results]. *Zhurnalistska – 2022: stan, problemy i perspektivy* [Journalism – 2022: State, Problems and Prospects]. Proceedings of the 24th International Conference. Minsk. pp. 18–22.
9. GitHub. (2025) *The Economist's tracker for COVID-19 excess deaths*. [Online] Available from: <https://github.com/TheEconomist/covid-19-excess-deaths-tracker> (Accessed: 20.04.2025).
10. GitHub. (2025) *Coronavirus (COVID-19) Data in the United States (Archived)*. [Online] Available from: <https://github.com/nytimes/covid-19-data> (Accessed: 20.04.2025).
11. GitHub. (2025) *data-corona-Russia*. [Online] Available from: <https://github.com/mediazona/data-corona-Russia> (Accessed: 20.04.2025).
12. The Pulitzer Prizes. (2025) *The 2021 Pulitzer Prize Winner in Public Service. The New York Times*. [Online] Available from: <https://www.pulitzer.org/winners/new-york-times-6> (Accessed: 26.04.2025).
13. Desai, A., Nouvellet, P., Bhatia, S., Cori, A. & Lassmann, B. (2021) Data journalism and the COVID-19 pandemic: opportunities and challenges. *The Lancet Digital Health*. 3 (10). e619–e621. doi: 10.1016/S2589-7500(21)00178-3.
14. World Health Organization. (2024) *Vtoroye soveshchaniye Komiteta Mezhdunarodnykh mediko-sanitarnykh pravil (2005 g.) po chrezvychaynoy situatsii v svyazi s rezkim pod'yemom zabolevayemosti ospoy obez'yan v 2024 g.* [Second meeting of the International Health Regulations (2005) Emergency Committee regarding the upsurge of mpox 2024]. [Online] Available from: [https://www.who.int/ru/news/item/28-11-2024-second-meeting-of-the-international-health-regulations-\(2005\)-emergency-committee-regarding-the-upsurge-of-mpox-2024](https://www.who.int/ru/news/item/28-11-2024-second-meeting-of-the-international-health-regulations-(2005)-emergency-committee-regarding-the-upsurge-of-mpox-2024) (Accessed: 26.04.2025).
15. Konow-Lund, M. & Wiik, J. (2024) How a COVID-19 Live Tracker Led to Innovation in Investigative Journalism. In: Konow-Lund, M., Bebawi, S. & Park M. (eds) *Hybrid Investigative Journalism*. Cham: Springer. pp. 115–135.
16. Konow-Lund, M., Pan, L. & Olsson Gardell, E.-K. (2024) How COVID-19 Affected the Practice of Investigative Journalism in Norway and China. In: Konow-Lund, M., Bebawi, S. & Park M. (eds) *Hybrid Investigative Journalism*. Cham: Springer. pp. 137–165.
17. Nguyễn, T. (2020) *Data Journalists' Roundtable: Visualizing the Pandemic*. The Open Notebook. [Online] Available from: <https://www.theopennotebook.com/2020/09/29/data-journalists-roundtable-visualizing-the-pandemic/> (Accessed: 20.04.2025).
18. Novaya Gazeta: [YouTube channel]. (2021) *COVID-treker "Novoy". Chast' 1: vaksiny* [COVID-tracker of "Novaya Gazeta". Part 1: Vaccines]. [Online] Available from: <https://youtu.be/A2u1FLJvKc?si=0wLh6pP3L6ARGZ9> (Accessed: 23.04.2025).
19. Nerents, D.V. (2019) [Varieties of Data Materials in Russian Media]. *Transformatsiya mediasredy v XXI veke* [Transformation of the Media Environment in the 21st Century]. Proceedings of the International Conference. Moscow. April 24, 2019. Moscow. pp. 385–395. (In Russian).

20. Nerents, D.V. (2019) Tematicheskoye raznoobrazie data-materialov v sovremennykh SMI [Thematic Diversity of Data Materials in Modern Media]. In: *Sovremennyye problemy zhurnalistskoy nauki* [Modern Problems of Journalistic Science]. S.1. pp. 35–51.
21. Kazak, M.Yu. (2010) K voprosu o tipologii zhurnalistskikh tekstov [On the Typology of Journalistic Texts]. *Nauchnyye vedomosti. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 24 (95 (8)). pp. 193–200.
22. Orfograficheskii akademicheskii resurs "AKADEMOS" [Spelling Academic Resource "AKADEMOS"]. (2016–2025) [Online] Available from: <https://orfo.ruslang.ru/> (Accessed: 13.04.2025).
23. Wiktionary. (2018) *Treker* [Tracker]. [Online] Available from: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%B5%D1%80> (Accessed: 15.04.2025).
24. Wikipedia. (2024) *Treker (programma)* [Tracker (software)]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%B5%D1%80_%28%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0%29 (Accessed: 14.04.2025).
25. Wikipedia. (2024) *Treker (spetsial'nost')* [Tracker (specialty)]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%B5%D1%80_%28%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B%D1%81%D1%82%D1%8C%29 (Accessed: 14.04.2025).
26. Wikipedia. (2023) *Treker (lokal'nyy poiskovik)* [Tracker (local search engine)]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Tracker_%28%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BA%29 (Accessed: 14.04.2025).
27. Wikipedia. (2024) *Treker (BeOS)* [Tracker (BeOS)]. [Online] Available from: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Tracker_\(BeOS\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Tracker_(BeOS)) (Accessed: 14.04.2025).
28. Wikipedia. (2022) *Fitness-braslet* [Fitness tracker]. [Online] Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B8%D1%82%D0%BD%D0%B5%D1%81-%D0%B1%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%B5%D1%82> (Accessed: 14.04.2025).
29. Wikipedia. (2025) *GPS-treker*. [Online] Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/GPS-rpekep> (Accessed: 14.04.2025).
30. Wikipedia. (2025) *Yandex Tracker*. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Yandex_Tracker (Accessed: 14.04.2025).
31. Wikipedia. (2022) *Sistema otslezhivaniya dvizheniy golovy* [Head-tracking]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0_%D0%BE%D1%82%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B6%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D0%B4%D0%B2%D0%B8%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9_%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%8B (Accessed: 14.04.2025).
32. Mishankina, N.A., Zhilyakova, N.V., Vershinin, V.A. & Yershova, V.E. (2023) "Tomsk media anomaly": A methodological model of research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 269–286. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/14
33. Pew Research Center. (2024) *When Online Content Disappears*. [Online] Available from: https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/20/2024/05/pl_2024.05.17_link-rot_report.pdf (Accessed: 02.05.2025).
34. Steele, J. & Iliinsky, N. (2011) *Designing Data Visualizations*. Sebastopol, CA: O'Reilly Media.
35. Moran, K. (2020) *How People Read Online: New and Old Findings*. Nielsen Norman Group. [Online] Available from: <https://www.ngroup.com/articles/how-people-read-online/> (Accessed: 20.04.2025).
36. Allen, W.L. (2018) Visual brokerage: Communicating data and research through visualization. *Public Understanding of Science*. 27 (8). pp. 906–922.
37. Lazutina, G.V. (2010) Zhanr i format v terminologii sovremennoy zhurnalistiki [Genre and Format in the Terminology of Modern Journalism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 6. pp. 14–21.
38. Ivanova, L.V. (2020) Zhanry i formaty multimedийnoy zhurnalistiki kak uchebnaya distsiplina i metodologicheskaya problema [Genres and Formats of Multimedia Journalism as an Academic Discipline and a Methodological Problem]. *Chelyabinskii gumanitariy*. 4 (53). pp. 97–104.
39. Martynenko, E.V. & Bazanova, A.E. (2024) [On the Problem of the Correlation Between Format and Genre in the Formation of Russian Media Content]. *Zhurnalistika v tsifrovuyu epokhu: tekhnologii i metodologiya tvorchestva* [Journalism in the Digital Age: Technology and Methodology of Creativity]. Proceedings of the International Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the Faculty of Journalism of the Belarusian State University. Minsk. pp. 293–297. (In Russian).
40. Onupriyenko, K.A. (2022) Semioticheskiye aspekty novykh mediaformatov [Semiotic Aspects of New Media Formats]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznavaniya*. 41 (3). pp. 463–472.
41. Bulayeva, M.N. (2015) Multimedийnyy longrid kak novyy zhurnalisticheskii format [Multimedia Longread as a New Journalistic Format]. *Zhurnalisticheskii yezhegodnik*. 4. pp. 121–123.
42. Pak, E.M. (2024) Multimedийnyy longrid v sovremennoy mediaprostranstve [Multimedia Longread in the Modern Media Space]. *Nauchnyye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhIGS*. 15 (2) 64. pp. 50–54.
43. Vartanova, E.L. (ed.) (2019) *Otechestvennaya teoriya media. Osnovnyye ponyatiya. Slovar'* [Domestic Media Theory. Basic Concepts. Dictionary]. Moscow: Faculty of Journalism, Moscow State University; Moscow University.
44. Onupriyenko, K.A. (2022) Novyye mediaformaty kak sposoby realizatsii kommunikativnykh strategiy v period pandemii COVID-19 [New Media Formats as Ways of Implementing Communication Strategies During the COVID-19 Pandemic]. In: Lobodenko, L.K. & Shesterkina, L.P. (eds) *Transformatsiya strategii i taktiki mediakommunikatsiy v usloviyakh pandemii* [Transformation of Media Communication Strategies and Tactics in a Pandemic]. Chelyabinsk: SUSU. pp. 42–64.
45. Hennecke, A. (2015) Multimodale Texte und ihre Bedeutung für die Übersetzungspraxis. *Zeitschrift für Translation und Fachkommunikation*. 8 (1). pp. 202–232.

Информация об авторе:

Сенинг М.А. – старший преподаватель кафедры новых медиа, фотожурналистики и медиадизайна Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sening.m@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.A. Sening, senior lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sening.m@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.03.2025;
одобрена после рецензирования 06.05.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 05.03.2025;
approved after reviewing 06.05.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья
УДК 82-34
doi: 10.17223/15617793/515/6

Пространство метафизического путешествия в сказке Анастасии Строкиной «Держиоблако»

Татьяна Васильевна Швецова¹, Анна Алексеевна Лещева²

^{1, 2} Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

¹ t.shvetsova@narfu.ru

² leshchevaanya@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены особенности хронотопа метафизического путешествия в современной философской сказке на примере произведения «Держиоблако» российской писательницы Анастасии Строкиной. Отмечается, что онтологически неопределенный и требующий познания хронотоп строится на тесном взаимодействии философского и художественного дискурсов и динамически меняется по мере приближения героев к границе с неизвестностью, приводя к неизбежной трансформации познающего субъекта.

Ключевые слова: А. Строкина, время, метафизическое путешествие, пространство, символика, философская сказка, хронотоп

Для цитирования: Швецова Т.В., Лещева А.А. Пространство метафизического путешествия в сказке Анастасии Строкиной «Держиоблако» // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 55–62. doi: 10.17223/15617793/515/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/6

The space of a metaphysical journey in Anastasia Strokin's fairy tale *Derzhioblako*

Tatiana V. Shvetsova¹, Anna A. Leshcheva²

^{1, 2} Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russian Federation

¹ t.shvetsova@narfu.ru

² leshchevaanya@gmail.com

Abstract. The present study aims to analyze the spatiotemporal characteristics (chronotope) of the metaphysical journey in Anastasia Strokin's fairy tale *Derzhioblako* [The Cloud Holder] (2023), with a focus on their cultural and philosophical implications. The work fits into the context of literary studies of travel narratives, focusing on the specifics of composition and symbolic spatial organization. As a genre, the fairy tale is a unique tool for representing reality. The modern philosophical fairy tale, to which Strokin's text belongs, transforms traditional narrative models by actualizing questions of existential search. This research aims to determine the features of the chronotope of the metaphysical journey in *Derzhioblako* and interpret its cultural and philosophical connotations. The material for the study was the text of the fairy tale, considered within the framework of the literary discourse on travel. The methodological basis includes: narrative analysis – decoding symbols, images, and spatial categories; comparative-typological method – comparing the chronotope of the work with classical models; interpretive approach – reconstructing the philosophical meanings embedded in the structure of the narrative. The spatio-temporal organization of the fairy tale follows the logic of transcendence: the linear movement of the hero through "alien" space is accompanied by his symbolic appropriation. This contrasts with the cyclical models of the traditional fairy-tale chronotope, emphasizing not repetition but progressive knowledge. Locations ("city," "forest," "white mountain," "boundaries of worlds") function as zones of existential testing. Their semantics are linked to philosophical categories such as limit, infinity, and self-identification. The development of the plot correlates with the internal evolution of the character: overcoming physical boundaries initiates reflection on issues of meaning, memory, and belonging. In the text, motifs dominate of searching for "home" as a metaphor for harmony and ontological rootedness. This resonates with Martin Heidegger's conceptions about "being-in-the-world", emphasizing the dialectic between the external and internal. The fairy tale *Derzhioblako* represents a contemporary interpretation of a metaphysical journey, synthesizing archetypal motifs with philosophical problems. The chronotope of the work, based on the linear exploration of space, serves as an instrument for representing the existential crisis and its overcoming. The results of the study demonstrate that the author's model of the world combines traditional fairy-tale elements (border, test) with postmodern multidimensionality of meanings, expanding the genre possibilities of the philosophical fairy tale.

Keywords: A. Strokin, time, metaphysical journey, space, symbolism, philosophical tale, chronotope

For citation: Shvetsova, T.V. & Leshcheva, A.A. (2025) The space of a metaphysical journey in Anastasia Strokin's fairy tale *Derzhioblako*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 55–62. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/6

Нарративы о путешествиях не только играют важную роль в развитии литературного процесса, но и, по результатам исследований Е.В. Сомовой и Н.В. Свистенко [1. С. 31–37], обладают культурно-исторической спецификой. Поэтому углубленное изучение сюжетных, композиционных и стилистических особенностей такого рода литературы способствует дальнейшей теоретической разработке различных литературных феноменов.

Нарративы о путешествиях соотносятся с дискурсом мобильности, который, по утверждению О.Ф. Русаковой [2. С. 19–25], ассоциируется с определенным набором метафор и концептов. Более того, по заключению Г.Н. Ермоленко, рассматривая романы о путешествиях и путевые очерки в литературоведческом контексте [3. С. 171–177], для повествовательной литературы о путешествиях характерен хронотоп определенного типа, предполагающий тесные связи с жанровыми особенностями художественного текста. Такие связи изучал, например, Л.А. Лысенко на материале произведений И.С. Шмелева и Б.К. Зайцева [4. С. 57–63].

Э.А. Адам Мохаммед и А.Г. Коваленко, изучая семантику путешествия в творчестве А.Г. Битова, связывают нарративы о путешествиях с позицией вненаходимости и остранения как основополагающим принципом конструирования художественного хронотопа [5. С. 202–217].

Таким образом, хронотоп путешествия оказывается тесно связан с особым состоянием и мироощущением субъекта, моделируемого текстом. При этом эволюционирующий (как показал в своем исследовании В.В. Сухов [6. С. 444–459]) духовный мир героя (как важная составляющая нарративов о путешествиях) позволяет выразить эстетический манифест автора, апробировать новаторские методы изображения действительности (изученные, например, Б.А. Максимовым на примере творчества Г. Гейне [7. С. 172–187], становясь тем самым маркером «слома» литературных традиций.

В этой связи в современной русской литературе интерес представляет жанр философской сказки, в которой также нередко актуализируется хронотоп путешествия. Спецификой такой актуализации становится придание путешествию метафизического статуса, предполагающего моделирование в тексте особой точки зрения, стремящейся к охвату сущности литературного героя в объеме, который не сводим к его психологическим особенностям, социальному статусу и другим характеристикам.

С учетом воззрений и научных достижений сторонников и исследователей метафизического реализма (см., например, работы Ю.В. Мамлеева [8. С. 3] и Р.С. Семькина [9. С. 123–128]) в данной работе ставится цель изучения хронотопа метафизического путешествия в жанре современной российской философской сказки. Сопоставив наши выводы с результатами других исследований, мы намерены выявить в реализации хронотопа метафизического путешествия общие закономерности и жанровую специфику.

Книги детской писательницы, прозаика, поэтессы и переводчицы Анастасии Строкиной (род. в 1984 г. в

пос. Луостари Мурманской области) любят читатели, ее сочинения не только переведены на многие иностранные языки, но и удостоены различных премий за достижения в области детской литературы. При этом ее творчество сложно отнести к литературному канону детской классики – она создает альтернативные миры и непривычных для сознания персонажей. А. Строкина тем самым работает в параллели с другими «коллегам по цеху», которые, используя классику в разнообразных авторских стратегиях, по словам М.А. Черняк [10. С. 67–76], создают произведения детской и подростковой литературы в их жанровом многообразии как инструмент интерпретации и «оживления» канона. Произведения современных детских писателей не только дают возможность ответить на вопрос о современном статусе и меняющихся функциях классики, но и становятся важным маркером новых попыток осмысления классики, территорией самостоятельной читательской интерпретации и пространством новых способов взаимодействия с писателем: «Если взрослая литература демонстрирует тенденции к упрощению и пародированию классического текста для массового читателя, то подростковая литература, апробирующая разные форматы игры с текстами школьной программы по литературе, является своеобразным “проводником” в мир классической литературы» [10. С. 67], не только увлекая читателя сюжетом, но и вдохновляя на изучение нового, что так важно для А. Строкиной [11].

Помимо этого диалога с классикой, для произведений А. Строкиной характерны отличные друг от друга по тембру голоса героев и поэтическая интонация («Кит плывет на север», «Совиный волк», «Бусина карманного карлика», история о коте Нельсоне, странствие Платона и Августа в поисках Держиоблака). Типичное для сказки лаконичное и динамичное повествование соседствует у Строкиной с афористичными диалогами и лирическими отступлениями, часто стихотворными. В «Держиоблако» она глубже заходит за границы притчи и фантастики в создаваемом эклектичном мире, уделяя много внимания темам природы любви, дружбы и одиночества и отношению к ним человека.

А. Строкина пишет в жанре философской сказки, берущей свое начало в том числе в назидательных повестях Вольтера. Это значит, что в ее произведениях читатель размышляет над онтологическими вопросами (обращение к внутреннему миру человека, абсурдности бытия), сталкивается с элементами притчевого начала и мифологизации, наслаждается метафоричностью высказываний и узнает много нового, например, о фольклорных традициях. Неспешное повествование А. Строкиной учит искать красоту в одиночестве, свет – в бесконечной полярной ночи, впечатления и красоту Севера – в обыденности и скупости окружающего мира.

А.В. Тихомирова [12. С. 12] подчеркивает связь современной философской сказки с традицией народной сказки о животных, карнавальная культуры, «дурацкой» литературы и различных нелепиц и возводит жанр к литературному опыту Л. Кэрролла и его последователей (А. Милна, А. де Сент-Экзюпери, А. Линдгрена и Т. Янссона).

Н.Г. Кабанова [13], проследив развитие структурной модели жанра современной литературной сказки (адаптация и последующие метаморфозы прототипической жанровой схемы, демонстрирующей отказ от нее, использование структурных моделей других жанров, способствующих трансформации архитектоники и диалогизации стиля), понимает современную сказку как особый органичный вид волшеббно-фантастического повествования, многозначное и художественно сложное сочетание литературных традиций и жанровых канонов, предполагающее вариативность интерпретации и разновозрастную читательскую аудиторию.

М.П. Ахметзянова [14] называет сказку метафизическим образованием, природа которой тесно переплетена с антропологическими потребностями человека, в том числе с потребностью в создании в сказках тех духовных ценностей, утрата которых ощущается остро. Поэтому сказки воспринимаются как вечные, находящиеся вне времени и пространства.

Философия и литература исторически находятся друг с другом в симбиотических отношениях. При этом, как отмечает И.П. Смирнов [15], они принципиально отличны друг от друга как способы порождения смысла: для философии характерно коммуникативное подчинение моделируемого в высказывании мира определенному началу. Такое начало рассматривается как первооснова, тогда как литература склонна моделировать мир, не сводимый к однозначной интерпретации. Различие модусов коммуникации, характерных для философии и литературы, приводит к тому, что, как правило, литературное осмысление философских проблем приводит к демонстрации неполноты философских концепций. Поскольку философские теории, претендуя на универсальность, не могут быть эмпирически проверены (бытие во всей полноте недоступно наблюдению), художественная литература, по наблюдениям И.П. Смирнова, становится специфическим способом верификации философских теорий [15]. Мимесис и пойесис, с одной стороны, обеспечивают правдоподобие художественного мира, с другой стороны, позволяют мысленно выйти за ограничения действительности, благодаря чему и возникает пространство диалога философии и литературы, где последняя предстает в качестве голоса бытия, тогда как философские концепции отождествляются с голосом субъектов, погруженных в это бытие.

Во многом по этой причине хронотоп художественного текста как единство времени и пространства может рассматриваться как полноценный агент, с которым взаимодействуют герои как носители субъективного сознания. В некотором смысле в литературном произведении реализуются постулаты акторно-сетевой теории (одним из идеологов которой стал Бруно Латур [16]), согласно которой объектный мир является полноценным участником социальных отношений наравне с субъектами, с той лишь оговоркой, что взаимодействие объектного и субъектного миров не ограничивается социальным контекстом, но претендует на фундаментальность. В то время как философия претендует на подчинение бытия волеизъявлению субъекта,

художественная литература, откликаясь на философские концепции, стремится реабилитировать бытие [15], и в этой связи хронотоп представляет собой важный элемент в конструкции художественного мира, обеспечивая эту реабилитацию.

Хотя жанр философской сказки и предполагает особый фокус на философии, он не превращает литературное произведение в философский текст именно в силу родовых различий модусов коммуникации, характерных для философии и литературы. Это справедливо и для изданной в 2021 г. философской сказки А. Строкиной «Держиоблако» [17]. Примечательны в этой связи высказывания самой писательницы, раскрывающие авторский замысел произведения: «В сказке затрагиваются онтологические вопросы, вопросы нашего существования. Один из них тревожил меня с самого детства: кто же держит облака, кто делает жизнь такой, какая она есть? Почему все именно так устроено, а не иначе? Мне было бесконечно интересно понять: есть там кто-то наверху или нет там никого. Я, конечно, не знаю ответ на этот вопрос. Сразу скажу, что в этой книге нет ответа на этот вопрос. Есть попытка поразмышлять об этом. Мне очень хочется пригласить читателей поразмышлять вместе со мной» [18]. Как следует из сказанного, интерес автора к онтологическим вопросам отнюдь не предполагает наличие ответа на эти вопросы. «Держиоблако» как высказывание в этом отношении не уподобляется философскому дискурсу и не стремится подчинить бытие определенной логике, вместо этого сосредоточиваясь на процессе переживания бытия (составляющей чего является процесс его осмысления). Мнение автора о собственном произведении подтверждается самим текстом: хотя в нем и представлены философствующие субъекты (например, один из героев утверждает, что родился со знанием, посредством чего вступает в полемику с концепцией *tabula rasa* [18. С. 132]), нет коммуникативных усилий, явно наделяющих ту или иную точку зрения приоритетом, художественное бытие оказывается открытым для интерпретации.

Несмотря на то что в основе своей «Держиоблако» является полноценным художественным высказыванием, его жанровое своеобразие, апеллирующее к философской проблематике, трансформирует хронотоп, не лишая его художественной полноты, но в то же время придавая ему звучание, восходящее к философскому модусу коммуникации. Не в последнюю очередь это становится возможным благодаря воспроизведению в тексте мифологического мышления, которое вообще органично смотрится в жанре сказки с учетом ее генетической связи с мифом, доказанной Е.М. Мелетинским [19. С. 139–148.] и в то же время рассматривается, например, А.В. Лебедевым [20] как прототип философского сознания, генетически связанного с мифом. В хронотопе сказки прослеживается разделение на ближнее и дальнее пространство, которое обладает неравноценным статусом в сознании познающих его героев. Так, в мире этой сказки есть город, аптека, дома, цветы, кот – привычные детали мира обыденного и повседневного; в то же время в путешествии, в которое отправились Платон и Август, встречаются ло-

кусы, удаленные от привычного понимания: Пурпурный Лес, Озерный Пустырь, Саламандровое Ущелье, Козерожий Отвес, Поляна Страха, Белая Гора. Сознание героев, в частности сознание Мастера Муна, мифологизирует эти удаленные локусы. К примеру, как утверждает аптекарь, на горе находится великан, который держит облако.

Оппозиция знакомого, обжитого, близкого пространства и удаленного пространства, которое воспринимается героями как неизвестное, враждебное, опасное, характерна для фольклорной сказки. В.Я. Пропп, например, в связи с этим отмечает уход из дома как важный мотив в структуре сюжета русской волшебной сказки [21]. В этом аспекте автор «Держиоблака» воспроизводит в тексте признаки мифологического мышления, однако существенное значение имеют отличия, которые, вероятно, определяют философичность моделируемого в произведении хронотопа и его несводимость к традиционным пространственно-временным парадигмам.

Эти отличия становятся заметными при анализе взаимодействия героев и их ориентации в мире сказки. В фольклорной сказке, фокусирующей на инициации главного героя, смысл различения ближнего и дальнего пространства заключается в его пересечении героем, причем определяющее значение имеет способность героя не просто проникнуть в неизвестное пространство, но и, решив возложенную на него задачу, вернуться обратно. Таким образом, характерный для фольклорной сказки хронотоп пути предполагает циклическую завершенность: герой покидает привычный мир для того, чтобы в итоге в него вернуться, при этом оппозиция известного – неизвестного оказывается ассоциированной с ближним и дальним пространством, а главный герой однозначно определяется как представитель ближнего мира. При этом мотивом для отправления в путь в фольклорной сказке, как правило, становится внешнее волеизъявление: герой покидает дом по чьему-то поручению либо осознавая необходимость ухода ввиду нарушения того или иного запрета.

Хронотоп, реализованный в сказке «Держиоблако», внешне воспроизводя элементы волшебной сказки, в действительности моделирует принципиально иное взаимодействие героев и мира. В частности, уже в начале текста происходит соединение двух миров: к аптекарю Мастеру Муну (реальный мир) ночью стучится в дверь нечто, состоящее из кучи листьев и перьев (фантастический мир). По задумке автора, куча листьев и перьев – это душа недавно почившего старика Капитакана, который больше всего на свете любил свой сад и голубятню. Примечательно, что в сильную позицию текста вынесено редуцированное событие смерти. Читатель узнает о факте смерти Капитакана опосредованно: «В вечерней тишине кто-то стучал в дверь. “Или старику Капитакану сделалось хуже? Хороший он старик, добрый”, – мелькнуло у Мастера Муна» [17. С. 5]. Мастер Мун поздно вечером не спит и знает, что его могут посетить либо болеющая девочка, либо больной старик. Самого старика мастер не видит, но наблюдает странное создание, которое ждет приглашения войти в дом.

Впоследствии именно это создание оказывается в фокусе повествования, именно оно отправляется в структурирующий нарратив путь. Несмотря на сюжетную связь этого создания с душой старика Капитакана, обращает на себя внимание редукция этой связи. Сам облик героя (куча листьев и перьев) хотя и указывает на прижизненные интересы старика, обладает низкой степенью антропоморфности. Кроме того, это создание неоднократно подчеркивает, что не имеет воспоминаний о прошлом, а также не имеет имени. Наделение его именем Платон в некотором роде носит условный и случайный характер (герой даже после имяназрения выражает непонимание, зачем это ему необходимо), хотя на более глубоком структурном уровне ассоциативная связь с философом Платоном важна и как раз определяет статус героя как философствующего субъекта. Важно, однако, отметить, что высокая степень деперсонализации и вообще редукции человеческих свойств, характерная для главного героя, лишает его социальных характеристик, что как раз нехарактерно для фольклорной сказки, существующей в парадигме отчетливой структуры социальных связей. Здесь, вероятно, прослеживается воспроизведение элементов философской коммуникации, которая сфокусирована на субъекте как таковом и абстрагируется от частных признаков, дифференцирующих человечество. Кроме того, отказ от антропоморфного облика героя позволяет рассматривать его даже как мыслящего субъекта вне связи с его видовой принадлежностью, что также моделирует в тексте точку зрения, типологически сходную с философской. Восприятие пути героя в пространстве и времени сказки требует от читателя отказа от его восприятия как традиционного литературного героя. Вместо этого в тексте моделируется путешествие сознания, претендующего на статус всеобщего и универсального. В этой связи именование героя Платоном не столько наделяет его индивидуальными чертами и дифференцирует на фоне других персонажей, сколько аллегорически наделяет его статусом познающего субъекта.

Следующий специфический элемент пространства метафизического путешествия в рассматриваемой сказке – мотивация пути. Как было отмечено ранее, в фольклорной сказке отправление героя в путь сопряжено с волеизъявлением другого человека либо происходит в рамках нарушения запрета. В «Держиоблаке» наблюдается инверсия традиционных сюжетных ролей: Платон упрощает Мастера Муна предложить ему цель пути, хотя последний поначалу не имеет такой потребности и долгое время не знает, что можно предложить в качестве цели Платону. Тем самым в тексте моделируется специфический тип субъектности героя-путешественника. Путешествие становится для него не инструментом достижения внешней цели (хотя сюжетная мотивировка путешествия в тексте отчасти сохраняется, поскольку с путешествием Платона связывается перспектива избавления жителей города от страха), а внутренней потребностью, чем-то самоценным, что также порождает философский ракурс образа мира.

Обретя цель своего пути и получив имя, новая явленная душа отправляется в путешествие, символизирую-

щее путь души после смерти, в ходе которого она стремится к обретению гармонии и пониманию высших истин. Кроме того, на своем пути душа встречает различные фантастические существа, которым помогает переживать трудные ситуации и меняться. Среди них говорящие деревья, говорящие камни, говорящее озеро. Такие необычные персонажи, в целом, соответствуют мировидению героя сказки, обожествляющего природные явления, животных, отдельные вещи. Таким образом, А. Строкина представляет пространство метафизического путешествия как символический мир, где главные герои переживают внутреннюю трансформацию и находятся в поисках высшей цели. Однако подобно тому, как образ главного героя приобретает в тексте сказки абстрактный характер, претендуя на статус субъекта как такового, пространство пути также трансформируется таким образом, что перестает определяться исключительно внешними границами и в этом отношении онтологически не совпадает с пространством фольклорной сказки в полной мере. В процессе повествования происходит перемещение героя в художественном пространстве, примечательны его собственные представления о пути: с его точки зрения, «путь – это все, что угодно» [17. С. 19]. Подобно тому как ранее автор отказывается ограничивать героя социальным статусом, он также отказывается выделять в моделируемом мире путь как нечто онтологически обособленное. Мотив случайного выбора имени героя здесь оказывается созвучным мотиву случайного выбора пути: то и другое оказывается мотивированным внешними обстоятельствами и заведомо не претендует на статус единственно возможного события. Нарративная организация текста такова, что позволяет рассматривать рассказанную историю лишь как один из возможных вариантов развития художественного мира: поскольку все является путем, его конкретная траектория могла при иных обстоятельствах оказаться другой, но все равно продолжала бы оставаться путем. Такое представление о пути, транслируемое в тексте, также может рассматриваться как результат гибридизации языков философии и литературы, в результате чего происходит отступление от классических нарративов художественной литературы.

Согласно представлениям современных нарратологов, например М.-Л. Райана [22. Р. 22–35], нарратив должен мыслиться как способ репрезентации действительности, по ряду параметров противоположный аналитической научной коммуникации. В частности, одним из ключевых различий является то, что научная коммуникация описывает неограниченно широкий класс объектов, а время научного дискурса также не является строго определенным и должно рассматриваться как абстрактное множество воспроизводимых процессов. Напротив, нарративы создают модель мира, где повествуемая история уникальна, т.е. случается единожды только в определенных условиях и только с определенными персонажами. Нарративы, таким образом, могут быть противопоставлены научным описаниям в аспекте статуса репрезентируемой истории либо как единственной в своем роде, либо как типичной. В том числе из этих соображений Вольф Шмид

[23], например, предлагает рассматривать неповторимость и непредсказуемость в качестве ключевых атрибутов нарративного события. В этой связи как отказ автора от чрезмерной персонализации Платона, так и толкование пути как абсолютного хронотопа формируют картину мира, где единичное не отделяется от типичного. Это происходит благодаря тому, что случайность становится важным фактором развития действия. Сюжетные линии формально репрезентируются как цепочки уникальных событий, однако трансформация субъектности героев не оказывается в полной мере зависимой от конкретной реализации пути, представленной в тексте произведения. Именно в этом смысле путешествие в «Держиоблаке» может считаться метафизическим. Оно фундаментально перестает быть обусловленным актуальной конфигурацией пространства и времени и разворачивается в определенном хронотопе лишь в силу случайных обстоятельств. Эволюция героя не детерминирована эволюцией художественного мира. Вместо этого герой и художественный мир коэволюционируют, в тексте сохраняется зазор между субъектом и бытием, характерный для философского модуса коммуникации.

Пространственно-временная конфигурация пути, характерная для «Держиоблака», также специфична в том, что касается ее связи с развитием сюжета. В фольклорной волшебной сказке обычно подразумевается связывание ближнего и дальнего пространства с определенными событиями, формирующими историю. Так, ближнее пространство актуализируется в начале и в финале нарратива, тогда как дальнее пространство актуализируется в наррации в основной части повествования и характеризуется высокой степенью сюжетной неопределенности. Тем самым наррация развивается от старой точки равновесия к новой через состояние кризиса, но состояния равновесия и кризиса ассоциированы с конкретными пространственными сегментами. В этом смысле нарративы фольклорных волшебных сказок цикличны.

В «Держиоблаке» разворачивается иная логика повествования: хотя начинается сказка с отправления героя в дальнее пространство, возврат героя не предусмотрен сюжетом. Финальное событие сказки происходит именно на вершине Белой Горы, в максимально удаленном от локальной точки начала повествования сегменте пространства. Здесь прослеживается реализация нарративной стратегии, принципиально отличающейся от той, что характерна для фольклорной волшебной сказки, которая движется от состояния высокой степени определенности, соотносимой с хорошо знакомым ближним пространством, к состоянию низкой степени определенности, ассоциированной с дальним пространством, и обратно. В «Держиоблаке» наблюдается скорее освоение незнакомого дальнего пространства, что образно уподобляет путь героя процессу философского сознания. Если в фольклорной волшебной сказке оппозиция известного и неизвестного переплетена с оппозицией своего и чужого до степени неразличения, то в «Держиоблаке» наблюдается обособление этих оппозиций: неизвестное дальнее пространство становится своим по мере того, как оно познается субъектом.

В этой связи следует также указать на принципиально отличный статус оппозиции известного и неизвестного в фольклорной волшебной сказке и «Держиоблаке». В фольклорной волшебной сказке эта оппозиция условна, в некоторой степени субъективна, поскольку в целом такая сказка демонстрирует наличие у героев изначального знания о том, кем населено дальнее пространство и какие именно угрозы оно таит. Нарративная неопределенность здесь возникает, скорее, в связи с непредсказуемостью исхода испытания героя, отправляющегося в чужое пространство, а не в связи с онтологическим статусом дальнего пространства. Фольклорная волшебная сказка не опровергает и не ставит под сомнение изначальную конфигурацию хронотопа и вообще картину мира, лежащую в основе нарратива. В «Держиоблаке», напротив, хронотоп не предложен читателю в готовом виде. Он возникает в процессе познания, осуществляемого героями. Картина мира, представленная читателю в начале сказки, в соответствии с которой на Белой Горе находится великан, поддерживающий облака, оказывается не системой координат, в которой развивается сюжет, а сама развивается и трансформируется по мере продвижения героев по пути познания. В том числе в тексте подчеркивается относительный характер картины мира. Так, Цикада Яша является первым персонажем, который представил образ Держиоблака в ином виде. В ее видении это великий шестилапый повелитель. В ходе восхождения на гору главные герои сталкиваются с различными аллегорическими персонажами, каждый из которых олицетворяет определенную религиозную концепцию. Так, герои встречают камни, которые, следуя принципам атеизма, утверждают, что Держиоблака не существует, а единственная цель в жизни – превзойти других. Могучие кедр, представляющие языческое мировоззрение, верят, что Держиоблако – это Верховный кедр, которому нужно приносить дань. Озеро, являющееся аллегорией буддизма, уверено, что на вершине горы обитает великое Озеро. Козероги, мыслящие в соответствии с философией христианства, представляют Держиоблако в виде трехрогого Козерога. Все эти встречи приводят к тому, что друзья начинают сомневаться в существовании Держиоблака: «Есть, он есть! <...> Он не может нас всех подвести и просто не быть» [17. С. 168].

Моделирование онтологически неопределенного и требующего познания хронотопа можно рассматривать как инструмент придания художественному тексту философского характера. Философия также моделирует коммуникативный акт как движение от неизвестного к известному через катастрофу неполноты знания, однако процесс познания в «Держиоблаке» реализован через характерную уже для художественной литературы, полемизирующей с философией, реабилитацию бытия. Автор не доказывает определенную точку зрения, а изображает бытие в восприятии Платона, приближая читателя к истине, но отказываясь от ее артикуляции. В частности, финал сказки очерчивает несоответствие исходных представлений героев о дальнем пространстве и указывает на недостоверность

исходной картины мира, но это несоответствие реализуется не в виде полемики, а в виде образов синтеза бытия и субъекта, слиянии объекта познания и познающего. Так, в конце своего пути Платон вместо Держиоблака обнаружил на Белой Горе «маленькое, блестящее, хрупкое, одинокое яйцо». В финале сказки Платон садится на яйцо, «чтобы согреть его до возвращения птицы. До возвращения жизни» [17. С. 206]. Он «...почувствовал, как ветер разворошил его листья, как из глубины его существа на цыпочках вышли мысли о Держиоблаке и о пути, который закончился. Вместе с этими мыслями его покинули страх, и печаль, и обида, и сожаление о прошлом, и ожидание нового» [17. С. 205]. Такое завершение путешествия Платона означает, что он обретает внутреннее спокойствие и готовность к новому этапу своего существования. Символ яйца в контексте данного произведения приобретает смысл перерождения и бессмертия души, а взаимодействие героя с объектным миром дальнего пространства не обнаруживает антагонистичности. Напротив, в финале происходит событие принятия дальнего пространства как близкого и трансформации неизвестного в известное. Этот прием позволяет воспринимать персонажа Держиоблака не только как часть сказочного мира, но и как символическое воплощение высших сил и духовных истин. Отсюда следует, что пространство метафизического путешествия выходит на совершенно иной – трансцендентный – уровень. А стало быть, путь Платона к Держиоблаку можно интерпретировать как путь к обретению смысла всего сущего.

Анализ пространства метафизического путешествия в сказке «Держиоблако» А. Строкиной подтверждает тесное взаимодействие философского и художественного дискурсов. Философская сказка о Держиоблаке Анастасии Строкиной репрезентирует самобытное пространство метафизического путешествия со сложной структурой, которое обнаруживает существенные расхождения с традиционным сказочным хронотопом. Актуализируя в хронотопе характерную для волшебных сказок оппозицию ближнего и дальнего пространства, автор отказывается от стабилизации картины мира, репрезентируемой в нарративе, так что впоследствии ближнее (свое) и дальнее (чужое) пространства претерпевают трансформацию: инициация героя в «Держиоблаке» заключается не в проникновении в чужое пространство с целью выполнения задания и возврата назад, а в познании мира, в результате которого неизвестное дальнее пространство становится познанным и близким.

По этой причине хронотоп «Держиоблака» отражает не столько дидактическую функцию сказки с задачами стимулирования познавательной деятельности читателя или передачи языком сказки «чувствительных» тем (социально-политического, тяжелого для восприятия материала; см. об этом подробнее в статье Е.А. Асоновой и О.Б. Бухиной [24. С. 9]), сколько философскую направленность сказки. Он, в частности, предстает перед читателем не в готовом виде, а динамически изменяется по мере продвижения героев по

пути познания. Прodelанный героями путь оказывается на фундаментальном уровне случайным, потому что для познающего сознания все является путем.

Ориентацией на философский модус коммуникации обусловлены и другие специфические черты хронотопа сказки, а также характера его взаимодействия с героями. В частности, деперсонализация Платона, репрезентация его в качестве мыслящего субъекта как такового способствуют актуализации в нарративе точки зрения субъекта,

не детерминируемого своим социальным статусом, в то время как конфигурация времени и пространства в сказке остается открытой для определения. В результате развитие нарратива сказки, формально представленного как традиционное пересечение героем границы между ближним и периферийным пространством, в действительности являет собой путь познания, результаты которого приводят к трансформации не только самого познающего субъекта, но и сказочного хронотопа.

Список источников

1. Сомова Е.В., Свитенко Н.В. Кавказ как топос русской литературы: типология литературных путешествий (по страницам отечественной поэзии и беллетристики XX – XXI веков) // Наследие веков. 2015. № 2 (2). С. 31–37.
2. Русакова О.Ф. Метафорика и концептосфера дискурса мобильности // Дискурс-Пи. 2013. № 3 (13). С. 19–25.
3. Ермоленко Г.Н. Хронотоп путешествия в романе и путевых очерках А. Жиды // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 6. С. 171–177.
4. Лысенко Л.А. К вопросу о соотношении художественного образа, хронотопа и жанра (на материале произведений И.С. Шмелева «Лето Господне» и Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба») // Art Logos. 2020. № 2 (11). С. 57–63.
5. Мохаммед Адам Э.А., Коваленко А.Г. Семантический комплекс путешествия в творчестве А.Г. Битова // Научный диалог. 2021. № 2. С. 202–217. doi: 10.24224/2227-1295-2021-2-202-217
6. Сухов В.В. Экфрасис как форма духовного путешествия и способ художественной организации хронотопа в романе Олега Ермакова «Либгерик» // Перекрестки взаимодействий: диалог русской и зарубежной литературы во времени и пространстве: материалы Восьмых Междунар. науч. чтений (Калуга, 28–29 октября 2022 г.) : в 2 ч. Калуга : Изд-во Калуж. гос. ун-та, 2022. Ч. 1. С. 444–459.
7. Максимов Б.А. Эстетическая программа в жанре путевого очерка: Путешествие по Гарцу Генриха Гейне // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2010. № 5. С. 172–187.
8. Мамлеев Ю. В моих произведениях нет смерти: Интервью Р. Семьиной с Ю. Мамлеевым // Литературная газета. Алтай. 2006. № 10. Прил.: с. 3. (Алтай).
9. Семьиной Р.С.-И. Мотив «метафизических путешествий» в цикле рассказов Ю.В. Мамлеева «Конец века» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, № 2. С. 123–128.
10. Черняк М.А. Диалог со «школьным каноном» в современной подростковой литературе // Филологический класс. 2024. № 4. С. 67–76.
11. Строкина Анастасия Игоревна // ПроДетЛит. URL: https://prodetlit.ru/index.php/Строкина_Анастасия_Игоревна
12. Тихомирова А.В. Жанровые особенности философской сказки в русской литературе второй половины XX–XXI в. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 22 с.
13. Кабанова Н.Г. Поэтика современной русской литературной сказки : дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2023. 209 с.
14. Ахметзянова М.П. Сказка как феномен культуры: опыт философского анализа // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2016. № 1(9). С. 95–97.
15. Смирнов И.П. Текстомахия: Как литература отзывается на философию. СПб. : Петрополис, 2010. 207 с.
16. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской ; под ред. С. Гавриленко. 2-е изд. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 384 с.
17. Строкина А. Держиоблако. М. : Пять четвертей, 2022. 224 с.
18. «Кто держит облака?». Презентация новой книги Анастасии Строкиной «Держиоблако» // Книжные маяки России : YouTube. 2021. 9 октября. URL: <https://youtu.be/tmjgA6nao-w>
19. Мелетинский Е.М. Миф и сказка // Фольклор и этнография : [сб. ст.] / [отв. ред. Б.Н. Путилов]. Л. : Наука, 1970. С. 139–148.
20. Лебедев А.В. Фрагменты ранних греческих философов. М. : Наука, 1989. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / авт. вступ. ст., отв. ред. И.Д. Рожанский. 576 с.
21. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л. : Academia, 1928. 152 с.
22. Ryan M.L. Toward a definition of narrative // The Cambridge Companion to Narrative / ed. by D. Herman. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. P. 22–35.
23. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2008. 302 с.
24. Асонова Е.А., Бухина О.Б. Современная литературная сказка: история и политика в детском чтении // Детские чтения. 2021. № 1. С. 373–386.

References

1. Somova, E.V. & Svitenko, N.V. (2015) Kavkaz kak topos russkoy literatury: tipologiya literaturnykh puteshestviy (po stranitsam otechestvennoy poezii i belletristiki XX – XXI vekov) [The Caucasus as a Topos of Russian Literature: A Typology of Literary Journeys (Through the Pages of 20th–21st Century Russian Poetry and Fiction)]. *Naslediye vekov*. 2 (2). pp. 31–37.
2. Rusakova, O.F. (2013) Metaforika i kontseptosfera diskursa mobil'nosti [Metaphorics and the Concept Sphere of Mobility Discourse]. *Diskurs-Pi*. 3 (13). pp. 19–25.
3. Yermolenko, G.N. (2017) Khronotop puteshestviya v romane i putevykh ocherkakh A. Zhida [The Chronotope of Travel in the Novel and Travel Essays of A. Gide]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. 6. pp. 171–177.
4. Lysenko, L.A. (2020) K voprosu o sootnoshenii khudozhestvennogo obraza, khronotopa i zhanra (na materiale proizvedeniy I.S. Shmeleva "Leto Gospodne" i B.K. Zaitseva "Puteshestviye Gleba") [On the Correlation of Artistic Image, Chronotope and Genre (Based on the Works of I.S. Shmelev "The Summer of the Lord" and B.K. Zaitsev "Gleb's Journey")]. *Art Logos*. 2 (11). pp. 57–63.
5. Mohammed Adam E.A. & Kovalenko, A.G. (2021) Semanticheskiy kompleks puteshestviya v tvorchestve A.G. Bitova [The Semantic Complex of Travel in the Work of A.G. Bitov]. *Nauchnyy dialog*. 2. pp. 202–217. doi: 10.24224/2227-1295-2021-2-202-217
6. Sukhov, V.V. (2022) [Ekphrasis as a Form of Spiritual Journey and a Way of Artistic Organization of the Chronotope in Oleg Yermakov's Novel "Libgerik"]. *Perekrestki vzaimodeystviy: dialog russkoy i zarubezhnoy literatury vo vremeni i prostranstve* [Crossroads of Interactions: Dialogue of Russian and Foreign Literature in Time and Space]. Proceedings of the Eighth International Readings. Kaluga. October 28–29, 2022. i n 2 parts. Part 1. Kaluga: Kaluga State University. pp. 444–459. (In Russian).
7. Maksimov, B.A. (2010) Esteticheskaya programma v zhanre putevogo ocherka: Puteshestviye po Gartsu Genrikha Geyne [The Aesthetic Program in the Genre of the Travel Essay: Heinrich Heine's "The Harz Journey"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 5. pp. 172–187.
8. Mamleyev, Yu. (2006) V moikh proizvedeniyakh net smerti: Interv'y u R. Semykinoy s Yu. Mamleevym [There is No Death in My Works: Interview of R. Semykina with Yu. Mamleyev]. *Literaturnaya gazeta. Altay*. 10. Supplement: p. 3.

9. Semykina, R.S.-I. (2008) Motiv "metafizicheskikh puteshestviy" v tsikle rasskazov Yu.V. Mamleyeva "Konets veka" [The Motif of "Metaphysical Journeys" in Yu.V. Mamleyev's Cycle of Stories "The End of the Century"]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 7 (2). pp. 123–128.
10. Chernyak, M.A. (2024) Dialog so "shkol'nym kanonom" v sovremennoy podrostkovoy literature [Dialogue with the "School Canon" in Contemporary Adolescent Literature]. *Filologicheskii klass*. 4. pp. 67–76.
11. ProDetLit. (2025) *Strokina Anastasiya Igorevna* [Anastasia Igorevna Strokina]. [Online] Available from: https://prodetlit.ru/index.php/Строкина_Анастасия_Игоревна (Accessed: 05.07.2025).
12. Tikhomirova, A.V. (2011) *Zhanrovyye osobennosti filosofskoy skazki v russkoy literature vtoroy poloviny XX–XXI v.* [Genre Features of the Philosophical Fairy Tale in Russian Literature of the Second Half of the 20th–21st Centuries]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
13. Kabanova, N.G. (2023) *Poetika sovremennoy russkoy literaturnoy skazki* [Poetics of the Modern Russian Literary Fairy Tale]. Philology Cand. Diss. Arkhangelsk.
14. Akhmetzyanova, M.P. (2016) Skazka kak fenomen kul'tury: opyt filosofskogo analiza [The Fairy Tale as a Cultural Phenomenon: An Attempt at a Philosophical Analysis]. *Traditsionnyye natsional'no-kul'turnyye i dukhovnyye tsennosti kak fundament innovatsionnogo razvitiya Rossii*. 1 (9). pp. 95–97.
15. Smirnov, I.P. (2010) *Textomakhia: Kak literatura otzyvayetsya na filosofiyu* [Textomachy: How Literature Responds to Philosophy]. Saint Petersburg: Petropolis.
16. Latour, B. (2020) *Peresborka sotsial'nogo. Vvedeniye v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory]. 2nd ed. Moscow: HSE.
17. Strokina, A. (2022) *Derzhioblako* [The Cloud Holder]. Moscow: Pyat' chetvertay.
18. YouTube. (2021) "Kto derzhit oblaka?". *Prezentatsiya novoy knigi Anastasii Strokinoi "Derzhioblako"* ["Who Holds the Clouds?". Presentation of Anastasia Strokina's New Book "The Cloud Holder"]. [Online] Available from: <https://youtu.be/tmjgA6nao-w> (Accessed: 05.07.2025).
19. Meletinsky, E.M. (1970) Mif i skazka [Myth and Fairy Tale]. In: Putilov, B.N. (ed.) *Fol'klor i etnografiya: sbornik statey* [Folklore and Ethnography: Collection of Articles]. Leningrad: Nauka. pp. 139–148.
20. Lebedev, A.V. (1989) *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov* [Fragments of the Early Greek Philosophers]. Part 1. Moscow: Nauka.
21. Propp, V.Ya. (1928) *Morfologiya skazki* [Morphology of the Folktale]. Leningrad: Academia.
22. Ryan, M.L. (2007) Toward a definition of narrative. In: Herman, D. (ed.) *The Cambridge Companion to Narrative*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 22–35.
23. Schmid, W. (2008) *Narratologiya* [Narratology]. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
24. Asonova, E.A. & Bukhina, O.B. (2021) Sovremennaya literaturnaya skazka: istoriya i politika v detskom chtenii [The Modern Literary Fairy Tale: History and Politics in Children's Reading]. *Detskiye chteniya*. 1. pp. 373–386.

Информация об авторах:

Швецова Т.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры литературы и русского языка Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия). E-mail: t.shvetsova@narfu.ru

Лещева А.А. – магистрант кафедры литературы и русского языка Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия). E-mail: leshchevaanya@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.V. Shvetsova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: t.shvetsova@narfu.ru

A.A. Leshcheva, master's student, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: leshchevaanya@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.02.2025;
одобрена после рецензирования 22.04.2025; принята к публикации 30.06.2025.*

*The article was submitted 03.02.2025;
approved after reviewing 22.04.2025; accepted for publication 30.06.2025.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 122/129
doi: 10.17223/15617793/515/7

Критика критики: от Просвещения через Франкфуртскую школу к постструктурализму и деконструкции

Алексей Михайлович Ульянов¹

¹ Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, Орел, Россия, lesh.ulyanov@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается эволюция критического мышления от эпохи Просвещения до постструктурализма. Анализируются ключевые поворотные моменты в развитии критических теорий. Рассматриваются взаимоотношения между Просвещением и его критиками, такими как Ж.-Ж. Руссо и Франкфуртская школа, а также анализируется дальнейшая деконструкция критика в работах Ж. Деррида и постструктуралистов. Представлен анализ критического дискурса через призму его трансформаций, а также предпринимается попытка определить сложную природу современной критической мысли, балансирующей между автономией и встроенностью в институциональные структуры.

Ключевые слова: Просвещение, Ж.-Ж. Руссо, критическая теория, Франкфуртская школа, деконструкция, постструктурализм

Для цитирования: Ульянов А.М. Критика критики: от Просвещения через Франкфуртскую школу к постструктурализму и деконструкции // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 63–68. doi: 10.17223/15617793/515/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/7

Critiquing criticism: From the Enlightenment to the Frankfurt School and poststructuralist deconstruction

Aleksey M. Ulianov¹

¹ Orel State University, Oryol, Russian Federation, lesh.ulyanov@yandex.ru

Abstract. This article explores the evolution of critical thought from the Enlightenment through the Frankfurt School to poststructuralism and deconstruction, focusing on the transformations and critiques of critique itself. The author's central objective is to investigate how critical thinking, initiated during the Enlightenment, progressively evolved through various intellectual stages, undergoing significant transformations and critical reinterpretations. The methodological framework of the article includes a historical-comparative analysis, combined with a textual interpretation of critical philosophical works. The research begins by addressing the Enlightenment as a pivotal historical and intellectual milestone, focusing particularly on the ambiguous role of Jean-Jacques Rousseau within Enlightenment thought. Rousseau's critique of civilization and culture, favoring a return to a pre-cultural, natural state, introduces early tensions within Enlightenment philosophy, challenging its predominantly pro-cultural stance. Rousseau's linguistic dichotomy between spoken and written language further enriches the analysis, providing essential insights into Enlightenment criticism's inner contradictions. The analysis transitions to the Frankfurt School, highlighting Herbert Marcuse's critique of modern capitalist civilization as inherently repressive. Marcuse's ideas, reflecting an echo of Rousseau's anti-civilizational sentiments, suggest parallels between Enlightenment criticism and Frankfurt School theory, emphasizing cultural repression and alienation. Further, the research methodically examines how Jacques Derrida and poststructuralists undertake a critical reinterpretation and radical deconstruction of Rousseau's Enlightenment critique. Derrida challenges Rousseau's binary oppositions, such as nature-culture and speech-writing, proposing instead a complex interplay where culture and language precede the supposed "natural" state. The research thus elucidates Derrida's concept of *différance*, highlighting how meaning in cultural and linguistic contexts remains perpetually deferred and fragmented, fundamentally undermining traditional Enlightenment binaries. Finally, the article integrates these philosophical debates within the contemporary context of institutional critique, particularly through the prism of the "University discourse." Utilizing contributions by thinkers like Slavoj Žižek and Michel Foucault, as well as sociologist Bruno Latour, the author critically assesses the paradoxical relationship between intellectuals and institutional frameworks. The article concludes by reflecting on the intricate trajectory of critical thought, demonstrating its evolution from Enlightenment rationality to contemporary poststructuralist positions. The research significantly clarifies how critical theories navigate between negative critique and self-reflexive deconstruction, ultimately articulating the ongoing tension and productive interplay within modern intellectual discourses.

Keywords: Enlightenment, Jean-Jacques Rousseau, critical theory, Frankfurt School, deconstruction, poststructuralism

For citation: Ulianov, A.M. (2025) Critiquing criticism: From the Enlightenment to the Frankfurt School and poststructuralist deconstruction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 63–68. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/7

Трансформация проблемного поля, репрезентирующего проблематичную неустойчивость современности, меняет и актуальную критику, с которой к этим проблемам подступаются. Многие критические нарративы, актуальные еще каких-нибудь несколько десятков лет назад, более того, кажущиеся неприступными бастионами критической мысли, сейчас сами подвергаются нещадной деконструкции / деконструктивистски изобличительной критике, которая, в свою очередь, подвергается автодеконструкции в n -й степени, и так фактически прогрессия разрастается до бесконечности (почти дурной бесконечности, как у Г. Гегеля) или до самоуничтожения, как у Б. Латура. «Другие сохранили первоначальное направление, заданное Империей знаков, и принялись деконструировать самих себя, создавая автономные толкования автономных толкований и так вплоть до самоуничтожения» [1. С. 162]. Кажется, наиболее разумно было бы занять позицию относительно топоса критика в ландшафте современности, которую предлагает С. Жижек: злободневно находиться внутри мейнстрима, сплавливать попсу и критическую теорию в некую зону неразличимости, где больше не будет места вне, но всегда внутри, не будет верха и низа, высокого и низменного и т.п. Такая позиция весьма успешно укладывается в логику разрушения бинарных оппозиций, предпринятых Ж. Дерридой в его деконструкции, более того, она позволяет саботировать систему смыслов/ценностей (существование которой все же сложно отрицать) изнутри, находя в ней слабые места и в пределе умудряясь обращать логику её работы против неё же самой. Только, как кажется, еще больше её радикализует. Но прежде чем дойти до позиции С. Жижека, целесообразно обозреть критические ходы предыдущих эпох и попытаться проследить, как, во-первых, разрушались бинарные оппозиции (акцент на знаменитом втором [элементе] перед первым в логике постструктуралистов), а, во-вторых, попытаться схематично представить развитие критических теорий в соответствии со следующей цепочкой: Просвещение – критика Просвещения – критика критики Просвещения. Разрешению данных вопросов и будет посвящена данная статья.

Эпоху Просвещения можно по праву считать определяющей вехой в истории развития европейской культуры и западной цивилизации в целом, существенное влияние которой до сих пор прослеживается в некоторых местах философского, политического и социального дискурсов современности (не говоря уже о дискурсах повседневности). Просвещение возникло как критическая реакция или даже революционная теза третьего сословия на абсолютистский характер политической власти и религиозный догматизм, и для XVIII в. обладало действительно впечатляющим революционным зарядом. В более спокойном и интеллектуально выверенном ключе Просвещение определил вслед за И. Кантом М. Фуко в своей небольшой статье

«Что такое Просвещение?»: «Кант сразу же отмечает, что этот “выход”, через который он характеризует Просвещение, – процесс, выводящий нас из состояния “несовершеннолетия”. И под “несовершеннолетием” он подразумевает некое состояние нашей воли, заставляющей нас склоняться перед авторитетом кого-то другого, вводящего нас в те области, где следует пользоваться разумом» [2. С. 3]. То есть фактически Просвещение – период, поместивший человечество в возраст интеллектуальной зрелости, период рождения критики в том смысле, в котором мы привычно употребляем данный термин. Нет нужды пытаться пересказать основные идеи просветительских мыслителей, тем более, они будут имплицитно содержаться в дальнейшем тексте и развертываться в процессе написания. Гораздо интереснее сразу сосредоточить внимание на одной противоречивой фигуре той эпохи – фигуре Ж.-Ж. Руссо. В то время как большинство философов-энциклопедистов делали ставку на культуру и ее рефлексивную экспансию во все сферы жизни общества, в первую очередь политическую и социальную, Ж.-Ж. Руссо сделал ставку на опрощение и возврат к докультурному/природному состоянию человека. Через весь текст (сложно, вслед за М. Фуко, определить, что следует отнести к произведениям того или иного автора) Ж.-Ж. Руссо красной нитью проходит явное различие между природой и культурой, причем предпочтение всегда и всецело отдается природе (квинтэссенция и предтеча темы опрощения в духе толстовства). Под культурой Ж.-Ж. Руссо понимает все искусственно привнесенное человеком в мир, включая социальное, экономическое, политическое устройство общества, художественные искусства и науки, даже ход мыслей, религиозные верования и т.п. Все это, по мнению просветителя, репрессирует первозданную, девственную и непорочную природу человека, убивает изначально данную ему свободу. Так, в работе «Рассуждение о науках и искусствах» Ж.-Ж. Руссо пишет: «В то время как Правительство и Законы обеспечивают безопасность и благополучие объединившихся людей, Науки, Литература и Искусства – менее деспотичные, но, быть может, более могущественные, – покрывают гирляндами цветов железные цепи, коими опутаны эти люди; подавляют в них чувство той исконной свободы, для которой они, казалось бы, рождены; заставляют их любить свое рабское состояние и превращают их в то, что называется цивилизованными народами» [3. С. 27]. Таким образом, для Ж.-Ж. Руссо принципиально важно допущение, что существует некая незамутненная цивилизацией и культурой человеческая природа, вернуться к которой, пусть только лишь посредством теоретического провозглашения, является первостепенной задачей. Ибо только жизнь в гармонии с этой природой может вернуть человеку когда-то потерянное счастье чуть ли не Эдемского сада.

В том числе и для обоснования превосходства природы над культурой, а также для упрочения и углубления собственного метода Ж.-Ж. Руссо вводит еще одно лингвистическое различие между письмом и речью, подробно разработанное им в трактате «Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании». Живая речь (голос) лежит в основе образования любого общества, является «первым общественным установлением», так как именно ораторские навыки необходимы для удержания внимания собравшихся людей. «В древние времена, когда действовали убеждением, а не общественным насилием, красноречие было необходимо». В свою очередь, расцвет письменности и усложнение структуры письма, неизбежно сопровождающие развитие любых цивилизаций и культур, негативно влияют на разговорный язык, обедняют живую речь и свидетельствуют о редукции подлинного смысла вербальной коммуникации к формализму и невыразительности невербальной. «Письменность, которая как будто должна закрепить в языке установившиеся формы, как раз меняет его. Она искажает не слова, а дух языка, подменяя выразительность точностью». Таким образом, сначала было живое слово, способное устанавливать и поддерживать социальную общность и способность вести коммуникацию на подлинном уровне. С развитием культуры и письменности живой язык подвергся выхолощенности и редукции первоначального/явленного смысла. Именно этот тезис Ж.-Ж. Руссо будет особенно активно оспаривать Ж. Деррида в контексте их заочной полемики.

Акцентный анализ фигуры Ж.-Ж. Руссо (пока лишь в топологии и семантике Просвещения) позволяет сделать ряд выводов, существенных для понимания целей данной статьи. Во-первых, эпоха Просвещения не так проста и однозначна, как это может показаться на первый взгляд, в её лоне сформировались концепты и целые теоретические/критические концептуальные линии, входящие в противоречие с лейтмотивом эпохи: дух культурного просвещения как сила эмансипации, фигура Ж.-Ж. Руссо, пожалуй, тому самое явное подтверждение. Во-вторых, критика Франкфуртской школы особенно в изводе её некоторых представителей во многом повторяет ходы, концептуализированные Ж.-Ж. Руссо, которого в таком ракурсе можно рассматривать как подрывной элемент самого Просвещения, сработавшего на опережение своего времени. Здесь уместно вспомнить работу Г. Маркузе «Эрос и цивилизация», в которой ныне не слишком почитаемый в интеллектуальной среде теоретик Франкфуртской школы показывает, как современная ему система капиталистического производства, технологический и научный прогресс, техники власти и т.п. создают «репрессивную цивилизацию». По мысли Г. Маркузе, западное общество не дает индивиду удовлетворить присущую ему тягу к удовольствию, в первую очередь сексуальному, подчиняя её интересам буржуазной семьи, порицающему сексуальную свободу пуританскому государству и ряду других репрессивных социальных институтов и механизмов. Сексуальное удовольствие заменяется сублимацией Эроса, которая проявляется в

виде суррогатного удовольствия от безудержного потребления и все большей зависимости индивида от индустрии развлечений. Тяга к смерти переориентируется на тяжелый труд, личностную ориентацию на построение карьеры, растворение в работе. Все это в совокупности трансформирует принцип удовольствия в принцип реальности и гарантирует индивиду лишь чувство мнимой безопасности и комфорта, но не приносит никакого удовольствия/удовлетворения. В противовес «репрессивной цивилизации» Г. Маркузе призывает к построению цивилизации нерепрессивной, в которой произойдет примирение принципа удовольствия и принципа реальности, а труд будет носить либидозный характер. «В условиях действительности, управляемой принципом производительности, такой либидозный труд – редкое исключение и возможен либо за пределами, либо на периферии мира труда – как “хобби”», игра или в непосредственно эротической ситуации» [4. С. 191]. Кажется, параллели с «антипросветительской» критикой Ж.-Ж. Руссо очевидны. В-третьих, несмотря на оригинальность подхода Ж.-Ж. Руссо к позиции соотношения природы и культуры (для его системы координат очевидно, что природа – первый элемент, всегда предшествует культуре, взятой как второй элемент), логика его рассуждений остается заложницей бинарных оппозиций, с которыми как с некритичными или даже ложно поставленными проблемами во второй половине XX в. будут бороться представители постструктурализма и психоанализа лакановского типа. Об этом – далее в статье.

Теперь обратимся к рецепции идей Ж.-Ж. Руссо в постмодернистском дискурсе. Ключевой фигурой здесь выступит Ж. Деррида, условный «родоначальник» деконструкции. Именно с позиции деконструкции или производственного чтения Ж. Деррида и подходит к текстам Ж.-Ж. Руссо. В первую очередь, Ж. Деррида подрывает и объявляет ложным различие между природой и культурой или человеком естественного состояния и человеком окультуренным. В этом заключается нерв его борьбы с бинарными оппозициями. С точки зрения Ж.-Ж. Руссо, культура добавляется к природе или привносится человеком искусственным образом, нарушая его первоначальную гармонию, как второй элемент (даже радикально необязательный). Человека «до культуры» можно помыслить и даже провозгласить идеалом, к которому следует вернуться. Для Ж. Деррида такая оппозиция/дихотомия является лишь уловкой человека изящной и высокой культуры, коим и является, собственно, Ж.-Ж. Руссо, который всегда совершает двойной жест своим теоретизированием. Корректно помыслить человека природного невозможно, это ложно поставленная проблема, иллюзия (вполне вероятно, осознаваемая самим Ж.-Ж. Руссо). Невозможно полностью отделить человека/субъекта (если вообще допустить правомерность такого ярлыка) от символических, культурных и даже бессознательных структур, которыми он детерминируется. Любая наивная мысль, если она действительно наивна, будет неинтересна и просто не попадет в область сознания, а если она сознает саму себя,

значит, она уже не является простой и наивной. Деконструкция Ж. Деррида, как и, шире, весь ход рассуждений в постструктуралистской философии, со всем пафосом подрывает и перегруппировывает традиционные иерархии и традиционные цепочки причинно-следственных связей, где за первым идет второе (как уже было отмечено, в случае Ж.-Ж. Руссо за первым понятием природы следует второе понятие культуры). Для Ж. Деррида, напротив, культура – это первый элемент в цепочке, из которого в форме дополнения выводится второй элемент – критика этой культуры и, соответственно, мысль о природе / природном состоянии. Природа или естественное состояние есть утраченный элемент, который никогда не существовал в реальности, но который постоянно беспокоит субъекта, как бы расщепляет субъекта, в силу чего субъект и пытается к нему навязчиво и постоянно вернуться. Другими словами, Ж.-Ж. Руссо расщепляет понятие «состояние человека» на два противоположных и полных понятия: природное состояние и культурное состояние. Для Ж. Деррида же все сфокусировано на условно понимаемом понятии культурного человека, которое не является самотождественным, смысл не явлен полностью, но всегда отсрочен (*differance*). Культурный человек – неполное понятие с разрывом. Этот разрыв, принимающий форму критики культуры, постоянно беспокоит субъекта. «Восполнение находится где-то посередине между полным отсутствием и полным наличием. Игра этих замен одновременно и восполняет нехватку, и оставляет на ней свою мету. Однако Руссо рассуждает так, будто уже одно только обращение к восполнению (в данном случае – к Терезе) могло разрешить все его беспокойства по поводу посредничества» [5. С. 312].

Второе различие, предпринятое Ж.-Ж. Руссо и проведенное им между письмом и языком, также подвергается деконструктивистской критике со стороны Ж. Деррида. Для Ж. Деррида письмо или протописьмо первично, а язык и живая речь вторичны. В то время как важнейшая особенность текстуальности Ж.-Ж. Руссо формируется в связи с раздвоением его порыва в отношении письма. С одной стороны, Ж.-Ж. Руссо показывает, как письмо разрушает наличие субъекта, утверждаемое речью: речь связана с голосом, а голос подтверждает: я – емь, я – здесь; письму эта ситуация чужда, поэтому, принципиально не нуждаясь в этом, письмо ее устраняет, отодвигая говорящего и, тем более, смысл). С другой стороны, Ж. Деррида демонстрирует, почему работа автора над рукописями романов оказывается средством для овладения того, что ускользает от речи. В результате письмо у Руссо неожиданным образом восстанавливается в правах и оправдывается. Немаловажно, что Ж.-Ж. Руссо прекрасно понимал, что его призыв к возврату в общество, в котором общение не искажено бесконечной цепью письменных распоряжений и циркулярных установлений, а голос и дыхание непосредственно общающихся естественны и ничем не стеснены, но, напротив, раскрепощены и поддержаны свежим воздухом, чистым небом, прекрасной и свежей зеленью, что все это подобно сну и грезам. И та иде-

ально-идиллическая, а с его точки зрения, естественная модель, от которой общество удалилось, без каких-либо усилий не может быть перенесена из воображаемой грезы в неприветливую реальность.

Таким образом, деконструкция и постструктурализм вообще, проанализированные здесь в ракурсе критики Просвещения, позволяют не только на конкретном примере высветить логику борьбы с бинарными оппозициями, но и наметить переход от просвещенческой критики через негативную критику (в духе Франкфуртской школы) к новой критике одновременно и негативной, и просвещенческой критики (в духе постструктурализма). Однако момент с негативной критикой и логикой ее работы – вторым элементом в заявленной во введении цепочке – остался не проясненным до конца. Об этом следующая часть статьи. Для того чтобы прояснить артикулированные выше моменты и высветить на контрасте с негативной критикой Франкфуртской школы работу постструктуралистской критики, следует пристально рассмотреть два концепта: дискурс Университета и фигуру интеллектуала. Для этого необходимо представить рецепцию статьи А. Смулянского «Деполитизация критической мысли и ее исток в отношениях интеллектуала и Университета» и ввести ее в плоскость анализа данной статьи.

Дискурс Университета (с большой буквы как инстанции, чья власть и структуры репрезентации реальности распространяются далеко за пределы университета как топологического пространства) амбивалентен в своей сути, т.е. представляет собой апорию. Чтобы высветить эту амбивалентность, следует сопрячь концепт Университета или дискурса Университета с концептом интеллектуала (впрочем, они и так сопряжены, поскольку один порождается другим, но это будет эксплицировано позже). Такой интеллектуал, каким его отчетливо сформировала социальная и философская мысль XX в., по определению критичен по отношению к любой административной/властной институции и по определению политически ангажирован. Еще Ж.-П. Сартр определил, что любая гуманитарная мысль обладает политическим зарядом, а любой гуманитарий (философ, писатель, критик) так или иначе вплетен в сети власти, т.е. ангажирован. «Я назвал бы того писателя ангажированным, который старается как можно глубже и полнее понять, что находится в одной лодке с другими людьми. В этом случае он для себя и для других переводит сознание ангажированности из спонтанного в обдуманное. Писатель всегда посредник, и его ангажированность только посредничество» [6. С. 68]. В свою очередь М. Фуко продемонстрировал, что Университет является институтом отправления власти (актором в сети властных отношений), который в своей сути может быть приближен к таким репрессивным институтам, как школа, фабрика, больница и т.п. Соответственно, интеллектуал занимает по отношению к Университету критическую позицию и пытается, насколько хватает критического заряда, от него дистанцироваться, его перегруппировать, создать, наконец, свой критический топос внутри, как ему представляется, топоса некритического.

«При этом лишь в не столь давний период обозначилась ситуация, в которой одно только существование такого явления, как Университет, подталкивает интеллигента к скорейшей превентивной политизации. Именно с Университета и недовольства его политиками сегодня и начинается отсчет истории любого критического ангажемента» [7. С. 3]. Если выразиться кратко, претензии, предъявляемые интеллигентом Университету, могут быть построены по следующей линии: излишний формализм и превалирование бюрократического подхода к осуществлению деятельности, отсутствие подлинного (в экзистенциальных терминах отчуждения, отмеченных Франкфуртской школой) интереса в области исследований и образования, сцепка с идеологией и работа на идеологические государственные аппараты и, соответственно, вытекающая отсюда встроенность в машинерию общества позднего капитализма.

Все эти претензии в той или иной степени правомерны, обоснованы и требуют какой-то реакции и даже попыток решения. Однако здесь сразу в игру вступает апория Университетского дискурса, тесно связанная с двойственным положением интеллигента. Опять же, если артикулировать данную апорию очень коротко, то звучать она будет следующим образом: дискурс Университет производит интеллигента, а Интеллигент воспроизводит дискурс Университет, и выхода из этой размеченной структуры не предвидится. Теперь подробнее рассмотрим каждую сторону этой атории, чтобы затем поместить их в зону неразличимости, внутри которой критика теряет свой критический потенциал, ангажированность становится аполитичной, а ретроградность и конформизм приобретают черты политической и даже, возможно, революционной активности. Здесь же может быть лучше прояснена позиция С. Жижека, заявленная в самом начале статьи.

Во-первых, критический инструментарий, который интеллигент задействует в обращении с любой властной/административной/бюрократической институцией и экстраполирует, наконец, на Университет, любезно предоставлен ему самим этим Университетом. Оптика, позволяющая, как кажется, интеллигенту, надев белое пальто, отделять зерна от плевел, подлинное от неподлинного, живой дух от задыхающегося формализма, личный интерес от интереса корпорации/идеологии, была откалибрована посредством университетских штудий и исследовательской работы в стенах академии. Критический пафос и патетическая бескомпромиссность, с которой интеллигент обличает власть вообще и власть университетского дискурса в частности, патологично повторяет тон высоколобых профессоров, обвешанных регалиями и вещающих за

кафедрами о миссии Просвещения. Любая позиция, каким бы критическим потенциалом она ни была заряжена, в момент своей артикуляции занимает место, которое уже занято господствующим дискурсом (в текущем случае, дискурсом Университета). Это происходит хотя бы потому, что артикуляция позиции имплицитно содержит в себе момент утверждения позиции, т.е. автоматического утверждения собственной сетки различий, собственной классификации тех, кого считать правыми, а кого нет. А именно этим проведением различий и ограничением правых от неправых (имеющих право голоса от не имеющих такого права) и занимается Университет на протяжении всей своей истории. Таким образом, считать критику, производимую интеллигентом, дистиллированной и избавленной от примесей любой репрессивности было бы неправомерно.

Во-вторых, Университет, каким он задумывался (ориентиром и примером здесь может послужить немецкая концепция образования и Университета – *Bildung*), развивался в своей историчности в соответствии с духом критики административного/бюрократического официоза и в соответствии с духом свободы от влияния официальной власти и ее институтов. Это зерно свободолюбия было уронено в почву ещё на заре XVII в., можно сказать, что из него выросло Новое время и вся философия модерна, которые, в свою очередь, взрастили критические школы XX в., обратившиеся против своих корней. Примером, ставшим очевидным благодаря социологическим исследованиям Б. Латура, здесь может послужить противостояние естествознания Р. Бойля и политического философа Т. Гоббса. Р. Бойль и его последователи создали в своих лабораториях и исследовательских центрах (если воспользоваться современной терминологией) пространство свободной научной мысли, независимой от власти суверена (чем и был, собственно, раздосадован Т. Гоббс). Естественно, что академические/исследовательские пространства были созданы не исключительно ради формализма или в угоду политической власти, но ради преимущественно чистого ученого интереса. Таким образом, упрекать университет и (научный) дискурс, им порожденный, в отсутствии критического исследовательского духа и замутненном идеологией сознании было бы неправомерно.

Таким образом, критически проанализированная апория дискурса Университета позволяет перебросить мостик от слепой негативной критики в духе Франкфуртской школы к критике критики / новой критике в духе постструктурализма, что позволяет дополнить заявленную в целях статьи цепочку и окончательно ее репрезентировать.

Список источников

1. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. 296 с.
2. Фуко М. Что такое просвещение? // Вестник Московского университета. 1999. № 2. С. 132–149.
3. Руссо Ж.-Ж. Избранное. М. : Детская литература, 1996. 192 с.
4. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М. : АСТ, 2003. 528 с.
5. Деррида Ж. О грамматологии. М. : Ad Marginem, 2000. 512 с.
6. Сартр Ж.-П. Что такое литература? Минск : Попурри, 1999. 447 с.

7. Смулянский А. Деполитизация критической мысли и ее исток в отношениях интеллектуала и Университета // Синий диван. 2011. № 16. С. 141–161.

References

1. Latour, B. (2021) *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii* [We Have Never Been Modern. Essay in Symmetrical Anthropology]. Saint Petersburg: European University at St. Petersburg.
2. Foucault, M. (1999) *Chto takoye Prosveshcheniye?* [What is Enlightenment?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2. pp. 132–149.
3. Rousseau, J.-J. (1996) *Izbrannoye* [Selected Works]. Moscow: Detskaya literatura.
4. Marcuse, H. (2003) *Eros i tsivilizatsiya* [Eros and Civilization]. Moscow: AST.
5. Derrida, J. (2000) *O grammatologii* [Of Grammatology]. Moscow: Ad Marginem.
6. Sartre, J.-P. (1999) *Chto takoye literatura?* [What is Literature?]. Minsk: Popurri.
7. Smulyanskiy, A. (2011) *Depolitizatsiya kriticheskoy mysli i yeye istok v otnosheniyakh intellektuala i Universiteta* [The Depoliticization of Critical Thought and its Origin in the Relations between the Intellectual and the University]. *Siniy divan*. 16. pp. 141–161.

Информация об авторе:

Ульянов А.М. – аспирант, ассистент кафедры логики, философии и методологии науки Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева (Орел, Россия). E-mail: lesh.ulyanov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.M. Uliyanov, postgraduate student, teaching assistant, Orel State University (Oryol, Russian Federation). E-mail: lesh.ulyanov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.04.2025;
одобрена после рецензирования 18.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.*

*The article was submitted 13.04.2025;
approved after reviewing 18.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.*

Научная статья
УДК 1 (091)
doi: 10.17223/15617793/515/8

Метафизика пола в русской религиозной философии (на примере концепций В.В. Розанова и В.С. Соловьева)

Екатерина Борисовна Хитрук¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, lubomudreg@gmail.com

Аннотация. Исследуются концепции пола в творчестве знаменитых отечественных философов Василия Розанова и Владимира Соловьева. Обосновывается тезис о том, что осмысление пола в творчестве указанных мыслителей тесным образом связано с объективным кризисом христианского (православного) отношения к половому измерению в человеке, проявившимся в середине XIX столетия и явившимся своеобразным итогом особого внимания к идеалу девства и иночества в христианской культуре предшествовавших столетий.

Ключевые слова: мужское, женское, метафизика пола, русская религиозная философия, философия серебряного века, философия Владимира Соловьева, философия Василия Розанова, концепция андрогина, философия Эроса

Для цитирования: Хитрук Е.Б. Метафизика пола в русской религиозной философии (на примере концепций В.В. Розанова и В.С. Соловьева) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 69–80. doi: 10.17223/15617793/515/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/8

Metaphysics of sex in Russian religious philosophy (using the concepts of Vasily Rozanov and Vladimir Solovyov as examples)

Ekaterina B. Khitruk¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, lubomudreg@gmail.com

Abstract. The article discusses the concepts of sex in the writings of two prominent Russian philosophers, Vasily Rozanov and Vladimir Solovyov. It argues for the importance of examining these concepts in their works, as they have not received sufficient attention in scholarly literature. The article notes that sex concepts in these authors' writings are often overlooked in favor of more popular topics such as the philosophy of love or wholeness. However, their intellectual contributions to understanding the relationship between sex and human nature were crucial in shaping Russian sex philosophy and Orthodox theology, as exemplified by the works of Father Thomas Hopko and Paul Evdokimov. Overall, the article emphasizes the significance of exploring sex concepts in the writings of Rozanov and Solovyov, both for their own intellectual value and their influence on subsequent philosophical and theological thought. Rozanov and Solovyov are closely related to the objective crisis of the Christian (Orthodox) attitude towards the sexual dimension in human beings, which manifested itself in the mid-19th century and was a result of the emphasis on the ideal of virginity and monasticism in the Christian culture of previous centuries. The author concludes that the fundamental principles of sex metaphysics in Rozanov's works can be summarized as follows: (1) the recognition of the fundamental connection between sex and human nature, (2) the acceptance of the multi-dimensional nature of the sexual aspect, and (3) the affirmation of androgyny as the essence of human nature. These fundamental principles form the basis of his concept of sex. The following are the postulates of Solovyov: (1) sex is an essential part of a person's identity and vocation; (2) the male and female sexes are equal in essence, representing equally imperfect qualities, although their social roles and spiritual callings differ; (3) androgyny is the highest form of love, a God-like way that unites the masculine and feminine aspects within a person.

Keywords: sex, metaphysics of sex, Russian religious philosophy, Silver Age philosophy, Vladimir Solovyov's philosophy, Vasily Rozanov's concept, androgyny, Eros philosophy

For citation: Khitruk, E.B. (2025) Metaphysics of sex in Russian religious philosophy (using the concepts of Vasily Rozanov and Vladimir Solovyov as examples). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 63–80. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/7

В отечественной философии второй половины XIX – начала XX в. поиск ответов на глубинные, «пределные» вопросы человеческого существования выразился, помимо внимания к таким фундаментальным темам, как всеединство, богочеловечество,

философия истории, нравственная философия и другие, в исключительном внимании некоторых ярких ее представителей к теме природы половых различий и связи пола с сущностью и призванием человека.

Такое внимание обусловлено, с одной стороны, тем обстоятельством, что так называемый женский вопрос в этот исторический период заявляет о себе с особой остротой как вызов времени. Данный вызов требует от просвещенных представителей человечества прояснения взглядов на природу пола и причины несправедливого отношения к женщинам в историческом контексте. По меткому замечанию знаменитого британского мыслителя этой эпохи Дж.С. Милля, «принцип, господствующий над нынешними социальными отношениями между обоими полами, есть зло в самой сущности и одна из главнейших преград человеческому прогрессу...» [1. С. 31]. Осознанный как зло, этот принцип должен быть преодолен. Однако для этого необходимо ясно сформулировать фундаментальные основания адекватного понимания природы половых различий. Поэтому изучение «полового вопроса» в этот исторический период начинает осознаваться как одна из серьезнейших задач подлинного интеллектуального труда, стремящегося разоблачить и познать «тайну пола в человеке» [2. С. 71].

С другой же стороны, внимание отечественных мыслителей к теме пола связано с еще одним чрезвычайно важным обстоятельством, а именно кризисом христианского толкования пола, значимым в контексте христианского, а точнее, православного мировосприятия. Дело в том, что по понятным причинам «половой вопрос» никогда не был в христианском богословии, а следовательно и в христианской культуре, вопросом первостепенной важности. Святоотеческая традиция, как и впоследствии традиционное богословие христианских конфессий, было занято прояснением вопросов о природе Бога и пути спасения человека. «Половой вопрос», если и возникал в контексте богословских штудий, то только в очень специфическом контексте, касающемся не того, «что именно собой представляет половое различие в человеке», а того, «как именно человек должен вести себя в отношении пола, чтобы достичь спасения и реализовать христианский образ жизни».

Акцент на «как» вместо «что» привел к закреплению представления о двух путях самоопределения христианина в отношении половой жизни – пути девства и безбрачия и пути брака, рождения и воспитания детей. Однако он же привел к тому, что в XIX столетии после Рождества Христова вопрос о природе пола в человеке продолжал быть открытым, вызывающим к творческой работе духа мыслящих христиан. Кризисный же характер этому вопросу придавало то обстоятельство, что постепенно разделение на два пути ко спасению привело к представлению о том, что монашество является путем гораздо более предпочтительным. В то же время брак признавался путем вынужденным, допускающим негативно оцениваемые плотские удовольствия ради продолжения рода для людей относительно слабых духом, не готовых в силу этой слабости принять возвышенные обеты монашеской жизни. Соответственно, половое начало в этом контексте связывалось с плотским началом в человеке и оценивалось

негативно, в то время как концептуальных теоретических, «догматических» причин для такой негации попросту не существовало и не могло существовать.

Как отмечают некоторые историки христианства, в частности прот. Иоанн Мейендорф, причины такого небрежения к половому аспекту человека и признания монашества предпочтительным путем ко спасению имели не вероучительные, но сугубо исторические причины [3. С. 223].

Так или иначе, но исключительное внимание к идеалу девства и монашеского пути привело к утрате реальных оснований христианской философии брака, отсутствию интереса к прояснению фундаментальных метафизических оснований половой дуальности в христианской и православной культуре в частности. Данная ситуация к середине XIX столетия в России привела к формированию настоящего кризиса пола, который не мог не отразиться на интеллектуальных и духовных поисках выдающихся представителей отечественной культуры и философии.

В данной статье анализ путей философской концептуализации пола в отечественной философии конца XIX – начала XX в. сосредотачивается, прежде всего, на творческом наследии Василия Розанова и Владимира Соловьева. Оба мыслителя рассуждают в контексте христианской традиции, но приходят при этом к выводам, содержащим как общие, так и отличные друг от друга положения. Их глубочайший интеллектуальный порыв к пониманию сути пола, связи пола с сущностью и призванием человека, с Божиим замыслом о нем оказал определяющее влияние на становление последующей философии пола в отечественной традиции (например, в творчестве Сергея Булгакова и Николая Бердяева [4]), а также на становление православного богословия пола в трудах христианских мыслителей второй половины XX столетия (о. Фомы Хопко и Павла Евдокимова [5]).

Как отмечает В.А. Фатеев, хотя имена В. Розанова и В. Соловьева часто связывают друг с другом, необходимо признать, что их взгляды во многом не были схожими. И тем не менее, «они образуют такую же пару писателей-философов с очень разными и в то же время в чем-то главным сопоставимыми взглядами, как Лев Толстой и Достоевский» [6. С. 154]. Такое сопоставление относительно представлений этих выдающихся мыслителей о поле является предметом данной статьи.

Концептуализация пола в творчестве Василия Розанова

Необходимо отметить, что осмысление пола в философии Василия Васильевича Розанова не может быть представлено в систематическом ключе. Специфика творческого наследия этого выдающегося мыслителя состоит как раз в попытке избежать систематичности, искренности духовного поиска, интеллектуальном порыве, который невозможно уместить в рамки какой бы то ни было стройной рациональной системы.

И тем не менее в этом несистематическом материале можно выделить некоторые определяющие мотивы, формирующие специфический, оригинальный подход В.В. Розанова к пониманию проблематики пола.

Сам интерес философа к теме пола обусловлен существованием, на его взгляд, недопустимого, двойственного, по сути, противоречивого отношения к полу и половым отношениям в христианской культуре, сложившегося под влиянием особого внимания к монашескому идеалу. С точки зрения Василия Васильевича, пренебрежительное отношение к половому общению, выражающееся в «разврате» и проявляющееся во всех слоях российского общества, является прямым следствием отсутствия христианской философии пола, отсутствия подлинного христианского видения святости и глубины отношений между полами. «У русских и православных вообще, – писал В.В. Розанов, – плотская сторона в идее вовсе отрицается, а на деле имеет скотское, свинское, абсолютно бессовестное выражение. Брака по существу вовсе бы не должно быть. Но насколько он есть и допускается и законодательно регулируется, это есть голое и безлюбное размножение, ряд случаев самца и самки для произведения “духовных чад Церкви” (обыкновенный мотив при рассуждениях о браке духовных писателей)» [7. С. 122].

В «Опавших листьях» В.В. Розанов следующим образом выражает отношение Православной церкви к вопросам пола и семьи:

«“Христианство и не за пол, и не против пола, а перенесло человека в совершенно другую плоскость” (Флор.).

– Хозяин не против ремонта дома и не за ремонт: а занимается библиографией.

Мне кажется – дом-то развалится. И хотя “библиография” не противоречит домоводству: однако его съедает.

Вопрос о браке ведь в каждой семье, у меня, у вас (будет). Томит дни, ночи, постоянно, всякого. Как же можно сказать: “Я никому не запрещаю, а только ухожу в Публичную библиотеку заниматься рукописями”» [8. С. 312].

Такое несерьезное отношение к «половому вопросу» в православной культуре В.В. Розанов считает недопустимым. «Отвлекаясь» якобы от низменных «половых» проблем и вопросов, христианские мыслители и подвижники оставляют эту область без христианского света – не освещенной, не освященной, не просвещенной... Именно благодаря этой отрешенности от одной из самых актуальных областей человеческой жизни христианство отдает пол во власть всего самого низменного, что может быть в человеке. Не сам пол является причиной разврата, растлевающего половые отношения православных христиан, а то, что церковь, в течение многих веков превознося идеал монашества и девства, оставляла в стороне христианское понимание святости брака. Не абстрактной святости, но конкретной, выражающейся в том числе и в половом общении мужчины и женщины.

В.П. Свенцицкий в статье, посвященной разбору произведения В.В. Розанова «Люди лунного света», отмечает правоту философа относительно критики того

двойственного отношения к половому акту, которое пронизывает все слои российского общества. «С одной стороны, – писал В.П. Свенцицкий, – брак – “таинство”, брак освящается Церковью. С другой стороны, половое отношение – нечто “грязное”, что требует «очищения», как скверна... Полового акта стыдятся не только вне брака, но и в браке. И если бы кто-нибудь сказал бы, что новобрачных надо на первую ночь оставлять в храме, это бы было принято как кошунство. Потому что, с точки зрения Церковной, “Церковь”, святое и половое сношение, “грязное” ничего общего между собой не имеют... А в результате, говорит Розанов: “У нас в старомосковскую пору новобрачных даже незнакомых друг другу, укладывали в постель и они «делали» – так и до сих пор русские «скидают сапоги» и проч., и, улегшись, «делают», и затем засыпают без поэзии, без единого поцелуя часто, без единого даже друг другу слова!”. То есть, другими словами, двойственное учение о половых отношениях фактически ведет к чудовищному разврату, хотя бы брак и был “законный” и супруги были “верны друг другу”... » [9. С. 136].

В.П. Свенцицкий, таким образом, соглашается с В.В. Розановым в том, что постоянное превозношение монашеского идеала в христианской культуре не только не уничтожило «разврат», но в прямом смысле «породило его» [9. С. 138]. Поскольку разврат – это именно и есть отношение к половому общению как «грязи» и при этом участие в этой «грязи», поскольку она каким-то необъяснимым образом оказалась освящена Церковью ради рождения чад Божиих... Именно такой взгляд на половые отношения, продолжает В.П. Свенцицкий, создал «то подлое похихикивание, которое существует теперь по отношению к женщине. Вся “холостяцкая” пошлость с гадкими анекдотами и страшной проституцией, все питается идеей, что здесь “грязь”. Вместо благоговения получилось глумление. Все “стыдятся” и все же “делают” с мерзким смешком, без тени сознания своей ответственности, серьезности и святости того, над чем они хихикают и о чем рассказывают в “курилках”. Унижена женщина, унижено творчество, самая цивилизация раздвоилась и ее видимая “духовность” бессильна и пуста, потому что не восприняла основного земного начала. Не восприняв основы, она “не дотянулась и до небес”, застыла “недоделанной” в полумертвом бессилии...» [9. С. 138].

Выход из сложившейся ситуации возможен лишь через переосмысление пола и половых отношений в христианском контексте, начинающееся с осознания глубины и серьезности вопроса, а также с осознания отсутствия вразумительного решения этого вопроса в современной христианской философии и теологии. «Мы ничего не знаем о семье, – заключает В.В. Розанов. – Мы ничего о ней не начали знать. Мы только входим в “азы” ее ведения» [10. С. 587].

Это «вхождение в азы» должно быть сопряжено с интеллектуальным трудом, выражающимся в творчестве, но также и с христианской верой, влекущей мыслителя к пониманию замысла Бога о человеке, сотворенном «по образу Божию», как «мужчина и женщина» (Быт. 1:27).

Взявшись за эту работу, В.В. Розанов первоначально считает, что сложившаяся двойственность в осмыслении пола связана с неким историческим недоразумением, искажением подлинного христианского благовестия. Однако постепенно Василий Васильевич все больше начинает склоняться к представлению о том, что именно христианство само по себе, в своем существе образует эту двойственность и несет за нее ответственность. Как отмечает В.А. Фатеев, «Увлечшись темой взаимосвязи религии и сексуальности, Розанов поначалу даже и не предполагал, в каком рискованном направлении движется. С присущей ему пытливостью обратившись к анализу неизученных религиозных и как бы даже христианских проблем, он на самом деле начал осуществление грандиозного подкопа под христианство» [6. С. 170].

Так, первоначально, В.В. Розанов обращается к поиску несоответствий между принятым в православной среде отношением к полу и половым отношениям, с одной стороны, и библейским учением, – с другой. С его точки зрения, поэзия пола и брака, характерная для библейского повествования, не понята и не воспринята православием, и именно это непонимание необходимо преодолеть, высветив, проявив подлинно глубокое понимание святости брака в Священном Писании. В статье «Русская церковь» В.В. Розанов пишет: «Все библейское учение о браке вовсе отменено, все библейское чувство семьи и брака вовсе неизвестно в Православии, и, если бы где проявилось [фактически] – вызвало бы величайшее озлобление против себя» [7. С. 123]. Но «семья точно также имеет для себя религию в христианстве, как и институт монашества» [8. С. 453].

Вместо богословских штудий, подчеркивающих святость полового общения в контексте христианского вероучения, В.В. Розанов предлагает трансформировать саму церковную практику, которая должна не столько доказывать, сколько показывать святость брака в действии. В «Опавших листьях» философ описывает свое предложение, высказанное на Религиозно-Философских собраниях оставлять новобрачных в храме после венчания, чтобы их первое близкое общение друг с другом было овеяно чувством святости, освящено церковью не только формальным благословением, но и ощущением присутствия Бога в их жизни с самых первых моментов брака. Если это допустимо, как отмечает В.В. Розанов, для тех, кто постригается в монахи, то почему не допустить такую практику для тех, кто вступает в брак, ведь оба пути в равной степени являются путями спасения... «Уединение в место молитвы, при мерцающих образах, немногих зажженных лампадах, без людей, без посторонних, без чужих глаз, без чужих ушей... какие все это может родить думы, впечатления! И как бы эти переживания потянулись длинной полосой тихого религиозного света в начинающуюся и уже начавшуюся супружескую жизнь, – начавшуюся именно здесь, в Доме молитвы...» [8. С. 100].

В каком же смысле, рассуждает далее В.В. Розанов, в Евангелии говорится, что Царство Божие подобно чертогу брачному? Не в том ведь смысле, что оно напоминает вечеринку с гостями.

Тогда можно было бы использовать любой образ праздника. Но «чертог брачный» указывает именно на освященную Богом встречу мужчины и женщины, на общение новобрачных... «Ужели то, с чем сравнена самая суть того, о чем учил Спаситель (Царствие Божие), – неужели это низко, грязно и недостойно того, чтобы мы часть церкви своей приспособили, – украсив деревьями, цветами и бассейном, – к этому образу в устах Спасителя?!» [8. С. 101].

Однако постепенно увлеченность В.В. Розанова темой пола способствует переходу его размышлений от критики христианства современного, не усвоившего еще подлинно христианское отношение к полу, к критике христианства как такового, самого по себе. Превозношение монашеского идеала начинает рассматриваться философом не как историческое недоразумение, но как самая суть или «соль» христианства. Выступая за пол, теперь Василий Васильевич защищает его уже не от тех, кто не понимает сути христианства, но от самой этой сути. Именно эта антихристианская в своем существе метаморфоза в рассуждениях В.В. Розанова способствовала закреплению за ним клише «русский Ницше». Как отмечал Д.С. Мережковский, «когда этот мыслитель, при всех своих слабостях, в иных прозрениях столь же гениальный, как Ницше... самородный первозданный в своей антихристианской сущности, будет понят, то он окажется явлением едва ли не более грозным, требующим большего внимания со стороны церкви, чем Л. Толстой» [11. С. 85].

Самым отталкивающим элементом христианства для В.В. Розанова, конечно, является аскетизм [12. С. 119]. Независимо от того, какой именно путь выбирает конкретный человек, если он не принимает в качестве идеального ориентира аскетический образ жизни, он не может считаться христианином. Именно к такому выводу приходит мыслитель. Отсюда протекает и двойственное отношение к половому общению и половой жизни, поскольку в христианской культуре оно воспринимается как недолжное, отступление от истинного подвига веры, заслуживающее отторжения и презрения. Поэтому даже там, где половое общение является неизбежным и допустимым (в браке), оно продолжает восприниматься как недолжное. «Является дилемма, – сокрушается В.В. Розанов, – или “отвергнуться мира” и идти за Христом, или остаться в миру без Христа. Но тогда, с Кем же, и как? А без Христа прожить трудно» [11. С. 83].

Для современного исследователя напряженность этой дилеммы уже далеко не так очевидна, поскольку философия и богословие пола сегодня проработаны в несравнимо более глубокой степени, чем это было возможно сто с лишним лет назад.

Однако для В.В. Розанова сложный выбор между браком без Христа и безбрачием во Христе составлял настоящий нерв колебаний между верой и безверием, спасением и погибелью человека. Из всех сил пытаясь увидеть в христианском учении поэзию брака, священную, хотя в силу исторических перипетий и утраченную в прошлом, В.В. Розанов видел в нем место только для одной настоящей поэзии – метафизики монашества.

«Лютеранство, отвергшее монашество, – писал философ в одном из своих самых антихристианских по духу произведений “Люди лунного света”, – потеряло с ним и всякую метафизику: потому что одно иночество и составляет всю метафизику в христианстве. Все прочее – рационально, объяснимо, обыкновенно. Совершенно необъяснимо, со стороны ли опоры в Первом Завете, или со стороны понимания, разума – одно иночество; и оно одно составляет поворот в истории от древнего к новому, оно есть виновник и создатель “новой эры”. Без него – просто ничего нет... Специальное Церкви начинается с монаха, пусть нечесаного, пусть злого, совершенно невежественного. Все равно – он несет в себе метафизическое зерно, которое ошеломляет нас новизной и странностью, которому мы удивимся и перед которым, как перед всяким дивом, можем преклониться. Эта “дивность” его заключается в глубочайшем трансцендентном разобщении со всеми нами, в совершенной непохожести на нас, в силу которой – смотря по расположенности и подготовленности – мы назовем его “демоном” или “богом” (в простонародье), стоящим выше или ниже человека, но во всяком случае в стороне от него...» [13. С. 402].

И все, что случается в обычной земной жизни становится чем-то на порядок более низменным, чем этот возвышенный пример «инога», выделенного, особенного, неотмирного... В сравнении с этим все труды и страдания супружества выглядят настолько несовершенными, насколько это вообще возможно. «– Нет супружества, семьи! И не надо! В этом состоит не что-нибудь в христианстве, а все оно... От бессеменности спасение!» [13. С. 402, 404].

Добродетели супружества еще и потому «ничто», рассуждает В.В. Розанов, что самая семья, с точки зрения христианства, – явление преходящее. В будущем веке «не будут ни жениться, ни замуж выходить» (Мк. 12:25). Добродетели иночества перейдут и в будущий век, но добродетели супружества останутся на этой земле, в веке нынешнем, темном и преисполненном злом. «Какой интерес, что некоторые деревья очень хороши в лесу, который завтра сгорит?» [13. С. 405].

«Вот Церковь.

Вот Христианство.

Вот христианские народы.

В середине всего этого лежит:

– Иночество!» [13. С. 405].

Таким образом, именно иночество как «бессеменность», как преодоление мирского образа жизни, возвышение над ним и одновременно суд над ним, как чем-то недолжным, неподлинным, низменным, представляет собой самую основу христианства. И в этом отношении христианство выступает религией немногих, «бессеменных святых», которые унаследуют Царство Божие. Так представляет себе В.В. Розанов темную сторону христианской религии, позиционирующей себя в качестве «света истины», но несущей в себе на самом деле огромный заряд презрения к людям, не способным исполнить монашеские обеты.

Так постепенно христианство для В.В. Розанова становится объектом настолько глубокой и искренней неприязни, что он начинает «хулить» его так, «как не

приходило в голову какому-нибудь атеисту» [14. С. 539]. Но даже эта хула не смогла стать основанием для окончательного отвержения Церкви. Несмотря на всю противоречивость в теоретическом плане позиции В.В. Розанова и на сопровождающие ее душевные терзания самого философа, и пол, и христианство на протяжении всего его творческого пути оставались теми самыми ему близкими и дорогими. «Конечно, я умру все-таки с Церковью, – писал В.В. Розанов, – конечно Церковь мне неизмеримо больше нужна, чем литература (совсем не нужна) и духовенство все-таки всех (сословий) милее. Но среди них умирая, я все-таки умру с какой-то мукой о них» [8. С. 177].

Эта двойственность позиции В.В. Розанова в отношении Церкви настолько органична самому стилю его философствования, что не может быть и не должна быть снята. Как отмечает относительно этой особенности творчества В.В. Розанова В.А. Фатеев, «двойственность навсегда останется в его религиозных взглядах: не принимая многого в христианстве, он все же любит и ценит его... Особую силу розановским антихристианским вопрошаниям придавала безусловная искренность его трагических сомнений – в них чувствуется его глубокая душевная боль... Таким он оставался до последних дней, менялась только преобладающая сторона его двойственного мироощущения – и от интенсивности этих стихийных перемен и зависели, собственно, его внешне необъяснимые идейные перепады» [6. С. 342–343].

Таким образом, при всей сложности темы религии в творчестве В.В. Розанова можно утверждать все же, что творчество это оставалось «религиозно ориентированным» [15. С. 47]. И это обстоятельство особенно значимо для раскрытия вопроса о концептуализации пола в философии В.В. Розанова, поскольку данная концептуализация теснейшим образом оказалась связанной с открытостью, нерешенностью «полового вопроса» в контексте именно христианской культуры и философии. В рамках этой работы по осмыслению пола особое значение имеют следующие три положения, которые можно сформулировать на основании анализа работ философа:

1. Пол имеет существенное отношение к природе человека.

С точки зрения В.В. Розанова, половое измерение человека имеет прямое отношение к его сущности или природе. Пол не является лишь физиологической характеристикой. Он имеет метафизическое измерение и должен быть понят и осмыслен в тесной связи с такими категориями, как личность и образ Божий в человеке. Для В.В. Розанова половое начало – это таинственное переплетение физики, метафизики и мистики. Оно не удаляет человека от Бога, но, напротив, сближает с Ним. «Связь пола с Богом, – подчеркивает философ, – большая, чем связь ума с Богом, даже чем связь совести с Богом...» [8. С. 59]. «Пол есть странное физиолого-мистическое явление, где так необыкновенно запутаны нити романа и церкви, “мяса” и духа; где столько земного и так очевидно есть небесное. Нет еще явления, куда сходились бы столько и из самых разнообразных областей тропинок: наука и поэзия равно

спешат сюда, сюда подходит искусство и сюда торопится священник. Каждый находит здесь свое, себе пищу, свою тему. И между тем нет области, менее освещенной и даже едва ли осветимой в глубине: эпителии – особенно приложим сюда» [16. С. 280].

Пол таинствен особенно потому, что необъяснимым образом связан с личностью. Он проявляется, раскрывает свою силу в неповторимом, личностно окрашенном опыте человека, и прежде всего в опыте личной любви. Нет лица в человеке без пола и нет пола без лица. «Да что такое лицо в нас?! Никто не разобрал. Точка, где тело начинает “говорить”, к которой и сами мы говорим, “обращаемся”; точка, где прорывается немота, откуда прорывается глагол; где начинается особливость и оканчивается безразличие... Замечательно, что пока не начинается в природе жизнь, т.е. где не начался пол – нет лица; но оно сейчас же появляется как зачаток, как намек – где появляется пол:

Печальная береза

У моего окна

И прихотью мороза

Подернута она» [17. С. 22, 24].

Пол, считает В.В. Розанов, – это «ночь» в анатомической организации человека в том смысле, что сухость, строгость, «материальность» тела теряется в бездне пола, приближается к трансцендентному, охватывается «огнем поедающим», прорывается к личности: «...юноша и девушка, тяготея друг к другу бесспорно полом, тяготеют им не функционально, но лично: ясный знак, что пол – не функция, не орган, – ибо какой же есть человек, который лучше предпочел бы умереть с голоду, чем непременно есть эту кашу и этой ложкой? Не дышать вовсе, чем дышать в этой комнате?» [18. С. 213].

Будучи, таким образом, тесно связан с личностью, и, через нее, с метафизической и мистической глубиной человека, пол уже не может считаться характеристикой случайной, не имеющей отношения к природе человека. Но каким образом это таинственная связь пола с сущностью человека может быть понята и описана?

2. Пол представляет собой явление многомерное, и поэтому описан он может быть только с помощью сложного категориального аппарата. Сложность этого описания связана с тем обстоятельством, что помимо эмпирического различия между мужчинами и женщинами необходимо учитывать и «идеальные» прототипы или прообразы, сущности мужественности и женственности как таковой. В.В. Розанов обозначает пол как явление «текучее», колеблющееся между двумя полюсами, «флюксию» [13. С. 270].

«Здесь мы имеем ряд степеней, – отмечает философ, – которые удобно выражаются рядом натуральных чисел: ... + 7 + 6 + 5 + 4 + 3 + 2 + 1 + – 0 – 1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6 – 7 ... Наибольшая напряженность в смысле возможности удовлетворить и в смысле постоянной жажды удовлетворения указывает на небольшую степень самочности – самца в противолежании его самке и самки в противолежании ее самцу... Наибольшая противоположность мужчины и женщины и выразит наисильнейший в них пол! Т.е. чем

менее “мужеподобна” женщина – тем она самочнее; как чем менее “женеподобен” мужчина – тем наиболее он самец...» [13. С. 274–276].

Таким образом, пол, с точки зрения В.В. Розанова, как бы постоянно в человеке колеблется между двумя «типовыми» полюсами – мужественностью (деятельность, предприимчивость, изобретательность, смелость, отважность) и женственностью (тихость, нежность, кротость, безмолвность) [13. С. 274–276]. Первый В.В. Розанов называет «Творцом миров», а второй – «вечной женственностью» [13. С. 276].

Такой подход к пониманию пола открывает возможность для трактовки человека как существа бисексуального, т.е. содержащего в себе задатки обоих полов, колеблющегося между ними, склоняющегося или к полюсу мужественности, или же, напротив, к полюсу женственности.

Интересно, что к сходным представлениям практически одновременно с В.В. Розановым приходит и известный австрийский мыслитель Отто Вейнингер, который в своей работе «Пол и характер» настаивает на том, что пол представляет собой величину переменную. «Все особенности мужского пола, хотя и в слабом, едва развитом состоянии, можно найти и у женского; и наоборот, все половые признаки женщины в своей совокупности содержатся и в мужчине, хотя в очень неоформленном виде» [19. С. 16–17]. Поэтому «колебания» пола, с точки зрения О. Вейнингера, сопровождают жизнь каждого человека. Для О. Вейнингера, однако, имеет чрезвычайно большое значение иерархия полов, и колебания между мужественностью и женственностью означают для него в прямом смысле колебания между возвышенным и низменным началами в человеке. Именно с этим пунктом не может согласиться В.В. Розанов, рассматривающий оба начала, хотя и в традиционных терминах (активного и пассивного), однако с равным уважением к их метафизическому и даже мистическому достоинству. «Из каждой страницы Вейнингера, – писал В.В. Розанов, – слышится крик: “Я люблю мужчин!”... Ревнование (мужчин) к женщинам заставило его ненавидеть “соперниц”. С тем вместе он полон глубочайшей нравственной тоски: и в ней раскрыл глубокую нравственность женщин, которую в ревности отрицает» [8. С. 98].

3. Утверждение андрогинной природы человека. Данный тезис, будучи напрямую связан с предыдущим, раскрывается В.В. Розановым в религиозном контексте. Бог задумал человека именно как существо андрогинное – этот мотив позволяет глубже понять христианское учение о сотворении человека, а также христианское учение о его спасении. В.В. Розанов обращает внимание на то, что Ева, согласно библейскому повествованию, творится Богом из «ребра Адама», т.е. по сути, уже содержится в нем с самого начала как одно из его измерений. «Адам, – рассуждает философ, – “по образу Божию сотворенный”, был в скрытой полноте своей Адамо-Евою, и самцом, и (in potentia) самкою, кои разделились, и это было сотворением Евы, которую, как мы знаем, закончилось творение новых тварей. “Больше нового не будет”. Ева была последней новизной в мире, последней и окончательной новизной» [13. С. 271].

Христианская сотериология также обретает более ясные очертания в отношении полового измерения, если это измерение мыслится как сочетание мужского и женского начал в каждом человеке, хотя бы, как выражается В.В. Розанов, и *in potentia*. Только признавая в определенной мере наличие в каждом человеке и мужского, и женского, можно приблизиться к пониманию того, почему Христос, будучи «пола мужеска», признается Спасителем всего человеческого рода. Восприняв человеческую природу и будучи человеком мужского пола, Он совершает дело спасения равно как мужчин, так и женщин. А спасено, согласно христианскому вероучению, может быть только то, что воспринято [20. С. 168–169].

В то же время необходимо признать, что мистический андрогинизм вовсе не обязательно должен принимать именно такой вид, какой приняло это представление в работах В.В. Розанова и О. Вейнингера. Так или иначе, к осмыслению этой тайны стремились и другие отечественные философы, о чем пойдет речь далее на примере учения Владимира Соловьева. Приемлемость этого представления с христианской точки зрения остается вопросом открытым.

Итак, с точки зрения Василия Розанова, половое измерение человека, рассматриваемое в контексте религиозном, должно быть понято как начало, имеющее существенное отношение к природе человека. Это начало может быть описано только через различение пола как эмпирического факта, с одной стороны, и пола как внутреннего колебания человеческой природы между полюсами мужественности и женственности – с другой. Данное различие влечет за собой вывод об андрогинном устройстве человеческого естества.

Концепция пола и половой любви в творчестве Владимира Соловьева

Пытаясь эксплицировать представления Владимира Соловьева об онтологическом статусе полового измерения в человеке, исследователь сталкивается с трудностями совсем иного рода, чем при анализе творчества Василия Розанова. Если В.В. Розанов, как уже было указано выше, – мыслитель, не считавший необходимым систематическое оформление собственных взглядов, то В.С. Соловьев, напротив, философ, стремившийся создать всеохватывающую систему философии, в которой даны ответы на основные фундаментальные вопросы бытия. Метафизика, гносеология, этика, эстетика, теория всеединства – вот основные столпы философии этого русского классика. По сравнению с такими основополагающими темами вопрос об устройстве пола, его связи с человеческой природой является для творчества Владимира Сергеевича вопросом более чем второстепенным. Поэтому и в критической литературе, посвященной анализу работ В.С. Соловьева, чрезвычайно малое внимание уделяется именно этому вопросу.

И тем не менее экспликация представлений о поле в творчестве этого выдающегося философа остается задачей важной, выявляющей некоторые значимые

смыслы, глубоко вплетенные в общую канву его философствования.

При всем своем стремлении к систематической ясности и всеохватности В.С. Соловьев, как и В.В. Розанов, остается философом-«духовидцем», рассуждения которого не могут быть сведены к анализу «наличного материала», но уходят в прозрения метафизического и мистического характера. Это делает концепции этих двух мыслителей при всех отличиях глубоко родственными друг другу. Как отмечает В.А. Фатеев, «Розанов – философский “антитезис” Соловьева» [6. С. 155]. Творчество Розанова кажется более самостоятельным и самобытным, особенно в сравнении с «академизмом» рассуждений Соловьева. Но при более глубоком анализе ситуация предстает совсем не такой однозначной. «Загадка личности Соловьева, – отмечает В.А. Фатеев, – может быть глубже и неразрешимее любого, даже самого необъяснимого из розановских жизненных и философских парадоксов. Образ «рыцаря-монаха» и пророка-духовидца, то поражающего нас глубиной своих мистических видений, то повергающего нас в уныние нелепыми теократическими построениями, то поднимающего над суетой грешного мира своими возвышенными, подлинно христианскими суждениями, то вызывающего недоумение циническими выходками и сомнительного свойства стишками, двоятся, по крайней мере, не в меньшей степени, чем образ Розанова. Именно внутренняя противоречивость, двоякость, доходящая до парадоксальности, являющаяся в значительной степени знамением переходного времени, на которое пришлось творчество обоих мыслителей, и служит основой для их сближения. Соловьев далеко не так целен и однозначен, каким он выглядит обычно в посвященной ему панегирической литературе» [6. С. 155].

Одним из основных мотивов указанной В.А. Фатеевым неоднозначности, противоречивости учения В. Соловьева является его отношение к христианству. Как и В. Розанов, он не мыслит себя вне христианской культуры, христианских смыслов, «опытной почвы» христианства [21. С. 69]. Но «прорабатывая» эту почву философскими средствами и методами, В. Соловьев нередко выходит за рамки собственно христианского вероучения. В осмыслении темы пола и половых отношений эта коренная двойственность творчества В. Соловьева предстает с бесспорной очевидностью.

Итак, половой вопрос в творчестве В.С. Соловьева тесным образом связан с темой эроса, которая представляет собой один из определяющих мотивов его философии всеединства. Как отмечал выдающийся философ, современник Владимира Соловьева и, одновременно, исследователь его творчества князь Евгений Трубецкой, тема эроса является стержневой для Владимира Сергеевича, поскольку она образует собой некую точку пересечения между его жизнью и его философией. Именно в этой теме, считает Евгений Николаевич, философ черпал свое вдохновение, именно она воодушевляла его на создание философских трудов. «С юных лет, – писал Е.Н. Трубецкой, – и почти до конца своих дней Соловьев провел большую часть жизни в состоянии эротического подъема. И с этим

подъемом без всякого сомнения связано все положительное и отрицательное в его учении. – Его философия не была бы жизненной мудростью, если бы не сплеталась корнями с самым мощным их его жизненных стремлений. С другой стороны, если бы его душевная жизнь в самой глубине своей не озарялась светом его философского и религиозного идеала, в его характере не было бы той цельности, которая составляет красу его духовного облика...» [22. С. 367].

Всеединство для Соловьева не было абстрактной идеей, оно, как выражается Е.Н. Трубецкой, играло в его творчестве «всеми цветами радуги», было осязаемо, видимо мыслителем, непосредственно проживаемо им в порыве любовного подъема. Любовь осознавалась философом как «индивидуализация всеединства», его конкретизация: всякая подлинная любовь есть один из этапов реализации любви вселенской, соединяющей божественное и человеческое начала, часть общего «дела». «Для любовного чувства его предмет есть все, олицетворение всего драгоценного, что есть в целом мире, словом – всеединство во образе данной конкретной индивидуальности» [22. С. 367].

Тема Эроса, таким образом, занимает значительное место в философии всеединства Владимира Соловьева и представляет в ней один из основных мотивов, позволяющих приблизиться к пониманию главной цели творения и пути ее достижения. «И ад, и земля, и небо – писал Владимир Сергеевич, – с особым участием следят за человеком в ту роковую пору, когда вселяется в него Эрос. Каждой стороне желательно для своего дела взять тот избыток сил, духовных и физических, который открывается тем временем в человеке. Без сомнения, это есть самый важный, срединный момент нашей жизни. Он нередко бывает очень краток, может также дробиться, повторяться, растягиваться на годы и десятилетия, но в конце концов никто не минует рокового вопроса: на что и чему отдать те могучие крылья, которые дает нам Эрос? Этот вопрос о главном качестве жизненного пути, о том, чей образ и чье подобие примет или оставит за собою человек» [23. С. 201].

В работе «Жизненная драма Платона» В.С. Соловьев конкретизирует свое представление о грандиозной роли половой любви, формулируя концепцию «пяти путей». Как и Платон, Владимир Сергеевич рассматривает любовь как путь, который призван увлечь человека к высшей цели его существования. Но не все используют этого «гения» для собственного блага. Первый путь В.С. Соловьев называет «адским» и отказывается от его подробного описания. Второй путь, хотя и менее ужасный по сравнению с первым, все еще нельзя считать достойным человека. Это путь животный, для которого любовь имеет только одно выражение – физическое. Третий путь полагает «разумную меру животным влечениям» и ограничивает любовь брачными узами, чем способствует воспроизводству человеческого рода. Четвертым путем В.С. Соловьев считает путь аскезы, осознанного безбрачия и воздержания, он заменяет самый распространенный брачный путь более возвышенными стремлениями и более серьезным контролем физической природы со стороны человеческого разума и духа.

Однако высшим путем аскетизм не может быть признан, поскольку его основная задача – уберечь энергию Эроса в человеке от расхищения и попрания со стороны физиологии, бушующего хаоса материи. Высшая же цель человека, по убеждению философа, состоит в том, чтобы направить эту энергию на приближение к Божественному первообразу, дать ей возможность переродиться в освобождающем и побеждающем грех и смерть стремлении к Богу.

В.С. Соловьев обозначает этот путь как «истинный андрогинизм», сутью которого является полное соединение мужского и женского начал в человеке без смешивания внешних форм. Единение мужского и женского для В.С. Соловьева так же необходимо, как единение духовного и телесного, божественного и человеческого в общем грандиозном процессе всеединства, реализующем одно из главных новозаветных обетований – «да будет Бог все во всем» (1 Кор. 15:28).

При этом необходимо особо отметить то обстоятельство, что основное отличие пути «истинного андрогинизма» от супружеского союза, с точки зрения Владимира Сергеевича, должно заключаться в преодолении физического выражения половой любви. Несмотря на то, что пятый путь теснейшим образом связан с «духовной телесностью» и через нее с богочеловеческим союзом, телесность в половой любви В.С. Соловьев осознанно и решительно отрицает. «Плотское условие размножения для человека есть зло, – пишет философ, – в нем выражается перевес бессмысленного материального процесса над самообладанием духа, это есть дело, противное достоинству человека, гибель человеческой любви и жизни; нравственное отношение наше к этому факту должно быть решительно отрицательное: мы должны стать на путь его ограничения и упразднения... Обязательно для нас и имеет нравственное значение внутреннее наше отношение к этому коренному проявлению плотской жизни, именно – признание его злом, решение этому злу не поддаваться и добросовестное исполнение этого решения, насколько это от нас зависит...» [24. С. 147]. Физиологическую сторону половых отношений, таким образом, В.С. Соловьев называет злом и рассматривает как подчинение человека низменному началу, примирение с царством греха и смерти, унижением человеческого достоинства.

Евгений Николаевич Трубецкой обращает внимание на то, что такое понимание любви не может быть приемлемо с христианской точки зрения. Создавая «идеальный» (в платоническом смысле) образ половых отношений, В.С. Соловьев, с точки зрения Е.Н. Трубецкого, отнимает их от земли, но в таком виде «небу» они тоже не могут принадлежать. Нет в Царстве Божием места для исключительной половой любви, и подобное представление никогда не являлось элементом христианского вероучения. «В устных своих беседах с друзьями, – вспоминал Евгений Николаевич, – Соловьев еще яснее, чем в своих сочинениях, высказывал мысль о несовместимости пятого пути любви, ведущего к андрогинизму и бессмертию, – с половыми отношениями: ибо последние увековечивают путь смерти, дурную бесконечность смены поколений.

И именно в половом воздержании философ видел преимущество высшего пути любви перед браком. Ясно, что этот «андрогинизм» не переносит любовь на небо; а между тем он отнимает ее у земли. И с этой точки зрения он во всех отношениях противоестественен» [25. С. 587].

Однако В.С. Соловьев не останавливается в своих размышлениях на отрицании физической стороны половых отношений. Злом является не только физическое соединение мужчины и женщины, но и сама по себе их разделенность, из которой и происходит тяга их друг к другу. Ни мужчина, ни женщина по отдельности не представляют собой, с точки зрения философа, целое человеческое существо. Их разделение само по себе является фактором смерти как дезинтеграции Божиего творения. Поэтому необходимо различать между собой два плана бытия человека – эмпирический, двойственный, половой, поработанный смертью и идеальный, сверхфизический, в котором и возможно только, по мысли В.С. Соловьева, преодоление смерти, разрушения и греха.

«В эмпирической действительности, – пишет философ, – человека как такового вовсе нет – он существует лишь в определенной односторонности и ограниченности как мужская и женская индивидуальность... Но истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих. Осуществить это единство, или создать истинного человека, как свободное единство мужского и женского начала, сохраняющих свою формальную обособленность, но преодолевших свою существенную рознь и распадение, – это и есть собственная ближайшая задача любви» [26. С. 164–165].

Теория андрогинии, таким образом, в учении Владимира Соловьева базируется на представлении о том, что единение мужского и женского начал представляет собой важную задачу для человека. Как отмечает прот. В. Зеньковский, для Соловьева «андрогинизм не дан, а задан, относится не к прошлому, а будущему» [27. С. 493]. Решая эту задачу, человек преодолевает свою неполноту и, в конечном итоге, смертность. В то же время для Василия Розанова андрогинность есть данность. Эту данность нужно осознать, чтобы приблизиться к пониманию важности половой любви как жизнеутверждающего начала, но в строгом смысле «созидать» ее нет никакой надобности. В этом контексте позиция Розанова выглядит более соответствующей христианскому откровению при всей экстравагантности его представлений о поле, описанных выше, поскольку она, по-видимому, легче согласуется с представлением о спасении во Христе людей обоих полов.

Однако В.С. Соловьев также не ограничивается констатацией фактической разделенности полов в эмпирической перспективе. С его точки зрения, эта ситуация половой дезинтеграции, сопровождающая смертность человеческого естества, тесно связанная с ней, для человека не является естественной и требует преодоления в андрогинии именно потому, что не является изначальной. Эта ситуация явилась одним из по-

следствий грехопадения и поэтому должна быть преодолена, «излечена» наряду с другими последствиями. Иначе говоря, для Владимира Соловьева андрогиния действительно не дана, а задана, однако, задана она именно как восстановление былой данности, данности образа Божия в человеке, который таинственно связан с единением мужского и женского начал. «Не к какой-нибудь отдельной части человеческого существа, – писал философ в “Смысле любви”, – а к истинному единству двух основных сторон его, мужской и женской, относится первоначальный таинственный образ Божий, по которому создан человек... Бог относится к твари, как все к ничему, то есть как абсолютная полнота бытия к чистой потенции бытия; Христос относится к Церкви, как актуальное совершенство к потенции совершенства, образуемой в действительное совершенство; отношение же между мужем и женой есть отношение двух различно действующих, но одинаково несовершенных потенций, достигающих совершенства только процессом взаимодействия... Человек может зиждительно восстановить образ Божий в живом предмете своей любви только так, чтобы восстановить этот образ в самом себе; а для этого он у самого себя силы не имеет, ибо если б имел, то не нуждался бы и в восстановлении; не имея же у себя, должен получить у Бога. Следовательно, человек (муж) есть творческое, зиждительное начало относительно своего женского дополнения не сам по себе, а как посредник и проводник Божественной силы» [26. С. 190].

Иными словами, андрогиния для В.С. Соловьева представляет собой процесс интеграции человека и восстановление образа Божия в нем [28. С. 274]. Однако даже в таком виде концепция В.С. Соловьева не может быть непротиворечивым образом вписана в рамки христианского вероучения, согласно которому грехопадение свершилось в мире, где уже существовали мужчина и женщина. Оно привнесло начало смерти и распада в их союз, но не оно явилось причиной полового различия как такового. Кроме того, неприемлемым с христианской точки зрения является и сам исключительный характер, который придает философ андрогинизму как пути наиболее совершенному, богочеловеческому. В.С. Соловьев рассуждает так, как будто само вхождение в Царство Божие обусловлено половой любовью, находится в зависимости от успеха в этом отношении. Превозношение, таким образом, богочеловеческого «пятого пути» способствует формированию представления о его обязательности для всех людей, жаждущих обрести спасение. Как отмечает Евгений Трубецкой, это и есть самое слабое место всех рассуждений В.С. Соловьева о природе пола и андрогинии: «Тут мы имеем несомненное преувеличение, переоценку половой любви, которая к тому же находится в явном противоречии с христианскими основами мирозерцания нашего философа. Не подлежит сомнению, что половая любовь спасительна для многих; но можно ли вместе с Соловьевым видеть в ней для всех обязательную норму?» [25. С. 583–584].

В.С. Соловьев, как и В.В. Розанов, прозревает некую таинственную связь пола с образом Божиим в че-

ловеке (Быт. 1:27) и пытается выразить ее рационально. С его точки зрения, эта связь заключается в задаче преодоления распада и смерти через единение мужского и женского начал посредством осуществления «пятого пути». Но в самом Бытии (1:27) указывается на сотворение мужчины и женщины в мире, где еще нет все разрушающего начала тления, следовательно половое разделение само по себе не лишает человека целостности и не требует «оперативного» вмешательства в форме духовного единения мужчины и женщины, исключаяющего при этом его чувственное выражение. Поэтому теория андрогинии как высшего пути к человеческому совершенству является по существу своему «утопией в буквальном смысле небывалого и невозможного» [25. С. 587].

Обобщая, можно сформулировать три основных положения концепции пола в учении Владимира Соловьева:

1. Пол имеет существенное отношение к организации и призванию человека. Половое разделение рассматривается философом как одно из многих иных разделений, которые человек должен преодолеть на пути к собственному спасению, – духовное и телесное, божественное и человеческое и т.п. При этом после осуществления этой задачи человек не окажется бесполом, напротив, половое различие сохранится в союзе мужчины и женщины, преодолевших разделение, привнесенное в их жизнь тлением и распадом.

2. Владимир Соловьев утверждает принципиальное равенство полов при некотором отличии в их ролях (мужчина и женщина – одинаково несовершенные потенции). Именно поэтому единение мужского и женского начал несет в себе спасительный эффект. Здесь не высшее соединяется с низшим, но разные и при том равные человеческие потенции соединяются в преображающем их существовании союзе.

3. Признание андрогинии высшим и спасительным, богочеловеческим путем. Противоречивость этой концепции, описанная выше, представляет собой, на наш взгляд, неслучайное явление в контексте как философии В.С. Соловьева, так и русской философии конца XIX – начала XX в.

Русские философы этой эпохи пытаются показать, что именно в христианской перспективе половое различие обретает свои подлинные не физиологические, но метафизические основания. При этом в самом христианском богословии непосредственно они не могут обрести четкую теоретическую модель такой метафизической концепции пола. Традиционной христианской аналогии между союзом мужа и жены, с одной стороны, и союзом Христа и Церкви, – с другой, оказывается недостаточно. Глубина и емкость этой аналогии подчеркивает, пожалуй, святость брачных уз, но не отвечает напрямую на вопрос о природе половых различий. Пытаясь, таким образом, самостоятельно выявить эту природу на основании собственного творческого порыва, эти выдающиеся умы создают концепции, внутренне противоречивые, но тем не менее чрезвычайно значимые для будущих поколений мыслителей, поскольку их творческая деятельность обозначает

проблему и прорабатывает возможные ходы ее решения. Какие бы претензии к этим ходам ни были или не могли быть предъявлены в будущем, само их продумывание является важным достижением российской философии этого периода. Как отмечает Никита Алексеевич Струве, «Церковь – живой организм, и ткани ее постоянно обновляются. Думать, что все в Церкви было дано разом и в готовом виде, есть недомыслие. Обновление бывает двоякого рода. Через расщипку от поздних, неоправданных наслоений, как очищают икону от копоти. И через творчество, что в Церкви равносильно святости» [29. С. 269]. На такое творчество и оказались «обречены» российские философы второй половины XIX – начала XX в. Быть может, философия Эроса Владимира Соловьева и была необходима для того, чтобы противоречивость идеала андрогинии предстала со всей возможной очевидностью... Так или иначе, но по меткому замечанию о. Георгия Флоровского, Соловьев «для церковного сознания остается “внешним” и как бы мы его ни любили, как бы мы не были и не должны были бы быть ему благодарны, все же он был не церковным мыслителем, а вольным теософом... И религиозная метафизика Соловьева есть не философское исповедание церковного опыта, а умозрительное построение романтической души» [22. С. 948].

Подводя итог этому небольшому исследованию религиозно-философского осмысления пола в трудах Василия Розанова и Владимира Соловьева, необходимо подчеркнуть, что эти выдающиеся мыслители внесли существенный вклад в разработку христианской теории половых различий, подчеркивая мистическое значение пола и тесную связь пола с сущностью человека. Осуществленный ими интеллектуальный поиск метафизических и даже мистических оснований полового измерения в человеке чрезвычайно важен не только в контексте российской культуры. Это неоценимый вклад в развитие теории пола как таковой. В отличие от своих западных современников, размышлявших о поле с позиций приземленных, родовых, психологических, эссенциальных (О. Вейнингера, Г. Зиммеля, З. Фрейда и др.), русские философы конца XIX – начала XX в. признавали в поле наличие недостижимой духовной глубины. Эта глубина препятствует сведению человека к простому физическому феномену, хотя и не может быть до конца объяснена рациональными методами. Все без исключения русские мистики пола, включая не только В.В. Розанова и В.С. Соловьева, но и С.Н. Булгакова, вдохновлялись в своих прозрениях. Быт.1:27: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их». В этом стихе первой главы Книги Бытия пол и образ Божий сопоставлены друг с другом. Однако подлинный смысл этого сопоставления так и остается, пожалуй, в контексте христианской культуры неразгаданной загадкой, а может быть, даже более того – остается еще не излеченной болью. «Болит древо жизни, – писал Сергей Николаевич Булгаков, – в сердцевине пола и здесь нет вполне торжествующих победителей» [30. С. 260].

Список источников

1. Милль Дж.С. О подчинении женщины. М. : Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2020. 304 с.
2. Бердяев Н. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж : Современные записки, 1931. 320 с.
3. Мейендорф Иоанн, протоиерей. Введение в святоотеческое богословие. Клион : Фонд «Христианская жизнь», 2001. 239 с.
4. Хитрук Е.Б. Метафизика «сверхполового» в философии С.Н. Булгакова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17, № 1. С. 149–159.
5. Хитрук Е.Б. Религиозно-философские истоки антропологической аргументации в полемике о женском священстве // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 141–155. doi: 10.17223/1998863X/73/13
6. Фатеев В.А. С русской бездной в душе. Жизнеописание Василия Розанова. СПб. : Кострома, 2002. 640 с.
7. Розанов В.В. Русская церковь // Православие: pro et contra. СПб. : РХГИ, 2001. С. 112–136.
8. Розанов В.В. Уединенное. М. : Изд-во полит. лит., 1990. 543 с.
9. Розанов В.В. Pro et contra. Кн. 2. СПб. : РХГИ, 1995. 576 с.
10. Розанов В.В. Собрание сочинений. Семейный вопрос в России. М. : Республика, 2004. 828 с.
11. Курбатова А.С. Проблема пола и брака в трудах В.В. Розанова // Полигнозис. 2000. № 1. С. 77–85.
12. Иванова Т.А. Два типа концептуализации андрогина в русской философии Серебряного века // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2021. № 5. С. 113–126.
13. Розанов В.В. Метафизика христианства. Москва : АСТ ; Харьков : Фолио, 2001. 536 с.
14. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М. : Молодая гвардия, 2000. 613 с.
15. Емельянов Б.В. Очерки русской философии XX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 337 с.
16. Корнилов С.В. Русские философы. Справочник. СПб. : Лань, 2001. 448 с.
17. Розанов В.В. Собрание сочинений. В мире неясного и нерешенного. М. : Республика, 1995. 462 с.
18. Розанов В.В. Религия и культура. М. : Правда, 1990. 636 с.
19. Вейнингер О. Пол и характер. М. : ТЕРРА, 1992. 480 с.
20. Флоровский Г. Восточные отцы церкви. М. : АСТ, 2003. 633 с.
21. Хоружий С.С. О старом и новом. СПб. : Алетейя, 2000. 475 с.
22. Соловьев Вл. С. Pro et contra. СПб. : РХГИ, 2000. 1066 с.
23. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М. : Искусство, 1991. 699 с.
24. Соловьев В.С. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1990. 894 с.
25. Трубецкой Е.Н. Миросозерцание В.С. Соловьева. Т. 1. М. : Медиум, 1995. 604 с.
26. Соловьев В.С. Избранное. М. : Сов. Россия, 1990. 496 с.
27. Зеньковский В. История русской философии. М. : Академический проект; Раритет, 2001. 880 с.
28. Тупикин А.О. Метафизика любви В.С. Соловьева и философия пола В.В. Розанова как два продолжения речи Диотимы // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2011. № 15 (77). С. 274–280.
29. Струве Н. Православие и культура. М. : Русский путь, 2000. 632 с.
30. Булгаков С.Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. М. : Республика, 1994. 416 с.

References

1. Mill, J.S. (2020) *O podchinenii zhenshchiny* [The Subjection of Women]. Moscow: Gruppa Kompaniy "RIPOL klassik".
2. Berdyayev, N. (1931) *O naznachienii cheloveka. Opyt paradoksal'noy etiki* [On the Destiny of Man. An Essay in Paradoxical Ethics]. Paris: Sovremennyye zapiski.
3. Meyendorff, Ioann, prot. (2001) *Vvedeniye v svyatootecheskoye bogosloviye* [Introduction to Patristic Theology]. Klin: Fond "Khristianskaya zhizn".
4. Khitruk, E.B. (2016) *Metafizika "sverkhpолового" v filosofii S.N. Bulgakova* [The Metaphysics of the "Supra-Sexual" in the Philosophy of S.N. Bulgakov]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 17 (1). pp. 149–159.
5. Khitruk, E.B. (2023) Religious and Philosophical Sources of Anthropological Argumentation in the Debate on Female Priesthood. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 73. pp. 141–155. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/13
6. Fateyev, V.A. (2002) *S russkoy bezdnoy v dushe. Zhizneopisaniye Vasiliya Rozanova* [With a Russian Abyss in the Soul: A Biography of Vasily Rozanov]. Saint Petersburg: Kostroma.
7. Rozanov, V.V. (2001) *Russkaya tserkov'* [The Russian Church]. In: *Pravoslaviye: pro et contra* [Orthodoxy: Pro et Contra]. Saint Petersburg: RCSI. pp. 112–136.
8. Rozanov, V.V. (1990) *Uedinennoye* [Solitaria]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
9. Rozanov, V.V. (1995) *Pro et contra* [Pro et Contra]. Book 2. Saint Petersburg: RCSI.
10. Rozanov, V.V. (2004) *Sobraniye sochineniy. Semeynyy vopros v Rossii* [Collected Works. The Family Question in Russia]. Moscow: Respublika.
11. Kurbatova, A.S. (2000) *Problema pola i braka v trudakh V.V. Rozanova* [The Problem of Sex and Marriage in the Works of V.V. Rozanov]. *Polignozis*. 1. pp. 77–85.
12. Ivanova, T.A. (2021) *Dva tipa kontseptualizatsii androgina v russkoy filosofii Serebryanogo veka* [Two Types of Conceptualization of the Androgyne in Russian Silver Age Philosophy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. 5. pp. 113–126.
13. Rozanov, V.V. (2001) *Metafizika khristianstva* [The Metaphysics of Christianity]. Moscow: AST; Kharkov: Folio.
14. Losev, A.F. (2000) *Vladimir Solov'yov i yego vremya* [Vladimir Solovyov and His Time]. Moscow: Molodaya gvardiya.
15. Yemel'yanov, B.V. (2001) *Ocherki russkoy filosofii XX veka* [Essays on Russian Philosophy of the 20th Century]. Yekaterinburg: Ural University.
16. Kornilov, S.V. (2001) *Russkiye filosofy. Spravochnik* [Russian Philosophers. A Handbook]. Saint Petersburg: Lan'.
17. Rozanov, V.V. (1995) *Sobraniye sochineniy. V mire neyasnoy i nereshennogo* [Collected Works. In the World of the Unclear and Unresolved]. Moscow: Respublika.
18. Rozanov, V.V. (1990) *Religiya i kul'tura* [Religion and Culture]. Moscow: Pravda.
19. Weininger, O. (1992) *Pol i kharakter* [Sex and Character]. Moscow: TERRA.
20. Florovsky, G. (2003) *Vostochnyye ottsy tserkvi* [The Eastern Fathers of the Church]. Moscow: AST.
21. Khoruzhiy, S.S. (2000) *O starom i novom* [On the Old and the New]. Saint Petersburg: Aleteyya.
22. Solov'yov, V.I.S. (2000) *Pro et contra* [Pro et Contra]. Saint Petersburg: RCSI.
23. Solov'yov, V.S. (1991) *Filosofiya iskustva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskustvo.
24. Solov'yov, V.S. (1990) *Sochineniya: v 2 tomakh* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
25. Trubetskoy, Ye.N. (1995) *Mirosozertsaniye V.S. Solov'yeva* [The Worldview of V.S. Solovyov]. Vol. 1. Moscow: Medium.
26. Solov'yov, V.S. (1990) *Izbrannoye* [Selected Works]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
27. Zen'kovskiy, V. (2001) *Istoriya russkoy filosofii* [A History of Russian Philosophy]. Moscow: Akademicheskii proyekt; Raritet.

28. Tupikin, A.O. (2011) Metafizika lyubvi V.S. Solov'yeva i filosofiya pola V.V. Rozanova kak dva prodolzheniya rechi Diotimy [The Metaphysics of Love of V.S. Solovyov and the Philosophy of Sex of V.V. Rozanov as Two Continuations of Diotima's Speech]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvovedeniye*. 15 (77). pp. 274–280.
29. Struve, N. (2000) *Pravoslaviye i kul'tura* [Orthodoxy and Culture]. Moscow: Russkiy put'.
30. Bulgakov, S.N. (1994) *Svet Nevecherniy: Sozertsaniya i umozreniya* [Unfading Light: Contemplations and Speculations]. Moscow: Respublika.

Информация об авторе:

Хитрук Е.Б. – д-р филос. наук, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lubomudreg@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.B. Khitruk, Dr. Sci. (Philosophy), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lubomudreg@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.01.2025;
одобрена после рецензирования 16.05.2025; принята к публикации 30.06.2025.*

*The article was submitted 24.01.2025;
approved after reviewing 16.05.2025; accepted for publication 30.06.2025.*

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 323.17
doi: 10.17223/15617793/515/9

Нарратив виктимности в дискурсе о независимости Каталонии

Кирилл Викторович Гостев¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, kirill.gosteff@gmail.com

Аннотация. Рассматривается нарратив о «Каталонии-жертве», который активно использовался сепаратистскими партиями региона в 2010-е гг. Исследование основано на стенограммах Конгресса депутатов Испании за период с июля 2016 г. по ноябрь 2017 г. Анализ показывает, что помимо политической мобилизации населения и получения поддержки со стороны Европейского союза и более широкого международного сообщества нарратив преследовал третью цель – достижение большей автономии в рамках Испании.

Ключевые слова: Испания, Каталония, виктимность, сепаратизм, автономия

Для цитирования: Гостев К.В. Нарратив виктимности в дискурсе о независимости Каталонии // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 81–88. doi: 10.17223/15617793/515/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/9

Victimhood narrative in the Catalan independence discourse

Kirill V. Gostev¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kirill.gosteff@gmail.com

Abstract. International and domestic conflicts are often accompanied by competing victimhood narratives, which are used by both sides in order to legitimise their claim through recognition by the wider international community. This article focuses on the Catalan victimhood narrative, actively utilised by the secessionist parties of Catalonia in the 2010s. The research is based on the parliamentary records of the Congress of Deputies of Spain between July 2016 and November 2017. The analysis suggests that the underlying motives behind promoting this narrative were not only political mobilisation of the population and recognition of victimhood claims by the European Union, but also seeking for wider autonomy within the Spanish state. The term "victimhood" has seen use in forensic science as well as in international relations, where it gained traction with the emergence of identity studies. Meanings attributed to the term by scholars can vary, but nevertheless, the key characteristic of victimhood in political science, as opposed to forensic science, is that to form a victimhood narrative, an occurrence of crime or a traumatic event is not required: it's enough for a victim or a group of victims to *perceive* the situation as unjust. This perception can form a common identity based on the same traumatising experience. As the analysis of parliamentary records suggests, the victimhood narrative in the 2010s Catalonia was constructed around several premises, including encroachment on Catalonia's authority, high regional taxes that aren't adequately compensated by the public investment, and overall lack of mutual trust. After the referendum crisis in October 2017, the narrative was expanded to include police brutality and repression accusations towards the Spanish state. The paper concludes that the purpose of the victimhood narrative in Catalonia was threefold. First, it was used to expand on Catalan identity and mobilise the population for the October referendum. Second, the narrative attempted to appeal to the wider international community in the ongoing conflict with the Spanish state. Third, the victimhood narrative was used as a means to reach higher autonomy within Spain. This idea is supported by the consideration of the international context that rendered secession close to impossible, as well as the contents of the parliamentary records.

Keywords: Spain, Catalonia, victimhood, separatism, autonomy

For citation: Gostev, K.V. (2025) Victimhood narrative in the Catalan independence discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 81–88. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/9

Введение

В октябре 2017 г. Каталония проголосовала за отделение от Испании на неконституционном референдуме и предприняла попытку одностороннего объявления независимости, которая была подавлена после вмешательства центральных властей страны, введения в автономном сообществе прямого управления и открытия уголовных дел против лидеров движения за независимость. Анализируя риторику каталонских отделенческих партий в предшествовавший референдуму период, можно заметить, что планы обретения независимости во многом опирались на поддержку и солидарность международного сообщества и в частности – Европейского союза [1. Р. 11–17]. Чтобы заручиться его поддержкой, каталонские элиты активно формировали общественную дискуссию о независимой Каталонии, в которую были вплетены два ключевых нарратива, которые обозначают её отношение к ЕС и Испании соответственно.

Смысл первого нарратива можно обобщить как «каталонцы – европейская нация»: он не только подчёркивает общность интересов независимой Каталонии и ЕС, но и поднимает каталонцев до статуса нации, таким образом выражая протест против политики Мадрида, последовательно отказывающей региону в нём; в частности, именно вопрос о статусе нации в обновлённой редакции Статута об автономии Каталонии стал основанием для решения Конституционного суда Испании в 2010 г., который обнулил ряд положений Статута [2]. Второй нарратив – это нарратив виктимности, обозначающий представление о Каталонии как о жертве Испании. Хотя эти нарративы отличаются содержанием, их происхождение с точки зрения теории идентичности можно представить как попытку подчеркнуть уязвимость, хрупкость каталонской идентичности перед Мадридом и найти помощь со стороны третьих стран или международного сообщества в целом. Под таким углом зрения отношения между Мадридом и Барселоной невозможно рассматривать без Европейского союза, от которого и та и другая сторона ожидают арбитража и одобрения собственных действий.

Предметом исследования данной статьи является нарратив о виктимности Каталонии в разрезе отношений внутри треугольника Мадрид – Барселона – Брюссель.

Цель настоящей статьи – выявить основные черты нарратива виктимности Каталонии и его роли в конституционном кризисе 2017 г. Анализ дискурса проводился на материале стенограмм нижней палаты парламента Испании (Конгресса депутатов) за период с 19 июля 2016 г. по 15 ноября 2017 г., охватывающий 90 заседаний с начала работы XII созыва и до учреждения Комиссии по оценке и модернизации автономного государства, которое иллюстрирует реакцию органа на каталонский кризис [3]. Таким образом, исследование охватывает период подготовки к референдуму, острую фазу кризиса и некоторое время после острой фазы, достаточное, чтобы зафиксировать изменения в нарративе.

Теоретическая основа исследования

Прежде чем переходить к анализу, необходимо дать определение виктимности. Понятие виктимности происходит из раздела криминологии, известного как виктимология (от лат. *victima* – «жертва» и гр. *logos* – «учение») – изучение жертв преступлений. Советский учёный-виктимолог Л.В. Франк давал следующее определение виктимности: «...виктимность отдельного лица есть, по всей вероятности, не что иное, как реализованная преступным актом “предрасположенность”, вернее, способность стать при определенных обстоятельствах жертвой преступления или, другими словами, неспособность избежать опасности там, где она объективно была предотвратима» [4. С. 65]. Понятийный аппарат виктимологии разделяет индивидуальную и массовую виктимность, а также виктимность и виктимизацию, которая понимается как процесс, в результате которого лицо или социальная группа становится жертвой преступления [5. С. 241]. Массовая виктимность в виктимологии сводится к совокупности индивидуальных виктимностей: Л.В. Франк указывал, что массовая виктимность выражается в количестве, структуре и удельном весе потерпевших в соответствующей группе населения [6. С. 19–22].

В политической науке понятие виктимности тесно связано с исследованиями идентичности и политики памяти. Р. Хорвиц определяет виктимность как публичное заявление, что группа или индивид потерпели несправедливость, которую надлежит исправить [7. С. 2]. Согласно определению Т. Джакоби, виктимизация – это акт нанесения ущерба личности или группе людей, а виктимность – это форма коллективной идентичности, основанной на этом ущербе [8. Р. 513]. Социологи Б. Кэмпбелл и Дж. Мэннинг пишут о сложившейся в определённых общественных условиях «культуре виктимности», признаками которой являются «высокая чувствительность, склонность к разрешению конфликтов через апелляцию к третьей стороне и культивирование имиджа жертвы, заслуживающей поддержки и помощи» [9. Р. 5].

Следует заметить, что данное определение отходит от криминологического в том смысле, что не обязательно включает компонент преступления: для формирования нарратива достаточно, чтобы те действия, на которых субъект акцентирует внимание, воспринимались как несправедливые. Это важно с точки зрения нарратива виктимности в международных отношениях, так как в контексте взаимодействия политических субъектов виктимность необязательно связана с нарушением законов, как, например, в постколониальном дискурсе, который представляет бывшие колонии в роли жертв эксплуатации метрополиями. Нередки случаи, когда дискурс виктимности поддерживается официальными властями страны, чтобы поддержать или укрепить её имидж: так, в 1940-е гг. американская оккупационная администрация поддержала тезис о том, что народ Японии сам пострадал от преступлений милитаристского режима времён Второй мировой войны, чтобы укрепить легитимность послевоенного правления [10. С. 42], а в современной Сербии нарратив о виктимности сербов в период гражданской войны

в Югославии затмевает «геноцидальный нарратив» о событиях в Сребренице в июле 1995 г. [11. С. 331–334]. В экстремальном контексте международного вооружённого конфликта идентичности жертвы и преступника нередко сливаются воедино, так как стороны конфликтов в принципе склонны перекладывать вину за нанесённый ущерб на противника и привлекать симпатии третьих сторон если не своими методами, то, по крайней мере, конечной целью борьбы [8. Р. 515].

Таким образом, виктимность в политической науке можно определить как идентичность индивида или группы, связанную с реальным или мнимым ущербом. Обращение к виктимности, как правило, сопряжено с преимуществами, которыми в демократическом обществе пользуется статус жертвы – жертва имеет право на поддержку и помощь, где бы она ни находилась. Виктимность может служить фактором мобилизации той части общества, которая соотносит себя со статусом жертвы [8. Р. 527–528]. В международных конфликтах нарратив виктимности рассчитан на то, чтобы привлечь внимание и симпатию третьих сторон, не участвующих в конфликте.

Нарратив виктимности в Каталонии

Нарратив «Каталонии-жертвы» сложно назвать новым – его корни следует искать в политике испанизации режима Франко, после падения которого демократические силы в Мадриде активно искали поддержки среди национальных меньшинств страны [12. Р. 1]. Яркий элемент нарратива виктимности Каталонии – национальный праздник («диада»), который отмечают 11 сентября: это дата падения Барселоны в ходе войны за испанское наследство 1714 г., которая считается моментом утраты каталонской государственности (автономии в составе Испанского королевства).

Роль праздников в формировании идентичности личности значительна, поскольку памятные события, воспроизводимые с определенной периодичностью, закрепляются в общественном сознании, формируя прочную ассоциацию с локальной, религиозной, этнической или гражданской идентичностью. По форме праздник схож с ритуалом: Н.А. Галактионова пишет, что «в ритуальных установках кодексы поведения являются платформой поведенческого кода, подразумевающего соблюдение ролевых норм и правил, традиционных действий, соответствующих ролевым ожиданиям и образу действий» [13. С. 5–6]. Иначе говоря, нормы и правила, процедуры и социальные нормы, складывающиеся вокруг того или иного праздника, становятся частью идентичности: «в диаду каталонцы проводят шествия и пьют каву¹».

Определение памятных дат, характера, масштаба, а также бюджета мероприятий входит в сферу государственной политики, которую называют символической политикой. О.Ю. Малинова определяет символическую политику как деятельность, связанную «с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за доминирование в публичном пространстве» [14. С. 15]. Б.С. Ерасов включает

праздники в категорию социальных институтов, проецируя на это явление стадии формирования института – иначе говоря, включения праздника в «несущую конструкцию» той или иной идентичности [15. С. 304–331]. Возникновение праздника обусловлено потребностью в нем, вызванной определенными социальными изменениями в обществе. Затем праздник наполняется смысловым содержанием – идеями, нормами поведения, статусами участников, ритуалами, системами санкций и правилами. Со временем эти практики становятся привычными для общества, являясь частью идентичности.

Рассматривая праздник в русле конструктивизма как инструмент символической политики, исследователь может определить, какие нарративы, идеи, ценности, практики доминируют в публичной политике. В такой интерпретации празднование дня Каталонии в день, когда Каталония утратила государственность, является сильным символическим актом, который говорит о большой роли данного факта для идентичности каталонцев. Трудно переоценить смысловое наполнение того факта, что именно массовые шествия в диаду на рубеже 2000–2010-х гг. стали местом рождения движения за независимость Каталонии. Безусловно, историческое прошлое праздника также внесло свой вклад в нарратив виктимности, культивируя в каталонцах бережное отношение к демократии и чувствительность к попыткам Мадрида ограничить и сдвинуть пределы каталонского самоуправления.

Для выявления основных черт нарратива виктимности был отобран массив стенограмм Конгресса депутатов XII созыва с начала его работы по ноябрь 2017 г. – спустя месяц после завершения острой фазы кризиса. Анализ был осуществлен следующим образом. На первом этапе из полнотекстового массива заседаний были выбраны высказывания политиков так называемой смешанной парламентской группы по партийному списку «Демократической конвергенции Каталонии» (CDC) – региональной партии², выступавшей за независимость Каталонии и вошедшей в правящую коалицию в регионе (в июле 2016 г. преобразована в Демократическую европейскую партию Каталонии). Анализировались высказывания 9 человек, или 8 мест из 18 в составе партийной группы. Не учитывались ремарки процедурного характера и короткие предложения без смысловой нагрузки. На втором этапе из массива высказываний были выбраны те, которые относились к интересам Каталонии или автономных сообществ, но не Испании в целом. Третий этап включал категоризацию высказываний по темам и их подсчёт с учётом числа заседаний, в которых выступал тот или иной политик. Если в ходе одного заседания или одного высказывания затрагивались несколько тем, все они указывались.

В таблице представлены данные, отражающие участие политиков ДПК в заседаниях парламента за рассматриваемый период.

Как следует из таблицы, в половине случаев высказывания политиков данной группы относились к вопросам, связанным с Каталонией или автономными сообществами. Наибольшую активность на заседаниях

проявили экономист из Таррагоны Ферран Бель (род. 1965), жиронский адвокат Хорди Шукла (род. 1973) и профессиональный политик из Барселоны Карлес Кампусано (род. 1964) – каждый из них высказывался в трети заседаний, включённых в выборку.

Как видим в таблице, более половины (69 из 112) высказываний занимают три темы: обвинения властей Испании в игнорировании диалога с Каталонией, недо-вольство недостатком полномочий в рамках автономии

и вопросы, связанные с бюджетом – проблемы с исполнением, несправедливость отчислений и целевых показателей по дефициту. В период острой фазы противостояния и после неё отмечаются обвинения властей в проведении репрессий (9 упоминаний) и героизация каталонских лидеров, оказавшихся за решёткой после событий октября 2017 г. (8 упоминаний). Помесячный график упоминаний некоторых тем представлен на рис. 1.

Активность депутатов ДПК в XII созыве Конгресса депутатов Испании

Депутат	Заседаний с участием	Из них о Каталонии	Высказываний по темам									
			И	П	Б	А	Р	С	Ц	Г	Д	Всего
Ферран Бель	31	18	1	1	7	2	0	0	4	2	2	19
Карлес Кампусано	33	14	0	4	0	3	6	0	1	1	1	16
Лоурдес Киуро	25	12	1	3	0	3	1	2	0	2	1	13
Фелиу-Хоан Гильом (с 6 апреля 2017 г.)	8	4	0	1	0	0	2	0	0	0	1	4
Франсеск Омс (до 6 апреля 2017 г.)	9	8	7	2	1	0	0	2	1	0	1	14
Сержи Микель	16	8	2	5	1	0	0	2	0	0	1	11
Мириам Ногерас	15	13	6	6	0	1	0	0	1	1	2	17
Антони Постиус	9	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Хорди Шукла	29	13	8	3	2	0	0	2	0	2	0	17
Всего	172	89	26	25	11	9	9	8	7	6	9	112

Примечание. И – игнорирование властями диалога с Каталонией; П – распределение полномочий; Б – исполнение бюджета и отчисления в бюджет; А – принятие антикаталонских законов; Р – обвинения в репрессиях; С – политизация судебной системы; Ц – несправедливые целевые показатели бюджетного дефицита; Г – героизация арестованных членов каталонского правительства как политзаключённых; Д – другие.

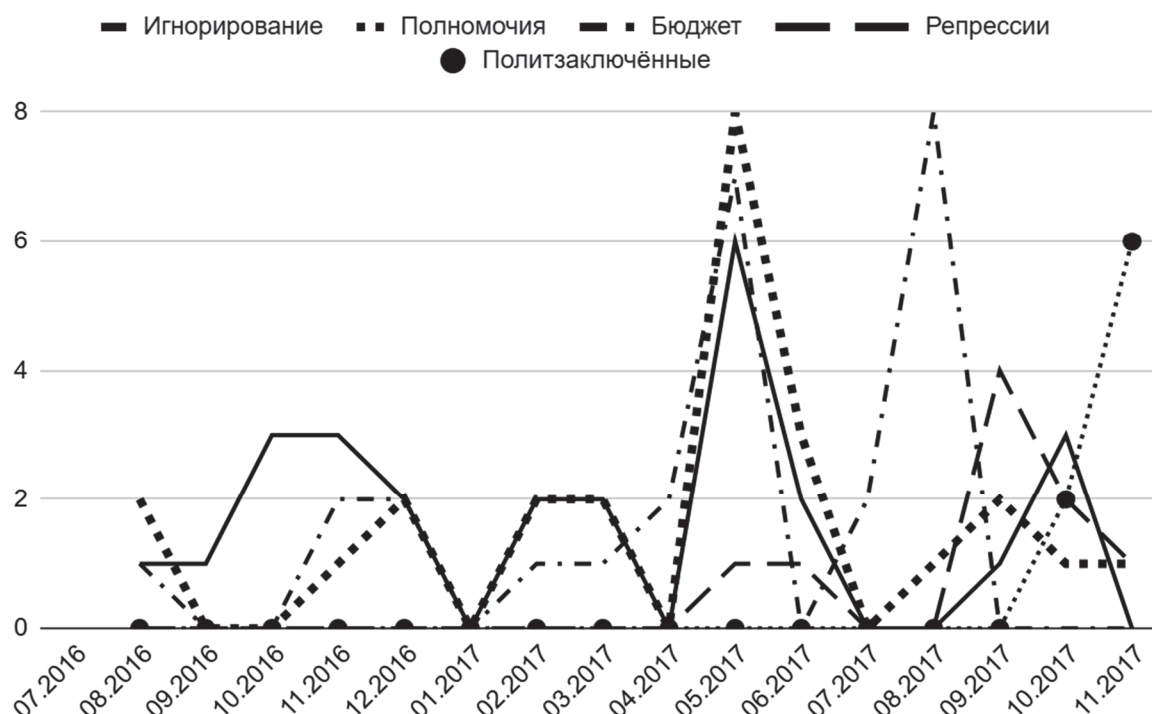

Рис. 1. Частотность упоминания некоторых тем в речи депутатов ДПК в XII созыве Конгресса депутатов Испании

Большая частотность высказываний об игнорировании диалога с региональными властями и недостатке полномочий может говорить о том, что именно эти вопросы стояли во главе повестки дня отделенческих партий накануне кризиса. При этом нельзя сказать, что Каталония игнорировала процедурные пути решения проблемы, и то же самое утверждали политики ДПК. Например, на заседании 18 октября 2016 г. во время обсуждения реформы бюджета автономных сообществ Ферран Бель, говоря о необходимости учитывать в региональных бюджетах стоимость проживания, заявил, что «Каталония... много раз заявляла об этом, но была стигматизирована» [16. Р. 37]. Похожий шаблон использовал Карлес Кампусано на заседании 31 января 2017 г., обвинив правительство в бездействии относительно энергетической бедности граждан (в первой половине 2010-х гг. на фоне экономического спада и банковского кризиса проблема усугубилась): «Каталония была первопроходцем в преодолении последствий энергетической бедности на законодательном уровне, но столкнулись с сопротивлением со стороны государства в трёх случаях, и только на третий раз пришли к соглашению» [17. Р. 8–9].

В месяцы, предшествующие кризису, высказывания политиков ДПК в парламенте также становятся более острыми: так, на заседании 27 сентября 2017 г. Карлес Кампусано открыто обвиняет власти страны в «репрессивной политике», подвергаящей угрозе свободу самовыражения, печати и собраний [18. Р. 38–39]. Следует подчеркнуть, что в этой речи Кампусано возлагает ответственность за кризис не на Испанию, а на правящую Народную партию М. Рахоя: «Вы уже ведёте себя так, будто Каталония – это чужая страна», а также представляет дискуссию о независимости Каталонии как часть более широкой дискуссии об испанской демократии: «Каждый раз, когда Каталония восставала с требованием признать её национальные реалии, вопрос о свободе Каталонии становился вопросом о свободе в Испании» [18. Р. 38–39].

На фоне крайней эмоциональности речи, спровоцированной близостью острой фазы кризиса, становится виден тщательный подбор слов спичрайтерами ДПК: Кампусано превращает конфликт Мадрида и Каталонии о полномочиях в конфликт Народной партии и Каталонии о будущем демократии в Испании. Образ Каталонии – прогрессивной, открытой, защищающей ценности демократии – противопоставляется образу Испании периода правления М. Рахоя – консервативной, не уважающей регионы и готовой пойти по пути укрепления вертикали власти, что предполагает сокращение полномочий регионов.

Смещение каталонского «значимого другого» с Испании в целом на Народную партию и действующее правительство, во-первых, легитимизирует референдум о независимости, главной задачей которого становится не собственно отделение от Испании, а инициирование диалога, а во-вторых, ставит сохранение членства Каталонии в составе Испании в зависимость не от самоидентификации каталонцев, а от того, насколько компетентными – с точки зрения, конечно же, самих

каталонцев – являются власти всей страны. Противопоставление по линии «каталонцы – испанцы» несёт в себе не только риски «сжигания мостов» с возможными союзниками среди третьих сторон, но и может привести к кризису в самой Каталонии, где значительная доля населения сочетает в себе две этих идентичности. В то время как заявление о несправедливом отношении из-за некомпетентности, являющееся частью нарратива о виктимности Каталонии, сохраняет свободу политического манёвра для отделенческих партий и оставляет шансы снискать симпатию со стороны противников Народной партии.

На графике (см. рис. 1) чётко выделяются два периода наибольшей активности депутатов ДПК. Первый пик активности произошёл в мае 2017 г., когда в парламенте шло обсуждение бюджета страны, – здесь зафиксировано наибольшее число упоминаний тезисов об игнорировании Каталонии, о неисполнении бюджета и о нехватке полномочий местного самоуправления. Второй, менее выраженный пик – острая фаза кризиса в августе–октябре 2017 г. В это время значительно выросло число обвинений правительства М. Рахоя в репрессивной политике, а после ареста членов каталонского правительства появляется новый тезис о героизации сепаратистов как политзаключённых. Очевидно, что острая фаза кризиса спровоцировала изменение дискурса – с прагматичных вопросов о бюджете и распределении полномочий на обвинения в репрессиях и апеллирование к эмоциям.

Важно отметить, что ни результаты референдума, ни последовавшее за ним одностороннее объявление независимости не привели к возникновению в нарративе противостояния Каталонии и Испании: напротив, каталонские политики в парламенте подчёркнуто воздерживались от такой позиции. Так, Мириам Ногерас на заседании 7 ноября 2017 г. прямо заявила в ответ на заявление депутата Народной партии, что «нас [каталонцев] не тревожит Испания и не тревожат испанцы – совсем даже наоборот» [19. Р. 61–62]. Вместе с тем одно изменение в нарративе, которое стоит зафиксировать, – это то, что депутатам отделенческих партий приходится защищать себя от обвинений в предательстве, главным образом основанных на обращении к неприкасаемости единства Испании. Ногерас в упомянутом выступлении, Хорди Шукла в ходе того же заседания 7 ноября 2017 г. [19. Р. 39] призывают других парламентариев «не верить лжи» о каталонцах и Каталонии, иначе говоря, склоняют их к трактовке событий конституционного кризиса, поддерживающей нарратив о виктимности региона. Логично предположить, что такой поворот нарратива вызван результатами конституционного кризиса, который не привёл к отделению Каталонии от Испании, но оставил массу вопросов как о будущем региона в составе страны, так и о будущем самих политических партий, поддерживавших независимость Каталонии.

Значение нарратива о виктимности Каталонии для каталонского движения о независимости хорошо иллюстрирует, как К. Пучдемон представил одностороннее объявление о независимости региона 10 октября 2017 г. Отделиться означало бы окончательно

противопоставить Каталонию остальной Испании, что исключало возможность любого диалога в сложившейся ситуации. Поэтому, объявив о независимости Каталонии, Пучдемон тут же заявил о приостановке действия процесса провозглашения независимости, чтобы начать диалог с правительством Испании [20]. Такой шаг был необходим для того, чтобы избежать разрушения нарратива о виктимности и прямого противопоставления каталонской и испанской идентичностей, которое могло привести к всплеску нетерпимости и кризису уже внутри самой Каталонии.

Выводы

Таким образом, легитимация претензий Каталонии на независимость осуществляется при помощи следующих аргументов в рамках нарратива виктимности:

- правительство Испании не считает Каталонию полноправным участником диалога, разрешая споры через подконтрольный ему Конституционный суд;
- отчисления Каталонии в общий бюджет Испании сопровождаются недофинансированием региональных проектов, в том числе инфраструктурных;

- Каталония сталкивается с ограничениями со стороны властей страны, даже в тех сферах компетенций, где есть четкие разграничения;

- в этих условиях проведение референдума является единственным способом принудить Мадрид к политическому диалогу;

- силовые методы подавления мятежа дают основание говорить о правительстве Испании как о нелегитимном и недемократическом.

Как было упомянуто ранее, нарратив виктимности вводится в политический дискурс с целью а) мобилизации группы, ассоциирующей себя со статусом жертвы, и б) поиска симпатии и поддержки со стороны третьих сторон, особенно если они обладают потенциалом к арбитражу. Первый пункт слабо отражён в анализе в силу специфики источника, не ориентированного на массового слушателя. Во втором пункте оче-

видным арбитром для Каталонии должен был стать Европейский союз, что отразилось в политических программах сепессионистских партий – например, в дорожной карте правившего блока «Хунтс», одержавшего победу на местных выборах в 2015 г., обозначено стремление Каталонии остаться в ЕС и сохранить все привилегии членства «для сохранения достигнутого уровня процветания», которое, однако, так или иначе поставлено в зависимость от позиции Европейского союза и Испании [21. Р. 11]. Эта стратегия не имела эффекта в силу того, что ЕС оценил последствия отделения Каталонии как негативные для всего блока (в частности, отделение несло риски дестабилизации национальных окраин в целом ряде стран от Франции до Швеции), а потому Еврокомиссия чётко обозначила позицию ЕС в соответствии с так называемой доктриной Проди [22], заявив, что в случае отделения Каталония будет вынуждена пройти полную процедуру получения членства, как любое другое государство.

Основываясь на характеристике нарратива, представленного в источнике, можно сделать предположение, что нарратив виктимности Каталонии в испанском парламенте преследовал ещё одну, третью цель, а именно достижение большей автономии Каталонии в рамках испанского государства. Нарратив не содержал ярко выраженного противопоставления Каталонии и Испании; скорее Каталония в нём представлена как жертва действующего испанского правительства и его политики, а не испанцев и Испании вообще. Набор тем, а также активность каталонских политиков в период как до, так и после кризиса подчёркивают их нацеленность на интересы Каталонии вне зависимости от успеха сепессионистского проекта, иными словами, независимость Каталонии оказалась предметом политического торга. В парадигме этой более скромной цели нарратив виктимности, по сути, следует рассматривать в качестве просьбы к ЕС оказать давление на власть в Мадриде с тем, чтобы разрешить накопившиеся противоречия, а референдум и последовавшие события – как способ привлечения внимания к каталонским проблемам.

Примечания

¹ Игристое вино, производится преимущественно в Каталонии и Валенсии.

² Представленность в парламенте региональных партий наряду с общенациональными – особенность электоральной системы Испании.

Список источников

1. Programa Electoral // Junts Pel Sí. Barcelona, 5 de setembre de 2015. URL: http://juntspelsi.s3.amazonaws.com/assets/150905_Programa_electoral_v1.pdf (дата обращения: 01.12.2024).
2. Sentencia 31/2010, de 28 de junio de 2010 // Tribunal Constitucional. BOE num. 172, de 16 de julio de 2010, 491 p. URL: https://boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2010-11409 (дата обращения: 01.12.2024).
3. Diario de sesiones del Congreso de los Diputados. Año 2016 Legislatura XII Num 1 - Año 2017 Legislatura XII Num 90 // Madrid, Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. cve: DSCD-12-PL-1 — DSCD-12-PL-90.
4. Тимина Т.Н. Виктимность и виктимизация как основные категории криминальной виктимологии // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 3 (34). С. 64–68.
5. Емельянов И.Л. Виктимность и виктимизация: понятие, виды, проблемы профилактики // Известия АлтГУ. 2013. №2 (78). С. 241–246.
6. Франк Л.В. Виктимология и виктимность. Душанбе : Изд-во Тадж. ун-та, 1972. 114 с.
7. Horwitz R. Politics as Victimhood, Victimhood as Politics // The Journal of Policy History. 2018. Vol. 30, № 3. P. 552–574.
8. Jacobi T.A. A Theory of Victimhood: Politics, Conflict and the Construction of Victim-based Identity // Millennium: Journal of International Studies. 2015. Vol. 43 (2). P. 511–530.
9. Campbell B., Manning J. Microaggression and Moral Cultures // Comparative Sociology. 2014. Vol. 13 (6). P. 692–726.
10. Стрельцов Д.В. Виктимность как часть послевоенной идентичности Японии // Российское японоведение сегодня: К 20-летию Ассоциации японоведов, Москва, 19 декабря 2014 г. М. : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт Дальнего Востока Российской академии наук», 2015. С. 38–45.

11. Растегаев Д.О. Место антипamяти: нарратив о Сребренице в структуре онтологической безопасности Республики Сербской // Политическая наука. 2023. № 2. С. 315–337.
12. Dr. Miley T.J. The constitutional politics of language policy in Catalonia, Spain. // Adalah. The legal center for Arab Minority Rights in Israel. Monthly Newsletter. 2006. Vol. 29. P. 1–3. URL: <https://www.adalah.org/uploads/oldfiles/newsletter/eng/oct06/ar1.pdf> (дата обращения: 01.12.2024).
13. Галактионова Н.А. Праздник как социальный институт // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 5 (25). doi: 10.12731/2218-7405-2013-5-19
14. Малинова О.Ю., Миллер А.И. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе : сб. ст. / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. С. 7–37.
15. Ерасов Б.С. Социальная культурология. М. : Аспект-Пресс, 2000. 591 с.
16. Diario de sesiones del Congreso de los Diputados. Año 2016 Legislatura XII Num 9 // Madrid, Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. cve: DSCD-12-PL-9.
17. Diario de sesiones del Congreso de los Diputados. Año 2017 Legislatura XII Num 26 // Madrid, Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. cve: DSCD-12-PL-26
18. Diario de sesiones del Congreso de los Diputados. Año 2017 Legislatura XII Num 78 // Madrid, Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. cve: DSCD-12-PL-78.
19. Diario de sesiones del Congreso de los Diputados. Año 2017 Legislatura XII Num 87 // Madrid, Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. cve: DSCD-12-PL-87.
20. Official Statement by the President on the political situation in Catalonia // Generalitat de Catalunya. Barcelona. 10 October, 2017. URL: <https://www.statewatch.org/media/documents/news/2017/oct/es-catalonia-puigdemont-generalitat-statement-10-10-17.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).
21. Programa Electoral // Junts Pel Sí. Barcelona, 5 de setembre de 2015. URL: http://juntspelsi.s3.amazonaws.com/assets/150905_Programa_electoral_v1.pdf (дата обращения: 01.12.2024).
22. Written question P-0524/04 by Eluned Morgan (PSE) to the Commission // OJ C 84 E, 3 April, 2004, p. 421-422. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A92004E000524> (дата обращения: 01.12.2024).

References

1. *Programa Electoral*. (2015) Junts Pel Sí. Barcelona, 5 de setembre de 2015. [Online] Available from: http://juntspelsi.s3.amazonaws.com/assets/150905_Programa_electoral_v1.pdf (Accessed: 01.12.2024). (In Catalan).
2. *BOE*. (2010) Sentencia 31/2010, de 28 de junio de 2010. Tribunal Constitucional num. 172, de 16 de julio de 2010. [Online] Available from: https://boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2010-11409 (Accessed: 01.12.2024). (In Spanish).
3. *Diario de sesiones del Congreso de los Diputados*. (2016–2017) Año 2016 Legislatura XII Num 1 – Año 2017 Legislatura XII Num 90. Madrid: Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado.
4. Timina, T.N. (2015) Viktimnost' i viktimizatsiya kak osnovnyye kategorii kriminal'noy viktimologii [Victimhood and Victimization as Basic Categories of Criminal Victimology]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*. 3 (34). pp. 64–68.
5. Yemel'yanov, I.L. (2013) Viktimnost' i viktimizatsiya: ponyatiye, vidy, problemy profilaktiki [Victimhood and Victimization: Concept, Types, Problems of Prevention]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (78). pp. 241–246.
6. Frank, L.V. (1972) *Viktimologiya i viktimnost'* [Victimology and Victimhood]. Dushanbe: Tajik University.
7. Horwitz, R. (2018) Politics as Victimhood, Victimhood as Politics. *The Journal of Policy History*. 30 (3). pp. 552–574.
8. Jacobi, T.A. (2015) A Theory of Victimhood: Politics, Conflict and the Construction of Victim-based Identity. *Millennium: Journal of International Studies*. 43 (2). pp. 511–530.
9. Campbell, B. & Manning, J. (2014) Microaggression and Moral Cultures. *Comparative Sociology*. 13 (6). pp. 692–726.
10. Strel'tsov, D.V. (2015) Viktimnost' kak chast' poslevoynnoy identichnosti Yaponii [Victimhood as Part of Japan's Post-War Identity]. In: *Rossiyskoye yaponovedeniye segodnya: K 20-letiyu Assotsiatsii yaponovedov, Moskva, 19 dekabrya 2014 g.* [Russian Japanese Studies Today: To the 20th Anniversary of the Association of Japanese Scholars, Moscow, December 19, 2014]. Moscow: Institute of the Far East, RAS. pp. 38–45.
11. Rastegayev, D.O. (2023) Mesto antipamyati: narrativ o Srebrenitse v strukture ontologicheskoy bezopasnosti Respubliki Serbskoy [A Place of Anti-Memory: The Narrative of Srebrenica in the Ontological Security Structure of the Republika Srpska]. *Politicheskaya nauka*. 2. pp. 315–337.
12. Miley, T.J. (2006) The constitutional politics of language policy in Catalonia, Spain. *Adalah. The legal center for Arab Minority Rights in Israel. Monthly Newsletter*. 29. pp. 1–3. [Online] Available from: <https://www.adalah.org/uploads/oldfiles/newsletter/eng/oct06/ar1.pdf> (Accessed: 01.12.2024).
13. Galaktionova, N.A. (2013) Prazdnik kak sotsial'nyy institut [Holiday as a Social Institution]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 5 (25). doi: 10.12731/2218-7405-2013-5-19
14. Malinova, O.Yu. & Miller, A.I. (2021) Simvolicheskaya politika i politika pamyati [Symbolic Politics and Politics of Memory]. In: Miller, A.I. & Yefremenko, D.V. (eds) *Simvolicheskiye aspekty politiki pamyati v sovremennoy Rossii i Vostochnoy Yevrope: sbornik statey* [Symbolic Aspects of the Politics of Memory in Contemporary Russia and Eastern Europe: Collection of Articles]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. pp. 7–37.
15. Yerasov, B.S. (2000) *Sotsial'naya kul'turologiya* [Social Culturology]. Moscow: Aspekt-Press.
16. *Diario de sesiones del Congreso de los Diputados*. (2016) Año 2016 Legislatura XII Num 9. Madrid: Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado.
17. *Diario de sesiones del Congreso de los Diputados* (2017) Año 2017 Legislatura XII Num 26. Madrid: Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado.
18. *Diario de sesiones del Congreso de los Diputados*. (2017) Año 2017 Legislatura XII Num 78. Madrid: Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado.
19. *Diario de sesiones del Congreso de los Diputados*. (2017) Año 2017 Legislatura XII Num 87. Madrid: Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado.
20. Generalitat de Catalunya. (2017) *Official Statement by the President on the political situation in Catalonia*. Barcelona. 10 October, 2017. [Online] Available from: <https://www.statewatch.org/media/documents/news/2017/oct/es-catalonia-puigdemont-generalitat-statement-10-10-17.pdf> (Accessed: 20.05.2025).
21. *Programa Electoral* [Electoral Programme]. (2015) Junts Pel Sí. Barcelona, 5 de setembre de 2015. [Online] Available from: http://juntspelsi.s3.amazonaws.com/assets/150905_Programa_electoral_v1.pdf (Accessed: 01.12.2024).
22. *Written question P-0524/04 by Eluned Morgan (PSE) to the Commission*. (2004) OJ C 84 E, 3 April, 2004. pp. 421-422. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A92004E000524> (Accessed: 01.12.2024).

Информация об авторе:

Гостев К.В. – аспирант кафедры мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kirill.gosteff@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.V. Gostev, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kirill.gosteff@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.03.2025;
одобрена после рецензирования 02.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.*

*The article was submitted 10.03.2025;
approved after reviewing 02.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.*

Научная статья
УДК 316.34
doi: 10.17223/15617793/515/10

Российская идентичность в дальневосточных регионах (Республика Бурятия, Забайкальский край, Приморский край)

Елена Викторовна Петрова¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия, elenapet_05@mail.ru

Аннотация. Проанализированы результаты социологического исследования, проведенного в трех дальневосточных регионах (2023–2024 гг.). Выявлен высокий уровень российской идентичности, который можно охарактеризовать как государственно-гражданский. Определены основания патриотизма и его деятельностный характер. Сделан вывод о характерных для означенных регионов общероссийских тенденциях формирования российской идентичности и консолидации населения.

Ключевые слова: российская идентичность, патриотизм, граждане России, Республика Бурятия, Забайкальский край, Приморский край

Источник финансирования: статья подготовлена в рамках Программы научных исследований этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков). Проект «Патриотизм и идентичность в современных социально-политических условиях: основания, типы, ресурсы консолидации» (№ 123091800021-3).

Для цитирования: Петрова Е.В. Российская идентичность в дальневосточных регионах (Республика Бурятия, Забайкальский край, Приморский край) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 89–96. doi: 10.17223/15617793/515/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/10

Russian identity in the Far Eastern regions (Republic of Buryatia, Zabaykalsky Krai, Primorsky Krai)

Elena V. Petrova¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation, elenapet_05@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a sociological study conducted in October 2023 – March 2024 in three Far Eastern regions: the Republic of Buryatia, Zabaykalsky Krai, and Primorsky Krai, with the aim of studying Russian identity and patriotism. It was established that under the conditions of sanctions against the Russian Federation and the special military operation, on the one hand, a polarization of the population's views in relation to the country's foreign and domestic policies, and, on the other, a consolidation of the part of the population that supports this policy are observed. These processes are simultaneous and multidirectional. They also record the regional specifics of the representation of Russian identity, including patriotism, among different income and socio-demographic groups. Based on the data obtained, it was concluded that the consolidation of the population of the three subjects in terms of belonging to "citizens of Russia" is one of the most significant for the respondents compared to other collective identities (ethnic, religious, regional). The type of Russian identity is characterized as state-civil, due to the fact that respondents choose a "common state" as the main factor uniting them with other citizens of Russia. The foundations of patriotism as an integral part of Russian identity and value that consolidates various social groups are analyzed. A high level of patriotic identity was revealed: the vast majority of the respondents consider themselves patriots. The active nature of patriotism is manifested in the fact that every third (or fourth) of the respondents "is ready to defend their country in the event of a military danger", and a significant part of the respondents "take part in patriotic public actions and events". Despite the fact that the three Far Eastern regions differ from each other in geographical location, indicators of socio-economic development, level and quality of life of the population, they are characterized by all-Russian trends in the formation of Russian identity, the consolidation of the regional population, and the actualization of patriotic sentiments.

Keywords: Russian identity, patriotism, Republic of Buryatia, Zabaykalsky Krai, Primorsky Krai, citizens of Russia

Financial support: The article was prepared within the framework of the Program of Scientific Research on the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening Russian identity in 2023–2025 (headed by Academician of the Russian Academy of Sciences V.A. Tishkov), the project "Patriotism and identity in modern socio-political conditions: foundations, types, resources of consolidation" (No. 123091800021-3).

For citation: Petrova, E. V. (2025) Russian identity in the Far Eastern regions (Republic of Buryatia, Zabaykalsky Krai, Primorsky Krai). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 89–96. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/10

Введение

В последнее десятилетие Россия во внешнеполитическом направлении сделала акцент на *восточную стратегию*, причиной которой стали изменения отношений с коллективным Западом, объективные процессы глобализации, долгосрочные планы России на сотрудничество со странами Центральной и Восточной Азии. В выборе новой стратегии помимо геополитического также учитывался и экономический вектор, обусловленный повышением роли Азиатско-Тихоокеанского региона и открывающимися возможностями для взаимодействия и сотрудничества. Международные санкции и события на Украине, создавшие условия для беспрецедентного политического, экономического и информационного давления на Россию, направленного на размывание традиционных ценностей и основ российской государственности, разрушение межнационального согласия и исторической памяти, ускорили процесс экономической и политической переориентации России на страны Азии.

В этой ситуации необходимость изучения российской идентичности и патриотизма как одного из ее составных элементов, не только в масштабах всей страны, но и в отдаленных от центра регионах, какими являются дальневосточные, представляется вполне очевидной и обоснованной. Выбор трех приграничных субъектов (Республика Бурятия, Забайкальский и Приморский край) для проведения социологического исследования обусловлен их геостратегическим положением в трансграничье России, Монголии, Китая и связан с важнейшими задачами поддержания общественного, межнационального и межконфессионального согласия, сохранения позитивного социального самочувствия населения, обеспечения социально-политической стабильности и национальной безопасности на восточных границах России. Республика Бурятия, имеющая государственную границу с Монголией протяженностью 3 485 км, и Забайкальский край, граничащий с Монголией (863 км) и Китаем (более 1 000 км), выступают форпостом трансграничного пространства Россия–Монголия–Китай и являются важными звеньями международного сотрудничества. На территории Бурятии и Забайкальского края находится множество таможенных постов и переходов. Безвизовый режим Бурятии с Монголией, открытый в 2014 г., активизировал социально-экономическое сотрудничество. Приморский край, имеющий на западе границу с Китаем (47 км), на юго-западе – с КНДР (39,4 км), на юге и востоке – выход к Японскому морю, в настоящее время превратился в мощнейший транспортно-логистический комплекс и туристический хаб, обеспечивающий полномасштабное международное сотрудничество России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в самых разных направлениях.

Несмотря на значительный объем научной литературы, посвященной проблемам содержания и формирования российской идентичности в масштабе всей

страны, в дальневосточных регионах недостаточно проводится исследований, позволяющих изучить специфику социальных процессов и динамику российской идентичности. В основном изучают региональную и этническую идентичности [1–5]. Поэтому необходимость исследования обоснована актуальностью и значимостью проблемы, а также востребованностью новой эмпирической информации для решения прикладных и стратегических задач по укреплению российской идентичности и патриотизма, солидаризации и консолидации общества на восточных рубежах страны. Научная новизна исследования определяется решением задач по выявлению региональной специфики российской идентичности и факторов, влияющих на ее формирование.

Методология исследования

При выборе методологической стратегии опирались на существующие наработки российских исследователей ИЭА РАН, ФНИСЦ РАН, ИМЭМО РАН, НИУ ВШЭ и др. [6–21]. За основу взяли определение российской идентичности, сформулированное в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.: «...общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание) – осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества» [22].

Патриотизм в исследовании анализировали как форму проявления российской идентичности [23–26]. Президент России В.В. Путин, признавая патриотизм современной идеологией страны, выделил одну из его важнейших функций – «укрепление внутренних основ Российского государства» [27].

Несомненно, учитывали серьезную дискуссию, берущую начало в конце XX в. и связанную с анализом понятий *советский народ*, *российская нация* с двух разных (противоположных) оснований – этнокультурного и гражданского, продолжающуюся в настоящее время и переходящую в сферу представленности этих понятий в официальных государственных документах РФ. Соответственно, важным остается вопрос о содержании и основаниях российской идентичности, индикаторах ее изучения и мерах по укреплению. Академик В.А. Тишков, обосновывает подход, согласно которому «Россия – и нация и цивилизация», «государство-нация»; «нация понимается как полиэтническое согражданство под единой суверенной властью»; «формирование национальной идентичности в России как фундамента нациестроительства должно происходить на гражданской основе»; «лояльность *государству* является одним из важнейших показателей российской идентичности» [19].

Теоретико-методологические основания анализа российской идентичности и патриотизма как ее эмоци-

онального проявления проанализированы автором ранее [28. С. 63–65]. В октябре 2023 г. – марте 2024 г. сектором социологии Отдела истории, этнологии и социологии ИМБТ СО РАН проведено социологическое исследование методом индивидуального анкетирования. Разработана анкета (бумажный вариант), состоящая из 59 вопросов, направленных на сбор информации об идентичностях, патриотизме, социальных настроениях, уровнях доверия и безопасности, образах будущего России, социально-демографических параметрах населения. Исследование проводилось в трех субъектах РФ: Республике Бурятия, Приморском крае и Забайкальском крае. Всего опрошено 1 500 человек – в каждом из трех субъектов по 500 респондентов. Для разработки выборок исследователи руководствовались итогами Всероссийской переписи 2020 г. Вид выборки – районированная многоступенчатая, репрезентирующая население субъекта от 18 лет и старше. На первой ступени определены городские округа и муници-

пальные районы в каждом субъекте РФ; на второй выделены городские и сельские населенные пункты; на третьей сформированы квоты по полу, возрасту, образованию, этнической принадлежности. Соотношение городского и сельского взрослого населения, а также доля групп по квотам соблюдены: разница между генеральной совокупностью и выборкой по каждой из выделенных групп не превышает 1%.

Результаты исследования

В ходе проведения исследования был определен уровень российской идентичности жителей трех дальневосточных регионов. Респонденты, считающие себя гражданами России, составили одну из самых значительных групп ответивших (табл. 1). В целом жители трех регионов продемонстрировали достаточно высокий уровень российской идентичности, хотя и при меньших значениях ее актуализированной части¹.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как часто вы чувствуете, что эти люди вам близки, о каких группах вы можете сказать: «это – МЫ»?», %

Группы	Республика Бурятия			Забайкальский край			Приморский край		
	Всегда	Иногда	Всего	Всегда	Иногда	Всего	Всегда	Иногда	Всего
Люди моего поколения, возраста	48,6	39,0	87,6	47,4	38,8	86,2	41,0	46,4	87,4
Граждане России	44,2	40,2	84,4	42,0	40,6	82,6	33,4	45,6	79
Представители моей веры	32,4	37,6	70,0	32,6	35,2	67,8	24,2	36,4	60,6
Люди того же достатка, что и я	20,4	38,0	58,4	33,0	30,8	63,8	18,8	43,4	62,2
Люди моей национальности	34,6	39,8	74,4	38,6	34,4	73,0	26,2	8,4	74,6
Жители моего региона	34,2	46,4	80,6	38,8	38,4	77,2	27,2	46,6	73,8
Жители моего города, села	34,2	45,8	80,0	41,6	34,8	76,4	29,8	47,6	77,4

Источник: составлено по результатам исследований ИМБТ СО РАН 2023–2024 гг.

Российская идентичность в Бурятии почти в равной мере выражена у представителей социально-демографических групп, различающихся по полу, возрасту, образованию и национальности, актуализированная идентичность в большей степени представлена у русских [28. С. 65].

Соотнесение выбора респондентов Бурятии с уровнем их потребительских возможностей² показало, что чем больше доход, тем выше уровень российской идентичности (от 60% у «бедных, нуждающихся» до 92,9% у «богатых»), включая актуализированную идентичность (от 40% у «бедных, нуждающихся» до 64,3% у «богатых»). Почти похожая ситуация в Забайкальском крае: 78–85% опрошенных во всех доходных группах идентифицируют себя с гражданами России; в Приморье – от 76,2% среди «бедных» до 95% среди «богатых» ощущают близость с *гражданами России*. Аналогичные данные были получены в 2016 г. в Приморском крае исследовательской группой «Циркон»: «...представители групп с высоким и средним доходом чаще характеризуют себя как «в первую очередь граждан России», чем малообеспеченные категории населения» [2. С. 112].

В Забайкальском крае уровень российской идентичности несколько выше у более возрастных респондентов (40–49, 50–59, 60–69, 70 лет и старше), чем у молодых (18–29, 30–39 лет), и разница достигает 7 пунктов. Среди русских считают себя гражданами России 84,2%, среди бурят – 91,4, среди представите-

лей других национальностей – 69,4%. Актуализированная идентичность у русских составила 44,5%, у бурят – 54,3, у представителей других национальностей – 22,2%. Сельские жители чаще идентифицируют себя с россиянами (89,7%), по сравнению с горожанами (79,4%), причем «всегда» характерно для 34,5% городских и 58,7% сельских жителей.

Российская идентичность в Приморском крае, особенно ее актуализированная часть («всегда»), несколько меньше представлена в рейтинге идентичностей жителей этого региона. Если проанализировать распределение ответов респондентов в зависимости от социально-демографических параметров, то можно отметить, что определенное значение имеет этнический фактор, в то время как возраст, образование и место проживания респондентов серьезно не повлияли на разницу в выборе ответов на этот вопрос. Так, среди русских 83,9% идентифицируют себя с гражданами России («всегда» – 34,9%), среди представителей других национальностей – 63,9% («всегда» – 28,7%). Этническая идентичность в равной мере представлена у представителей всех национальностей региона (74,6%).

В большей степени объединяет жителей Бурятии, Забайкальского и Приморского краев с другими гражданами России *общее государство, русский язык и родная земля, территория, природа* (табл. 2), что соответствует результатам общероссийских исследований [9, 10].

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Что больше всего объединяет Вас с другими гражданами России?», %

Варианты ответа	Республика Бурятия	Забайкальский край	Приморский край	В среднем по выборке
Общее государство	80	74,6	65,8	73,47
Русский язык	64	67,6	57,2	62,93
Родная земля, территория, природа	63	57,6	47,4	56,13
Культура, обычаи, праздники	54	48,2	38,4	46,87
Историческое прошлое	46	44,2	41	43,73
Общие символы (флаг, гимн, герб)	32,2	26,2	27	28,47
Ответственность за судьбу страны	30,8	20,6	22	24,47

Источник: составлено по результатам исследований ИМБТ СО РАН 2023–2024 гг. Можно было выбрать несколько вариантов ответа, поэтому сумма ответов не равна 100%.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Что означает патриотизм с Вашей точки зрения?», %

Варианты ответа	Республика Бурятия	Забайкальский край	Приморский край
Любовь к Родине	79,2	83,8	75,8
Гордость за принадлежность к своей стране и за ее достижения	55	49,0	48,2
Знание и уважение истории своей страны	45,8	40	38,6
Чувство долга, осознание своих гражданских обязанностей	42	41,6	33,4
Знание и уважение истории, языка, культуры, традиций своего этноса	34	23,6	28
Уверенность, что своя страна лучше, чем другие страны	33	33,8	20
Привязанность к отчому дому (своей малой родине)	30,6	24,8	23
Знание и уважение истории места своего жительства	29,2	21,2	22,6
Идея, которая объединяет всех граждан страны	17	21	15
Высшая ценность, необходимая для жизнедеятельности народа и государства	14,8	11,6	21,4

Источник: составлено по результатам исследований ИМБТ СО РАН 2023–2024 гг. Можно было выбрать несколько вариантов ответа, поэтому сумма ответов не равна 100%.

Выбор в качестве главного объединяющего элемента *общего государства* в трех регионах характеризует тип российской идентичности в этих субъектах как государственно-гражданской. Причем большинство опрошенных доверяют Президенту России В.В. Путину (Бурятия – 69,6%, Забайкальский край – 76,8, Приморье – 65,2%), Правительству России (Бурятия – 59,2%, Забайкальский край – 66,6, Приморье – 54,6%), главам регионов (Бурятия – 69,8%, Забайкальский край – 60,6, Приморье – 56,4%), тем самым выражая свою лояльность государству.

Прошедшие 15–17 марта 2024 г. выборы Президента России подтвердили высокий уровень доверия верховной власти – в Бурятии за В.В. Путина проголосовали 87,96% избирателей, в Забайкальском крае – 87,7, в Приморском крае – 88,3, при общей явке в этих регионах свыше 70%. В целом 86,6% жителей ДФО отдали свои голоса за В.В. Путина, что значительно больше по сравнению с выборами Президента РФ в 2018 г. (67,78%) [30, 31].

Здесь необходимо отметить изменения, которые произошли за последние два года, как в геополитической, так и в социально-экономической жизни России. Начало СВО на Украине, с одной стороны, размежевало российское общество на сторонников спецоперации и тех, кто ее не поддержал; с другой – позволило в связи с ужесточением разного рода санкций в отношении России наращивать свой промышленный, военный потенциал и учиться обходиться без ввозимой из-за рубежа продукции. Кроме того, на фоне реальных внешних угроз произошла консолидация населения страны и вырос уровень патриотических настроений.

В исследовании был выявлен высокий уровень патриотической идентичности. Подавляющее большинство респондентов считают себя патриотами (Бурятия – 90%, Забайкальский край – 84,2, Приморье –

78,8%) и готовы воспитывать чувство патриотизма в своих детях (соответственно 84,2; 77,4 и 76,2%). Наибольшее влияние на формирование чувства патриотизма у опрошенных оказало их ближайшее окружение, где проходила социализация – *родители и родственники* (Бурятия – 82,2%, Забайкальский край – 75,6, Приморье – 68,8%), *книги, фильмы* (Бурятия – 53,6%, Забайкальский край – 50,8, Приморье – 37,4%), *учителя, преподаватели* (Бурятия – 54,6%, Забайкальский край – 42, Приморье – 41,4%). Полученные нами данные соответствуют результатам общероссийских опросов [32].

Большее половины респондентов в трех регионах (надо было оценить 35 вариантов ответов) считают патриотизм в трактовке *любовь к России, к своему народу, к своей малой Родине* одной из наиболее важных ценностей в своей жизни (Бурятия – 76,4%, Забайкальский край – 74,8, Приморье – 61,6%). Деятельностный характер патриотизма проявляется в том, что каждый третий (или четвертый) из опрошенных *готов встать на защиту своей страны в случае военной опасности* (Бурятия – 32,2%, Забайкальский край – 30,8, Приморье – 24,4%). Значительная часть респондентов принимают участие в патриотических общественных акциях и мероприятиях – *Бессмертный полк и Свеча памяти* (Бурятия – 65%, Забайкальский край – 53, Приморье – 43,2%), *субботники по уборке территории* (Бурятия – 51,8%, Забайкальский край – 36,2, Приморье – 45,4%), *голосование за лучший двор, сквер на сайте Госуслуги* (Бурятия – 26,6%, Забайкальский край – 10,2, Приморье – 16,8%).

Патриотизм для большинства населения означает *любовь к Родине, гордость за принадлежность к своей стране и за ее достижения, чувство долга, осознание своих гражданских обязанностей, знание и уважение истории своей страны* (см. табл. 3).

Среди оснований патриотизма лидируют чувства гордости за: *победу в Великой Отечественной войне* (Бурятия – 67%, Забайкальский край – 49,6, Приморье – 38%), *природные богатства страны* (Бурятия – 58,6%, Забайкальский край – 43,4, Приморье – 39,2%), *культуру народов России* (Бурятия – 52,8%, Забайкальский край – 53,2, Приморье – 46,2%). Наиболее значимыми символами-праздниками для опрошенных являются День Победы (Бурятия – 91,8%, Забайкальский край – 88, Приморье – 75%), Новый год (Бурятия – 80,8%, Забайкальский край – 70,8, Приморье – 76,4%), День Защитника Отечества (Бурятия – 59,4%, Забайкальский край – 58,8, Приморье – 43,8%).

Заключение

В целом для Бурятии, Забайкальского и Приморского краев характерны общероссийские тенденции формирования российской идентичности и консолидации населения регионов [25, 26, 32–35]. Жители трех регионов, являющихся приграничными субъектами РФ, входящими в ДФО, продемонстрировали высокий уровень российской идентичности, распространенность патриотических настроений, несмотря на то что эти субъекты отличаются друг от друга по географическому положению, показателям социально-экономического развития, уровню и качеству жизни населения.

Бурятия – это республика с полиэтническим составом населения общей численностью 971,8 тыс. человек, где большинство составляют русские (60%) и буряты (30%), при этом за последние годы значительно выросло число представителей других национальностей – до 10%. Забайкальский край – регион с численностью также меньше миллиона человек (984,0 тыс.), среди которых русские составляют 79%, буряты – 7%, другие национальности – 14%. В Приморском крае постоянно проживают 1 807 511 человек, из них русских – 76%, представителей других национальностей – 24%. По ВВП на душу населения в рейтинге всех субъектов РФ за 2022 г. Бурятия заняла 71-е место, Забайкальский край – 53-е, Приморье – 26-е; по среднему денежному доходу в месяц: Бурятия – 59-е место (32 823 руб.), Забайкальский край – 36-е (36 183 руб.), Приморье – 18-е (45 834 руб.); по уровню занятости населения: Бурятия – 80-е место, Забайкальский край – 69-е, Приморье – 25-е; по числу собственных автомобилей на 1000 человек: Бурятия – 68-е, Забайкальский край – 49-е, Приморье – 2-е место. Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности/величины прожиточного минимума составила: в Бурятии – 19%, т.е. почти каждый пятый житель республики, в Забайкальском крае – 17,6%, в Приморье – 11,4%. Для трех регионов характерно стабильное многолетнее отрицательное сальдо миграции – за 2022 г. коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. человек составил: в Бурятии (–23), в Забайкальском крае (–53), в Приморском крае (–57) [36. С. 34–35, 91–92, 198–199, 240–242]. В рейтинге субъектов РФ по уровню и качеству жизни за последние годы Бурятия и Забайкальский край занимают места в последней десятке: в 2023 г. 81-е и 82-е соответственно, Приморский край – 46-е, в 2022 г. 43-е место [37].

Таким образом, мы видим определенные различия в темпах развития субъектов, но по многим социально-экономическим показателям Приморский край находится в лучшем положении, чем Забайкальский край и Бурятия. Именно поэтому Республика Бурятия и Забайкальский край – традиционно сибирские регионы, прежде относившиеся к СФО, с ноября 2018 г. вошли в состав ДФО с целью преодоления межрегионального неравенства и реализации на их территориях государственных программ и механизмов развития дальневосточных регионов. В последние годы федеральный центр разработал и реализует долгосрочную государственную стратегию развития Дальнего Востока, направленную на ускорение развития экономики региона, улучшение демографической ситуации, прекращение миграционного оттока, повышение качества жизни граждан [38]. К настоящему времени в трех регионах наблюдаются серьезные положительные изменения в лучшую сторону. По результатам нашего исследования *жизнью в своем регионе удовлетворены* 62,2% опрошенных в Бурятии, 67,2 – в Забайкальском крае, 72,8% – в Приморском крае. Больше половины респондентов в Бурятии – 53,4%, и 44% в Забайкальском крае считают, что за прошедшие пять лет после включения их регионов в состав ДФО, социально-экономическая ситуация *изменилась в лучшую сторону*. Возможно, поэтому наблюдается положительная динамика уровня российской идентичности в Бурятии и Приморском крае. Если в 2018 г. в Бурятии ее значения были 80%, то в 2023 г. стали 84% [28. С. 65], в Приморском крае – выросли с 41% (2016 г.) [2. С. 110], до 79% (2023–2024 гг.). По Забайкальскому краю располагаем данными проведенного исследования (2023–2024 гг.) – 82,6%.

На наш взгляд, высокий уровень российской идентичности жителей Бурятии и Забайкалья также связан с благоприятным и стабильным фоном межэтнических отношений в республике и крае, общим невысоким уровнем материального благополучия, характерным для большинства населения, и позитивным социальным самочувствием [4, 39].

Приморье отличается значительной удаленностью от федерального центра (9 тыс. км) еще в большей мере, чем Бурятия и Забайкалье (5–6 тыс. км), что до недавнего времени ограничивало жителей региона в перемещении в центральную и западную части страны из-за высоких цен на все виды транспорта. Данная ситуация в некоторой степени способствовала определенной исторической обособленности, оторванности населения Приморского края и более выраженной локальной идентичности, по сравнению с российской идентичностью: «...географическая удаленность края от центральной России, позиционирование региона как особой и стратегически важной для взаимодействия с АТР территории, ощущение себя “на краю земли” формируют такой тип идентичности – осознание принадлежности к своему городу/селу или к региону проживания выражены у большей части жителей, чем осознание принадлежности к стране» [40. С. 24].

При изучении российской идентичности важным является вопрос о ресурсах, т.е. резервах, благодаря которым возможно ее поддерживать и укреплять. В качестве

резервов рассматриваются межнациональное и межконфессиональное согласие в обществе, традиционные ценности, удовлетворенность качеством жизни и оптимистичный характер социального самочувствия, высокий уровень доверия, безопасности и патриотизма. Поэтому для укрепления российской идентичности в многонациональном, поликонфессиональном и поликультурном российском обществе, включая дальневосточные регионы, необходимо повышение уровня и качества жизни населения, поддержание межэтнического и межконфессионального согласия, сохранение этнокультурного многообразия, предотвращение этнического экстремизма и терроризма.

В настоящее время перед серьезными внешними вызовами и угрозами речь во многом идет не просто об укреплении российской идентичности, а о сохранении России и ее суверенитета в рамках создаваемой системы справедливого многополярного мира, о чем в последние годы неоднократно говорил Президент РФ В.В. Путин, акцентируя внимание на России как на «одном из самобытных, суверенных центров», «самодостаточном объекте современной мировой культуры», «стране-цивилизации, которая органично впитала многие традиции и культуры, сберегла их своеобразие, уникальность и... сохранила единство живущих в ней народов» [41, 42].

Примечания

¹ Идентичность как актуализированная определяется у тех респондентов, которые выбрали вариант ответа «всегда».

² Основываясь на методике ВЦИОМ выделили шесть групп: **бедные, нуждающиеся** – вариант ответа *мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на питание*; **околобедные, уязвимые** – *денег хватает только на питание, даже покупка одежды вызывает затруднения*; **среднедоходные** – *доходов хватает на питание и одежду, на покупку вещей длительного пользования приходится копить или брать кредит*; **обеспеченные** – *мы можем без труда покупать вещи длительного пользования, но затруднительна покупка дорогих вещей*; **зажиточные, состоятельные** – *мы можем купить автомобиль, но затруднительна покупка недвижимости*; **богатые** – *ни в чем себе не отказываем* [29].

Список источников

1. Аналитический отчет по результатам научно-исследовательских работ по изучению проблем межнационального взаимодействия жителей Приморского края: Приморский научно-исследовательский центр социологии. Владивосток, 2021. URL: https://spasskd.ru/images/files/2022/ago/02/Monitoring_NIIC_Mezhnacionalnye_otnosheniya_2021.pdf?ysclid=lutoqzfn2l384755633 (дата обращения: 10.04.2024).
2. Задорин И.В. Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // Полития. 2018. № 2 (89). С. 102–136.
3. Ващук А.С. Международный круглый стол «Российская идентичность: дискуссии в региональном пространстве Дальнего Востока» // Россия и АТР. 2019. № 2. С. 184–190.
4. Межэтнические отношения в Республике Бурятия в изменяющихся социально-экономических условиях / Е.В. Петрова, А.В. Бильтрикова, И.Н. Дашибалова, В.Г. Жалсанова. Улан-Удэ, 2021. 182 с.
5. Мартынова М.Ю., Белова Н.А., Зыкина О.А., Кляус М.П. Общегражданские и социокультурные ценности в восприятии российской молодежи // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 102–124.
6. Горшков М.К. Российская идентичность в контексте новых вызовов и рисков // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. Т. 195, № 6. С. 274–290.
7. Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3–4. С. 76–86.
8. Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2002. 285 с.
9. Дробизева Л.М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 480–498.
10. Дробизева Л.М., Рыжова С.В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник российской нации. 2021. № 1–2. С. 39–52.
11. Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь Мир, 2017. 992 с.
12. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь Мир, 2023. 512 с.
13. Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка // Социологические исследования. 1995. № 4. С. 3–14.
14. Российская идентичность в условиях трансформаций / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Наука, 2005. 396 с.
15. Тихонова Н.Е. Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России. 2020. Т. 29, № 1. С. 6–30.
16. Тишков В.А. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // Советская этнография. 1989. № 5. С. 3–15.
17. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.
18. Тишков В.А. Нация и национальная идентичность России // Вестник Российской нации. Спецвыпуск 2008–2016 (посвященный трудам академика В.А. Тишкова). 2016. № 51. С. 7–211.
19. Тишков В.А. Национальная идея России. М.: АСТ, 2021. 416 с.
20. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.
21. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3–4. С. 158–171.
22. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 22.03.2024).
23. Абрамов А.В. Современный российский патриотизм как маркер гражданской идентичности личности и общества // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2014. № 3. С. 215–221.
24. Маленков В.В. Образ патриотизма и гражданско-патриотические ориентации молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 6–65.
25. Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика / отв. ред. И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 434 с.
26. Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты / отв. ред. Е.М. Арутюнова, С.В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 288 с.
27. Путин считает патриотизм единственно возможной идеологией современного общества // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/7379985> (дата обращения: 22.03.2024).
28. Петрова Е.В. Российская идентичность в общественном сознании населения Бурятии // Теория и практика общественного развития. 2023. № 12. С. 62–69. doi: 10.24158/tpor.2023.12.6

29. Бедность отстывает, но средний класс по-прежнему в дефиците // ВЦИОМ. 30.05.2008. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bednost-otstupaet-no-srednij-klass-po-prezhnemu-v-deficite> (дата обращения: 10.03.2024).
30. Результаты выборов президента России–2024. Главные цифры // Коммерсантъ. 18.03.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6579312> (дата обращения: 10.04.2024).
31. Дальний Восток активно проголосовал за Президента Путина и свое будущее // Российская газета. 18.03.2024. URL: <https://rg.ru/2024/03/18/dalnij-vostok-aktivno-progolosoval-za-prezidenta-putina-i-svoe-budushchee.html> (дата обращения: 10.03.2024).
32. Патриотизм – мониторинг // ВЦИОМ. 11.04.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (дата обращения 10.04.2024).
33. Символы России // ВЦИОМ. 22.08.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/simvol-rossii> (дата обращения: 10.04.2024).
34. Гордость России // ВЦИОМ. 22.03.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gordost-rossii> (дата обращения: 10.04.2024).
35. О национальной гордости великороссов // ВЦИОМ. 31.01.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/onomionalnoi-gordosti-velikorossov?ysclid=luxhrp5ypa665486361> (дата обращения: 10.04.2024).
36. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023 г. : стат. сб. / Росстат. М., 2023. 1126 с.
37. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2023 // РИА Новости. 12.02.2024. URL: https://ria.ru/20240212/kachestvo_zhizni-1926120093.html?ysclid=luqx89umit943862338 (дата обращения: 10.04.2024).
38. Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/NAISPJ8QMRZUPd9LIMWJoeVhn1l6eGqD.pdf> (дата обращения: 19.04.2024).
39. Петрова Е.В., Бильтрикова А.В., Дашибалова И.Н. Социальное самочувствие жителей Бурятии (по материалам социологического исследования 2023 г.) // Теория и практика общественного развития. 2023. № 12. С. 25–31.
40. Российский фронт: гражданская идентичность на передовом рубеже страны: Итоговый аналитический отчет по результатам исследования. М. : Циркон, 2017. 120 с. URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/76c/Rossiiskij_frontir_Analiticheskij_otchet.pdf (дата обращения: 10.04.2024).
41. Путин назвал Россию страной-цивилизацией // Аргументы и Факты. 28.04.2023. URL: https://aif.ru/politics/vladimir_putin_nazval_rossiyu_stranoy-civilizaciey?ysclid=lurszow5k811283247 (дата обращения: 19.04.2024).
42. Путин назвал Россию страной-цивилизацией, сохранившей самобытность и общность народов // НТВ. 03.10.2019. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2239809/> (дата обращения: 19.04.2024).

References

1. Spasskd.ru. (2021) *Analiticheskij otchet po rezul'tatam nauchno-issledovatel'skikh rabot po izucheniyu problem mezhnatsional'nogo vzaimodeystviya zhitel'ey Primorskogo kraja* [Analytical Report on the Results of Research Work on the Study of Problems of Interethnic Interaction among Residents of Primorsky Krai]. [Online] Available from: https://spasskd.ru/images/files/2022/ago/02/Monitoring_NIIC_Mezhnatsionalnye_otnosheniya_2021.pdf (Accessed: 10.04.2024).
2. Zadorin, I.V. (2018) Regiony "rubezha": territorial'naya identichnost' i vospriyatiye "osobosti" ["Border" Regions: Territorial Identity and the Perception of "Distinctiveness"]. *Politiya*. 2 (89). pp. 102–136.
3. Vashchuk, A.S. (2019) Mezhdunarodnyy kruglyy stol "Rossiyskaya identichnost': diskussii v regional'nom prostranstve Dal'nego Vostoka" [International Round Table "Russian Identity: Discussions in the Regional Space of the Far East"]. *Rossiya i ATR*. 2. pp. 184–190.
4. Petrova, E.V., Bil'trikova, A.V., Dashibalova, I.N. & Zhalsanova, V.G. (2021) *Mezhetnicheskiye otnosheniya v Respublike Buryatiya v izmenyayushchikhsya sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh* [Interethnic Relations in the Republic of Buryatia under Changing Socio-Economic Conditions]. Ulan-Ude.
5. Martynova, M.Y., Belova, N.A., Zykina, O.A. & Klyaus, M.P. (2023) Obshchegrazhdanskiye i sotsiokul'turnyye tsennosti v vospriyatii rossiyskoy molodezhi [Civic and Sociocultural Values in the Perception of Russian Youth]. *Vestnik antropologii*. 1. pp. 102–124.
6. Gorshkov, M.K. (2015) Rossiyskaya identichnost' v kontekste novykh vyzovov i riskov [Russian Identity in the Context of New Challenges and Risks]. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. 195 (6). pp. 274–290.
7. Danilova, E.N. (2000) Izmeneniya v sotsial'nykh identifikatsiyakh rossiyan [Changes in the Social Identifications of Russians]. *Sotsiologicheskij zhurnal*. 3–4. pp. 76–86.
8. Diligenskiy, G.G. (2002) *Lyudi srednego klassa* [People of the Middle Class]. Moscow: Institut fonda "Obshchestvennoye mneniye".
9. Drobizheva, L.M. (2020) Smysly obshcherossiyskoy grazhdanskoy identichnosti v massovom soznanii rossiyan [The Meanings of All-Russian Civic Identity in the Mass Consciousness of Russians]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*. 4. pp. 480–498.
10. Drobizheva, L.M. & Ryzhova, S.V. (2021) Obshcherossiyskaya identichnost' v sotsiologicheskoy izmerenii [All-Russian Identity in Sociological Measurement]. *Vestnik rossiyskoy natsii*. 1–2. pp. 39–52.
11. Semenenko, I.S. (ed.) (2017) *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Individual, Society, Politics. Encyclopedic Edition]. Moscow: Ves' Mir.
12. Semenenko, I.S. (ed.) (2023) *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novyye kontury issledovatel'skogo polya* [Identity: Individual, Society, Politics. New Contours of the Research Field]. Moscow: Ves' Mir.
13. Ionin, L.G. (1995) Identifikatsiya i instsenirovka [Identification and Staging]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*. 4. pp. 3–14.
14. Gorshkov, M.K. & Tikhonova, N.E. (eds) (2005) *Rossiyskaya identichnost' v usloviyakh transformatsiy* [Russian Identity under Conditions of Transformation]. Moscow: Nauka.
15. Tikhonova, N.E. (2020) Osobennosti identichnostey i mirovozzreniya osnovnykh strat sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Features of Identities and Worldviews of the Main Strata of Modern Russian Society]. *Mir Rossii*. 29 (1). pp. 6–30.
16. Tishkov, V.A. (1989) O novykh podkhodakh v teorii i praktike mezhnatsional'nykh otnosheniy [On New Approaches in the Theory and Practice of Interethnic Relations]. *Sovetskaya etnografiya*. 5. pp. 3–15.
17. Tishkov, V.A. (2013) *Rossiyskiy narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [The Russian People: The History and Meaning of National Self-Consciousness]. Moscow: Nauka.
18. Tishkov, V.A. (2016) Natsiya i natsional'naya identichnost' Rossii [Nation and National Identity of Russia]. *Vestnik Rossiyskoy natsii. Spetsvypusk 2008–2016 (posvyashchennyy trudam akademika V.A. Tishkova)*. 51. pp. 7–211.
19. Tishkov, V.A. (2021) *Natsional'naya ideya Rossii* [The National Idea of Russia]. Moscow: AST.
20. Yadov, V.A. (1994) Sotsial'naya identifikatsiya v krizisnom obshchestve [Social Identification in a Crisis Society]. *Sotsiologicheskij zhurnal*. 1. pp. 35–52.
21. Yadov, V.A. (1995) Sotsial'nyye i sotsial'no-psikhologicheskkiye mekhanizmy formirovaniya sotsial'noy identichnosti lichnosti [Social and Socio-Psychological Mechanisms of the Formation of Personal Social Identity]. *Mir Rossii*. 3–4. pp. 158–171.
22. President of the Russian Federation. (2012) *Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 No. 1666 "On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025"*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (Accessed: 22.03.2024). (In Russian).

23. Abramov, A.V. (2014) Sovremennyy rossiyskiy patriotizm kak marker grazhdanskoy identichnosti lichnosti i obshchestva [Modern Russian Patriotism as a Marker of Civic Identity of the Individual and Society]. *Vestnik MGOU. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki*. 3. pp. 215–221.
24. Malenkov, V.V. (2022) Obraz patriotizma i grazhdansko-patrioticheskiye oriyentatsii molodezhi [The Image of Patriotism and Civic-Patriotic Orientations of Youth]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 22 (1). pp. 6–65.
25. Kuznetsov, I.M. & Ryzhova, S.V. (eds) (2022) *Rossiyskaya identichnost' i mezhetnicheskiye otnosheniya. Publichnyy diskurs i sotsial'naya praktika* [Russian Identity and Interethnic Relations. Public Discourse and Social Practice]. Moscow: FNISTS RAN.
26. Arutyunova, E.M. & Ryzhova, S.V. (eds) (2021) *Soderzhatel'nyye osnovy rossiyskoy identichnosti. Regional'nyy i etnokul'turnyy konteksty* [Substantive Foundations of Russian Identity. Regional and Ethnocultural Contexts]. Moscow: FNISTS RAN.
27. TASS. (2024) *Putin schitayet patriotizm yedinstvenno vozmozhnoy ideologiyey sovremennogo obshchestva* [Putin Considers Patriotism the Only Possible Ideology of Modern Society]. [Online] Available from: <https://tass.ru/politika/7379985> (Accessed: 22.03.2024).
28. Petrova, E.V. (2023) Rossiyskaya identichnost' v obshchestvennom soznanii naseleniya Buryatii [Russian Identity in the Public Consciousness of the Population of Buryatia]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 12. pp. 62–69. doi: 10.24158/tipor.2023.12.6
29. VTsIOM. (2008) *Bednost' otstupayet, no sredniy klass po-prezhnemu v defitsite* [Poverty is Receding, but the Middle Class is Still in Short Supply]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bednost-otstupayet-no-sredniy-klass-po-prezhnemu-v-defitsite> (Accessed: 10.03.2024).
30. Kommersant. (2024) *Rezul'taty vyborov prezidenta Rossii–2024. Glavnyye tsifry* [Results of the 2024 Russian Presidential Election. Key Figures]. 18.03.2024. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/6579312> (Accessed: 10.04.2024).
31. *Rossiyskaya gazeta*. (2024) Dal'niy Vostok aktivno progolosoval za Prezidenta Putina i svoye budushcheye [The Far East Actively Voted for President Putin and Its Future]. 18.03.2024. [Online] Available from: <https://rg.ru/2024/03/18/dalnij-vostok-aktivno-progolosoval-za-prezidenta-putina-i-svoe-budushchee.html> (Accessed: 10.03.2024).
32. VTsIOM. (2023) *Patriotizm – monitoring* [Patriotism – Monitoring]. 11.04.2023. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (Accessed: 10.04.2024).
33. VTsIOM. (2023) *Simvoly Rossii* [Symbols of Russia]. 22.08.2023. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/simvoly-rossii> (Accessed: 10.04.2024).
34. VTsIOM. (2023) *Gordost' Rossii* [Pride of Russia]. 22.03.2023. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gordost-rossii> (Accessed: 10.04.2024).
35. VTsIOM. (2024) *O natsional'noy gordosti velikorossos* [On the National Pride of the Great Russians]. 31.01.2024. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-natsionalnoi-gordosti-velikorossos> (Accessed: 10.04.2024).
36. Rosstat. (2023) *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli. 2023 g.: statisticheskiy sbornik* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2023: Statistical Collection]. Moscow.
37. RIA Novosti. (2024) *Reyting rossiyskikh regionov po kachestvu zhizni – 2023* [Rating of Russian Regions by Quality of Life – 2023]. 12.02.2024. [Online] Available from: https://ria.ru/20240212/kachestvo_zhizni-1926120093.html (Accessed: 10.04.2024).
38. Static.government.ru. () *Natsional'naya programma sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka na period do 2024 goda i na perspektivu do 2035 goda* [National Program for the Socio-Economic Development of the Far East for the Period up to 2024 and for the Future up to 2035]. [Online] Available from: <http://static.government.ru/media/files/NAISPJ8QMRZUPd9LIMWJoeVhn1l6eGqD.pdf> (Accessed: 19.04.2024).
39. Petrova, E.V., Bil'trikova, A.V. & Dashibalova, I.N. (2023) *Sotsial'noye samochuvstviye zhitel'ey Buryatii (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya 2023 g.)* [Social Well-Being of the Residents of Buryatia (Based on a 2023 Sociological Study)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 12. pp. 25–31.
40. Tsirkon. (2017) *Rossiyskiy frontir: grazhdanskaya identichnost' na peredovom rubezhe strany: Itogovyy analiticheskiy otchet po rezul'tatam issledovaniya* [The Russian Frontier: Civic Identity on the Country's Front Line: Final Analytical Report on the Results of the Study]. Moscow. [Online] Available from: https://www.zircon.ru/upload/iblock/76c/Rossiyskiy_frontir_Analiticheskiy_otchet.pdf (Accessed: 10.04.2024).
41. Argumenty i Fakty. (2023) *Putin nazval Rossiyu stranoy-tsivilizatsiey* [Putin Called Russia a Country-Civilization]. 28.04.2023. [Online] Available from: https://aif.ru/politics/vladimir_putin_nazval_rossiyu_stranoy-tsivilizatsiey (Accessed: 19.04.2024).
42. NTV. (2019) *Putin nazval Rossiyu stranoy-tsivilizatsiey, sokhranivshey samobytnost' i obshchnost' narodov* [Putin Called Russia a Country-Civilization That Has Preserved the Identity and Community of Peoples]. (2019) NTV. 03.10.2019. [Online] Available from: <https://www.ntv.ru/novosti/2239809/> (Accessed: 19.04.2024).

Информация об авторе:

Петрова Е.В. – д-р социол. наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия). E-mail: elenapet_05@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Petrova, Dr. Sci. (Sociology), leading research fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: elenapet_05@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.06.2024;
одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.*

*The article was submitted 22.06.2024;
approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.*

Научная статья
УДК 327.39
doi: 10.17223/15617793/515/11

Политика развития через призму славянской идентичности: сравнительный анализ политических дискурсов в Сербии и Хорватии

Татьяна Игоревна Попадьева¹

¹ Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия, tatpopadyova@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается сложное взаимодействие между внутренним развитием славянского дискурса и влиянием внешних акторов на процесс славянской самоидентификации в Сербии и Хорватии. Интеграция элементов идентитарной теории, конструктивизма и критического анализа дискурсов позволила выявить иерархии макрополитических идентификационных маркеров, а также определить взаимосвязь механизмов формирования славянской идентичности с политическим развитием Сербии и Хорватии.

Ключевые слова: политика развития, славянская идентичность, макрополитическая идентичность, политический дискурс, анализ дискурсов, конструктивизм, югославизм, еврославизм, миметическое соперничество, языковая политика, Сербия, Хорватия

Для цитирования: Попадьева Т.И. Политика развития через призму славянской идентичности: сравнительный анализ политических дискурсов в Сербии и Хорватии // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 97–106. doi: 10.17223/15617793/515/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/11

Development policy through the lens of Slavic identity: A comparative analysis of political discourses in Serbia and Croatia

Tatyana I. Popadeva¹

¹ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, tatpopadyova@yandex.ru

Abstract. The article examines the influence of Slavic macro-political identity on the production and contextual realization of political development discourses in Serbia and Croatia. The article aims to study the formation and development of the Slavic macro-political identity of Serbs and Croats, as well as to assess its role in the transformation of the socio-political development of these countries. To achieve the aims, a comparative analysis and critical reflection of Serbian and Croatian political discourses are conducted within the framework of the constructivist paradigm. Based on historical sources, the article illustrates the development of Slavic ideas in the selected political entities, emphasizing that Slavic political identity, despite its heterogeneity (the spatial division into Western, Eastern, and Southern Slavs), has served as a powerful mobilization resource for the consolidation of Serb and Croatian communities, creating a solid foundation for nation-building both within Yugoslavia and in the sovereign states of Serbia and Croatia. During the research, particular attention is paid to the impact of internal and external factors on the processes of Slavic identification in Serbia and Croatia. The author notes that attempts to redirect the value systems of the residents of the two countries are being made through the discrediting of Slavic macro-political identity and the dehumanization of collective identities of Serbs and Croats. A qualitative analysis of official government documents, media publications, cultural symbolism, and academic works has allowed to formulate the identity matrices for Serb and Croatian communities, indicating the place that Slavic ideas occupy today in the self-identification of Serbs and Croats. As a result of the conducted research, the author concludes that the shared historical past (the ideas of Yugoslavism), the Slavic linguistic community, and current cultural policies make the identification marker of Slavic identity one of the key elements in the self-identification of residents in both Serbia and Croatia. At the same time, despite the shift of Slavic discourses from general political practices to the realm of cultural policies, Slavic macro-political identity still influences the development policies of these communities, shaping their visions of a desirable future and foreign policy aspirations. The comparative analysis of Slavic discourses in Serbia and Croatia shows that the common identification marker of Slavic identity can help reduce ethnic tension and harmonize relations between Serbs and Croats today, both within the state borders of Serbia and Croatia, and at the transboundary (regional) level.

Keywords: development policy, Slavic identity, macro-political identity, political discourse, discourse analysis, constructivism, Yugoslavism, Euroslavism, mimetic rivalry, language policy, Serbia, Croatia

For citation: Popadeva, T.I. (2025) Development policy through the lens of Slavic identity: A comparative analysis of political discourses in Serbia and Croatia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 97–106. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/11

Введение

Одним из значимых факторов, определяющих политику развития в Сербии и Хорватии, является югославское наследие: пестрый этнический, языковой и религиозный состав населения и противоречивое кровопролитное прошлое привели к тому, что процессы нациестроительства новообразованных после распада Югославии Сербии и Хорватии сдерживаются многочисленными общественно-политическими расколами. Как справедливо замечает М. Младенович, «в целом же для политико-культурной палитры Балкан характерно отсутствие базового консенсуса» [1. С. 788]. И в Сербии, и в Хорватии политика развития сегодня направлена на преодоление конфликтности в разделенных обществах, причем наряду с привычными механизмами социальной и экономической политик на первый план в анализируемых странах выходит идентичность. Идентитарные механизмы политики могут как консолидировать общество, так и привести к углублению социальных размежеваний, отсюда цель данной статьи – провести сравнительный анализ политических дискурсов Сербии и Хорватии в отношении некогда объединяющей идеи славянской идентичности.

В контексте того, что Балканы по-прежнему остаются реперной точкой мировой политики, а этническая мобилизация общественных масс в Сербии и Хорватии приводит к затяжным политическим кризисам, актуальность проведенного исследования заключается в попытке оценить роль славянской идентификации в снижении этнополитической напряженности в Сербии и Хорватии. Кроме того, в работе рассматриваются не только новые подходы к конструированию наднациональной – славянской – идентичности со стороны самих государств, но также и со стороны внешних акторов, что может пролить свет на перспективы политического и общественного развития Сербии и Хорватии, а также стимулировать приращение нового знания в изучении славянской идентичности.

Методы и методология

В современной науке существуют различные трактовки понятий «политика развития», «макрополитическая идентичность», «славянская идентичность». Для того чтобы не выходить за рамки избранной научной парадигмы, т.е. «соединить реальность фактов с идеальностью целей» [2. С. 315], необходимо дать ряд пояснений относительно основных используемых терминов и методов исследования.

Политика развития – это система управленческих механизмов и социальных практик, которые использует государство с целью разрядки социальной напряженности и сокращения неравенства, а также для улучшения условий жизни населения и устранения дисбалансов в территориальном развитии отдельных регионов внутри страны. Она также направлена на повышение устойчивости государственных институтов к внутренним и внешним угрозам различного характера – от социально-экономических до военных. Для осуществ-

ления политики развития наряду с материальными ресурсами государство также задействует нематериальные, поэтому особое внимание уделяется развитию личностного потенциала граждан [3. С. 20]. Разработка и реализация такой политики тесно связаны с ценностными ориентирами и социальными установками общества, со сложившимся или только формирующимся образом желаемого завтра, и следовательно, с коллективным самовосприятием и пониманием своего места в мире. Отсюда понятие *идентичности* как формы самоопределения индивида и общества может служить исследовательской рамкой, внутри которой изучается политика развития.

Поскольку политика развития осуществляется государством, а ее основным адресатом выступает общество, то одним из наиболее серьезных вызовов для властных структур становится проблема макрополитических идентичностей, когда самоидентификация целого общества или отдельных социальных страт выходит за рамки установленных государственных границ. В политической науке существуют расхождения относительно трактовки понятия *макрополитическая идентичность*: в рамках нациестроительства постимперских политий, когда ядром конституирования государства являются новые нации, «макрополитическая идентичность – это аналитическая категория, указывающая на всю совокупность различных способов идентификации с сообществом, которое ассоциируется с современным государством» [4. С. 76]. Тем не менее существует иное понимание макрополитической идентичности, при котором она предполагает наличие объединяющих дискурсов, выходящих за пределы государственных границ [5]. Эти дискурсы могут как стимулировать дальнейшее политическое развитие во внешнеполитической сфере, так и способствовать усилению конфликтности на региональном и глобальном уровнях. *Славянская идентичность при анализе политик развития Сербии и Хорватии представляется аналитическим конструктом, который выходит за рамки государственных границ и на первый план выводит наднациональный компонент идентификации сербского и хорватского сообществ.*

При анализе славянских политических дискурсов в Сербии и Хорватии в данной статье славянство понимается в конструктивистской парадигме как этноязыковая общность. Конструктивизм [6–8] рассматривает этничность не как врожденную социобиологическую характеристику, а как политический конструкт, который часто используется для мобилизации масс в условиях межэтнической конкуренции. В этой связи противостояние различных стратегий развития и борьба за материальные и нематериальные ресурсы в контексте макрополитической идентификации уместно рассматривать через такие аспекты, как территория, культура, религия и чувство принадлежности индивидов к определенной социальной общности, в том числе макрополитической [9]. Таким образом, конструктивистская онтология позволяет представить исследуемую реальность как результат общих для данного общества восприятий, ценностей, идей, практик и материальных условий.

Кроме того, анализ дискурсов и критическое осмысление политических дискурсов (Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Т.А. ван Дейк, Н. Фэрклоу, Р. Водак) [10–14] позволяет контекстуализировать использование славянской идентичности в изучаемых странах и оценить ее влияние на трансформацию социально-политического развития, восполнив лакуны, возникающие при анализе политики развития через призму институционализма и исключительно инструментальной рациональности.

Обращение к идентитарной исследовательской парадигме, нашедшей отражения в работах И.С. Семененко, М. Кастельса, А. Нортон, А. Смита, Ч. Тилли и других авторов [15–17], позволяет, с одной стороны, оставаться в рамках понятийного аппарата, принятого в современной политической науке по вопросам идентичности. С другой стороны, это дает возможность выявить особенности и оценить эффективность политики развития в контексте преодоления этнополитических конфликтов в анализируемых политических системах. Кроме того, для сравнительного анализа стран были отобраны кейсы в соответствии с методологическими рекомендациями Дж. Матца [18]: исследование ограничено двумя странами постъюгославского пространства; применен мультивариантный эмпирический подход с формированием обобщений на среднем уровне; использован метод «аналитического эклектизма», при котором культурные факторы рассматриваются наряду с социально-экономическими и институциональными. Эмпирический материал исследования представлен диахроническим и синхроническим анализом научных, политических и общественных дискурсов относительно идеи славянства как политического проекта и как макрополитической идентичности. Кроме того, отдельное внимание было уделено современной политической практике Сербии и Хорватии в культурной, языковой и внешнеполитической сферах с опорой на соответствующие стратегические документы и законы исследуемых страны.

Формирование славянского дискурса на Балканах

Изучение славянской идентичности в диахроническом разрезе прежде всего обнаруживает ее двойственную природу: на протяжении истории славянство одновременно являлось мощным средством сплочения народов, проживающих в разных странах, и источником этнополитических конфликтов и борьбы идеологий. Сегодня, в отличие от других этномиров (скандинавского, арабского, тюркского), славянский мир характеризуется определенной мозаичностью. Так, географическое мозаичное панно славянства, собранное из западных, восточных и южных славян, позволило славянам развивать широкие формы культурного, политического и экономического взаимодействия, но одновременно породило и конфликтующие идентификационные проекты. Именно из-за этой внутренней неоднородности и фрагментированности идея панславизма, в отличие от панарабских и пантюркских инициатив, сегодня воспринимается как утопичная и нежизнеспособная.

Представляется, что одной из ключевых особенностей славянской идентичности является отсутствие единого центра притяжения – идейного и политического ядра, вокруг которого могли бы формироваться общие представления о политическом развитии. Одна из причин подобной гравитационной сингулярности заключается в том, что славянские народы исторически оказывались в орбите различных империй и находились под влиянием разнонаправленных политических и культурных проектов. В условиях постимперского периода они сталкиваются с необходимостью конструировать собственные модели нациестроительства, зачастую основанные на отрицательной идентичности – противопоставлении себя «другим», которые ранее воспринимались как «внутренние», но теперь перешли в разряд «внешних». Эти процессы происходят на фоне переосмысления своего места в новой цивилизационной системе координат, сложившейся, в частности, после распада СССР и СФРЮ.

В этом контексте показательно сравнение политических стратегий Сербии и Хорватии, которые в прошлом веке были объединены концепцией единого южнославянского пространства – Югославии, а сегодня по-разному интерпретируют и применяют идеи славянской идентичности в рамках своих национальных проектов развития. При анализе кейсов Сербии и Хорватии в рамках данной статьи предполагается сознательный отход от термина «панславизм», поскольку, как еще в XIX в. писал К.Н. Леонтьев, трудно артикулировать «определенные и яркие исторические свойства, которые были бы общи всем славянам. Славизм можно понимать только как племенное этнографическое отвлечение, как идею общей крови (хотя и не совсем чистой) и сходных языков» [19. С. 31]. Кроме того, идеи панславизма как частного случая политического паннационализма являются скорее историзмом, чем существующей политической практикой, поэтому применительно к анализу славянских дискурсов в Сербии и Хорватии в контексте их политик развития уместнее опираться на славянскую идентичность.

Необходимо отметить, что идеи славянства как политического мобилизационного ресурса для отстаивания собственных интересов и борьбы за независимость актуализировались на территории современных Сербии и Хорватии еще в XIX в. Так, единое славянское этноязыковое и культурное пространство стало консолидирующей основой для стирания разделительных линий, оформленных в рамках Австро-Венгерской и Османской империй. Например, в Хорватии в ответ на политику мадьяризации славянских земель империи Габсбургов в 1830-е гг. появилось политическое движение иллиризма. Его участники рассматривали иллирийцев как славянский народ (или как этнос, прошедший процесс славянизации), противопоставляя их внешним «другим» на Балканах: венграм, османам, немцам и итальянцам. Как отмечает М. Гринберг, именно панславистские идеи, набравшие популярность среди славянской интеллигенции, легли в основу иллирийской идеологии и стали важным инструментом сопротивления венгерскому национализму, который ставил под угрозу хорватскую идентичность [20. Р. 366]. Сегодня

в науке остается популярным мнение о том, что иллиризм способствовал становлению исключительно хорватской нации, хотя факты говорят о том, что Иллирийское движение, распространившееся также и на территории современных Словении, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины [20. Р. 370–374], выступало за объединение всех «иллиров», т.е. южнославянских народов, сначала в рамках общего лингвистического и культурного пространства, а впоследствии – и в политическом измерении. Практически в то же время, в 1840-е гг., в полунезависимом Сербском княжестве появляется «Тайный демократический панславянский клуб», деятельность которого была направлена на пробуждение славянской идентичности на Балканах и побуждение к совместной борьбе славянских народов за независимость. Однако, несмотря на сотрудничество клуба с Иллирийским движением, в Сербском княжестве развивались иные внешнеполитические дискурсы вокруг сербского национального самосознания и будущей роли сербского государства в регионе. Как замечает К.В. Никифоров, «идея австрийского “славизма” пришла в противоречие с идеей сербской национальной самостоятельности. Причинами этого были как слабость Сербии, видевшей в иллиризме угрозу перенесения центра притяжения южных славян (прежде всего населения Боснии и Герцеговины) в Австрию, так и одновременно ее сила, выражавшаяся в наличии автономной государственности и сильно развитого сербского национального самосознания» [21. С. 127–128]. Отсюда и появившаяся в 1844 г. первая внешнеполитическая концепция Сербии «Начертание» под авторством И. Гарашанина была в целом сконцентрирована на становлении сербской государственности, а отдельные южнославянские мотивы там использовались как мобилизационный ресурс для сплочения культурно близких народов в противопоставлении к угнетательской политике Великих держав (Австро-Венгрии и Османской империи) [22. С. 155–156].

Тем не менее создание в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевства Югославия) показало, что отдельные сербские и хорватские националистические проекты уступили место славянской идентичности в борьбе южных славян за собственное государство. Политический проект Первой Югославии, в отличие от других европейских государств, не предусматривал создания единой нации, что и было принципиально невозможно, поскольку, как видно из самого названия, это было государство трех народов. Именно поэтому доминирующим политическим дискурсом того периода была идея объединения южных славян, т.е. идеология югославизма [23], главная цель которой – создание в рамках нового государства разделяемого в обществе чувства принадлежности к общему «дому» южных славян через языковые, культурные и исторические связи. В этой связи обращает на себя внимание монография сербского этнографа, ректора Белградского университета и основоположника современной балканистики Й. Цвиича «Психологические особенности южных славян», вышедшая на французском языке в 1912 г. и переведенная на серб-

ский язык уже после смерти автора в 1927 г. Хотя работа лишена определенной методологической фундаментальности, интересно отметить, что взгляды Цвиича на психологическое сходство сербов, хорватов и словенцев использовались не только в идеологическом дискурсе Королевства, но и в коммунистической риторике Югославии. Цвиич подчеркивал, что южным славянам присущи интеллектуальная и нравственная чувствительность, которая часто переходит в страсти и может «переродиться в нетерпимость во внутренней борьбе» [24. С. 9].

Именно нарративы героизма, непокорности внешним «другим», развитого национального самосознания и свободного духа, описанные Цвиичем, надолго укрепились в основном политическом дискурсе и коммунистической Югославии, образовавшейся, в логике ее основателей, в результате сплоченной борьбы южных славян против фашизма. Несомненно, появление Федеративной Народной Республики Югославия (с 1963 г. – Социалистическая Федеративная Республика Югославия, СФРЮ) на политической карте Европы стало результатом не только *героического* сопротивления южнославянских народов фашизму, но и следствием гражданской войны, разразившейся внутри прежнего Королевства Югославия. В новых условиях славянская идентичность стала не только инструментом в преодолении разногласий между тремя основными этническими группами, предлагавшими различные векторы политического и национального развития, но и основой для примирения социальных страт, противостоявших друг другу во времена Второй мировой и гражданской войн. Более того, учитывая многонациональный состав союзных республик, идеологи Второй Югославии переосмыслили концепцию югославизма, сместив акцент с этнокультурного измерения на гражданское. В результате славянская идентичность трансформировалась в более универсальное понятие – «югославяне», т.е. граждане Югославии, по аналогии с советским определением «новая историческая общность – советский народ»¹).

Славянское миметическое соперничество Сербии и Хорватии

Кровопролитный распад Югославии поставил крест на идеологии югославизма, тем самым дискредитировав среди сербов и хорватов идею общего славянского братства. Разделенные военными конфликтами и политической враждой народы столкнулись с необходимостью поиска новых символов и смыслов, которые бы описывали вновь появившееся национальные государства – Сербию и Хорватию. В данной связи сербские и хорватские политические элиты столкнулись с ситуацией *миметического соперничества* (в терминологии Р. Жирара [25]), когда противоположные стороны, застрявшие в бесконечном конфликте, потеряли всякие различия, отсюда их главное столкновение перешло из поля борьбы за ресурсы (символические или материальные) [26] в метафорическое зазеркалье, где необходимо было доказать, что в отражении видится не брат-близнец, а воображаемый «другой».

Действительно, на протяжении нескольких десятилетий существования СФРЮ политика «Братства и единства» («Bratstvo i Jedinstvo») была необходимым условием функционирования многонациональной федерации, формируя единство между всеми югославскими народами, несмотря на их различия [27]. Для того чтобы разорвать миметические связи между Сербией и Хорватией, в обеих странах была сделана ставка на архаизацию и автохтонность населения, однако если Сербия в поисках новой идентичности развернулась на восток, то Хорватия – на запад.

Так, в Сербии актуализировались косовская и святославская мифологемы, поддерживающие славянские нарративы: сербская национальная идентичность формируется на основе памяти о национально-освободительной борьбе и образе Святого Саввы как символа православного единства [28]. Отсюда и мифологизация России в роли центра славянства и православного мира: в официальном дискурсе и общественном сознании сербов появляется образ России-матери, призванной защитить Сербию и славянский свет от внешнего «другого». Например, в 2015 г. президент Сербии Т. Николич на встрече с министром иностранных дел России С. Лавровым сказал: «У человека есть друзья по всему миру, но он чаще всего помнит свою мать, так и Сербия, когда помощь нужна больше всего, вспоминает Российскую Федерацию»². Кроме того, как пишет Е. Пономарева, «сербское общество в своем бытии опирается на традицию, воспринимая в качестве источника всякой деятельности прошлое. Крайне живучим оказался поведенческий стереотип – готовность в любой момент к вооруженному отпору. <...> в сербских детей с малых лет закладывалось юнацкое (героическое) начало, что не могло не сказаться на мировосприятии народа. На протяжении веков это мировосприятие определяла оппозиция свой – чужой. Чужие менялись, но отношение к ним оставалось столь же жестким и одномерным» [29. С. 39].

Процесс нацистроительства подразумевает очерчивание не только географических границ, но и культурно-символических, а у Хорватии и Сербии происходило частичное наложение данных рамок (по меткому выражению историка А.И. Миллера, конфликт образов «идеальных отечеств» [30]). Отсюда Хорватия в официальном политическом дискурсе стала отказываться от принадлежности и к Балканам как географической территории, и к славизму как к символической границе, начав развивать идею о принадлежности к Центральной Европе³, а также мысль об отсутствии славянской идентификации в Хорватии⁴. Кроме того, в ходе правления Ф. Туджмана в 1997 г. была принята поправка в Конституцию страны о том, что «запрещается инициировать процесс объединения Республики Хорватия в союзы с другими странами, в которых объединение привело бы или могло привести к восстановлению югославского государственного единства, то есть какого-либо балканского государственного союза в любой форме»⁵. Важным инструментом в идентитарной борьбе против «общего» с Сербией стал и мобилизованный лингвизм [31], когда язык стал восприниматься как одна из основ хорватского национального

возрождения. Так, государственный язык Хорватии, в югославский период имевший номинацию «хорватосербский» (или «сербохорватский» за пределами СР Хорватия), потерял сначала «сербскость» в названии, а затем и в лексике: с момента обретения Хорватией независимости проводилась политика десербизации и пуризма. Ежегодно объявлялись конкурсы на поиск или изобретение «самого хорватского слова», перепечатывались словари и грамматические справочники, а хорватские политики находились в режиме постоянной самоцензуры, опасаясь сказать непатриотичное (т.е. используемое не только хорватами) слово. Интересно, что в рамках очищения хорватского языка от сербизмов хорваты возвращались к славянским корням, заменяя, например, широко используемые в сербском языке турцизмы на менее употребительные славянские аналоги. Не улучшала ситуацию и языковая политика в Сербии, в основе которой лежал *мимесис присвоения* [32]. Так, после распада СФРЮ в Сербии набирал популярность дискурс о том, что ранее существовавшие в рамках сербохорватского, а теперь получившие политическое оформление хорватский, черногорский, боснийский языки являются вариантами сербского языка, а значит, их носители – это сербы, исповедующие разные религии [33]. Однако уже к концу второго десятилетия XXI в. присвоенческая языковая политика потеряла остроту и в Хорватии, и в Сербии и обозначились тенденции к идеологическому примирению на базе «общего» языка (о феномене общего языка на постюгославском пространстве см.: [34]).

Славянское «зазеркалье»: попытки конструирования славянской идентичности извне

Представляется, что весомый урон славянскому самосознанию сербов и хорватов после распада СФРЮ также был нанесен извне. Балканские войны 1990-х гг. вернули в западный общественный, политический и научный дискурсы метафору «балканизация», которая обесценивала коллективную балканскую идентичность и дегуманизировала народы, проживающие на Балканах (подробнее см.: [35]). Как справедливо замечает А.В. Малешевич, «теперь балканизация имеет утилитарный (негативный) смысл по отношению к новой модели европеизации. Речь идет об очередном варианте вполне архетипической бинарной конструкции “цивилизация – варварство”. Разумеется, войны на фоне распада Югославии стали как бы дополнительным подтверждением и фрагментационного, и “варварского” элементов концепта» [36. С. 156]. Роль варварского «другого» в лице славянских государств на Балканах прочно укрепилась в западной научной оптике, что способствовало и процессам деславянизации в Сербии и Хорватии [37]. В этой связи примечательной является монография «Панславизм и славянофилия в современной Центральной и Восточной Европе: истоки, проявления и функции», выпущенная британским издательским домом Palgrave Macmillan в 2023 г. и посвященная анализу процессов влияния геополитических панславянских дискурсов на формирование идентичности и политики стран Центральной и Восточной Европы [38].

Читателей еще до текста введения готовят к ответу на вопрос, что такое славянство и как оно влияет на политику стран в Европе: в качестве фронтисписа в монографии используется иллюстрация цветочного славянского орнамента, однако некоторые цветы заменены... на автоматы Калашникова. В целом книга представляет Россию центром славянского мира (что, безусловно, противоречит положениям концепции внешней политики России, где гораздо большее внимание уделено вопросам Русского мира и роли России как государства-цивилизации⁶), а также заметно преувеличивает роль России в распространении макрополитической идентичности в других славянских странах. При этом, анализируя славянские дискурсы в Сербии, авторы вообще лишают сербов какой-либо политической субъектности. Так, например, национально-освободительная борьба сербов в XIX в. против османского ига представляется мотивированной извне (с полным игнорированием двух сербских восстаний): «Панславянскую “традиционную дружбу” между Сербией и Россией можно, таким образом, рассматривать как распространение русского панславизма, возникшего в специфическом геополитическом контексте стремления балканских государств освободиться от османской оккупации. Для сербских политических лидеров под османским владычеством славянская идея была сконструирована в терминах поддержки и помощи со стороны России в их усилиях по освобождению от иностранной оккупации» [38. Р. 129]. Хорватии же отвели более самостоятельную роль в вопросе становления национального самосознания, отмечая при этом, что идеи панславизма «практические не имели резонанса»: «Одна из причин заключается в том, что панславизм как политическая мысль и культурная идентичность никогда не был заметной идеей для хорватов. Поскольку панславизм относится к широкой идее существования культурных, языковых и исторических общностей среди славянских народов, которые должны разделять братские узы, выражающиеся в политических действиях, такие идеи не имели большого веса в Хорватии» [38. Р. 129]. Безусловно, данное положение авторов не только голословно, но и опровергается другими научными исследованиями как хорватских, так и зарубежных ученых, представленные в том числе в тексте данной статьи.

Однако есть и иные подходы к включению славянской макрополитической идентичности в западный политический дискурс. Например, сторонники *еврославизма* говорят о том, что процесс евроинтеграции Польши, Словакии, Словении, Чехии, Болгарии и Хорватии привел к тому, что Европейский союз стал естественной политической средой для большинства славянских народов и, следовательно, практическим решением этнополитической конфликтности, присутствующей в славянских государствах [39]. Еврослависты при этом отмечают, что «дисбаланс между Россией и остальным славянским миром препятствует развитию панславянского чувства принадлежности» [40], а значит, будущее славян (за исключением России) – в Европе.

Сегодня в условиях актуализации славянских идей в странах Европы западными учеными считаются

также угрозы целостности Европейского союза и евроинтеграции славянских государств: «В последние годы также начали появляться культурные, а иногда и весьма аполитичные концепции, программы и нарративы славянского единства <...> Эти новые формы панславизма/славянофилии могут угрожать интеграции в ЕС» [39. Р. 7]. Поэтому на институциональном уровне ЕС также можно найти проекты, посвященные переосмыслению славянской макрополитической идентичности, которой уготована участь европейского пути. Так, например, на сайте Европейской комиссии можно найти ряд текущих проектов, посвященных славянским исследованиям. В основном они касаются языков, традиций и обычаев. Обратил на себя особое внимание проект «В поисках исторической квил⁷-идентичности в славяноязычных Динарских горах» Австрийской академии наук, рассчитанный на 2022–2025 гг. с бюджетом более 180 тысяч евро, который посвящен «анализу гендерного и сексуального разнообразия на Западных Балканах накануне интенсивной модернизации 20-го века»⁸. Австрийские ученые исследуют в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Черногории и Сербии «жизнь и повседневные практики региональных гендерно-небинарных людей (вирджин)», «чтобы пролить свет на местные традиции, в которых квил-люди были заметными и уважаемыми членами сообщества». Почему-то за скобками исследования остается суть феномена вирджин, когда старшие дочери в семье при отсутствии наследников мужского пола, чтобы иметь возможность унаследовать имущество семьи, *принудительно* (!) переодевались в мальчиков и представлялись обществу как законные сыновья и наследники семьи. Такие женщины не имели права заводить собственные семьи и рожать детей, при этом их занятия должны были носить исключительно мужской характер, т.е. запрещались любые увлечения, считающиеся традиционно женскими в данном обществе. Безусловно, вирджины в патриархальных горных районах на Балканах были «уважаемыми членами сообщества», если не брать во внимания их личную трагедию. Этой теме посвящен югославский фильм «Вирджина» (1991 г., режиссер С. Каранович), где рассказывается история девочки, ставшей вирджиной и страдающей от принудительной смены гендерной идентичности. Отголоски этого жестокого обычая до сих пор присутствуют в общественном сознании. Например, в постъюгославских странах популярен анекдот про Черногорию, где подчеркивается, что до сих пор дети мужского пола являются предпочтительными в семье:

Crnogorac na pitanje koliko ima dece odgovara: „Imam jedno dete. I dve ćerke”

(Черногорец на вопрос, сколько у него детей, отвечает: «У меня один ребенок. И две дочери»)⁹.

Творческое осмысление этой проблемы можно встретить и в тексте песни современной хорватской группы «Elemental»:

To je naša priroda i društvo

Nek' se rodi dijete, al neka bude muško

(Таковы наша природа и общество,

Пусть родится ребенок, но пусть он будет мальчиком)¹⁰.

Таким образом, практический еврославизм функционеров ЕС выражается в переписывании истории и предложении альтернативных (подчас парадоксальных) трактовок славянской идентичности. В этой связи уместно вспомнить замечание С. Хантингтона о том, что «Запад – странное, хрупкое, ни на что не похожее образование, которому ни в коем случае нельзя придавать статус общечеловеческого. Западный путь развития никогда не был и не будет общим путем для 95% населения Земли. Запад уникален, а вовсе не универсален» [41].

Славянская идентичность в Сербии и Хорватии сегодня

На сегодняшний день в Сербии и Хорватии славянская идентификация реже используется в практической политике в связи с негативными коннотациями славизма, возникшими в ходе распада Югославии. Однако политическое развитие в Сербии, и Хорватии, когда речь идет о желаемом образе будущего и своего места в мире, продолжает сопровождаться славянскими мотивами. Так, анализ официальных программных документов правительств Сербии и Хорватии, в частности в сфере культурной политики, показал, что славянский идентитарный маркер остается одним из ведущих в сербском и хорватском обществах.

В документе «Стратегия развития культуры Республики Сербии на 2020–2029 гг.»¹¹ прямо определены семь основных идентитарных маркеров, на которых базируется культурная и, шире, национальная политика Сербии. На первом месте стоит именно *славянская идентичность*, причем в тексте документа отмечается, что сербское славянство «базируется на языковой близости славянских народов и на историческом опыте взаимопроникновения культур, входящих в славянское наследие». Отдельно подчеркивается «сложный и неоднозначный опыт интеграционных процессов между южнославянскими народами», что, с одной стороны, еще раз доказывает географическую фрагментарность и мозаичность славянского мира, а с другой – обнажает основную функцию славянской идентификации в Сербии: снижение этнополитической конфликтности в регионе и выстраивание добрососедских отношений с южнославянскими странами, а не со всем славянским миром. Далее по тексту «Стратегии...» называются такие идентитарные маркеры, как *византизм, балканская идентичность, героическое прошлое, просвещенно-европейская ориентация, демократия, контактность и открытость миру*. Подобный порядок маркеров может свидетельствовать об обращенности процесса нациестроительства Сербии к прошлому: через политику памяти и архайзацию истории Сербия стремится обосновать свое независимое и суверенное положение на политической карте мира. При этом вступающие между собой в некоторое противоречие маркеры сербской идентичности подчеркивают и интерстициальное положение современной Сербии в мировой политике: между Востоком и Западом, между непокорным прошлым и конформистским будущим, между традицией и новацией.

В официальных документах современной Хорватии отсутствуют четко прописанные маркеры идентичности, однако семиотический анализ текстов «Национального плана развития культуры и СМИ на период 2023–2027 гг.»¹² и «Обзор культурного развития и культурной политики в Республике Хорватия»¹³ позволяет указать следующие основные идентитарные маркеры: *хорватское национальное самосознание* (языковая и культурная идентичность), *Европейская и Адриатическая идентичность* (пространственный компонент), *балканская идентичность* (исключительно в контексте контактов с культурами соседних стран), *хорватоцентризм в развитии славянства* (подчеркивается идеологический вклад хорватских мыслителей в становление государства южных славян), *христианская фронтирная идентичность* (Хорватия представляется как приграничье христианского мира Европы), *жертвенность* (развивается нарратив о жертве хорватского народа в борьбе за независимость в войне 1991–1995 гг.). Если у сербов славянская идентификация стоит первой в иерархии идентитарных маркеров, то в Хорватии на первый план выходит этнонациональное самосознание. Однако стоит отметить, что в хорватском политическом и научном дискурсах «хорватский» и «славянский», по замечанию хорватского философа В. Беляя, часто выступают синонимами, так что определение «хорватский» используется для описания и общеславянских реалий [42. Р. 74]. В то же время расхождения наблюдаются относительно пространственных компонентов идентичности: как уже было отмечено, Сербия более ориентирована на восток (византийское наследие, православие), в то время как Хорватия обращена на запад (принадлежность к центральной Европе, фронтир католицизма). В данном сравнении показательно и самоощущение сербов и хорватов в развитии славянства: если Сербия, осознавая свою славянскую идентификацию, подчеркивает открытость миру, то в Хорватии, напротив, делается упор на роль хорватской нации в укоренении славянства как политической программы развития бывшей Югославии.

Выводы

Славянская идентичность по-прежнему занимает центральное место в процессе самоидентификации как у сербов, так и у хорватов, поскольку она напрямую связана с их общим историческим прошлым, особенно с идеологией югославизма. Важным элементом этой идентичности остается языковая близость: и сербский, и хорватский языки классифицируются как славянские. Вместе с тем предпринимаются попытки «деславянизации» этих народов через исторические и антропологические исследования, проводимые в рамках примордиалистской парадигмы. Главное различие между этими процессами заключается в том, что в Сербии подобные нарративы находятся на периферии научного и общественного дискурсов, тогда как в Хорватии они получают поддержку на уровне государственной политики и вписываются в модель фронтирной идентичности с акцентом на трансгрессию, адаптацию и принятие новых ценностей.

Тем не менее языковая, культурная и историческая общность (пусть и активно пересматриваемая сегодня) не позволяет хорватскому обществу полностью отмежеваться от югославского идентитарного наследия. Данный вывод подтверждают и зарубежные исследования. Так, например, в статье 2023 г. Л. Кукич [43] отмечает, что межэтнические контакты, основанные на югославянской общности, не только способствовали снижению этнической напряженности в период обострения политической конфликтности во время распада Югославии, но и продолжают работать на гармонизацию отношений между сербами и хорватами сегодня.

Таким образом, анализ современных стратегий развития Сербии и Хорватии свидетельствует о трансформации славянской идентичности: из сферы политики она все более смещается в область культуры. Этот процесс сопровождается утратой прежних устойчивых

ориентиров и ценностных установок. Тем не менее как в сербском, так и в хорватском обществах заметна потребность в формировании примирительных моделей – как на внутригосударственном уровне, так и в контексте взаимоотношений с соседними странами. В этом смысле славянская идея сохраняет потенциал для объединения и диалога в условиях социального и исторического разделения.

Подтверждением тому служит и словенская организация «Форум славянских культур»¹⁴, которая в прошлом году отметила 20-летие. Новостной раздел сайта «Форума» демонстрирует, что сербы и хорваты совместно с другими славянскими странами продолжают сотрудничество в области культуры, науки и общественной жизни, чему не смогли воспрепятствовать ни пандемия коронавируса, ни турбулентность мировой политики.

Примечания

¹ XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. М.: Политиздат, 1971. 598 с.

² Što je čovjeku majka, to je Srbiji Rusija. URL: <https://www.rtvbn.com/367115/Sto-je-čovjeku-majka-to-je-Srbiji-Rusija> (дата обращения: 25.10.2024).

³ Predsjednica objasnila zašto izbjegava izraz 'zapadni Balkan'. URL: <https://www.vecernji.hr/vijesti/predsjednica-objasnila-zasto-izbjegava-izraz-zapadni-balkan-1272691> (дата обращения: 25.10.2024).

⁴ Postoje dokazi da Hrvati nisu Slaveni, već jedini narod koji je svoje korijene sačuvao 6500 godina. URL: <http://www.hazud.hr/postoje-dokazi-da-hrvati-nisu-slaveni-vec-jedini-narod-koji-je-svoje-korijene-sacuvao-6500-godina/> (дата обращения: 25.10.2024).

⁵ Ustav Republike Hrvatske. URL: <https://www.zakon.hr/z/94/Ustav-Republike-Hrvatske> (дата обращения: 25.10.2024).

⁶ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.04.2023. № 14. Ст. 2406.

⁷ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁸ Looking for Historical Queerness in the Slavic-Speaking Dinaric Mountains. EU funded projects. European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/info/funding-tenders/opportunities/portal/screen/opportunities/projects-details/31045243/101032413/H2020> (дата обращения: 25.10.2024).

⁹ Đorđević K. Nek je živo, zdravo i – muško. URL: <https://www.politika.rs/sr/clanak/282180/Nek-je-zivo-zdravo-i-musko> (дата обращения: 25.10.2024).

¹⁰ Priroda i društvo. Elemental. URL: <https://www.elemental.hr/tekstovi/elemental-priroda-i-drustvo/> (дата обращения: 25.10.2024).

¹¹ Strategija razvoja kulture Republike Srbije od 2020 do 2029. URL: <https://kultura.gov.rs/extfile/sr/4476/strategija-razvoja-kulture-od-2020--do-2029--godine.pdf> (дата обращения: 25.10.2024).

¹² Nacionalni plan razvoja kulture i medija za razdoblje od 2023 do 2027 godine. URL: https://min-kulture.gov.hr/UserDocsImages/dokumenti/Nacionalni%20plan%20razvoja%20kulture%20i%20medija/Nacionalni%20plan_objava.pdf (дата обращения: 25.10.2024).

¹³ Pregled kulturnog razvoja i kulturnih politika u Republici hrvatskoj. URL: <https://min-kulture.gov.hr/UserDocsImages/dokumenti/Pregled%20kulturnog%20razvoja%20i%20kulturnih%20politika%20u%20Republici%20Hrvatskoj.pdf> (дата обращения: 25.10.2024).

¹⁴ Форум славянских культур. URL: <https://www.fsk.si/ru/> (дата обращения: 25.10.2024).

Список источников

- Младенович М. Политическая культура как фактор развития политической системы (на примере Балкан) // Историки-слависты МГУ: в поисках идентичности; в ознаменовании 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи. М.: Славянский мир, 2011. С. 785–792.
- Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика / отв. ред. Ю.С. Степанов. М.: Радуга, 1983. С. 306–349.
- Семенов И.С. Идентичность как ресурс общественного развития // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2023. С. 18–26.
- Малинова О.Ю. Макрополитическая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2011. С. 76.
- Castells M. Globalization and Identity: a Comparative Perspective // Journal of Contemporary Culture. 2006. Vol. 4, № 1. P. 56–67.
- Алексеева Т.А. Химеры страны Оз: «культурный поворот» в теории международных отношений // Международные процессы. 2012. Т. 10, № 3. С. 4–19.
- Dessler D. Constructivism within a Positivist Social Science // Review of International Studies. 1999. Vol. 25, № 1. P. 123–137.
- Finnemore M., Sikkink K. Taking Stock: The Constructivist Research Program in International Relations and Comparative Politics // Annual Review of Political Science. 2001. № 4. P. 391–416.
- Brubaker R. Ethnicity without groups. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 283 p.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2014. 240 с.
- Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008. 351 с.
- Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 286–291.
- Дейк ван Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: URSS, 2008. 344 с.
- Fairclough N. Critical discourse analysis and critical policy studies // Critical Policy Studies. 2013. Vol. 7, № 2. P. 177–197.
- Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь Мир, 2017. 992 с.
- Smith A.D. National Identity. Ethnonationalism in Comparative Perspective. Reno: Univ. of Nevada Press, 1991. 240 p.
- Tilly Ch. Stories, Identities and Political Change. Lanham: Rowman & Littlefield Publ., 2002. 280 p.
- Martz J. Comparing Similar Countries. Problems of Conceptualization and Comparability in Latin America // Comparing Nations. Concepts, Strategies, Substance / ed. by M. Dogan, A. Kasancigil. Oxford; Cambridge: Blackwell, 1994. P. 239–259.
- Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М., 1876. 132 с.

20. Greenberg M.L. The Illyrian Movement: A Croatian Vision of South Slavic Unity // *Handbook of Language and Ethnic Identity: The Success-Failure Continuum in Language Identity Efforts* / ed. by J.A. Fishman, O. Garcia. Oxford : Oxford University Press, 2010. P. 364–380.
21. Никифоров К.В. «Начертание» Или Гарашинина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М. : Индрик, 2015. 256 с.
22. Батаковић Д.Т., Протић М.Ст., Самарџић Н., Фотић А. Нова историја српског народа. Београд : Наш дом, 2002. 381 с.
23. Stiks I., Wachtel A. Squaring the South Slavic Circle: Ethnicity, Nationhood and Citizenship in Yugoslavia // *Civic Nationalisms in Global Perspective* / ed. by M.T. Jasper. London ; New York : Routledge, 2019. P. 54–69.
24. Цвијић Ј. Психички особине јужних словена. Београд, 2019. 357 с.
25. Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния. М. : ББИ, 2018. 202 с.
26. Кожевникова М., Пророкова М.Н. Миметическое насилие и современная этиология: к проблеме истоков человеческой агрессии // *Человек*. 2019. Т. 30, № 3. С. 61–79.
27. Lampe J.R. The Failure of the Yugoslav National Idea // *Studies in East European Thought*. 1994. Vol. 46. P. 69–89.
28. Бисерко С. Гегемонистские националистические матрицы прошлого и будущее Балкан // *Актуальные проблемы Европы*. 2021. № 110 (2). С. 84–100.
29. Пономарева Е.Г. Хронополитическое измерение модернизационных процессов в современной Сербии // *Полис. Политические исследования*. 2005. № 3. С. 34–43.
30. Миллер А.И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб. : Алетей, 2000. 284 с.
31. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. 816 с.
32. Жирар Р. Насилие и священное. СПб., 2010. 448 с.
33. Grčević M. Jezično planiranje i Zakon o hrvatskom jeziku // *Filologija*. 2022. Vol. 78. P. 35–50.
34. Попадьева Т.И. «Общий» язык на постъюгославском пространстве: языковая политика и стратегии развития // *Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований : сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Н. Оломская*. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2024. С. 120–126.
35. Попадьева Т.И. Балканизация // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семенов. М. : Весь мир, 2023. С. 394–399.
36. Малешевич А.В. Балканизация или европеизация: опыт концептуальной деконструкции // *Полис. Политические исследования*. 2024. № 5. С. 154–166.
37. Попадьева Т.И. Балканы: разделенные или разделившиеся? Анализ нарративов балканской идентичности на постъюгославском пространстве // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2023. Т. 24, № 4. С. 6–22.
38. Pan-Slavism and Slavophilia in Contemporary Central and Eastern Europe: Origins, Manifestations and Functions / ed. by M. Suslov, M. Čejka, V. Đorđević. Cham : Palgrave Macmillan, 2023. 456 p.
39. Đorđević V., Suslov M., Čejka M., Mocek O., Hrabálek M. Revisiting Pan-Slavism in the Contemporary Perspective // *Nationalities Papers*. 2023. Vol. 51, № 1. P. 3–13.
40. Troebst S. Slavizität: Identitätsmuster, Analyse Rahmen, Mythos // *Osteuropa*. 2009. Vol. 59, № 12. P. 7–19.
41. Huntington S. West is Unique, and not so Universal // *Foreign Affairs*. 1996. Vol. 75, № 6. P. 28–46.
42. Belaj V. Sind die Kroaten Slawen? Die Frage der übernationalen Identität // *Studia ethnologica Croatica*. 1994. Vol. 6, № 1. P. 67–78.
43. Kukic L. The last Yugoslavs: Ethnic diversity and national identity // *Explorations in Economic History*. 2023. Vol. 88. P. 1–62.

References

1. Mladenovich, M. (2011) Politicheskaya kul'tura kak faktor razvitiya politicheskoy sistemy (na primere Balkan) [Political Culture as a Factor in the Development of the Political System (on the Example of the Balkans)]. In: *Istoriki-slavyisty MGU: v poiskakh identichnosti; v oznamenovaniye 70-letiya kafedry i 175-letiya uchrezhdeniya slavyisticheskikh kafedr v universitetakh Rossiyskoy imperii* [Historians-Slavists of Moscow State University: In Search of Identity; in Commemoration of the 70th Anniversary of the Department and the 175th Anniversary of the Establishment of Slavic Departments in the Universities of the Russian Empire]. Moscow: Slavyanskiy mir. pp. 785–792.
2. Barthes, R. (1983) Nulevaya stepen' pis'ma [Writing Degree Zero]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Raduga. pp. 306–349.
3. Semenenko, I.S. (2023) Identichnost' kak resurs obshchestvennogo razvitiya [Identity as a Resource for Social Development]. In: Semenenko, I.S. (ed.) *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novyye kontury issledovatel'skogo polya* [Identity: Individual, Society, Politics. New Contours of the Research Field]. Moscow: Ves' mir. pp. 18–26.
4. Malinova, O.Yu. (2011) Makropoliticheskaya identichnost' [Macro-Political Identity]. In: Semenenko, I.S. (ed.) *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti* [Political Identity and Identity Politics]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN. p. 76.
5. Castells, M. (2006) Globalization and Identity: a Comparative Perspective. *Journal of Contemporary Culture*. 4 (1). pp. 56–67.
6. Alekseyeva, T.A. (2012) Khimery strany Oz: "kul'turnyy povorot" v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy [Chimeras of the Land of Oz: The "Cultural Turn" in International Relations Theory]. In: *Mezhdunarodnyye protsessy*. 10 (3). pp. 4–19.
7. Dessler, D. (1999) Constructivism within a Positivist Social Science. *Review of International Studies*. 25 (1). pp. 123–137.
8. Finnemore, M. & Sikkink, K. (2001) Taking Stock: The Constructivist Research Program in International Relations and Comparative Politics. *Annual Review of Political Science*. 4. pp. 391–416.
9. Brubaker, R. (2004) *Ethnicity without groups*. Cambridge: Harvard University Press.
10. Baudrillard, J. (2014) *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and Simulation]. Moscow: Postum.
11. Barthes, R. (2008) *Mifologii* [Mythologies]. Moscow: Akademicheskiy projekt.
12. Wodak, R. (2011) Kriticheskaya lingvistika i kriticheskiy analiz diskursa [Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis]. *Politicheskaya lingvistika*. 4. pp. 286–291.
13. van Dijk, T.A. (2008) *Discourse i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Moscow: URSS.
14. Fairclough, N. (2013) Critical discourse analysis and critical policy studies. *Critical Policy Studies*. 7 (2). pp. 177–197.
15. Semenenko, I.S. (ed.) (2017) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Individual, Society, Politics. Encyclopedic Edition]. Moscow: Ves' Mir.
16. Smith, A.D. (1991) *National Identity. Ethnonationalism in Comparative Perspective*. Reno: University of Nevada Press.
17. Tilly, Ch. (2002) *Stories, Identities and Political Change*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.
18. Martz, J. (1994) Comparing Similar Countries. Problems of Conceptualization and Comparability in Latin America. In: Dogan, M. & Kazancigil, A. (eds) *Comparing Nations. Concepts, Strategies, Substance*. Oxford: Cambridge: Blackwell. pp. 239–259.
19. Leont'yev, K.N. (1876) *Vizantizm i slavyanstvo* [Byzantinism and Slavdom]. Moscow.
20. Greenberg, M.L. (2010) The Illyrian Movement: A Croatian Vision of South Slavic Unity. In: Fishman, J.A. & Garcia, O. (eds) *Handbook of Language and Ethnic Identity: The Success-Failure Continuum in Language Identity Efforts*. Oxford: Oxford University Press. pp. 364–380.
21. Nikiforov, K.V. (2015) *"Nachertaniye" Ilii Garashanina i vnesnyaya politika Serbii v 1842–1853 gg.* [The "Draft" of Ilija Garašanin and the Foreign Policy of Serbia in 1842–1853]. Moscow: Indrik.
22. Bataković, D.T., Protić, M.St., Samardžić, N. & Fotić, A. (2002) *Nova istorija srpskog naroda*. Beograd: Naš dom.

23. Stiks, I. & Wachtel, A. (2019) Squaring the South Slavic Circle: Ethnicity, Nationhood and Citizenship in Yugoslavia. In: Jasper, M.T. (ed.) *Civic Nationalisms in Global Perspective*. London; New York: Routledge. pp. 54–69.
24. Cvijić, J. (2019) *Psihičke osobine južnih Slovena*. Beograd.
25. Girard, R. (2018) *Ya vizhu Satana, padayushchego, kak molniya* [I See Satan Fall Like Lightning]. Moscow: BBI.
26. Kozhevnikova, M. & Prorokova, M.N. (2019) Mimeticheskoye nasiliye i sovremennaya etologiya: k probleme istokov chelovecheskoy agressii [Mimetic Violence and Modern Ethology: On the Problem of the Origins of Human Aggression]. *Chelovek*. 30 (3). pp. 61–79.
27. Lampe, J.R. (1994) The Failure of the Yugoslav National Idea. *Studies in East European Thought*. 46. pp. 69–89.
28. Biserko, S. (2021) Gegemonistskiye natsionalisticheskiye matritsy proshlogo i budushcheye Balkan [Hegemonic Nationalist Matrices of the Past and the Future of the Balkans]. *Aktual'nyye problemy Yevropy*. 110 (2). pp. 84–100.
29. Ponomareva, E.G. (2005) Khronopoliticheskoye izmereniye modernizatsionnykh protsessov v sovremennoy Serbii [The Chrono-Political Dimension of Modernization Processes in Contemporary Serbia]. *Polis. Politicheskoye issledovaniya*. 3. pp. 34–43.
30. Miller, A.I. (2000) *Ukrainskiy vopros v politike vlastey i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX veka)* [The Ukrainian Question in the Policy of the Authorities and Russian Public Opinion (Second Half of the 19th Century)]. Saint Petersburg: Aleteya.
31. Guboglo, M.N. (1998) *Yazyki etnicheskoy mobilizatsii* [Languages of Ethnic Mobilization]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".
32. Girard, R. (2010) *Nasiliye i svyashchennoye* [Violence and the Sacred]. Saint Petersburg.
33. Grčević, M. (2022) Jezično planiranje i Zakon o hrvatskom jeziku [Language Planning and the Law on the Croatian Language]. *Filologija*. 78. pp. 35–50.
34. Popadyeva, T.I. (2024) "Obshchiy" yazyk na post'yugoslavskom prostranstve: yazykovaya politika i strategii razvitiya [The "Common" Language in the Post-Yugoslav Space: Language Policy and Development Strategies]. In: Olomskaia, N.N. (ed.) *Mezhdistsiplinarnyye aspekty lingvisticheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh trudov* [Interdisciplinary Aspects of Linguistic Research: Collection of Scientific Works]. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet. pp. 120–126.
35. Popadyeva, T.I. (2023) Balkanizatsiya [Balkanization]. In: Semenenko, I.S. (ed.) *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novyye kontury issledovatel'skogo polya* [Identity: Individual, Society, Politics. New Contours of the Research Field]. Moscow: Ves' mir. pp. 394–399.
36. Maleshevich, A.V. (2024) Balkanizatsiya ili yevropeizatsiya: opyt kontseptual'noy dekonstruktsii [Balkanization or Europeanization: An Attempt at Conceptual Deconstruction]. *Polis. Politicheskoye issledovaniya*. 5. pp. 154–166.
37. Popadyeva, T.I. (2023) Balkany: razdelennyye ili razdelivshiesya? Analiz narrativov balkanskoy identichnosti na post'yugoslavskom prostranstve [The Balkans: Divided or Dividing? An Analysis of Narratives of Balkan Identity in the Post-Yugoslav Space]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*. 24 (4). pp. 6–22.
38. Suslov, M., Čejka, M. & Đorđević, V. (eds) (2023) *Pan-Slavism and Slavophilia in Contemporary Central and Eastern Europe: Origins, Manifestations and Functions*. Cham: Palgrave Macmillan.
39. Đorđević, V., Suslov, M., Čejka, M., Mocek, O. & Hrabálek, M. (2023) Revisiting Pan-Slavism in the Contemporary Perspective. *Nationalities Papers*. 51 (1). pp. 3–13.
40. Troebst, S. (2009) Slavizität: Identitätsmuster, Analyserahmen, Mythos. *Osteuropa*. 59 (12). pp. 7–19.
41. Huntington, S. (1996) West is Unique, and not so Universal. *Foreign Affairs*. 75 (6). pp. 28–46.
42. Belaj, V. (1994) Sind die Kroaten Slawen? Die Frage der übernationalen Identität. *Studia ethnologica Croatica*. 6 (1). pp. 67–78.
43. Kukic, L. (2023) The last Yugoslavs: Ethnic diversity and national identity. *Explorations in Economic History*. 88. pp. 1–62.

Информация об авторе:

Попадьева Т.И. – канд. полит. наук, научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: tatpopadyova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.I. Popadeva, Cand. Sci. (Political Science), research fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: tatpopadyova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024;
одобрена после рецензирования 17.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 28.10.2024;
approved after reviewing 17.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья
УДК 32.019.51
doi: 10.17223/15617793/515/12

Концептуальные шаблоны создания фейковых новостей

Борис Александрович Тхориков¹, Виктор Александрович Клименко², Ольга Сергеевна Осадчая³,
Дарья Михайловна Мацепуро⁴, Давид Александрович Труфанов⁵

^{1, 3} Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия
^{2, 4, 5} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ tkhorikov-ba@rguk.ru

² klimenko@siberia.design

³ osadchaya-os@rguk.ru

⁴ daria.matsepuro@mail.tsu.ru

⁵ david.trufanov@siberianai.tsu.ru

Аннотация. Описаны 15 концептуальных шаблонов создания фейковых новостей, разработанных с помощью метода аналогий и адаптации «основных шаблонов качественной рекламы» Якоба Голденберга. В качестве основы выступает обработка 387 фейковых материалов. Первичная валидизация шаблонов проведена с использованием опроса 30 респондентов (коэффициент альфа Кронбаха $\approx 0,89$). Данные шаблоны предлагается интегрировать в системы машинного обучения с целью повышения точности алгоритмов по обнаружению дезинформации и недопущения дестабилизации политической ситуации в стране.

Ключевые слова: фейковые новости, манипулятивный контент, дезинформация, медиакommunikation, языковые модели

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00051, <https://rscf.ru/project/25-28-00051>.

Для цитирования: Тхориков Б.А., Клименко В.А., Осадчая О.С., Мацепуро Д.М., Труфанов Д.А. Концептуальные шаблоны создания фейковых новостей // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 107–113. doi: 10.17223/15617793/515/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/12

Conceptual templates for creating fake news

Boris A. Tkhorikov¹, Viktor A. Klimenko², Olga S. Osadchaya³, Daria M. Matsepuro⁴, David A. Trufanov⁵

^{1, 3} Kosygin State University of Russia, Moscow, Russian Federation

^{2, 4, 5} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ tkhorikov-ba@rguk.ru

² klimenko@siberia.design

³ osadchaya-os@rguk.ru

⁴ daria.matsepuro@mail.tsu.ru

⁵ david.trufanov@siberianai.tsu.ru

Abstract. The study aims to identify conceptual patterns of fake news creation and adapt them for use in machine learning systems to improve the accuracy of disinformation detection. A database of 387 fake news collected from various platforms, social networks and information resources was analyzed. The materials cover topics of politics, science, health and social issues, which made it possible to identify universal strategies for creating disinformation. The main research method was the adaptation of Jacob Goldenberg's "basic patterns of quality advertising" using the analogy method. This made it possible to identify universal principles actively used in the creation of fake news. Each of the identified patterns was tested for applicability and reliability. For this purpose, validation was carried out with the participation of 30 respondents, whose results showed a high level of consistency (Cronbach's alpha coefficient ≈ 0.89). As a result of the study, 15 variations of conceptual templates for creating fake news were developed and described: 1. "Figurative analogy" – the use of visual semiotics to create unusual images ("Substitution" – one element of the situation is replaced by a visually similar symbol; "Simplification" – exaggeration or simplification of known analogies or a specific situation). 2. "Exaggerated situation" – hypertrophy of the properties of a situation or object. ("Absurdity" – demonstration of absurd decisions; "Accentuation" – exaggeration of the significance of an event). 3. "Consequences" – manipulation of fear of the future through isolated facts ("Common problems" – exaggeration of threats to society; "Inversion problems" – negative consequences of refusing to make decisions). 4. "Competition" – comparison of a situation with another, real or fictional ("Attributive competition" – demonstration of the weakness of

an object in comparison with another; "Alternative competition" – comparison with hypothetical conditions). 5. "Interactive engagement" – encouraging the audience to act through interactive elements ("Appeal" – a direct appeal through emotional content; "Participation" – nudging to mental participation). 6. "Violation of logic" – manipulation through distortion of temporal, spatial and logical aspects ("Addition" – linking unrelated phenomena; "Multiplication" – exaggeration of the scale of the problem; "Division" – breaking an event into small parts to increase drama; "Anticipation" – transferring events to the past or future). 7. "Deception" – creation of completely fictitious content. The study showed that the proposed patterns are universal conceptual tools for analyzing and classifying fake news. Their integration into machine learning systems allows to increase the accuracy of disinformation detection. The presented results are of significant practical importance for the development of algorithms to combat fake news and can be used by specialists in the field of data analysis, information security and media.

Keywords: fake news, manipulative content, disinformation, media communications, language models

Financial support: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 25-28-00051, <https://rscf.ru/project/25-28-00051>

For citation: Tkhorikov, B.A., Klimenko, V.A., Osadchaya, O.S., Matsepuro, D.M. & Trufanov, D.A. (2025) Conceptual templates for creating fake news. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 107–113. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/12

В пространстве современных политических исследований все более отчетливо прослеживается трансформация информационных потоков в инструмент стратегического влияния. Дезинформационные конструкции, маскирующиеся под новостной контент, перестали быть просто элементом медиасреды. Они превратились в действенный механизм переформатирования политической реальности [1]. Их воздействие на общественное сознание приобретает системный характер, формируя искусственные повестки и перекраивая традиционные модели восприятия власти.

Современные платформы социального взаимодействия создали идеальные условия для экспоненциального роста фальсифицированных сообщений. Алгоритмическая логика цифровых медиа, основанная на принципах вовлеченности и эмоционального резонанса, непреднамеренно стала катализатором распространения деструктивного контента [2]. Парадоксальным образом, именно высокая скорость генерации и вариативность фейковых нарративов обеспечивают их устойчивость в информационном поле: они не просто адаптируются к когнитивным особенностям аудитории, но и активно используют эти особенности для усиления воздействия [3].

Технологизация производства дезинформации достигла уровня, когда стандартизированные шаблоны контента позволяют создавать убедительные фальсификации практически в промышленных масштабах [4]. Отдельные ресурсы используют модульные системы публикаций, где замена ключевых элементов превращает один базовый сюжет в десятки вариативных сообщений [5]. Более того, применение генеративных нейросетевых моделей привело к появлению текстовых конструкций, практически неотличимых от материалов профессиональных СМИ, что радикально усложняет процедуры верификации [6].

Разработка комплексных методов идентификации искусственных нарративов представляет собой не только академический интерес, но и насущную потребность политической практики. Создание эффективных инструментов деконструкции дезинформационных стратегий может стать важным фактором сохранения целостности публичного пространства и защиты институционального доверия.

Несмотря на значительный массив научных работ, посвященных феномену фейковых новостей, систематизация их структурных особенностей остается фрагментарной. Отсутствие унифицированной типологии дезинформационных конструкций во многом обусловлено их смысловой полиморфностью [7]. Примечательно, что большинство исследований акцентируют внимание на социальных последствиях распространения фальсификаций, оставляя в тени анализ их архитектуры и семиотических механизмов [8].

В этом контексте особую ценность приобретают работы, выявляющие устойчивые маркеры дезинформации через призму лингвистического анализа, визуальной семиотики и информационных технологий. Так, ряд исследований демонстрирует эффективность выявления шаблонных структур через анализ композиционных особенностей текста [9], тогда как другие фокусируются на распознавании повторяющихся паттернов в мультимодальных сообщениях, где текст и изображение образуют единый манипулятивный комплекс [10].

Кроме того, как показано в работе [11], применение крупномасштабных визуально-языковых моделей (LVLM) позволяет достичь высокой точности анализа мультимодального контента. Эти модели, интегрируя текстовые и визуальные признаки, демонстрируют около 80% точности, а использование метода Chain of Thought (CoT) дополнительно повышает этот показатель на 7%.

Развивая это направление, исследователи [12] предлагают гибридный подход, сочетающий CNN-LSTM архитектуры с методами объяснимого ИИ. Особенно важно, что данный метод не только показывает исключительную точность (99% на стандартных датасетах), но и обеспечивает прозрачность принятия решений через визуализацию ключевых текстовых фрагментов.

В этом же контексте находится исследование [13], где графовые нейронные сети применяются для мультимодального анализа. Предложенное решение отличается не только высокой эффективностью (95,8% для Twitter и 88,9% для Weibo), но и существенной экономией вычислительных ресурсов, что делает его перспективным для практического применения.

Не менее важным аспектом, как отмечается в работе [14], является интерпретируемость результатов. Использование методов объяснимого ИИ позволяет не только выявлять фейковые материалы, но и понимать логику их построения, что открывает новые возможности для систематизации структурных элементов дезинформации.

Таким образом, современные технологии демонстрируют значительный потенциал в борьбе с фейковыми новостями. Комплексный анализ текстовых и визуальных признаков, дополненный методами объяснимого ИИ, создает прочную основу для разработки эффективных систем обнаружения дезинформации. Дальнейшее развитие этого направления, включая исследование структурных шаблонов фейков, позволит создать более точные и устойчивые методы защиты информационного пространства. Исходя из этого, была выдвинута *исследовательская гипотеза* о том, что при анализе массива фейковых материалов можно выявить типовое применение общих элементов при их создании, включающих текстовые материалы, визуальную семиотику, варианты интерпретации контента и возникающие импликации, а также использование эмоциональных и рациональных триггеров, что позволит разработать систематизированную классификацию инструментальных шаблонов создания фейковых новостей. Также сформулирована *цель работы*, заключающаяся в определении ключевых шаблонов фейковых новостей и описании их структуры.

Материалы и методы

В основу разрабатываемой системы шаблонов создания фейковых новостей положена работа профессора Колумбийского университета Якоба Голденберга [15], адаптированная с помощью метода аналогий на основе обработки 387 фейковых материалов, размещенных в телеграм-канале «Война с фейками» (<https://t.me/warfakes>) в период 01.11.2024–25.12.2024.

Систематизация фейков осуществлялась с помощью когнитивной логической обработки, при которой каждая новость анализировалась на предмет соответствия одному или нескольким шаблонам. Методология включала этапы абстрагирования ключевых элементов контента, логический разбор структуры и содержания, а также индуктивное и дедуктивное сопоставление с уже известными шаблонами. Это позволило выделить типичные паттерны и создать адаптированные шаблоны, отражающие современные манипулятивные стратегии.

С учетом технических ограничений исследовательского коллектива в подготовке датасета для обучения нейросети первичная валидизация разработанных шаблонов проводилась с помощью социологических методов. В период 26.12.2024 – 28.12.2024 на базе ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)» тридцать случайно отобранных участников наблюдения в возрасте 19–35 лет оценивали каждый из формализованных шаблонов. Для этого им предлагалось изучить на экране монитора фейковую новость и

описание шаблона, по которому она разработана. Затем по пятибалльной шкале оценить, насколько фейковая новость укладывается в соответствующий шаблон, где 5 – полностью укладывается и может быть объяснена по шаблону, 0 – абсолютно не соответствует шаблону. Внутренняя согласованность ответов осуществлялась с помощью коэффициента альфа Кронбаха.

Для пилотного исследования было выбрано 30 участников в возрасте 19–35 лет, что обусловлено несколькими факторами. Во-первых, данная возрастная группа представляет собой наиболее активных пользователей цифровых технологий, подвергающихся влиянию фейковых новостей. Это делает их подходящей выборкой для анализа восприятия и оценки предложенных шаблонов. Во-вторых, размер выборки, хотя и небольшой, является допустимым для пилотного изучения, целью которого является предварительное тестирование методов и инструментов перед проведением более масштабного исследования.

Результаты

Использование реальных примеров позволило подтвердить гипотезу о шаблонности подготовки фейков, как и рекламных материалов. По ряду классификационных признаков они достаточно легко описывались существующими шаблонами, а их вариации помогли уточнить классификацию Якоба Голденберга. Анализ контента показал, как манипуляции с визуальными образами, гиперболизация ситуаций и создание ложных логических связей становятся мощными инструментами манипуляционного воздействия на общественные настроения и действия. Это позволило выделить типичные паттерны и создать адаптированные шаблоны, отражающие современные манипулятивные стратегии (табл. 1).

Таким образом, подготовленная классификация шаблонных решений представляет собой не только научный интерес, но и практическое руководство для понимания и совершенствования противодействия информационным манипуляциям. Данные шаблоны могут быть интегрированы в алгоритмы машинного обучения, предоставляя им четкие критерии для классификации и идентификации фейковых новостей. Чтобы уловить семантику и представления текста на синтаксическом уровне, из входного текста будут извлекать соответствующие контекстно-зависимые представления токенов, а также совокупное текстовое представление, используя предварительно обученную двунаправленную модель представления кодировщика из трансформеров (BERT) [16] в качестве языковой модели (LM). В дальнейших исследованиях будет подготовлен соответствующим образом размеченный датасет из текстовых и визуальных примеров фейковых новостей, структурированных по шаблонам.

Первичная валидизация пригодности разработанных шаблонов для обучения нейросети проводилась путем оценки возможности описания реальных дезинформирующих материалов с их помощью. На рис. 1 приведен пример задания оценки шаблона 3.1 «Общие проблемы».

Аналогичным образом участники опроса оценили все 15 шаблонов. Результаты опроса в обобщенном виде представлены в табл. 2. С помощью компьютерной программы для статистической обработки данных SPSS (Statistical Package for the Social Sciences) было установлено, что результаты исследования имеют вы-

сокую внутреннюю согласованность оценок соответствия фейковых новостей предложенным шаблонам (коэффициент альфа Кронбаха $\approx 0,89$), что косвенно свидетельствует о надежности разработанного инструмента оценки и предварительно подтверждает концептуальную валидность шаблонов.

Таблица 1

Концептуальные шаблоны для создания фейковых новостей

Наименование шаблона	Вариации шаблона	Условные примеры
1. «Образная аналогия» – использование визуальной семиотики (символов, связанных с ситуацией, персоной, объектом) для создания необычных образов	1.1. «Замещение» – один элемент ситуации (персоны, объекта) заменяется визуально схожим символом	Использование изображения политического лидера в форме животного
	1.2. «Упрощение» – один элемент конкретной ситуации (персоны, объекта) или их известных аналогий предельно утрируется (упрощается)	Изображение городов, уничтоженных ядерными взрывами
2. «Преувеличенная ситуация» – гипертрофирование определенных свойств (проявлений) ситуации (персоны, объекта)	2.1. «Нелепость» – демонстрация нереалистичной, но визуально впечатляющей альтернативы текущей ситуации (персоне, объекту). Предложение абсурдных (популистских) решений проблемы	«Нужно носить скафандры из-за загрязнения воздуха»
	2.2. «Акцентированность» – преувеличение одного свойства ситуации (персоны, объекта), значимости события или проблемы	«Все жители города заболели из-за новой вакцины»
3. «Последствия» – стимулирование негативного представления своего и общего будущего на основании единичных фактов	3.1. «Общие проблемы» – преувеличенные негативные последствия для общества, которые усиливают внимание к текущему состоянию ситуации, объекта или действиям персоны	«Если вы не проголосуете сейчас – потом будет поздно»
	3.2. «Инверсионные проблемы» – демонстрация негативных последствий при отказе от предлагаемых решений	«Отказ от этого лекарства приведет к эпидемии»
4. «Конкуренция» – конкретной ситуации (персоне, объекту) противопоставляется другая, реально существующая и обладающая лучшими характеристиками, по мнению целевых аудиторий	4.1. «Атрибутивная конкуренция» – демонстрация отдельной слабости (уязвимости) ситуации (персоны, объекта) в сравнении с чем-то (кем-то) реально существующим	«Этот политик спасет страну, а его оппонент довел бы до кризиса»
	4.2. «Альтернативная конкуренция» – демонстрация отдельной слабости (уязвимости) ситуации (персоны, объекта) путем сравнения с чем-то вымышленным или в альтернативных условиях	«Эти технологии смогут читать ваши мысли»
5. «Интерактивное вовлечение» – побуждение аудитории к определенным действиям через интерактивные элементы	5.1. «Призыв» – прямой призыв к простому действию с помощью демонстрации эмоционального контента	«Ваш холодильник следит за вами! Эксперты выяснили, что современные холодильники собирают информацию о продуктах и отправляют данные производителям. Проверьте его настройки сейчас и защитите свою семью от слежки!»
	5.2. «Соучастие» – подталкивание к мысленному участию в чем-либо или сочувствию (одобрению) действий других с помощью утверждений о неотвратимости наступления негативных последствий	«Представьте, что завтра отключат электричество навсегда – вы готовы?»
6. «Нарушение логики» – искаженная интерпретация временных, пространственных и иных аспектов окружающего мира с помощью нарушений основных законов и правил логики для создания ложных (манипулятивных) выводов	6.1. «Сложение» – объединение разрозненных (несвязанных) явлений (событий, людей, объектов)	«Ученые обнаружили, что употребление кофе связано с глобальным потеплением: миллионы людей ежедневно выпивают кофе, а кофейные отходы якобы усиливают выбросы углерода, что напрямую влияет на климатические изменения. Одновременно рост цен на кофе вызывает недовольство у фермеров, что приводит к экономическому кризису в сельских регионах».
	6.2. «Умножение» – преувеличение масштабов проблемы	«Опасный вирус атакует людей через банкоматы: за последние сутки зафиксировано уже десятки тысяч случаев заражения после снятия наличных»
	6.3. «Деление» – разделение незначительных событий на части для подчеркивания деталей	«Поезд опять опоздал на 10 минут, а это – четвертая техническая задержка за месяц! У кого-то срываются важные встречи, кто-то пропускает экзамены, а у пожилых людей поднимается давление из-за стресса. Очередное доказательство неспособности железных дорог обеспечить безопасность и точность движения!»
	6.4. «Предвосхищение» – перенос событий в прошлое или будущее	«Экономисты уже предупреждали, что в 2030 году цены на хлеб могут вырасти в 5 раз из-за решений правительства по налогам».
7. «Обман» – создание полностью вымышленного контента, в том числе с помощью нейросетей		«Россия нанесла удар ядерным оружием. Смотрите видео»

☹️ После обвала импорта обуви в России резко увеличился спрос на валенки

Продажи **выросли** на 27,6%, а за год на них потратили рекордные 2,41 млрд рублей. Причина проста: импорт зарубежной обуви рухнул на 37% из-за санкций и сложностей с оплатой через иностранные банки.

t.me/chtddd/81094 79.5K 👁 Dec 15 at 09:06

«Общие проблемы» – преувеличенные негативные последствия для общества, которые усиливают внимание к текущему состоянию ситуации, объекта или действиям персоны

Насколько фейковая новость укладывается в описанный шаблон?
5 – полностью укладывается, 0 – абсолютно не соответствует шаблону

Рис. 1. Пример задания для опроса

Таблица 2

Результаты оценки валидации шаблонов

ID	Шаблоны создания фейкового контента														
	1.1	1.2	2.1	2.2	3.1	3.2	4.1	4.2	5.1	5.2	6.1	6.2	6.3	6.4	7
1	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	3	3	5
2	5	5	5	5	5	5	4	4	5	5	5	5	5	5	5
3	5	5	4	4	3	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
4	5	5	5	5	5	5	3	3	5	5	4	4	4	4	5
5	5	5	5	5	5	5	3	3	5	5	5	5	5	5	5
6	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
7	5	5	4	4	5	5	4	4	5	5	5	4	4	4	5
8	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
9	5	5	5	5	5	5	5	3	5	5	5	5	5	5	5
10	5	5	4	4	5	5	3	3	5	5	4	4	4	4	5
11	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
12	5	5	4	4	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
13	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	4	4	4	4	5
14	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
15	5	5	5	5	4	4	3	3	4	4	4	4	4	4	5
16	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
17	5	5	5	5	5	5	3	4	3	3	5	5	5	5	5
18	5	5	5	5	5	5	5	4	5	5	5	5	3	4	5
19	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
20	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
21	5	5	5	5	5	5	4	4	5	5	5	5	5	5	5
22	5	5	4	4	5	5	5	5	5	5	3	3	3	3	5
23	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
24	5	5	5	5	3	3	4	4	4	4	4	4	3	3	5
25	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
26	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
27	5	5	4	4	4	4	3	3	5	5	3	3	3	3	5
28	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
29	5	5	5	5	4	5	5	5	5	5	5	4	4	5	5
30	5	5	5	5	5	5	3	3	4	4	3	3	3	3	5

Полученные результаты требуют ряда пояснений из-за их ограничений. В частности, небольшой размер выборки снижает статистическую мощность исследования и ограничивает обобщение выводов на широкую

популяцию. Выбор участников исключительно из одной возрастной группы и одной образовательной среды снижает репрезентативность. Потенциальный эффект группы и отсутствие внешних валидирующих

данных ограничивают надежность полученных оценок. Поэтому их следует рассматривать в качестве промежуточных итогов для последующих исследований, которые будут выполняться нами далее.

Однако на текущем этапе исследования результат указывает на устойчивость инструмента оценки и подтверждает предварительную концептуальную валидность шаблонов. Высокая согласованность оценок респондентов предполагает, что шаблоны адекватно отражают характеристики фейковых новостей. Для дальнейшего подтверждения валидности требуются дополнительные исследования, включая контент-анализ, экспертные оценки и сравнение с существующими типологиями.

Обсуждение

Исследование показало, что фейковые новости формируются с использованием стандартизированных шаблонов, что позволяет быстро адаптировать контент под различные аудитории и платформы. Определенные шаблоны, такие как «Образная аналогия», «Преувеличенная ситуация» и «Последствия», выявляют общие манипулятивные стратегии, используемые для создания убедительных и привлекающих внимание материалов.

Проведенная первичная валидизация шаблонов с помощью социологического опроса продемонстрировала высокую степень согласованности оценок участников. Это подтверждает концептуальную валидность разработанных шаблонов и их пригодность для дальнейшего использования в системах автоматического распознавания дезинформации. Однако важно отметить, что небольшая выборка и ограниченная возрастная группа участников могут снизить обобщаемость результатов и требуют дальнейших итераций верификации.

Исследование также выявило необходимость расширения обучающих наборов данных (датасетов), включающих разнообразные примеры из различных регионов и культурных контекстов. Это позволит повысить точность и устойчивость моделей машинного

обучения в условиях современного информационного ландшафта.

Заключение

Результаты проведенного исследования вносят вклад в развитие политологии, расширяя понимание инструментария создания фейковых новостей как технологии политического влияния. Разработанная классификация фейковых новостей раскрывает системные механизмы их производства и распространения, что имеет ключевое значение для анализа современных политических коммуникаций, изучения манипулятивных практик и трансформации публичного пространства.

Особую ценность для политических исследований представляет демонстрация эффективности междисциплинарного подхода, объединяющего методы анализа рекламных технологий, семиотики и компьютерной лингвистики. Такой синтез позволяет не только адаптировать существующие исследовательские методики к изучению политических фейков, но и разрабатывать новые концептуальные рамки для анализа информационных войн, электоральных манипуляций и кризисов легитимности.

Практическая значимость исследования заключается в создании инструментария для выявления политически мотивированной дезинформации. Предложенные шаблоны могут быть интегрированы в системы мониторинга медиапространства, что особенно актуально в условиях гибридных конфликтов и возрастающей роли цифровых платформ в политической мобилизации. Разработка подобных решений способствует укреплению информационной безопасности государства, противодействию внешнему вмешательству в политические процессы и сохранению стабильности демократических институтов.

Таким образом, исследование открывает новые перспективы для изучения фейковых новостей как элемента политической борьбы, предлагая как теоретические, так и прикладные инструменты для анализа и нейтрализации этого феномена в контексте современных вызовов политике.

Список источников

1. Lazer D.M.J. et al. The science of fake news // *Science*. 2018. Vol. 359, № 6380. P. 1094–1096. doi: 10.1126/science.aao2998
2. Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online // *Science*. 2018. Vol. 359, № 6380. P. 1146–1151. doi: 10.1126/science.aap9559
3. Pennycook G., Rand D.G. Fighting misinformation on social media using crowdsourced judgments of news source quality // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2019. Vol. 116, № 7. P. 2521–2526.
4. Shu K. et al. Fake news detection on social media: A data mining perspective // *ACM SIGKDD explorations newsletter*. 2017. Vol. 19. № 1. P. 22–36. doi: 10.1145/3137597.3137600
5. Ruiz J.M.G. Discerning disinformation through design: Exploring fake news website design patterns // *The Asian Conference on Media, Communication & Film*. 2018. URL: <https://papers.iafor.org/submission42587/>
6. Wang W.Y., Chang Y.C., Peng W.C. Style-News: Incorporating Stylized News Generation and Adversarial Verification for Neural Fake News Detection // *arXiv preprint arXiv:2401.15509*. 2024.
7. Tandoc Jr E.C., Lim Z.W., Ling R. Defining «fake news» A typology of scholarly definitions // *Digital journalism*. 2018. Vol. 6, № 2. P. 137–153.
8. Pennycook G., Rand D.G. Fighting misinformation on social media using crowdsourced judgments of news source quality // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2019. Vol. 116, № 7. P. 2521–2526.
9. Wu J. et al. Prompt-and-align: prompt-based social alignment for few-shot fake news detection // *Proceedings of the 32nd ACM International Conference on Information and Knowledge Management*. 2023. P. 2726–2736.
10. Guo H. et al. Each Fake News is Fake in its Own Way: An Attribution Multi-Granularity Benchmark for Multimodal Fake News Detection // *arXiv preprint arXiv:2412.14686*. 2024.
11. Jin R. et al. Fake News Detection and Manipulation Reasoning via Large Vision-Language Models // *arXiv preprint arXiv:2407.02042*. 2024.
12. Hashmi E. et al. Advancing Fake News Detection: Hybrid Deep Learning With Fast Text and Explainable AI. // *IEEE Access*. 2024. Vol. 12. P. 44462–44480. doi: 10.1109/access.2024.3381038

13. Dhawan M. et al. Game-on: Graph attention network based multimodal fusion for fake news detection // *Social Network Analysis and Mining*. 2024. Vol. 14. Art. No. 114. doi: 10.1007/s13278-024-01271-4
14. Giri M., Eswaran S., Honnavalli P. Automated and Interpretable Fake News Detection With Explainable Artificial Intelligence // *Journal of Applied Security Research*. 2024. Vol. 19, Is. 4. P. 628–648. doi: 10.1080/19361610.2024.2356431
15. Goldenberg J., Mazursky D., Solomon S. The fundamental templates of quality ads // *Marketing science*. 1999. Vol. 18, № 3. P. 333–351. doi: 10.1287/mksc.18.3.333
16. Devlin J., Chang M.W., Lee K., Toutanova K. Bert: pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding. 2018. arXiv preprint arXiv:1810.04805.

References

1. Lazer, D.M.J. et al. (2018) The science of fake news. *Science*. 359 (6380). pp. 1094–1096. doi: 10.1126/science.aao2998
2. Vosoughi, S., Roy, D. & Aral, S. (2018) The spread of true and false news online. *Science*. 359 (6380). pp. 1146–1151. doi: 10.1126/science.aap9559
3. Pennycook, G. & Rand, D.G. (2019) Fighting misinformation on social media using crowdsourced judgments of news source quality. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 116 (7). pp. 2521–2526.
4. Shu, K. et al. (2017) Fake news detection on social media: A data mining perspective. *ACM SIGKDD Explorations Newsletter*. 19 (1). pp. 22–36. doi: 10.1145/3137597.3137600
5. Ruiz, J.M.G. (2018) Discerning disinformation through design: Exploring fake news website design patterns. *The Asian Conference on Media, Communication & Film*. [Online] Available from: <https://papers.iafor.org/submission42587/> (Accessed: 25.05.2024).
6. Wang, W.Y., Chang, Y.C. & Peng, W.C. (2024) Style-News: Incorporating Stylized News Generation and Adversarial Verification for Neural Fake News Detection. *arXiv preprint arXiv:2401.15509*. [Online] Available from: <https://arxiv.org/abs/2401.15509> (Accessed: 25.05.2024).
7. Tandoc, E.C., Lim, Z.W. & Ling, R. (2018) Defining "fake news": A typology of scholarly definitions. *Digital Journalism*. 6 (2). pp. 137–153.
8. Pennycook, G. & Rand, D.G. (2019) Fighting misinformation on social media using crowdsourced judgments of news source quality. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 116 (7). pp. 2521–2526.
9. Wu, J. et al. (2023) Prompt-and-align: prompt-based social alignment for few-shot fake news detection. *Proceedings of the 32nd ACM International Conference on Information and Knowledge Management*. pp. 2726–2736.
10. Guo, H. et al. (2024) Each Fake News is Fake in its Own Way: An Attribution Multi-Granularity Benchmark for Multimodal Fake News Detection. *arXiv preprint arXiv:2412.14686*. [Online] Available from: <https://arxiv.org/abs/2412.14686> (Accessed: 25.05.2024).
11. Jin, R. et al. (2024) Fake News Detection and Manipulation Reasoning via Large Vision-Language Models. *arXiv preprint arXiv:2407.02042*. [Online] Available from: <https://arxiv.org/abs/2407.02042> (Accessed: 25.05.2024).
12. Hashmi, E. et al. (2024) Advancing Fake News Detection: Hybrid Deep Learning With Fast Text and Explainable AI. *IEEE Access*. 12. pp. 44462–44480. doi: 10.1109/ACCESS.2024.3381038
13. Dhawan, M. et al. (2024) Game-on: Graph attention network based multimodal fusion for fake news detection. *Social Network Analysis and Mining*. 14. Art. No. 114. doi: 10.1007/s13278-024-01271-4
14. Giri, M., Eswaran, S. & Honnavalli, P. (2024) Automated and Interpretable Fake News Detection With Explainable Artificial Intelligence. *Journal of Applied Security Research*. 19 (4). pp. 628–648. doi: 10.1080/19361610.2024.2356431
15. Goldenberg, J., Mazursky, D. & Solomon, S. (1999) The fundamental templates of quality ads. *Marketing Science*. 18 (3). pp. 333–351. doi: 10.1287/mksc.18.3.333
16. Devlin, J., Chang, M.W., Lee, K. & Toutanova, K. (2018) BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding. *arXiv preprint arXiv:1810.04805*. [Online] Available from: <https://arxiv.org/abs/1810.04805> (Accessed: 25.05.2024).

Информация об авторах:

Тхоригов Б.А. – д-р экон. наук, зав. кафедрой сервисных технологий и бизнес-процессов Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (Москва, Россия). E-mail: tkhorikov-ba@rguk.ru

Клименко В.А. – канд. техн. наук, канд. психол. наук, директор Сибирского центра дизайна Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: klimenko@siberia.design

Осадчая О.С. – канд. экон. наук, старший преподаватель кафедры сервисных технологий и бизнес-процессов Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (Москва, Россия). E-mail: osadchaya-os@rguk.ru

Мацепуро Д.М. – канд. ист. наук, директор Центра науки и этики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: daria.matsepuro@mail.tsu.ru

Труфанов Д.А. – магистрант института прикладной математики и компьютерных наук, специалист Сибирского (Томского) центра изучения искусственного интеллекта и цифровых технологий Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: david.trufanov@siberianai.tsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

B.A. Tkhorikov, Dr. Sci. (Economics), head of the Department of Service Technologies and Business Processes, The Kosygin State University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: tkhorikov-ba@rguk.ru.

V.A. Klimenko, Cand. Sci. (Engineering), Cand. Sci. (Psychology), director of the Siberian Design Center, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: klimenko@siberia.design

O.S. Osadchaya, Cand. Sci. (Economics), senior lecturer, The Kosygin State University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: osadchaya-os@rguk.ru

D.M. Matsepuro, Cand. Sci. (History), director of the Centre for Science and Ethics, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: daria.matsepuro@mail.tsu.ru

D.A. Trufanov, master's student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: david.trufanov@siberianai.tsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.01.2025;
одобрена после рецензирования 17.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 21.01.2025;
approved after reviewing 17.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 008 + 94(47).084.9
doi: 10.17223/15617793/515/13

Новые подходы к проектированию кладбищ и поиск новых форм траурной обрядности в СССР в послевоенный период

Татьяна Павловна Назарова¹

¹ Волгоградский государственный аграрный университет, Волгоград, Россия, hist_tatyana@mail.ru

Аннотация. Выявлены новые подходы к проектированию кладбищ после Великой Отечественной войны. Отмечается, что с 1946 г. власть отошла от утилитарного подхода к кладбищам и стала рассматривать их как площадку для внедрения социалистической обрядности. Разработка светского траурного ритуала затянулась до 1979 г. Намного быстрее были внедрены новые подходы к проектированию кладбищ, которые теперь должны были иметь новые типы моральной архитектуры, пришедшие на смену кладбищенским церквям.

Ключевые слова: кладбище, похоронное дело, социалистическая траурная обрядность, советская идеология, павильоны траурных собраний, Мортуарий

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20304, <https://rscf.ru/project/24-28-20304/> и при поддержке Комитета экономической политики и развития Волгоградской области.

Для цитирования: Назарова Т.П. Новые подходы к проектированию кладбищ и поиск новых форм траурной обрядности в СССР в послевоенный период // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 114–121. doi: 10.17223/15617793/515/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/13

New approaches to cemetery design and the search for new forms of funeral rites in the USSR in the post-war period

Tatyana P. Nazarova¹

¹ Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russian Federation, hist_tatyana@mail.ru

Abstract. The aim of the study is to identify new approaches to cemetery design in the USSR in the post-war period. The transformation of government policy in the field of funeral business and mourning rites is traced; periods and new directions in it are determined. The author analyzed regulatory documents (instructions, provisions) and standard projects regulating the construction and operation of cemeteries after 1945, conducted field research with visits to cemeteries, photographing surviving examples of Soviet mortal architecture. The Great Patriotic War had a strong impact on the funeral industry in the USSR in several aspects: (1) comprehensive measures were taken to improve cemeteries and restore order in the funeral industry; (2) the process of creating specialized trusts and bureaus throughout the country that dealt with all issues related to burials was accelerated; (3) military burials were placed under special control, and standard monuments for individual and mass graves of military personnel and partisans were developed; (4) the very concept of the arrangement of civil cemeteries, where war veterans were also buried, was revised. The study concluded that since 1946 the authorities had moved away from the utilitarian approach to cemeteries and began to view them as a platform for the introduction of socialist rituals. It is noted that, despite all the efforts and a large number of instructions adopted during this period, the funeral rite remained the least developed and "problematic", which is largely due to the fact that the attitude towards death in society and traditional burial practices remained the most conservative layer of culture. The development of a secular funeral ritual dragged on until 1979. Much faster, new approaches to the design of cemeteries were introduced, which now had to have central courtyards and wide alleys for funeral processions, new types of mortal architecture (pavilions for funeral meetings, funeral sites, halls for farewell ceremonies, Houses of Mourning), which replaced cemetery churches. In the development of new approaches to cemetery design, the period 1946–1956 should be highlighted, when the first pavilions for funeral assemblies (mortuaries) in the architectural style of the "Stalinist Empire" and externally similar to temples and pantheons were developed and implemented. They were supposed to have a burial rite that had common features with the Christian requiem and national traditions, but in a socialist performance. For the first time, the author identified two more Mortuaries in addition to the Volzhsky, the most famous (the only one to have survived): in Moscow, at the Kuzminsk

and Golovlevsk cemeteries (which did not survive). All three Mortuaries were built between 1949 and 1956. It was proven that Mortuaries did not become widespread because during the next period of the Khrushchev thaw and the Brezhnev era, from 1957 onwards, more utilitarian mourning sites began to be introduced en masse, for which the farewell ceremony was supposed to be simpler.

Keywords: cemetery, funeral business, socialist funeral rites, Soviet ideology, pavilions of mourning meetings, mortuary

Financial support: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-20304, <https://rscf.ru/en/project/24-28-20304>, and with the support of the Committee on Economic Policy and Development of the Volgograd region.

For citation: Nazarova, T.P. (2025) New approaches to cemetery design and the search for new forms of funeral rites in the USSR in the post-war period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 114–121. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/13

Введение

Великая Отечественная война вновь актуализировала проблему, связанную с формированием гражданского похоронного обряда, учитывая масштаб трагедии, количество гражданских и военных потерь, необходимость перезахоронения большого количества могил, созданных в нарушении санитарных норм в условиях боевых действий. Обычно в научных исследованиях, посвященных советской похоронной культуре, влияние войны в этой сфере сводится исключительно к вопросам санитарной обработки и очистки освобожденных территорий от трупов, перезахоронений, приведению в порядок воинских захоронений. Мало внимания обращается на то, что именно после войны изменились подходы к проектированию кладбищ и вновь (после неудачи внедрения «красных похорон» в 1920-е гг.) начались поиски новых форм траурной обрядности в СССР как альтернативы религиозному погребению. Под новые обрядовые формы проектировались новые кладбища, создавалась особая моральная (кладбищенская) архитектура, менялись должностные инструкции работников похоронных бюро. Если до войны, к обустройству кладбищ предъявлялись исключительно санитарные требования и регламентировались только размеры могил, участков, расстояние от жилых строений, то после войны в требованиях к проектированию кладбищ появились перечни обязательных элементов, связанных с ритуальной частью и идеологическим наполнением. Учитывая то, что полноценный ритуал светских похорон окончательно сложился лишь в брежневскую эпоху и был подробно регламентирован только в Инструкции о порядке похорон и содержании кладбищ в РСФСР 1979 г., то проекты обустройства кладбищ и инструкции за 1945–1979 гг. становятся важным источником по исследованию эволюции подхода власти к траурной обрядности.

Целью данного исследования является выявление новых подходов в проектировании кладбищ в СССР в послевоенный период. Это позволит проследить трансформацию политики власти в области похоронного дела и траурной обрядности, выделить в ней периоды и новые направления. В работе представлена концепция о том, что во время и сразу после войны в политике в области организации похорон, регулирования устройства кладбищ наметились гуманистические и демократические тенденции. Они были направ-

лены, с одной стороны, на создание новой траурной социалистической обрядности, но в синкретическом единстве с традиционными и религиозными ритуалами, а с другой стороны, на превращение кладбищ в часть культурного пространства социалистического города, что отвечало интересам общества. Это новый подход в изучении данной проблематики, так как позволяет отказаться от одностороннего рассмотрения государственного администрирования похоронного дела в СССР как насильственного акта по насаждению социалистической обрядности в ущерб интересам и пожеланиям людей.

Проблема особенностей проектирования кладбища в СССР не стала предметом исторических исследований, изучалась лишь архитекторами, которых интересовали исключительно инженерные и строительные аспекты. Государственная политика в области гражданской траурной обрядности в послевоенный период остается также малоисследованной темой в отличие от изучения первых десятилетий советской власти, когда шло активное насаждение «красных обрядов» и насильственное вытеснение религиозных ритуалов. П. Кампарс и Н. Закович представили классификацию обрядов и праздников с точки зрения идеологии «развитого социализма», отметив, что интерес власти к траурным обрядам появился лишь в конце 1950-х гг. [1. С. 26]. Во многих современных работах часто цитируется книга «Социалистическая обрядность» (1985 г.), где есть отдельный раздел о похоронах, но ее следует рассматривать, скорее, как источник, а не научное исследование, она служила справочным пособием для работников ритуальной сферы [2]. Для данной статьи имеет важное значение отечественное исследование А.Л. Тавровского, М.Ю. Лимонад и Д.Н. Беньямовского (1985 г.), посвященное траурной советской архитектуре и ставшее уже классикой в этой области [3]. Работа имела исключительно практическую направленность, служила пособием для архитекторов, поэтому не содержала в себе аналитического материала. Авторы постарались перечислить все известные им траурные площадки, павильоны для прощания, Дома траура и крематории, но, к сожалению, в книге по какой-то причине не упоминается волжский Мортуарий (хотя он был самым крупным среди траурных павильонов), а история проектирования подобных сооружений в СССР начинается лишь с 1957 г., что не совпадает с нашими данными.

Один из авторов, А.Л. Тавровский, стоял у истоков траурной архитектуры в послевоенном СССР и был разработчиком первых типовых проектов траурных павильонов.

В современной отечественной и зарубежной литературе так называемые *death studies* получили широкое распространение и приобрели актуальность. Среди них есть пласт исследований, изучающий феномен советской смерти и государственную политику по регулированию похоронной сферы и траурной обрядности. В современных работах, посвященных проблемам организации похорон в СССР, утвердилась точка зрения о том, что лишь с конца 1950-х – начала 1960-х гг. стала формироваться новая социалистическая обрядность, включая траурную [4–6]. Однако в этих исследованиях нет информации о появлении новой смертной архитектуры на советских кладбищах, изучение которой, на наш взгляд, помогает датировать изменение подходов власти в похоронной обрядности в более ранний период. Авторы прежде всего обращают внимание на насильственный характер насаждения новой советской идентичности, в том числе через внедрение социалистической обрядности, которая должна была вытеснить религиозную и традиционную обрядовую культуру. Поэтому подавляющая часть работ по похоронной культуре СССР касалась 1920–1930-х гг., когда наиболее ярко проявилось столкновение двух типов обрядности – социалистической и религиозной.

Большой вклад в изучение советской политики в области похоронного дела внесла А. Соколова, правда, в основном ее работы касались довоенного и современного периода [6–9]. Она подробно проанализировала управление, организацию и экономику похоронного дела. Она пришла к выводу, что идеология большевиков при практическом воплощении встречала препятствия, в том числе в похоронном вопросе, и новой власти приходилось абсорбировать и приспособлять под свои нужды старые институты и практики.

Монография С. Мохова «Рождение и смерть похоронной индустрии» [10] описывала похоронное дело от Средневековья до современности, обращаясь к советскому/российскому опыту лишь наряду с примерами других стран и эпох. Важный вклад в изучении проблематики внесла монография С. Малышевой [11]. В данной работе впервые история советской смерти в XX в. рассматривается во всей ее полноте, а не в отдельных ее аспектах, как у других исследователей. С. Малышева пришла к выводу, что «все большая приватность смертных практик», пришедшая к концу XX в. на смену «публичной» смерти, насаждаемой большевиками, сигнализировала о возвращении на сцену традиционной культуры смерти, пережившей, впитавшей и переработавшей советские новации.

Проанализированная выше литература имеет ряд недостатков. Доминирует упрощенное понимание государственной политики в сфере погребальной обрядности и похоронного дела, предвзятость некоторых оценок для периода 1941–1991 гг., не учитываются новые более гуманистические и взвешенные подходы в организации похоронного дела, практически не иссле-

дованными остаются особенности советской смертной архитектуры, без изучения которых представления о ритуально-погребальной обрядности в СССР будут неполными. Выводы о равнодушном отношении к простым мертвым (не партийным деятелям) со стороны советской власти, ее цинизме и кощунстве («забвение могил»), массовой ликвидации дореволюционных кладбищ, второстепенности траурной обрядности по сравнению с торжественной, праздничной в системе социалистической культуры 1920–1930-х гг. автоматически переносятся и на вторую половину XX в. Как отечественная, так и зарубежная литература страдают существенным перекосом в изучении государственного администрирования похоронного дела в довоенный период.

Новые подходы к обустройству кладбищ в 1940-е гг.

Великая Отечественная война оказала сильное влияние на похоронную сферу в СССР в нескольких аспектах: 1) были приняты комплексные меры по благоустройству кладбищ и наведению порядка в похоронной отрасли; 2) ускорился процесс создания по всей стране специализированных трестов и бюро, которые занимались всеми вопросами, связанными с захоронениями; 3) под особый контроль поставлены воинские захоронения, разработаны типовые памятники для индивидуальных и братских могил военных и партизан; 4) но, самое главное, пристальное внимание власти к воинским захоронениям рано или поздно должно было заставить пересмотреть саму концепцию устройства гражданских кладбищ, на которых также хоронили участников войны. Возникла необходимость в разработке новых проектов кладбищ, в которых отошли от утилитарных представлений о некрополе как обычном участке земли, строго поделенном на могилы согласно санитарным нормам, где есть только ограда, морг, сарай и сторожка. Мемориально-погребальные практики, посвященные отдаванию последнего долга павшим бойцам Красной армии, требовали особого устройства не только военного, но и гражданского кладбища – нужна была широкая аллея для похоронной процессии, особая смертная архитектура для церемоний прощания, которая бы усиливала патриотические чувства и гордость за страну и павших героев, победивших фашизм.

Главным документом, который регулировал похоронную сферу и после войны было Положение по организации похоронного дела в городах РСФСР (от 15 июля 1942 г.). Также продолжала действовать «Инструкция о порядке устройства, закрытия и ликвидации кладбищ и о порядке сноса надмогильных памятников» от 16 октября 1931 г. Согласно этим документам все руководство похоронным делом возлагалось на отделы коммунального хозяйства исполкомов местных советов. На каждом кладбище предусматривалось строительство моргов для хранения гробов с телами до захоронения.

В городах с населением свыше 200 тыс. человек должны были открыться тресты похоронного обслу-

живания, в городах с меньшей численностью населения действовали похоронные бюро. Эти тресты и бюро занимались перевозкой тел, подготовкой могил, захоронением, имели мастерские по изготовлению гробов и похоронных принадлежностей [12. Л. 3–4]. Как видим, никаких функций по организации ритуальной части прощания и организации похоронной процессии у трестов и бюро пока не было. В довоенный период и во время войны каких-либо документов, регламентирующих процедуру прощания с покойным, не было разработано (исключения составляли военные похороны), следовательно, граждане по-прежнему обращались к священникам для совершения обряда похорон или сами провожали покойника согласно установившейся традиции с приглашением родни и коллег, небольшими речами возле гроба и организацией поминок.

Основным направлением улучшения похоронного дела в послевоенный период стало открытие новых кладбищ, озеленение, восстановление оград, подъездных дорог, ремонт, строительство служебных и сторожевых помещений, устранение нарушений (выгула скота, наличие жилых построек). После разрушения кладбищенских церквей в 1930-е гг. единственным зданием на территории кладбища (помимо сарая и сторожки) оставался морг (покойническая), в котором был предусмотрен небольшой зал для прощания (иногда некоторые кладбищенские церкви перестраивали под покойнищие).

Но в 1946 г. Главное управление проектных организаций Министерства коммунального хозяйства РСФСР разработало «Основные положения по проектированию и строительству кладбищ в городах и поселках с населением от 10 до 100 тыс. чел.» (в самом тексте говорилось, что эти нормы могут использоваться и для городов свыше 100 тыс. человек при согласовании с органами здравоохранения) [12. Л. 7–10 об.]. На титульном листе положений стояла отметка, что они согласованы с Советом по делам Русской Православной церкви при СНК СССР, Советом по делам религиозных культов при СНК СССР и Главной Государственной Инспекцией НКЗ РСФСР (30 сентября 1944 г. и 6 ноября 1946 г.). Это уже говорило о том, что положение содержало не только санитарные требования и общие пункты по организации похорон и устройству кладбищ, как в прежних нормативных актах, но и описывало обрядовую сторону похорон. Дата согласования тоже важна – она свидетельствует о том, что разработка документа шла уже в период войны.

В этом Положении отмечалось, что каждое кладбище должно было строиться по специальному проекту планировки и благоустройства, которое утверждалось Исполкомом Горсовета депутатов трудящихся по представлению местного отдела по делам Архитектуры. На волне более либеральной линии государства в отношении верующих, возникшей в годы войны, в данном положении были отражены пункты, касающиеся строительства отдельных кладбищ по конфессиональному признаку (всех христиан на одном кладбище, а лиц нехристианского вероисповедания хо-

ронить на отдельном участке). В состав кладбищенского участка помимо собственно кладбища должны были входить: а) центральный двор для приема процессий, совершения панихид и обрядов прощания; б) хозяйственный двор со службами; в) цветочное, питомник растений, оранжерея и киоски для продажи цветов и растений; 4) мастерская и магазин памятников.

В этом документе впервые уделено внимание особенностям «архитектуры смерти» (для нее выделен целый раздел «Архитектурные требования к оформлению кладбищ»), которая должна быть «серьезной и вызывать чувство покоя». Должны быть въездные ворота и подъездная аллея, которая оканчивается небольшой площадкой 1000–3000 м² для последней остановки процессии и стоянки машин. На кладбище должны были обязательно быть следующие здания: помещение для приемки гробов или урн, павильон прощания (павильон траурных собраний), контора кладбища, жилой дом для сторожа с уборной и сараем, теплицы для цветов, сарай. Именно в этом разделе впервые в советских нормативных документах появляется такое кладбищенское здание, как павильон траурных собраний – его рекомендовано проектировать в одном здании с моргом (ледником). Как видим, уже перечислены не только сооружения исключительно утилитарного назначения, без которых функционирование кладбища невозможно, но и специальные траурные здания, несущие идеологическую нагрузку. В документе нет прямых указаний на характер траурного ритуала, но есть общие рекомендации к нему (чего не было в предыдущих нормативных актах): число провожавших в последний путь для знатных людей – до 500 чел., для граждан – до 50 чел., из расчета этих цифр строились широкие аллеи. Кладбище должно было иметь в центре 10–15% площади для могил «знатных людей» (так в тексте имелись в виду почетные захоронения) [12. Л. 9 об.–10].

Самих методических разработок по проведению ритуала захоронения еще не было разработано, но анализ проектных решений по кладбищенской архитектуре, принятых в 1947 г., позволяет сделать вывод, что погребальный ритуал становился более одухотворенным и трогательно-торжественным, имел много общего с религиозной панихидой. Следует отметить, что ни в одном нормативном документе, регулирующем похоронную отрасль, ни до войны, ни после не было запретов на установку крестов и проведение религиозных ритуалов прощания. Даже партийные работники понимали, что заменить церковные праздники социалистической обрядностью будет сложно. «У церкви как раз “обрядовая служба” стоит на высоте: прекрасная музыка, хор, великолепное убранство. Все это обладает огромным эмоциональным воздействием. [...] Что можем противопоставить религиозным праздникам мы? В настоящее время, к сожалению, мало», – отмечалось в одной из региональных комсомольских газет [13. С. 3]. Церковные обряды за много веков стали уже укоренившимися национальными традициями, важной частью культурного кода и менталитета рус-

ского народа. Поэтому при создании социалистической обрядности решили обратиться к опыту православной церкви – не придумывать новые формы, а перенять лучшие приемы эмоционального воздействия у церкви, поменяв в нем религиозное содержание на социалистическое. Тем более, что в годы Великой Отечественной войны произошло сближение власти и Православной церкви.

Для практической реализации архитектурных предписаний Основных положений 1946 г. Ленинградским филиалом Госинжгорпроекта в 1947 г. был разработан «Альбом типовых решений кладбищ, сооружений и памятников на них» [12. Л. 22–22 об.]. В нем впервые были разработаны типовые проекты траурных павильонов, что опровергает данные из работы А.Л. Тавровского о начале такого проектирования в 1957 г. [3. С. 22].

Со стороны Главного управления благоустройства МХК РСФСР к данным типовым проектам были серьезные замечания: а) представлено всего 7 решений для траурных павильонов – рекомендовано не менее 10; б) в одном из проектов сохранились кладовые – рекомендовано удалить служебные помещения из павильонов; в) отсутствуют указания о водоснабжении кладбищ; г) недостаточно примеров ограждений кладбищ; д) сохранено дерево как материал для ограждений; е) сохранен раздел «склепы» – надо убрать из альбома; ж) не разработаны фрагменты к памятникам на воинских могилах; з) мало примеров оформления могил-цветников; и) не учтены типы ценных в архитектурном плане и удачных решений уже существующих памятников; к) нет примеров типовой арматуры к уличному освещению; л) мало примеров типов урн и не учтены уже разработанные проекты урн МКХ. Замечания были и к словам «места для верующих», «иноверцы», «общегражданское кладбище». В постановлении Совета Министров РСФСР в сентябре 1947 г. «Об улучшении похоронного обслуживания в городах РСФСР» было принято решение издать альбом типовых проектов планировки кладбищ, памятников и кладбищенских сооружений до 1 мая 1948 г. [12. Л. 24]. Для того, чтобы все нововведения конца 1940-х гг. строго исполнялись, для контроля и наблюдения за состоянием похоронного обслуживания городов при Министерстве коммунального хозяйства РСФСР создавалась специальная Инспекция [12. Л. 23].

Как видим, эти архивные документы свидетельствуют о том, что сразу после окончания войны, в 1946–1947 гг. стали реализовываться новые подходы к обустройству кладбищ, включающие постройку специализированных павильонов для прощания на кладбищенской территории в центре, наличие широких аллей и дорожек для процессий и автостоянки, что само собой предполагало проведение какой-то прощальной церемонии с участием большого количества людей. Таким образом, если раньше планировка кладбищ диктовалась исключительно утилитарными и санитарными соображениями, то начиная с 1946 г. кладбище стало рассматриваться как площадка для внедрения социалистической обрядности и идеологического воздействия на массы.

Строительство мургуариев в СССР в конце 1940-х – 1957 гг.

К сожалению, найти следы «Альбома типовых решений кладбищ, сооружений и памятников на них» 1947 г. так и не получилось, но можно с уверенностью сказать, что он был издан и принят как руководство к действию – по нему в нескольких городах на новых кладбищах в конце 1940-х – 1957 гг. стали строиться новые образцы муртальной архитектуры, которых ранее не было – павильоны траурных собраний, имеющие исключительно ритуальную функцию и идеологическую нагрузку. Но этих павильонов траурных собраний успели построить мало (нам удалось найти только три). Это связано с тем, что они строились только в период между 1947 г. (когда впервые разрабатываются чертежи павильонов траурных собраний) до 1957 г. (новые типовые проекты Ленгипрокоммунстроя) и в хрущевскую оттепель были признаны неудавшимися, так как уже не соответствовали новым идеологическим веяниям. Интересно то, что проекты траурных павильонов уже разрабатывались и даже строились в 1950-е гг. (правда единичные), но самого обряда проведения торжественной панихиды внутри этого павильона еще разработано не было. Поэтому эти павильоны даже не использовались по назначению первые десять лет. Первые павильоны траурных собраний были построены на Головинском и Кузьминском кладбищах Москвы (по архивным данным, кладбища начали строиться в 1949 г. в соответствии с нормативными документами тех лет) [14. Л. 7–14]. На Кузьминском кладбище это здание вначале стало хозяйственной постройкой (рис. 1), в 1980-е гг. было разрушено и участок расчищен под новые могилы. Здание на Головинском кладбище стало сараем и в 1991 г. стало православным приходом.

Рис. 1. Павильон траурных собраний на Кузьминском кладбище в Москве. 1964 г. (фото с сайта pastvu.com/p/71321)

Единственно сохранившимся в неизменном виде на территории бывшего СССР павильоном траурных собраний, построенном по типовым проектам 1947 г., стал Мургуарий в городе Волжский Волгоградской области. Название «Мургуарий» дали этому зданию представители субкультур готов, сатанистов в 1980-е гг. после закрытия кладбища, но именно под этим названием

оно стало известно по всей России и вошло в реестр памятников культурного значения Волгоградской области. Нам впервые удалось найти документы по строительству Мортуария и доказать, что оно началось в 1955 г., а закончилось в августе 1958 г. [15. Л. 124; 16. Л. 44]. Таким образом, Волжский Мортуарий начинал строиться с учетом норм 1947–1948 гг., а был достроен, когда уже изменились требования к кладбищенским траурным зданиям, велась активная борьба с архитектурными излишествами и необходимости в таких торжественных и монументальных траурных павильонах, напоминающих римский пантеон, уже не было.

Внешне Мортуарий представляет из себя «П-образное» здание с колоннадой на прямоугольном стилобате; имеет массивную входную группу в виде двух симметричных построек с колоннадами. Восточный фасад центральной части здания оформлен в виде симметричного портика с парными колоннами и треугольным фронтоном с усеченными углами основания. Внутри портика расположен прямоугольный в плане постамент для гроба и кафедра, декорированные рядом лепных венков. К западной стене центральной части Мортуария прилегает апсида с прямоугольными дверными и оконными проемами. Фактически внешний вид здания напоминает пантеон или православный храм (тоже имеет апсиду) (см. рис. 2). Архитектурный стиль Мортуария – сталинский ампи́р, имеющий много общих черт с древнеримской архитектурой. Это было одним из лидирующих направлений в архитектуре, монументальном и декоративном искусстве СССР с середины 1940-х до середины 1950-х гг. Стиль сочетал помпезность, роскошь, величественность и монументальность.

Однако, как уже было сказано, данные «мортуарии» были единичными, их не успели построить в массовом количестве, а также под них не смогли разработать соответствующий ритуал, что и привело к тому, что два мортуария не использовались ни разу, а Волжский павильон уже во второй половине 1960-х гг. был приспособлен под новую траурную обрядность, которая в то время стала внедряться.

Особенности проектирования кладбищ в 1953–1970-е гг. и разработка светского траурного ритуала

Не смотря на все нововведения и упорядочивание в кладбищенском хозяйстве в послевоенное десятилетие, проблемы оставались. По состоянию на 1953 г. в городах РСФСР (без учета Москвы и Ленинграда) насчитывалось 1543 кладбища с общей площадью 7784,1 гектара. Одной из главных проблем в похоронной сфере оставалась нехватка специализированных служб, которые бы занимались всеми делами, связанными с погребением и содержанием кладбищ. Из 761 города РСФСР только 129 городов имели тресты (конторы, бюро) похоронного обслуживания, в остальных же этими вопросами занимались тресты или конторы очистки, дорожного и зеленого хозяйства, для которых вопросы погребения были второстепенными [17. Л. 1–2]. Многие кладбища находились в запущен-

ном состоянии: отсутствовали ограждения, подъездные пути нуждались в капитальном ремонте, были случаи выгула скота на кладбищах, отсутствовало озеленение, было переуплотнение и недостаток новых участков, встречались случаи наличия жилых и хозяйственных построек на территории кладбищ, из-за отсутствия сторожей и ограды часто были случаи кражи памятников и венков. Такое состояние многих кладбищ вызвало возмущение у трижды Героя Советского Союза И. Кожедуба и он написал возмущенное письмо в Совет Министров СССР (25 октября 1948 г.): «Уважение к памяти предков есть элементарный долг. В этом духе и надо воспитывать наших людей. Если с этой точки зрения подойти к состоянию кладбищ в нашей стране, то картина получается отвратительная: кладбища разорены, загажены, все поломано, деревья уничтожены, пасется скот и т.д. Это же кошунство! Национальное оскорбление!» [14. Л. 20]. Благодаря И. Кожедубу, кладбища в Марфино и Подольске, на которые он обратил внимание в своем письме, были в течение года полностью благоустроены.

Рис. 2. Мортуарий в г. Волжский. 2023 г. Фото автора

В 1953 г. был подготовлен проект постановления Совета министров РСФСР, в котором намечались новые меры по улучшению похоронного дела: предусмотреть в местных бюджетах ассигнования, покрывающие все расходы на содержание кладбищ в полном порядке; в 1954 г. провести работы по благоустройству кладбищ (ограждение, озеленение, устройство подъездных путей); обеспечить необходимый надзор за воинскими захоронениями; отвести новые участки под новые кладбища; не допускать строительства на кладбищах жилых строений; организовать изготовление похоронных принадлежностей [17. Л. 4–5].

В 1957 г. Ленгипрокоммунстрой разработал новые типовые проекты однозальных зданий траурных собраний и гражданских панихид (типовые проекты БГ-10, БГ-30) [3. С. 22]. С этого года по всей территории СССР стали строиться различные траурные павильоны, площадки, Дома траура, залы для гражданских панихид (это все разные типы обрядовых зданий), которые достаточно подробно перечислены в книге архитектора А.Л. Тавровского. Вся эта новая моральная архитектура была уже лишена той монументальности и торжественности, которой обладали первые мортуарии.

В 1958 г. вышла очередная «Инструкция о порядке захоронения и содержания кладбищ в населенных пунктах Украинской ССР» (аналогичные инструкции были приняты в других республиках) [18]. В функции учреждений похоронного обслуживания входили помимо выдачи разрешений на захоронения и участки также предоставление машин, гробов, венков, цветов для похоронной процессии, оркестра, но никакие обязанности по организации ритуала самого погребения и произнесения речей на них не было. Но впервые в этом документе есть рекомендация предусмотреть в штате бюро (конторы) агента, который по желанию родственников или рабочего коллектива исполнял бы все «формальности и операции» (так в документе), связанные с организацией похоронной процессии и погребением [18. С. 6]. Запрета на размещение крестов на могилах не было, но сама контора предлагала только надмогильные памятники строго прописанных в этой Инструкции форм (стеллы, колонны, вертикальные обелиски, плиты-таблички, пирамидки, горизонтальные плиты, таблицы-доски), следовательно, кресты людям приходилось заказывать у частных мастеров. Сама ритуальная часть погребения не была расписана.

В постановлении Совета Министров РСФСР № 203 от 18 февраля 1964 г. «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов» обязали местные органы власти разработать и осуществить мероприятия по приведению в порядок кладбищ и мест захоронения, а также улучшить организацию гражданских похорон. Министерство коммунального хозяйства РСФСР получило задание разработать новые типовые проекты траурных павильонов; привести в соответствие с современными требованиями типовые правила содержания кладбищ» [19]. В мае 1964 г. в Москве прошло первое Всесоюзное совещание по социалистической обрядности. Раскритикованный и забытый Мортуарий Волжского получил новый толчок к своему развитию, был отремонтирован и приведен в хорошее состояние, стал активно использоваться по своему назначению именно в это время. И в завершении длительного процесса поиска приемлемых форм гражданского траурного обряда в 1979 г. выходит подробная Инструкция о порядке по-

хорон и содержания кладбищ в РСФСР, в которой церемония прощания расписана во всех деталях и практически в неизменном виде перешла в нашу современность уже после распада СССР [20].

Заключение

Таким образом, «социалистическая похоронная обрядность» после неудачи внедрения в массовую практику «красных похорон» в 1920-х гг. стала активно разрабатываться уже в 1946–1948 гг. под влиянием Великой Отечественной войны и особенно активно в 1960–1970-е гг. Но, несмотря на все усилия и большое количество инструкций, принятых в этот период, похоронный обряд оставался наименее разработанным и «проблемным», что во многом связано с тем, что только религия могла дать утешение человеку после смерти близкого, никакая атеистическая идеология не могла по настоящему компенсировать утрату; отношение к смерти в обществе и традиционные погребальные практики оставались самым консервативным пластом культуры. Окончательно светский траурный ритуал в СССР сложился и был подробно расписан в Инструкции о порядке похорон и содержания кладбищ 1979 г. Намного быстрее были внедрены новые подходы к проектированию кладбищ, которые теперь должны были иметь центральные дворы и широкие аллеи для траурных процессий, новые типы мортальной архитектуры (павильоны траурных собраний, траурные площадки, залы для прощальной церемонии, Дома траура), пришедшие на смену кладбищенским церквям. В развитии новых подходов к проектированию кладбищ следует выделить период 1946–1956 гг., когда разрабатывались и внедрялись первые павильоны траурных собраний (мортуарии) в архитектурном стиле «сталинский ампи́р» и внешне похожие на храмы и пантеоны. Для них предполагался обряд погребения, имеющий общие черты с христианской панихидой и национальными традициями, но в социалистическом исполнении. Мортуарии не получили распространения, так как в период хрущевской оттепели и брежневскую эпоху, с 1957 г. стали массово внедряться более утилитарного вида траурные площадки, для которых обряд прощания предполагался более простым.

Список источников

1. Кампарс П.П., Закович Н.М. Советская гражданская обрядность. М. : Мысль, 1967. 254 с.
2. Социалистическая обрядность. Киев : Головное издательство издательского объединения «Вища школа», 1985. 87 с.
3. Тавровский А.Л., Лимонад М.Ю., Беньямовский Д.Н. Здания и сооружения траурной гражданской обрядности. М. : Стройиздат, 1985. 164 с.
4. Жидкова Е. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3-4. С. 408–429.
5. Смолкин-Ротрок В. Проблема «обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3-4. С. 430–439.
6. Соколова А.Д. Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 187–202.
7. Соколова А. В борьбе за равное погребение: похоронное администрирование в раннем СССР // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1-2. С. 594–621.
8. Соколова А.Д. Трансформации похоронного обряда в 1920-е годы // Традиционная культура русского народа в период 1920–1930-х годов: трансформации и развитие / отв. ред. В.А. Липинская. М. : Индрик, 2016. С. 423–453.
9. Соколова А.Д. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!» Эволюция похоронного обряда в Советской России // Отечественные записки. 2013. № 5 (56). С. 191–208.
10. Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М. : Commonplace, 2018. 328 с.
11. Малышева С.Ю. «На миру красна»: инструментализация смерти в Советской России. М. : Новый хронограф, 2019. 464 с.

12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-314. Оп. 2. Д. 1637.
13. Парыгин С. Как решить «вечные проблемы»? // Молодой ленинец. 1982. 13 апреля.
14. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 4794.
15. Государственный архив Волгоградской области (ГАО). Ф. Р-6497. Оп. 3. Д. 239.
16. ГАО. Ф. Р-6497. Оп. 11. Д. 237.
17. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 9632.
18. Инструкция о порядке захоронения и содержания кладбищ в населенных пунктах Украинской ССР : Утв. 28/VII 1958 г. Киев, 1958. 46 с.
19. Постановление Совета Министров РСФСР № 203 от 18 февраля 1964 г. «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов». URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2588711>
20. Инструкция о порядке похорон и содержании кладбищ в РСФСР : Утв. М-вом жил.-комму. хоз-ва РСФСР 12.01.79. М. : Стройиздат, 1980. 65 с.

References

1. Kampars, P.P. & Zakovich, N.M. (1967) *Sovetskaya grazhdanskaya obryadnost'* [Soviet Civil Rituals]. Moscow: Mysl'.
2. Anon. (1985) *Sotsialisticheskaya obryadnost'* [Socialist Rituals]. Kyiv: Golovnoe izdatelstvo izdatelskogo ob"edineniya "Vishcha shkola".
3. Tavrovsky, A.L., Limonad, M.Yu. & Benyamovsky, D.N. (1985) *Zdaniya i sooruzheniya traurnoy grazhdanskoy obryadnosti* [Buildings and Structures for Mourning Civil Rituals]. Moscow: Stroyizdat.
4. Zhidkova, E. (2012) Sovetskaya grazhdanskaya obryadnost kak alternativa obryadnosti religioznoy [Soviet Civil Rituals as an Alternative to Religious Rituals]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*. 3-4. pp. 408–429.
5. Smolkin-Rotrok, V. (2012) Problema "obyknovenny" sovetskoy smerti: materialnoe i dukhovnoe v ateisticheskoy kosmologii [The Problem of "Ordinary" Soviet Death: The Material and the Spiritual in Atheistic Cosmology]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*. 3-4. pp. 430–439.
6. Sokolova, A.D. (2011) Pokhrony bez pokoynika: transformatsii traditsionnogo pokhoronnogo obryada [Funerals Without the Deceased: Transformations of the Traditional Funeral Rite]. *Antropologicheskoye forum*. 15. pp. 187–202.
7. Sokolova, A. (2019) V borbe za ravnoe pogrebenie: pokhoronnoe administrirovanie v rannem SSSR [In the Struggle for Equal Burial: Funeral Administration in the Early USSR]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*. 1-2. pp. 594–621.
8. Sokolova, A.D. (2016) Transformatsii pokhoronnogo obryada v 1920-e goda [Transformations of the Funeral Rite in the 1920s]. In: Lipinskaya, V.A. (ed.) *Traditsionnaya kultura russkogo naroda v period 1920–1930-kh godov: transformatsii i razvitie* [Traditional Culture of the Russian People in the 1920s–1930s: Transformations and Development]. Moscow: Indrik. pp. 423–453.
9. Sokolova, A.D. (2013) "Nelzya, nelzya novykh lyudei khoronit po-staromu!" Evolyutsiya pokhoronnogo obryada v Sovetskoy Rossii ["No, We Cannot Bury New People in the Old Way!" The Evolution of the Funeral Rite in Soviet Russia]. *Otechestvennye zapiski*. 5 (56). pp. 191–208.
10. Mokhov, S. (2018) *Rozhdenie i smert pokhoronnoy industrii: ot srednevekovykh pogostov do tsifrovogo bessmertiya* [The Birth and Death of the Funeral Industry: From Medieval Churchyards to Digital Immortality]. Moscow: Commonplace.
11. Malysheva, S.Yu. (2019) "Na miru krasna": instrumentalizatsiya smerti v Sovetskoy Rossii ["The World Makes it Beautiful": The Instrumentalization of Death in Soviet Russia]. Moscow: Novyy khronograf.
12. State Archive of the Russian Federation. Fund 314. List 2. File 1637.
13. Parygin, S. (1982) Kak reshit "vechnye problemy"? [How to Solve the "Eternal Problems"?]. *Molodoy leninets*. April 13th.
14. State Archive of the Russian Federation. Fund 314. List 2. File 4794.
15. State Archive of Volgograd Region. Fund 6497. List 3. File 239.
16. State Archive of Volgograd Region. Fund 6497. List 11. File 237.
17. State Archive of the Russian Federation. Fund 314. List 2. File 9632.
18. Anon. (1958) *Instruktsiya o poryadke zakhoroneniya i soderzhaniya kladbishch v naselennykh punktakh Ukrainskoy SSR* [Instructions on the Procedure for Burial and Maintenance of Cemeteries in Populated Areas of the Ukrainian SSR]. Kiev.
19. Russian Soviet Federative Socialist Republic. (1964) *Decree of the Council of Ministers of the RSFSR No. 203 of February 18, 1964, "On the Introduction of New Civil Rituals into the Everyday Life of Soviet People"*. [Online] Available from: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2588711> (Accessed: 25.05.2024).
20. Anon. (1980) *Instruktsiya o poryadke pokhoron i soderzhaniyi kladbishch v RSFSR* [Instructions on the Procedure for Funerals and Maintenance of Cemeteries in the RSFSR]. Moscow: Stroyizdat.

Информация об авторе:

Назарова Т.П. – канд. ист. наук, доцент кафедры права и социально-гуманитарных дисциплин Волгоградского государственного аграрного университета (Волгоград, Россия). E-mail: hst_tatyana@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.P. Nazarova, Cand. Sci. (History), associate professor, Volgograd State Agrarian University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: hst_tatyana@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.12.2024;
одобрена после рецензирования 16.05.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 09.12.2024;
approved after reviewing 16.05.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья
УДК 3-39
doi: 10.17223/15617793/515/14

Категория «границы» в российской этнографии*

Ирина Вячеславовна Октябрьская¹

¹ Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия, siem405@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена методологии российской этнологии XIX–XX вв. Ее цель состоит в том, чтобы на материалах гуманитарного дискурса обозначить место категория «границы» в этнокультурных исследованиях. Границы – это международно-правовой институт, обеспечивающий суверенность и целостность государства. Они являются факторами геополитической, этнической и национальной идентичности. Категория «границы» включена в арсенал междисциплинарных подходов, описывающих реалии многонациональной России в прошлом и настоящем.

Ключевые слова: история российской этнографии, категория «границы», междисциплинарные исследования

Для цитирования: Октябрьская И.В. Категория «границы» в российской этнографии // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 122–127. doi: 10.17223/15617793/515/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/14

The category of "borders" in Russian ethnography

Irina V. Oktyabrskaya¹

¹ Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, siem405@yandex.ru

Abstract. The article is an expanded version of the report presented at the XVIII International West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference in 2024. It discusses the methodology of Russian ethnology of the 19th – early 21st centuries. Its aim is to use the materials of humanitarian discourse to identify the place of the category "borders" in ethnocultural studies of Russia. For Russia, which had one of the longest borders by the end of the 19th century, the methods of its assessment were very actively mastered. The article shows how the approaches of European anthropogeography, reinterpreted within the framework of Russian land studies, influenced the nature of the study of peoples and their territories. During the geopolitical transformations of the twentieth century, the principle of assessing the territory as the most important feature and factor of self-determination of the people was laid down as the basis for the political practices of the Soviet state and mapping practices. This approach was consistent with the theory of ethnos, which was developed by Russian and then Soviet ethnographers from the beginning of the twentieth century. The definition of an ethnic group, which by the 1960s became the methodological basis of Soviet science included the territory among its main features. Based on this theory, the research was associated with the identification of cultural and linguistic complexes localized in time and space; at the same time, the ratio of natural, ethnic, cultural and political boundaries was mobile. In Russian ethnology, by the beginning of the 21st century, borders were assessed as an expression of national sovereignty and regional identification, but their integration functions were widely discussed. At the same time, concepts such as "limits", "limitrophe", "frontier" appeared in research, denoting zones of cross-border interactions. In the development of the topic, the article considers the adjustment of methodology based on a constructivist approach: the category of "borders" is interpreted through the prism of the differentiating potential of socio-cultural markers. Within the framework of the anthropology of the movement, which has been developed in Russia since the 2000s, ethno-historical studies took into account the dynamic nature of borders. As a result, the article concludes that the category of "borders" in the ethnography/ ethnology of Russia has a multidimensional character. Borders are recognized as an international legal institution that ensures the sovereignty and integrity of the State; they are factors of geopolitical, ethnic and national identity. In modern science, the category "borders" is included in the arsenal of interdisciplinary approaches describing the realities of a multi-ethnic Russia in the past and present.

Keywords: history of Russian ethnography, category "borders", interdisciplinary research

For citation: Oktyabrskaya, I.V. (2025) The category of "borders" in Russian ethnography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 122–127. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/14

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

В современной науке категория «границы» претендует на общенаучный, философский уровень. Она проецируется на многие сферы бытия. Попытка проследить становление и развитие этого направления в этнографии/этнологии России в историческом контексте определяет содержание данной работы. Ее цель состоит в том, чтобы обозначить место категории «границы» в этнокультурных исследованиях в динамике в связи с изменениями общественно-политических ценностей, в контексте развития отечественного гуманитарного дискурса.

Известно, что в политических практиках России термин «граница» начал употребляться с XIV в.; был актуализирован в XVIII в. в ходе становления системы управления империей. В этот период историю страны определяло территориальное расширение за счет стихийных и организованных колонизационных и миграционных процессов. Границы государства, делимитация и демаркация которых осуществлялась на протяжении XIX в., обозначали пределы суверенитета, определяли территории, которые были объектами охраны и налогообложения; структурировали природные и человеческие ресурсы. Сложной была система внутренних рубежей, сформированных на административно-правовой основе. Изменения состава территорий и их народов делали проблему границ особенно актуальной.

Интерес к этой теме рождался из практик освоения огромных пространств Российской империи. Задачи ее описания взяло на себя созданное в 1845 г. Русское географическое общество. Оно задумывалось как географо-статистическое отделение при Министерстве внутренних дел и свою деятельность начинало с издания «Этнографического атласа Европейской России» 1848 г. и «Этнографической карты Европейской России» 1851 г. Карты готовились с учетом отечественного и мирового опыта. В 1843–1848 гг. в России были переведены и изданы «Славянское народописание» и «Славянские древности» директора библиотеки Пражского университета, одного из основоположников панславизма П. Шафарика. Он говорил о демаркационных линиях – о рубежах, которые определялись, главным образом, по языковым признакам и данным о расселении народов. При определенных неточностях выводов П. Шафарика в 1857 г., по представлению ИРГО, ему был пожалован российский орден Св. Анны 2-й степени.

Для России, имеющей к концу XIX в. протяженную внешнюю границу, методология ее оценки имела очень большое значение и была связана со становлением антропогеографии. В этой области в Европе сложилось несколько национальных школ, оказавших влияние на российский общественно-политический дискурс и науку. Одним из наиболее популярных в России авторов был профессор Лейпцигского университета Ф. Ратцель. В переводе на русский язык вышли его работы: «Политическая география» в 1897 г., «Народоведение» в 1901 г., «Земля и жизнь: сравнительное земледоведение» в 1903–1906 гг.

В «Политической географии» Ф. Ратцель размышлял о том, что каждый народ, как и государство, имел

собственную модель развития, которую задавали векторы и границы «жизненного пространства». В целом эта концепция соответствовала принципу «один народ – одна территория – одно государство», служившего ориентиром в политическом устройстве Европы XIX в. По Ф. Ратцелю: «Народ представляет собой органическое существо, которое, развиваясь путем работы отдельных лиц, все теснее срастается с территорией и вовлекает ее в процесс развития. Поэтому наряду с ростом государства вширь идет и его рост вглубь... Для политической географии каждый народ, таким образом, является живым телом на неподвижной, по существу, территории, из которой он извлекает средства для жизни и к которой он, кроме того, привязан духовными отношениями. Это тело заняло известную часть земной поверхности и от других подобных же тел отделено идеальными границами, а иногда также и пустыми пространствами. Народы находятся в постоянном внутреннем движении, переходящем во внешнее движение в случае занятия новой части земной поверхности или потери занятой ими ранее» [1]. Согласно этого «органического подхода», государство (и связанный с ним народ) рассматривалось как организм с естественным стремлением к расширению жизненного пространства. Границы являлись его «периферийным органом», в котором проявлялись все изменения. Они имели подвижный характер; обозначались, но не обосновывались.

Работы Ф. Ратцеля неоднократно публиковались на страницах российского журнала «Земледоведение», редактором которого был один из влиятельных ученых России начала XX в., профессор Московского университета, географ, археолог и этнограф Д.Н. Анучин. Народы рассматривались им в неразрывной связи со средой обитания. Реконструкция их древней истории опирались на единство географических, археологических, антропологических и этнографических изысканий. Границы расселения народов и распространения культур оценивались в контексте стратегий адаптации.

Системная характеристика народонаселения Анучина Д.Н. воплощалась в концепции антропосферы [2]. Она формировалась на основе типологических (историко-культурных) обобщений, итогом которых стала теория этноса. Ее становление связывали с именами Ф.К. Волкова и Н.М. Могилянского – теоретиков и практиков украинской суверенности начала XX в. Ориентируясь на методы этнографии, антропологии и антропогеографии, они, кроме прочего, учитывали достижения исследователей славянского мира. Большим авторитетом в этих кругах пользовался Л. Нидерле, профессор, ректор Краковского университета, член Королевского чешского научного общества, а также Петербургской Академии наук и Русского географического общества. Взгляды ученого на историю и культуру славян были представлены в цикле работ «Славянские древности». В них он обозначал области, компактно заселенных тем или иным народом; ввел для их обозначения понятие «этническая/этнографическая граница» («народописная» в чешск. яз.). Важными факторами границы служили язык и древность освоения; учиты-

вались также физический облик и исторические предания, характер быта и пр. Работы чешского ученого соответствовали теории и практике картирования, активно развивавшегося в Европе и России с середины XIX в. на основе преимущественно ареального подхода. В 1898 г. в переводе Ф.К. Волкова при поддержке Д.Н. Анучина в России со значительными дополнениями была опубликована работа Л. Нидерле «Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и в частности славянских земель» [3].

С большим вниманием в Европе и России относились к работам представителя балканской школы антропологогеографии – ректора Белградского университета, а позже президента Сербской академии наук И. Цвийича. Его исследования были обобщены в издании «Балканский полуостров». Оно вышло в 1918 г. на французском, а затем на сербском языке. В этой книге ученый представил анализ «зон цивилизации» Балканского полуострова. Именно этот регион в начале XX в. стал эпицентром конфликта, который обернулся мировой войной 1914 г. В развитии трагической ситуации произошел передел территорий и был запущен процесс самоопределения многих народов, изменивший границы не только Старой Европы, но и всей Евразии.

В ходе Первой мировой войны внимание властей и исследователей России было приковано к менявшейся структуре мира. В 1917 г. в ответ на вызовы современности была создана Особая комиссия для исследования племенного состава пограничных областей России. Свою работу она начала уже при поддержке советского правительства; в ходе революционных преобразований дважды была переименована – в 1924–1929 гг. работала в формате Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран. Ее деятельность была связана с созданием в 1922 г. СССР, с процессами суверенизации в контексте советизации постимперского пространства.

В духе этого проекта проходила подготовка Приполярной переписи 1926–1927 гг. Она была призвана дать системную оценку народонаселения Севера. Также в 1926 г. проводилась Всесоюзная перепись населения. Она включала указание народа, родного языка, места рождения, продолжительности проживания в месте переписи и т.д. Итоги переписи публиковались в 1927–1933 гг. В 1927 г. в АН СССР был издан официально утвержденный «Список народностей Союза Советских Социалистических Республик». В нем были названы около 200 народов с указанием основных регионов их расселения.

Результаты этих работ были учтены в ходе национально-территориального размежевания формировавшегося советского государства. К 1930-м гг. были определены границы и статус различных его автономий. Они менялись в течение XX в., но неизменным оставался принцип оценки территории как важнейшего признака народа и фактора его самоопределения.

Реализованный в ходе практик социалистического строительства этот подход был созвучен теории этноса, концептуально оформленной в 1920-е гг. этнографом и востоковедом С.М. Широкогоровым. Его

профессиональное становление было связано с Парижской Сорбонной и Санкт-Петербургским университетом; карьера этнолога – с университетами Китая. Опираясь на прикладные и теоретические изыскания, С.М. Широкогоров определял этнос как группу людей, говорящих на одном языке, объединенных верой в общее происхождение и обладающих культурой, отличной от других. Как живой организм этнос находился под влиянием природно-ландшафтной – первичной среды, вторичной культурной среды и межэтнического окружения [4].

И хотя до 1950-х гг. теория этноса была исключена из методологии советской этнографии, картирование этно-специфических маркеров в привязке к территориям имели большое значение. Они осуществлялись, начиная с 1930-х гг., в рамках этногенетических исследований с участием археологов и этнографов. Однако предметом специального анализа границы не являлись. В фокусе российской науки они оказались в ходе и по итогам Второй мировой войны в связи с реструктуризацией политического пространства Европы и СССР. В 1941 г. в Институте этнографии АН СССР была создана группа по изучению этнического состава Центральной и Юго-Восточной Европы; в 1944 г. – сектор этнографической статистики и картографии. В марте 1945 г. его руководитель П.И. Кушнер защитил кандидатскую диссертацию «Западная часть литовской этнографической территории», значение которой определяло включение прибалтийского региона и современной Калининградской области в состав СССР [5. С. 144].

В развитие темы по решению Президиума АН СССР в ноябре 1945 г. для изучения границ, исторического и культурного пространства славянского мира в экспедицию на Балканы были отправлены ведущие археологи и этнографы страны – П.Г. Богатырев, С.А. Токарев, А.В. Арциховский, В.И. Равдоникас, В.А. Рыбаков. Весной 1946 г. С.А. Токарев вошел в состав международной комиссии по установлению итало-югославской границы в регионе Юлийской Краины и Триеста [6. С. 36, 43]. Сегодня эта историческая область поделена между Италией, Словенией и Хорватией. Делимитация и демаркация границ, разделивших регион, растянулись на несколько десятилетий. Участие российских ученых в оценке пограничной ситуации позволило перевести в практическую плоскость разработку методов к определению этнических границ в их отношении к естественным и политическим границам на основе комплексной (этнологической) экспертизы. В рамках этой темы П.И. Кушнер опубликовал серию работ; в 1951 г. защитил докторскую диссертацию «Этнические территории и этнические границы», где дал характеристику этих понятий в связи с проблемами этногенеза и этнонационального развития. В 1952 г. возглавляемый им сектор перестал существовать, но исследование этнических границ продолжалось [5].

В 1950-е гг. и в СССР, и в странах Европы разворачивалась масштабная работа над составлением национальных атласов. Методологическим основанием советских практик картирования стали обобщения

П.И. Кушнера. Он опирался на опыт статистиков, географов и этнографов России и европейских стран XIX – начала XX в., в том числе на работы славистов П. Шафарика, Я. Гусека и Л. Нидерле, немецкого статистика Р. Бека и польского – А. Закржевского, русского палеографа и этнографа, ректора Императорского Варшавского университета Е.Ф. Карского и др. Проанализировав известные методы и подходы в оценке этнических границ, П.И. Кушнер пришел к выводу, что их нельзя отождествлять с естественными рубежами; этнические границы не совпадают с четкими линиями политических рубежей, часто имеют размытый, прерывистый характер, особенно в зонах со смешанным народонаселением; поэтому мажоритарный принцип не является эффективным в их типировании – он может показать лишь срединную линию «национального равновесия»; и, соответственно, в решении пограничного вопроса важную роль играют комплексные исследования особенностей сложного по этническому составу сообщества. При этом конфигурация этнических рубежей имеет динамичный характер, зависит от хода исторического развития и характера межэтнических отношений [7, 8]. Следовательно, делал вывод П.И. Кушнер, линейный принцип определения границы малоприменим к современным этнографическим (этнокультурным) картам. Их композицию может определять метод выявления удельного веса группы в пределах, возможно, более мелких административных территорий [7. С. 31]. На практике этот подход был реализован при подготовке фундаментального издания «Численность и расселение народов мира» 1962 г. и ряда других академических справочников.

Теоретические выводы и практические разработки П.И. Кушнера и его коллег стали частью международной программы картирования послевоенного мира. В 1953 г. координацию работ в этой сфере взяла на себя Постоянная комиссия по этнологическому атласу Европы и сопредельных стран. При ее участии в 1964 г. в рамках VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук в Москве был проведен симпозиум по методике картирования. Одним из основных в ходе его проведения стал доклад С.И. Брука об «Атласе народов мира», составленном в ИЭ АН СССР, его положения были повторены в серии работ 1960–1970-х гг. Признавая связь народа со средой обитания, подчеркивая динамичный характер ее освоения и подвижность границ расселения, среди всех техник картирования С.И. Брук выделял уже сложившийся ареальный метод: размеры, конфигурации, разорванность, или компактность ареалов позволяла судить о специфике историко-культурных процессов на микро, мезо и макроуровне [9].

Дальнейшее развитие этнографического картирования в России было связано с теорией хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей, которая была изложена М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым в журнале «Советская этнография» 1955 г. Она разрабатывалась в связи с концепцией этноса, актуализированной лидерами советской этнографии С.А. Токаревым, В.И. Козловым, Ю.В. Бромлеем и др.

в 1960–1970-е гг. Трудом одного из ведущих историков-балканистов Ю.В. Бромлея, с 1966 г. возглавившего Институт этнографии АН СССР, теория этноса стала основой методологии отечественной науки. Этнос рассматривался как исторически сложившееся на определенной территории устойчивое сообщество людей, обладающих общим языком, относительно стабильными особенностями культуры и осознанием своего единства и отличия от других [10]. Опиравшиеся на эту теорию этнокультурные исследования в стране были связаны с выделением культурно-языковых комплексов, локализованных во времени и пространстве и обозначенных ареалами и границами. Для этногенетических исследований был характерен ретроспективный подход, основанный на отождествлении этнокультурных сообществ и археологических культур.

При этом изначально взаимосвязь этноса и территории оценивалась неоднозначно. На эту тему В.И. Козлов еще в 1971 г. написал, что в историческом плане этнические территории и границы не являлись постоянными. Целостность среды обитания была важна как условия становления этноса, устойчивое существование которого обеспечивалось сохранением «этно-территориального ядра», сообщаясь с которым, отдельные группы могли длительное время сохранять свою культурно-языковую специфику и самосознание [11]. Представление о динамичном характере этнической территории отвечало принципам традиционного ареального подхода.

В этнокультурных исследованиях, ориентированных на этот подход, границы теряли свои барьерные характеристики. Они все чаще оценивались сквозь призму контактной функции. Все активнее обсуждались такие понятия, как «фронт» (от англ. Frontier/граница, рубеж) – порубежье между освоенными и неосвоенными землями как особая зона транскulturации; «лимес» (от лат. limes/граница) – некий цивилизационный рубеж; «лимитроф» (от лат. Limitrophus/пограничный) – буферное пространство трансграничных взаимодействий, соединяющее потенциал транскulturации с законодательной неизблемостью государственных границ [12]. С развитием культурной географии было связано изучение пространственных образов как факторов создания региональной, этнической и национальной идентичности – в результате территории и границы приобретали символическую трактовку.

При этом в политической сфере границы оставались выражением национальной (этнонациональной) суверенности и геополитической идентификации. В 1975 г. СССР, все страны Европы (кроме Албании), а также США и Канада подписали Хельсинкскую декларацию, закрепившую принципы территориальной целостности государств и нерушимости границ. Но ситуация в мире менялась. С распадом СССР, объединением Германии, с разделом Югославии и Чехословакии был запущен процесс пересмотра государственных рубежей Европы.

Их конфигурация усложнялась. Одновременно глобализация, либерализация экономики, развитие систем

транснациональных коммуникаций превращали границы в зоны интеграции. В 1992 г. был подписан Договор о создании Европейского союза. Шенгенская зона свободного перемещения начала действовать с 1995 г., объединив пространства 29 государств. Стала популярной риторика «мира без границ». Но одновременно в разных частях света один за другим разворачивались территориальные, пограничные конфликты, которые часто сопровождала информационная «война карт» [13].

Противоречивые тенденции геополитического развития глобального мира определяли пристальное внимание к проблеме границ. Ее изучение приобретало междисциплинарный характер. Но базовыми оставались принципы картографии, сформировавшиеся к середине XX в. Во многих странах продолжалось издание атласов и карт. В России Национальный атлас в 4 томах (включая том о населении) выходил на протяжении 2004–2008 гг. А в 2009 г. в г. Оренбурге у восточной границы России состоялся VIII Конгресс этнографов и антропологов, главной темой которого стали «границы и культуры». В Конгрессе приняли участие исследователи из 65 городов и 52 регионов страны и 14 зарубежных государств. На его открытии прозвучал доклад директора ИЭА РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН В.А. Тишкова «Три карты: физическая, административно-государственная и этническая». Он начинался с эпиграфа – определения границы португальского философа А. Мело, предложенного им в 1997 г.: «Граница – это и есть единый критерий для всех идентичностей современного мира, пребывающего в состоянии постоянного становления» [14]. Эта формула, как и доклад В.А. Тишкова, обозначили дискурс по поводу традиционных и новых подходов в оценке естественных, административно-государственных и этнических границ.

В 2000-е гг. понятие этнической границы в российских этнокультурных исследованиях пересматривалось на основе конструктивистского подхода с использованием концепции норвежского антрополога Ф. Барта. Еще в 1969 г. он опубликовал сборник «Этнические группы и границы», где подчеркивалось значение культурных характеристик, имеющих дифференцирующий потенциал и способствующих консоли-

дации групп. Этнические границы, по Ф. Барту, представляли собой систему социокультурных маркеров. Являясь формой осознания сходств и различий группы с окружающим сообществом, они теряли свое значение как элемент картографического континуума, при этом сохраняли функцию раздела «своих» и «чужих». Освоение этой концепции сопровождало трансформацию категории «границы»: от линий – к зонам, от непреодолимых рубежей – к взаимодействию, от нормативных границ – к культурным [15]. В сложном соотношении социального, этнического, географического и геополитического пространства происходило ее осмысление на протяжении 2010-х гг. Она продолжала разрабатываться в рамках антропологии движения, концептуальные основы которого были обоснованы одним из ведущих этнологов страны, директором МАЭ РАН А.В. Головневим. В его работах, посвященных локальным и магистральным культурам Евразии, граница выступала как протяженный во времени процесс: локальные культуры формировались на основе адаптации к эколого-ландшафтной и исторической реальности, магистральные культуры являли собой механизм освоения социальных и культурных ресурсов в глобальном масштабе; они формировали сложные сообщества, которые в разные эпохи имели вид археологических культур, языковых семей, народов и государств [16].

Таким образом, категория «границы» в науке России к началу XXI в. приобрела многомерный характер. Границы соотносятся с фундаментальной структурой общества, выступают результатом общественных практик, рассматриваются как результат исторического развития; выступают как междунационально-правовой институт, обеспечивающий суверенность и целостность государственной территории и ее населения. В пространстве глобального мира они остаются факторами геополитической идентичности, в социальном пространстве – маркерами идентичности этнической и национальной [17]. Современные исследования границ – это междисциплинарная область, где используются подходы различных наук. В отечественной этнологии категория «границы» включена в арсенал исследовательских концептов, описывающих и объясняющих этнокультурные, этносоциальные и этнополитические реалии России и ее отдельных регионов.

Список источников

1. Ратцель Ф. Политическая география // Геополитика: Хрестоматия. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2008. 297 с.
2. Анучин Д.Н. Избранные географические работы. М. : Географгиз, 1949. 388 с.
3. Нидерле Л. Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и в частности славянских земель. СПб. : Издание Л.Ф. Пантелеева, 1898. 655 с.
4. Широкогоров С.М. Этнографические исследования. Книга вторая. Этнос. Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2002. 146 с.
5. Альмов С.С. П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1959-е годы. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2006. 256 с.
6. Токарев С.А. Проблемы Триеста и Юлийской Краины в послевоенном урегулировании в Европе. Дневники члена четырехсторонней Комиссии экспертов по проведению итало-югославской границы. М. : Индрик, 2019. 536 с.
7. Кушнер П.И. (Кнышев) Этническая граница (к вопросу об этнических рубежах в Европе) // Советская этнография. 1947. № 2. С. 3–32.
8. Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 280 с.
9. Брук С.И. Историко-этнографическое картографирование и его современные проблемы // Советская этнография. 1973. № 3. С. 3–18.
10. Бромлей Ю.В. Этнос и эндогамия // Советская этнография. 1968. № 6. С. 84–91.
11. Козлов В.И. Этнос и территория // Советская этнология. 1971. № 6. С. 89–100.
12. Михалев М.С. Великий восточный лимитроф: трансграничные народы в государственной политике России и Китая. М. : Восточная литература, 2022. 293 с.
13. Савичева Е.М., Иванов С.А. Искаженная картография как отражение конфликтов и политических противоречий в современном мире // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11, № 1. С. 7–15.

14. Тишков В.А. Три карты: физическая, административно-государственная и этническая // VIII Конгресс этнографов и антропологов России : тезисы докладов. Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2009. С. 5–11.
15. Barth F. Preface // *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference*. Bergen Oslo Universitets Forlaget. London : George Allen and Unwin, 1969. P. 9–58.
16. Головнёв А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург : УрО РАН, «Волот», 2009. 496 с.
17. Введение в исследования границ. Владивосток : Дальнаука, 2016. 426 с.

References

1. Ratzel, F. (2008) Politicheskaya geografiya [Political Geography]. In: *Geopolitika: Khrestomatiya* [Geopolitics: A Reader]. Vladivostok: Izdatelstvo VGUES.
2. Anuchin, D.N. (1949) *Izbrannye geograficheskie raboty* [Selected Geographical Works]. Moscow: Geografiz.
3. Niederle, L. (1898) *Chelovechestvo v doistoricheskie vremena. Doistoricheskaya arkhologiya Evropy i v chastnosti slavyanskikh zemel'* [Mankind in Prehistoric Times. Prehistoric Archaeology of Europe and in Particular the Slavic Lands]. Saint Petersburg: Izdanie L.F. Panteleeva.
4. Shirokogorov, S.M. (2002) *Etnograficheskie issledovaniya* [Ethnographic Research]. Book Two. Vladivostok: FEFU.
5. Alymov, S.S. (2006) *P.I. Kushner i razvitie sovetskoy etnografii v 1920–1959-e gody* [P.I. Kushner and the Development of Soviet Ethnography in 1920–1959]. Moscow: IEA, RAS.
6. Tokarev, S.A. (2019) *Problemy Triesta i Yulyskoy Krayny v poslevoennom uregulirovaniy v Evrope. Dnevnik chlena chetyrekhstoronney Komissii ekspertov po provedeniyu italo-yugoslavskoy granitsy* [The Problems of Trieste and the Julian March in the Post-War Settlement in Europe. Diaries of a Member of the Four-Party Commission of Experts for the Demarcation of the Italian-Yugoslav Border]. Moscow: Indrik.
7. Kushner, P.I. (Knyshev) (1947) *Etnicheskaya granitsa (k voprosu ob etnicheskikh rubezhakh v Evrope)* [The Ethnic Border (On the Question of Ethnic Frontiers in Europe)]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 3–32.
8. Kushner, P.I. (1951) *Etnicheskie territorii i etnicheskaya granitsy* [Ethnic Territories and Ethnic Borders]. Moscow: USSR AS.
9. Brook, S.I. (1973) *Istoriko-etnograficheskoe kartografirovanie i ego sovremennyye problemy* [Historical-Ethnographic Mapping and Its Contemporary Problems]. *Sovetskaya etnografiya*. 3. pp. 3–18.
10. Bromley, Yu.V. (1968) *Etnos i endogamiya* [Ethnos and Endogamy]. *Sovetskaya etnografiya*. 6. pp. 84–91.
11. Kozlov, V.I. (1971) *Etnos i territoriya* [Ethnos and Territory]. *Sovetskaya etnografiya*. 6. pp. 89–100.
12. Mikhalev, M.S. (2022) *Veliky vostochny limitrof: transgranichnye narody v gosudarstvennoy politike Rossii i Kitaya* [The Great Eastern Limitrophe: Transborder Peoples in the State Policy of Russia and China]. Moscow: Vostochnaya literatura.
13. Savicheva, E.M. & Ivanov, S.A. (2019) *Iskazhennaya kartografiya kak otrazhenie konfliktov i politicheskikh protivorechiy v sovremennoy mire* [Distorted Cartography as a Reflection of Conflicts and Political Contradictions in the Modern World]. *Vestnik RUDN. Seriya: Vseobshchaya istoriya*. 11 (1). pp. 7–15.
14. Tishkov, V.A. (2009) *Tri karty: fizicheskaya, administrativno-gosudarstvennaya i etnicheskaya* [Three Maps: Physical, Administrative-State, and Ethnic]. In: *VIII Kongress etnografov i antropologov Rossii: tezisy dokladov* [VIII Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia: Abstracts]. Orenburg: Izdatelsky tsentr OGAU. pp. 5–11.
15. Barth, F. (1969) Preface. In: *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference*. Bergen: Oslo Universitets Forlaget; London: George Allen and Unwin. pp. 9–58.
16. Golovnev, A.V. (2009) *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Evrazii)* [Anthropology of Movement (Antiquities of Northern Eurasia)]. Yekaterinburg: Ural Branch. RAS; "Volot".
17. Anon. (2016) *Vvedenie v issledovaniya granits* [Introduction to Border Studies]. Vladivostok: Dalnauka.

Информация об авторе:

Октябрьская И.В. – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: siem405@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.V. Oktyabrskaya, Dr. Sci. (History), leading research fellow, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: siem405@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024;
одобрена после рецензирования 04.01.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 10.11.2024;
approved after reviewing 04.01.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья
УДК 94 : 2-752(571.1/.5) + 528.9
doi: 10.17223/15617793/515/15

Приходские школы в природном ландшафте и инфраструктуре Томского уезда: цифровое картографирование как инструмент синтеза источниковой информации

Александр Константинович Плешивцев¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, shelkopiorov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена апробации использования средств цифрового картографирования для изучения приходской школьной инфраструктуры. В результате при помощи информации картографии, делопроизводственных и статистических источников и епархиальной периодики удалось выявить закономерности распределения приходских школ на территории благочиния № 2 Томской епархии на рубеже XIX–XX вв.; поставить вопрос о «видимости» для церковных властей районов благочиния за пределами развитой транспортной сети низовьев Томи.

Ключевые слова: Сибирь, церковные школы, православие, исторические ГИС, Томская епархия

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 23-78-10119, <https://rscf.ru/project/23-78-10119/>.

Для цитирования: Плешивцев А.К. Приходские школы в природном ландшафте и инфраструктуре Томского уезда: цифровое картографирование как инструмент синтеза источниковой информации // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 128–135. doi: 10.17223/15617793/515/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/15

Orthodox parish schools in the natural landscape and infrastructure of Tomsk Uezd: Digital mapping as a tool for source information synthesis

Aleksandr K. Pleshivtsev¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, shelkopiorov@yandex.ru

Abstract. This article presents a pilot study on the application of digital cartography to the analysis of parish school infrastructure. By utilizing cartographic data, administrative records, statistical sources, and eparchy periodicals, the study has identified patterns in the distribution of parish schools within the 2nd Deanery of the Tomsk Eparchy at the turn of the 20th century. It also raises the question of the "visibility" to church authorities of those areas within the deanery that lay beyond the developed transport network of the Lower Tom River basin. An analysis of these sources yielded geodata, ranging from the names of localities covering dozens or hundreds of square kilometers to toponyms with more or less precise coordinates. The pilot use of GIS for mapping the parish school network has led to the following conclusions. Firstly, it revealed dependencies in their locations and provided an understanding of the motivations behind the eparchy authorities' decisions to allocate funds for school establishment and to assign clergy and missionaries. Secondly, the activities of parish schools could not be focused solely on promoting literacy, as this was hindered by the varying micro-regional contexts of their operation. In the future, by combining the factors examined with data on the career and educational backgrounds of the clergy and the economic conditions of settlements, and by incorporating time-series analysis, it will be possible to identify new correlations and refine our understanding of how the institution of the parish school adapted to the specific conditions of different localities. This approach helps to overcome the fragmentation inherent in the multitude of historical source types.

Keywords: Siberia, church schools, orthodoxy, historical GIS, Tomsk Eparchy

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-78-10119, <https://rscf.ru/project/23-78-10119/>.

For citation: Pleshivtsev, A.K. (2025) Orthodox parish schools in the natural landscape and infrastructure of Tomsk Uezd: Digital mapping as a tool of source information synthesis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 128–135. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/15

Введение

На сегодняшний день историография церковных образовательных учреждений Сибири конца XIX –

начала XX вв. обширна и включает работы, рассматривающие их с разных точек зрения.

Существует устойчивый интерес к организационным и управленческим вопросам жизни приходских

школ: кто и на какие средства открывал училища, каковы результаты их работы, как между ними распределялись кадры, какие учительские обязанности возлагались на причты [1–3]. В исследовательской литературе также освещено, как изменяются ход и результат деятельности этого института в условиях конкретных местной или даже отдельных селений [4]. Этому были посвящены работы, обнаружившие практики включения приходских школ во внеобразовательную деятельность [5], в том числе миссионерскую [6].

В результате был накоплен большой материал, демонстрирующий взаимодействие институциональных рамок деятельности церковно-приходских школ и местных условий. Одним из вариантов продолжения работы исследователей является выявление тенденций этой интеракции при помощи изучения больших объемов информации с применением цифровых технологий. В частности, на это направлен исследовательский проект «Православный ландшафт таежной Сибири: акторы, институты, сети», задачей которого является синтез данных из разных видов исторических источников при помощи ГИС-сервиса [7]. Целью данной статьи является демонстрация потенциала цифрового картографирования для выявления взаимосвязей исследуемого объекта с окружающими условиями и его функциями на примере приходских школ.

Территориальные и хронологические рамки, источники и дизайн исследования. Для этого в качестве исследования было выбрано благочиние № 2 Томской епархии, которое располагалось на юге Томского уезда. В его состав входили 15 приходов: Спасский, Ярский, Кулаковский, Поломошенский, Пачинский, Проскоковский, Калтайский, Зелеевский, Сосновского Острога, Кониинский, Наумовский, Протопоповский, Петуховский, Тайгинский, Петропавловский¹. В качестве хронологических рамок исследования был выбран период с 1893 по 1913 гг. С одной стороны, они объясняются целевой установкой: для наглядности демонстрации был рассмотрен период крестьянского переселения, в течение которого происходили активные контакты между разными конфессиональными и этнокультурными группами. С другой стороны, они задаются источниковой базой исследования. В исследовании были использованы следующие виды исторических источников:

1. Статистические источники. Они представлены списками населенных мест 1893, 1899 и 1911 гг. [8–10], справочными книгами Томской епархии за 1902/1903 и 1909/1910 гг. [11, 12]. Они использованы для поиска входивших в благочиние № 2 селений, динамики численности населения и обучающихся в школах, наличия транспортных путей и образовательных учреждений.

2. Картографические источники. Были использованы цифровые образы карты переселенческого управления с указанными участками переселения 1913 г. [13] и десятиверстная карта Томской губернии 1928 г. [14]. При помощи программы Google Earth эти карты были наложены на современную карту. С первой карты на современную были нанесены территории переселенческих участков, образованных к моменту 1913 г., со второй – локализация населенных пунктов, выявленных

из статистических источников. Данные обеих карт использовались для расположения на итоговую карту Московско-Сибирского, Кузнецкого и Петропавловского трактов.

3. Периодическая печать. В цифровых копиях «Томских епархиальных ведомостей» за 1890–1911 гг. на сервисе Яндекс-архив [15] разыскивались упоминания о выявленных населенных пунктах и работавших в них в эти годы церковно-приходских школах и церковных школах грамоты, православных миссиях и формах религиозности местного населения. Эта информация тоже была помещена в Excel-таблицу, типологизирована и привязана к координатам поселений.

Перечисленные источники представляют много разнородной информации, поэтому для достижения цели остановимся на сведениях о ландшафте территории, местоположении населенных пунктов благочиния № 2 и переселенческих участков, наличии в них школ разной ведомственной принадлежности, маршрутах трактовых и проселочных дорог, активности синодальных миссионеров и расселении старообрядцев. Такой подход позволяет поместить приходские школы в контекст инфраструктуры территории, демографических процессов, конфессиональной конкуренции официального православия с другими религиозными группами. Учитывая выбор информации, для анализа был составлен следующий дизайн исследования:

1. Сбор геоданных: на основе статистических источников были выявлены перечень населенных пунктов, маршруты следования крупных дорожных магистралей и площади переселенческих участков, существовавших в этот период на территории благочиния № 2. Затем при помощи картографических источников и программы Google Earth определялись координаты этих объектов и вносились в Excel-таблицу. Использование десятиверстной карты 1928 г. для исследования более раннего периода объясняется ее информативностью: благодаря более крупному масштабу по сравнению с материалами 1900–1910-х гг. она позволяет установить местоположение исчезнувших к текущему моменту населенных пунктов и оценить транспортную связность на этой территории. По карте осуществлялся поиск только поселений из списков населенных мест.

2. Сбор данных о расположении школ, их функционировании и религиозной активности населения. На основе статистических источников было установлено, где находились школы любой ведомственной принадлежности. Затем эти сведения привязывались к координатам населенных пунктов. При помощи машинного поиска по цифровым копиям «Томских епархиальных ведомостей», доступного на сервисе Яндекс-архив, находились упоминания о работе церковно-приходских школ и церковных школ грамоты, православной миссии и формах религиозности населения в исследуемой местности. Соответствующие упоминания заносились в Excel-таблицу, затем классифицировались и привязывались к координатам населенных пунктов.

3. Составление карты при помощи библиотеки *folium* языка Python: на основе геоданных и привязанных к ним сведений о школах, их деятельности и религи-

озной активности населения, зафиксированных в Excel-таблице, составлялась карта-схема. Она включала сведения о расположении поселений, отметки о наличии в них школ разных ведомств, упоминания о проживании неправославных сообществ и их активности, переселенческих участков; маршруты трактовых дорог. Затем карта анализировалась для обнаружения совпадений указанных объектов в одной точке или в близости друг от друга.

В рамках следующих двух разделов статьи рассмотрено, какие данные были получены на втором этапе и какие результаты дал анализ получившейся карты. В разделе «Интерпретация данных» предложена трактовка полученных при картографировании выявленных материалов. В заключении делаются выводы об исследовательском потенциале цифрового картографирования.

Данные о расположении школ, их функционировании и религиозной активности

Картография. Этот вид источников позволяет охарактеризовать природно- и социально-географическое положение территории благочиния № 2. Если обратиться к первому аспекту, то десятиверстовая карта Томской губернии 1921 г. показывает (рис. 1), что она делилась не только рекой Томь надвое, но и её лево- и правобережная части имели сегменты благодаря притокам разного размера: слева это реки Кисловка,

Черная, Умка, Большая Черная, Малая Черная, Чубур, Лебежья; справа – Басандайка, Тугояковка, Сосновка, Иткара и множество малых рек. Берега бассейна Томи от Томска на севере и до села Ярского на юге имеют болотистый ландшафт. Эти визуализированные данные в совокупности с дополняющей их картой переселенческих участков 1913 г. [13] показывают, что лишь 5 из 10 приходов (Пачинский, Поломошинский, Проскоковский, Кулаковский и Кониинский) не граничили с таёжным лесом (рис. 2). Это легко увидеть по обозначенным расчерченной сеткой государственных лесных дач на первой карте и по окрашенным в коричневый и желто-зеленый цвета местностям на второй.

Карты позволяют рассмотреть инфраструктуру региона: гужевые коммуникации представлены как почтово-ямными дорогами, так и проселочными путями. К первым относились:

1. Спасский тракт – часть Московско-Сибирского тракта, который проходил с севера на юг от Томска² через деревни Вершинина и Батурина до сел Ярское (правый берег Томи) и Проскоковское (по левому берегу Томи).
2. Кузнецкий тракт – ответвление Московско-Сибирского тракта, который уходил от села Поломошинское на юг до Кузнецка.
3. Петропавловский тракт – почтовая дорога, уходившая из Томска на север до села Петропавловское на правом берегу Томи.

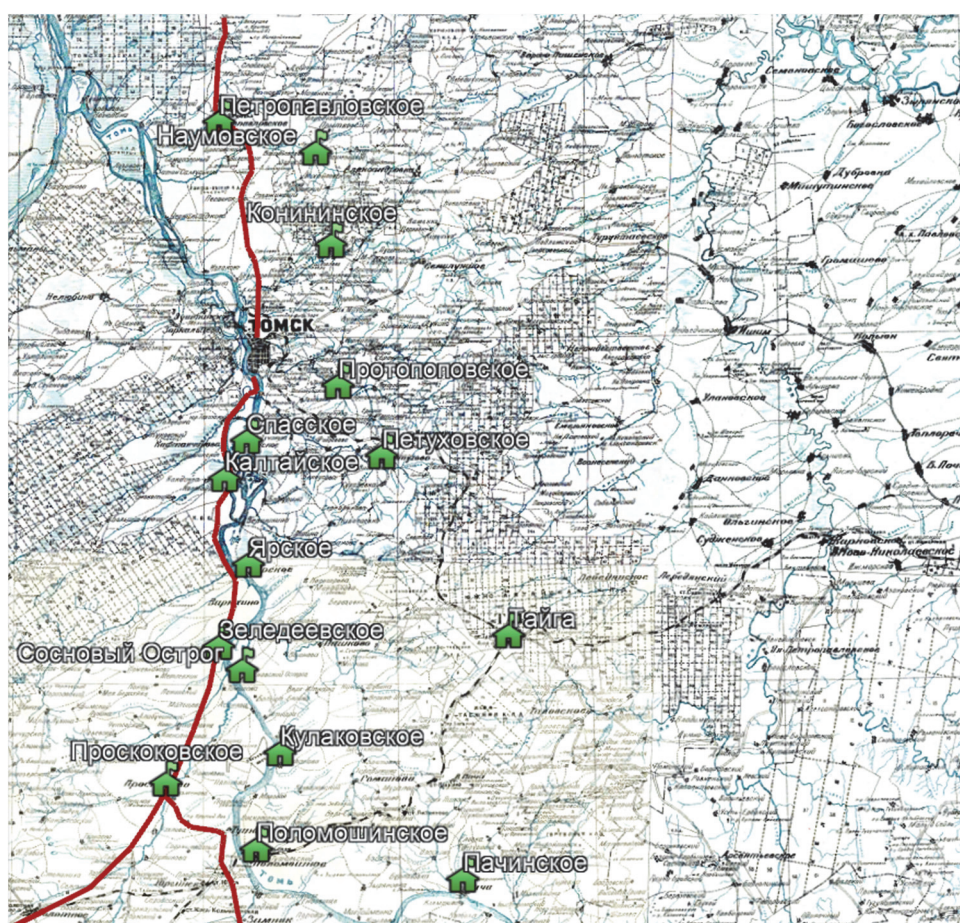

Рис. 1. Десятиверстовая карта Томской губернии 1921 г.⁹

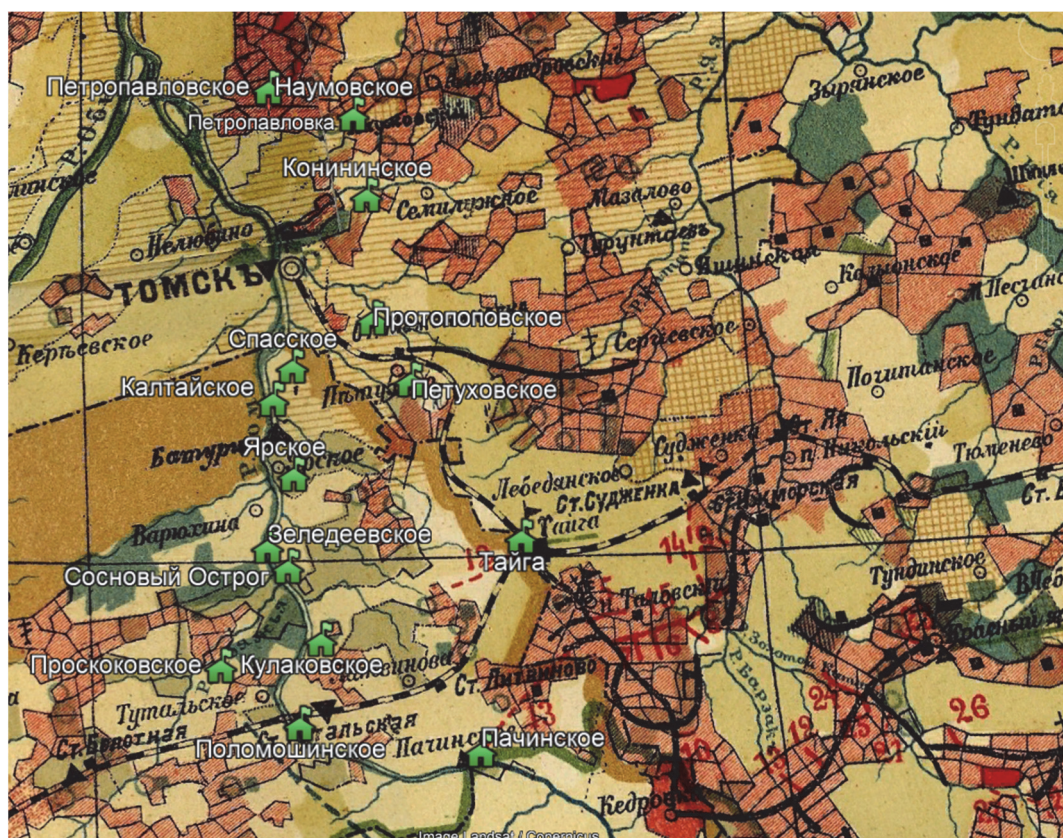

Рис. 2. Карта Томской губернии 1913 г. с указанием переселенческих участков

Мы видим, что на правом берегу Томи к югу от губернского центра не было регулярной дорожной сети. Состояние многочисленных второстепенных коммуникаций в благочинии остается малоизученным, можно говорить только о наличии троп и проселочных дорог между отдельными населенными пунктами и их общей неблагоустроенности [16. С. 59] по десятиверстовой карте 1921 г. [14].

Помимо информации об инфраструктуре губернская картография содержит сведения о процессах колонизации в отдельных районах Сибири. Например, о масштабе и направлениях миграций можно судить по карте Томской губернии с указанием переселенческих участков 1913 г. [13]. Мы видим, что южная часть благочиния³ была восточной границей кластера новопоселенческих участков, и они здесь перемежались с владениями старожильческих обществ и лесными участками. Север изучаемой территориальной единицы⁴ был одним из центров притяжения пришлого населения судя по сплошной полосе участков для его водворения. Несмотря на выделение земли для мигрантов, в отличие от местности к северо-востоку от станции Тайга, транспортная ситуация не улучшилась в изучаемый период. Так, на карте переселенческого управления нет ни одной дороги, отмеченной как построенной за последние несколько лет.

В итоге карты Томской губернии сообщают о ее сложном ландшафте, представленном большим количеством малых рек, болотами и таёжными массивами. В этих условиях почтово-ямные тракты вдоль реки Томь оставались единственной регулярной гужевой

коммуникацией, прочие дороги были неблагоустроены и ненадежны. При этом мы видим активность государства по организации на этих территориях крупных переселенческих участков.

Статистические и делопроизводственные источники. Как было отмечено выше, эти письменные материалы представлены документами, созданными как гражданскими, так и церковными органами. Для ясности остановимся на каждом виде источников отдельно:

1. Списки населенных мест 1893–1911 гг. позволяют установить демографическую ситуацию в 145 населенных пунктах⁵, относившихся к приходам благочиния № 2. Их население за 18 лет выросло почти вдвое при следующей динамике: в 1893 г. – 18 700 чел., в 1899 г. – 23 700 чел., 1911 г. – 35 400 чел.⁶ Положив данные на карту, мы увидим, что в первую очередь прирост пришелся на томские пригородные поселения и южные приходы благочиния.

2. Справочные книги по Томской епархии 1903 и 1911 гг. дают сведения о количестве образовательных учреждений в благочинии: всего здесь функционировало 41 школа. Из них 16 относились к духовному ведомству (8 церковных школ грамоты и 8 церковно-приходских школ), что составляло около 40% от общего количества начальных училищ⁷. Эти данные могут дать повод утверждать, что они были одной из главных институций распространения грамотности. Вместе с тем геолокация некоторых из них может говорить об обратном – 9 из них располагались в населенных пунктах вдоль Томи. Учитывая, что водоем в среднем был пригоден для перемещения примерно 150–170 дней в

году с наибольшим притоком воды в апреле–мае в течение 10–50 дней и длительным спадом [17. С. 9–11], наиболее стабильным периодом доступности школ на прилегающих территориях были летние месяцы – время полевых работ, в которых задействовались и учащиеся дети⁸.

Статистика и делопроизводство сообщают нам о быстром росте населения в благочинии как в при-трактовой и пригородной зонах на севере, так и на притаёжных участках со слабой транспортной связностью на юге. Приходские школы в таких условиях, численно составлявшие 40% всех училищ, судя по отчетам Епархиального училищного совета, обеспечивали образование меньшинства прихожан. Такая разница между количеством самих институций и их пользователей может говорить о преимущественно необразовательной функции первых. На это указывает их расположение не только в селах-приходских центрах, но и окрестных деревнях. Подтверждение этому предположению может быть найдено в следующем рассмотренном виде источника.

Периодическая печать. Она освещала три важных для настоящего исследования направления деятельности:

1. Миссионерская работа, предполагавшая разъезды членов противораскольнического братства им. Святого Дмитрия Ростовского. Посвященные ей статьи указывают на населенные пункты, в которых проживали старообрядцы. Так, миссионерами были установлены приходы с выявленными общинами «раскольников»: это Ярский, Пачинский, Сосновский острог; Кулаковский, Поломошинский и Зеледеевский приходы. Редкие сведения о численности «раскольников» по этим поселениям не позволяют составить целостной картины. Преодолеть это затруднение можно при помощи соотнесения оценок их общин как «крупных» с встречающимися цифрами последователей «старой веры». Таким образом, каждое упомянутое общество включало 60–100 человек.

Отдельные тексты об истории появления тех или иных деноминаций неофициального православия в этих приходах и регулярность упоминания о миссионерской работе дают основания для выделения центров томского старообрядчества. К ним можно отнести деревни Батурину, Светленькую, Черную. О первых двух прямо писали, как о месте жительства самых авторитетных религиозных лидеров, и в них же активно велась церковно-образовательная и миссионерская работа, и, в частности, из-за влияния староверов в последней из перечисленных предлагалось открыть самостоятельный приход. Публикации епархиальной печати свидетельствуют о том, что проповедниками синодальной церкви велась работа не только с «инославными», но и теми, кто воспринимался как приверженцы государственной религии. Например, жителей притрактовых селений – Калтайского, Проскоковского, Зеледеевского и Варюхино – они оценивали как слабо религиозных.

2. Образовательная работа, включавшая как организацию новых школ, так и поддержку существую-

щих. Течение и результаты работы по всему благочинию не были одинаковыми: с одной стороны, епархиальная периодика указывает на эффективность миссионерского воздействия. Например, в сообщениях о деревне Батуриной местные ученики беседовали со староверами; отмечается одобрение работы училища местной общиной часовенных и их переход в официальное православие. Успешность работы церковно-приходской школы села Зеледеевской оценивалась опрятным внешним видом учеников, знанием молитв и умением петь. С другой стороны, в обзоре села Калтайского отмечалось, что местный законоучитель уклоняется от своих школьных обязанностей и перекладывает их на псаломщика. Это показывает, что деятельность каждого церковного училища могла определяться множеством параметров, которые упускались из вида епархиальной периодикой.

3. Религиозные сети, в которые включались прихожане синодальной церкви. Они возникли благодаря наличию в благочинии трех почитаемых всей епархией икон: Спаса Нерукотворного в селе Спасском, Введения во храм Пресвятой Богородицы в Ярском, Святого Николая в часовне в деревне Ипатовой Спасского прихода [18. С. 16]. Согласно преданиям, реликвии появляются в конце XVII–XVIII вв., их почитание к концу XIX в. насчитывает более ста лет. Ежегодно образы из Спасского и Ярского переносили в Томск 26–27 мая, причем маршруты их крестных ходов совпадали в одной точке, где иконы «кланялись» друг другу [19. С. 70–71, 72–73].

Таким образом, церковная периодика сообщает о количестве населенных пунктов, в которых проживали старообрядцы; о наличии укоренившихся практик поклонения иконам; о критериях оценки работы приходской школы как успешной. Последнее особенно примечательно: учитывая, что авторов «Епархиальных ведомостей» интересовали в первую очередь успехи в вероучительных собеседованиях, заучивании молитв и песнопениях, и сопоставив эти сведения с информацией карт, статистики и делопроизводства, можно уточнить функции приходских школ на местах.

Составление и анализ карты

Из карты (рис. 3) видно, что 3 из 16 церковных школ располагались вдоль трактовых маршрутов, 5 – вдоль реки Томь, 3 – вдоль железной дороги. С одной стороны, это говорит о наиболее пристальном внимании епархиальных властей к населению главных транспортных магистралей в условиях активной колонизации региона. Так, Московско-Сибирский, Кузнецкий и Петропавловский тракты, Транссибирская магистраль и река Томь пролегают через несколько крупных переселенческих участков на юге и севере благочиния. Распространение среди крестьянского населения не только православия, но и других версий христианства и вероучений иных конфессий требовало действий по поддержанию лояльности людей официальной церкви.

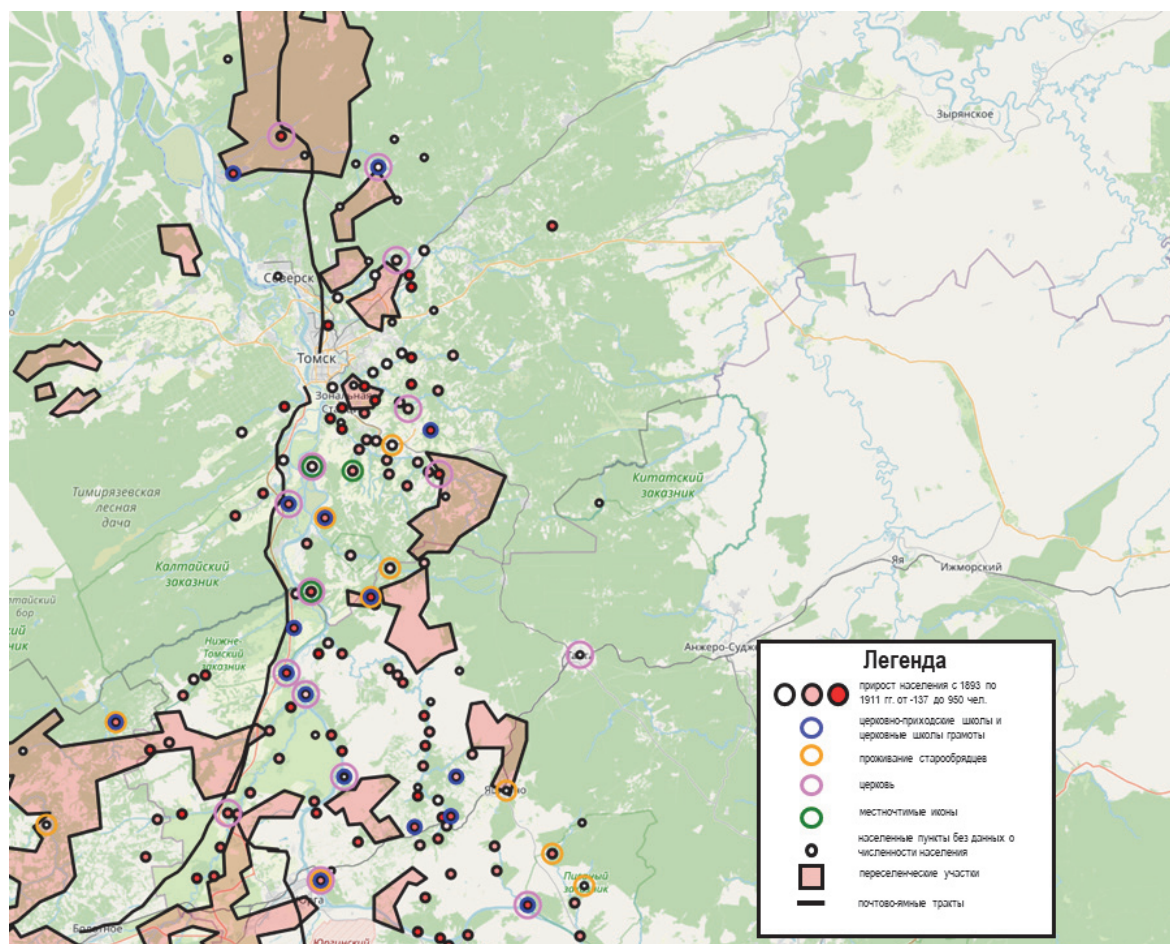

Рис. 3. Населенные пункты и инфраструктура благочиния № 2

В некоторых случаях приходские школы могли «подменять» церковь в этом деле, на что указывают расположение 6 церковных школ вне приходских центров и упоминания епархиальных миссионеров о такой возможности в «Томских епархиальных ведомостях» [20. С. 9]. С другой стороны, это говорит о том, что церковная администрация могла упускать из виду остальную часть благочиния и епархии. Сосредоточение ресурсов и людей лишь на отдельной местности делало остальные «непрозрачными» для неё.

Из выявленных мест проживания старообрядцев 7 находятся на правом берегу Томи и в отдалении от трактовых дорог. Однако через эти селения пролегалo множество троп, что показывает десятиверстовая карта Томского округа 1921 г. в отношении деревень Батурина, Федосеева, Верх-Пачинская, Конева, Косогорова, Миначева, Яшкина и Поломошная: от каждой из них отходило по 4–5 троп со множеством ответвлений. Это обеспечивало внутренние связи населения Федосеевой, Коневой, Батуриной и Косогоровой через сеть дорог с переходами в 10–15 км, и жители последних трех деревень по тропам могли выйти к селам Спасскому и Ярскому, деревне Ипатовой, где находились местничные иконы, ежегодно переносимые в Томск.

Аналогичным образом через проселочные дороги и их ответвления были связаны между собой и близлежащей округой деревни Миначева, Верх-Пачин-

ская и Яшкина, которая к тому же располагалась недалеко от одноименной железнодорожной станции Транссибирской магистрали. Даже кажущаяся изолированной деревня Черная, находившаяся по правому берегу Томи и примыкавшая к таёжной зоне Обско-Томского междуречья, в действительности располагала тремя разными дорогами с выходом на Московско-Сибирский тракт и прилегающие к нему переселенческие участки.

Совпадение мест проживания старообрядцев и нахождения там церковных школ встречается трижды – в деревнях Батурина, Поломошная и Черная. Учитывая особенности их местоположения и инфраструктуры, это можно объяснить стремлением оградить паству официальной церкви, локализованную на наиболее оживленной транспортной линии, от нежелательного религиозного влияния:

А. В случае Батуриной это было связано с включением в развитую сеть троп и проселочных дорог, активно используемых староверами для внутренних коммуникаций.

Б. В случае Поломошной – с нахождением на Кузнецком тракте и Транссибирской магистрали. Последнее обстоятельство особенно интересно, поскольку с точки зрения епархиальных властей в 1910 г. именно поселки, возникшие или находившиеся вблизи железнодорожных станций, были «рассадниками раскола и сектантства».

В. В случае Черной – с близостью к тайге и, значит, заимкам и скитам старообрядцев. Открытие здесь приходской школы должно было упредить их миссионерские путешествия по окрестным переселенческим участкам, на которые прибывали как потенциальная паства, так и «братья по вере», способные материально поддержать монашеские части своих общин.

Заключение

Апробация средств цифрового картографирования для приходской школьной сети позволила сделать следующие выводы. Во-первых, обнаружить зависимости в их расположении и составить представление о мотивах, которыми руководствовались епархиальные власти при выделении средств на обустройство школ и командировании причтов и миссионеров. Это объясняет, почему в официальной информации, полученной через сельских причтов, благочинных, личных поездок епископа Томского, миссионеров, корреспондентов «Томских епархиальных ведомостей» и обработанной сотрудниками Томской духовной консистории, остаются вне поля зрения церковных властей большие пространства епархии, а миссионерская и школьная работа концентрируется вдоль двух транспортных магистралей и

центров переселения – реки Томь и Московско-Сибирского тракта.

Во-вторых, деятельность приходских училищ не могла быть сосредоточена только на распространении грамотности: этому препятствовала разность микрорегиональных контекстов их работы. Например, присутствие в приходе староверов могло заставить приехавшего миссионера или опытного священника вовлекать детей в беседы об опасности отступления от официального православия и на занятиях делать больший акцент на соблюдении религиозного ритуала, нежели на освоении навыков грамотности. Равным образом природные и инфраструктурные условия могли мешать реализации замысла приходского образования: количество учеников в сельской школе прямо зависело от полового, полевого сезона или отсутствия дороги.

В дальнейшем, комбинируя рассмотренные факторы с данными о карьерном и образовательном бэкграунде причтов, хозяйственном положении поселения, вводя в расчет временные ряды, можно получить новые зависимости и уточнить пути приспособления института приходской школы к условиям конкретной местности и населенных пунктов, преодолевая разрозненность информации множества видов исторических источников.

Примечания

- ¹ Современные юг Томского района Томской области, Болотнинский район Новосибирской области, Юргинский и Яшкинский муниципальные округа Кемеровской области.
- ² Современное село Коларово Томского района Томской области.
- ³ Проскоковский, Поломошинский, Кулаковский приходы.
- ⁴ Петропавловский, Наумовский, Кониинский приходы.
- ⁵ В расчет не брались целый Болотнинский приход и несколько десятков поселений из других приходов из-за трудности их современной локализации и отсутствия данных о численности их населения.
- ⁶ Расчеты проведены по [12–14].
- ⁷ Расчет произведен по [16; 17].
- ⁸ Подсчет произведен по [14; 15].
- ⁹ Здесь и далее маркеры населенных мест, подписи и выделенные почтово-ямные тракты – мои [А.П.].

Список источников

1. Костина Е.А. Факторы создания и деятельности второклассных школ Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 10. С. 70–73.
2. Лебедева Н.Н. Церковно-приходская школа и православное духовенство Восточной Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 1. С. 121–124.
3. Валитов А.А. Образовательная деятельность православной церкви в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Образование и наука. 2014. № 111. С. 98–112.
4. Плешивцев А.К. Сибирское приходское духовенство как актор распространения грамотности // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 493. С. 147–154. doi: 10.17223/15617793/493/17
5. Почервин Е.В. Церковно-приходские школы в системе местного хозяйства Сибири в начале XX вв. // Макарьевские чтения : материалы XII международной научной конференции, Горно-Алтайск, 18–20 сентября 2017 г. Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет, 2017. С. 224–229.
6. Чуркин М.К. Русская православная церковь как инструмент имперской колонизации Азиатской России в дискурсе дневников и записок миссионеров Алтайской духовной миссии (конец XIX – начало XX в.) // Культурный код. 2023. № 3. С. 158–172.
7. Исторические информационные ресурсы в исследовательской инфраструктуре: модели репрезентации, анализа и интеграции данных по региональной истории : отчет о НИР (промежуточ.) (№ проекта 23-78-10119) / Томский государственный университет ; рук. Т.В. Полежаева ; исполн. : Е.Е. Дутчак, Т.Е. Болдовская [и др.]. Томск, 2024. 151 с.
8. Список населенных мест Томской губернии за 1893 год. Томск : Типография губернского правления, 1893. 381 с.
9. Список населенных мест Томской губернии на 1899 год. Томск : Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1899. 781 с.
10. Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Томск : Типография губернского управления, 1911. 577 с.
11. Справочная книга по Томской епархии за 1902/3 год / ред. Д.Е. Березов. Томск : Типография Епархиального братства, 1903. 531 с.
12. Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 год. Томск : Типография Приюта и Дома Трудолюбия, 1911. 810 с.
13. Карта Томской губернии с указанием переселенческих участков, образованных до 1913 г. включительно. Томск : Изд-во Переселенческого управления, 1913. 1 : 165 000. URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_1913-guberniya/# (дата обращения: 27.01.2025).
14. 10-верстная карта Томской губернии : на 9 л. Томск : Изд-во Томского Губземства, 1921. 1 : 420 000. 9 л. URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_10verst/# (дата обращения: 27.01.2025).
15. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1880–1919 // Яндекс. Поиск по архивам. URL: <https://yandex.ru/archive/catalog/8e6966ba-32e0-42e2-a216-556cd68019a5/years> (дата обращения: 27.01.2025).
16. Краев М.Ф. География Томской губернии. Томск : Типография Губернского управления, 1916. 122 с.
17. Поверхностное описание судоходных рек Западной Сибири, входящих в границы Томского округа Министерства путей сообщения. Томск : Типография губернского управления, 1915. 261 с.

18. Евтихиева И.А. Чудотворные иконы Томской епархии // Традиции и современность. Взаимосвязь традиционного и профессионального; закономерности развития народного искусства; современная методология исследований : сборник. Тюмень, 1998. С. 67–73.
19. Обозрение епархии его преосвященством, преосвященнейшим Макарием, епископом Томским и Барнаульским в июне и июле месяцах 1899 года // Томские епархиальные ведомости. 1 февраля 1900. № 3. С. 5–14.
20. Речь о закладке дома для церковно-приходской школы в селе Зоркальцах // Томские епархиальные ведомости. 1 июня 1887. № 11. С. 14–17.

References

1. Kostina, E.A. (2016) Faktory sozdaniya i deyatelnosti vtoroklassnykh shkol Zapadnoy Sibiri kontsa XIX – nachala XX vv. [Factors of Creation and Activity of Second-Class Schools in Western Siberia in the Late 19th and Early 20th Centuries]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 10. pp. 70–73.
2. Lebedeva, N.N. (2022) Tserkovno-prihodskaya shkola i pravoslavnoe dukhovenstvo Vostochnoy Sibiri na rubezhe XIX–XX vv. [Parochial Schools and the Orthodox Clergy of Eastern Siberia at the Turn of the 20th Century]. *Trudy Bratskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*. 1. pp. 121–124.
3. Valitov, A.A. (2014) Obrazovatel'naya deyatel'nost pravoslavnoy tserkvi v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [Educational Activities of the Orthodox Church in Western Siberia in the Late 19th and Early 20th Centuries]. *Obrazovanie i nauka*. 111. pp. 98–112.
4. Pleshivtsev, A.K. (2023) Siberian Parish Clergy as an Agent of Literacy Spreading. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 493. pp. 147–154. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/493/17
5. Pocherevin, E.V. (2017) [Parish Schools in the System of Local Economy of Siberia in the Early 20th Century]. *Makarevskie chteniya* [Makaryev Readings]. Proceedings of the 12th International Conference. Gorno-Altaysk. September 18–20, 2017. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 224–229. (In Russian).
6. Churkin, M.K. (2023) Russkaya pravoslavnaya tserkov kak instrument imperskoy kolonizatsii Aziatskoy Rossii v diskurse dnevnikov i zapisok missionerov Altayskoy dukhovnoy missii (konets XIX – nachalo XX v.) [The Russian Orthodox Church as a Tool of Imperial Colonization of Asian Russia in the Discourse of Diaries and Notes of Missionaries of the Altai Spiritual Mission (Late 19th – Early 20th Century)]. *Kul'turnyy kod*. 3. pp. 158–172.
7. Tomsk State University (2024) *Istoricheskie informatsionnye resursy v issledovatel'skoy infrastrukture: modeli reprezentatsii, analiza i integratsii dannykh po regional'noy istorii: otchet o NIR (promezhutochn.) (№ proekta 23-78-10119)* [Historical Information Resources in the Research Infrastructure: Models of Representation, Analysis and Integration of Data on Regional History: Research Report (Interim) (Project No. 23-78-10119)]. Tomsk.
8. Anon. (1893) *Spisok naselennykh mest Tomskoy gubernii za 1893 god* [List of Populated Places of Tomsk Province for 1893]. Tomsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya.
9. Anon. (1899) *Spisok naselennykh mest Tomskoy gubernii na 1899 god* [List of Populated Places of Tomsk Province for 1899]. (1899) Tomsk: Tovarishchestvo "Pechatnya S.P. Yakovleva".
10. Anon. (1911) *Spisok naselennykh mest Tomskoy gubernii na 1911 god* [List of Populated Places of Tomsk Province for 1911]. Tomsk: Tipografiya gubernskogo upravleniya.
11. Anon. (1903) *Spravochnaya kniga po Tomskoy eparkhii za 1902/3 god* [Reference Book for the Tomsk Diocese for 1902/3]. (1903) Tomsk: Tipografiya Eparkhial'nogo bratstva.
12. Anon. (1911) *Spravochnaya kniga po Tomskoy eparkhii za 1909/10 god* [Reference Book for the Tomsk Diocese for 1909/10]. Tomsk: Tipografiya Priyuta i Doma Trudolyubiya.
13. Etomesto.ru. (1913) *Karta Tomskoy gubernii s ukazaniem pereselencheskikh uchastkov, obrazovannykh do 1913 g. vkhlyuchitel'no* [Map of Tomsk Province Showing Resettlement Plots Formed by 1913 Inclusive]. Scale 1:165,000. Tomsk: Izdatel'stvo Pereselencheskogo upravleniya. [Online] Available from: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_1913-guberniya/# (Accessed: 27.01.2025).
14. Etomesto.ru. (1921) *10-verstnaya karta Tomskoy gubernii: na 9 l.* [10-Verst Map of Tomsk Province: on 9 Sheets]. Scale 1:420,000. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo Gubzemstva. [Online] Available from: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_10verst/# (Accessed: 27.01.2025).
15. *Tomskie eparkhialnye vedomosti*. (1880–1919) Tomsk. [Online] Available from: <https://yandex.ru/archive/catalog/8e6966ba-32e0-42e2-a216-556cd68019a5/years> (Accessed: 27.01.2025).
16. Kraev, M.F. (1916) *Geografiya Tomskoy gubernii* [Geography of Tomsk Province]. Tomsk: Tipografiya Gubernskogo upravleniya.
17. Anon. (1915) *Poverstnoe opisanie sudokhodnykh rek Zapadnoy Sibiri, vkhodyashchikh v granitsy Tomskogo okruga Ministerstva putey soobshcheniya* [Verst Description of Navigable Rivers of Western Siberia within the Boundaries of the Tomsk District of the Ministry of Transport]. Tomsk: Tipografiya gubernskogo upravleniya.
18. Yevtikhieva, I.A. (1998) Chudotvornye ikony Tomskoy eparkhii [Miraculous Icons of the Tomsk Diocese]. In: *Traditsii i sovremennost. Vzaимосвязь традиционного и профессионального; закономерности развития народного искусства; современная методология исследований: сборник* [Traditions and Modernity. The Interrelation of Traditional and Professional; Patterns of Development of Folk Art; Modern Research Methodology: Collection]. Tyumen. pp. 67–73.
19. *Tomskie eparkhialnye vedomosti*. (1900) Obozrenie eparkhii ego preosvyashchenstvom, preosvyashchenneyshim Makariem, episkopom Tomskim i Barnaulskim v iyune i iyule mesyatskh 1899 goda [Review of the Eparchy by His Eminence, the Most Reverend Macarius, Bishop of Tomsk and Barnaul, in June and July 1899]. 3. February 1st. pp. 5–14.
20. *Tomskie eparkhialnye vedomosti*. (1887) Rech o zakladke dlya tserkovno-prihodskoy shkoly v sele Zorkaltsakh [Speech at the Foundation Laying for a Parochial School Building in the Village of Zorkaltsy]. 11. June 1st. pp. 14–17.

Информация об авторе:

Плешивцев А.К. – младший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: shelkopyorov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.K. Pleshivtsev, junior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shelkopyorov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.02.2025;
одобрена после рецензирования 21.03.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 03.02.2025;
approved after reviewing 21.03.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья
УДК 94(47).083
doi: 10.17223/15617793/515/16

Взгляд жандармских офицеров на коммерцию и коммерческие слои в Сибири в дореформенное время

Петр Петрович Румянцев¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, petroom@mail.ru*

Аннотация. Исследуется представление жандармских офицеров на характер торговли, торговые отношения в Сибири, устанавливается характеристика, которую давали жандармы лицам, занимавшимся коммерцией. Источниками послужили жандармские рапорты, донесения, отчеты. Сделаны выводы, что жандармы в своей служебной деятельности уделяли повышенное внимание различным вопросам, связанным с развитием торговых отношений в Сибири, занимались исследованием обстоятельств, связанных с упадком торговли, предлагали меры по улучшению ситуации в торговой сфере, часть из которых принималась в расчет региональной властью.
Ключевые слова: Корпус жандармов, жандармы, надзор, Сибирь, XIX в., торговля, коммерция, ярмарки, коммерсанты, купечество

Источник финансирования: статья подготовлена на базе Института российской истории РАН в рамках научного проекта «Представления жандармских офицеров о России в дореформенную эпоху», выполняемого за счет гранта Российского научного фонда № 23-2801576, <https://rscf.ru/project/23-28-01576>.

Для цитирования: Румянцев П.П. Взгляд жандармских офицеров на коммерцию и коммерческие слои в Сибири в дореформенное время // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 136–144. doi: 10.17223/15617793/515/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/16

Gendarmerie officers' view on commerce and commercial strata in Siberia in the pre-reform period

Pyotr P. Rumyantsev¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, petroom@mail.ru*

Abstract. This study aims to explore the view of gendarmerie officers on trade in Siberia during the first half of the 19th century, examining both its general state and specific aspects. To achieve this aim, the following objectives were set: to identify reports by gendarmerie officers concerning trade and its labour force in Siberia; to determine the range of issues and problems in Siberian trade that these officers highlighted; and to monitor the reaction of government representatives to their reports. The primary sources for this article are gendarmerie documents, namely reports intended for the leadership of the Gendarmerie Corps and the Siberian gendarmerie district. The methodology is based on historical analysis, incorporating the historical-comparative, historical-narrative, and historical-systemic methods. The study concludes that gendarmerie officers in Siberia devoted significant attention to various aspects of commercial activity in their professional duties. A substantial body of documents has survived in which gendarmes provided information on the development of Siberian trade. These reports characterized individuals engaged in commerce, outlining the primary occupations and interests of the local merchant class. The gendarmes considered commerce a vital sector with a significant impact on the entire regional economy. They advocated for the expansion of trade with neighbouring countries, believing it would greatly benefit the entire Russian state. The officers understood that the welfare of the Siberian population depended heavily on the state of trade. They documented instances of malpractice in trade between the Russian population and indigenous Siberian peoples and argued for the necessity of rectifying these abuses in commercial relations. In their reports, the gendarmes did not merely list facts; they also investigated the causes and circumstances behind trade declines and even served as commandants at various fairs. Furthermore, they proposed measures intended to foster the development of trade in Siberia. Some of these proposals were implemented by local authorities and yielded positive results for regional commerce. Thus, this research supports the conclusion that the gendarmes' duties were multifaceted, extending beyond defending the political order and conducting investigations.
Keywords: gendarmerie corps, gendarmes, supervision, Siberia, 19th century, trade, commerce, fairs, merchants, merchant class

Financial support: The article was prepared on the basis of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences as part of the scientific project "Representations of Gendarmerie Officers about Russia in the Pre-Reform Era", funded by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-2801576, <https://rscf.ru/project/23-28-01576>.

For citation: Rumyantsev, P.P. (2025) The view of gendarmerie officers on commerce and commercial strata in Siberia in the pre-reform period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 136–144. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/16

Жандармский надзор устанавливался постепенно и к середине XIX в. охватывал практически всю территорию Российской империи. Так, в каждой губернии находилось следующее количество жандармских служащих: один штаб-офицер в чине от майора до полковника включительно, состоявший при нем один адъютант в обер-офицерском чине (от прапорщика до капитана включительно), а также жандармская команда численностью до 30 чел. во главе с обер-офицером, которая размещалась в губернском центре и использовалась, как правило, для поддержания там порядка.

Жандармские штаб-офицеры и их адъютанты следили за обстановкой в губернии, не имея права вмешиваться в какие-либо события, за редким исключением, и должны были сигнализировать своему начальству обо всех явлениях и происшествиях, которые, на их взгляд, представлялись важными или имели чрезвычайный характер. Для правительства подобные донесения имели большое значение по той причине, что жандармы не зависели от местной власти, следовательно, они выступали сторонними наблюдателями, не имевшими своего интереса, кроме служебного, и их сообщения могли носить более-менее объективный характер. В поле зрения жандармских чинов попадало множество вопросов, в том числе и экономическая жизнь в регионах, на которую жандармы обращали пристальное внимание, в том числе и по причине прямой зависимости благосостояния населения от состояния местной экономики. В силу разных причин в отечественной историографии жандармский надзор за экономическим сектором остается малоизученной темой, не последнюю роль здесь играет дефицит сохранившихся исторических источников по этой теме. Исследователи обращали внимание на жандармский надзор за ярмарочной торговлей как в целом по стране [1], так и в отдельных регионах [2, 3]. Хорошо исследована история организации и функционирования жандармского надзора за золотодобычей в Сибири [4–6].

В представленной статье будет предпринята попытка изучить взгляд жандармских офицеров на торговые отношения в Сибири, проследить, какую они давали характеристику лицам, занимавшимся коммерцией. Сибирский регион в качестве территориальных рамок выбран по той причине, что он был самым удаленным от центра, имел свои особенности администрирования и социального развития, как, например, отсутствие как такового крепостного права, что предоставляло местным крестьянам свободу в их деятельности, в том числе и для занятия торговлей.

Правительство интересовалось качеством функционирования аппарата управления и в целом деятельностью как населения в Сибири, так и отбывавшими там наказание политическими ссыльными, и жандармерия являлась одним из источников информирования центральной власти по этим вопросам. Хронологические рамки исследования охватывают конец 20-х – начало

60-х гг. XIX в., с момента появления первых жандармских чинов в Сибири и до проведения реформы в крестьянской среде.

Фактически с начала своего появления в Сибири жандармские офицеры обратили внимание на состояние торговых отношений в крае и характеризовали лиц, ею занимавшихся. В 1829 г. сибирский регион с секретной миссией посетил жандармский подполковник А.П. Маслов, который вышел за рамки поставленной перед ним задачи, связанной с обзором образа жизни декабристов, а сообщил руководству политический полиции самые разнообразные сведения из тех местностей, через которые он проезжал.

В отправленной в конце 1829 г. записке под названием «Общие замечания о Сибири. О средствах к улучшению благосостояния поселян, городов и инородцев в Сибири» Маслов приводил свой взгляд на сибирскую торговлю. По мнению жандармского чина, торговля в Сибири находилась «не в цветущем состоянии», осуществлялась на нескольких крупных ярмарках (Ирбитской и Макарьевской) и в Москве. Сибирские торговцы привозили туда пушнину, сельскохозяйственную продукцию, рыбу, взамен же они вывозили многочисленные товары мануфактурного производства, «а именно: всяких сортов сукна, парчи, шелковой и бумажной материи, меха, сахар, кофей, фарфоровую, фаянсовую, стеклянную, медную, чугунную посуду, выделанные скотские кожи, замшу, полотна, ткацкие холсты, закуски, водки, вина, варенье и сухие ягоды, восковые и сальные свечи, мыло и тому подобное, словом, все, что только нужно для здешнего края, даже самые мелкие и простонародные вещи, как-то: гвозди, серьги, запонки, кольца, топоры, пилы и проч.». Маслов замечал, что большинство из перечисленных товаров обрабатывается в европейской части страны из сибирского сырья, сами товары посредственного качества, и таким образом, делал он вывод, торговля выгодна более «для купцов и фабрикантов внутренних российских городов» [7. Л. 29 об.–30].

Для развития всей торговли в сибирском регионе Маслов предлагал применить следующие средства. Так, он считал, что необходимо «естественные произведения Сибири» выделять на месте. Также он предлагал разрешить купцам 3-й гильдии вести торговую деятельность по всей какой-либо губернии, где они проживали, а не только в границах одного округа, как это было принято, а также их следовало освободить от взноса пошлин на право торговли. Данная мера, по мнению Маслова, могла бы способствовать тому, что ремесленники и крестьяне, главные производители в Сибири «мелочных произведений», получили бы возможность сбыта своей продукции указанным купцам [7. Л. 31].

Жандармский полковник также давал собственную оценку влиянию ярмарочной и заграничной торговли на развитие торговых отношений в Сибири. По мне-

нию Маслова, Ирбитская ярмарка, одна из самых крупных в России по количеству торгового оборота, больше вредила, чем приносила пользу сибирской торговли. Жандармский чин предлагал перенести эту ярмарку вглубь Сибири, например в Тобольск или Тюмень, что может оживить торговлю. «Фабриканты, купцы, мелочные торговцы и ремесленники нашли бы для себя верный источник сбывать свои произведения, поселяне не менее выиграли бы от удобной продажи своих изделий, равно как и от провоза в передний и обратный путь товаров», — писал Маслов и выражал надежду, что в коммерческо-промышленной среде европейской части страны нашлись бы лица, желающие переехать на обильные и богатые пространства Сибири, оставшись здесь на постоянное жительство, что, несомненно, благоприятно скажется на развитии всего сибирского региона [7. Л. 33–33 об.].

Маслов выражал надежду, что с присоединением так называемой Киргизской степи (территория между южным Уралом, Иртышом и устьем Сырдарьи) усилится российская торговля с Бухарой, Ташкентом и Кокандом. По мнению жандармского чина, у жителей указанных регионов можно обменивать имеющийся у них в большом количестве скот на сельскохозяйственные продукты, в которых они сильно нуждаются. Также Маслов считал, что важность среднеазиатских торговых партнеров заключается в том, что они могут поставлять шелк и бумажные материи, которые в то время закупались в Китае, и их доставка обходилась крайне дорого. Маслов надеялся, что правительство на первое время разрешит вести такую торговлю всему местному населению, особенно проживавшему вблизи границы («линейным жителям»), без специальной записи их в купеческие гильдии, а также ввозимые заграничные товары не будут облагаться пошлинами. По мнению Маслова, на первых порах от последней уступки могли произойти экономические убытки для казны, однако, с другой стороны, возможны политические выгоды, т.к. появится способ распространения христианства и просвещения среди среднеазиатского населения, «привязать их и соседние владения к России». Более того, Маслов был уверен, что подобная торговля откроет путь в Индию [7. Л. 35–36]. Таким образом, можно сделать вывод, что жандармский чин в конце 20-х гг. XIX в. видел возможный потенциал сибирской торговли не только для региона, но и для всей страны в целом.

В других своих донесениях Маслов неоднократно акцентировал внимание на различного рода злоупотреблениях, совершаемых местной властью и частными лицами, в том числе и со стороны торговцев. Так, в одном из своих рапортов жандармский чин указывал, что иркутское губернское начальство не обращает внимания на торговлю купцов, которые каждую весну загужают барки различным товаром, в том числе и «кизярской водкой». Последняя, со слов Маслова, выступает «вместо ходячей монеты, как самое верное и надежное средство в получении барышей» и с помощью которой происходит спаивание инородческого населения, живущего на р. Лене, после чего купцы «на кизлярскую водку выменивают дорогие звериные шкуры».

Далее Маслов приводил примеры торговли, грабительской по своему характеру для коренных народов Сибири, отчего последние становятся должниками и вынуждены длительное время выплачивать свои долги. Жандармский ревизор также приводил пример быстрого обогащения приказчиков некоторых купцов, которые разъезжали по окрестным селениям и заставляли местных крестьян сдавать им по низкой цене продукты своих ремесел и различной деятельности, позже продаваемые по завышенной цене. Для предотвращения этой ситуации Маслов предлагал принять меры, защищающие коренное и крестьянское население от деятельности купцов, «которых можно назвать пиявками, сосущими кровь жителей» [8. Л. 51 об.–53 об.].

В 1833 г. был учрежден 7-й жандармский округ, получивший неофициальное название Сибирского по той причине, что в его состав вошли все четыре сибирские губернии (Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская), Омская область, а также Оренбургская и Пермская губернии. С 1837 г. округ получил 8-й порядковый номер в связи с появлением нового жандармского округа — на Кавказе. Первым начальником Сибирского жандармского округа стал уже упомянутый полковник Маслов по той причине, что ему уже был известен сибирский регион, а также он имел опыт руководства жандармским округом, т.к. до этого назначения он занимал должность начальника 5-го жандармского округа. Появление постоянного жандармского надзора позволило осуществлявшим его лицам погрузиться в специфику региона и сообщать своему начальству различную информацию.

В одном из своих первых ежегодных отчетов о состоянии подведомственного ему округа полковник Маслов указывал на деятельность приехавших в Сибирь торговцев, которых он именовал «взяжниковцами». По мнению жандармского полковника, деятельность этой категории торговцев оказывала неблагоприятное влияние на развитие коммерческих отношений в регионе по той причине, что они свободно разъезжали по всей Сибири, сбывая свой товар среди местных крестьян по низким ценам, при этом не платя никаких пошлин. По этой причине местное купечество не могло с ними конкурировать, а потому терпело серьезные убытки. Обращал внимание жандармский окружной начальник и на тот факт, что полученные от торговли огромные суммы наличных денег «взяжниковцы» беспрепятственно вывозили из сибирского региона. Для исправления данной ситуации Маслов предлагал «сих торгашей» обязать за производимую ими торговлю в уездных городах платить положенный акциз в пользу городских доходов и ограничить торговлю в специально устроенных для этого лавках, а не разъезжая по домам местных обывателей [9. Л. 16].

На правительственном уровне этими сведениями заинтересовались. В марте 1835 г. министр финансов Е.Ф. Канкрин обратился к шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу, чтобы тот поручил Маслову провести исследование, не производится ли торговля крестьянами из числа «взяжниковцев» без оформления специальных свидетельств на торговую деятельность. В своем ответе Маслов сообщал, что по обширности сибирского

региона едва ли возможно в частном порядке установить точное число крестьян, торгующих без установленных свидетельств. Для выполнения данной задачи, по мнению Маслова, необходимо составить особую комиссию, которая бы и осуществила указанную проверку и обнаружила, кто производит торговлю без установленных свидетельств. Со своей стороны Маслов сообщал, что нельзя ручаться, что разъезжающие по Сибири «взяниковцы» имели необходимые для торговли свидетельства. В качестве примера он приводил такие города в Тобольской губернии, как Тюмень, Ялуторовск, Курган, Ишим и Тара, где «приписались» по два и более «взяниковцев», каждый из которых ведет торговлю от 50 тыс. до 100 тыс. руб. в перечисленных городах и их округах. При этом, со слов Маслова, «взяниковцы» для сбыта своего товара отправляют по селениям большое количество приказчиков из местных крестьян, у которых нет свидетельств на торговлю или же сами «взяниковцы» ездят в другие округа «под видом проезда в другие губернии или на ярмарки; одним словом, сии изворотливые торгошники везде находят способы к расширению своей торговли» [10. Л. 1–5 об.].

Преемник Маслова в должности окружного начальника генерал-майор Н.Я. Фалькенберг давал следующую характеристику «взяниковцам» и их деятельности: «Они большей частью господские люди или крестьяне, торгуя по гильдейским свидетельствам, не только во всех городах Сибири, но и селениях, уничтожили, можно сказать, всю местную торговлю сибирского купечества и приводят их в упадок; не будучи обязаны разными повинностями, как местное купечество, взяниковцы, неся менее расходов, употребляют еще все возможные извороты к сбыту своих товаров и, вывозя из Сибири значительные капиталы, не вознаграждают в замене край ничем; даже привозимые ими товары наших фабрик не отличаются в своем достоинстве» [11. Л. 123 об.–124]. Для исправления данной ситуации жандармский генерал предлагал определить, какими именно изделиями могут торговать «взяниковцы», повысить цену на торговые свидетельства для них и лиц, торгующих на одном месте более трех лет, а также заставить выполнять различные городские повинности по избранию городского общества [11. Л. 124].

Деятельность жандармских офицеров в губерниях со временем «обрастала» различными функциями, одной из которых было выполнение ими обязанностей временных комендантов на различных ярмарках. Данная обязанность была возложена на жандармов в 1833 г. По причине большого количества устраиваемых по всей территории России ярмарок и небольшого штата жандармских служащих было принято решение о составлении расписаний ярмарок, куда следовало командировать жандармских офицеров для выполнения ими обязанностей временных комендантов. В сибирском регионе таких ярмарок было немного (данные на 1852 г.): в Тобольской губернии – в крепости Обдорской (декабрь и январь) и вблизи села Маслянского в Шадринском уезде (25–30 августа), в Томской губернии – в г. Нарыме (май и июнь) и в Иркутской губернии – в слободе Кяхта (январь или февраль) [12. Л. 15–

16 об.]. Первоначально офицеры Сибирского жандармского округа также исполняли обязанности временного коменданта на Ирбитской ярмарке, расположенной в Пермской губернии и являвшейся второй по количеству товарооборота ярмаркой в России после Нижегородской (Макарьевской). Однако с середины 1840-х гг. надзор за Ирбитской ярмаркой стали осуществлять чины 7-го жандармского округа, которые также вели надзор за Макарьевской ярмаркой.

На протяжении трех десятилетий жандармские офицеры в Сибири выполняли обязанности временных комендантов на указанных ярмарках, а также некоторых других, проводившихся в сибирском регионе. По окончании каждой ярмарки жандармским офицерам следовало составить специальный отчет, предназначенный для окружного и корпусного жандармского начальства, в котором подводились итоги ярмарочной торговли, а также представлялся взгляд жандармских офицеров на эту торговлю в целом. Приведу некоторые выдержки из таких отчетов.

О самой крупной ярмарке, Ирбитской, жандармские офицеры сообщали только положительные сведения, в том числе приводили точные данные о ее товарообороте. Так, в 1845 г. находившийся в Пермской губернии жандармский штаб-офицер майор В.В. фон Вендрих докладывал, что ярмарка прошла в Ирбите с 15 февраля по 15 марта совершенно благополучно без совершения каких-либо происшествий, заслуживающих особого внимания. Жандармский чин указывал следующие товары, которые были привезены из Сибири на продажу: «мягкая рухлядь, чай, китайские и бухарские произведения, а из России – шерстяные и шелковые товары, металлы невысоких сортов, виноградные вина, сахар, красильные материалы и частью другие предметы роскоши». Все товары, по сведениям фон Вендриха, были проданы по выгодным ценам, особенно сибирская пушнина, а также он отмечал повышенные цены на чай и сахар по причине привоза небольшого их количества на данную ярмарку. Все товары, продолжал жандармский чин, большей частью вывезены в Сибирь, а чай закуплен для розничной торговли в Пермскую, Вятскую, Тобольскую, Оренбургскую и Казанскую губернии, в то время как «сибирская мягкая рухлядь» закуплена «в Санкт-Петербург, Москву, Лондон, Париж и Лейпциг» [13. Л. 1, 1 об.]. Начальник жандармского округа в Сибири генерал-майор Н.Я. Фалькенберг в одном из своих рапортов сообщал шефу жандармов, что Ирбитская ярмарка служит местом открытия фальшивых денег и продажи хищнического золота, тайно вывозимого с сибирских золотых приисков. Впрочем, добавлял жандармский генерал, местная полиция вполне успешно борется с этими негативными явлениями [14. Л. 4].

Сохранились жандармские донесения и про другие ярмарки, устраиваемые в Сибири. В январе 1845 г. находившийся в Тобольской губернии жандармский штаб-офицер майор В.И. Петровский исполнял обязанности временного коменданта на Обдорской ярмарке, которая проходила в крепости Обдорск, расположенной более чем в 1 500 км от Тобольска в районе

современного г. Салехард. Перед началом ярмарки генерал-губернатор Западной Сибири князь П.Д. Горчаков просил этого жандармского чина вести строгий надзор за соблюдением установленных Сенатом правил о сборе с инородцев Западной Сибири ясака натурой и запрещении частным торговцам вести с ними торговлю до окончательного взноса ясака, а также обязал Петровского предоставить отчет об итогах проведения ярмарки [15. Л. 185]. Жандармский майор справился с поставленной задачей, несмотря на то, что исполнение указанной обязанности было для него первым подобным опытом, а на жандармской службе он находился и вовсе полгода. Тем самым он представил взгляд человека, неискушенного в особенностях ярмарочной торговли.

Согласно Петровскому, Обдорская ярмарка являлась уникальной и непохожей на другие ярмарки, т.к. она предназначена исключительно для местного инородческого населения, по этой причине жандармский чин называл ее рынком, на котором инородцы закупают на год вперед необходимые им продукты и товары такие, как печеный хлеб, муку, листовой табак, сырые кожи, котлы, снаряжения для ловли рыбы и пр. В свою очередь, торговцы не наживаются на местном населении, приобретая у него лишь «малоценную рухлядь и весьма малое количество лисиц». По мнению Петровского, одна из главных причин небольшого торгового оборота данной ярмарки заключается в том, что коренные народы предпочитают вести отношения только с узким кругом знакомых им лиц и отказываются вести торговлю с незнакомыми им людьми. По этой причине торговцы предпочитают ездить на другие, более крупные ярмарки, как Ирбитская, рассчитывая там получить максимальную прибыль от продажи своих товаров [15. Л. 207–209]. Побывавший через 20 лет на этой ярмарке тобольский жандармский штаб-офицер полковник А.О. Заранек в своем донесении также подтверждал, что Обдорская ярмарка больше представляла из себя рынок, указывая, что ярмарочные помещения там состояли из 20 ветхих амбаров, заменявших лавки и расположенных на одной площади [16. Л. 2, 3].

Состоявший при жандармском штаб-офицере в г. Омске штабс-капитан Борщов, бывший в 1857 г. временным комендантом на всей той же Обдорской ярмарке, в своем рапорте приводил информацию о специфике торговых отношений на ней. Так, он отмечал, что открытие ярмарки из года в год начинается в разное время и зависит от уплаты коренными народами в казну ясака. До этого момента торговля официально запрещена, что, по мнению Борщова, ведет к постепенному ее упадку. Также жандармский чин приводил особенности торговых отношений, которые сложились «исстари» и заключались в следующем. Сибирские купцы заранее выдавали инородческому населению все необходимое для их домашнего быта, затем уже «по мере возможности и, смотря по тому, был ли улов зверя, они собирают с них долги (звериными шкурами), не делая при этом не только им притеснений, но даже в случае нужды снисходят к ним и откладывают взыски свои на год и более». Борщов подтверждал, что

инородцы по-прежнему ведут торговые отношения только со знакомыми им людьми, приезжая в Обдорск со своими семьями за месяц до начала открытия ярмарки с целью уплаты ясака, дающего им после этого право на куплю-продажу товаров, отчего терпят большие неудобства. Жандармский чин считал необходимым разрешить купцам вести торговлю с инородцами с самого начала их прибытия в Обдорск, чтобы «каждый торгующий имел бы возможность собирать с них долги, хотя понемногу и этими средствами продолжать иметь с ними дела, не опасаясь за свою будущность». Еще один вывод жандармского чина заключался в необходимости замены для инородцев ясака на подать (налог), взимаемый по их усмотрению либо звериными шкурами, либо деньгами, а также он предлагал разрешить вести торговые отношения с русским купечеством в течение всего года, а не только во время проведения единственной ярмарки, «тогда развилась бы в тамошнем крае торговля, а через частные сношения с русскими дошло бы до инородцев гораздо скорее просвещение» [17. Л. 4–7 об.].

Позиция Борщова была поддержана начальником Сибирского жандармского округа генерал-майором Я.Д. Казимирским и через руководство Корпуса жандармов доведена до генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда и Министерства финансов. Начальник Западной Сибири распорядился реализовать следующие меры: разрешить инородцам торговать во всякое время, но только в установленных для этого местах; запретить «русским промышленникам» въезд в тундру без особого разрешения; разрешить уплату ясака зверем или деньгами по ценам, определяемым раз в три года; за дорогие шкуры выдавать немедленно инородцам деньги, за вычетом с них следующего ясака, прием которого следовало осуществлять в любое время на ярмарках и различных «торжках»; учредить в Обдорске сверх зимней еще и летнюю ярмарку, устраиваемую с 15 августа по 1 сентября [17. Л. 13–32].

Особое внимание жандармские чины обращали на торговлю в Кяхте, населенный пункт, расположенный в Забайкалье на границе с Китаем, где размещалась таможня, переведенная в конце XVIII в. из Иркутска. Торговля в Кяхте носила международный характер и имела большое значение для экономического развития не только сибирского региона, но и всей Российской империи. По результатам своей первой поездки в Сибирь 1829 г. полковник Маслов представил в том числе записку о развитии торговли в Кяхте.

По мнению жандармского чина, кяхтинская торговля пребывала в состоянии упадка по целому ряду причин: невыполнения условий Правил торговли в Кяхте, утвержденных в 1800 г., большого количества различного торгового люда, которые мешают друг другу вести торговлю [7. Л. 12–14]. В своих донесениях Маслов сообщал, что торговля в Кяхте могла бы доставлять выгоду всему населению Сибири, однако по причине того, что она находится в руках купечества, то они и пользуются основными ее выгодами. При этом Маслов утверждал, что сами купцы не решаются на расширение своей торговли и изменение ее характера, предпочитая обычный торг товаров [7. Л. 30–31].

Начальник жандармского округа в Сибири генерал-майор Н.Я. Фалькенберг в своем годовом отчете за 1837 г. указывал, что кяхтинская торговля, которую он называл меновой, ежегодно дает российскому государству до 10 млн руб. таможенных сборов, а также приносит населению Сибири огромные выгоды за счет перевозки «вымениваемых китайских товаров и сбыта важного количества разной рухляди, добываемой в Сибири». Вместе с тем жандармский генерал выражал озабоченность неограниченной продажей хлеба в Китае, который закупается для продажи только в Забайкальском уезде и в основном местными крестьянами, которые не платят за это никаких сборов. От этого, по мнению Фалькенберга, происходит двойной вред: возникает опасность дефицита хлеба для населения Забайкалья и казна не получает определенную сумму денег от неуплаты взносов на право торговли. Жандармский генерал предлагал регулировать торговлю хлебом, исходя из его урожайности. Также для развития кяхтинской торговли Фалькенберг считал необходимым улучшение транспортной системы в Забайкалье за счет устройства на Байкале паромов, что, как он сам понимал, приведет к большим финансовым затратам, либо же реализовать проект Кругобайкальской дороги, предложенный подполковником Корпуса инженеров путей сообщения Медведевым [11. Л. 121–122].

Помимо официальной, т.е. разрешенной, торговли, которая устраивалась в Кяхте и проходила через местную таможню, также существовала неофициальная, связанная с покупкой-продажей различных товаров, которая велась на незаконных основаниях, без каких-либо на то разрешений и уплаты соответствующих взносов и податей. Одним из главных товаров, сбываемых в результате такой торговли, являлось так называемое хищническое золото, которое добывалось незаконным путем на сибирских золотых приисках или же тайным образом скупалось у сибирских приискателей, в первую очередь рабочих. В июне 1837 г. начальник жандармского округа генерал-майор Н.Я. Фалькенберг сообщал руководству Корпуса жандармов, что с частных золотых приисков в Томской губернии, несмотря на тщательный надзор со стороны золотопромышленников и местной полиции за рабочими, последние ухищряются выносить хищнически добытое ими золото, которое они продают в Томске скупщикам по 5 руб. за золотник (примерно 4,3 гр.). В дальнейшем это золото, со слов жандармского начальника, идет на изготовление различных товаров роскоши, в том числе специальных колец, на которые особо обученные «мастера» ставят фальшивые китайские клейма, которые настолько бывают искусно сделаны, что их трудно отличить от оригинальных китайских клейм. Через кяхтинскую торговлю эти кольца сбываются под видом оригинальной китайской продукции, которую при попадании в центральную часть России простые обыватели принимают «за китайскую редкость» и покупают по завышенным ценам. Для пресечения в будущем этой незаконной торговли жандармский окружной генерал предлагал Кяхтинской таможне накладывать на подобные кольца специальный штамп, чтобы отличать их от подделок, а также усилить преследование изготовителей фальшивых колец [18. Л. 2–3 об.].

Жандармские чины в Сибири по инициативе местных властей принимали участие в расследовании обстоятельств и причин повышения цен на жизненно важные продукты такие, как хлеб, соль. В декабре 1859 г. западно-сибирский генерал-губернатор Г.Х. Гасфорд обратился к руководству 8-го (Сибирского) жандармского округа с просьбой провести негласное расследование на предмет того, нет ли кроме неурожая и усиленной выкурки вина дополнительных причин «к непомерному возвышению цен на хлеб» в Тобольской губернии, а также еще узнать, нарушают ли в Тюмени таможенный соляной пристав правила продажи казенной соли, т.к. до Гасфорда дошли слухи, что он продает соль пермским промышленникам в ущерб местным жителям. По сведениям проводившего данное расследование омского жандармского штаб-офицера майора В.П. Рыкачева, причины возвышения цен на хлеб заключались в следующем. Во-первых, крестьяне Ишимского, Курганского и Ялуторовского округов за последние три года истратили значительную часть своих запасов хлеба (до 2,5 млн пудов) на корм свиней. Во-вторых, неурожай на уральских заводах привел к опустошению запасов хлеба в Курганском, Ялуторовском и частично в Тюменском и Ишимском округах. В-третьих, многие крестьяне «оставили хлебопашество, а обратились к торговле». В-четвертых, в некоторых округах Тобольской губернии «появились монополисты» из среды зажиточных крестьян, которые скупают значительную часть хлебных запасов «и в настоящее время скрывают, что запасы эти находятся в их руках». Из всего сказанного Рыкачев делал вывод, что угроза голода весьма возможна для жителей всей Тобольской губернии [19. Л. 1–4 об., 50–51].

Второе поручение Гасфорда майор Рыкачев также выполнил, сообщив, что продажа соли в Тюмени производится в ограниченном количестве, запасы соли в местных магазинах незначительны и уступают спросу. Тем самым делал вывод жандармский чин, недостаток соли в Тюмени серьезно ощущается. Собранные таким путем сведения генерал-губернатор Западной Сибири сообщил министрам финансов, государственных имуществ, а также внутренних дел, присовокупив, что необходимо срочно принять меры для исправления этой ситуации, чтобы регион не постигла участь массового голода [19. Л. 39–40, 52–53].

Узнать о взгляде жандармов на сибирскую коммерцию и занимающихся ею лиц можно из специальных полугодовых донесений, которые составлялись жандармскими губернскими штаб-офицерами для руководства Корпуса жандармов с 1832 г. [20]. Согласно специальному распоряжению шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа, в этих донесениях следовало сообщать о местных чиновниках, помещиках и представителях разных сословий, которые оказывали влияние на местное управление и общество [21. Л. 3–5]. В 1856 г. уже другой шеф жандармов, князь В.А. Долгоруков, уточнил перечень лиц, на которых губернским жандармским штаб-офицерам следовало собирать и представлять раз в полгода сведения, в том числе и на всех «замечательных лиц», оказывающих влияние на местное общество [21. Л. 28–29]. В подобных донесениях

жандармские чины из сибирских губерний сообщали и про лиц, занимавшихся торговой и промышленной деятельностью.

В сохранившихся полугодовых отчетах приводилась следующая информация о лицах, занимавшихся коммерцией в Сибири. Так, про иркутских коммерсантов указано следующее: «[А.Е.]Кузнецов, очень богатый и честный купец, занимается золотопромышленностью и слывет благотворителем, имеет свою партию, своих почитателей, круг их, хотя невелик, но состоит из значительнейших лиц; «[1-й гильдии купец Х.П. Кандинский] живет недалеко от города Нерчинска, ведомства горных заводов в селении, при обширной местной и заграничной торговли он занимается распространением и улучшением хлебопашества, преимущественно для пользы жителей Забайкальского края. Слывет благотворителем бедных»; «[Купец 1-й гильдии И.С. Хаминов], человек весьма коммерческий, ведет большую торговлю в Кяхте и занимается пароходством от Тюмени до Томской губернии» [22. Л. 4, 32].

Про коммерсантов из Западной Сибири в жандармских полугодовых донесениях можно выделить характеристику И.Д. Асташеву, который был «Первый по богатству из числа золотопромышленников Томской губернии, дела свои и капиталы ведет в отличном порядке, имея ввиду одно только преумножение своих капиталов; погруженный в сферу коммерческих оборотов, ведет жизнь уединенную, отдельную от всех и расчетливую даже до скупости». О коммерции советника С.И. Попова сообщалось, что он «Быстрого коммерческого ума, доброй души и благородных качеств. Круг его действий золотопромышленность, винные откупа и разработка свинцовой руды. Приобрел весьма хорошее теоретическое образование по всем этим частям. Очень расчетлив <...>. Одним словом, человек вполне достойный уважения и почтения» [23. Л. 12 об.–14].

В целом в полугодовых донесениях давались положительные характеристики коммерсантам, имена которых были известны далеко за пределами Сибири и кто пользовался большим влиянием и уважением в местном обществе и у представителей власти. В то же время в общей массе сибирскому купечеству могла даваться в целом не столь лестная характеристика, как, например, про томское купечество в отчете за вторую половину 1857 г. указано, что, несмотря на наличие среди них очень богатых, «но они, не отличаясь ни своим образованием, ни своей предприимчивостью в торговых оборотах, вообще не выходят из круга посредственности» [23. Л. 26].

В большинстве случаев в своих донесениях из Сибири жандармы приводили информацию о торговле и коммерсантах из русского населения, в то время как о представителях коренного населения, занимавшихся торговыми делами, они практически не упоминали, либо говорили о них вскользь. Также в жандармской документации мало встречается информации о коммерсантах из еврейской среды, и, как правило, она имеет отрицательный характер, содержатся обвинения купцов-евреев в незаконном обогащении. Так, жандармский штаб-офицер в Томской губернии подполковник А.М. Герасимов в октябре 1858 г. сообщал

начальнику жандармского округа в Сибири, что скопление в Томске большого количества евреев, по его мнению, «весьма вредно». Стремление евреев к оседлости в губернском городе жандармский чин объяснял желанием «заниматься переводом хищнического золота», благодаря которому некоторые лица из еврейской среды стремительно разбогатели и «записались в первостатейные купцы и располагают весьма значительным капиталом, чего, по всей вероятности, прямым путем достигнуть невозможно» – приходил к выводу Герасимов. По получении этих сведений, подтвержденных губернской властью, генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд просил окружного жандармского начальника содействовать властям в Томске «к открытию виновных в противозаконном обогащении» [24. Л. 2–3, 91–93, 96, 98].

По донесениям жандармов можно проследить их опасения от ситуации «сращивания» власти с коммерцией и занятием торговыми делами бывшими чиновниками. Ревизовавший в 1831 г. Сибирь жандармский капитан Алексеев в одном из своих рапортов приводил информацию о том, что нечестные на руку местные чиновники не боятся разоблачения, так как они могут в местах ссылки записаться в купцы, «производить на награвленные им деньги торговлю и, богатея, находиться еще в большем уважении у сибирских жителей, у коих одни деньги уважаются» [25. Л. 1 об.]. Первый начальник жандармского округа в Сибири полковник Маслов в одном из своих отчетов приводил пример томского прокурора Горохова, женатого на дочери богатого местного купца Филимонова, являвшегося, в свою очередь, родственником первооткрывателя сибирского золота купца Попова. Благодаря таким родственным связям, у местных коммерсантов, по мнению Маслова, существовала возможность влияния на присутственные места [9. Л. 7, 7 об.].

Таким образом, из проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Жандармские офицеры, находившиеся в сибирских губерниях, в своей профессиональной деятельности обращали пристальное внимание на состояние и развитие коммерции в регионе. В своих донесениях они сообщали о положении дел в сибирской торговле, о факторах, оказывавших на нее влияние, о лицах, занимавшихся коммерческой деятельностью.

Из этой документации можно сделать вывод, что жандармам были не безразличны общее состояние сибирской торговли и оказываемое ею влияние на местное общество. Жандармы не ограничивались констатацией каких-либо фактов о состоянии экономики, а предлагали меры, которые, по их мнению, могли способствовать общему улучшению положения дел в торговле. Региональные власти нередко прибегали к услугам жандармов, применяя их для решения каких-либо задач, в том числе по расследованию обстоятельств упадка экономики, выявлению незаконной торговли, фальшивомонетничества и пр. Жандармские чины добросовестно исполняли обязанности временных комendantов на крупных сибирских ярмарках, сообщая после их окончания в специальных рапортах общие итоги и приводили собственный взгляд на местную

торговлю. Проведенное исследование расширяет знания о деятельности жандармерии на региональном уровне и дает основание сделать вывод, что она не являлась исключительно репрессивным органом власти.

Дистанцированная от всех субъектов власти жандармское ведомство стремилось к оказанию содействия власти в решении различных задач и проблем, в том числе связанных с экономическим развитием.

Список источников

1. Романов В.В. Функционирование местных подразделений политической полиции в условиях проведения ярмарок в 1825–1860 гг. // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 1. С. 103–111.
2. Румянцев П.П. Жандармский надзор за Кяхтинской торговлей // Народы России, Сибири и стран Востока: история и современность : материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию войны на Халхин-Голе (1939–2019 гг.) (Иркутск, 15 мая 2019 г.). Иркутск : Оттиск, 2019. С. 94–100.
3. Румянцев П.П. Жандармский надзор за ярмарками в Сибири в XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 58–66. doi: 10.17223/19988613/61/8
4. Бибииков Г.Н., Бакшт Д.А. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 16–24.
5. Румянцев П.П. Изменение характера жандармского надзора за сибирской золотопромышленностью в 50–70-е гг. XIX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2 (22). С. 43–51.
6. Румянцев П.П. Прекращение жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири в 80-е гг. XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 1. С. 57–62.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 170. Д. 58.
8. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 29.
9. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 11. Д. 17.
10. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 175. Д. 76.
11. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 13. Д. 249.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 10. 1846 г. Д. 729.
13. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 185. Д. 129.
14. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 988.
15. Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. 3. Оп. 12. Д. 17722.
16. ИсАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5982.
17. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 197. Д. 134.
18. РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 255.
19. ИсАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18377.
20. Бибииков Г.Н. Полугодовые донесения губернских жандармских штаб-офицеров как источник по истории местного управления Российской империи 1830-х гг. // Новое прошлое. 2021. № 1. С. 34–57.
21. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 7. Д. 494.
22. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. 247 ч. Д. 15.
23. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. 247 ч. Д. 49.
24. ИсАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4406.
25. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 1317.

References

1. Romanov, V.V. (2010) Funktsionirovanie mestnykh podrazdeleniy politicheskoy politsii v usloviyakh provedeniya yarmarok v 1825–1860 gg. [The Functioning of Local Political Police Units During Fairs in 1825–1860]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 1. pp. 103–111.
2. Rummyantsev, P.P. (2019) [Gendarmerie Surveillance of Kyakhta Trade]. *Narody Rossii, Sibiri i stran Vostoka: istoriya i sovremennost'* [Peoples of Russia, Siberia and the Countries of the East: History and Modernity]. Proceedings of the International Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the Battle of Khalkhin Gol (1939–2019). Irkutsk. May 15, 2019. Irkutsk: Ottisk. pp. 94–100. (In Russian).
3. Rummyantsev, P.P. (2019) Gendarmerie Supervision of Fairs in Siberia in the 19th Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 61. pp. 58–66. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/61/8
4. Bibikov, G.N. & Baksht, D.A. (2016) Uchrezhdenie zhandarmskogo nadzora na zolotykh priiskakh Sibiri v 1841–1842 gg. [The Establishment of Gendarmerie Surveillance at the Gold Mines of Siberia in 1841–1842]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3 (41). pp. 16–24.
5. Rummyantsev, P.P. (2019) Izmenenie kharaktera zhandarmskogo nadzora za sibirskoy zolotopromyshlennostyu v 50–70-e gg. XIX v. [The Change in the Nature of Gendarmerie Surveillance of the Siberian Gold Industry in the 1850s–1870s]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"*. 2 (22). pp. 43–51.
6. Rummyantsev, P.P. (2019) Prekrashchenie zhandarmskogo nadzora za chastnoy zolotopromyshlennostyu v Sibiri v 80-e gg. XIX v. [The Cessation of Gendarmerie Surveillance of Private Gold Mining in Siberia in the 1880s]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 26 (1). pp. 57–62.
7. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 170. File 58.
8. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 3. File 29.
9. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 11. File 17.
10. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 175. File 76.
11. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 13. File 249.
12. Russian State Historical Archive. Fund 1286. List 10. 1846. File 729.
13. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 185. File 129.
14. State Archive of the Russian Federation. Fund 110. List 2. File 988.
15. Historical Archive of Omsk Oblast. Fund 3. List 12. File 17722.
16. Historical Archive of Omsk Oblast. Fund 3. List 4. File 5982.
17. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 197. File 134.
18. Russian State Historical Archive. Fund 37. List 5. File 255.
19. Historical Archive of Omsk Oblast. Fund 3. List 13. File 18377.
20. Bibikov, G.N. (2021) Polugodovye doneseniya gubernskikh zhandarmskikh shtab-ofitserov kak istochnik po istorii mestnogo upravleniya Rossiyskoy imperii 1830-kh gg. [Semi-Annual Reports of Provincial Gendarmerie Staff Officers as a Source on the History of Local Administration in the Russian Empire of the 1830s]. *Novoe proshloe*. 1. pp. 34–57.
21. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 7. File 494.

22. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 19. Part 247. File 15.
23. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 19. Part 247. File 49.
24. Historical Archive of Omsk Oblast. Fund 3. List 3. File 4406.
25. State Archive of the Russian Federation. Fund 109. List 3a. File 1317.

Информация об авторе:

Румянцев П.П. — д-р ист. наук, доцент кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: petroom@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

P.P. Rumyantsev, Dr. Sci. (History), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: petroom@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.11.2024;
одобрена после рецензирования 02.12.2024; принята к публикации 30.06.2025.*

*The article was submitted 28.11.2024;
approved after reviewing 02.12.2024; accepted for publication 30.06.2025.*

Научная статья
УДК 902.01
doi: 10.17223/15617793/515/17

Технология производства керамики кулайской культуры в Васюганье (по материалам поселений Степановское I и IV)*

Дмитрий Вадимович Селин¹, Людмила Александровна Чиндина²

¹ Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, selin@epage.ru

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, chindina37@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты технико-технологического анализа кулайской керамики из пос. Степановское I и IV. Установлено, что посуда пос. Степановское I характеризуется устойчивыми гончарными навыками. В пос. Степановское IV зафиксирована иная ситуация, на его площади происходило смешение двух групп с разными гончарными традициями. Проанализированная керамика отличается по своим характеристикам от посуды из других памятников Васюганья. Близкие аналоги можно обнаружить в материале Саровского городища.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, кулайская культурно-историческая общность, керамика, технико-технологический анализ

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01192, <https://rscf.ru/project/23-78-01192/>.

Для цитирования: Селин Д.В., Чиндина Л.А. Технология производства керамики кулайской культуры в Васюганье (по материалам поселений Степановское I и IV) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 145–153. doi: 10.17223/15617793/515/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/17

The ceramic production technology of the Kulai culture in Vasyugan (based on materials from the Stepanovskoye I and IV settlements)

Dmitriy V. Selin¹, Lyudmila A. Chindina²

¹ Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, selin@epage.ru

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, chindina37@mail.ru

Abstract. This article presents the results of a technical and technological analysis of Kulai ceramics from the Stepanovskoye I and IV settlements. The analysis establishes that the pottery from Stepanovskoye I is characterized by consistent manufacturing practices. A different situation was observed at Stepanovskoye IV, where two groups utilizing distinct pottery traditions coexisted. The analyzed ceramics differ in their characteristics from pottery found at other Vasyugan sites. Instead, close analogues can be identified in materials from the Sarov settlement. The ceramics from Stepanovskoye I demonstrate uniformity in the selection of raw materials, the composition of molding pastes, and surface treatment. Most items were made from slightly sandy, ferruginous clays, possibly pre-crushed. The sole identified paste recipe was a mixture of clay and sand. One vessel's base was formed using a bottom-and-container technique. Two methods for constructing the vessel body were identified: applying patches to a base mold and using strips with a lateral overlap. Firing was conducted in a reducing or semi-reducing environment at temperatures ranging from 550–650°C to 900–1100°C. In contrast, the Stepanovskoye IV settlement utilized four different clay subtypes. Three of these were combined with specific tempering compounds: Clay 2 was used exclusively with a mixture of clay and sand, while Clays 3 and 4 were used with a non-mixed paste containing fireclay. This site thus features three distinct paste recipes, including two non-mixed (with sand and with fireclay) and one mixed recipe incorporating both mineral additives. Overall, this research reveals new technical aspects of pottery production, confirming the existence of two ceramic types within the Kulai culture: Vasyugan and Sarov. The Stepanovskoye IV settlement appears to represent a specific transition from one stage to another. Deviations from the general technological pattern were primarily dependent on local raw material characteristics and individual potters' skills. The continuation of comprehensive

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

research into pottery production technologies across various Early Iron Age archaeological cultures in Siberia and adjacent territories will help to expand existing data on ceramic production specifics, clarify historical and cultural processes, map population migrations, identify trade routes, and determine patterns of intercultural interaction.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Kulai cultural and historical community, ceramics, technical and technological analysis

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-78-01192, <https://rscf.ru/project/23-78-01192/>.

For citation: Selin, D.V. & Chindina, L.A. (2025) The ceramic production technology of the Kulai culture in Vasyugan (based on materials from the Stepanovskoye I and IV settlements). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 145–153. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/17

Введение

Степановское I и Степановское IV поселения входят в группу памятников, расположенных в 7 км от поселка Средний Васюган в Каргасокском р-не Томской области. Они локализуются на Степановской гриве, которая лежит между р. Лемпой (Степановской протокой) и большим рямом. Открыты в 1968 и 1971 гг. Л.А. Чиндиной и были раскопаны ею в 1971, 1973, 1978, 1979 гг. [1. С. 181–187, 190–192]. Степановское I пос. локализуется на правом берегу р. Лемпы, на мысу высотой 5–6 м от уреза воды. На территории памятника располагалось 11 западин глубиной 0,35–0,4 м. Всего на этом поселении исследовано 4 жилища и 6 объектов различного назначения, общая площадь раскопа составила 336 м². Степановское IV пос. располагается в 0,13 км к западу от пос. Степановское I. На нем обнаружено 15 западин, которые составляют три неравномерные группы – восточную, западную и среднюю. В первую входит шесть объектов, во вторую – пять, и отделены они между собой тремя средними западинами. В раскоп общей площадью 206 м² вошли четыре западины из выделенных трех групп. В другой раскоп площадью 46 м² была помещена западина 1 из восточной группы. Степановское IV поселение также обнаружено (1973 г.) и исследовано в 1979 г. Л.А. Чиндиной [1. С. 184–190].

На этих памятниках были получены представительные археологические коллекции, значительная часть которых относится к кулайской культуре. В них входят: фрагменты костяных и каменных изделий, предметы бронзолитейного производства, украшения, наконечники стрел кулайского типа, бронзовое культовое литье. Самыми массовыми находками, полученными в ходе раскопок, являются фрагменты посуды. Керамическая коллекция пос. Степановское I и Степановское IV является важным источником для характеристики особенностей гончарной технологии кулайской культуры как в бассейне р. Васюган, так и всего Томско-Нарымского Приобья. Выполнение технико-технологического анализа посуды позволит сравнить гончарные традиции носителей кулайской культуры, оставивших эти два поселения между собой, а также позволит выполнить корреляцию с уже ранее изученной керамикой с других кулайских памятников Васюганья и других сопредельных территорий. Кроме

того, к настоящему моменту по единой методике выполнен технико-технологический анализ кулайской посуды с других памятников бассейна р. Васюган (Нововасюганское селище и Нововасюганское городище), Томско-Нарымского Приобья (Саровское городище, Малгет и др.), Сургутского (памятники Барсовой Горы и др.) и Новосибирского Приобья (Каменный Мыс, Дубровинский Борок-3, 4 и др.), бассейна р. Конды (Новый катыш IVa, IVб) (см., напр., [2–7]). Это позволит выполнить сопоставление особенностей гончарной технологии с разных памятников и с разных регионов между собой, выделить общее и особенное в гончарной технологии представителей различных групп кулайского населения.

Источниковую базу исследования составили фрагменты венчиков, стенок и придонных частей сосудов кулайской культуры с пос. Степановское I (всего 29 индивидуальных изделий) и Степановское IV (31 изд.).

Рис. 1. Местоположение Степановского археологического комплекса: 1 – местоположение Степановского археологического комплекса на карте Евразии; а – указание места выноски ситуационной карты; 2 – местоположение Степановского археологического комплекса на ситуационной карте

Цель – реконструкция содержания ступеней гончарного производства, фиксируемых по археологической керамике, у носителей кулайской культуры, оставивших пос. Степановское I и Степановское IV.

Вся посуда была изучена с помощью технико-технологического анализа, разработанного А.А. Бобринским, в соответствии с естественной структурой гончарного производства [8, 9]. Исследовались поверхности и свежие изломы всех фрагментов от разных частей сосудов под бинокулярным микроскопом Leica M51 с последующей фиксацией особенностей технологии при помощи микрофотографирования. Все определения технологических следов выполнены с опорой на имеющуюся экспериментальную коллекцию, специализированную научную литературу и «Электронный каталог эталонов по керамической трасологии», опубликованный И.Н. Васильевой и Н.П. Салугиной [10–13].

Результаты исследования керамики

Отбор, добыча и подготовка исходного пластичного сырья. На обоих поселениях для изготовления посуды отбирались железненные глины с разным содержанием естественного песка и различными типами естественных примесей (рис. 2). На пос. Степановское I выделяются два подвида.

Глина 1 (27 изд.) – слабозапесоченное сырье с естественными включениями пылеватого песка. В девяти сосудах обнаружено только окатанные включения бурого железняка (размер 0,5–3 мм; 1–11 вкл. на 1 см²), в одном – только угловатые. В семи сосудах они зафиксированы совместно. Присутствие в этом подвиде исходного сырья угловатых включений бурого железняка, который сочетается с окатанными, может свидетельствовать о традиции предварительной обработки глины.

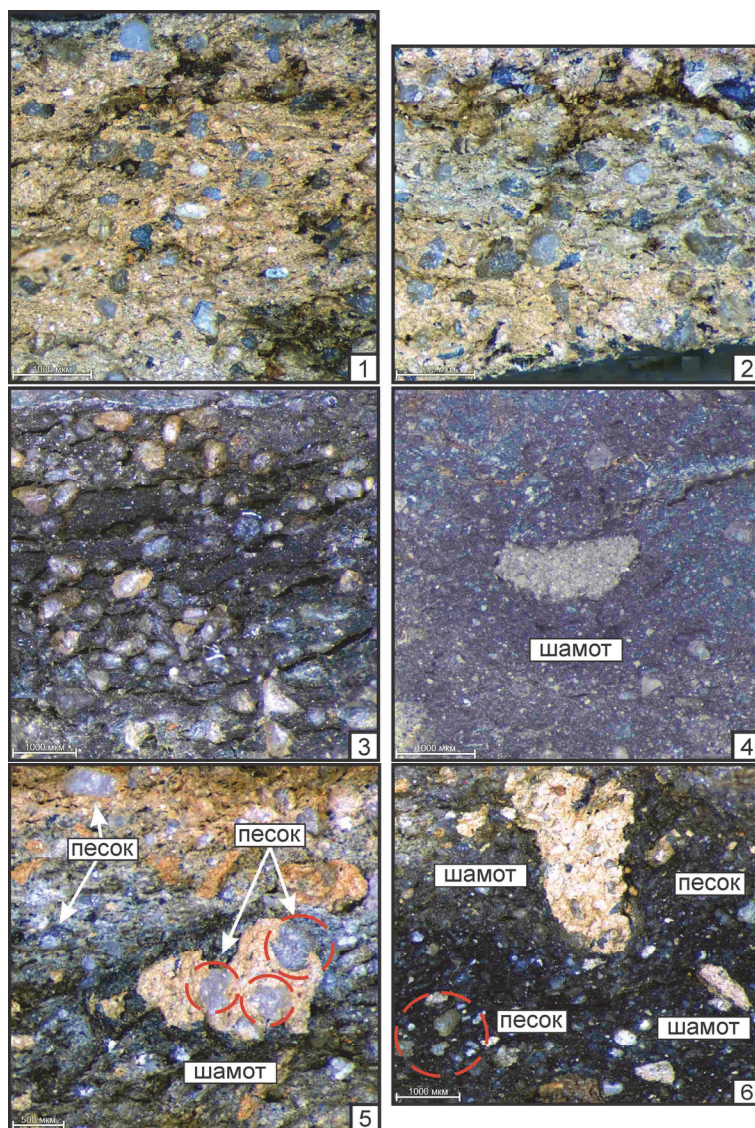

Рис. 2. Микрофотографии изломов керамики кулайской культурно-исторической общности с поселений Степановское I, IV со следами естественных и искусственных примесей: 1, 2 – пос. Степановское I, искусственно добавленный песок; 3 – пос. Степановское IV, искусственно добавленный песок; 4 – пос. Степановское IV, шамот; 5, 6 – пос. Степановское IV, шамот, песок и песок в шамоте

Перед началом составления формовочной массы исходное сырье дробилось, в результате чего фракции бурого железняка разделялись на более мелкие и принимали угловатую форму.

Глина 2 (2 изд.) – слабозапесоченная с естественным содержанием пылеватого песка и окатанного бурого железняка (размер 0,5 мм; до 2 вкл. на 1 см²) и единичных обрывков растений размером 0,3–2 мм.

На пос. Степановское IV по составу и концентрации естественных примесей установлено четыре подвидов:

Глина 1 (19 изд.) – слабозапесоченная с естественными включениями пылеватого и мелкого песка (размер 0,1–0,5 мм; до 5 вкл. на 1 см²) и окатанных фракций бурого железняка (размер 0,1–2 мм; до 26 вкл. на 1 см²). Применялась со всеми выделенными рецептами формовочной массы.

Глина 2 (4 изд.) – слабозапесоченная с включениями пылеватого песка, окатанного и угловатого бурого железняка размером 0,5–2 мм (1–14 вкл. на 1 см²), обрывков стеблей растительности (размер 1–3 мм; 3 изд.) фрагментов раковин (размер 0,5 мм; 1 изд.). Использовалась только с рецептом глина + песок.

Глина 3 (2 изд.) – среднезапесоченная с включениями пылеватого песка, окатанного бурого железняка (размер 0,1–2 мм; до 2 вкл. на 1 см²), обрывков стеблей растительности (размер 1 мм; 1 изд.) фрагментов раковины и костей рыб (размер 0,5–1 мм; 1 изд.), пластинок слюды (размер 0,1 мм; 1 изд.). Употреблялась с рецептом глина + шамот.

Глина 4 (6 изд.) – среднезапесоченная с включениями пылеватого и мелкого песка (размер 0,1–0,5 мм; 11–15 вкл. на 1 см²), окатанного бурого железняка (размер 0,1–0,2 мм; до 2 вкл. на 1 см²), пластинок слюды (размер 0,1 мм; 1 изд.). Применялась только с рецептом глина + шамот.

По характеру естественных примесей, содержащихся в глине, можно предположить, что подвиды 2 и 3 могли отбираться непосредственно у водоема или в пойме.

Составление формовочных масс. На пос. Степановское I выделен один рецепт формовочной массы – глина + песок. На пос. Степановском IV определено три: 1) глина + песок (17 изд.); 2) глина + шамот (8 изд.); 3) глина + песок + шамот (6 изд.). Концентрация минеральных примесей приведена в табл. 1.

Таблица 1

Соотношение концентрации минеральных примесей в керамике кулайской культуры общности с поселений Степановское I, IV

Концентрация	Степановское I	Степановское IV	
	Песок	Песок	Шамот
1 : 1	23	16	
1 : 1–2	5	5	
1 : 3	1	2	2
1 : 4–5			6
1 : 5–6			3
1 : 7			2
1 : 8			1
Всего изд.	29	23	14

На обоих поселениях зафиксирована искусственная примесь песка (рис. 2, 1–3, 5, 6). Обнаружены преимущественно окатанные, прозрачные и глухие (преимущественно) фракции размером 0,1–3 мм. Концентрация песка на пос. Степановском I составляет: 1 : 1 (23 изд.), 1 : 1–2 (5 изд.), 1 : 3 (1 изд.). На пос. Степановском IV выявлена схожая ситуация: 1 : 1 (16 изд.), 1 : 1–2 (5 изд.), 1 : 3 (2 изд.). Это свидетельствует о схожих традициях смешивания пропорций глины и песка при составлении формовочных масс. В трех сосудах с пос. Степановского I и в двух со Степановского IV преобладают угловатые включения песка, что может указывать на то, что песок мог добываться из разных выходов.

В керамике с пос. Степановское IV так же определен шамот (рис. 2, 4–6). Размер включений составляет 0,5–3 мм. Концентрация следующая: 1 : 3 (2 изд.), 1 : 4–5 (6 изд.), 1 : 5–6 (3 изд.), 1 : 7 (2 изд.), 1 : 8 (1 изд.). Следует отметить, что пропорции смешивания с глиной шамота и песка различаются, что указывает на специфические технологические навыки применения шамота как искусственной добавки. В пяти сосудах обнаружен окатанный прозрачный и глухой песок в шамоте (рис. 2, 5, 6), что свидетельствует об устойчивости навыка добавления этой примеси в формовочную массу.

Конструирование начина и полого тела. Керамическая коллекция сильно фрагментирована, поэтому надежно определить тип начина и способ конструирования полого тела удалось только у части анализируемой посуды.

На пос. Степановское I один сосуд слеплен при помощи донно-емкостного начина (под донно-емкостной программой конструирования начина понимается непрерывный процесс по созданию заготовки сосуда в виде дна и стенок на определенную высоту) [5. С. 73], полое тело наращивалось при помощи лоскутного налепа. На внутренней поверхности этого изделия установлены отпечатки формы-основы в виде небольших складок на переходе от венчика к тулову. Выявлены два сосуда, у которых полое тело изготовлено лентами высотой 3–4 см с боковым наложением (рис. 3, 1, 2). Кроме того, на одном сосуде венчик изнутри был оформлен дополнительным жгутом диаметром 0,8–1 см (рис. 3, 3).

На пос. Степановское IV на двух изделиях выявлены признаки использования ленточного налепа с боковым наложением, венчик одного сосуда также был изнутри дооформлен жгутом диаметром 0,9–1 см (рис. 3, 4).

Обработка поверхностей. Поверхности керамики на обоих поселениях обработаны заглаживанием разными приспособлениями. На пос. Степановское I установлено, что внешняя поверхность керамики обрабатывалась при помощи зубчатого (22 изд.) или твердого орудия (4 изд.), пальцев (1 изд.). На двух сосудах заглаживание зубчатым и твердым орудием использовано совместно, у одного изделия венчик дополнительно был заглажен пальцами. Внутренняя поверхность отделялась зубчатым (24 изд.) или твердым орудиями (4 изд.). На одном сосуде эти два орудия применены вместе.

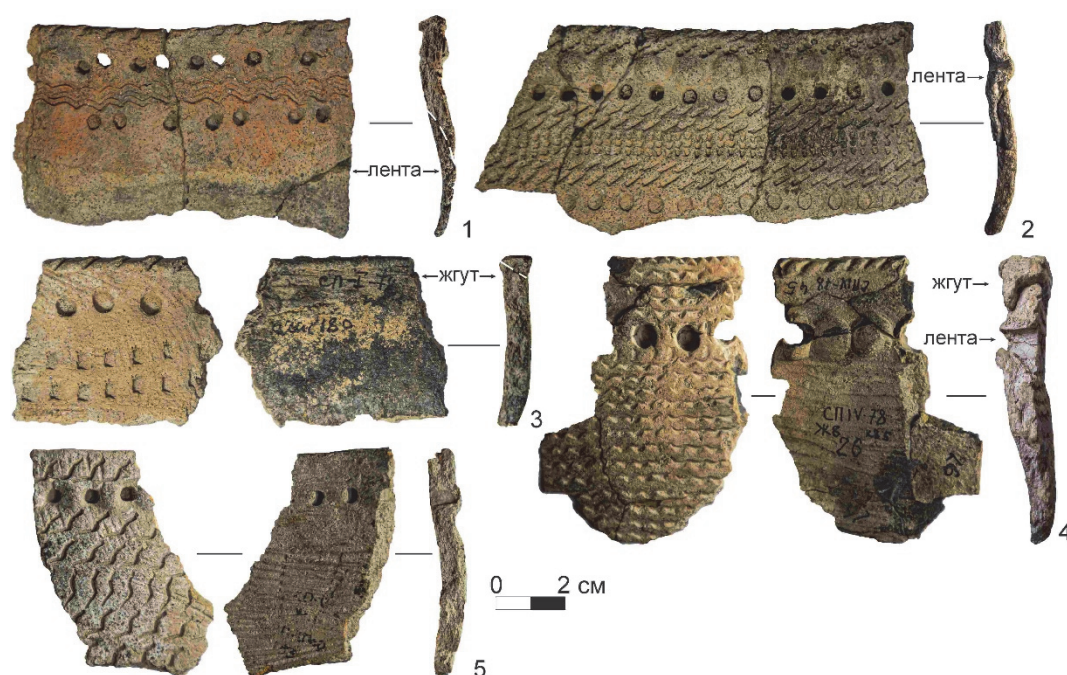

Рис. 3. Фотографии керамики кулайской культуры с поселений Степановское I, IV со следами технологии: 1, 2 – пос. Степановское I, лента с боковым наложением; 3 – пос. Степановское I, оформление венчика жгутом; 4 – пос. Степановское IV, лента с боковым наложением, оформление венчика жгутом; 5 – пос. Степановское IV, обработка на внутренней поверхности перехода от плеча к тулову зубчатым орудием

Кроме того, на одном изделии переход от плеча к тулову был дополнительно заглажен зубчатым орудием. Определено, что чаще всего употреблялась комбинация заглаживания обеих поверхностей зубчатым орудием (20 изд.). Остальные варианты комбинаций инструментов зафиксированы на единичных изделиях и не носят массового характера (табл. 2).

Внешняя поверхность керамики пос. Степановка IV заглажена зубчатым (10 изд.) или твердым орудиями (19 изд.). На двух изделиях они были использованы совместно. Внутренняя поверхность также

обрабатывалась зубчатым (15 изд.) или твердым орудиями (7 изд.). На восьми сосудах они применены вместе. Также на одном изделии выявлен случай комбинирования зубчатого орудия и пальцев, на другом – заглаживание перехода от плеча к тулову зубчатым инструментом. Установлено, что поверхности были обработаны при помощи восьми разных комбинаций инструментов (табл. 2). При этом ни одно из выделенных соотношений не является доминирующим, что свидетельствует о неустойчивости этого технологического навыка [5. С. 242; 6. С. 192].

Таблица 2

Соотношение инструментов обработки внешней и внутренней поверхности керамики кулайской культуры на поселениях Степановское I, IV

Обработка внешней поверхности	Обработка внутренней поверхности	Степановское I	Степановское IV
Заглаживание зубчатым орудием		20	9
Заглаживание твердым орудием		2	5
Заглаживание зубчатым орудием, венчик заглажен пальцами	Заглаживание зубчатым орудием	1	–
Заглаживание зубчатым орудием	Заглаживание твердым орудием	1	–
Заглаживание зубчатым и твердым орудием	Заглаживание зубчатым орудием	1	–
Заглаживание пальцами	Заглаживание зубчатым орудием	1	–
Заглаживание твердым орудием	Заглаживание зубчатым орудием	1	6
Заглаживание твердым орудием	Заглаживание твердым орудием, переход от плеча к тулову заглажен зубчатым орудием	1	–
Заглаживание зубчатым и твердым орудием	Заглаживание зубчатым и твердым орудием	1	–
Заглаживание зубчатым и твердым орудием	Заглаживание твердым орудием, переход от плеча к тулову заглажен зубчатым орудием	–	1
Заглаживание зубчатым и твердым орудием	Заглаживание твердым орудием	–	1
Заглаживание твердым орудием	Заглаживание зубчатым и твердым орудием	–	7
Заглаживание твердым орудием	Заглаживание зубчатым орудием и пальцами	–	1
Заглаживание зубчатым орудием	Заглаживание зубчатым и твердым орудием	–	1

Цветовые гаммы изломов керамики кулайской культуры на поселениях Степановское I, IV

Цветовая гамма изломов керамики	Степановское I	Степановское IV
Одноцветные		
Коричневый	6	10
Светло-коричневый	3	4
Серый	2	–
Темно-серый	3	1
Многоцветные		
Светло-серые края, коричневый центр	1	–
Темно-серые внешние края, серый центр	1	–
Коричневый внешний край, темно-серый внутренний край	3	–
Коричневые края, темно-серый центр	3	–
Кирпичный внешний край, черный центр, коричневый внутренний край	1	–
Кирпичный внешний край, черный внутренний край	2	–
Светло-коричневые края, светло-серый центр	3	–
Светло-коричневый внешний край, черный внутренний край	1	2
Светло-коричневые края, темно-серый центр	–	12
Темно-коричневые края, коричневый центр	–	1
Коричневый внешний край, серый центр, светло-коричневый внутренний край	–	1

На обоих памятниках применяются схожие инструменты для обработки керамики, такие как заглаживающие зубчатый и твердым орудием, а также пальцами. При этом на пос. Степановское I преобладает употребление зубчатого орудия, тогда как на пос. Степановское IV чаще используется твердое орудие. На обоих памятниках на внутренней поверхности посуды зафиксирован специфический прием заглаживания зубчатый орудием на внутренней поверхности участка перехода от плеча к тулову (рис. 3, 5). Кроме того, на отдельных сосудах на обоих поселениях заглаживание внешней поверхности сосудов также выполняет функцию технического орнамента.

Придание изделиям прочности и влагонепроницаемости. На анализируемых памятниках преобладают одноцветные изломы, такие как коричневый и светло-коричневый, при этом зафиксированы и многоцветные изломы, хотя их распределение различается (см. табл. 3). Так, на пос. Степановское I преобладают многоцветные изломы с коричневыми и серыми оттенками, такие как коричневый внешний край с темно-серым внутренним краем (3 изд.) и коричневые края с темно-серым центром (3 изд.). На пос. Степановское IV преобладают многоцветные изломы со светло-коричневыми краями и темно-серым центром (12 изд.). Кроме того, на пос. Степановское I встречаются уникальные цветовые комбинации изломов, такие как кирпичный внешний край с черным центром и коричневым внутренним краем, которые отсутствуют на пос. Степановское IV. Хотя на обоих памятниках зафиксированы схожие одноцветные гаммы, между ними существуют значительные различия в распределении многоцветных изломов. Так, на пос. Степановское I преобладают более сложные и разнообразные многоцветные изломы, тогда как для пос. Степановского IV характерно меньшее разнообразие комбинаций. Это может косвенно свидетельствовать о наличии у гончаров с этих двух поселений разных навыков обжига керамики, таких как длительность обжига, выдержка и др.

Обжиг всей исследованной керамики мог проходить в восстановительной или полувосстановительной среде при температурах выше каления глины (от 550–650 до 900–1100 °C). Об этом свидетельствует отсутствие следов спекания формовочной массы и эффекта остаточной пластичности.

Использование сосудов в быту. На пос. Степановское I у 19 сосудов нагар покрывал обе поверхности, на трех – располагался только внутри. На Степановском IV пос. нагар обнаружен на 12 изделиях, в десяти случаях покрывая обе поверхности, на двух – только внутреннюю сторону.

Обсуждение результатов

Керамика кулайской культуры с других памятников, расположенных в бассейне р. Васюган, ранее была изучена исследовательским коллективом [2]. На Нововасюганском городище установлено, что посуда была изготовлена из средне- и слабоожеженных сильнозапесоченных глин, добытых из разных залежей. Установлены два рецепта формовочной массы: 1) глина + органика (90%); 2) глина + шамот (10%). Концентрации шамота составляет до 1 : 5. На Нововасюганском поселении определено, что использовались средне- и слабоожеженные и нежеженные глины сильной степени запесоченности, полученные из разных, но очень похожих между собой глинищ. Были определены три рецепта формовочной массы: 1) глина + глина + органика (10%); 2) глина + шамот + органика (13%); 3) глина + органика (77%). Шамот введен в пропорции от 1 : 8 и менее [2. С. 168].

Проанализированная нами керамика с пос. Степановское I и Степановское IV отличается по своим технологическим характеристикам от посуды других кулайских памятников бассейна р. Васюган.

Так, гончары Степановских поселений использовали преимущественно слабозапесоченные ожеженные глины с естественными включениями пылеватого

и мелкого окатанного песка и бурого железняка. Главной минеральной добавкой являлся песок, а органическая примесь, характерная для Нововасюганского поселения и Нововасюганского городища, не обнаружена. При этом на пос. Степановское IV, Нововасюганском поселении и Нововасюганском городище обнаружены сосуды с добавкой шамота, входившего в состав одно- и многокомпонентных рецептов. Следует отметить, что концентрация этой примеси также сходна – от 1:4–5 и менее. Возможно, что носители традиции добавки шамота проникали вверх по течению р. Васюган и взаимодействовали с группами носителей иных гончарных навыков. Этот процесс отразился в наличии примеси шамота в кулайской керамике с разных памятников, расположенных в среднем и верхнем течении р. Васюган. Следует отметить, что кулайские поселения, где доминируют рецепты с шамотом как единственной минеральной примесью, известны в Прикетье (Карбинское I городище [3]), Сургутском Приобье (Барсов городок I/4, I/22a и др.) [5–7].

Близкие аналоги в содержании ступеней гончарной технологии посуда с пос. Степановское I и Степановское IV находит в материале Саровского городища [8]. Их объединяет применение преимущественно слабозапесоченных глин, использование как основного рецепта глина + песок, наличие единичных изделий с примесью шамота, изготовление начинов по донно-емкостной программе. Полое тело наращивалось преимущественно при помощи лоскутов, на отдельных сосудах фиксируется применение ленточного налёпа с боковым наложением. Также на всех трех памятниках определены специфические технологические навыки: оформление венчика изнутри жгутиком и заглаживание зубчатым оружием на внутренней поверхности участка перехода от плеча к тулову. Возможно, что представители кулайской культуры, оставившие пос. Степановское I и Степановское IV, принимали участие в сложении гончарных традиций населения, в дальнейшем проживавшего на территории Саровского городища.

К настоящему моменту выполнен технико-технологический анализ посуды сургутского варианта кулайской культурно-исторической общности с серии городищ и селищ [5–7]. Установлено, что гончары отбирали различные подвиды ожелезненных глин разной степени запесоченности и с различным содержанием естественных примесей. Отличительной особенностью кулайского гончарства на Барсовой Горе является высокая вариативность в составлении формовочных масс внутри одного поселения, что свидетельствует о смешанности технологии. В ассортимент искусственных примесей входили дресва из разных горных пород, песок, шамот, различные типы органических растворов. Важен тот факт, что на отдельных городищах обнаружена посуда с искусственной добавкой песка, причем на долю таких рецептов приходится не более 15–17% от общего числа сосудов (Барсов городок I/4, I/5, I/20 [5, 6]). Доминирование керамики, изготовленной по рецептам, в который входит песок (глина + песок и глина + песок + шамот), зафиксировано на поселениях

Новый Катыш IVa и Новый Катыш IVб, расположенных в бассейне р. Конды [4]. Возможно, что традиция добавления песка в формовочную массу проникала на эти территории из Томско-Нарымского Приобья, в том числе и с бассейна р. Васюган, где расположены пос. Степановское I и Степановское IV. В свою очередь, традиция введения шамота могла проникать из Среднего Приобья в более южные территории в результате взаимных, возможно, брачных контактов.

Заключение

Керамика пос. Степановское I характеризуется устойчивыми навыками отбора исходного сырья, составления формовочных масс, обработки поверхностей. Большинство керамики изготовлено из слабозапесоченных ожелезненных глин, возможно, предварительно обработанных при помощи дробления. Единственным зафиксированным рецептом формовочной массы является глина + песок. Начин одного сосуда был слеплен по донно-емкостной программе. Определено два способа конструирования полого тела – лоскутами на форме-основе и лентами с боковым наложением. Обжиг мог проходить в восстановительной или полувосстановительной среде в температурных интервалах от 550–650 до 900–1100 °С. На пос. Степановское IV зафиксирована иная ситуация. В качестве исходного сырья применялась глина четырех разных подвидов, три из которых употреблялись с разными формовочными массами: глина 2 использовалась только с рецептом глина + песок, а глины 3 и 4 – с несмешанным рецептом с шамотом. На этом памятнике определено три рецепта формовочной массы, включая два несмешанных с песком и шамотом и один смешанный, в состав которого входили обе минеральные добавки. Полое тело изготовлено ленточным налёпом с боковым наложением. По всей видимости, на площади этого поселения происходило смешение двух групп кулайского населения с разными традициями отбора сырья и составления формовочной массы. На начавшиеся процессы интеграции указывает и вариативность в обработке поверхностей керамики, что выразилось в разнообразии комбинирования разных инструментов. При этом на обоих поселениях зафиксированы два специфических технологических приема: оформление венчика изнутри дополнительным жгутиком диаметром 0,8–1 см и заглаживание на внутренней поверхности места перехода от плеча к тулову зубчатым орудием. Эти два приема обнаружены на посуде со всех территорий, где существовала кулайская культурно-историческая общность [4–7].

В целом проведенные исследования фиксируют новые технические особенности гончарного производства, что подтверждает наличие двух типов керамики в кулайской культуре: васюганский и саровский, а пос. Степановское IV показывает специфику перехода от одного этапа к другому. Случаи выпадения из общей технологической схемы изготовления изделий, как правило, зависели от особенностей сырья и отдельных гончарных навыков.

Продолжение комплексного исследования технологии гончарного производства в разных археологических культурах раннего железного века Сибири и прилегающих территорий позволит расширить ранее полученные данные по особенностям изготовления кера-

мики, позволит уточнить историко-культурные процессы, проходившие в древности на этой территории, наметить направления миграций различных групп населения, выявить торговые маршруты, определить модели межкультурного взаимодействия.

Список источников

1. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск : ТГУ, 1984. 256 с.
2. Степанова Н.Ф., Киришин Ю.Ф., Рыбаков Д.Ю. Результаты технико-технологического анализа керамики кулайской культуры с Нововасюганского городища и поселения из Нарымского Приобья // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 2 (36). С. 160–172. doi: 10.23951/2307-6119-2022-2-160-172
3. Степанова Н.Ф., Рыбаков Д.Ю. Предварительные результаты изучения керамики Карбинского городища I раннего железного века Прикетья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. XXVII. С. 662–668. doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0662-0668
4. Селин Д.В., Стефанова Н.К., Чемякин Ю.П. Новый Катых IVa и IVb – кулайские поселения в бассейне р. Конды (Западная Сибирь) // Уральский исторический вестник. 2024. № 1 (82). С. 157–167. doi: 10.30759/1728-9718-2024-1 (82)-157-167.
5. Селин Д.В., Чемякин Ю.П. Технологические традиции в керамике кулайской культурно-исторической общности Барсовой Горы (по материалам городищ Барсов городок I/5 и I/7) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 71–88. doi: 10.25205/1818-7919-2022-21-5-71-88
6. Селин Д.В. Керамическое производство кулайской культуры в Новосибирском Приобье: по материалам могильника Каменный Мыс // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 7: Археология и этнография. С. 86–96. doi: 10.25205/1818-7919-2021-20-7-86-96
7. Selin D.V., Chemyakin Y.P., Mylnikova L.N. Pottery from the Barsov Gorodok III/6 Early Iron Age fortified settlement in the Surgut Stretch of the Ob: a Technological Analysis // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2021. № 49 (2). P. 72–83. doi: 10.17746/1563-0110.2021.49.2.072-083
8. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М. : Наука, 1978. 272 с.
9. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара : Самарский гос. пед. ун-т, 1999. С. 5–109.
10. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. М. : Изд-во ИА РАН, 2012. 379 с.
11. Цетлин Ю.Б. Керамика: Понятия и термины историко-культурного подхода. М. : Изд-во ИА РАН, 2017. 346 с.
12. Васильева И.Н., Салугина Н.П. Электронный каталог эталонов по керамической трасологии. Самара, 2020. URL: <http://archsamara.ru/katalog> (дата обращения: 26.09.2024).
13. Жущиховская И.Ю. Экспериментальный обжиг керамики в археологии: современные подходы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3: Археология и этнография. С. 9–20. doi: 10.25205/1818-7919-2022-21-3-9-20

References

1. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza. Kulaiskaya kul'tura* [The Ancient History of the Middle Ob Region in the Iron Age. The Kulai Culture]. Tomsk: TSU.
2. Stepanova, N.F., Kiryushin, Yu.F. & Rybakov, D.Yu. (2022) Rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramiki kulayskoy kul'tury s Novovasyuganskogo gorodishcha i poseleniya iz Narymskogo Priob'ya [Results of technical and technological analysis of pottery of the Kulai culture from the Novovasyuganskoye hillfort and settlement from the Narym Ob region]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*. (2). pp. 160–172. doi: 10.23951/2307-6119-2022-2-160-172
3. Stepanova, N.F. & Rybakov, D.Yu. (2021) Predvaritel'nye rezul'taty izucheniya keramiki Karbinskogo gorodishcha I rannego zheleznogo veka Priket'ya [Preliminary results of the study of pottery from the Karbinsky I hillfort of the Early Iron Age in the Ket River region]. In: *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, and anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: Izd-vo IAET, SB RAS. pp. 662–668. doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0662-0668
4. Selin, D.V., Stefanova, N.K. & Chemyakin, Yu.P. (2024) Novyy Katysh IVa i IVb – kulaiskie poseleniya v basseine r. Kondy (Zapadnaya Sibir') [Novy Katysh IVa and IVb - Kulai settlements in the Konda River basin (Western Siberia)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 1. pp. 157–167. doi: 10.30759/1728-9718-2024-1 (82)-157-167
5. Selin, D.V. & Chemyakin, Yu.P. (2022) Tekhnologicheskie traditsii v keramike kulaiskoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti Barsovoi Gory (po materialam gorodishch Barsov gorodok I/5 i I/7) [Technological traditions in the pottery of the Kulai cultural-historical community of the Barsova Gora (based on materials from the Barsov Gorodok I/5 and I/7 hillforts)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 21 (5). pp. 71–88. doi: 10.25205/1818-7919-2022-21-5-71-88
6. Selin, D.V. (2021) Keramicheskoe proizvodstvo kulaiskoi kul'tury v Novosibirskom Priob'e: po materialam mogil'nika Kamennyy Mys [Pottery production of the Kulai culture in the Novosibirsk Ob region: based on materials from the Kamenny Mys burial ground]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 20 (7). pp. 86–96. doi: 10.25205/1818-7919-2021-20-7-86-96
7. Selin, D.V., Chemyakin, Y.P. & Mylnikova, L.N. (2021) Pottery from the Barsov Gorodok III/6 Early Iron Age fortified settlement in the Surgut Stretch of the Ob: a Technological Analysis. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 49 (2). pp. 72–83. doi: 10.17746/1563-0110.2021.49.2.072-083
8. Bobrinskiy, A.A. (1978) *Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya* [Pottery of Eastern Europe. Sources and Methods of Study]. Moscow: Nauka.
9. Bobrinskiy, A.A. (1999) Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery technology as an object of historical and cultural study]. In: *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva* [Current issues in the study of ancient pottery]. Samara: Samarskii gos. ped. un-t. pp. 5–109.
10. Tsetlin, Yu.B. (2012) *Drevnyaya keramika: Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda* [Ancient Pottery: Theory and Methods of the Historical-Cultural Approach]. Moscow: IA, RAS.
11. Tsetlin, Yu.B. (2017) *Keramika: Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda* [Pottery: Concepts and Terms of the Historical-Cultural Approach]. Moscow: IA, RAS.
12. Vasil'eva, I.N. & Salugina, N.P. (2020) *Elektronnyy katalog etalonov po keramicheskoi trasologii* [Electronic Catalog of Standards for Ceramic Traceology]. [Online]. Available from: <http://archsamara.ru/katalog> (Accessed: 26.09.2024).
13. Zhushchikhovskaya, I.Yu. (2022) Eksperimental'nyy obzhig keramiki v arkhologii: sovremennyye podkhody [Experimental firing of pottery in archaeology: modern approaches]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 21 (3). pp. 9–20. doi: 10.25205/1818-7919-2022-21-3-9-20

Информация об авторах:

Селин Д.В. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: selin@epage.ru

Чиндина Л.А. – д-р ист. наук, профессор кафедры археологии и исторического краеведения Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: chindina37@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.V. Selin, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: selin@epage.ru

L.A. Chindina, Dr. Sci. (History), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chindina37@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.11.2024;
одобрена после рецензирования 13.12.2024; принята к публикации 30.06.2025.*

*The article was submitted 19.11.2024;
approved after reviewing 13.12.2024; accepted for publication 30.06.2025.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 37.015.03
doi: 10.17223/15617793/515/18

Копинг-стратегии и психологические особенности педагогов с различным стажем профессиональной деятельности: психолого-образовательный контекст

Оксана Владимировна Задорожная¹, Елена Николаевна Новохатько²

¹ Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия, mdh03@list.ru

² Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, elenanovok@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению взаимосвязи коммуникативно-эмоционального профиля педагогов, имеющих разный стаж педагогической деятельности, с копинг-стратегиями в ситуациях профессионального взаимодействия. Выявлены статистически значимые различия между группами респондентов по трем ключевым копинг-стратегиям; установлено, что педагоги со стажем до 5 лет чаще используют эмоционально-ориентированные стратегии, в арсенале педагогов со стажем 5–14 лет наблюдается преобладание проблемно-ориентированного копинга, у педагогов со стажем свыше 15 лет преобладают стратегии избегания.

Ключевые слова: педагоги с разным стажем педагогической деятельности, психологические особенности личности, копинг-стратегия, копинг-модели, совладающее поведение, самооффективность

Для цитирования: Задорожная О.В., Новохатько Е.Н. Копинг-стратегии и психологические особенности педагогов с различным стажем профессиональной деятельности: психолого-образовательный контекст // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 154–161. doi: 10.17223/15617793/515/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/18

Coping strategies and psychological characteristics of teachers with different professional experience: A psychological and educational context

Oksana V. Zadorozhnaya¹, Elena N. Novokhatko²

¹ Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russian Federation, mdh03@list.ru

² Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, elenanovok@yandex.ru

Abstract. This article analyses the specific features of coping strategies, personal characteristics, and self-efficacy levels among teachers with different lengths of professional experience. The study involved 90 teachers from municipal schools in Rostov-on-Don and Rostov Oblast, stratified into three groups based on their length of service: Group 1 (up to 5 years, n=30), Group 2 (5–14 years, n=30), and Group 3 (over 15 years, n=30). The diagnostic tools employed were: the Coping Behavior in Stressful Situations questionnaire (by S. Normann, D.F. Endler, J.A.M. Parker; adapted version by T.A. Kryukova); the Methodology for Assessing Coping Behavior Strategies and Models (by N.E. Vodopyanova, E.S. Starchenkova); the Self-Efficacy Scale (by R. Schwarzer, M. Jerusalem; adapted by V.G. Romek); the 16 Personality Factor Questionnaire by R.B. Cattell. Statistical analysis included an assessment of internal consistency using Cronbach's alpha coefficient; descriptive statistics (median, standard deviation); correlation analysis using Spearman's rank correlation coefficient (ρ); group comparisons using the Kruskal–Wallis H-test and the Mann–Whitney U-test; Tukey's post-hoc test; and multivariate analysis of variance (MANOVA) using Wilks' Lambda and univariate F-tests. Data analysis was performed using the IBM SPSS 21.0 software package, with the level of statistical significance set at $p \leq 0.05$. The results indicated that the length of teaching experience is associated with the nature of the coping strategies used and the level of self-efficacy. Novice teachers more frequently use emotion-focused and reactive coping strategies while demonstrating a moderately low level of self-efficacy. Teachers with 5–14 years of experience tend to use proactive and problem-focused strategies, yet they show a minimal level of self-efficacy. Among teachers with over 15 years of experience, a tendency to use avoidant methods was observed, coupled with a moderate level of self-efficacy. The analysis of personality traits revealed significant differences in characteristics such as openness, emotional stability, social boldness, nonconformity, volitional qualities, and tension level. High self-efficacy was positively correlated with constructive coping strategies, indicating the importance of personality traits for overcoming professional stressors. The data obtained in this study have practical significance for designing psychological support and burnout prevention programs for teachers, taking into account their professional experience and individual psychological profiles.

Keywords: teachers with different teaching experience, psychological personality traits, coping strategy, coping models, coping behavior, self-efficacy

For citation: Zadorozhnaya, O.V. & Novokhatko, E.N. (2025) Coping strategies and psychological characteristics of teachers with different professional experience: A psychological and educational context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 154–161. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/18

Актуальность исследования. Трансформация общественных устоев актуализирует потребность изучения механизмов, помогающих человеку адаптироваться к новым условиям и требованиям социальной среды, к своей роли в новом обществе, к новым мировоззренческим установкам, а основным механизмом адаптации человека к нестабильным социальным условиям является его совладание с новыми трудными ситуациями, которые требуют особых усилий и заставляют проявлять личностные качества и психологические особенности, помогающие сохранить органические, психологические и социальные составляющие личности, что определяется термином «копинг-поведение».

Одной из основных функций копинг-поведения является быстрая адаптация человека к проблемным и кризисным ситуациям, что позволяет соотнести свои возможности с требованиями ситуации, уменьшив тем самым эмоциональное напряжение; это дает возможность иначе взглянуть на ситуацию и найти варианты конструктивного решения, а также провести коррекцию самооценки и регулировать взаимоотношения с окружающими [1, 2].

Понятие копинг-поведения применяется при анализе поведенческого реагирования человека на стрессовые ситуации и определяется как способность адекватно реагировать на внешние воздействия в соответствии с тремя компонентами: 1) органический – способность организма к адекватному реагированию; 2) мотивационный – причины для адаптации к условиям окружающей среды; 3) психофизиологический – способность поддерживать психическое равновесие. Целью копинга является устранение угроз и достижение баланса между требованиями среды и ресурсами для их удовлетворения [3]. Таким образом, копинг – это стратегии действий, которые человек реализует в ситуациях психологической угрозы физическому, личностному и социальному благополучию, они осуществляются в процессе функционирования когнитивной, эмоциональной и поведенческой сфер личности и обеспечивают большую или меньшую успешность адаптации. Копинг-стратегии являются способами преодоления стрессовых ситуаций на основе осознанного выбора стиля реагирования на стресс и характера действий человека при взаимодействии с окружающим миром.

В современной модели стресса предложены следующие типы совладания: 1) сосредоточение на проблеме и воздействие на источники напряжения для его устранения; 2) фокусировка на эмоциях для их урегулирования; 3) избегание любых социальных контактов [4].

В педагогической деятельности требуются определенные ресурсы, представленные копинг-стратегиями, которые позволяют педагогу справляться с эмоциональным напряжением и находить решения профессиональных задач в условиях нестабильности. Для педагога отсутствие высоких адаптационных навыков может привести к эмоциональным срывам и различным профдеформациям, длительный стресс может сказываться на психическом состоянии личности, вызывая нарушения в ее субъективном мире и ставя под

угрозу нормальное функционирование. В результате возможно возникновение кризисного состояния, что делает невозможным выполнение профессиональных обязанностей [5].

Проблема стратегий совладания со стрессом в рамках профессиональной деятельности является активно изучаемой в исследованиях российских и зарубежных учёных. Современные исследования подчёркивают, что профессиональный стаж педагогов оказывает существенное влияние на общее психологическое благополучие. Так как в целом копинг рассматривается как индивидуальный способ защиты от стресса, можно предположить наличие связи копинг-поведения с психологическими особенностями личности и эмоционально-коммуникативным конструктом, проявляющимся в эмпатии, уровень развития которой выступает определяющим профессионально важным качеством для педагогической деятельности. Конструктивные стратегии копинг-поведения рассматриваются как основа для формирования ресурсного состояния, купирования деструктивных форм реагирования на стрессоры, а также профилактической мерой эмоционального выгорания педагогов, возрастающего с увеличением педагогического стажа [6].

Современные отечественные подходы к изучению копинг-стратегий педагогов представлены исследованиями: уровня психологического благополучия педагогов, выступающего драйвером для выбора копинг-стратегии; взаимосвязи копинг-стратегий с гендерными характеристиками уровня стресса и силы переживаний [7]; уровня удовлетворённости работой, детерминирующим использование адаптивных копинг-стратегий, таких как положительная переоценка и отвлечение на приятные занятия; взаимосвязи между готовностью к использованию инновационных форм деятельности в связи с выбираемыми педагогами копинг-стратегиями; копинг как проявление определенного уровня эмоциональной устойчивости способов осознанного и целенаправленного реагирования с экстра- или интрапунитивным вектором в преодолении стрессовой ситуации.

Особое внимание в исследовании уделяется копинг-стратегиям учителей. Авторы отмечают, что учителя, обладающие высоким уровнем эмоционального интеллекта, более эффективно справляются с профессиональными стрессами, используя такие адаптивные копинг-стратегии, как: 1) проблемно-ориентированная с акцентом на активное решение проблем и поиск поддержки у коллег; 2) эмоционально-ориентированная, включающая управление эмоциями и использование техник релаксации [8].

Зарубежные исследования копинг-стратегий педагогов сосредоточены на изучении высокой стрессогенности педагогической деятельности, приводящей к эмоциональному истощению и выгоранию усиливающимся при возникновении внештатных ситуаций, таких как пандемия, и при переходе к обучению в дистанционном онлайн-формате. Работы зарубежных исследователей позволяют считать, что на выбор копинг-стратегий влияют такие ресурсы, как оптимизм и самообучение, а также характер социальных взаимодействий в учебном учреждении.

Также в зарубежных исследованиях копинг-стратегий педагогов делается акцент на разработке методов самопомощи, позволяющих эффективно справляться с пролонгированным профессиональным стрессом посредством улучшения эмоционального благополучия, что способствует профессиональной эффективности педагогов, повышению устойчивости и развитию эмоционального интеллекта.

Также зарубежные исследования подчеркивают наличие взаимосвязи между стажем педагогической деятельности и выбором педагогами копинг-стратегий. Так, модель SHIELD объединяет стратегии для улучшения профессионального благополучия учителей посредством включения в профессиональную жизнь и дальнейшего мониторинга таких факторов среды, как самопомощь (доступ к психологической помощи, программам наставничества), здоровье (забота о своем физическом и психическом здоровье), здоровая рабочая среда (безопасные и комфортные условия труда), взаимодействие (формирование благоприятного микроклимата), эмпатия (получение необходимой поддержки от коллег), лидерство и развитие (участие в профессиональных сообществах).

Психологические особенности педагогов исследуются в контексте следующих подходов:

- социально-психологический, предполагающий изучение направленности педагога на область межличностных отношений, уровень эмпатии, позитивный вектор восприятия и оценки людей, коммуникабельность, дисциплинированность, аккуратность, честность, невербальная компетентность, стрессоустойчивость [9];

- когнитивно-поведенческий: в качестве базовых акцентов в личности педагога выделяют пронизательность, внимательность и усидчивость, сосредоточенность, память, внимание к деталям, суггестивные способности [10], к тому же психологические особенности учителя условно разделяются на желательные (справедливость, человечность, честность) и нежелательные (раздражительность, нетерпеливость) [11];

- актуализирующий роль сензитивной направленности педагога; данный подход указывает на необходимую экстравертированность учителя [10], а также чувствительность к учащемуся как субъекту общения, познания и труда, состоящую из трех ощущений: чувства объекта, чувства такта и чувства сопричастности [12];

- теория профессиональных деформаций, рассматривающая работу педагога как вид деятельности с высоким риском профессиональных деструкций вследствие неопределенности, вызывающей психическую напряженность, отрицательные эмоции, неоправдавшиеся ожидания и отсроченность результата [13]; к предикторам выгорания исследователи относят высокий нейротизм и экстраверсию, которые ведут к эмоциональному истощению, высокие показатели дружелюбия, вызывающие деперсонализацию, и ответственность, которая повышает личностные достижения [S. Sahebjam], а эмоциональная стабильность, смелость, практичность, независимость от группы, стремление к инновациям и открытости предотвращают развитие стресса у учителя. Образовательные

инновации, нестабильность актуальных образовательных моделей вызывают стресс у учителей с высокой степенью экстраверсии, тогда как для учителей с высоким нейротизмом типичен стресс от недостатка времени, административных трудностей и плохого поведения учеников.

В контексте подходов, изучающих роль психологических особенностей педагога в возникновении профессиональных деформаций, большое место занимают исследования эмоционального интеллекта (способность, интегрирующая интеллектуальную и эмоциональную сферы психики, которая выступает предиктором эмоционального выгорания педагога: низкий уровень эмоционального выгорания положительно коррелирует со способностью к пониманию и управлению своими и чужими эмоциями, что приводит к росту мотивации, эффективности преподавания и успеваемости учащихся).

Эмоциональный интеллект педагога детерминирует развитие других личностных характеристик, таких как мышление, эмоциональная стабильность, сознательность, смелость, практичность, уверенность в себе, отсутствие внутренней напряженности [14]. Несбалансированное развитие эмоционального интеллекта приводит к нарушениям психологического благополучия учителя и неконструктивным стратегиям взаимодействия [15], а развитая способность педагога распознавать эмоции другого без показателей стрессоустойчивости или внутренняя односторонняя направленность педагога понимать только свои эмоции, способствуют неконструктивному взаимодействию с другим человеком [16].

Также в исследованиях психологических особенностей педагога и их роли подчеркивается проблема мотивации профессиональной деятельности педагога. Так, выявлено, что заинтересованность в содержании педагогического труда сменяется у педагогов заинтересованностью в повышении материального уровня жизни, а одна из причин ухода педагога из профессии связана с долговременными изменениями в ценностных ориентациях личности и трансформацией ведущих мотивов в сторону повышения материального уровня, при этом чем ярче был выражен мотив достижения материального благополучия, тем короче время принятия решения [17].

Таким образом, как отечественные, так и зарубежные исследования подтверждают, что специфика педагогической деятельности имеет ряд последствий в виде высокой стрессогенности, риска эмоционального выгорания, особенностей использования стратегий совладания. Проведенный анализ литературы позволяет говорить о фрагментарности исследований в области изучения копинг-стратегий педагогов с разным стажем профессиональной деятельности в ситуациях профессионального взаимодействия в соответствии с индивидуальными особенностями, что и послужило основой нашего исследования.

Цель исследования: выявить особенности копинг-стратегий педагогов с разным стажем профессиональной деятельности и их связи с личностными качествами на разных этапах профессионального развития.

Предмет: копинг-стратегии педагогов в профессиональной деятельности в зависимости от личностных качеств и стажа работы.

Объект исследования: педагоги муниципальных общеобразовательных учреждений г. Ростова-на-Дону и Ростовской области с разным стажем профессиональной деятельности.

Теоретико-методологическое обоснование.

Исследование базируется на следующих подходах:

- принцип развития, последовательности и гетерохронности (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Л.И. Божович и др.);
- системная концепция психической адаптации и дезадаптации (А.А. Налгаджян, Л.М. Фридман и др.);
- теории индивидуально-психологических особенностей личности (Б.Г. Ананьев, В.С. Мерлин, В.Д. Небылицын и др.);
- концепции стресса и копинг-поведения (Л.И. Анцыферова, Н. Selye, H.G. Wolff, S. Folkman, R. Lazarus и др.);
- модели профессионализации и этапы развития профессионала (К.А. Абульханова-Славская, Н.Е. Водопьянова, Э.Ф. Зеер и др.);
- теории профессиональных деструкций личности (А.А. Реан, М.В. Борисова, Э.Ф. Зеер, Д.Р. Мерзлякова и др.);
- модели формирования копинговых стратегий (А.Р. Лурия, Н. Selye, W. Weiten, E. Heim, S.R. Maddi, P. Wadhwa и др.);
- концепции, объясняющие механизм действия копинг-стратегий на личность (R. Lazarus, Н. Selye, Э. Хайм, L. Lemyre, P. Tessier и др.);
- теории сохранения ресурсов (COR-theory S. Hobfoll).

Характеристика выборки. В исследовании приняли участие 90 педагогов муниципальных школ Ростова-на-Дону и Ростовской области. Выборка была стратифицирована по стажу работы: группа 1 (до 5 лет, $n = 30$), группа 2 (5–14 лет, $n = 30$), группа 3 (свыше 15 лет, $n = 30$). Критерии включения: стаж работы не менее одного года, добровольное информированное согласие на участие.

В качестве **диагностических инструментов** использовали:

1. Копинг-поведение в стрессовых ситуациях (C. Normann, D.F. Endler, D.A. James, M.I. Parker; адаптированный вариант Т.А. Крюковой) [6]. Надёжность: Cronbach's $\alpha = 0,78–0,85$.
2. Методика для оценки стратегий и моделей преодолевающего поведения (Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова). Надёжность: Cronbach's $\alpha = 0,80–0,88$.
3. 16-факторный опросник Р. Кеттелла для изучения психологических особенностей педагогов. Надёжность: Cronbach's $\alpha = 0,70–0,82$.
4. Шкала самооэффективности (R. Schwarzer, M. Jerusalem; адаптация В.Г. Ромека) для изучения оценки педагогами эффективности собственных действий. Надёжность: Cronbach's $\alpha = 0,90$.

Гипотезы исследования:

1. Существует взаимосвязь между стажем педагогической деятельности и ведущими копинг-стратегиями.

2. У педагогов с разным стажем профессиональной деятельности существуют качественные различия в ведущих копинг-стратегиях и копинг-моделях.

3. Между личностными особенностями педагогов и их копинг-стратегиями существует взаимосвязь, соответствующая стажу профессиональной деятельности.

Для проверки выдвинутых гипотез применялись следующие статистические процедуры:

- оценка метода внутренней согласованности с использованием коэффициента Cronbach's α ;
- описательная статистика (медиана, стандартное отклонение);
- корреляционный анализ с использованием коэффициента Спирмена (ρ);
- сравнение групп с помощью Н-критерия Краскела–Уоллиса и U-критерия Манна–Уитни;
- Tukey's post-hoc test;
- многомерный дисперсионный анализ (MANOVA) с использованием критериев Lambda Уилкса и однофакторных F-тестов.

Анализ данных проводился с использованием пакета программ IBM SPSS 21.0, уровень статистической значимости $p \leq 0,05$.

Результаты исследования

1. Для проверки наличия закономерностей в распространённости копинг-стратегий среди педагогов с разным профессиональным стажем была применена методика «Модели преодолевающего поведения» (шкала SACS; русская адаптация Н. Водопьяновой и Е. Старченковой). Статистическая обработка данных проводилась с использованием Н-критерия Краскела–Уоллиса и U-критерия Манна–Уитни для попарных сравнений, а также коэффициента ранговой корреляции Спирмена ρ для анализа взаимосвязи между копинг-стратегиями и личностными чертами.

Результаты анализа показывают, что педагоги всех групп характеризуются просоциальной направленностью поведения, стремлением к поиску социальной поддержки и управлению эмоциональным состоянием при профессиональных стрессах. Однако индекс конструктивности (ИК) стратегии преодоления стресса сохраняется: средние значения наблюдались у педагогов 1-й (<5 лет стажа) и 3-й групп (>15 лет стажа), а более низкие – у педагогов 2-й группы (5–14 лет стажа).

Таблица 1
Результаты Н-критерия Краскела–Уоллиса: различия в копинг-стратегиях педагогов с разным стажем профессиональной деятельности (методика SACS)

Модель поведения	N	p	Значение
Поиск социальной поддержки	9,903	0,007	**
Избегание	16,662	0,000	**
Импульсивные действия	6,625	0,036	*
Манипулятивные действия	8,120	0,017	**

Примечание: $p < 0,05$ (*); $p < 0,01$ (**).

Тест Краскела–Уоллиса выявил значимые закономерности в копинг-стратегиях: избегание и манипулятивное поведение характерны для педагогов 2-й группы (стаж 5–14 лет), педагоги 1-й (<5 лет стажа)

и 3-й групп (>15 лет стажа) чаще используют стратегии поиска социальной поддержки и конструктивного взаимодействия.

Для попарного сравнения полученных данных был применен U-критерий Манна–Уитни, подтвердивший значимые различия между результатами:

– 1-й и 2-й групп – по ассертивным действиям, осторожным действиям и манипулятивным стратегиям;

– 2-й и 3-й групп – по активным действиям, поиску социальной поддержки и защитным действиям;

– 1-й и 3-й групп – по поиску социальной поддержки, импульсивным действиям и избеганию.

2. Связь между личностными чертами педагогов и копинг-стратегиями. Анализ взаимосвязей между личностными чертами (опросник 16PF) и копинг-стратегиями (SACS) был проведен с использованием коэффициента корреляции Спирмена ρ .

Таблица 2

Корреляция рангов Спирмена между чертами личности и копинг-стратегиями (группа 1: стаж <5 лет)

Черта (16PF)	Настойчивые действия	Социальный контакт	Социальная поддержка	Осторожные действия	Импульсивные действия	Избегание	Косвенные действия
А (Открытость)	,46**	,38*	,47**	–	–	–	–
G (Совестливость)	,42*	–	,45**	–	–	–	–
Q1 (Открытость к изменениям)	–	–	–	–,46**	,47**	–	–,38*
Q4 (Напряженность)	–	–	–	,44*	–	,44*	–

Примечание: $p < ,05$ (*), $p < ,01$ (**). Пустые ячейки указывают на незначимые корреляции

Данные, полученные для группы 1 (стаж <5 лет), констатируют:

– открытость (А) положительно коррелирует с умением устанавливать качественные межличностные отношения, поиском социальной поддержки и настойчивостью;

– эмоциональная дисциплинированность (G) актуализирует проактивное социальное поведение и активные стратегии преодоления;

– открытость к изменениям (Q1) отрицательно коррелирует с осторожностью и положительно – с импульсивностью;

– высокий уровень напряжения (Q4) статистически значимо связан с повышенной осторожностью и избеганием напряженных ситуаций.

Данные, полученные для группы 2 (5–14 лет стажа), констатируют:

– склонность к лидерству (Е) положительно связана с импульсивностью, скоростью принятия решений, эмоциональностью;

– совестливость (G) статистически значимо связана с ответственностью, ассертивными действиями и умением строить отношения;

– рациональность (N) коррелирует с самостоятельностью в принятии решений, инициативностью респондентов в социально востребованных ситуациях;

– подозрительность (L) статистически значимо связана с копинг-моделью избегания, гибкостью и дипломатичностью;

самодостаточность (Q2) коррелирует с поиском социальной поддержки через социальные связи в форме обмена полезной информацией.

Таблица 3

Коэффициент корреляции Спирмена между чертами личности и копинг-стратегиями (группа 2: 5–14 лет стажа)

Черта (16PF)	Ассертивные действия	Вступление в социальный контакт	Поиск социальной поддержки	Импульсивные действия	Избегание
Е (склонность к лидерству)	–	–	–	0,46*	–
G (совестливость)	0,44**	–	–	–	–
N (искусственность)	–	0,38*	–	–	–
L (подозрительность)	–	–	–	–	0,42*
Q2 (самодостаточность)	–	–	0,46*	–	–

Примечание: $p < ,05$ (*), $p < ,01$ (**).

Таблица 4

Коэффициент корреляции Спирмена между чертами личности и копинг-стратегиями (группа 3: ≥15 лет стажа)

Черта (16PF)	Ассертивные действия	Осторожные действия	Импульсивные действия	Избегание	Косвенные действия
А (открытость)	–	0,44**	–	–	–
В (развитость логического мышления)	–	–	–0,46*	–	–
F (беспечность)	–	–	–	–0,47**	–
Н (социальная смелость)	0,41*	–	–	–	–
I (чувствительность)	–	–	–	–	–0,39*

Примечание: $p < ,05$ (*), $p < ,01$ (**).

Данные, полученные для группы 3 (≥15 лет стажа), констатируют:

– открытость (А) положительно коррелирует с осторожностью, умением устанавливать качественные межличностные отношения, способностью к сотрудничеству и компромиссу;

– высокие показатели логического мышления (В) отрицательно связаны с копинг-моделью импульсивных действий, склонностью включаться в стрессогенные ситуации и принимать необдуманные решения;

– беспечность (F) отрицательно связана с копинг-моделью избегания;

– социальная смелость (Н) положительно коррелирует с ассертивными стратегиями;

Таблица 7

U-критерий Манна-Уитни: различия между группой 1 (стаж ≤5 лет) и группой (стаж 5–14 лет) 2

Шкалы методики	U	p	Значение
С – эмоциональная устойчивость	471,5	0,004	**
Н – смелость	431,5	0,001	**
Q1 – готовность к риску	428	0,001	**
Q4 – напряженность	230,5	0,015	*

Примечание: ** – различия значимы на уровне $p < 0,01$; * – различия значимы на уровне $p < 0,05$.

Таблица 8

U-критерий Манна-Уитни: различия между группой 1 (стаж ≤5 лет) и группой 3 (стаж >15 лет)

Шкалы методики	U	p	Значение
А – открытость	148,5	0,004	**
В – развитость логического мышления	275,5	0,025	*
Е – склонность к лидерству	248,5	0,007	**
Г – совестливость	216,5	0,002	**
Л – подозрительность	284,5	0,036	*

Примечание: ** – различия значимы на уровне $p < 0,01$; * – различия значимы на уровне $p < 0,05$.

Таблица 9

U-критерий Манна-Уитни: различия между группой 2 (стаж 5–14 лет) и группой 3 (стаж >15 лет)

Шкалы методики	U	p	Значение
А – открытость	231,5	0,006	**
В – развитость логического мышления	245	0,011	*
І – чувствительность	230,5	0,015	*
Q2 – неконформизм	256	0,007	**
Q3 – волевые свойства	243	0,028	*
Q4 – напряженность	213,5	0,005	**

Примечание: ** – различия значимы на уровне $p < 0,01$; * – различия значимы на уровне $p < 0,05$.

4. Оценка уровня самооффективности педагогов с разным стажем профессиональной деятельности. Для оценки уровня самооффективности педагогов с разным стажем профессиональной деятельности была использована Шкала общей самооффективности (Schwarzer & Jerusalem), показавшая высокую внутреннюю согласованность (Cronbach's $\alpha = 0.90$), что подтверждает ее надежность.

Уровни самооффективности зависят от стажа работы и тяготеют к средним показателям:

- группа 1 (стаж ≤5 лет): $M = 3,08$, $SD = 0,60$.
- группа 2 (стаж 5–14 лет): $M = 4,22$, $SD = 0,50$.
- группа 3 (стаж >15 лет): $M = 4,00$, $SD = 0,45$.

Таблица 10

Описательная статистика и результаты однофакторного дисперсионного анализа по шкале самооффективности в группах педагогов с разным стажем

Группа	M	SD	F (2,87)	p	η^2	Post hoc Tukey
Группа 1 (≤5 лет)	3,08	0,60	–	–	–	–
Группа 2 (5–14 лет)	4,22	0,50	5,27	,007	,11	> Группа 1**, > Группа 3*
Группа 3 (>15 лет)	4,00	0,45	–	–	–	–

Примечание: * – различие значимостей на уровне $p < ,05$; ** – различие значимостей на уровне $p < ,01$; η^2 – размер эффекта (доля дисперсии).

– чувствительность (І) отрицательно связана с принятием спонтанных решений и необдуманных поступков.

3. Личностные особенности педагогов на разных этапах профессионального развития. Для оценки личностных особенностей педагогов был использован 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла.

Таблица 5

Средние значения по шкалам 16PF у педагогов с разным стажем

Шкала	Черта	Группа 1 (<5 лет)	Группа 2 (5–14 лет)	Группа 3 (>15 лет)
A	Открытость	9,1	7,2	6,1
B	Развитость логического мышления	7,9	8,1	9,7
C	Эмоциональная стабильность	5,3	6,3	4,7
E	Склонность к лидерству	4,2	8,0	7,5
F	Беспечность	6,3	8,1	6,0
G	Совестливость	7,2	5,5	7,2
H	Социальная смелость	7,1	6,2	4,7
I	Чувствительность	7,7	4,1	5,3
L	Подозрительность	4,4	7,0	5,5
M	Мечтательность	7,0	3,3	4,8
N	Искушенность	5,3	8,8	6,3
O	Неуверенность	7,9	3,6	3,3
Q1	Открытость к изменениям	7,0	5,4	6,2
Q2	Самодостаточность	6,1	4,2	6,1
Q3	Перфекционизм	6,4	5,1	6,1
Q4	Напряжение	8,0	4,2	5,1

Проведенный анализ выявил значимые различия между группами:

– педагоги первой группы (<5 лет) отличаются большей открытостью, чувствительностью, но также демонстрируют более высокий уровень напряженности и эмоциональной неустойчивости.

– педагоги второй группы (5–14 лет) отличаются развитыми когнитивными способностями, лидерскими качествами и склонностью к самостоятельности, но демонстрируют меньшую эмоциональную чувствительность;

– педагоги третьей группы (>15 лет) характеризуются высоким уровнем логического мышления, саморегуляцией и устойчивостью, однако проявляются признаки утомляемости и снижения чувствительности.

Табл. 2–5 подтверждают статистически значимые различия между изменениями по ряду факторов, таких как открытость, логическое мышление, эмоциональная устойчивость, социальная смелость и спокойствие.

Таблица 6

Статистически значимые различия по шкалам Р. Кеттелла (критерий Н Краскала–Уоллеса)

Шкалы опросника Кеттелла	N	p	Значение
A – открытость	9,903	0,007	**
B – логическое мышления	15,364	0,000	**
C – эмоциональная устойчивость	6,122	0,026	*
H – социальная смелость	8,131	0,016	**
L – подозрительность	10,86	0,001	**
O – неуверенность	7,42	0,025	*
Q2 – неконформизм	12,05	0,002	**
Q3 – волевые свойства	10,66	0,001	**
Q4 – напряженность	8,36	0,015	*

Примечание: ** – различия значимы на уровне $p < 0,01$; * – различия значимы на уровне $p < 0,05$.

Для уточнения различий между группами был применен U-критерий Манна–Уитни. Результаты представлены в табл. 7–9.

Однофакторный дисперсионный анализ показал статистически значимое влияние группового фактора «стаж работы» на уровень самооффективности ($F(2,87) = 5,27$, $p = 0,007$). Мера эффекта ($\eta^2 = 0,11$) указывает, что 11% дисперсии в показателях самооффективности можно объяснить различиями между группами по стажу деятельности; данное значение относится к умеренным и говорит о статистической значимости фактора «стаж» для оценки самооффективности педагогов.

Post-hoc test с использованием критерия Tukey уточнил различие между результатами: уровень самооффективности у педагогов со стажем 5–14 лет статистически значимо выше, чем у педагогов со стажем менее 5 лет ($p = 0,005$) и более 15 лет ($p = 0,04$). Статистически значимых различий между результатами респондентов группы (<5 лет) и группы 3 (>15 лет) не выявлено.

Интерпретация результатов по группам:

– группа 1 (<5 лет стажа) – низкий уровень самооффективности ($M = 3,08$), что объясняется дефицитом профессионального опыта и нестабильностью профессиональной идентичности;

– группа 2 (5–14 лет стажа) – продемонстрировала статистически значимо более высокий уровень самооффективности ($M = 4,22$), что объясняется наличием опыта, профессиональных навыков и сформированным представлением о собственных возможностях в преодолении трудностей, что способствует уверенности в решении профессиональных задач;

– группа 3 (>15 лет стажа) – показатели самооффективности снижены ($M = 4,00$) по сравнению с группой 2, но выше, чем в группе 1, что говорит о перераспределении мотивации с карьерного роста на сохранение ресурсов и о стремлении к обретению эмоционального баланса.

Таким образом, результаты проявляются в наличии нелинейной зависимости уровня самооффективности от стажа профессиональной деятельности с пиком эффективности у педагогов группы 2 (стаж 5–14 лет).

5. Связь стажа с копинг-стратегиями и личностными особенностями педагогов. Полученные результаты доказывают, что стаж профессиональной деятельности играет важную роль в выборе копинг-стратегий. Педагоги со стажем до 5 лет чаще используют эмоционально-ориентированные и реактивные стратегии, респонденты группы 2 (стаж 5–14 лет) чаще используют дезадаптивные механизмы совладания, что связано с повышенным уровнем профессионального выгорания и снижением удовлетворенности работой на этом этапе карьеры. Такие черты личности, как эмоциональная стабильность, социальная смелость и добросовестность, являются значимыми факторами при выборе конкретных стратегий совладания. Результаты также выявили наличие связей между личностными качествами (по данным 16-факторного опросника Р. Кеттелла) и выбором копинг-стратегий у педагогов разных групп: высокая самооффективность положительно коррелирует с конструктивными копинг-стратегиями, что указывает на значение личностных черт для преодоления профессиональных стрессоров.

Таким образом, все заявленные гипотезы нашли эмпирическое подтверждение:

– установлены различия в копинг-стратегиях педагогов в зависимости от стажа работы;

– выявлены особенности копинг-моделей и копинг-стратегий между исследуемыми группами;

– подтверждена связь между личностными особенностями и копинг-поведением.

Практическая значимость исследования. На основе полученных результатов исследования возможна разработка программ психологической поддержки педагогов с учетом их опыта профессиональной деятельности и личностных особенностей, что может способствовать профилактике профессионального выгорания, созданию психологической устойчивости и повышению общей эффективности педагогической деятельности.

Список источников

1. Крюкова Т.Н. О методологии исследования и адаптации опросника диагностики совладающего (копинг) поведения // Психология и практика : сб. науч. трудов. Вып. 1. Кострома, 2001. С. 70–82.
2. Zadorozhnaya O.V., Maiba V.V., Novokhat'ko E.N., Lomova N.In. Strategies of coping with situations of difficult pedagogical communication among teachers working in residential institutions // SHS Web of Conferences. 2019. Vol. 70. Art. No. 08045. P. 1–6. doi: 10.1051/shsconf/20197008045
3. Артемьева Т.В. Исследование копинг-стратегий педагогов в профессиональной деятельности // Образование и саморазвитие. 2021. № 4 (42). С. 79–82.
4. Цепков А.Ю. Копинг-поведение учителя: специфика и динамика стратегий реагирования в конфликтах в зависимости от стажа профессиональной деятельности // Теория и практика общественного развития. 2021. № 1. С. 153–156.
5. Брагина Е.А., Белозерова Л.А., Романова А.В. Копинг-поведение педагогов с различным профессиональным стажем // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2022. Т. 28, № 4. С. 70–76.
6. Антоновский А.В. Защитно-совладающее поведение как фактор профессионального здоровья педагогов общеобразовательных школ : дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2020. 188 с.
7. Озеров Д.Б. Особенности копинг-стратегий у педагогов с разным типом субъектной регуляции и стажем работы // Актуальные вопросы педагогики и психологии : материалы международной заочной научно-практической конференции. Ч. I (01 августа 2021 г.). Новосибирск, 2021. С. 80–85.
8. Первितская А.М. Анализ предпочитаемых копинг-стратегий у педагогов с разным стажем работы // Вестник Курганского государственного университета. 2013. № 4 (31). С. 92–95.
9. Петухова Л.П., Серегина Н.В., Катунина Н.П., Стратиненко Е.Н. Профессионально-психологические особенности личности педагогов на разных этапах профессионального становления // Ученые записки университета Лесгафта. 2021. № 5 (195). С. 495–501.
10. Туренко Е.А. Особенности совладания учителей с профессиональным стрессом // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2010. № 4. С. 186–192.
11. Старченкова Е.С., Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб., 2016. 336 с.
12. Лебедева Л.В. Копинг-стратегии у педагогов с 5–10-летним стажем: исследования и практическая инновационность // Психологическое здоровье. 2021. № 19 (6). С. 109–121.
13. Мартынова Н.А. Психологические аспекты преодоления стресса педагогами в условиях меняющихся образовательных стандартов // Образование и наука. 2020. № 42 (1). С. 113–126.
14. Водопьянова Н.В., Старченкова А.В. Преодолевающее поведение у педагогов: исследования и практическое применение // Психология и педагогика. 2021. № 45 (3). С. 56–70.

15. Крюкова И.В. Копинг-поведение педагогов в условиях профессионального стресса // Психология труда и организации. 2021. № 32 (2). С. 110–120.
16. Смирнова Н.В. Личностные особенности педагогов и их влияние на копинг-стратегии в образовательном процессе // Психологические исследования. 2022. № 58 (1). С. 85–99.
17. Миронов В.А., Исаева И.А. Корреляция личностных и копинг-стратегий педагогов с разным стажем работы // Вопросы психологии. 2022. № 40 (2). С. 75–89.

References

1. Kryukova, T.N. (2001) O metodologii issledovaniya i adaptatsii oprosnika diagnostiki sovladayushchego (koping) povedeniya [On the Methodology of Research and Adaptation of the Coping Behavior Diagnosis Questionnaire]. In: *Psikhologiya i praktika: sb. nauchn. trudov* [Psychology and Practice: Collection of Scientific Papers]. Issue 1. Kostroma. pp. 70–82.
2. Zadorozhnaya, O.V., Maiba, V.V., Novokhatko, E.N. & Lomova, N.I. (2019) Strategies of coping with situations of difficult pedagogical communication among teachers working in residential institutions. *SHS Web of Conferences*. 70. Art. No. 08045. pp. 1–6. doi: 10.1051/shsconf/20197008045.
3. Artemyeva, T.V. (2021) Issledovanie koping-strategiy pedagogov v professionalnoy deyatel'nosti [Research of Teachers' Coping Strategies in Professional Activity]. *Obrazovanie i samorazvitiye*. 4 (42). pp. 79–82.
4. Tsepikova, A.Yu. (2021) Koping-povedenie uchiteley: spetsifika i dinamika strategiy reagirovaniya v konfliktakh v zavisimosti ot stazha professionalnoy deyatel'nosti [Teacher's Coping Behavior: Specifics and Dynamics of Response Strategies in Conflicts Depending on Professional Experience]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 1. pp. 153–156.
5. Bragina, E.A., Belozerova, L.A. & Romanova, A.V. (2022) Koping-povedenie pedagogov s razlichnym professionalnym stazhem [Coping Behavior of Teachers with Different Professional Experience]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*. 28 (4). pp. 70–76.
6. Antonovsky, A.V. (2020) Zashchitno-sovladayushchee povedenie kak faktor professionalnogo zdorov'ya pedagogov obshcheobrazovatel'nykh shkol [Defensive-Coping Behavior as a Factor of Professional Health of General Education School Teachers]. Psychology Cand. Diss. Yaroslavl.
7. Ozerov, D.B. (2021) [Features of Coping Strategies among Teachers with Different Types of Subjective Regulation and Work Experience]. In: *Aktualnye voprosy pedagogiki i psikhologii* [Current Issues of Pedagogy and Psychology]. Proceedings of the International Correspondence Conference. Part I. August 01, 2021. Novosibirsk. pp. 80–85. (In Russian).
8. Pervitskaya, A.M. (2013) Analiz predpochitaemykh koping-strategiy u pedagogov s raznym stazhem raboty [Analysis of Preferred Coping Strategies among Teachers with Different Work Experience]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (31). pp. 92–95.
9. Petukhova, L.P., Seregina, N.V., Katunina, N.P. & Stratienco, E.N. (2021) Professionalno-psikhologicheskie osobennosti lichnosti pedagogov na raznykh etapakh professionalnogo stanovleniya [Professional-Psychological Personality Traits of Teachers at Different Stages of Professional Development]. *Uchenye zapiski universiteta Lesgafta*. 5 (195). pp. 495–501.
10. Turenko, E.A. (2010) Osobennosti sovladaniya uchiteley s professionalnym stressom [Features of Teachers' Coping with Professional Stress]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. 4. pp. 186–192.
11. Starchenkova, E.S. & Vodopyanova, N.E. (2016) *Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika* [Burnout Syndrome: Diagnosis and Prevention]. Saint Petersburg.
12. Lebedeva, L.V. (2021) Koping-strategii u pedagogov s 5–10-letnim stazhem: issledovaniya i prakticheskaya innovatsionnost [Coping Strategies among Teachers with 5-10 Years of Experience: Research and Practical Innovation]. *Psikhologicheskoe zdorov'e*. 19 (6). pp. 109–121.
13. Martynova, N.A. (2020) Psikhologicheskie aspekty preodoleniya stressa pedagogami v usloviyakh menyayushchikhsya obrazovatel'nykh standartov [Psychological Aspects of Stress Overcoming by Teachers in the Context of Changing Educational Standards]. *Obrazovanie i nauka*. 42 (1). pp. 113–126.
14. Vodopyanova, N.V. & Starchenkova, A.V. (2021) Preodolevayushchee povedenie u pedagogov: issledovaniya i prakticheskoe primeneniye [Coping Behavior among Teachers: Research and Practical Application]. *Psikhologiya i pedagogika*. 45 (3). pp. 56–70.
15. Kryukova, I.V. (2021) Koping-povedenie pedagogov v usloviyakh professionalnogo stressa [Coping Behavior of Teachers in Conditions of Professional Stress]. *Psikhologiya truda i organizatsii*. 32 (2). pp. 110–120.
16. Smirnova, N.V. (2022) Lichnostnye osobennosti pedagogov i ikh vliyanie na koping-strategii v obrazovatel'nom protsesse [Personal Characteristics of Teachers and Their Influence on Coping Strategies in the Educational Process]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 58 (1). pp. 85–99.
17. Mironov, V.A. & Isaeva, I.A. (2022) Korrelyatsiya lichnostnykh i koping-strategiy pedagogov s raznym stazhem raboty [Correlation of Personal and Coping Strategies of Teachers with Different Work Experience]. *Voprosy psikhologii*. 40 (2). pp. 75–89.

Информация об авторах:

Задорожная О.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры управления индустрией туризма Ростовского государственного университета путей сообщения (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: mdh03@list.ru

Новохатько Е.Н. – канд. психол. наук, доцент кафедры психологии образования Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: elenanovok@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.V. Zadorozhnaya, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Rostov State Transport University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: mdh03@list.ru

E.N. Novokhatko, Cand. Sci. (Psychology), associate professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: elenanovok@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.05.2025;
одобрена после рецензирования 04.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 10.05.2025;
approved after reviewing 04.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/515/19

Технология виртуальной реальности в обучении иностранному языку в вузе: дидактические возможности и ограничения

Лариса Ивановна Корнеева¹, Валерия Игоревна Васильева²

^{1, 2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ larakorn@list.ru

² lerasoshnikovaaa@gmail.com

Аннотация. Исследованы дидактические возможности и ограничения VR-технологии в процессе обучения иностранному языку в вузе. Предложена классификация VR-приложений в соответствии с видом коммуникации, представленной в них. Выявлены и обоснованы ключевые педагогические подходы и методические принципы, применимые в процессе использования VR в обучении иностранному языку в вузе, определена роль преподавателя в этом процессе. Рассмотрены программы виртуальной реальности, применимые в языковом образовании, проведен анализ возможности их применения в образовательном процессе в высшей школе. Выявлены перспективные направления исследований в области обучения иностранному языку в вузе посредством технологии виртуальной реальности.

Ключевые слова: виртуальная реальность, VR, цифровые технологии, VR-программы, языковое образование, иностранные языки, педагогические подходы, методические принципы, ИИ

Для цитирования: Корнеева Л.И., Васильева В.И. Технология виртуальной реальности в обучении иностранному языку в вузе: дидактические возможности и ограничения // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 162–170. doi: 10.17223/15617793/515/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/19

Virtual reality technology in teaching foreign languages at the university: Didactic possibilities and challenges

Larisa I. Korneeva¹, Valeriya I. Vasileva²

^{1, 2} Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

¹ larakorn@list.ru

² lerasoshnikovaaa@gmail.com

Abstract. Virtual reality is becoming more and more widespread in all spheres of human life, including education. However, the practical application of VR technology in foreign language education is still in its early stages. The growing interest in it is primarily reflected in theoretical research focusing on the general advantages and disadvantages of virtual reality technology in language education without taking into account the specifics of the subject and the level of education. At the same time, the theoretical and methodological foundations, such as pedagogical approaches, as well as methodological and specific methodological principles of applying this technology for foreign language teaching in higher education, have not yet been sufficiently addressed in scientific and methodological literature. The aim of this study is to identify the didactic possibilities and challenges of using VR technology in foreign language teaching in higher education by taking into account the type of communication represented in the VR-application. As a result of the analysis of scientific and methodological literature on this issue and the experience of implementing VR in foreign language teaching at Ural Federal University named after B. N. Yeltsin, the general advantages, disadvantages, and challenges of integrating VR technology in language education at the university level throughout all disciplines and educational levels were identified, as well as the specific advantages and challenges. The main general advantages are increased motivation and interest in learning foreign languages, the development of inclusive education, increasing the confidence of students, overcoming the language barrier and generally increasing the effectiveness of learning foreign languages. The specific advantages, depending on the type of communication in the VR application, include the avoidance of using the native language, interdisciplinary integration, a high level of feedback, and the predictability of foreign language communication scenarios. The main general disadvantages of virtual reality technology in education are the cost of equipment, insufficient competence of teachers, limited content, possible harm to health, as well as the lack of standards for the use of this technology in education. The main challenges in the context of using VR in foreign language teaching in higher education are organizational constraints, which are associated with the specifics of the discipline. Key principles (interactivity, connection of theory with practice, speech diversity, closeness to reality, assessability) and approaches (activity, professional and personal-oriented, communicative), applicable in the process of using VR in teaching foreign languages are identified and substantiated.

Virtual reality applications for teaching a foreign language are considered and the possibility of their use in the educational process in higher education is analyzed.

Keywords: virtual reality, VR, digital technologies, VR-applications, language education, foreign languages, methodological principles, pedagogical approaches

For citation: Korneeva, L.I. & Vasileva, V.I. (2025) Virtual reality technology in teaching foreign languages at the university: Didactic possibilities and challenges. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 162–170. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/19

Введение

Технология виртуальной реальности является перспективным направлением в обучении иностранным языкам в вузе в соответствии с возможностью обучения не только в привычных условиях, но и в процессе погружения студентов в языковые среды, эффективные для образовательных целей. Внедрение виртуальной реальности (VR) в образование активно происходит в зарубежных высших учебных заведениях, в России вузы также уже начали обучать иностранному языку посредством данной технологии (например, МГИМО, РУДН и СевГУ) [1–3]. Несмотря на возрастающий интерес исследователей к данной проблематике в настоящее время, проведенный анализ научной и методической литературы по использованию виртуальной реальности в обучении иностранному языку в вузе выявил:

- большинство исследований сосредоточено в основном на общих преимуществах и недостатках использования VR в образовании, не учитывая специфику предмета и уровня образования;

- в настоящее время недостаточно исследований, изучающих оценку эффективности применения VR-технологии в обучении иностранному языку в вузе, а также содержащих практические рекомендации для внедрения виртуальной реальности в языковое образование и организацию занятий на ее основе;

- отсутствует прочная теоретико-методологическая основа, выявлен недостаток исследований, посвященных педагогическим подходам и методическим принципам применения VR в обучении иностранным языкам в системе высшего образования.

Согласно уровню рассматриваемого образования технология виртуальной реальности в обучении иностранному языку представляет собой смоделированную реальность, позволяющую обучающемуся стать участником коммуникативной ситуации на изучаемом языке в виртуальной среде, приближенной к условиям профессиональной деятельности. Следует отметить, что анализ приложений виртуальной реальности для обучения иностранному языку выявил, что они не являются однотипными, на наш взгляд, их следует классифицировать в соответствии с видом коммуникации, представленной в VR-приложении: коммуникация посредством искусственного интеллекта (ИИ), коммуникация через аватары и коммуникация в условиях заданных алгоритмов диалогов. В дальнейшем для заданных алгоритмов диалогов мы будем применять термин, представленный в работе А.Л. Морозовой и Т.А. Костюковой, – линейные диалоги [4]. Наиболее актуальным в настоящее время является внедрение искусственного интеллекта в приложения виртуальной реальности для создания более реалистичного процесса

коммуникации, однако на современном этапе интеграция ИИ требует значительных материальных затрат, в том числе на квалифицированных разработчиков в этой области. Коммуникация через аватары представляет собой общение студентов друг с другом в виртуальной среде, где аватары, по определению Д.В. Николиной, представляют собой искусственно созданный образ в виртуальной среде [5]. VR-приложения с линейными диалогами содержат заранее записанную речь виртуальных коммуникантов с паузой для ответа, которая не меняется в зависимости от речи студента. Таким образом, при рассмотрении преимуществ и методических принципов применения технологии виртуальной реальности в языковом образовании целесообразно учитывать специфику представленных видов коммуникации в виртуальной среде.

Цель данного исследования – выявить дидактические возможности и ограничения применения VR-технологии в обучении иностранному языку в вузе.

Задачи исследования:

1. Определить и обосновать педагогические подходы и методические принципы обучения иностранным языкам в вузе на основе VR.

2. Систематизировать научную и методическую литературу, посвященную преимуществам и недостаткам обучения иностранному языку посредством технологии виртуальной реальности.

3. Выявить преимущества применения VR-технологии в обучении иностранному языку в высшей школе соответствии с видом коммуникации, представленным в VR-приложении.

4. На основе опыта внедрения VR-технологии выявить ограничения ее применения в языковом образовании в вузе и их практические решения.

5. Проанализировать возможности существующих VR-приложений в обучении иностранному языку в вузе.

6. Рассмотреть роль преподавателя в процессе обучения иностранному языку посредством VR-технологии в вузе.

Исследование проводилось на основе опыта внедрения технологии виртуальной реальности в обучение студентов 2-го курса бакалавриата направления «Лингвистика», кафедры иностранных языков и перевода Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина, а также на основе анализа научной и методической литературы по проблеме применения технологии виртуальной реальности в языковом образовании в вузе.

Педагогические подходы и методические, частнометодические принципы обучения иностранным языкам в вузе посредством VR-технологии

П.Г. Лабзина, М.В. Гуреева, М.Е. Жабин и Е.И. Новалов в своем исследовании подчеркивают необходимость учета будущей профессиональной деятельности

студента и представляют принципы обучения иностранному языку в специальных целях в виртуальной среде. Мы согласны с важностью принципа интерактивности, выделенного исследователями [6], однако, на наш взгляд, данный принцип, наряду с другими методическими принципами, требует уточнения и пояснения в контексте обучения иностранному языку в VR в вузе:

1. Принцип интерактивности. Принцип интерактивности в процессе обучения иностранному языку в вузе посредством технологии виртуальной реальности представляет собой взаимодействие субъектов образовательного процесса друг с другом или с VR-персонажами в виртуальной среде. Принцип интерактивности применим при использовании всех видов коммуникации в приложениях виртуальной реальности, однако наиболее перспективным направлением исследований в области применения технологии виртуальной реальности в языковом образовании в высшей школе является изучение особенностей взаимодействия студентов с искусственным интеллектом, внедренным в VR-приложения, и его эффективности в обучении иностранным языкам. Т.И. Краснова подчеркивает возможность вывода интерактивности на новый уровень вследствие интеграции искусственного интеллекта в приложения виртуальной реальности [7]. Добавим, что ИИ и технологии распознавания речи в совокупности в полной мере обеспечивают применение принципа интерактивности в обучении иностранным языкам в вузе посредством технологии виртуальной реальности, однако на данный момент их внедрение в VR-приложения является технически трудным, вследствие чего дорогостоящим.

2. Принцип связи теории с практикой. Реализация принципа связи теории с практикой в контексте обучения иностранному языку посредством технологии виртуальной реальности в вузе на данный момент еще не освещена в методической и научной литературе, посвященной данной проблематике, однако, на наш взгляд, этот принцип является одним из ключевых, так как VR является образовательным инструментом, обеспечивающим практику в обучении иностранному языку. В соответствии с принципом связи теории с практикой необходимо обеспечить подготовку студентов к занятию по иностранному языку в виртуальной среде, заранее изучив необходимую лексику и этику общения в коммуникативной ситуации, представленной в VR-сценарии.

С целью эффективного обучения иностранному языку в виртуальной среде в вузе мы выделили следующие частнометодические принципы:

1. Принцип речевого разнообразия. Данный методический принцип выражается в обучении иностранному языку в вузе на основе внедренных в VR-приложения записей голосов, имеющих различные особенности речи, в том числе акценты, для улучшения их понимания и возможности эффективного общения с представителями различных культур. В связи с этим принцип речевого разнообразия позволяет более эффективно развивать навыки аудирования в иммерсивной среде в коммуникативных ситуациях с виртуальными персонажами, чем на аудиторных занятиях при

взаимодействии учащихся одной группы. Реализация принципа речевого разнообразия на современном этапе развития цифровых технологий и ИИ возможна только в процессе применения VR-приложений, в которых студенты взаимодействуют с виртуальными персонажами: при взаимодействии студентов одной академической группы друг с другом через аватары в виртуальной среде коммуникация происходит на основе речи, особенностью которой обучающимся уже знакомы; речь виртуальных персонажей в VR-приложениях, оснащенных ИИ, имеет ограниченный набор голосов, их разнообразию не уделено достаточно внимания.

2. Принцип приближенности к реальности. Принцип приближенности к реальности в обучении иностранному языку в виртуальной среде в вузе отражает необходимость учитывать реальные и актуальные условия иноязычной коммуникации и профессиональной деятельности. Обучение необходимо проводить в приближенной к реальности обстановке и в виртуальных помещениях, существующих в реальных коммуникативных ситуациях, а также внедрять в VR релевантную запись речи виртуальных коммуникантов (стиль, соответствующий ситуации, современная лексика и грамматика и т.д.). Чтобы реализовать данный принцип, педагогическим дизайном VR-приложений для обучения иностранному языку в вузе должен заниматься преподаватель, обладающий актуальными знаниями в области профессиональной деятельности и коммуникации будущих специалистов.

3. Принцип возможности рефлексии. На наш взгляд, в контексте применения VR в языковом образовании в высшей школе возможность рефлексии и саморефлексии, всестороннее оценивание и наблюдение за прогрессом, которые являются необходимым компонентом обучения, в приложениях с заданными алгоритмами коммуникации осуществляются посредством возможности сохранить аудио- или видеофайл занятия в VR-среде. Это связано с тем, что данная функция предоставляет возможность в любое время обратиться к записи занятия как преподавателю, чтобы качественно диагностировать уровень развития навыков, так и самому студенту. Особым преимуществом в возможности рефлексии и оценки обладают VR-приложения для обучения иностранному языку с внедренным искусственным интеллектом, позволяющим осуществлять сбор и анализ данных на основе речи студента в процессе обучения в виртуальной среде, так как это позволяет снизить нагрузку преподавателя и оптимизировать процесс обучения.

Теоретико-методологические основы обучения иностранному языку в высшей школе с применением технологии виртуальной реальности представлены следующими педагогическими подходами.

Личностно-ориентированный подход выражается в учете уровня знаний и навыков студентов при выборе и создании VR-приложений, основанных на их коммуникации друг с другом через аватары, а также приложений виртуальной реальности с заданными алгоритмами коммуникации виртуальных персонажей. При этом возможности персонализации обучения посредством VR-

приложений, в которые интегрирован искусственный интеллект, шире. Так, ИИ адаптируется к речи каждого студента в процессе занятия в виртуальной среде, поддерживая диалог на основе полученной от студента информации. Реализация *профессионально-ориентированного подхода* происходит вследствие учета особенностей профессиональной деятельности и коммуникации при выборе и разработке VR-приложения. *Коммуникативный подход*, реализация которого происходит через развитие навыков общения и взаимодействия на изучаемом языке,

акцентирует внимание на использовании языка как средства общения, а не просто как объекта изучения. В настоящее время виртуальная реальность становится инструментом для реализации этого подхода, предлагая новые возможности для практики языка и коммуникации в иммерсивной и интерактивной среде. *Деятельностно-ориентированный подход* предполагает обучение иностранному языку в VR посредством активной деятельности обучающегося, который является активным субъектом в виртуальной реальности (рис. 1).

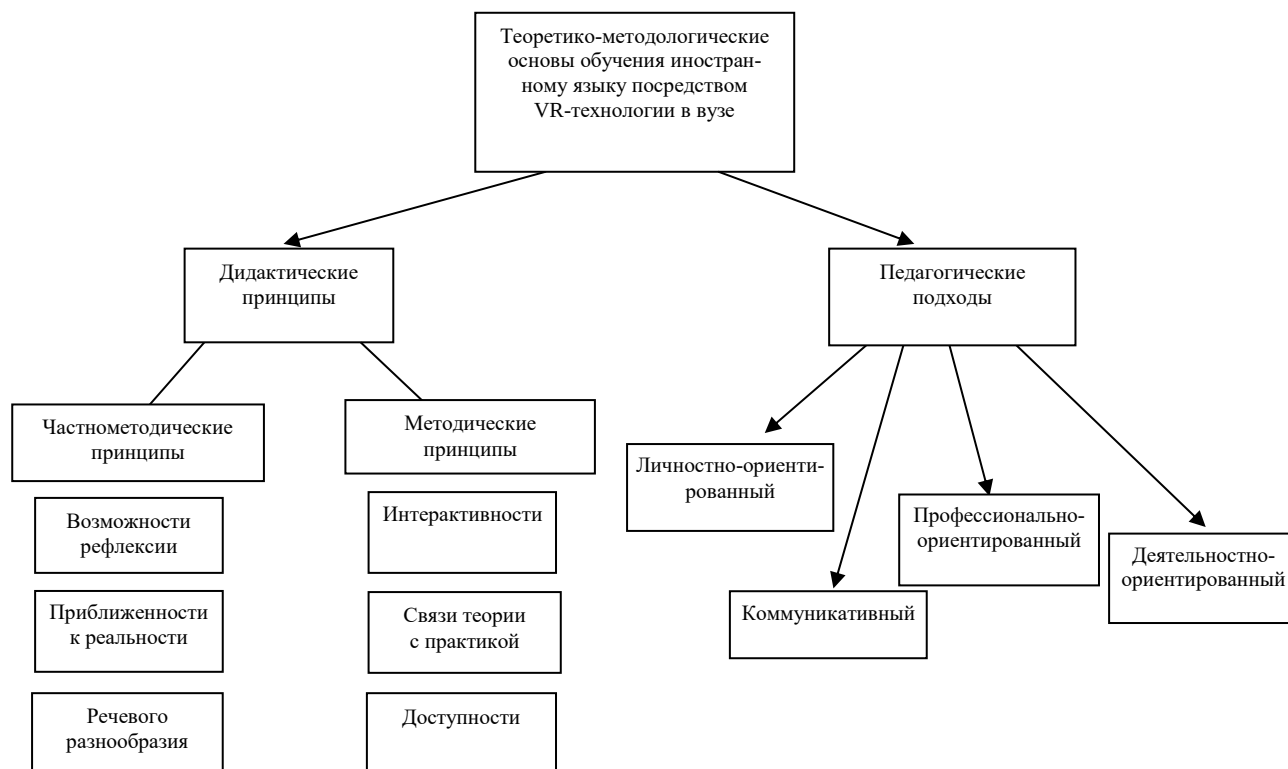

Рис. 1. Теоретико-методологические основы обучения иностранному языку посредством VR-технологии в вузе

Описание преимуществ VR-технологии в обучении иностранному языку в вузе

Как было указано ранее, большинство работ, посвященных технологии виртуальной реальности в обучении иностранному языку, исследуют преимущества и недостатки данной технологии, при этом зачастую не учитывая специфику дисциплины, уровень образования и вид коммуникации в VR-приложении. Так, исследователи данной проблематики отмечают усиление мотивации и интереса [8–11]; способствование инклюзивному образованию [10, 8]; возможность присутствия в местах и ситуациях, которые обычно недоступны [12, 13, 6]; повышение уверенности [7, 8] и развитие пространственного мышления [11]. Принимая во внимание вышеизложенное, предлагаем объединить преимущества технологии виртуальной реальности в следующие группы: общие (относящиеся к образовательному процессу в целом) и специфические (учитывающие специфику приложений виртуальной реальности в определенной области и на определенном уровне образования). Данную классификацию можно использовать для выявления целесообразности применения VR-технологии, выбора и создания VR-приложения, а

также дополнять по результатам последующих исследований в этой области.

Специфические преимущества представлены выделенным Т.И. Красновой избеганием использования родного языка [7]; междисциплинарностью, так как виртуальная реальность может служить средством для объединения изучения языков с другими дисциплинами, такими как история, культура, экономика и др.; уровнем обратной связи в соответствии с тем, что разные виды коммуникации в виртуальной среде обладают своими особенностями взаимодействия студентов друг с другом и с виртуальными персонажами; предсказуемостью сценария иноязычной коммуникации, необходимой для применения принципов связи теории с практикой, доступности и дидактической целесообразности; уровнем доступности, который представляет собой возможность создания VR-приложения, а именно, стоимость и техническую сложность.

В результате анализа приложений виртуальной реальности и опыта создания собственного приложения мы выявили, что специфические преимущества обучения иностранному языку посредством технологии виртуальной реальности при использовании VR-приложений, предполагающих коммуникацию посредством ИИ, представлены избеганием использования

родного языка, высоким уровнем интерактивности и междисциплинарностью; преимуществами VR-приложений с линейными диалогами являются избегание использования родного языка, междисциплинарность, предсказуемость сценария иноязычной коммуникации и высокий уровень доступности VR-приложений с коммуникацией студентов друг с другом через аватары – междисциплинарность, высокий уровень обратной связи и предсказуемость сценария иноязычной коммуникации (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика преимуществ видов VR-приложений для обучения иностранному языку в вузе в соответствии со способом коммуникации в виртуальной среде

Вид VR-приложения	VR-приложение с коммуникацией с ИИ	VR-приложение с линейными диалогами	VR-приложение с коммуникацией студентов друг с другом через аватары
Преимущества			
Избегание использования родного языка	+	+	–
Междисциплинарность	+	+	+
Высокий уровень обратной связи	Высокий	Средний	Высокий
Предсказуемость сценария иноязычной коммуникации	-	+	+
Уровень доступности	Низкий	Высокий	Средний

Преимуществом технологии виртуальной реальности в языковом образовании в вузе является возможность междисциплинарного обучения независимо от вида VR-приложения; выбор существующего VR-приложения или создание собственного зависит от целей коммуникации и финансирования инициативы по внедрению VR в систему высшего образования.

Ограничения VR-технологии в обучении иностранному языку в вузе

Проблема трудностей внедрения технологии виртуальной реальности в образование отражена во многих исследованиях по данной проблематике, однако выявленные трудности носят универсальный для всей образовательной сферы характер. Приведем основные ограничения применения VR-технологии в языковом образовании в вузе, представленные в научной и методической литературе: затраты на оборудование и контент [8, 14–17] недостаточная компетентность преподавателей [8, 15], ограниченный контент VR-приложений [14] и вред здоровью [8, 17]. Рассмотрим способы внедрения VR-приложений в обучение иностранным языкам в вузе для решения проблемы стоимости VR-контента:

- финансирование использования приложений виртуальной реальности образовательной организацией;
- оплата VR-приложения для проведения занятий по иностранному языку в вузе по инициативе студентов. Такой

опыт применения технологии виртуальной реальности в Ростовском государственном университете путей сообщения представлен в исследовании А.Н. Колесниченко [18];

– взаимовыгодное сотрудничество со студентами IT-направлений. Так, нами было разработано VR-приложение совместно со студентами направления «Программная инженерия» на основе проектного практикума УрФУ. Данный способ обладает такими преимуществами, как: бесплатная для преподавателя разработка VR-приложения; повышение качества образования, его ориентация на выполнение реальных профессиональных задач. Однако основным недостатком создания VR-приложения в результате взаимодействия со студентами является невысокий уровень сложности производимого контента.

В соответствии с тем, что наш опыт применения VR-технологии в обучении является первым в Уральском федеральном университете имени Б. Н. Ельцина, в процессе обучения студентов иностранному языку в имеющихся условиях проведения занятий в виртуальной среде мы выявили также следующие организационные ограничения, которые следует учитывать преподавателю, и предлагаем их практические решения:

1. В лаборатории разработки игр и VR-решений УрФУ, где проводились занятия, представлены такие VR-очки, как Oculus Quest 3, HTC VivePro и Pico 4 Pro, однако только на HTC VivePro были встроенные наушники. Учитывая, что обучение иностранному языку одновременно 5 студентов происходило в процессе коммуникации в виртуальной среде в одной аудитории, необходимо предусмотреть наличие гарнитуры для предотвращения затруднения восприятия информации из VR-приложения. При этом следует учитывать технические характеристики VR-очков: например, Oculus Quest 3 имеют разъем Jack 3.5, а Pico 4 Pro поддерживают только bluetooth-наушники.

2. Для эффективного проведения занятий посредством технологии виртуальной реальности на начальном этапе необходима помощь IT-специалиста соответствующего профиля, так как VR-очки и компьютеры, на основе которых проводятся занятия, являются технически сложным оборудованием. Более того, преподавателю нужна помощь в организации занятия, чтобы уложиться в тайминг, так как каждому студенту необходимо проговорить инструкцию и оказать помощь в регулировке VR-очков. Так, во время опыта внедрения VR-технологии в обучение иностранному языку в УрФУ нам была предоставлена помощь ассистента лаборатории разработки игр и VR-решений.

3. Одним из наиболее существенных организационных ограничений, выявленных в результате опыта внедрения технологии виртуальной реальности в языковое образование в УрФУ, является возможность обучения в виртуальной среде только 5 студентов одновременно.

При длительности VR-сценария около 15 минут обучение всех студентов группы составляет примерно 1 час. Наилучшим решением в данных условиях является работа студентов с преподавателем в аудитории, находящейся рядом с аудиторией, предназначенной для занятий в виртуальной среде, в которой необходимо

наличие ответственного лица для контроля за VR-занятием.

4. Еще одним ограничением применения технологии виртуальной реальности в языковом образовании высшей школы является то, что организация занятия (инструкции студентам, регулировка VR-очков) занимает достаточно много времени в ущерб обучению иностранному языку. В соответствии с этим мы предлагаем использовать родной язык во время организации только первых занятий с целью адаптации студентов.

Добавим, что наиболее эффективными условиями проведения занятий по иностранному языку в вузе посредством VR-технологии являются: наличие аудитории, где в виртуальной среде могут обучаться сразу все студенты группы; наличие всего необходимого оборудования и гарнитур, в том числе наушников к каждому комплекту VR-очков; предоставление помощи IT-специалиста в области VR.

Характеристика приложений виртуальной реальности для обучения иностранному языку в вузе

На данный момент становится все больше приложений и программ виртуальной реальности, которые применимы для обучения иностранному языку.

Рассмотрим краткую характеристику некоторых из них.

1. MondlyVR. Отличительной чертой данного приложения является возможность выбора сценария обучающимися, например, кафе, отель, такси и др. Преимуществом является возможность выбора одного из 30 языков для обучения, а также большое количество сценариев. Основной недостаток – наличие только простых диалогов, поэтому приложение рекомендовано для студентов с уровнем pre-intermediate [19, 13]. В приложение внедрены искусственный интеллект и технология распознавания речи, однако, как отмечает О.В. Мурай [20], при воспроизведении речи виртуального персонажа присутствуют грубые грамматические и лексические ошибки (рис. 2).

2. VirtualSpeech. Преимущество данного приложения заключается в возможности сохранения аудиофайла выступления студента и его анализе, развитии навыка коммуникации на иностранном языке [13], а также во внедренном искусственном интеллекте, однако при его использовании отсутствует возможность создания своих собственных сценариев для интеграции VirtualSpeech в образовательный процесс [21] (рис. 3).

3. VRSupersonic. Российская платформа для создания виртуальной среды с целью тренировки коммуникативных навыков не только на английском языке, но и для различных целей на русском языке. Преимуществом данной платформы является возможность создавать свои сценарии для обучения иностранному языку, учитывая возможности конкретных студентов, образовательные программы, преобладающие педагогические принципы и подходы; недостатком является высокая стоимость.

Платформа основана на линейных диалогах, при этом ИИ интегрирован с целью предоставления данных о результатах прохождения сценария студентами [22] (рис. 4).

4. VARVARA. Российский тренажер для коммуникации на английском языке, основным преимуществом которого является возможность сбора данных о грамматических и лексических ошибках, а также оценка произношения и отправка результатов на почту, однако данный тренажер предназначен в большей степени для обучающихся английскому языку с уровнем A1–A2. Данный тренажер представлен линейными диалогами с вариантами ответов [23] (рис. 5).

Рис. 2. Скриншот из VR-приложения MondlyVR

Рис. 3. Скриншот из VR-приложения VirtualSpeech

Рис. 4. Скриншот из платформы VRSupersonic

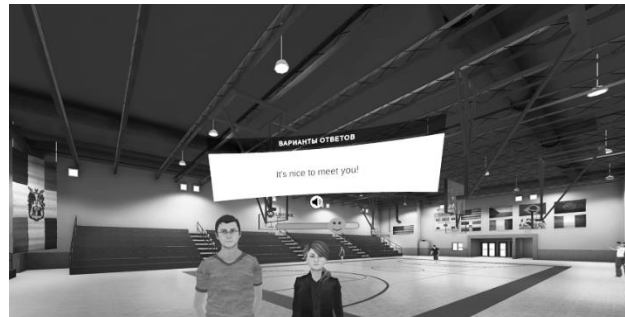

Рис. 5. Скриншот из VR-приложения VARVARA

В результате анализа представленных выше приложений виртуальной реальности можно сделать вывод о том, что имеющиеся на данный момент среды виртуальной реальности применимы не для всех образовательных целей, имеют как свои преимущества, так и недостатки для внедрения в обучение иностранным языкам в вузе. Преимуществами являются: высокий уровень обратной связи; высокое качество изображения в виртуальной среде (рис. 2–5), что непосредственно влияет на восприятие сценария учащимися; внедрение в некоторые проекты искусственного интеллекта. Однако обучение иностранному языку посредством существующих на данный момент разработок и их внедрение имеют ряд препятствий, а именно: отсутствие профессиональной направленности, что необходимо для обучения иностранному языку в высшей школе, большинство сценариев носят повседневный характер; высокая стоимость их покупки; большинство приложений предназначено для начинающих изучать английский язык.

Роль преподавателя в процессе обучения иностранному языку в вузе посредством VR-технологии

В процессе обучения иностранному языку в системе высшего образования по технологии виртуальной реальности преподаватель является прежде всего инициатором проведения занятий по данной технологии и организатором, так как на данный момент для этого необходимо преодолеть множество ограничений, указанных ранее. Рассмотрим работу преподавателя на основе нашего опыта поэтапно.

1) Поиск подходящей аудитории для проведения VR-занятий, оснащенной необходимым оборудованием, таким как VR-гарнитуры и компьютеры.

2) Определение способа получения необходимого для достижения образовательных целей VR-приложения, в данном случае – совместная со студентами разработка приложения в рамках проектного практикума УрФУ.

3) Составление технического задания для реализации проекта (продумать идею VR-приложения, локацию, сценарии, речи виртуальных персонажей, необходимый функционал приложения), подать заявку на проектный практикум УрФУ (partner.urfu.ru).

4) Презентация идеи проекта для его выбора студентами.

5) Подготовка материалов для реализации проекта (записи речей виртуальных персонажей, фото локаций для их воссоздания в виртуальной среде).

6) Совместная работа со студентами направления «Программная инженерия», кураторство, обсуждение промежуточных результатов.

7) Прием готового VR-приложения на оборудование, подготовленного для будущих занятий, оценка работы студентов, обсуждение итоговых результатов.

8) Апробация VR-приложения, его корректировка.

9) Организация проведения VR-занятий.

10) Осуществление контроля и помощи студентам во время занятий в виртуальной среде.

11) Оценка выполненных студентами задач в виртуальной реальности на основе видеофрагментов выступлений.

Таким образом, обучение иностранному языку посредством технологии виртуальной реальности является трудозатратным для преподавателя, требует большого количества усилий и времени. При этом в соответствии со спецификой VR-технологии в системе высшего образования для ее эффективного внедрения в процесс обучения иностранному языку преподаватель должен обладать:

- навыками работы с VR-гарнитурой;
- знанием теоретико-методологических основ применения технологии виртуальной реальности в языковом образовании в вузе;
- знанием особенностей осуществления будущей профессиональной деятельности студентов;
- знанием преимуществ и недостатков видов коммуникации в приложениях виртуальной реальности.

Заключение

Таким образом, виртуальная реальность предлагает новые возможности для взаимодействия, практики и погружения в языковую среду в образовательных целях, при этом ее интеграция в образовательный процесс имеет как преимущества, так и недостатки. Для комплексного рассмотрения проблемы применения VR-технологии в обучении иностранному языку в вузе необходимо учитывать специфические преимущества данной технологии, принимая во внимание специфику предмета, уровень образования, а также вид коммуникации в виртуальной среде, представленный в VR-приложении. Основными ограничениями внедрения VR в систему высшего образования являются возможности получения контента для занятий в виртуальной среде и организационные ограничения. Преподаватель выполняет ключевую роль инициатора и организатора при обучении иностранному языку в виртуальной реальности, при этом он должен обладать как навыками работы с VR-гарнитурами, так и знаниями в области методики обучения посредством данной технологии. Обучение иностранному языку посредством технологии виртуальной реальности в вузе основано на коммуникативном, профессионально-, деятельностно- и личностно-ориентированных подходах, основными методическими и частнометодическими принципами являются принципы интерактивности, доступности, связи теории с практикой, речевого разнообразия, приближенности к реальности и возможности рефлексии. Следует отметить, что реализация принципов интерактивности, речевого разнообразия и возможности рефлексии зависит от типа взаимодействия студентов в процессе коммуникации в виртуальной среде: взаимодействие студентов друг с другом через аватары, коммуникация на основе линейных диалогов, которые содержат внедренные записи речей, а также коммуникация на основе интегрированного искусственного интеллекта. На данный момент VR-приложения с линейными диалогами являются наиболее доступными и простыми в разработке.

Проблема эффективности применения виртуальной реальности в языковом образовании в вузе только недавно начала привлекать внимание исследователей, поэтому проведение практических исследований в этой области является актуальным направлением для будущих научных работ. Также основными перспективными направлениями исследований в области обучения иностранному языку в высшей школе посредством технологии виртуальной реальности являются: изучение влияния на результаты обучения искусственного интеллекта, внедренного в VR-приложения; дальнейшая разработка теоретико-методологических основ; разработка, апробация и проверка эффективности VR-приложений, пред-

назначенных для обучения иностранному языку студентов различных направлений. Постоянное развитие технологий и растущий интерес к инновационным технологиям и методам обучения могут привести к тому, что VR станет неотъемлемой частью языкового образования; тем не менее существующие на данный момент приложения для погружения в виртуальную среду не в полной мере соответствуют заявленным нами педагогическим подходам и методическим принципам для их внедрения в образовательный процесс в высшей школе или имеют высокую стоимость, что представляет собой поле для дальнейших разработок и попыток сделать доступным интеграцию подходящих VR-приложений в обучение иностранным языкам.

Список источников

1. Технологии VR в обучении иностранным языкам в МГИМО: результаты и планы проекта Лингвистической лаборатории ФЛМК. URL: https://mgimo.ru/about/news/departments/vr-linguistic-laboratory-flmk/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 12.09.2024).
2. Виртуальная реальность в изучении языков: глубокое погружение в культурное многообразие и особенности разных профессий. URL: <https://snob.ru/profile/414702/blog/3094850/> (дата обращения: 22.08.2024).
3. В СевГУ используют VR технологии на занятиях по иностранному языку. URL: <https://www.sevsu.ru/novosti/item/14854-v-sevgu-ispolzuyut-vr-tehnologii-na-zanyatiyakh-po-inostrannomu-yazyku/> (дата обращения: 23.08.2024).
4. Морозова А.Л., Костюкова Т.А. Виртуальная реальность при обучении диалогической речи на английском языке: опыт МГИМО-Одинцово // Язык и культура. 2023. № 63. С. 207–238. doi: 10.17223/19996195/63/11
5. Николина Д.В. Аватар: трансформация человека в виртуальной реальности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (41). С. 39–42.
6. Лабзина П.Г., Гуреев М.В., Жабин М.Е., Новалов Е.И. Принципы обучения профессионально ориентированному иностранному языку в виртуальной реальности // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2017. № 4 (36). С. 79–89.
7. Краснова Т.И. Инновационное изучение языков: исследование иммерсивных виртуальных сред // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 3 (107). С. 119–123.
8. Рольгайзер А.А. Применение технологий виртуальной и дополненной реальности при обучении иностранному языку в вузе. // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 5 (97). С. 170–173.
9. Arvanitis P. VR vs AR are Suitable for the Development of Linguistic Skills in Second Language Teaching // INTED2019 Proceedings. 2019. P. 2222–2228.
10. Стародубцева Е.А. Использование технологии виртуальной реальности в обучении иностранным языкам в вузе // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 1. С. 110–113.
11. Таран В.Н. Применение дополненной реальности в обучении // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 2. С. 333–337.
12. Доброва В.В., Лабзина П.Г. Виртуальная реальность в преподавании иностранных языков // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2016. № 4 (32). С. 55–60.
13. Тропольская А.П. Виртуальная реальность в обучении иностранным языкам // Скиф. 2022. № 4 (68). С. 76–81.
14. Коннова З.И., Семенова Г.В. Технологии дополненной и виртуальной реальностей: инновации в обучении иностранным языкам в вузе. Научный результат // Педагогика и психология образования. 2021. № 3. С. 53–65.
15. Котенко В.В. Проблемы и возможности применения технологий дополненной и виртуальной реальности в преподавании иностранного языка // Ученые записки университета Лесгафта. 2020. № 3 (181). С. 252–258.
16. Иванова А.В. Технологии виртуальной и дополненной реальности: возможности и препятствия применения // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2018. № 3 (106). С. 88–107.
17. Ростовцева П.П. Виртуальная реальность в иноязычном учебном процессе // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2 (99). С. 233–235.
18. Колесниченко А.Н. Возможности применения технологии виртуальной реальности при обучении иностранному языку // Самарский научный вестник. 2023. № 2. С. 266–269.
19. Mondly VR. URL: <https://www.mondly.com/vr> (дата обращения: 10.02.2025).
20. Мурай О.В. Обучение иностранным языкам с помощью VR-технологии // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5 (102). С. 189–192.
21. Virtual Speech. URL: <https://virtualspeech.com/> (дата обращения: 12.02.2025).
22. VR Supersonic. URL: <https://vrsupersonic.ru/> (дата обращения: 13.02.2025).
23. VARVARA. URL: <https://edu.vmti.ru/varvara> (дата обращения: 22.01.2025).

References

1. MGIMO. (2024) *Tekhnologii VR v obuchenii inostrannym yazykam v MGIMO: rezultaty i plany proekta Lingvisticheskoy laboratorii FLMK* [VR Technologies in Foreign Language Teaching at MGIMO: Results and Plans of the FLMK Linguistic Laboratory Project]. [Online] Available from: https://mgimo.ru/about/news/departments/vr-linguistic-laboratory-flmk/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (Accessed: 12.09.2024).
2. Snob.ru. (2024) *Virtual'naya real'nost' v izuchenii yazykov: glubokoe pogruzhenie v kulturnoe mnogoobrazie i osobennosti raznykh professiy* [Virtual Reality in Language Learning: Deep Immersion into Cultural Diversity and Features of Different Professions]. [Online] Available from: <https://snob.ru/profile/414702/blog/3094850/> (Accessed: 22.08.2024).
3. Sevsu.ru. (2024) *V SevGU ispolzuyut VR tekhnologii na zanyatiyakh po inostrannomu yazyku* [SevSU Uses VR Technologies in Foreign Language Classes]. [Online] Available from: <https://www.sevsu.ru/novosti/item/14854-v-sevgu-ispolzuyut-vr-tehnologii-na-zanyatiyakh-po-inostrannomu-yazyku/> (Accessed: 23.08.2024).

4. Morozova, A.L. & Kostyukova, T.A. (2023) Virtualnaya realnost pri obuchenii dialogicheskoy rechi na angliyskom yazyke: opyt MGIMO-Odintsovo [Virtual Reality in Teaching English Dialogic Speech: The Experience of MGIMO-Odintsovo]. *Yazyk i kultura*. 63. pp. 207–238. doi: 10.17223/19996195/63/11.
5. Nikolina, D.V. (2023) Avatar: transformatsiya cheloveka v virtualnoy realnosti [Avatar: Human Transformation in Virtual Reality]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 4 (41). pp. 39–42.
6. Labzina, P.G., Gureev, M.V., Zhabin, M.E. & Novalov, E.I. (2017) Printsipy obucheniya professionalno orientirovannomu inostrannomu yazyku v virtualnoy realnosti [Principles of Teaching Professionally Oriented Foreign Language in Virtual Reality]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskie nauki*. 4 (36). pp. 79–89.
7. Krasnova, T.I. (2023) Innovatsionnoe izucheniye yazykov: issledovanie immersivnykh virtualnykh sred [Innovative Language Learning: A Study of Immersive Virtual Environments]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 3 (107). pp. 119–123.
8. Rolgayzer, A.A. (2022) Primeneniye tekhnologiy virtualnoy i dopolnennoy realnosti pri obuchenii inostrannomu yazyku v vuze [The Use of Virtual and Augmented Reality Technologies in Teaching a Foreign Language at a University]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 5 (97). pp. 170–173.
9. Arvanitis, P. (2021) VR vs AR are Suitable for the Development of Linguistic Skills in Second Language Teaching. *INTED2019 Proceedings*. pp. 2222–2228.
10. Starodubtseva, E.A. (2022) Ispolzovanie tekhnologii virtualnoy realnosti v obuchenii inostrannym yazykam v vuze [The Use of Virtual Reality Technology in Teaching Foreign Languages at University]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 1. pp. 110–113.
11. Taran, V.N. (2018) Primeneniye dopolnennoy realnosti v obuchenii [The Use of Augmented Reality in Education]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2. pp. 333–337.
12. Dobrova, V.V. & Labzina, P.G. (2016) Virtualnaya realnost v prepodavanii inostrannykh yazykov [Virtual Reality in Foreign Language Teaching]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskie nauki*. 4 (32). pp. 55–60.
13. Troepolskaya, A.P. (2022) Virtualnaya realnost v obuchenii inostrannym yazykam [Virtual Reality in Foreign Language Teaching]. *Skif*. 4 (68). pp. 76–81.
14. Konnova, Z.I. & Semenova, G.V. (2021) Tekhnologii dopolnennoy i virtualnoy realnostey: innovatsii v obuchenii inostrannym yazykam v vuze [Augmented and Virtual Reality Technologies: Innovations in University Foreign Language Teaching]. *Nauchnyy rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya*. 3. pp. 53–65.
15. Kotenko, V.V. (2020) Problemy i vozmozhnosti primeneniya tekhnologiy dopolnennoy i virtualnoy realnosti v prepodavanii inostrannogo yazyka [Problems and Opportunities of Using Augmented and Virtual Reality Technologies in Foreign Language Teaching]. *Uchenye zapiski universiteta Lesgafta*. 3 (181). pp. 252–258.
16. Ivanova, A.V. (2018) Tekhnologii virtualnoy i dopolnennoy realnosti: vozmozhnosti i prepyatstviya primeneniya [Virtual and Augmented Reality Technologies: Application Opportunities and Obstacles]. *Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment*. 3 (106). pp. 88–107.
17. Rostovtseva, P.P. (2023) Virtualnaya realnost v inoyazychnom uchebnom protsesse [Virtual Reality in the Foreign Language Educational Process]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. 2 (99). pp. 233–235.
18. Kolesnichenko, A.N. (2023) Vozmozhnosti primeneniya tekhnologii virtualnoy realnosti pri obuchenii inostrannomu yazyku [Opportunities for Using Virtual Reality Technology in Foreign Language Teaching]. *Samarskiy nauchnyy vestnik*. 2. pp. 266–269.
19. *Mondly VR*. [Online] Available from: <https://www.mondly.com/vr> (Accessed: 10.02.2025).
20. Muray, O.V. (2023) Obuchenie inostrannym yazykam s pomoshchyu VR-tekhnologii [Teaching Foreign Languages Using VR Technology]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. 5 (102). pp. 189–192.
21. *Virtual Speech*. [Online] Available from: <https://virtualspeech.com/> (Accessed: 12.02.2025).
22. *VR Supersonic*. [Online] Available from: <https://vrsupersonic.ru/> (Accessed: 13.02.2025).
23. *VARVARA*. [Online] Available from: <https://edu.vnti.ru/varvara> (Accessed: 22.01.2025).

Информация об авторах:

Корнеева Л.И. – д-р пед. наук, зав. кафедрой иностранных языков и перевода Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: larakorn@list.ru

Васильева В.И. – аспирант, ассистент кафедры иностранных языков и перевода Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: lerasoshnikovaaaa@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.I. Korneeva, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Foreign Languages and Translation, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: larakorn@list.ru

V.I. Vasileva, postgraduate student, teaching assistant, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: lerasoshnikovaaaa@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.03.2025;
одобрена после рецензирования 08.05.2025; принята к публикации 30.06.2025.*

*The article was submitted 25.03.2025;
approved after reviewing 08.05.2025; accepted for publication 30.06.2025.*

Научная статья
УДК 37.037.1:796.015.865(477.75)
doi: 10.17223/15617793/515/20

«Будь готов к труду и обороне» как основа физического воспитания детей и молодежи в 30-е гг. XX в. в Крыму

Андрей Викторович Мутьев¹, Дмитрий Владимирович Лебедев²

^{1, 2} *Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия*

¹ *dsport76@mail.ru*

² *dimon211199@mail.ru*

Аннотация. На основе анализа архивных документов рассматривается процесс внедрения физкультурного комплекса «Будь готов к труду и обороне» в работу учебных заведений Крымской АССР в 30-е гг. XX в. Выявлены основные трудности и успехи в становлении комплекса как основы физического воспитания детей школьного возраста исследуемого периода. Прослежена положительная динамика количественных показателей охвата крымских пионеров и школьников комплексом «Будь готов к труду и обороне» во второй половине 1930-х гг.

Ключевые слова: «Будь готов к труду и обороне», Крымская АССР, школьники, физическое воспитание

Для цитирования: Мутьев А.В., Лебедев Д.В. «Будь готов к труду и обороне» как основа физического воспитания детей и молодежи в 30-е гг. XX в. в Крыму // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 171–177. doi: 10.17223/15617793/515/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/20

"Be Ready for Work and Defense" complex as the basis of physical education of children and youth in the 1930s in Crimea

Andrey V. Mutiyev¹, Dmitriy V. Lebedev²

^{1, 2} *V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation*

¹ *dsport76@mail.ru*

² *dimon211199@mail.ru*

Abstract. Based on the analysis of archival documents, the process of introducing the "Be Ready for Work and Defense" physical education complex into the work of educational institutions of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1930s. The study used general theoretical, historical and pedagogical research methods. The database of research sources was compiled by the office documentation of the Crimean authorities of physical culture and sports of the specified period from the funds of the State Archive of the Republic of Crimea. It has been established that the main objectives of the "Be Ready for Work and Defense" complex in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, as well as throughout the country, were to introduce pioneers and schoolchildren to a healthy lifestyle, physical improvement, mass physical education and sports, as well as to help young men prepare for military service. Since 1934, the introduction of the complex through the Soviet secondary school, pioneer and sports organizations acted as a guide to the initiatives of the Soviet leadership in the field of mass physical culture and the patriotic movement. At the same time, rather harsh administrative measures to involve young people in passing the standards of the "Ready for Work and Defense" and "Be Ready for Work and Defense" complexes, with significant personnel and material difficulties, often led to falsifications, overestimation of coverage rates for movement participants and other negative consequences, which were constantly being fought. In many ways, these shortcomings were offset by the enthusiasm of teachers, schoolchildren, and youth. From 1935 to 1940, the cities and districts of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic saw a steady increase in the quantitative indicators of the coverage of Crimean pioneers and schoolchildren with the "Be Ready for Labor and Defense" complex. The material base for preparing for standards and the level of teacher training were improved. By the end of the 1930s, the types of tests that make up the content of "Be ready for Work and Defense" were used as the basis for physical education programs for schoolchildren and all extracurricular mass physical education and sports work, and the standards of the complex formed the basis for the requirements for assessing school performance in physical education. Such increased attention to physical education complexes was due to the increased mass military and physical training of the population to protect themselves from external threats on the eve of the approaching war.

Keywords: "Be Ready for Work and Defense", Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, schoolchildren, physical education

For citation: Mutiyev, A.V. & Lebedev, D.V. (2025) "Be Ready for Work and Defense" complex as the basis of physical education of children and youth in the 1930s in Crimea. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 171–177. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/20

Актуальность

Исследование историко-педагогических вопросов становления и развития системы физкультурной работы с детьми и молодежью в нашей стране со временем не теряет своей актуальности, помогая совершенствовать ее современные основы. Одним из наиболее важных аспектов такой работы является изучение истории разработки и внедрения физкультурного комплекса для получения знаков отличия «Готов к труду и обороне СССР» (далее – ГТО) и «Будь готов к труду и обороне» (далее – БГТО), существовавших с начала 1930-х и до начала 1990-х гг. и ставших уникальным физкультурно-историческим феноменом, не имеющим аналогов в мире [1]. Вызовы настоящего времени и военно-политическая обстановка в стране послужили основой для возрождения комплекса в современных реалиях нашего государства в 2014 г., что диктует необходимость всестороннего учета особенностей исторического развития ГТО и может помочь дальнейшему совершенствованию его программно-нормативных основ. Особое значение приобретает исследование указанных вопросов на начальных этапах существования молодого советского государства, в котором физическая культура выступала неотъемлемой частью всестороннего воспитания подрастающего поколения. Именно ГТО и БГТО отводилась ведущая роль в деле подготовки здоровой и крепкой смены для построения нового коммунистического общества и его защиты от внешних угроз. Введение комплекса происходило поэтапно. Первая его ступень была утверждена президентом Высшего совета физической культуры при ЦИК СССР в марте 1931 г, вторая, значительно расширявшая требования к подготовленности, в 1933 г., а в начале 1934 г. было введено награждение пионеров и школьников, овладевших определенным комплексом физкультурных навыков, единым значком БГТО. В связи с этим местные органы управления физической культурой немедленно приступили к систематической работе по охвату пионеров и школьников массовой учебой, подготовкой и сдачей нормативов на значок БГТО [2].

В последнее время исследованиям внедрения ГТО и БГТО в работу со школьниками в 30-е гг. XX в. уделяется все больше внимания в работах современных ученых [2–4]. В различных аспектах рассмотрены данные вопросы и на примерах отдельных регионов страны, таких как Красноярский край [5, 6], Карелия [7], Хабаровский край [8], Урал [9], Бурятия [10] и др. Авторы отмечают достаточно массовую и профессиональную деятельность организаторов по приему норм БГТО, мощную и всестороннюю поддержку правительства СССР в данном направлении. При этом в работах акцентируется внимание и на трудностях внедрения комплекса: недостаточном охвате молодежи, включившейся в сдачу норм, значительно отставании от цифр контрольных заданий, формальном отношении к получению значка, приписках, очковитательстве и политической недооценке значения ГТО [11]. Несомненно, накопленный в этом плане региональный

опыт советского периода может быть весьма полезен и в условиях сегодняшнего дня.

В то же время несмотря на наличие ряда публикаций по развитию системы физкультурно-спортивной и оздоровительной работы с детьми в дореволюционный период [12] и после полного установления в Крыму советской власти [13], вопросы становления и развития в республике комплекса БГТО до сих пор не становились предметом специального исследования.

Очевидное противоречие между необходимостью всестороннего изучения развития физической культуры детей и молодежи нашей страны и практическим отсутствием научных работ, освещающих эти вопросы, определило основную **цель** данной работы: рассмотреть особенности внедрения физкультурно-спортивного комплекса «Будь готов к труду и обороне» в Крымской АССР в 30-е гг. XX в.

Были использованы общетеоретические и историко-педагогические **методы исследования**. Базу источников исследования составила делопроизводственная документация советских органов управления физической культурой и образованием из фондов Государственного архива Республики Крым, большая часть которой впервые вводится в научный оборот.

Результаты и обсуждение

Положение о значке БГТО открывалось словами В.И. Ленина об особо важном значении для подрастающего поколения физической культуры в период становления социализма и продолжалось цитатой И.В. Сталина о том, что советская школа и пионеротряд должны в соответствии с этим обеспечить подготовку нового поколения рабочих – «здоровых и жизнерадостных, способных поднять могущество Советской страны на должную высоту и защитить ее грудью от покушения со стороны врагов». Для содействия решению этих задач, поощрения всестороннего развития школы и пионеров, плановой подготовки к труду и обороне на основе единой системы комплекса ГТО и максимального развития самостоятельности детей устанавливалось награждение школьников единым значком БГТО и соответствующей грамотой Высшего совета физической культуры при ЦИК СССР. При этом указывалось, что запрещается введение местными органами для пионеров и школьников всяких других значков физического развития, удостоверений и дипломов.

Ступень БГТО содержала 13 нормативов и 3 требования по оценке физической подготовленности для школьников 13–14 и 15–16 лет. Для получения значка БГТО пионер или школьник должен был быть, в первую очередь, ударником учебы, сдать нормативные показатели, установленные Высшим советом физической культуры при ЦИК СССР, и программу Наркомпроса для каждого года обучения, состоящую из:

а) выполнения норм по физическим упражнениям, включая нормы по стрельбе, плаванию и гребле, автомобилизму и походным навыкам;

б) выявления теоретических знаний по физической культуре и самоконтролю;

в) выявления военных знаний и навыков по сигнализации, противохимической обороне, подаче первой помощи, а также лагерно-туристических навыков;

г) выявления физкультурно-организационных навыков;

д) соблюдения санитарно-гигиенических правил.

Также претендент на получение значка должен был активно участвовать в кружке физической культуры при школе и помогать преподавателю.

Республиканским, краевым и областным советам физической культуры было разрешено вырабатывать виды испытаний и нормы, заменяющие плавание и греблю там, где не было возможности их провести. Разрешена была также замена лыжных испытаний для южных районов. Все изменения должны были быть одобрены Высшим советом физической культуры СССР.

Испытания проводились после 4-го года обучения при наличии допуска по результатам врачебного контроля.

Мероприятия осуществлялись под руководством ответственного преподавателя по физической культуре в школе в зачетные периоды и в сроки, установленные учебным планом, в порядке выполнения зачетных требований. Ответственный преподаватель отчитывался перед администрацией школы, соответствующим отделом народного образования, районным или городским советом физической культуры. Прием нормативов мог быть осуществлен в условиях пионерлагеря, в коллективе физической культуры при школе или на пионерской базе.

Вручение значка БГТО должно было происходить в торжественной обстановке два раза в год: 7 ноября и 1 мая через отделы народного образования и школьную администрацию.

Право ношения знака отличия БГТО давало преимущество при поступлении в вузы физической культуры, участия в детских соревнованиях разного масштаба, позволяло бесплатно посещать соревнования и пр.

Имеющие значок должны были быть примером для других школьников, участвовать в массовых мероприятиях, соблюдать гигиену, помогать инструктору в организационной работе. За антиобщественные поступки значка могли лишиться [14. Л. 62–63].

Проект положения о значке БГТО был получен крымскими спортивными организациями 14 февраля 1934 г., после чего началась организационная работа по его внедрению. Городским отделам народного образования было предписано усилить методическое руководство по внедрению комплекса БГТО, планировать и строить всю свою работу по физическому воспитанию среди детей на его основе [15. Л. 4].

Однако проверки средних учебных заведений Крыма показали, что в конце 1934 – начале 1935 г. школьников, сдавших полностью все нормы БГТО, было очень мало. К 27 июня 1935 г. по Крыму было всего 163 школьника, полностью сдавших нормы и получивших значки БГТО, из 3 300 запланированных на этот год. Для исправления такого положения было ре-

шено максимально использовать остаток летних каникул. Во всех лагерях, на площадках, стадионах, водных станциях, спортивных школах, парках культуры и отдыха было предписано создать условия для тренировки и приема нормативов на значок БГТО (беговые дорожки, площадки для прыжков, инвентарь). Также следовало организовать комиссии для приема нормативов в составе инструктора физической культуры, врача, пионервожатого [16. Л. 49].

При подведении итогов летней работы по сдаче норм БГТО на заседании президиума Высшего совета физической культуры при ЦИК Крымской АССР 23 сентября 1935 г. было отмечено «совершенно неудовлетворительное» состояние хода выполнения контрольных цифр – всего 5%. Было решено обязать Наркомпрос обеспечить оборудование для сдачи норм комплекса и снабдить школы пособиями для учебы по программе БГТО. В школах городов и районов Крыма было предписано провести школьные спартакиады по программе видов БГТО и ГТО 1-й ступени, а спортивные организации призвали предоставлять спортивные базы для использования школами [17. Л. 37 об.]. К 22 октября 1935 г. контрольные цифры по сдаче на значок БГТО по Крыму были выполнены только на 8,4% [17. Л. 55]. Например, в г. Симферополе полностью сдали нормы лишь 23 человека, притом что количество включившихся в сдачу нормативов составило более 1 000 школьников. Сложившаяся ситуация стала предметом рассмотрения на всесоюзном уровне. После доклада 1 ноября 1935 г. на заседании Президиума Высшего совета физической культуры при ЦИК СССР «О состоянии физкультурной работы в Крымской АССР» в протоколе было указано: «Обязать ВСФК [Высший совет физической культуры] Крымской АССР (т.т.[товарищи] Спектор, Гузовский) все внимание сосредоточить на дальнейшем развертывании физкультурно-массовой работы, вовлечении в физическую культуру коренного населения и полном выполнении контрольного задания по ГТО и БГТО» [18. Л. 146].

Однако по итогам 1935 г. был констатирован срыв выполнения задания по БГТО. Сдавших нормы было по Крыму 739 человек (19,4% от контрольных цифр). Из них пионеров – 455, девочек – 287, в сельской местности – 164 школьника [19. Л. 100]. Среди основных причин такого положения можно назвать недостаточную подготовку инструкторов и преподавателей физической культуры к работе по освоению нормативов комплекса, отсутствие необходимых условий для тренировок учащихся и (нехватка велосипедов и патронов для стрельбы, отсутствие военных городков для сдачи стипль-чеза, трудности со сдачей водных норм и др.).

На 1936 г. для Крыма были установлены контрольные цифры по сдаче норм БГТО в 5 000 человек. Наибольшую активность в подготовке школьников и приеме нормативов проявили такие города полуострова, как Керчь и Севастополь, что объяснялось хорошей обеспеченностью учебных заведений квалифицированным инструкторским составом и географическим положением этих городов, облегчавшим прием водных нормативов. Согласно данным из «Протокола совеща-

ния работников Комитетов по делам физической культуры и спорта городов и районов Крыма» от 29 сентября 1936 г., количество выполнивших нормы БГТО в Севастополе составило 417, а в Керчи – 407 школьников.

Значительно меньшее количество подготовленных на значок БГТО было в Джанкое – 183, Симферополе – 117, Евпатории – 50, Бахчисарае – 43, Карасубазаре – 83, Саках – 86. К подготовке активно присоединились и сельские школы. Так, в Ичкинском районе Крымской АССР к октябрю 1936 г. было подготовлено 77 школьников, Тельмановском – 157, Симферопольском – 56, Маяк-Салыньском – 88, Биюк-Онларском – 18 [20. Л. 23–25]. Из «Докладной записки о состоянии физкультурного движения в Крыму» в Областной комитет ВКП(б) следовало, что за 1936 г. по Крыму задание по БГТО было выполнено на 57% [21. Л. 41]. По-прежнему существовала нехватка оборудования по отдельным видам (велосипед, стипль-чез). При этом отмечалась постоянная положительная динамика количества школьников, полностью сдавших нормы БГТО (рис. 1). Лидерами стали города Керчь, где было подготовлено 314 школьников в возрастной группе 13–14 лет и 236 – в возрастной группе 15–16 лет, Симферополь – 282 и 91, Феодосия – 146 и 77 и Джанкой – 148 и 35 учащихся соответственно [22. Л. 79].

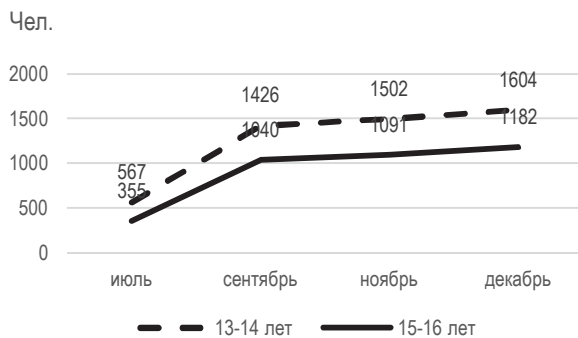

Рис. 1. Динамика количества крымских пионеров и школьников, получивших значок БГТО с июля по декабрь 1936 г. в возрастных группах 13–14 и 15–16 лет [21. Л. 79]

В 1937 г. продолжилась работа по подготовке пионеров и школьников к сдаче нормативов БГТО. При контрольных цифрах в 4 623 человека было подготовлено 3 305 школьников. При этом регулярные обследования в отдельных школах Крыма на предмет физкультурной работы часто констатировали малое количество или вовсе отсутствие сдавших нормы ГТО и БГТО. На основании этого 27 мая 1938 г. в постановлении № 26 Крымского комитета по делам физической культуры и спорта при ЦИК Крымской АССР по вопросу «О работе по БГТО и ГТО в крымских физкультурных организациях» указывалось: «Охват и качество выполнения решений Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта неудовлетворительно». Далее отмечалось отсутствие систематической и плановой работы по подготовке к сдаче норм ГТО и БГТО и применение «вредных» методов – кампанейщины и

штурмовщины. Массовая работа подменялась эпизодической сдачей норм от случая к случаю, без учета предварительной подготовки. Практически не уделялось внимания качественной стороне подготовки, врачебному осмотру, правильному оформлению карточек, протоколов, справок и другим важным аспектам. Само вручение значков, которое должно было проводиться в общественно-массовом порядке, подменялось частной выдачей значка инструктором физической культуры или другим руководителем без участия физкультурников и общественности. Указывалось на то, что массовых спортивных соревнований низовых коллективов физической культуры, стимулирующих к подготовке и сдаче ГТО и БГТО, проводилось чрезвычайно мало и очень часто в них не учитывались результаты для зачета норм. В подавляющем большинстве городов и районов комиссии ГТО и БГТО или совершенно отсутствовали (Ялта, Евпатория, Джанкой, Балаклава, Саки), или бездействовали, что затрудняло контроль за подготовкой к сдаче норм, оформлением документов, вручением значков. Как результат такого положения – безответственность и самотек в работе по ГТО и БГТО. Для преодоления сложившейся ситуации постановлением предписывалось: проработать самообязательства по выполнению контрольных цифр ГТО и БГТО, ввести соцсоревнование между коллективами, городами, районами и т.д., обустроить площадки, усилить контроль, создать комиссии и обязательно проводить медосмотр при приеме нормативов. Было решено учредить систему поощрений (переходящие знамена, премии, грамоты) для коллективов, городов, организаций, инструкторов [23. Л. 61]. Следует отметить, что материальные трудности и другие негативные явления при подготовке к сдаче норм во многом компенсировались энтузиазмом школьников и молодежи, которые регулярно обращались в государственные и партийные органы, местные и центральные газеты для решения возникающих проблем.

Для того чтобы расширить военно-спортивную работу среди школьников, стали широко привлекаться добровольные спортивные общества, количество которых увеличилось со второй половины 1930-х гг.

Работа в детских группах по подготовке и сдаче норм велась в крымских спортивных обществах «Автомотор», «Буревестник», «Локомотив», «Медик», «Строитель» и «Швейник». Значительно усилилась работа по подготовке и сдаче норм ГТО и БГТО в конце 1930-х гг. В соответствии с решениями XVIII Съезда ВКП(б) в марте 1939 г. в стране проводилась массовая подготовка населения к защите от внешних угроз. Для курирования этой работы были созданы военные отделы при областных комитетах ВКП(б), на которые возлагалось разъяснение новых задач физкультурных организаций, подбор на физкультурную работу лучших активистов-комсомольцев, вовлечение максимального количества населения в сдачу норм БГТО и ГТО; особое внимание уделялось военно-прикладным видам спорта (гранатометанию, штыковому бою, фехтованию, стрелковому и конному спорту). В соответствии с данными задачами в 1939 г. был утвержден но-

вый комплекс ГТО. В нем значительно усилена военно-физическая и оборонная направленность. Комплекс содержал два раздела: общие нормы (обязательные для всех сдающих) и нормы по выбору. Для сдачи норм БГТО была введена единая возрастная группа детей от 14 до 17 лет. Для БГТО был учрежден «Значок отличника», а виды испытаний, составляющие содержание комплекса, были положены в основу программ физического воспитания школьников и всей внеклассной массовой физкультурной и спортивной работы. Нормативы БГТО легли в основу требований при оценке успеваемости школьников по физической культуре.

Нормы по выбору состояли из упражнений, объединенных в группы по преимущественному проявлению в них физических и волевых качеств (скорости, ловкости, навыков в метании и стрельбе, выносливости, смелости и решительности, силы, навыков защиты и нападения). Таких групп упражнений в БГТО было пять. Для получения значка БГТО необходимо было сдать одиннадцать норм: шесть обязательных и пять по выбору [24].

В значительной мере была улучшена и перестроена подготовка преподавателей физической культуры в школах. В частности, в 1939 г. на Всекрымском совещании преподаватели физической культуры школ полуострова взяли на себя обязательства перестроить всю физкультурную работу на основании нового комплекса ГТО СССР в кратчайшие сроки. Половина всех крымских преподавателей физической культуры обязались сдать на значок ГТО 2-й ступени в 1940 г. и освоить не менее одной военно-физкультурной специальности (штыковой бой, фехтование, метание гранаты, автомотодело, парусный спорт, гребля, гимнастика, плавание, борьба, стрельба) для дальнейшей работы со школьниками. Ставилась задача подготовить в 1939/40 уч. г. всех учащихся 9–10 классов на значок ГТО 1-й ступени, а каждый ученик по окончании 8-го класса должен был иметь значок БГТО. Планировалось значительно повысить качество физического воспитания и уровень политической работы [25. Л. 1].

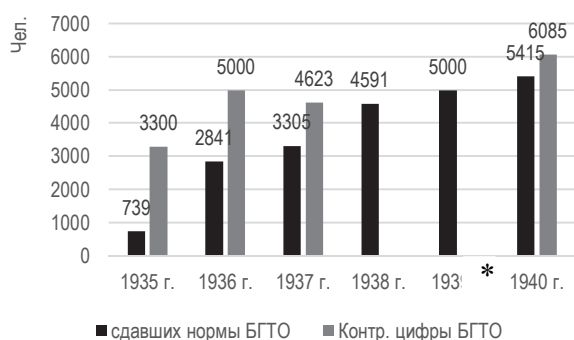

Рис. 2. Динамика сдачи нормативов БГТО пионерами и школьниками Крымской АССР в 1935–1940 гг. (по материалам Государственного архива Республики Крым).
* Данные не обнаружены

Из докладной записки Комитета по делам физической культуры и спорта Крымской АССР, адресованной заведующему военным отделом ОК ВКП(б), следовало, что значок БГТО в Крыму получили в 1938 г. 4 591 школьник, а в 1939 г. – уже 5 000. Контрольные

цифры по БГТО на 1940 г. для городов и районов Крыма, согласно приказу № 95 Комитета по делам физической культуры и спорта при ЦИК Крымской АССР от 30 декабря 1939 г., были установлены в 6 085 человек [26. Л. 1], и это задание в школах Крыма по итогам года было выполнено на 89%. Анализ динамики количества сдавших нормы БГТО по Крыму показал постоянный ее рост на протяжении второй половины 1930-х гг., при этом отмечалось некоторое отставание от цифр контрольных заданий и самоообязательств (рис. 2).

К 1941 г. подавляющее большинство школ Крыма удалось укомплектовать преподавателями физической культуры, при этом почти во всех городах (Симферополь, Севастополь, Керчь, Феодосия) большая часть преподавателей имела специальное физкультурное образование. Школы полуострова успешно выполняли поставленные задачи по подготовке и сдаче норм ГТО и БГТО. Так, на 100–115% выполнили задание по нормативам БГТО школа им. Войкова в Керчи, 9-я школа и 98-я железнодорожная школа в Симферополе и ряд других общеобразовательных учебных заведений Крыма [26. Л. 34].

Заключение

Исследование показало, что основными задачами введения комплекса БГТО в Крымской АССР, как и во всей стране, выступили приобщение пионеров и школьников к здоровому образу жизни, физическому совершенствованию, массовым занятиям физической культурой и спортом, а также помощь юношам в подготовке к службе в армии. Начиная с 1934 г. внедрение комплекса через советскую общеобразовательную школу, пионерские и спортивные организации выступило проводником инициатив советского руководства в области массового физкультурно-патриотического движения. В то же время достаточно жесткие административные меры привлечения молодежи к сдаче норм ГТО и БГТО при значительных кадровых и материальных трудностях часто вели к фальсификациям, завышению показателей охвата участников движения и другим негативным последствиям, с которыми велась постоянная борьба. Во многом эти недостатки компенсировались энтузиазмом преподавателей, школьников и молодежи.

С 1935 по 1940 г. в городах и районах Крымской АССР наблюдался поступательный рост количественных показателей охвата крымских пионеров и школьников комплексом БГТО, совершенствовалась материальная база для подготовки к сдаче нормативов и повышался уровень подготовленности преподавателей.

К концу 1930-х гг. виды испытаний, составляющие содержание БГТО, были положены в основу программ физического воспитания школьников и всей внеклассной массовой физкультурной и спортивной работы, а нормативы комплекса легли в основу требований при оценке успеваемости школьников по физической культуре. Такое повышенное внимание к БГТО и ГТО было обусловлено усилением массовой военно-физической подготовки населения к защите от внешних угроз накануне приближающейся войны.

Список источников

1. Собянин Ф.И., Скабук А.В., Воронков А.В., Пересыпкин А.П. Развитие идеологических основ комплекса ГТО // Теория и практика физической культуры. 2020. № 8. С. 104–106.
2. Корнев С.В. История возникновения комплекса норм «Будь готов к труду и обороне» // Перспективы науки. 2023. № 6 (165). С. 134–136.
3. Романюк В.А. К вопросу об истории развития ГТО в довоенные годы // Глобальный научный потенциал. 2023. № 9 (150). С. 67–70.
4. Козлова Г.Н., Скитневский В.Л., Воробьев Н.Б., Сергеева Т.С., Житникова Н.Е. Исторические предпосылки создания в СССР физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне» // Теория и практика физической культуры. 2016. № 11. С. 46–47.
5. Николаев Е.А., Качаева Ю.В., Белов А.В. Развитие физической культуры и спорта в Красноярском крае во второй половине 1930-х гг // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2024. Т. 10, № 2. С. 129–142.
6. Шмультская Л.С., Лобанова О.Б. «Готов к труду и обороне»: физическое воспитание детей и молодежи в СССР в предвоенные годы // Педагогика. 2024. Т. 88, № 1. С. 112–119.
7. Корнев С.В. Анализ работы деятельности инспекторов ГТО и БГТО в КАССР в 30-е годы XX века // Перспективы науки. 2024. № 1 (172). С. 201–203.
8. Валеев А.М. Зарождение комплекса ГТО в Хабаровском крае во времена Советской власти // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 12-5 (82). С. 425–426.
9. Бахтина И.Л., Попов М.В., Протасова Э.Е. Физическое воспитание школьников в 1920–1930-е гг. и введение комплекса ГТО и БГТО (на материалах Урала) // Педагогическое образование в России. 2015. № 1. С. 45–50.
10. Балакирев А.Н., Убеева О.А. Основные этапы становления и развития физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) в Советской Бурятии // Манускрипт. 2018. № 7 (93). С. 27–30.
11. Мутьев А.В. Внедрение 1-й ступени комплекса «Готов к труду и обороне СССР» в начале 1930-х гг. в Крыму: трудности и успехи // Новейшая история России. 2025. Т. 15, № 1. С. 197–215.
12. Мутьев А.В. Распространение сокольской системы гимнастики как средства физического воспитания в Крыму в начале XX в // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 147–154. doi: 10.17223/15617793/487/17
13. Мутьев А.В., Скоробогатова М.Р., Лебедев Д.В. Состояние физкультурной работы среди детей школьного возраста в Крыму в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 150–158. doi: 10.17223/15617793/506/19
14. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-1209 (Комитет республиканский по делам физической культуры и спорта при Совете народных комиссаров Крымской АССР, г. Симферополь Крымской АССР). Оп. 2. Д. 60.
15. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 65.
16. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 69.
17. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 73.
18. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 70.
19. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 74.
20. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 87.
21. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 104.
22. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 91.
23. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 111.
24. Попов М.В., Рапопорт Л.А., Харитонов Е.В. Комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО) и развитие физкультурно-массовой работы на Урале в 1931–1941 годах // Педагогическое образование в России. 2014. № 9. С. 73–80.
25. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 132.
26. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 104а.

References

1. Sobyenin, F.I., Skabuk, A.V., Voronkov, A.V. & Peresyppkin, A.P. (2020) Razvitie ideologicheskikh osnov kompleksa GTO [Development of the Ideological Foundations of the GTO Complex]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*. 8. pp. 104–106.
2. Kornev, S.V. (2023) Istoriya vozniknoveniya kompleksa norm "Bud gotov k trudu i oborone" [History of the Origin of the "Ready for Labour and Defence" Norms Complex]. *Perspektivy nauki*. 6 (165). pp. 134–136.
3. Romanyuk, V.A. (2023) K voprosu ob istorii razvitiya GTO v dovoennyye gody [On the History of GTO Development in the Pre-War Years]. *Globalnyy nauchnyy potentsial*. 9 (150). pp. 67–70.
4. Kozlova, G.N., Skitnevsky, V.L., Vorobev, N.B., Sergeeva, T.S. & Zhitnikova, N.E. (2016) Istoricheskie predposylki sozdaniya v SSSR fizkulturnogo kompleksa "Gotov k trudu i oborone" [Historical Preconditions for the Creation of the "Ready for Labour and Defence" Physical Culture Complex in the USSR]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*. 11. pp. 46–47.
5. Nikolaev, E.A., Kachaeva, Yu.V. & Belov, A.V. (2024) Razvitie fizicheskoy kultury i sporta v Krasnoyarskom krae vo vtoroy polovine 1930-kh gg [Development of Physical Culture and Sports in the Krasnoyarsk Territory in the Second Half of the 1930s]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*. 10 (2). pp. 129–142.
6. Shmul'skaya, L.S. & Lobanova, O.B. (2024) "Gotov k trudu i oborone": fizicheskoe vospitanie detey i molodezhi v SSSR v predvoennyye gody ["Ready for Labour and Defence": Physical Education of Children and Youth in the USSR in the Pre-War Years]. *Pedagogika*. 88 (1). pp. 112–119.
7. Kornev, S.V. (2024) Analiz raboty deyatel'nosti inspektorov GTO i BGTO v KASSR v 30-e gody XX veka [Analysis of the Work of GTO and BGTO Inspectors in the KASSR in the 1930s]. *Perspektivy nauki*. 1 (172). pp. 201–203.
8. Valeev, A.M. (2021) Zarozhdenie kompleksa GTO v Khabarovskom krae vo vremena Sovetskoy vlasti [The Origin of the GTO Complex in the Khabarovsk Territory during Soviet Times]. *Evraziyskoe Nauchnoe Ob'edinenie*. 12-5 (82). pp. 425–426.
9. Bakhtina, I.L., Popov, M.V. & Protasova, E.E. (2015) Fizicheskoe vospitanie shkolnikov v 1920–1930-e gg. i vvedenie kompleksa GTO i BGTO (na materialakh Urals) [Physical Education of Schoolchildren in the 1920s–1930s and the Introduction of the GTO and BGTO Complexes (Based on Materials from the Urals)]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 1. pp. 45–50.
10. Balakirev, A.N. & Ubееva, O.A. (2018) Osnovnye etapy stanovleniya i razvitiya fizkulturno-sportivnogo kompleksa "Gotov k trudu i oborone" (GTO) v Sovetskoy Buryatii [Main Stages of Formation and Development of the "Ready for Labour and Defence" (GTO) Physical Culture and Sports Complex in Soviet Buryatia]. *Manuskript*. 7 (93). pp. 27–30.
11. Mutiev, A.V. (2025) Vnedrenie 1-y stupeni kompleksa "Gotov k trudu i oborone SSSR" v nachale 1930-kh gg. v Krymu: trudnosti i uspekhi [Implementation of the 1st Stage of the "Ready for Labour and Defence of the USSR" Complex in the Early 1930s in Crimea: Difficulties and Successes]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 15 (1). pp. 197–215.
12. Mutiev, A.V. (2023) The spreading of the Sokol gymnastic system for physical education in Crimea at the beginning of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 147–154. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/17
13. Mutiev, A.V., Skorobogatova, M.R. & Lebedev, D.V. (2024) The state of physical education among school-age children in Crimea in the late 1920s – early 1930s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 150–158. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/19

14. State Archive of the Republic of Crimea. Fund 1209. List 2. File 60.
15. State Archive of the Republic of Crimea. Fund 1209. List 2. File 65.
16. State Archive of the Republic of Crimea. Fund 1209. List 2. File 69.
17. State Archive of the Republic of Crimea. Fund 1209. List 2. File 73.
18. State Archive of the Republic of Crimea. Fund 1209. List 2. File 70.
19. State Archive of the Republic of Crimea. Fund 1209. List 2. File 74.
20. State Archive of the Republic of Crimea. Fund 1209. List 2. File 87.
21. State Archive of the Republic of Crimea. Fund 1209. List 2. File 104.
22. State Archive of the Republic of Crimea. Fund 1209. List 2. File 91.
23. State Archive of the Republic of Crimea. Fund 1209. List 2. File 111.
24. Popov, M.V., Rapoport, L.A. & Kharitonova, E.V. (2014) Kompleks "Gotov k trudu i oborone" (GTO) i razvitie fizkulturno-massovoy raboty na Urals v 1931–1941 godakh [The "Ready for Labour and Defence" (GTO) Complex and the Development of Mass Physical Culture Work in the Urals in 1931–1941]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 9. pp. 73–80.
25. State Archive of the Republic of Crimea. Fund 1209. List 2. File 132.
26. State Archive of the Republic of Crimea. Fund 1209. List 2. File 104a.

Информация об авторах:

Мутьев А.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры теории и методики физической культуры Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: dsport76@mail.ru

Лебедев Д.В. – аспирант кафедры педагогики Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: dimon211199@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Mutiyev, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: dsport76@mail.ru

D.V. Lebedev, postgraduate student, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: dimon211199@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.05.2025;
одобрена после рецензирования 17.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.*

*The article was submitted 12.05.2025;
approved after reviewing 17.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.*

Научная статья
УДК 373.24
doi: 10.17223/15617793/515/21

Личностно-центрированный подход в физическом воспитании дошкольников: теоретический аспект

Вадим Сергеевич Сосуновский¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, vladim14sergeevich@gmail.com

Аннотация. Рассматривается реализация личностно-центрированного подхода к физическому воспитанию дошкольников, который отвечает современным требованиям образовательного процесса (гуманизация, гуманизация, индивидуализация, стандартизация, многовариантность, дифференциация и т.д.). Представлены сравнительные характеристики традиционной и гуманистической парадигм дошкольного образования, а также основные положения личностно-центрированного подхода, направленного на развитие индивидуальности и активного участия детей в образовательном процессе. Представлена разработанная система физического воспитания детей дошкольного возраста на основе личностно-центрированного подхода.

Ключевые слова: личностно-центрированный подход, дошкольники, физическое воспитание, педагогическая система

Для цитирования: Сосуновский В.С. Личностно-центрированный подход в физическом воспитании дошкольников: теоретический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 178–187. doi: 10.17223/15617793/515/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/21

Person-centered approach in physical education of preschoolers: A theoretical aspect

Vadim S. Sosunovsky¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, vladim14sergeevich@gmail.com

Abstract. Modern trends in preschool education, such as the use of digital technologies, an emphasis on social and emotional development, and the integration of physical activity into everyday life, emphasize the importance of creating an educational environment that takes into account the unique needs and interests of each child. In a rapidly changing socio-cultural context, where the emphasis is on individualization of learning and the involvement of parents in educational activities, there is a need to find modern methods of education in accordance with the traditional moral and ethical principles of Russian society. The aim of the study was to theoretically substantiate the implementation of a person-centered approach to physical education of preschoolers. A comparative analysis of the traditional and humanistic paradigms of preschool education is carried out, and the main provisions of the person-centered approach and its distinctive features from the personality-oriented approach are determined. The developed system of physical education of preschool children based on the person-centered approach is presented. The purpose of the developed system is to create a physical education and health developing subject-spatial environment focused on the child's own interests and disclosure of the abilities and potential of the child. The content component on a coordinate system in space was presented, where the abscissa axis indicated the process of development of the components of the child's kinesiological potential, the ordinate axis the formation of the preschooler's subjectivity in the process of organizing their physical education, and the axis of the applicate the vector of spiritual development, directly the process of formation of value orientations. If in the process of physical education of preschool children, the implementation of the three above-mentioned vectors of development is observed, then the content component of the model can be presented as a three-dimensional model of a cube. The conducted theoretical analysis of the differences between the person-oriented and person-centered approaches revealed that the latter not only takes into account the individual characteristics and needs of each child, but also actively promotes the development of his initiative, independence and activity in learning and education. This creates a more dynamic and involved educational environment in which the child becomes not only a recipient of knowledge, skills and abilities, but also an active participant in his educational process.

Keywords: person-centered approach, preschoolers, physical education, pedagogical system

For citation: Sosunovsky, V.S. (2025) Person-centered approach in physical education of preschoolers: A theoretical aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 178–187. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/21

Современные тенденции в дошкольном образовании, такие как использование цифровых технологий, акцент на социальное и эмоциональное развитие, а также интеграция физической активности в повседнев-

ную жизнь, подчеркивают важность создания образовательной среды, которая учитывает уникальные потребности и интересы каждого ребенка. Это требует внедрения подходов, способствующих развитию субъ-

ектности у детей. В условиях быстро меняющегося социокультурного контекста, где акцент делается на индивидуализацию обучения и вовлечение родителей в образовательную деятельность, возникает потребность в поиске современных методов воспитания в соответствии с традиционными морально-нравственными принципами российского общества.

Цель исследования заключалась в теоретическом обосновании реализации личностно-центрированного подхода к физическому воспитанию дошкольников.

Результаты и их обсуждение. Современные тенденции образовательного процесса дошкольников (использование цифровых технологий, индивидуализация обучения, интеграция физической активности в повседневную жизнь, вовлечение родителей в образовательную деятельность их детей, фокус на социальное и эмоциональное развитие и т.д.) требуют перехода от личностно-ориентированного к личностно-центрированному подходу. Чтобы определить их различия необходим анализ становления гуманистической концепции в педагогической науке.

Основоположником гуманистической концепции в образовательной деятельности стоит считать Ж.-Ж. Руссо, который выступал против подавления индивидуальной свободы и достоинства, сформулировав теорию, которая постулирует человеческую природу, ориентированную на саморазвитие [1].

В работах Д. Дидро описано, что образование ребенка должно быть реализовано через развитие его индивидуальности, через воспитание его врожденных талантов, что раскрывает его потенциал [2].

В XIX в. сильнейшее влияние на становление гуманистического мировоззрения оказали такие русские ученые, как К.Н. Вентцель, К.Д. Ушинский, И.П. Павлов, П.Ф. Лесгафт, П.Ф. Каптерев, Н.И. Новиков, Л.Н. Толстой и др. Однако как самостоятельное направление гуманистический подход сформировался лишь в 50–60-х гг. XX в. Он был связан с работами таких исследователей, как С. Buhler, S.T. Jourard, A.H. Maslow, R. May, C.R. Rogers и др.

В современной педагогической науке гуманистическая направленность обучения и воспитания человека выступает в качестве целостной образовательной модели, сосредоточенной на учете индивидуальных особенностей каждого человека и на процессе индивидуализации образования.

В настоящее время гуманистическая парадигма занимает ведущие позиции в педагогической науке и представляет собой значимую альтернативу социодинамическому и психодинамическому подходам к пониманию природы человека и процессу формирования его личности.

Гуманистическая педагогика акцентирует внимание на уникальности каждого индивида, его внутреннем мире, стремлении к самоактуализации и самореализации. Она постулирует, что человек изначально обладает позитивным потенциалом и стремится к росту и развитию. Центральными понятиями гуманистической парадигмы являются свобода воли, ответственность, ценности и смысл жизни [3–7].

В педагогическом контексте это означает признание за ребенком активной роли в процессе воспитания и обучения, уважение к его мнению и потребностям, создание условий для раскрытия его способностей и талантов. Педагог выступает не как транслятор знаний, а как тьютор, помогающий ученику осознать свой потенциал и направить его на самосовершенствование.

В табл. 1 представлен сравнительный анализ содержания традиционной и гуманистической парадигм образования. Рассмотрим их более подробно.

Анализируя табл. 1, можно сказать, что традиционная парадигма дошкольного образования ориентирована на трансляцию знаний, дисциплину и регламентированную деятельность под руководством педагога, при этом ребенок рассматривается как объект педагогического воздействия, упор делается на усвоение информации, развитие навыков и подготовку к школе.

Гуманистическая парадигма дошкольного образования, напротив, ставит в центр внимания личность ребенка, его индивидуальность и самоценность. Она акцентирует внимание на создании благоприятной, стимулирующей среды для раскрытия потенциала каждого ребенка. Воспитатель выступает как партнер и помощник, поддерживающий исследовательскую активность и самостоятельность. Приоритет отдается развитию эмоционального интеллекта, социальных навыков и творческого самовыражения. Главная задача – формирование гармоничной личности, способной к самореализации.

Таким образом, традиционная и гуманистическая парадигмы дошкольного образования предлагают разные подходы к пониманию целей, методов и роли участников образовательного процесса.

В рамках каждой парадигмы образования существуют различные системы и подходы, обладающие общностью фундаментальных установок, но различающиеся по механизмам, способам, средствам обучения.

Разрабатываемая нами система физического воспитания детей дошкольного возраста опирается на теоретико-методологические подходы гуманистической педагогики, в частности, на личностно-центрированный подход.

Вместе с тем в педагогической науке более известен и широко применяется личностно-ориентированный подход к обучению и воспитанию дошкольников. Поэтому стоит выделить теоретические основы каждого из этих подходов и провести их сравнительный анализ, что позволит не только выявить их преимущества и недостатки, но и понять, как они могут быть интегрированы в практику физического воспитания дошкольников.

В работах В.Г. Шилько личностно-ориентированный подход рассматривается как способ формирования физической культуры человека, базирующийся на реализации дифференцированного и индивидуализированного подходов к занимающимся с учетом их потребностей, интересов, состояния здоровья, уровня физической подготовленности [8].

Таблица 1

Сравнительная характеристика традиционной и гуманистической парадигм дошкольного образования

Критерии сравнения	Образовательная парадигма	
	Традиционная	Гуманистическая
Цели образования	Формирование базовых навыков и знаний, необходимых для успешного перехода в начальную школу. Подготовка детей к обучению в более формализованной образовательной среде	Развитие личности ребенка, его эмоционального интеллекта и социальной адаптации. Образование направлено на создание условий для самовыражения, творчества и формирования самостоятельности
Роль педагога	Педагог выступает в роли авторитетного наставника, который контролирует процесс воспитания и обучения, и передает знания. Его задача – обеспечить выполнение образовательной программы	Педагог становится партнером и помощником ребенка, поддерживая его интересы и потребности. Он создает атмосферу доверия и уважения, способствующую развитию самостоятельности
Методы обучения	Директивные методы, такие как занятия по запоминанию и стандартизированные задания. Воспитание и обучение носит структурированный и односторонний характер.	Активные методы, такие как игровые, проектные и исследовательские подходы, применение инновационных и интерактивных технологий, использование цифровых ресурсов. Обучение строится на взаимодействии, сотрудничестве и вовлечении детей в образовательный процесс
Педагогическое взаимодействие (характер взаимоотношений педагога и ребенка)	Субъект-объектные, отношения: подражание, имитация, следование образцам.	Субъект-субъектные, диалогические отношения – совместная деятельность по достижению целей образования, при этом личность ребенка и его индивидуальные потребности становятся центром внимания
Положение ребенка в образовательном процессе	Объект педагогического воздействия	Субъект познавательной деятельности. Дети воспринимаются как активные участники образовательного процесса, обладающие уникальными способностями и интересами
Характер образовательной деятельности	Образование происходит в формальных условиях, с четким расписанием и структурой	Воспитание и обучение может происходить в различных контекстах, включая неформальные и практические ситуации, что позволяет детям учиться через опыт и взаимодействие с окружающим миром
Роль знаний, умений и навыков в обучении	Цель образования	Средство развития личности
Содержание образования	Передача обучаемому готовых знаний, умений и навыков	Становление человека, обретение индивидуальности. Создание образа мира и своего образа в этом мире

О.С. Газман в своих трудах подчеркивал необходимость адаптации образовательного процесса под уникальные потребности, способности и интересы каждого человека. Он описал значимость диалогического взаимодействия педагога и воспитанника в образовательном процессе [9].

Э.Н. Гусинский в своих трудах рассматривал гуманистическую педагогику, в основе которой лежит личностно-ориентированный подход, направленный на формирование в процессе обучения эмоционального и психологического благополучия человека [10].

Ш.А. Амонашвили подчеркивал, что образование должно быть направлено на развитие личности ребенка, а не на механическое запоминание фактов. Он вводил концепцию «свободного обучения», где учащиеся играют активную роль в своем собственном образовательном процессе [11].

Ю.И. Турчанинова акцентирует внимание на важности развития внутренней (интринсивной) мотивации человека в процессе образовательной деятельности, его интерес к обучению и стремление к саморазвитию [12].

Личностно-центрированный подход акцентирует внимание на уникальности каждого ученика, признавая его индивидуальные потребности и стремления. Он рассматривает личность как динамичную систему, в которой стремление к самореализации и росту занимает центральное место. Личностно-центрированный подход стремится создать безопасную и поддерживающую среду, в которой воспитанники могут свободно

выражать свои мысли и чувства [13]. Обучение и воспитание в контексте личностно-центрированного подхода рассматриваются в качестве совместной деятельности, в которой педагог выступает не только в роли транслятора знаний, но и как наставник и тьютор. Таким образом, личностно-центрированный подход создает условия для формирования целостной личности, включающей в себя эмоциональное здоровье, социальную активность, физическое развитие, ценностные ориентации и т.д. [14].

Мы считаем, что именно диалогический стиль общения и взаимодействия, который подразумевает двустороннюю направленность образовательного процесса (ребенок–педагог; педагог–ребенок), играет ключевую роль в реализации личностно-центрированного подхода. Такой стиль общения способствует созданию атмосферы доверия и открытости, где каждый ребенок чувствует себя услышанным и значимым. Важным аспектом диалогического взаимодействия является возможность обмена мнениями, идеями и чувствами, что помогает развивать у детей навыки критического мышления и самовыражения.

Основными принципами реализации личностно-центрированного подхода является уважение к внутреннему миру ребенка (из этого возникает потребность в формировании перцептивных способностей педагога), принятие личности воспитанника в ее «истинном свете», а также равенство между педагогом и воспитанником в процессе образовательной деятельности.

В раннем возрасте дети ориентируются на действенные ценности, сосредоточенные на здоровом росте и развитии. Но по мере взросления появляется новое понятие – «самость», которая проявляется в категории известных ценностей. Важно, чтобы эти две категории ценностей были согласованы. Если родители или педагоги навязывают свои известные ценности, это может привести к личностному конфликту, ребенок попадает в позицию выбора между своим естественным развитием и признанием взрослых. Эффективное саморазвитие происходит, когда стремление ребенка к развитию поддерживается взрослыми [15, 16].

Стоит отметить, что если ребенок ориентируется на навязываемые взрослыми известные ценности, то происходит потеря его индивидуальности, его собственные чувства и опыт начинают вызывать у него сомнения и даже страх. Если же ребенок ориентируется на свою «самость», а взрослые остаются в позиции навязывания своих известных ценностей, то данная ситуация может привести к межличностным конфликтам и проблемам в общении, а безусловная потребность в любви, признании и уважении остается неудовлетворенной. Навязывание чуждых ценностей приводит к тому, что развитие ребенка происходит «ненатуральным» путем [17].

В рамках данной теории целью личностно-центрированного подхода являются действия родителей и педагогов, направленные на поддержку и развитие индивидуальности ребенка, обеспечение процесса саморазвития и самоактуализации. В работах Е.Б. Моргунова и В.П. Зинченко также прослеживается идея, что для каждого человека существует свой путь развития, при этом педагогам и родителям следует помочь ему стать самим

собой (или, по крайней мере, не препятствовать этому процессу). Данные взгляды отражают философию гуманистической педагогики, задачей которой является сосредоточить внимание не на ответном, а на ответственной деятельности [18]. При реализации личностно-центрированного подхода фокус на развитии академических и физических способностей происходит через создание условий, в которых каждый человек может обнаружить и развивать свои таланты через потребности и интересы [19].

Личностно-центрированный подход в образовании исходит из становления внутреннего мира человека, его эмоций и чувств, а не только формирования знаний и умений. Данные категории отражены в работах К.Д. Ушинского, который утверждал, что человека делают человеком его чувства и эмоции [20]. Личностно-центрированный подход основывается на принципе индетерминизма, который гласит, что человеческое поведение и развитие не могут быть полностью предсказаны или определены внешними факторами, следовательно, развитие человека не всегда линейно и предсказуемо [21].

Известно, что эффективное развитие личности возможно только через активную деятельность. При личностно-центрированном подходе дети активно участвуют в образовательном процессе, а не просто пассивно воспринимают информацию. При этом дети вносят свой вклад в создание образовательной среды. Ориентируясь на активную позицию ребенка в процессе организации его физического воспитания, стоит отметить, что личностно-центрированный подход должен опираться на деятельностный подход [22].

Таблица 2

Отличительные особенности личностно-ориентированного и личностно-центрированного подходов в педагогической науке

Основания	Личностно-центрированный подход	Личностно-ориентированный подход
Основной принцип	Фокус на внутреннем мире ребенка: акцент делается на безусловном принятии, эмпатическом понимании и поддержке естественного стремления ребенка к саморазвитию	Учет интересов и возможностей ребенка: педагог стремится понять индивидуальные особенности каждого ребенка и адаптировать образовательный процесс под эти особенности
Цель обучения и воспитания	Ребенок рассматривается как уникальная личность, имеющая право на собственный темп и стиль развития	Основной целью является формирование всесторонне развитой личности, способной к самостоятельному мышлению и принятию решений
Роль педагога	Педагог выступает как тьютор, создающий условия для самостоятельного исследования ребенком окружающего мира, а не как наставник, который диктует правила и нормы поведения	Педагог играет важную роль в процессе обучения, помогая ребенку осваивать новые знания и навыки, стимулируя его развитие
Оценка достижений ребенка	Минимизация внешних оценок: оценка результатов минимизирована, поскольку главное внимание уделяется процессу и внутреннему опыту ребенка. В основном применяются качественные методы оценки, которые акцентируют внимание на индивидуальных и эмоциональных аспектах личности	При оценке достижений хотя учитывается индивидуальный прогресс ребенка, все же существуют определенные критерии оценки успехов, связанные с освоением учебного материала. В основном применяются количественные методы оценки, представленные в стандартизованных тестах
Применение оценки достижений ребенка	Акцент делается на формирующей оценке, направленной на поддержку и мотивацию ребенка к дальнейшему развитию. Результаты оценок достижений ребенка используются для планирования индивидуальной образовательной траектории и создания благоприятной среды для личностного роста каждого воспитанника	Подходы к обучению и оценке ориентированы на достижения и сравнение с установленными стандартами
Содержание образования	Фокусировка на потребностях, интересах и уникальности каждого ребенка перед и во время процесса воспитания и обучения (ребенок строит образовательную программу)	Акцентирование внимания на развитии личности ребенка в процессе воспитания и обучения (образовательная программа адаптируется под ребенка)
Направление образовательной деятельности	Воспитание инициативности, формирование самостоятельности и активности в образовательной деятельности	Учет индивидуальных особенностей и потребностей каждого ребенка

Анализ литературных источников по изучению личностно-ориентированного и личностно-центрированного подходов в педагогической науке позволил нам выявить отличительные особенности каждого из них (см. табл. 2).

Из данных табл. 2 видно, что оба подхода направлены на развитие личности ребенка, однако первый акцентирует внимание на его свободе и самостоятельности, тогда как второй больше ориентирован на активное участие взрослого в формировании знаний и умений.

Анализ литературных источников и собственный практический опыт позволили нам сформулировать основные положения личностно-центрированного подхода к физическому воспитанию дошкольников.

1. *Развитие индивидуальности дошкольника в процессе физического воспитания.* Каждому ребенку предоставляется возможность развиваться в своем темпе, с учетом его физических возможностей и интересов. Педагоги стараются учитывать особенности каждого воспитанника, создавая условия для максимального раскрытия его кинезиологического потенциала.

2. *Активная роль ребенка в процессе освоения ценностей физической культуры.* В процессе физического воспитания дети не просто выполняют задания, а активно участвуют в выборе видов физкультурной деятельности, установлении целей и оценке своих достижений. Это помогает развивать у них самостоятельность и уверенность в себе.

3. *Создание благоприятной атмосферы.* Важным аспектом является создание комфортной и безопасной среды, где ребенок чувствует себя защищенным и может свободно выражать свои эмоции. Это возможно с использованием диалогического стиля общения и взаимодействия, который подразумевает двустороннюю направленность образовательного процесса (ребенок–педагог; педагог–ребенок), что способствует развитию позитивного отношения к физической активности.

4. *Развитие у дошкольников мотивации для самостоятельных занятий физическими упражнениями.* Физическое воспитание должно быть интересным и увлекательным для детей. Для этого используются игровые методы, элементы соревнования и поощрения за достижения. Важно поддерживать интерес ребенка к занятиям и помогать ему находить радость в движении.

5. *Интеграция интеллектуальной и двигательной сферы дошкольников.* Личностно-центрированное физическое воспитание включает развитие не только физических качеств (силы, выносливости, ловкости, гибкости), но и социальных навыков (коммуникации, сотрудничества) и эмоциональной сферы (самоуважение, уверенность в своих силах).

6. *Педагог как тьютор в физическом воспитании дошкольников.* Педагог выступает как партнер и наставник, помогая детям осваивать новые двигательные умения и навыки, поддерживая их в трудных ситуациях. Он создает условия для самостоятельного поиска решений и принятия ответственности за свои действия.

7. *Индивидуальная динамическая оценка достижений ребенка.* Оценка успехов ребенка в процессе физического воспитания осуществляется не в сравнении с другими

детьми, а относительно его собственных достижений. Такой вид обратной связи является конструктивным и направленным на поддержку и дальнейшее психофизическое развитие ребенка.

Анализируя сравнительные характеристики личностно-центрированного и личностно-ориентированного подходов, можно заметить, что первый уделяет внимание экзистенциальному уровню личности, который играет ключевую роль в определении гармонии психического состояния индивидуума и развитии смыслового содержания человеческой жизни.

Экзистенциальный уровень акцентирует внимание на значимости ценностей, мотивации и эмоционального интеллекта личности, что способствует формированию гармоничного психического состояния и позволяет индивидам осмысливать сущностные проблемы, с которыми они сталкиваются в процессе жизни.

Стоит отметить, что личностно-центрированный подход не отрицает развития эмпирического (информативного) уровня личности, при этом в процессе его реализации первоначальный акцент делается именно на развитии экзистенциального уровня, на базе которого осуществляется косвенное влияние на функцию накопления знаний, умений и навыков через практический опыт или процессы воспитания и обучения. Данный фактор делает личностно-центрированный подход важным инструментом формирования полноценной личности, способной к саморефлексии и осмысленному взаимодействию с окружающим миром.

Одной из отличительных характеристик личностно-центрированного подхода является оценка индивидуальных достижений ребенка, при этом данная оценка происходит в сравнении с самим собой «вчера–сегодня», а не с нормативными требованиями. Таким образом, можно добиться самооценки деятельности человека. Самооценка играет одну из ключевых ролей в личностно-центрированном подходе, который акцентирует внимание на индивидуальных потребностях, интересах и опыте каждого человека. Самооценка является субъективной оценкой человеком своих собственных качеств, способностей и ценностей, при этом социальное взаимодействие, восприятие реакций окружающих и сопоставление себя с другими также оказывают значительное влияние на самооценку личности. Теория социального сравнения утверждает, что люди оценивают свои способности и качества, сравнивая себя с другими, это может приводить к формированию либо позитивной, либо негативной самооценки.

Зачастую в практической деятельности педагог делает оценку, сравнивая одного ребенка с другим, при этом педагог игнорирует индивидуальные особенности каждого ребенка и создает ложное представление о его прогрессе. Сравнительная оценка может быть продуктивной если она формируется на основе личного опыта и происходит по материалам наблюдения, фиксации и анализа действий. В рамках личностно-центрированного подхода самооценка рассматривается как динамичный процесс, который может изменяться в зависимости от обстоятельств и опыта.

Анализируя основные элементы личностно-центрированного подхода, можно выделить его основную

цель, которая заключается в раскрытии содержания индивидуального развития ребенка, воплощении его в социально значимое русло, посредством чего возможно добиться личностного усвоения этого содержания. Для реализации личностно-центрированного подхода в процессе физического воспитания детей дошкольного возраста необходимо учитывать такие принципы, как:

- организация образовательной среды таким образом, чтобы учитывать и отражать интересы и потребности детей;
- умение применять на практике полученные знания, сочетание личностного развития ребенка и практического опыта;
- учет личных потребностей и пожеланий всех детей, а также особенностей их возраста;
- уважение прав и свобод ребенка во всех видах деятельности;
- внедрение самоуправления, которое подразумевает свободу и самостоятельность ребенка при воспитании идей гуманизма.

Стоит отметить, что результаты обучения и воспитания прямо пропорционально зависят от выбора методов, отвечающих возрастным особенностям и индивидуальным тенденциям психического развития детей. Эффективные педагогические стратегии должны учитывать не только когнитивные способности детей, но и

их эмоциональное состояние, мотивацию и социальные навыки.

Личностно-центрированный подход в образовании акцентирует внимание на воспитании инициативы, формировании самостоятельности и активного участия ребенка в образовательном процессе.

В отличие от личностно-ориентированного подхода, который в первую очередь фокусируется на социальных и эмоциональных аспектах взаимодействия, личностно-центрированный подход подразумевает более глубокую интеграцию индивидуальных особенностей и потребностей каждого ребенка, акцентируя внимание на развитии внутренней мотивации и способности к саморегуляции.

Можно отметить, что личностно-центрированный подход к физическому воспитанию дошкольников направлен на гармоничное развитие ребенка; он учитывает его индивидуальные особенности и потребности.

При реализации личностно-центрированного подхода к физическому воспитанию дошкольника на первый план выходит становление его личности, а не развитие интеллектуальных способностей, физических качеств. При этом развитие системы знаний, двигательных умений и навыков происходит вследствие самореализации ребенка и его стремления к самоактуализации своего кинезиологического потенциала.

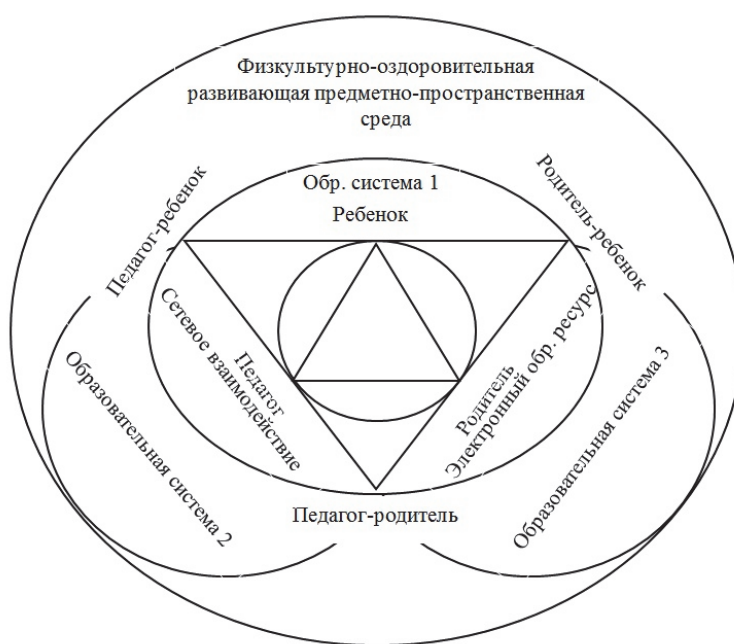

Рис. 1. Структура физкультурно-оздоровительной развивающей предметно-пространственной среды

В процессе проведенного исследования, направленного на реализацию личностно-центрированного подхода к физическому воспитанию дошкольников, нами была разработана система физического воспитания детей дошкольного возраста, основанная на данном подходе.

Целью разработанной системы физического воспитания детей дошкольного возраста является создание физкультурно-оздоровительной развивающей предметно-пространственной среды, ориентированной на интересы

и раскрытие способностей и потенциала ребенка. Поэтому изначально необходимо рассмотреть структуру создания физкультурно-оздоровительной развивающей предметно-пространственной среды дошкольного образовательного учреждения (рис. 1).

Центральным звеном является первый треугольник, который основывается на концептуальной идее в системе взаимодействия «педагог–ребенок–родитель». При этом треугольник является равносторонним, где

вершиной обозначен ребенок, что означает равноположенность всех элементов, они равно участвуют в образовании данной структуры. Все три элемента объединены связями, что позволяет описать данный равносторонний треугольник окружностью, что и является обогащенным образовательным пространством отдельного дошкольного образовательного учреждения.

Но для создания новых образовательных структур данную концепцию необходимо расширять новыми связями. Для достижения этой цели необходимы реализация модели сетевого взаимодействия образовательных организаций, а также использование в образовательном процессе электронной информационно-образовательной среды, что позволит создать физкультурно-оздоровительную развивающую предметно-пространственную среду и рассмотреть взаимодействие подсистем физического воспитания дошкольников на макроуровне.

Структура создания физкультурно-оздоровительной развивающей предметно-пространственной среды является организационным компонентом разработанной системы физического воспитания детей дошкольного возраста (см. рис. 1). В то же время содержательный компонент мы представили на системе координат в пространстве, где на оси абсцисс указали процесс развития компонентов кинезиологического потенциала ребенка (соматические (показатели физического развития), соматомоторные (показатели уровня развития физических качеств: быстрота, выносливость, гибкость, сила), психомоторные (показатели уровня развития простых и сложных сенсомоторных реакций ребенка) и психосоматомоторные качества (показатели развития такого физического качества, как ловкость)) (рис. 2).

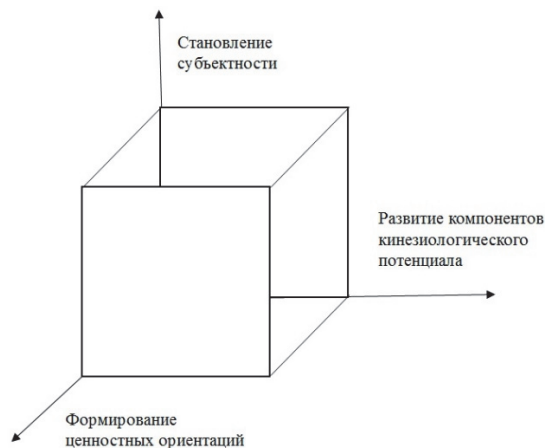

Рис. 2. Трехмерная модель процесса физического воспитания детей дошкольного возраста на основе личностно-центрированного подхода

Показатели кинезиологического потенциала ребенка позволяют комплексно оценить его физическое развитие и повлиять на дальнейшее гармоничное формирование и совершенствование физических способностей, а также показателей здоровья.

На оси ординат мы указали становление субъектности дошкольника в процессе организации его физического воспитания. Становление субъектной позиции

ребенка в процессе его физического воспитания, по нашему мнению, является важным фактором процесса формирования личности, который подразумевает активное и осознанное участие ребенка в собственном физическом развитии (рис. 2).

На оси аппликат мы расположили вектор духовного развития, непосредственно процесс формирования ценностных ориентаций. Ценностные ориентации являются устойчивыми представлениями о том, что важно и ценно в жизни, они влияют на поведение, мотивацию и принятие решений. Становление моральных принципов всегда остается актуальным направлением процесса воспитания человека, что формирует его личность и характер, а также способствует этическому поведению в обществе (см. рис. 2).

Стоит отметить, что если в процессе физического воспитания детей дошкольного возраста соблюдается реализация трех вышеуказанных векторов развития, то содержательный компонент модели можно представить в качестве трехмерной модели куба. То есть содержательный компонент разработанной системы физического воспитания детей дошкольного возраста на основе личностно-центрированного подхода должен ориентироваться на построение трехмерной модели куба, учитывая три вектора развития ребенка (развитие компонентов кинезиологического потенциала, становление субъектности и формирование ценностных ориентаций). При этом данные векторы развития рассматриваются как во взаимосвязи между собой, так и в отдельном образовательно-воспитательном процессе. Это указывает на необходимость в реализации каждого вектора развития, что влечет за собой целенаправленный, организованный и систематический процесс, а не косвенное влияние одного компонента на другой.

Следовательно, если один из векторов развития не осуществляется, то он откладывается в системе координат как ноль, что ведет к невозможности построения трехмерной модели куба.

Далее мы сопоставили организационный и содержательный компоненты разработанной системы физического воспитания детей дошкольного возраста на основе личностно-центрированного подхода, что позволило нам увидеть их взаимосвязь (рис. 3).

Для построения трехмерной модели куба в процессе организации физического воспитания детей дошкольного возраста необходимо учитывать не только векторы развития, но и структуру взаимодействия участников образовательных отношений (педагог–ребенок–родитель), которая должна быть равносторонней и создающей обогащенное образовательное пространство. При условии большего влияния одного из участников образовательного процесса форма треугольника, которая рассматривается нами как фундамент для построения системы образовательного куба, переходит из равностороннего в разносторонний треугольник, что не позволяет построить систему образовательного куба (рис. 3).

При создании системы образовательного куба в процессе физического воспитания детей дошкольного возраста мы обратили внимание на закон квадрата куба, который изначально сформулирован в физике и

биологии и объясняет, как изменения в размерах объектов влияют на их объем и поверхность. Согласно этому закону при увеличении линейных размеров объекта его объем возрастает быстрее, чем площадь поверхности. В педагогическом процессе данный закон мы применяем в метафорическом смысле для иллюстрации принципов обучения и воспитания.

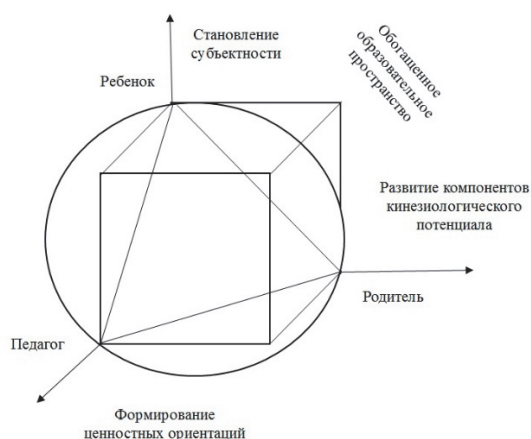

Рис. 3. Система образовательного куба в процессе физического воспитания детей дошкольного возраста

Таким образом, в разработанной системе физического воспитания в форме образовательного куба реализация его составных частей создает целостную образовательную среду, направленную на повышение эффективности процесса физического воспитания детей дошкольного возраста, за счет самоорганизации и самообогащения.

Таким образом, процессуальный компонент разработанной педагогической системы физического воспитания детей дошкольного возраста на основе личностно-центрированного подхода подчиняется строгой таксономии, в которой можно выделить последовательность решений образовательных задач:

1. Создать целостное представление о двигательном действии. Это начальный уровень обучения нового двигательного действия, направленный на создание образа физического упражнения.

2. Развивать способность понимать значение изученного через преобразование словесных указаний в конкретные физические упражнения. Данный уровень направлен на понимание ребенком правил и принципов выполнения движений и действий, интерпретацию словесного материала или карточек-схем, т.е. ребенок способен переводить словесные инструкции в непосредственные действия.

3. Обучать использовать изученный материал в конкретных условиях и новых ситуациях.

4. Обучать анализу выполняемых действий:

- Анализируя свои действия и результаты, дети развивают важные когнитивные навыки, такие как внимание, память, способность к планированию и решению проблем. Эти навыки помогают им не только в физическом воспитании, но и в других областях жизни.

- Когда дети учатся анализировать свои достижения и понимать, как они могут улучшить свои навыки,

это способствует укреплению их уверенности в себе. Они видят, что могут справляться с трудностями и достигать целей, а это положительно сказывается на их самооценке.

- Анализ своих действий помогает детям лучше контролировать свои эмоции и поведение. Они учатся понимать, что их действия имеют последствия, и начинают более осознанно подходить к выполнению заданий и преодолению препятствий.

- Когда дети видят, что их усилия приносят результаты и могут быть улучшены, это стимулирует их мотивацию продолжать заниматься физической активностью. Аналитическая деятельность помогает им видеть связь между усилием и результатом, что делает занятия более увлекательными и интересными.

- Анализируя свои достижения и трудности, дети учатся разрабатывать стратегии для преодоления преград и достижения целей. Это развивает их способность к планированию и критическому мышлению, что полезно в различных аспектах жизни.

- Аналитическая деятельность помогает детям осознавать свои физические возможности и ограничения. Это способствует более здоровому отношению к физическим упражнениям и помогает избежать переутомления.

Несмотря на очевидные преимущества личностно-центрированного подхода в физическом воспитании дошкольников, в ходе реализации опытно-экспериментального исследования мы выделили несколько *ограничений* разработанной системы.

Разработанную систему физического воспитания детей дошкольного возраста на основе личностно-центрированного подхода сложно реализовать в технологичном формате, потому что личностно-центрированный подход требует постоянной адаптации образовательной деятельности в зависимости от изменений в интересах и потребностях детей. Сложно предположить индивидуальный выбор образовательной деятельности каждого ребенка в определенный период его развития.

Из этого следует, что невозможно точно составить комплексно-тематическое планирование самостоятельной двигательной деятельности детей дошкольного возраста. Но при этом планирование содержания самостоятельной двигательной деятельности выступает как целевой ориентир, реализуемый через подбор примерных форм и видов двигательной активности, которые могут быть предложены детям. А также через создание предметно-пространственной среды дошкольного учреждения, направленной на решение задач образовательной области «Физическое развитие» образовательной программы ДОУ.

Также одним из ограничений реализации системы физического воспитания детей дошкольного возраста на основе личностно-центрированного подхода является неготовность самих педагогов, которая может проявляться в недостаточной профессиональной подготовке, наличии стереотипов представления о физическом воспитании, психологических барьерах и т.д.

Многие педагоги не прошли специализированного обучения, поэтому не имеют представления о принципах личностно-центрированного подхода, его отличиях от личностно-ориентированного подхода. Это приводит к отсутствию понимания, как адаптировать занятия под индивидуальные потребности и интересы каждого ребенка.

В практике физического воспитания детей акцент делается на физической нагрузке, которая рассматривается как подготовка к соревновательной деятельности, что может не учитывать личные интересы и уровень подготовки детей. Педагоги, следуя традиционным методам, часто фокусируются на достижении стандартов и показателей, что приводит к игнорированию индивидуальных потребностей каждого ребенка. Такие педагоги могут не осознавать важности процесса индивидуализации образования и его влияния на мотивацию и вовлеченность воспитанников в образовательную деятельность.

Помимо этого, инновационный вектор должен быть поддержан со стороны администрации образовательного учреждения, чтобы создать соответствующую инфраструктуру и обеспечить ресурсы для реализации личностно-центрированного подхода.

Данное ограничение реализации разработанной системы физического воспитания детей дошкольного возраста на основе личностно-центрированного подхода, по нашему мнению, является перспективным направлением исследовательской деятельности не только в области физической культуры и профессиональной физической подготовки, но и в педагогической и психологической науках.

Заключение. Таким образом, основными направлениями личностно-центрированного подхода в про-

цессе физического воспитания детей дошкольного возраста являются свобода педагогического творчества, способствующая активности детей в образовательном процессе, ориентация образовательной деятельности на практичность, воспитание личности в интеграции всех образовательных областей развития, содействие морально-психологическому комфорту ребенка, важность психофизиологических особенностей детей при организации занятий по физической культуре.

Проведя теоретический анализ различий личностно-ориентированного и личностно-центрированного подходов, было выявлено, что последний не только учитывает индивидуальные особенности и потребности каждого ребенка, но и активно способствует развитию его инициативности, самостоятельности и активности в обучении и воспитании. Это создает более динамичную и вовлеченную образовательную среду, в которой ребенок становится не только получателем знаний, умений и навыков, но и активным участником образовательного процесса.

Таким образом, цель личностно-центрированного подхода заключается не в изоляции от внешнего мира, не в обстановке социальной депривации, а в условиях живого социального взаимодействия, направленного на продуктивное сотрудничество, при котором происходят развитие личности через взаимодействие с окружающими, обмен опытом и совместное решение задач.

Теоретическое обоснование реализации личностно-центрированного подхода в процессе физкультурно-оздоровительной деятельности детей дошкольного возраста и разработанная система физического воспитания позволяют рассмотреть раздел «Физическое развитие» образовательной программы ДОО в интегративной взаимосвязи с другими областями развития ребенка.

Список источников

1. Руссо Ж.Ж. Эмиль, или О воспитании / пер. с фр. В.М. Жирмунского. М. : Педагогика, 1985. 608 с.
2. Дидро Д. Философские сочинения. М. : Мысль, 1964. 564 с.
3. Buhler C. The child: a psychological study of its development. New York : Philosophical Library, 1957. 341 p.
4. Jourard S.T. The Humanistic View of Man: An Introduction to the Psychology of the Self. New York : Behavioral Publications, 1968. 284 p.
5. Maslow A.H. A theory of human motivation // Psychological Review. 1943. № 50 (4). P. 370–396.
6. May R. Man's Search for Himself. New York : W.W. Norton and Company, 1969. 240 p.
7. Rogers C.R. On Personal Power: Inner Strength and Its Revolutionary Impact. New York : Delacorte Press, 1977. 299 p.
8. Шилько В.Г. Модернизация системы физического воспитания студентов на основе личностно-ориентированного содержания физкультурно-спортивной деятельности : дис. ... д-ра пед. наук. Томск, 2003. 488 с.
9. Газман О.С. Инновационные процессы в системе образования // Вопросы образования. 1999. № 2. С. 14–27.
10. Гусинский Э.Н. Педагогическая антропология: проблемы и перспективы // Педагогика. 2000. № 2. С. 3–12.
11. Амонашвили Ш.А. Гуманная педагогика и формирование личности // Педагогическое образование в России. 2003. № 6. С. 15–24.
12. Турчанинов Ю.И. Психологические аспекты педагогического общения // Педагогика. 2001. № 2. С. 45–56.
13. Андреев В.И. Педагогика творческого саморазвития. Казань : Издательство Казанского университета, 1996. 568 с.
14. Хилтунен Е.А. Детский сад по системе Монтессори. От 3 до 8 лет : методические рекомендации для педагогов. М. : Национальное образование, 2016. 312 с.
15. Зекряева М.С. Актуальность метода М. Монтессори в современном образовании // Путь в педагогическую науку: проблемы и решения. 2020. № 6 (10). С. 34–38.
16. Рогожина В.В. Философия свободного развития ребенка в педагогике Марии Монтессори // Путь в педагогическую науку: проблемы и решения. 2020. № 6 (10). С. 45–52.
17. Модекин А.А., Прокофьева Е.Н. Критерии наблюдения за развитием самостоятельности и пути самоорганизации в начальной Монтессори-школе // Народное образование. 2020. № 2 (1479). С. 165–172.
18. Моргунов Е.Б., Зинченко В.П. Психологические механизмы саморегуляции личности // Психологический журнал. 2005. № 26 (3). С. 45–56.
19. Сосуновский В.С. Структура и содержание психомоторной подготовленности детей 11–12 лет // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 236–240.
20. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2004. 576 с.
21. Востриков В.А. Процессуально-содержательная характеристика физической культуры в аспекте формирования личности // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 5. С. 119–121.
22. Сосуновский В.С., Загrevская А.И. Теоретико-методологические основы системного подхода в педагогической науке // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 201–207. doi: 10.17223/15617793/476/22

References

1. Rousseau, J.J. (1985) *Emil, ili O vospitanii* [Émile, or On Education]. Translated from French by V.M. Zhirmunsky. Moscow: Pedagogika.
2. Diderot, D. (1964) *Filosofskie sochineniya* [Philosophical Works]. Moscow: Mysl.
3. Buhler, C. (1957) *The Child: A Psychological Study of Its Development*. New York: Philosophical Library.
4. Jourard, S.T. (1968) *The Humanistic View of Man: An Introduction to the Psychology of the Self*. New York: Behavioral Publications.
5. Maslow, A.H. (1943) A theory of human motivation. *Psychological Review*. 50 (4). pp. 370–396.
6. May, R. (1969) *Man's Search for Himself*. New York: W.W. Norton and Company.
7. Rogers, C.R. (1977) *On Personal Power: Inner Strength and Its Revolutionary Impact*. New York: Delacorte Press.
8. Shil'ko, V.G. (2003) *Modernizatsiya sistemy fizicheskogo vospitaniya studentov na osnove lichnostno-orientirovannogo soderzhaniya fizkulturno-sportivnoy deyatel'nosti* [Modernization of the System of Physical Education of Students on the Basis of Person-Centered Content of Sports and Physical Activity]. Pedagogics Dr. Diss. Tomsk.
9. Gazman, O.S. (1999) Innovatsionnye protsessy v sisteme obrazovaniya [Innovative Processes in the Education System]. *Voprosy obrazovaniya*. 2. pp. 14–27.
10. Gusinsky, E.N. (2000) Pedagogicheskaya antropologiya: problemy i perspektivy [Pedagogical Anthropology: Problems and Prospects]. *Pedagogika*. 2. pp. 3–12.
11. Amonashvili, Sh.A. (2003) Gumannaya pedagogika i formirovaniye lichnosti [Humane Pedagogy and Personality Formation]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 6. pp. 15–24.
12. Turchaninov, Yu.I. (2001) Psikhologicheskie aspekty pedagogicheskogo obshcheniya [Psychological Aspects of Pedagogical Communication]. *Pedagogika*. 2. pp. 45–56.
13. Andreev, V.I. (1996) *Pedagogika tvorcheskogo samorazvitiya* [Pedagogy of Creative Self-Development]. Kazan: Kazan University.
14. Khiltunen, E.A. (2016) *Detskiy sad po sisteme Montessori. Ot 3 do 8 let: metodicheskie rekomendatsii dlya pedagogov* [Kindergarten According to the Montessori System. From 3 to 8 Years: Methodological Recommendations for Teachers]. Moscow: Natsionalnoe obrazovanie.
15. Zekryaeva, M.S. (2020) Aktualnost metoda M. Montessori v sovremennom obrazovanii [The Relevance of the M. Montessori Method in Modern Education]. *Put' v pedagogicheskuyu nauku: problemy i resheniya*. 6 (10). pp. 34–38.
16. Rogozhina, V.V. (2020) Filosofiya svobodnogo razvitiya rebenka v pedagogike Marii Montessori [The Philosophy of the Child's Free Development in the Pedagogy of Maria Montessori]. *Put' v pedagogicheskuyu nauku: problemy i resheniya*. 6 (10). pp. 45–52.
17. Modelkin, A.A. & Prokofeva, E.N. (2020) Kriterii nablyudeniya za razvitiem samostoyatel'nosti i puti samoorganizatsii v nachal'noy Montessori-shkole [Criteria for Observing the Development of Independence and Paths of Self-Organization in a Primary Montessori School]. *Narodnoe obrazovanie*. 2 (1479). pp. 165–172.
18. Morgunov, E.B. & Zinchenko, V.P. (2005) Psikhologicheskie mekhanizmy samoregulyatsii lichnosti [Psychological Mechanisms of Personality Self-Regulation]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 26 (3). pp. 45–56.
19. Sosunovsky, V.S. (2015) Structure and Content of Psychomotor Readiness of 11–12-Year-Old Children. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 399. pp. 236–240.
20. Ushinsky, K.D. (2004) *Chelovek kak predmet vospitaniya* [Man as a Subject of Education]. Moscow: FAIR-PRESS.
21. Vostrikov, V.A. (2011) Protseessualno-soderzhatelnaya kharakteristika fizicheskoy kultury v aspekte formirovaniya lichnosti [Procedural and Substantive Characteristics of Physical Culture in the Aspect of Personality Formation]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. 5. pp. 119–121.
22. Sosunovsky, V.S. & Zagrevskaya, A.I. (2022) Theoretical and Methodological Foundations of a Systems Approach in Pedagogical Science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 201–207. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/22

Информация об авторе:

Сосуновский В.С. – канд. пед. наук, доцент кафедры теоретических основ и технологий физкультурно-спортивной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vadim14sergeevich@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.S. Sosunovsky, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vadim14sergeevich@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025;
одобрена после рецензирования 18.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 25.03.2025;
approved after reviewing 18.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья
УДК 372.881.111.1
doi: 10.17223/15617793/515/22

Произносительная норма: современный статус в обучении английскому языку

Елена Генриховна Тарева¹, Алексей Александрович Богданов²

^{1, 2} Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

¹ tarevaeg@mgpu.ru

² bogdanov@mgpu.ru

Аннотация. Обосновывается необходимость пересмотра целевого ориентира в обучении фонетике английского языка с точки зрения соотношения «норма – не норма». Уточняется понятие языковой нормы применительно к произносительному стандарту Великобритании. Анализируются влияние акцентов на произносительный эталон и роль современных фонетических тенденций. Рассматриваются требования ведущих образовательных регуляторов России и Европы в области фонетико-фонологической компетенции обучающегося. Сделан вывод о необходимости изменения нормативно-целевых установок в области обучения англоязычному произношению.

Ключевые слова: норма, акцент, произносительные навыки, диалект, продуктивный фонетический вариативный минимум, Received Pronunciation

Для цитирования: Тарева Е.Г., Богданов А.А. Произносительная норма: современный статус в обучении английскому языку // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 178–194. doi: 10.17223/15617793/515/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/22

Pronunciation norm: The modern status in teaching English

Elena G. Tareva¹, Aleksey A. Bogdanov²

^{1, 2} Moscow City University, Moscow, Russian Federation

¹ tarevaeg@mgpu.ru

² bogdanov@mgpu.ru

Abstract. The article discusses the necessity of revising the target goal in teaching English pronunciation due to the existing controversial attitudes towards the standard among scholars both in Russia and in the United Kingdom. A plethora of scientific works of literature as well as European and Russian regulatory documents focusing on the concept of the linguistic (pronunciation included) norm in relation to the current phonetic situation in Britain are analysed. Consequently, the existing standard is considered to contradict the provided definitions of the norm in the language because of its dynamically changing character. Based on various research conducted within the field of dialectology, the influence of various accents and phonetic trends on the pronunciation standard, particularly Received Pronunciation (RP), is outlined. As a result, the relative instability of RP is identified and the necessity for establishing a new reference pronunciation model is formulated. Consequently, the implementation of the productive phonetic variable minimum is justified as the core basis that, on the one hand, takes into account the articulatory peculiarities of Russian speakers and, on the other hand, facilitates a productive intercultural dialogue considering the sociolinguistic parameters of interlocutors. Conversely, the model *Lingua Franca* used as a basis for teaching English pronunciation is criticized with reference to fundamental scientific research. Additionally, the article examines the requirements of the Russian National Exam in English as a foreign language regarding students' phonological competence and reveals a contradiction between the information stated in the documents and given in the exam criteria, as there is no mentioning of any norm for the assessors of the exam. The study highlights the challenges associated with selecting an appropriate accent for teaching English as a foreign language due to changes in societal perceptions and the increasing diversity of English usage globally. The acceptance of accents provided that they do not interfere with intelligibility is stated. As a result, the article points out the importance of determining the place of various accents in the curriculum of Practical Phonetics and clarifying the key components of the productive phonetic variable minimum that could serve as a basis for students of language faculties in terms of fostering their phonetic-phonological competence and preparing for communicative situations with people speaking English from all over the world.

Keywords: norm, accent, pronunciation skills, dialect, productive phonetic variable minimum, Received Pronunciation

For citation: Tareva, E.G. & Bogdanov, A.A. (2025) Pronunciation norm: The modern status in teaching English. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 188–194. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/22

Введение

Общеизвестно, что обучение иноязычному произношению на всех уровнях образования не является самоцелью, а подчинено нуждам общения, иными словами, направлено на овладение иностранным языком как средством коммуникативно-значимого взаимодействия, в том числе с носителями других языков и культур. Применительно к обучению английскому языку усилению этой общей тенденции способствует факт стремительного распространения английского языка в международном коммуникативном пространстве. Сложившиеся объективные факторы спровоцировали в научной среде динамичную смену взглядов на различные акценты носителей языка, возникло понимание необходимости смены стереотипных представлений о престижности или привлекательности тех или иных произносительных вариантов (и даже отказа от них!). Возникла устойчивая потребность в изучении в практическом (коммуникативном) аспекте фонетической диверсификации в Великобритании (см., например, [1] и др.]). Отсюда следует очевидная важность обновления / пересмотра произносительного ориентира для преподавателей и обучающихся с целью обеспечения унификации предметного содержания обучения английскому языку в аспекте произносительной специфики. Несмотря на такой социально-образовательный запрос данная проблема далека от разрешения, а «вопрос о выборе варианта английского языка для его преподавания как иностранного постоянно обсуждается и пересматривается в соответствии с изменениями в британском и американском стандарте» [2. С. 50]. Такое положение дел вызывает определенные сложности в утверждении конкретного произносительного акцента как эталона для лингвообразовательных целевых установок. Возникла объективная необходимость в смене ориентиров в обучении произношению студентов языковых вузов, для кого произносительные нюансы – их восприятие, понимание, а также продуцирование – являются частью профессии. Особенную значимость смена подготовки в области произносительной стороны иноязычного общения имеет применительно к подготовке учителей английского языка. Они должны не только владеть слухо-произносительными навыками, но и формировать их у обучающихся и делать это с учетом современных фононаций для обеспечения должного уровня готовности обучающихся к общению с иностранцами на межкультурном уровне.

Статус произносительной нормы английского языка: современные тенденции

Исторически сложилось, что произносительной моделью и индикатором нормативной речи в лингводидактике выступает Received Pronunciation (далее – RP). Данный вариант а) лишен регионально-специфической окраски [3]; б) является наиболее понятным, согласно проведенным экспериментальным исследованиям [4], что делает его оптимальным для целей межкультурной

коммуникации. При этом остается ряд нерешенных методических вопросов: где проходят границы произносительной нормы, иными словами, что является нормой / не нормой, и является ли акцентная речь обучающегося нарушением произносительной нормы с позиций коммуникативного подхода?

В работах лингвистов XX в. (см., например, [5, 6]) языковая норма рассматривается как устойчивые и принятые обществом языковые реализации, которые осознаются им как правильные и обязательные. Языковая норма вырабатывается в практике речевого общения, закрепляется как узус и кодифицируется [7]. Данные установки вступают в противоречие с актуальной ситуацией, требующей иных подходов к квалификации того, что есть «норма» и как ее трактовать в приложении к каждому из аспектов языка, прежде всего произносительному. Широко постулируются сведения о том, что в Великобритании, по данным социолингвистов (см., например, [8]), количество носителей, говорящих на RP (в свое время общепризнанной произносительной нормой), не превышает 9% от общего числа носителей. В подтверждение ведущие новостные издания регулярно выпускают статьи, отражающие негативное отношение британцев к RP¹, что указывает на его *непринятие* широкими массами общества, а значит, подтверждает социальную неустойчивость и даже невостребованность данного акцента.

На сегодняшний день стандартизация и конкретизация фонетических параметров RP видится невозможной ввиду того, что «демократизация английского общества в конце XX в. привела к расширению границ допустимого в RP, а именно к проникновению некоторых черт региональных и более низких социальных типов произношения» [9. С. 96]. Это означает, что произносительный стандарт начинает напрямую зависеть от диалектов. Данные, приведенные в табл. 1, доказывают, что в результате смешения языковых форм отличительной особенностью произносительного стандарта становится наличие явно выраженных регионально маркированных произносительных элементов, что обуславливает и объясняет расширение его (стандарта) границ как акцента.

Несмотря на регистрируемые структурные модификации RP, этот диалект до сих пор остается ориентиром в обучении иноязычному произношению. Целесообразно его рассматривать в динамической проекции, т.е. квалифицировать его с позиций «не только как воспроизведения реализованных возможностей системы, возведенных общественной практикой в ранг образца, но и как постоянного в процессе живой коммуникации порождения языковых фактов» [10. С. 91]. Усиление такой проекции связано с множественностью и интенсификацией контактов представителей различных лингвокультур.

Как следствие, на современном этапе развития языкового образования становятся крайне актуальными фононации в аспекте их исследования с позиций лингвистики и лингводидактики (результаты изучения таких феноменов удачно представлены в [11]).

Влияние региональных диалектов на RP

Название диалекта	Влияние на RP (возможные модификации)
Кокни	Замена /h/ в инициальной позиции гортанной смычкой или опущение. Замена фриктивных межзубных звуков /θ/ и /ð/ на губно-зубные /f/ и /v/. Замена звука /t/ на твердый приступ в интервокальной и финальной позициях в слове. Вокализация сонорного /l/, являющегося производным от темного варианта [ɫ]
Эстуарный английский	Ассимиляция по месту образования на стыке согласных /t/ + /j/ и /d/ + /j/ и преобразование в аффрикаты /tʃ/ и /dʒ/. Замена звука /t/ на твердый приступ в интервокальной и финальной позициях в слове. Вокализация сонорного /l/ в позиции после переднего гласного и перед согласным
Мультикультурный английский	Замена фриктивных межзубных звуков /θ/ и /ð/ на губно-зубные /f/ и /v/. Сдвиг гласных против часовой стрелки (например, смещение назад звука /æ/)

В том же направлении развиваются концепции зарубежных ученых – в изучении актуальных произносительных тенденций в практике речевого общения, поскольку они выступают средством для более точного выражения своего социального образа [12], способствуют принятию учащимися вариативного и плюралистического характера английского языка, обусловленного его функциями в локальном и глобальном контекстах [13].

Фонетическая норма в обучении английскому языку: направления исследований

Изменения на уровне смены нормы в процессе формирования фонетико-фонологической компетенции обучающихся проявились в работах последних лет, касающихся обучения аудированию звучащей речи. Слуховые навыки – первые компоненты языковой компетенции, которые вступают в действие в процессе устной иноязычной интеракции, именно от полноценности их функционирования зависят качество и результативность понимания собеседника, именно они обуславливают реакцию на посыл партнера по общению. В исследованиях (см., например, [14, 15]) доказана необходимость ориентации обучающихся не только на общепризнанные стандарты звучащих образов, воспринимаемых на слух, но и на акцентные проявления, на социолингвистический образ говорящего, в продуктах речи которого проявляется его индивидуальный социальный, культурный, профессиональный «портрет».

Анализ подобных работ показал, что вне сферы внимания ученых оказывается продуктивная сторона речепроизводства – *произносительные навыки*, качество и параметры которых до сих пор неотделимы от образа RP, стереотипного образа, который в действительности востребован лишь в весьма ограниченном количестве ситуаций общения. Данная сторона обучения произношению не изучалась в контексте неизбежной и объективной смены приоритетов в области подготовки студентов к межкультурной коммуникации, участниками которой являются представители различных государств, использующих английский язык как инструмент взаимодействия. В таком контексте общения весьма вероятны различные акцентные произносительные реализации, передающие и региональные, и социальные, и профессиональные особенности говорящего. Значит, следует обучать студентов применять

разные произносительные варианты для позиционирования себя в таком мультикультурном пространстве общения.

С позиций сказанного становится понятно, что при обучении англоязычному произношению моделью (целью, ориентиром) становится не только и не столько какой-то конкретный акцент, сколько *продуктивный фонетический вариативный минимум*, представляющий собой систему фонетико-фонологических элементов (на сегментном и супraseгментном уровнях), которая, с одной стороны, формируется с учетом фонетических особенностей родного языка обучающихся, дабы избежать интерференции, с другой стороны, способствует реализации продуктивного межкультурного диалога с учетом социолингвистических параметров участников коммуникации (о последних см. [16, 17]).

Такая постановка содержательно-целевых ориентиров в области обучения англоязычному произношению была высказана британским лингвистом Б. Дженнером еще в конце XX в.: «Чтобы иметь возможность сделать это (создать произносительный минимум. – Е.Т., А.Б.), мне кажется важным установить, что общего есть у всех носителей языка всех разновидностей, что позволяет им эффективно общаться с носителями других разновидностей, отличных от их собственных. Это позволит нам создать общую основу для произношения, которая обеспечит учащемуся гарантию разборчивости и приемлемости в любой точке мира» [18. С. 2].

Подобные утверждения подтолкнули ученых к попытке выдвижения английского языка как *Lingua Franca* в качестве произносительной модели [19, 20]. Данная установка, впрочем, была критически оценена российским научным сообществом. Контраргументы были весьма весомыми. Во-первых, ориентир на такую произносительную модель провоцирует низкий уровень сформированности фонетических навыков в рамках академического дискурса, недостатки дикции и ярко выраженный акцент, что противоречит одному из принципов межкультурной коммуникации – «mutual intelligibility» [21. С. 116]. Во-вторых, модель не учитывает фонетико-фонологические характеристики русскоговорящих студентов, поскольку изначально проект опирается на идею о том, что английский является языком высшего образования, при этом «его использованию неродными носителями не уделялось особого внимания» [22. С. 428]. Как итог, модель *English as a Lingua Franca* не рассматривается как произносительный ориентир в академической среде при обучении

студентов языковых факультетов / институтов. Дискуссия, развернувшаяся в научных кругах, стимулировала поиск новых фонетических моделей в обучении иноязычному произношению (см., например, [23]), но ни одна из них до сих пор не принята отечественными и зарубежными фонетистами и методистами.

Таким образом, неустойчивость RP под влиянием динамично протекающего акцентного смещения в Великобритании, отсутствие единой позиции исследователей на уровне теоретико-методологической и содержательной базы обучения практической фонетике студентов языковых направлений подготовки (лингвистов, учителей, регионоведов и пр.), стабильно крепкие позиции методического стереотипа о моноцентричности конкретного произносительного образца (RP), отсутствие оптимальной фонетико-фонологической модели обучения, учитывающей текущую языковую ситуацию в Великобритании и артикуляционные характеристики коммуниканта, обусловленные его родным языком, определяют необходимость ухода от дихотомии «норма – не норма». Требуется разработка стратегий совершенствования произносительной культуры обучающихся в соответствии с ключевыми принципами: понятности, разборчивости, акцентности [24]. При этом наличие акцента следует рассматривать не как отход от нормы (а значит, как ошибку), а как особенность, способствующую проявлению собственной культурной идентичности говорящего, с учетом, безусловно, важной установки, чтобы он (акцент) не препятствовал смыслу передаваемого коммуникативного сообщения.

«Норма – не норма» в установках регуляторов процесса обучения иностранному языку

Отсутствие четко кодифицированной и описанной произносительной нормы подтверждается существующей практикой нормирования процесса преподавания английского языка. Современные документы, определяющие цели и содержание обучения, и планируемые результаты освоения программы по английскому языку не дают четких установок на какую-либо произносительную норму. Цитата: «Различать на слух и адекватно (без ошибок, ведущих к сбою коммуникации) произносить слова с соблюдением правильного ударения и фразы / предложения с соблюдением основных ритмико-интонационных особенностей, в том числе правила отсутствия фразового ударения на служебных словах; читать вслух аутентичные тексты, построенные в основном на изученном языковом материале, с соблюдением правил чтения и соответствующей интонацией, демонстрирующей понимание текста» [25. С. 89]. Схожие нечеткие установки в этой области представлены в Общевропейских компетенциях владения иностранным языком: «Использование широкого спектра фонологических единиц на изучаемом языке с высоким уровнем контроля, включая просодические особенности, такие как фразовое и словесное ударения, ритм и интонация, для передачи тонких особенностей смысла коммуникативного сообщения. Речь понятна и доступна, нет нарушения смысла ввиду особенностей иноязычного акцента» [26. С. 134].

Из приведенных цитат следует, что информация о каком-либо произносительном эталоне в ведущих образовательных регуляторах не представлена. Отсутствие такой единообразной проекции, как видится, обусловлено ориентиром на формирование заявленной в CEFR плюрилингвальной компетенции обучающихся: она позволяет индивиду выражать себя посредством конкретного языка, его диалекта или разновидности [26]. Это формирует у учащихся более «экологичное» отношение к языковой вариативности в условиях эпохи суперразнообразия (в терминологии Steven Vertovec).

Совершенно иное, противоположное положение дел прослеживается в критериях выпускных испытаний по английскому языку в Российской Федерации: основном государственном экзамене (далее – ОГЭ) и едином государственном экзамене (далее – ЕГЭ). Оценка фонетической стороны речи в рамках как ОГЭ, так и ЕГЭ осуществляется с учетом «нормы», установленной разработчиками контрольно-измерительных материалов (см. рис. 1, 2) (на рисунках цветное выделение наше. – Е.Т., А.Б.).

Баллы	Фонетическая сторона речи
2	Речь воспринимается легко: необоснованные паузы отсутствуют; фразовое ударение и интонационные контуры, произношение слов практически без нарушений нормы; допускается не более 5 фонетических ошибок, в том числе 1–2 ошибки, искажающие смысл
1	Речь воспринимается достаточно легко, однако присутствуют необоснованные паузы; фразовое ударение и интонационные контуры практически без нарушений нормы; допускается не более 7 фонетических ошибок, в том числе 3 ошибки, искажающие смысл
0	Речь воспринимается с трудом из-за значительного количества неестественных пауз, запинок, неверной расстановки ударений и ошибок в произношении слов, ИЛИ допущено более 7 фонетических ошибок, ИЛИ допущено 4 и более фонетических ошибки, искажающие смысл

Рис. 1. Критерии оценки задания 1 (чтение вслух) устной части ОГЭ

Баллы	1	0
Фонетическая сторона речи	Речь воспринимается легко: необоснованные паузы отсутствуют; фразовое ударение и интонационные контуры, произношение слов – без нарушений нормы; допускается не более 5 фонетических ошибок, в том числе 1–2 ошибки, искажающие смысл	Речь воспринимается с трудом из-за большого количества неестественных пауз, запинок, неверной расстановки ударений и ошибок в произношении слов, ИЛИ сделано более 5 фонетических ошибок, ИЛИ сделано 3 и более фонетических ошибки, искажающие смысл

Рис. 2. Критерии оценки задания 1 (чтение вслух) устной части ЕГЭ

Важно подчеркнуть при анализе имеющих место противоречий, что словосочетания «произносительная норма», «произносительный стандарт», «Received Pronunciation» отсутствуют на страницах аналитических и методических материалов, ежегодно публикуемых Федеральным институтом педагогических измерений. Не представлены ссылки на источники, раскрывающие содержание и понятие «нормы», разбор устных ответов разработчиками контрольно-измерительных материалов ситуацию не проясняет. В отличие от европейских программных документов не дается пояснения, касающиеся допустимости иностранного (в частности, русского) акцента в ответе экзаменуемого.

Данная ситуация, безусловно, требует прояснения и пересмотра содержания оценочных материалов, используемых для проверки заданий устной части экзамена.

Выводы

В настоящее время наметилась и начала интенсивно утверждаться тенденция принятия фонетического многообразия в Великобритании, наблюдаемая среди отечественных и зарубежных специалистов в области социолингвистики и лингводидактики. Следствием такого внимания к данной проблеме становится изменение норм обучения иноязычному произношению в его как рецептивном, так и продуктивном аспектах. Перспективным направлением исследования становится изучение лингводидактического статуса наиболее популярных акцентов (например, Cockney, Estuary English, MLE и др.) и определение их места в обучении студентов языковых вузов произносительной стороне английского языка.

Из сказанного со всей очевидностью следует вывод о том, что назрела актуальная потребность пересмотра сложившихся статичных требований к качеству произносительной стороны речи обучающихся, осваивающих английский язык в языковом вузе. Понятие «норма» не разъясняет и не детализирует сложившуюся ситуацию с постановкой целей обучения англоязычному произношению. Требуется пересмотр ориентиров в данной области, учитывающий современные

условия распространения и функционирования английского языка как языка международного общения участников межкультурной коммуникации. Ясно одно: прежний статус RP как желаемого результата для подготовки выпускников языковых вузов перестал быть единственно востребованным, следует разработать и утвердить новые произносительные нормативы, которые предопределят существенные изменения на уровне установления содержания обучения продуктивной стороне произносительной (фонетико-фонологической) способности обучающихся. В свою очередь, содержание обучения, определяемое как продуктивный фонетический вариативный минимум (о нем см. выше), обусловит изменения на уровне принципов, методов, средств, форм обучения.

Следует сосредоточить внимание исследователей на составе продуктивного фонетического вариативного минимума, его организации в формате специализированного звучащего корпуса, применение которого позволит сформировать у студентов навыки произношения, уместного и востребованного в определенных обстоятельствах общения. Видится важным подготовить выпускников вуза к произносительной самопрезентации – к проявлению своих индивидуальных, региональных, социальных и профессиональных особенностей в применении того или иного произносительного варианта – акцента, соотносимого с контекстом общения. В этом случае достижимо взаимопонимание, столь необходимое в сфере межкультурной коммуникации.

Примечание

¹ Guardian : официальный сайт. 2022. URL: <https://www.theguardian.com/inequality/2022/nov/03/bias-against-working-class-and-regional-accent-has-not-gone-away-report-finds> (дата обращения: 24.02.2025); Guardian : официальный сайт. 2018. URL: <https://www.theguardian.com/science/shortcuts/2018/may/22/received-pronunciation-may-be-dying-out-but-its-passing-is-long-overdue> (дата обращения: 24.02.2025).

Список источников

1. Фрейдина Е.Л. Престижность, социальная привлекательность и мода как факторы вариативности английского произношения // Язык: категории, функции, речевое действие : материалы XI международной научной конференции, Москва–Коломна, 12–13 апреля 2018 года. Москва : Коломна : МПГУ, 2018. Вып. 11, ч. 1. С. 169–171.
2. Шевченко Т.И. Социофонетика. Национальная и социальная идентичность в английском произношении. М. : Ленанд, 2016. 240 с.
3. Hughes A., Trudgill P., Watt D. English accents and dialects: An introduction to social and regional varieties of English in the British Isles. London : Routledge, 2012. 207 p. doi: 10.4324/9780203784440
4. Akamatsu T. RP, Pronunciation Preference Polls, Dynamic Synchrony and SSB Pronunciation // Moenia. 2023. Vol. 29. doi: 10.15304/moenia.id9606
5. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. / сост., ред. и предисл. Н.А. Кондрашова. М. : Прогресс, 1967. С. 338–377.
6. Серебренников Б.А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М. : Наука, 1970.
7. Виноградов В.В. История русского литературного языка : Избр. труды / отв. ред., сост., авт. вступ. статьи и коммент. Н.И. Толстой. М. : Наука, 1978. 320 с.
8. Trudgill P. Received pronunciation: sociolinguistic aspects (Linguistics) // Studia Anglica Posnaniensia: International Review of English Studies. 2001. № 36. P. 3–14.
9. Абрамова И.Е. Фонетический акцент: особенности социокультурного восприятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2010. № 3. С. 90–98.
10. Петрова Т.А. Теоретическое описание понятия «Норма языка» // Вестник Академии знаний. 2013. № 6 (3). С. 86–91.
11. Фононования в современном языковом и дидактическом пространстве: опыт, проблемы, перспективы / Л.Г. Видулова, Е.Г. Тарева, К.Н. Буракова [и др.]. М. : Языки Народов Мира, 2024. 324 с.
12. Eckert P. Variation and the Indexical Field // Journal of Sociolinguistics. 2008. Vol. 12 (4). P. 453–476.
13. Bolton K., Bacon-Shone J. The statistics of English across Asia // The Handbook of Asian Englishes. 2020. P. 49–80. doi: 10.1002/9781118791882.ch3
14. Полушкина Т.А. К постановке проблемы обучения студентов просодическому оформлению иноязычных публичных высказываний // Вестник МПГУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 3 (19). С. 119–123.
15. Михалева Е.И. Место диалектной речи в фонетической системе английского языка // Вестник МПГУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2012. № 1 (9). С. 24–28.
16. Савкина Е.А. Параметры социолингвистической компетенции участника межкультурной коммуникации // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 3. С. 108–120.

17. Savkina E.A., Tareva E.G., Lesnevskaya D. Sociolinguistic Credo of a Foreign Language Teacher: The Case of Digital Classroom // *Foreign Language Teaching*. 2022. Vol. 49, № 6. P. 569–582.
18. Jenner B. Teaching Pronunciation: The Common Core // *Speak Out*. 1989. № 4. P. 2–4.
19. Newbold D. English Lingua Franca: New Parameters for the Teaching (and Testing) of English Pronunciation? // *Educazione Linguistica Language Education*. 2021. № 3. P. 393–410. doi: 10.30687/2280/6792/2021/03
20. Wang Y., Wen X. Nativeness versus intelligibility as goal of English pronunciation teaching in China: Changing attitudes in national syllabi and curriculum standards // *Asian-Pacific Journal of Second and Foreign Language Education*. 2023. Vol. 8, № 17. doi: 10.1186/s40862-023-00189-2
21. Фрейдина Е.Л. Модели ELF и EFL в профессиональной коммуникации и лингводидактике: проблемы и перспективы // *Язык: категории, функции, речевое действие* : Материалы XIV международной научной конференции, посвященной памяти Валерия Степановича Борисова. Москва – Коломна, 15–16 апреля 2021 года. Москва ; Коломна : МПГУ, 2021. Вып. 14, ч. I. С. 115–117.
22. Шевель В.Г. Проблематика исследований английского лингва франка // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: отечественные традиции и международная практика: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / гл. ред. А.Д. Петренко. Ялта ; Симферополь : Типография «Ариал», 2017. С. 426–432.
23. Сабина Э.П. Актуальные проблемы преподавания английского произношения // *Образование, наука и инновации* : Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции : в 2 ч. Севастополь, 27 апреля 2017 года. Севастополь : Научное партнерство «Апекс», 2017. Ч. 2. С. 22–26.
24. Huensch A. Pronunciation in Foreign Language Classrooms: Instructors' Training, Classroom Practices, and Beliefs // *Language Teaching Research*. 2018. № 23 (6). P. 745–764.
25. Федеральная рабочая программа среднего общего образования. Иностранный язык (углубленный уровень). Для 10–11 классов образовательных организаций. М. : Институт стратегии развития образования, 2023. 124 с.
26. Common European Framework of Reference for Languages: learning, teaching, assessment. Companion volume with new descriptors. Strasbourg : Council of Europe, 2018. 230 p.

References

1. Freydina, E.L. (2018) [Prestige, Social Attractiveness and Fashion as Factors of Variability in English Pronunciation]. *Yazyk: kategorii, funktsii, rechevoe deystvie* [Language: Categories, Functions, Speech Action]. Proceedings of the 11th International Conference. Moscow–Kolomna. April 12–13, 2018. Moscow; Kolomna: MPSU. Issue 11, Part 1. pp. 169–171. (In Russian).
2. Shevchenko, T.I. (2016) *Sotsiofonetika. Natsionalnaya i sotsialnaya identichnost' v angliyskom proiznoshenii* [Sociophonetics. National and Social Identity in English Pronunciation]. Moscow: Lenand.
3. Hughes, A., Trudgill, P. & Watt, D. (2012) *English Accents and Dialects: An Introduction to Social and Regional Varieties of English in the British Isles*. London: Routledge. doi: 10.4324/9780203784440
4. Akamatsu, T. (2023) RP, Pronunciation Preference Polls, Dynamic Synchrony and SSB Pronunciation. *Moenia*. 29. doi: 10.15304/moenia.id9606
5. Havranek, B. (1967) Zadachi literaturnogo yazyka i ego kultura [The Tasks of the Literary Language and Its Culture]. In: Kondrashov, N.A. (ed.) *Prazhskiy lingvisticheskiy krugok: sb. st.* [Prague Linguistic Circle: Collection of Articles]. Moscow: Progress. pp. 338–377.
6. Serebrennikov, B.A. (1970) *Obshchee yazykoznanie. Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka* [General Linguistics. Forms of Existence, Functions, History of Language]. Moscow: Nauka.
7. Vinogradov, V.V. (1978) *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka: Izbr. trudy* [History of the Russian Literary Language: Selected Works]. Moscow: Nauka.
8. Trudgill, P. (2001) Received pronunciation: sociolinguistic aspects (Linguistics). *Studia Anglica Posnaniensia: International Review of English Studies*. 36. pp. 3–14.
9. Abramova, I.E. (2010) Fonicheskii aktsent: osobennosti sotsiokulturnogo vospriyatiya [Phonetic Accent: Features of Sociocultural Perception]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. 3. pp. 90–98.
10. Petrova, T.A. (2013) Teoreticheskoe opisanie ponyatiya "Norma yazyka" [Theoretical Description of the Concept "Language Norm"]. *Vestnik Akademii nauk*. 6 (3). pp. 86–91.
11. Vikulova, L.G., Tareva, E.G., Burnakova, K.N. [et al.] (2024) *Fononovatsii v sovremennom yazykovom i didakticheskom prostranstve: opyt, problemy, perspektivy* [Phono-Innovations in Modern Linguistic and Didactic Space: Experience, Problems, Prospects]. Moscow: Yazyki Narodov Mira.
12. Eckert, P. (2008) Variation and the Indexical Field. *Journal of Sociolinguistics*. 12 (4). pp. 453–476.
13. Bolton, K. & Bacon-Shone, J. (2020) The statistics of English across Asia. In: *The Handbook of Asian Englishes*. pp. 49–80. doi: 10.1002/9781118791882.ch3
14. Polushkina, T.A. (2015) K postanovke problemy obucheniya studentov prosodicheskemu oformleniyu inoyazychnykh publicnykh vyskazyvaniy [On the Formulation of the Problem of Teaching Students the Prosodic Design of Foreign Language Public Statements]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*. 3 (19). pp. 119–123.
15. Mikhaleva, E.I. (2012) Mesto dialektnoy rechi v fonicheskoy sisteme angliyskogo yazyka [The Place of Dialect Speech in the Phonetic System of the English Language]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*. 1 (9). pp. 24–28.
16. Savkina, E.A. (2020) Parametry sotsiolingvisticheskoy kompetentsii uchastnika mezhkulturnoy kommunikatsii [Parameters of Sociolinguistic Competence of an Intercultural Communication Participant]. *Obshchestvo. Kommunikatsiya. Obrazovanie*. 11 (3). pp. 108–120.
17. Savkina, E.A., Tareva, E.G. & Lesnevskaya, D. (2022) Sociolinguistic Credo of a Foreign Language Teacher: The Case of Digital Classroom. *Foreign Language Teaching*. 49 (6). pp. 569–582.
18. Jenner, B. (1989) Teaching Pronunciation: The Common Core. *Speak Out!* 4. pp. 2–4.
19. Newbold, D. (2021) English Lingua Franca: New Parameters for the Teaching (and Testing) of English Pronunciation? *Educazione Linguistica Language Education*. 3. pp. 393–410. doi: 10.30687/978-88-6969-529-4/017
20. Wang, Y. & Wen, X. (2023) Nativeness versus intelligibility as goal of English pronunciation teaching in China: Changing attitudes in national syllabi and curriculum standards. *Asian-Pacific Journal of Second and Foreign Language Education*. 8 (17). doi: 10.1186/s40862-023-00189-2
21. Freydina, E.L. (2021) [ELF and EFL Models in Professional Communication and Language Didactics: Problems and Prospects]. *Yazyk: kategorii, funktsii, rechevoe deystvie* [Language: Categories, Functions, Speech Action]. Proceedings of the 14th International Conference Dedicated to the Memory of Valery Stepanovich Borisov. Moscow–Kolomna. April 15–16, 2021. Issue 14, Part I. Moscow; Kolomna: MPSU. pp. 115–117. (In Russian).
22. Shevel, V.G. (2017) [Research Issues of English Lingua Franca]. *Aktualnye problemy sovremennoy humanitarnoy nauki: otechestvennye traditsii i mezhnunarodnaya praktika* [Current Problems of Modern Humanities: Domestic Traditions and International Practice]. Proceedings of the All-Russian Conference. Yalta; Simferopol: Tipografiya "Ariall". pp. 426–432. (In Russian).
23. Sabina, E.P. (2017) [Current Problems of Teaching English Pronunciation]. *Obrazovanie, nauka i innovatsii* [Education, Science and Innovations]. Proceedings of the International Conference: in 2 parts. Sevastopol. April 27, 2017. Part 2. Sevastopol: Nauchnoe partnerstvo "Apeks". pp. 22–26. (In Russian).
24. Huensch, A. (2018) Pronunciation in Foreign Language Classrooms: Instructors' Training, Classroom Practices, and Beliefs. *Language Teaching Research*. 23 (6). pp. 745–764.

25. Russian Federation. (2023) *Federalnaya rabochaya programma srednego obshchego obrazovaniya. Inostranny yazyk (uglublennyy uroven). Dlya 10–11 klassov obrazovatelnykh organizatsiy* [Federal Curriculum for Secondary General Education. Foreign Language (Advanced Level). For Grades 10–11 of Educational Organizations]. Moscow: Institut strategii razvitiya obrazovaniya.
26. Council of Europe. (2018) *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume with New Descriptors*. Strasbourg: Council of Europe.

Информация об авторах:

Тарева Е.Г. – д-р пед. наук, директор института иностранных языков Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: tarevaeg@mgpu.ru

Богданов А.А. – ассистент кафедры английского языка и лингводидактики Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: bogdanov@mgpu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.G. Tareva, Dr. Sci. (Pedagogics), director of the Institute of Foreign Languages, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: tarevaeg@mgpu.ru

A.A. Bogdanov, teaching assistant, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: bogdanov@mgpu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.03.2025;
одобрена после рецензирования 29.03.2025; принята к публикации 30.06.2025.*

*The article was submitted 07.03.2025;
approved after reviewing 29.03.2025; accepted for publication 30.06.2025.*

Научная статья
УДК 378.14
doi: 10.17223/15617793/515/23

Концепция успешности университетского обучения иностранных граждан в условиях подготовительного факультета университета

Елена Доминиковна Шимкович¹, Сурия Ирековна Гильманшина²

^{1, 2} Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

¹ EDShimkovich@kpfu.ru

² gilmanshina@yandex.ru

Аннотация. Актуализирована потребность современной высшей школы в разработке новых теоретико-методологических подходов к организации процесса обучения иностранных студентов. Представлены структура и содержание Концепции успешности обучения иностранных граждан, охарактеризованы ее ключевая идея, стратегическая цель, терминологический аппарат, закономерности, принципы, практико-технологические компоненты реализации в условиях подготовительного факультета классического университета.

Ключевые слова: успешность обучения, иностранный гражданин (обучающийся), концепция успешности университетского обучения иностранных граждан, подготовительный факультет для иностранных учащихся, классический университет

Источник финансирования: статья подготовлена при поддержке гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Для цитирования: Шимкович Е.Д., Гильманшина С.И. Концепция успешности университетского обучения иностранных граждан в условиях подготовительного факультета университета // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 195–205. doi: 10.17223/15617793/515/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/23

The concept of foreign students' academic success in the university preparatory faculty framework

Elena D. Shimkovich¹, Suriya I. Gilmanshina²

^{1, 2} Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

¹ EDShimkovich@kpfu.ru

² gilmanshina@yandex.ru

Abstract. The article addresses the pressing issue of enhancing the success of foreign students' education in Russian universities. The growing number of international students necessitates new approaches to their preparation, particularly at the pre-university stage. However, existing programs often lack sufficient theoretical foundation and fail to account for the multifaceted nature of academic success, which encompasses not only academic achievements but also sociocultural adaptation, motivation, and personal satisfaction. The study aims to develop a *Concept of Academic Success for International Students in University Education*, which integrates theoretical foundations and practical methods to create an effective learning environment. The theoretical framework draws on the works of A.I. Surygin, V.I. Andreev, J.W. Berry, and other researchers, as well as data from UNESCO and the Russian Ministry of Science and Higher Education on global education trends. The Concept comprises three main sections: problem-goal-oriented, theoretical-methodological, and practical-technological. The first section identifies key challenges, such as language barriers, cultural differences, and the lack of personalized approaches, while outlining the strategic objective – creating a supportive, communication-based, and personalized educational environment. The theoretical-methodological section defines academic success through four components. It also presents the principles and patterns underlying the Concept. The practical section proposes specific implementation tools, such as digital educational platforms, performance and adaptation monitoring systems, and technologies for cultural immersion. These methods have been tested at the preparatory faculty of Kazan (Volga Region) Federal University, which uses interactive portals, multi-level courses in the Russian language and specialized disciplines, and virtual discussion platforms. The findings demonstrate that the proposed Concept systematizes the educational process for international students, enhances its effectiveness by combining traditional and innovative methods, and enables comprehensive success monitoring through the evaluation of all model components. The practical significance of the study lies in its applicability for designing curricula, developing digital resources, and formulating recommendations for intercultural communication in

universities. In conclusion, it is noted that the Concept represents a significant advancement in the theory and practice of international student education and can be scaled to other universities. Future research prospects include a deeper examination of digitalization's impact on foreign students' adaptation and the development of new methods for personalizing the educational process. Thus, the article makes a substantial contribution to pedagogical science and offers practical solutions for universities striving for internationalization in education.

Keywords: academic success, international student, concept of success of university education for foreign citizens, preparatory school for international students, classical university

Financial support: This study has been supported by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan grant, provided to young candidates of science (postdoctoral students) for the purpose of defending a doctoral dissertation, carrying out research work, and also performing work functions in scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan "Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan".

For citation: Shimkovich, E.D. & Gilmanshina, S.I. (2025) The concept of foreign students' academic success in the university preparatory faculty framework. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 195–205. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/23

Система довузовской подготовки играет ключевую роль в обеспечении успешности обучения иностранных студентов, способствуя развитию международного сотрудничества в сфере образования. Она предоставляет иностранным гражданам необходимые лингвистические и академические знания для успешной социокультурной адаптации и дальнейшего обучения в России, сочетая традиции с инновационными подходами. Сложившаяся практика включает несколько ключевых элементов, направленных на подготовку студентов к успешному поступлению в российские высшие учебные заведения, среди которых можно отметить языковую и предметную подготовку, культурное погружение, компетентностно-ориентированный подход в обучении, комплексную оценку результатов освоения программы и персонализированную поддержку иностранных граждан [1. С. 25].

Основными инновационными тенденциями, которыми характеризуется данная система в современных российских университетах, сегодня выступают образовательные программы на основе онлайн-обучения [2], использование адаптивных технологий для обеспечения персонализации процесса обучения, полилингвальная поддержка иностранных студентов [3], опора на принципы сотрудничества и сотворчества, проблемного и исследовательского обучения [4], применение средств виртуальной реальности (VR) и дополненной реальности (AR) для создания иммерсивного опыта обучения иностранных граждан, что требует значительных инвестиций в сферу образования [5. С. 206].

Эффективно сочетая традиции и новации, российские университеты предлагают иностранным гражданам новые модели довузовской подготовки, предоставляющие возможность успешно освоить дополнительную общеобразовательную программу и адаптироваться к актуальным вызовам и возможностям высшего образования в России, одновременно содействуя их социокультурной адаптации к меняющемуся образовательному ландшафту. Однако разработка подобного рода моделей зачастую основывается в большей степени на формально-организационных требованиях к современному образовательному процессу и не опирается в должной мере на теоретический фундамент, предполагающий учет исходных концептуальных принципов моделирования образовательной системы

дovuзовской подготовки, ориентированных на формирование успешности обучения иностранных граждан. Так, А.И. Сурыгин отмечает недостаточную системность исследований в области теории обучения иностранных студентов и указывает на необходимость комплексного подхода, включающего лингводидактический, межкультурный, психолого-педагогический и дидактический аспекты [6. С. 7–8]. Кроме того, зачастую действующие учебные программы не связаны с научными результатами имеющихся исследований, которые, как правило, касаются вопросов обучения русского языка как иностранного (РКИ) и социокультурной адаптации иностранных студентов [7]. Отмечаемое исследователями противоречие между высокой востребованностью эффективных научно обоснованных моделей обучения иностранных студентов в российских университетах и недостаточной системной разработанностью концептуальных основ процесса моделирования системы довузовской подготовки российских университетов определяет необходимость теоретического обоснования, разработки и практической реализации Концепции успешности университетского обучения иностранных граждан в условиях подготовительного факультета / отделения университета (далее в тексте – Концепция). Разработка Концепции является особенно актуальной в свете глобализации образования и увеличения потока иностранных студентов в вузы России. По данным ЮНЕСКО, количество студентов, обучающихся за границей, стабильно растет. Так, если в 2001 г. за пределами своей страны учились 2,2 млн студентов, то к 2021 г. данный показатель составил более 6,3 млн [8], а в 2025 г., согласно данным доклада, прогнозируется увеличение количества иностранных студентов в мире до 8 млн [9].

В России данная мировая тенденция также актуальна. Так, согласно материалам доклада заместителя министра науки и высшего образования, в 2024 г. был установлен рекорд по числу иностранных студентов, их количество в вузах России составило 355 тысяч человек. Большинство иностранных граждан приезжают в отечественные вузы из стран ближнего зарубежья, а также Китая, Ирана и Индии. Число иностранных обучающихся составляет около 8 % от общего числа студентов в России [10]. Приведенные данные еще раз

подчеркивают необходимость разработки эффективных моделей обучения и социально-культурной интеграции для данной категории лиц с учетом научных и практических принципов формирования успешности обучения иностранных граждан. Ведущие ученые, такие как J.W. Berry, J.S. Phinney и др., акцентируют внимание на важности социокультурной адаптации иностранных обучающихся в процессе образовательной деятельности, подчеркивая, что успешная адаптация способствует не только академическим достижениям, но и общему улучшению качества жизни иностранных студентов [11. Р. 304].

По мнению Г.П. Ивановой, Н.Н. Ширковой, О.К. Логвиновой, успешность обучения иностранных граждан является многогранным понятием, охватывающим как академические, так и личностные аспекты, что делает важным исследование данного вопроса на уровне подготовительных факультетов, где студенты делают первые шаги к интеграции в новую образовательную среду. Безусловно, создание адаптационных программ и моделей на основе концепций успешности обучения повышает шансы на формирование этой успешности на подготовительном факультете / отделе университета, а в дальнейшем – на успешное освоение основной образовательной программы [12. С. 42–47].

Цель данной статьи заключается в разработке Концепции успешности университетского обучения иностранных граждан, направленной на повышение качества обучения и эффективности социокультурной интеграции иностранных студентов.

Материалом для исследования послужили документальные и электронные письменные научные источники (научные статьи, монографии, материалы конференций и др.) по проблеме исследования, а также практика деятельности подготовительного факультета для иностранных учащихся Казанского (Приволжского) федерального университета. В качестве методов исследования выступают теоретический анализ научной литературы и источников, методы моделирования и классификации.

Социально-педагогическими предпосылками создания Концепции явились возрастающая международная мобильность студентов, важность коммуникативной компетентности в процессе формирования успешности обучения иностранных граждан, а также, потребности полиэтнической образовательной среды. Глобализация образования обуславливает необходимость в разработке подходов к обучению, которые персонализированно учитывают образовательные потребности иностранных обучающихся и дают возможность получить качественное образование за рубежом [13, 14]. Обучение этой категории граждан требует учета межкультурных аспектов, объединения иностранных участников в составе академических групп, имеющих межкультурные различия и особенности, что также требует разработки концепций, ориентированных на решение вопросов межкультурного взаимодействия и коммуникации в полиэтнической образовательной среде [15. Р. 256; 16. Р. 1552].

Практические предпосылки создания Концепции определяются потребностью образовательной практики в повышении качества образования уже на этапе

двузоровской подготовки иностранных граждан с учетом современных требований и условий глобализации высшего образования в целях формирования успешности университетского обучения иностранных граждан [17. С. 1354; 18. С. 39]. Изложенные выше предпосылки создания Концепции указывают на то, что существует потребность современной педагогической теории и практики в моделировании сущности, процесса и результатов формирования успешности университетского обучения иностранных граждан в социально-культурной среде подготовительного факультета классического университета.

Концепция как конструктивный принцип научной деятельности представляет собой систему взаимосвязанных идей и ключевых аспектов их реализации, заложенных в основу научной, исследовательской, художественной, философской или иной деятельности; Концепция является целостной конструкцией и представляет собой логическую связь и совокупность составляющих ее элементов [19. С. 625]. Концепция выступает как общая идея, представление о чем-либо и включает в свой состав основные смыслы и понятия, на основании которых выстраивается научная, философская теория или произведение. Концепция – высшая форма абстракции, обобщенных категорий или объектов, которые объединяются в рамках общих замыслов и понятий. Как правило, концепция выстраивается на базе отдельных теоретических предпосылок – концептов, представляющих собой более конкретную и специфичную идею или образ, которые используются для объяснения, анализа и конкретизации общих смыслов и понятий [20. С. 90]. Что касается образовательных концепций, их, по мнению Н.С. Пурышевой и Р.В. Гуриной, в зависимости от объекта осмысления можно подразделить на концепции образовательной области; развития образовательных систем; образовательных подходов и моделей [21. С. 14]. Исходя из понимания сущности концепции как совокупности основополагающих взглядов, на базе которых выстраиваются теория и практика определенного вида деятельности, *Концепция успешности университетского обучения иностранных граждан* представляет собой систему взаимосвязанных идей, направленных на понимание, анализ и оптимизацию процессов обучения иностранных студентов в высших учебных заведениях. Концепция является теоретическим обоснованием для разработки моделей формирования успешности университетского обучения иностранных граждан на основании совокупности показателей успешности, включающей в себя показатели академической успеваемости, социальной интеграции, социокультурной адаптации и личностно-мотивационных характеристик.

Композиционная структура Концепции включает в себе три раздела: проблемно-целевой, теоретико-методологический и практико-технологический (рис. 1).

Проблемно-целевой раздел концепции выступает ее стратегическим аспектом, который содержит предпосылки возникновения концепции, включая описание актуальных противоречий и проблем, ставших мотивирующей основой для создания концепции; ключевую идею, на которой она базируется; стратегическую цель и задачи.

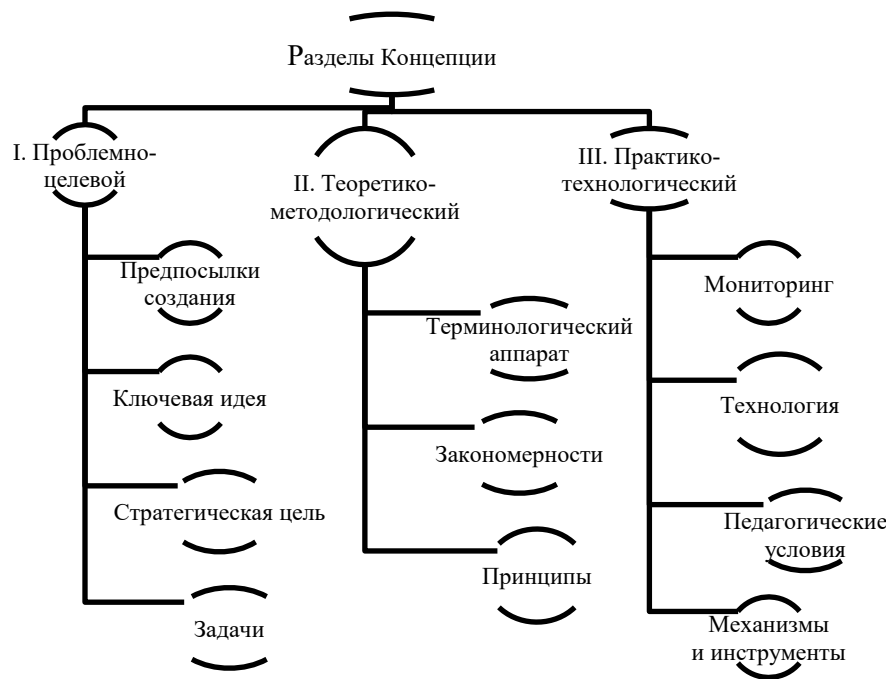

Рис. 1. Структура Концепции успешности университетского обучения иностранных граждан

В теоретико-методологическом разделе концепции, который является ее содержательным ядром, излагаются ее основные положения, раскрывающие содержание ключевой идеи. Этот раздел служит для обоснования и структурирования основополагающей сути концепции, а также для представления теоретических аспектов фреймворка концептуальной модели. В данном разделе раскрываются обзор терминологического аппарата, на котором основывается концепция; ее философские основания; закономерности и принципы.

Практико-технологический раздел включает в себя компоненты, определяющие возможности перехода от абстрактных положений концепции к их практическому применению для решения проблем, выявленных в первом разделе посредством определения технологии, ресурсов и инструментов, необходимых для формирования образа желаемого результата.

1. Проблемно-целевой раздел Концепции.

Предпосылки создания Концепции заключаются в том, что Концепция выражает авторскую позицию относительно стратегии, теории и технологии удовлетворения познавательных интересов, раскрытия интеллектуального потенциала и формирования позитивного отношения иностранных студентов к учебной деятельности в условиях университетского обучения, основанного на тесном взаимодействии между преподавателями и студентами, активном использовании коммуникативных задач и проектов, а также построении индивидуальной образовательной траектории (ИОТ) с учетом индивидуальных потребностей, интересов и способностей каждого студента.

Теоретической предпосылкой создания Концепции выступает концепт «успешность университетского обучения иностранных граждан», структурирующий ключевые аспекты обучения иностранных студентов

(мотивация, адаптация, результативность), что позволяет разработать целостную концепцию, учитывающую не только академические, но и социально-культурные и психологические факторы (рис. 2). В ходе исследования решалась задача определения сущности и содержания феномена «успешность обучения» в контексте университетского обучения иностранных граждан, которая выражается в интегральной оценке эффективности результатов учебной деятельности студентов по усвоению университетской образовательной программы, национального языка и культуры принимающей страны, обеспечивающей удовлетворение познавательных интересов и раскрытие интеллектуального потенциала иностранного гражданина, а также вызывающей у него эмоциональное состояние, которое выражает личное позитивное отношение к учебной деятельности и ощущение удовлетворенности результатами обучения.

Успешность университетского обучения выражается в результативности достижения поставленных целей и приобретении планируемых результатов обучения в сочетании с личной удовлетворенностью студента полученными результатами и самим процессом обучения. Она предусматривает достижение планируемого уровня овладения знаниями, умениями и компетенциями у иностранных студентов в рамках образовательной программы или курса. Определение успешности университетского обучения для иностранных студентов включает в себя оценку ее интеллектуально-когнитивного, мотивационно-ценностного, операционно-деятельностного и оценочно-результативного компонентов.

Основание концепции. Изложенные выше предпосылки создания Концепции указывают на то, что существует потребность современной педагогической теории и практики в моделировании сущности, процесса

и результатов формирования успешности университетского обучения иностранных граждан в социально-

культурной среде подготовительного факультета классического университета.

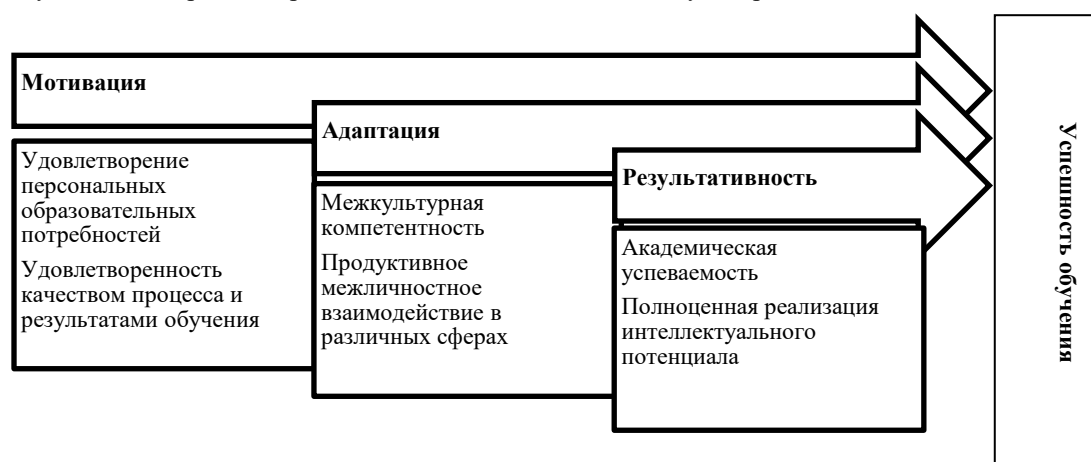

Рис. 2. Концепт успешности обучения иностранных граждан в условиях университетского образования

Ключевая идея Концепции заключается в создании поддерживающей коммуникативно-персонализированной образовательной среды подготовительного факультета / отделения университета для иностранных граждан, основанной на активном использовании общения и взаимодействия в аспекте контекстуальности и ситуативности в качестве основы для процесса обучения, ориентированного на всестороннее развитие личности иностранных обучающихся, реализацию их индивидуальных потребностей, интересов, способностей, образовательных целей и формирование успешности университетского обучения.

Стратегическая цель Концепции заключается в формировании успешности университетского обучения иностранных граждан за счет создания поддерживающей коммуникативно-персонализированной образовательной среды подготовительного факультета / отделения университета, сочетающей в себе условия для формирования коммуникативной и межкультурной компетентностей обучающихся в процессе активного взаимодействия и реализации гибкой ИОТ, разработанной с учетом индивидуальных качеств и потребностей обучающегося и при его активном участии.

Задачи Концепции:

1. Сформулировать сущность, смоделировать процесс и результаты формирования успешности университетского обучения иностранных граждан в социально-культурной среде подготовительного факультета классического университета.

2. Создать модель поддерживающей коммуникативно-персонализированной образовательной среды подготовительного факультета / отделения университета для иностранных граждан, состоящую из сочетания трех конструктов: адаптационного, программно-персонализированного и персонализированной супервизии.

3. Разработать технологию формирования успешности университетского обучения иностранных граждан в условиях поддерживающей коммуникативно-персонализированной образовательной среды подготовительного факультета / отделения университета.

II. Теоретико-методологический раздел Концепции.

Терминологический аппарат Концепции. Терминологический аппарат Концепции включает в свой состав понятия «успешность обучения», «успешность обучения иностранных граждан», «формирование успешности университетского обучения иностранных граждан», «поддерживающая коммуникативно-персонализированная образовательная среда».

Успешность обучения в современной научной литературе, с одной стороны, выступает как показатель результативности обучения (академическая успешность), измеряемый формализованными (академическая успеваемость) и субъективными (удовлетворенность реализацией образовательных целей и достигнутыми результатами) показателями учебной деятельности [22. С. 4]. С другой же точки зрения, успешность обучения представляет собой «показатель соотношения учебной успеваемости студентов с педагогической эффективностью преподавателей как равнозначных субъектов процесса обучения» [23. С. 442]. Опираясь на результаты педагогических исследований в данной области, можно сделать вывод, что успешность обучения представляет собой интегративную характеристику образовательного процесса, отражающую степень достижения обучающимся планируемых результатов обучения (знаний, умений, навыков, компетенций), а также показателей личностного развития, социально-культурной адаптации и личностной удовлетворенности результатами образовательной деятельности [24–26]. Успешность обучения обусловлена совокупностью личностных факторов – когнитивных способностей, склонностей, мотивационных установок, эмоционального состояния обучающегося, а также качеством образовательной среды и педагогического взаимодействия.

Под *успешностью университетского обучения иностранных граждан* в рамках настоящего исследования понимается интегративная характеристика образовательного процесса, отражающая степень достижения иностранными обучающимися планируемых академических результатов согласно требованиям образовательной программы, а также показателей профессионально-личностного развития, социально-культурной

адаптации и личностной удовлетворенности процессом и результатами университетского обучения [27. С. 546]. В данной трактовке успешность университетского обучения иностранных граждан включает в себя показатели освоения учебных дисциплин и сформированности ключевых компетенций (академический компонент), личностной и профессиональной самоактуализации и удовлетворенности процессом и результатами обучения (личностный компонент), социально-культурной адаптации и активности участия в академической и социальной жизни университета (социокультурный компонент).

Формирование успешности университетского обучения иностранных граждан – это процесс и результаты усвоения национального языка и культурно-исторического опыта принимающей страны (коммуникативных знаний, умений, навыков, способов деятельности, национальных морально-нравственных ориентиров и ценностей), освоения содержания образовательной программы, обеспечивающей достижение планируемых программных образовательных результатов и удовлетворение личных познавательных интересов иностранных студентов, раскрытие их интеллектуальных возможностей. В результате формируется эмоци-

ональное состояние, которое выражает личное позитивное отношение обучающихся к учебной деятельности и ощущение собственной удовлетворенности и психологического комфорта в отношении процесса и результатов обучения [28].

Поддерживающая коммуникативно-персонализированная образовательная среда – это система социокультурных, методических, материально-технических и коммуникативных условий, в которых протекает учебно-воспитательный процесс в полиэтнической группе. Эта среда представляет собой физическое и психологическое пространство, в котором обучающиеся могут взаимодействовать с преподавателем и друг другом, свободно и комфортно перемещаться, создавая пространства для индивидуальной, парной, групповой деятельности, развивать свои коммуникативные навыки, исследовать и углублять свои знания, а также развивать свою личность и творческие способности.

Закономерности и принципы Концепции. Актуальные педагогические закономерности и принципы, отражающие педагогические реалии университетского обучения иностранных граждан и лежащие в основе теоретико-методологического раздела Концепции, схематично представлены на рис. 3.

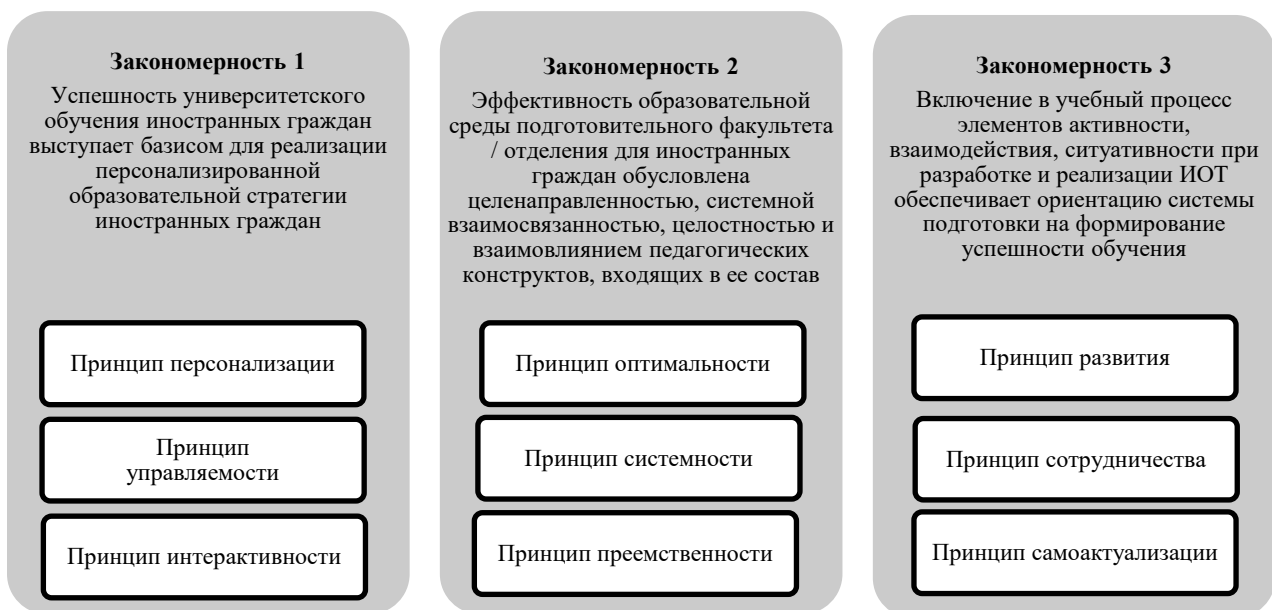

Рис. 3. Закономерности и принципы Концепции успешности университетского обучения иностранных граждан

В основу системы принципов Концепции легло содержание многомерной модели педагогических принципов, сформулированной В.И. Андреевым (принципы управляемости, оптимальности, системности, развития, сотрудничества (сотворчества)) [29], а также педагогические принципы: персонализации, интерактивности, преемственности, самоактуализации, которые позволили отобразить уникальность авторской Концепции.

Первая закономерность заключается в том, что успешность университетского обучения иностранных граждан выступает базисом для реализации персонализированной образовательной стратегии. Данная за-

кономерность обуславливает основные идеи Концепции, отражающие необходимость в организации всеобъемлющего взаимодействия между преподавателями и студентами; активном использовании коммуникативных задач и проектов; ситуативности и контекстуальности обучения, а также построении персонализированной образовательной стратегии с учетом уникальных образовательных потребностей, интересов и способностей каждого студента. Из сущности данной закономерности вытекают следующие педагогические принципы: принцип персонализации процесса обучения; принцип управляемости образовательным процессом; принцип интерактивности обучения.

Вторая закономерность – эффективность образовательной среды подготовительного факультета / отделения университета для иностранных граждан обусловлена целенаправленностью, системной взаимосвязанностью, целостностью и взаимовлиянием педагогических конструкторов, входящих в ее состав. Из сущности данной закономерности вытекают педагогические принципы оптимальности, системности и преемственности, ориентирующие процесс обучения на оптимальное сочетание его компонентов и их адаптивность [29. С. 152]. Принцип оптимальности при обучении иностранных граждан означает стремление к выявлению оптимальных условий для обеспечения успешности обучения каждого студента, учитывая его особенности и потребности.

Третья закономерность связана с тем, что включение в учебный процесс элементов активности, взаимодействия, ситуативности при разработке и реализации ИОТ обеспечивает оптимальную ориентацию системы подготовки иностранных граждан на формирование успешности их обучения. Данная закономерность определяет применение в рамках Концепции педагогических принципов развития, сотрудничества и самоактуализации. При этом принцип самоактуализации в данном контексте является системообразующим, поскольку он ориентирует образовательный процесс на

создание условий и возможностей для личностной самореализации и саморазвития потенциала каждого обучающегося. Сущность данной закономерности заключается в том, чтобы создать условия, в которых иностранные обучающиеся смогут раскрыть свой потенциал, выявить свои таланты и получить возможность самореализации во всех проявлениях.

Все описанные выше закономерности и принципы позволяют создать коммуникативно-персонализированную образовательную среду как фактор эффективности и успешности университетского обучения иностранных граждан, способствующую развитию коммуникативной компетентности, качественных межличностных взаимоотношений и достижению общих целей [30].

III. Практико-технологический раздел Концепции представлен методико-технологическими компонентами реализации Концепции в рамках довузовской подготовки в условиях подготовительного факультета / отделения для иностранных граждан в классическом университете.

Практико-технологическая часть Концепции представлена четырьмя методико-технологическими компонентами, необходимыми для ее реализации (рис. 4).

Рис. 4. Компоненты практико-технологического раздела Концепции

Мониторинг успешности университетского обучения иностранных граждан. Система мониторинга включает в себя оценку, контроль и прогнозирование динамики качественных изменений показателей в рамках концепта успешности обучения иностранных студентов в условиях университетского образования, описанного выше. Наблюдению подлежат показатели мотивации, адаптации и результативности обучения, которые рассматриваются в рамках показателей и уровней критериев успешности обучения иностранных граждан.

Технология формирования успешности университетского обучения иностранных граждан представляет собой упорядоченную совокупность научно обоснованных методов, приемов, средств и организационных форм образовательной деятельности, направленных на создание условий для достижения высокого уровня академической успеваемости, социальной адаптации и интеграции иностранных студентов в университетскую среду. Авторская технология формирования успешности обучения включает в себя этапы ди-

агностики, планирования, реализации и оценки эффективности образовательных событий с учетом специфики обучения иностранных граждан (в том числе языковой барьер, культурные различия, особенности мотивации).

Данная педагогическая технология включает в себя цель, задачи, содержание обучения на основе принципов активности, ситуативности и взаимодействия, а также формы, методы, средства (в том числе сетевые средства), диагностические инструменты, используемые для формирования успешности обучения как динамического структурно-уровневого образования. Содержательная часть технологического процесса включает в себя активное использование коммуникативных задач и проектов в учебной деятельности, организацию системного и всестороннего взаимодействия между участниками образовательного процесса, ситуативность и контекстуальность обучения. Реализация перечисленных элементов производится системно в рамках учебно-воспитательного процесса и, охватывая все виды аудиторной работы, делает акцент на формировании и развитии коммуникативных навыков у студентов, их способности применять языковые навыки для решения учебных, коммуникативных, социально-бытовых задач. При этом содержание обучения должно быть адаптировано к персонализированным образовательным целям и потребностям каждого студента в рамках реализации персонализированной образовательной стратегии.

Процессуальная часть технологии ориентирована на сочетание индивидуальной и групповой форм работы, что обеспечивает коммуникативную направленность процесса обучения и баланс в процессе реализации целей образовательной программы и персонализированных образовательных целей и потребностей обучающихся.

Механизм реализации технологии формирования успешности университетского обучения иностранных граждан выступает как совокупность взаимосвязанных процессов и действий, обеспечивающих функционирование авторской технологии формирования успешности обучения иностранных граждан в условиях подготовительного факультета / отделения университета.

Механизм включает в себя алгоритм реализации отдельных элементов технологии, регламенты взаимодействия между участниками образовательного процесса (преподавателями, студентами, администрацией), а также систему контроля и оценки достижения запланированных образовательных результатов и иных показателей успешности обучения в комплексе. Механизм включает в свою структуру комплекс учебных программ и методик их реализации, методы поддержки и адаптации студентов, системы обратной связи, программы организации внеаудиторной работы (подробнее в [1, 31–33]). В основе механизма лежит четкое описание последовательности действий, распределение ответственности и определение способов обеспечения контроля на каждом этапе его реализации.

Основными инструментами реализации технологии формирования успешности университетского обучения иностранных граждан являются: использование интерактивного интернет-консультанта (интернет-портала) для иностранных обучающихся; разноуровневый цифровой образовательный контент по РКИ и профильным дисциплинам (комплекс интерактивного онлайн-обучения и адаптации к учебной среде для иностранных обучающихся Studerus (<https://www.studerus.ru/> – закрытый доступ); подробнее в [34, 35]); виртуальные образовательные и дискуссионные площадки для группового обучения, совместных исследований и творчества; студенческие информационные системы; системы электронного управления и контроля над образовательным процессом (LMS).

Технология формирования успешности университетского обучения иностранных граждан, разработанная в рамках практико-технологического раздела Концепции, реализуется на базе подготовительного факультета для иностранных учащихся Казанского (Приволжского) федерального университета.

Технология прошла апробацию в тестовом режиме в условиях подготовительного факультета для иностранных учащихся Казанского (Приволжского) федерального университета в очном, дистанционном и смешанном форматах, начиная с 2018/19 учебного года. В рамках мониторинга реализации модели, разработанной на основе Концепции, был проведен анализ академической успеваемости иностранных граждан в условиях разных форм обучения на примере программ предбакалаврской, магистерской и преддипломной довузовской подготовки. Анализ проведен за три учебных года на основании результатов итогового контроля по русскому / английскому языку как иностранному и общеобразовательным дисциплинам для пяти профилей обучения (медико-биологического, естественно-научного, инженерно-технического и технологического, гуманитарного, экономического). Анализ показал, что реализация модели во всех форматах обучения дает высокие показатели академической успеваемости иностранных обучающихся подготовительного факультета не только по программе РКИ, но и по общеобразовательным дисциплинам (подробнее – в наших исследованиях [31, 36]).

В настоящее время проходит завершающая стадия опытно-экспериментального исследования эффективности практической реализации Концепции. Методика, организация и результаты оценки уровня сформированности успешности университетского обучения иностранных граждан по компонентам более подробно будут описаны в следующих публикациях.

Таким образом, Концепция успешности обучения иностранных граждан в условиях подготовительного факультета классического университета создает необходимую теоретико-методологическую основу для моделирования поддерживающей коммуникативно-персонализированной образовательной среды подготовительного факультета / отделения классического

университета, базирующейся на активном использовании общения и взаимодействия в аспекте контекстуальности и ситуативности в процессе обучения, ориентированной на всестороннее развитие личности

и иностранных студентов, реализацию их персонализированных образовательных потребностей, целей, интересов, способностей и формирование успешности университетского обучения.

Список источников

1. Традиции и новации в методике преподавания русского языка как иностранного на подготовительном факультете / под ред. Р.Д. Уруновой. Казань : Издательство Казанского университета, 2023. 124 с.
2. Камалеева А.Р., Гильманшина С.И., Фахрутдинова А.В., Гильманшин И.Р. Активизация познавательной активности обучающихся с использованием интернет-ресурсов в контексте когнитивной дидактики // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 196–202. doi: 10.17223/15617793/505/21
3. Melnikova G., Gilmanshina S., Galeeva A. Formation of Cultural Fluency among Foreign Students, Future Chemistry Teachers // International Scientific and Practical Conference on Social Sciences and Humanities: Scientific Challenges of the Development of Modern Society (SHCMS 2023). 2023. Vol. 172, № 6. P. 7287–7291. doi: 10.1051/shsconf/202317203003
4. Gilmanshina S.I., Khalikova F.D. Teaching Gifted Adolescents in Terms of the Transforming Natural Sciences Education // 2nd International Forum on Teacher Education (IFTE). 2016. Vol. 12. P. 50–54. doi: 10.15405/epsbs.2016.07.9
5. Шевченко А.В., Андреева А.М. Основы инновационного подхода к организации образовательной деятельности иностранных студентов в современных отечественных высших учебных заведениях // Вестник БГТУ имени В.Г. Шухова. 2014. № 4. С. 205–207.
6. Сурыгин А.И. Основы теории обучения на неродном для учащихся языке. СПб. : Златоуст, 2000. 233 с.
7. Сурыгин А.И. Педагогическое проектирование системы предвузовской подготовки иностранных студентов. СПб. : Златоуст, 2000. 128 с.
8. Fleck A. The Countries With The Most Students Studying Abroad // Statista.com. May 7, 2024. URL: <https://www.statista.com/chart/3624/the-countries-with-the-most-students-studying-abroad/> (дата обращения: 19.04.2025).
9. ЮНЕСКО: неравенство в государственных расходах на высшее образование увеличивается // Российский союз ректоров. URL: <https://rsr-online.ru/news/2022/5/23/yunesko-neravenstvo-v-gosudarstvennyh-rashodah-na-vysshee-obrazovanie-uvelichivaetsya/> (дата обращения: 25.04.2025).
10. Иностранные студенты в России // TAdviser. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 25.04.2025).
11. Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. Immigrant Youth: Acculturation, Identity, and Adaptation // Applied Psychology: An international Review. 2006. Vol. 55, № 3. P. 303–332. doi: 10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x
12. Иванова Г.П., Ширкова Н.Н., Логвинова О.К. Иностранный студент в российском вузе. М. : РУСАЙНС, 2022. 138 с.
13. Fan G. The Reconfiguration of Human Education in an Uncertain World // ECNU Review of Education. 2025. doi: 10.1177/20965311241266856
14. Фахрутдинова А.В. Гражданское воспитание учащихся в англоязычных странах на рубеже XX–XI веков : дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 2012. 484 с.
15. Pinton G. Interplay between collaborative learning and interculturality: the experience of international masters' students. Edinburg : The university of Edinburg, 2024. 379 p. doi: 10.7488/era/4934
16. Tavares V. Feeling excluded: International students experience equity, diversity and inclusion // International Journal of Inclusive Education. 2024. Vol. 28, № 8. P. 1551–1568. doi: 10.1080/13603116.2021.2008536
17. Сергушина Е.С. Актуальные задачи и перспективы развития системы довузовской подготовки // LI Огарёвские чтения. 2022. С. 1353–1362.
18. Анисимова Т.В., Синельникова Е.А. Экспорт и продвижение российского образовательного продукта на зарубежном рынке // Российский внешнеэкономический вестник. 2025. № 4. С. 33–42.
19. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М. : Советская энциклопедия ; СПб : Ленингр. галерея, 2002. 1628 с.
20. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Республика, 2001. 719 с.
21. Пуршова Н.С. Структура образовательной концепции в педагогических исследованиях // Образование и наука. 2006. № 4. С. 12–20.
22. Шаповов А.М. Педагогические условия академической успешности обучающихся : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2022. 23 с.
23. Бирин О.В. Понятие успешности обучения в современных педагогических и психологических теориях // Фундаментальные исследования. 2014. № 8. С. 438–443.
24. Современные проблемы образования в России и пути их решения / И.В. Кичева, А.В. Бабаян, А.М. Акопянц, С.В. Бобрышов, Г.А. Воробьев, Л.И. Ермакова, И.А. Свинторжикская, А.В. Фахрутдинова, И.Б. Федотова, О.Е. Иванова, С.Д. Каракозов, Н.И. Рыжова, В.В. Айрапетова, Н.А. Боднева, К.Э. Казарьянц, Н.М. Парсегян, Т.А. Тимошенко. Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2023. 176 с.
25. Абакумова Н.Н., Фахрутдинова А.В. Иноязычная среда вуза как ресурс развития ведущих исследовательских университетов России (результаты мониторинга 2014–2019 гг.) // Преподаватель XXI век. 2020. № 3, ч. 1. С. 43–55.
26. Фахрутдинова А.В., Абакумова Н.Н. Многополярный мир и детерминанты организации образования гражданина в школе // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 221–226. doi: 10.17223/15617793/503/22
27. Шимкович Е.Д. Модель формирования успешности обучения иностранных граждан в социально-культурной среде подготовительного факультета классического университета // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10, вып. 5. С. 545–552. doi: 10.30853/ped20250067
28. Абакумова Н.Н., Фахрутдинова А.В., Цзюй Ч., Лэй Г. Педагогический мониторинг инновационных изменений в высшем образовании. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2024. 244 с.
29. Андреев В.И. Педагогика высшей школы: инновационно-прогностический курс : учебное пособие для студентов вузов. Казань : Центр инновационных технологий, 2005. 499 с.
30. Фахрутдинова А.В., Мухаметзянова Ф.Г. Человек в цифровом информационном и образовательном пространстве: истоки и реалии // Материалы X Всероссийской научно-практической конференции «Субъектно-ориентированный образовательный процесс: история, теория, инновационная практика. Педагогические чтения памяти И.Я. Лернера». Владимир : Издательство Владимирского государственного университета, 2021. С. 124–129.
31. Технологии довузовского обучения общеобразовательным дисциплинам иностранных слушателей / под ред. С.И. Гильманшиной. Казань : Издательство Казанского университета, 2023. 170 с.
32. Шимкович Е.Д., Азимова Г.Ш., Азимова Г.Ш. Методика преподавания различных дисциплин иностранным обучающимся в университете // Альманах Казачество. 2024. № 78 (5). С. 208–216.
33. Шимкович Е.Д., Залаялова Р.Р., Махмутова Г.Ф. Реализация программ предмагистерской и предаспирантской подготовки на подготовительном факультете для иностранных учащихся КФУ // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 7 (109). Ч. 4. С. 143–147.
34. Иванова Д.А. К вопросу об эффективности обучения русскому языку как иностранному в рамках дополнительной образовательной программы на базе цифрового образовательного ресурса // Довузовская подготовка иностранных граждан: проблемы и перспективы :

сборник научных материалов II Международной научно-практической конференции (Казань, 28–30 сентября 2023 г.). Казань : Издательство Казанского университета, 2023. С. 209–211.

35. Прохоренко Н.Б., Махмутова Г.Ф., Шимкович Е.Д. Использование электронной образовательной среды на занятиях биологии и химии при обучении иностранных учащихся // Довузовская подготовка иностранных граждан: проблемы и перспективы : сборник научных материалов II Международной научно-практической конференции (Казань, 28–30 сентября 2023 г.). Казань : Издательство Казанского университета, 2023. С. 147–149.
36. Шимкович Е.Д., Махмутова Г.Ф., Муратова Г.З., Мухаметов А.Р. Успеваемость иностранных учащихся как показатель когнитивно-деятельностного компонента успешности при разных формах обучения // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 6 (ч. 1). doi: 10.17513/spno.32345

References

1. Urunova, R.D. (ed.) (2023) *Traditsii i novatsii v metodike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo na podgotovitelnom fakultete* [Traditions and Innovations in the Methodology of Teaching Russian as a Foreign Language at the Preparatory Faculty]. Kazan: Kazan University.
2. Kamaleeva, A.R., Gilmanshina, S.I., Fakhrtutdinova, A.V. & Gilmanshin, I.R. (2024) Activation of Students' Cognitive Activity Using Internet Resources in the Context of Cognitive Didactics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 196–202. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/21
3. Melnikova, G., Gilmanshina, S. & Galeeva, A. (2023) Formation of Cultural Fluency among Foreign Students, Future Chemistry Teachers. *International Scientific and Practical Conference on Social Sciences and Humanities: Scientific Challenges of the Development of Modern Society (SHCMS 2023)*. 172 (6). pp. 7287–7291. doi: 10.1051/shsconf/202317203003
4. Gilmanshina, S.I. & Khalikova, F.D. (2016) Teaching Gifted Adolescents in Terms of the Transforming Natural Sciences Education. *2nd International Forum on Teacher Education (IFTE)*. 12. pp. 50–54. doi: 10.15405/epsbs.2016.07.9
5. Shevchenko, A.V. & Andreeva, A.M. (2014) Osnovy innovatsionnogo podkhoda k organizatsii obrazovatelnoy deyatel'nosti inostrannykh studentov v sovremennykh otechestvennykh vysshikh uchebnykh zavedeniyakh [Fundamentals of an Innovative Approach to Organizing Educational Activities of Foreign Students in Modern Domestic Higher Educational Institutions]. *Vestnik BGTU imeni V.G. Shukhova*. 4. pp. 205–207.
6. Surygin, A.I. (2000) *Osnovy teorii obucheniya na nerodnom dlya uchashchikhsya yazyke* [Fundamentals of the Theory of Teaching in a Non-Native Language for Students]. Saint Petersburg: Zlatoust.
7. Surygin, A.I. (2000) *Pedagogicheskoe proektirovanie sistemy predvuzovskoy podgotovki inostrannykh studentov* [Pedagogical Design of the System of Pre-University Training for Foreign Students]. Saint Petersburg: Zlatoust.
8. Fleck, A. (2024) *The Countries With The Most Students Studying Abroad*. [Online] May 7, 2024. Available from: <https://www.statista.com/chart/3624/the-countries-with-the-most-students-studying-abroad/> (Accessed: 19.04.2025).
9. Rossiyskiy soyuz rektorov [Russian Union of Rectors]. (2022) *UNESCO: neravenstvo v gosudarstvennykh rashodakh na vysshee obrazovanie uvelichivaetsya* [UNESCO: Inequality in Public Spending on Higher Education is Increasing]. (n.d.) [Online] Available from: <https://rsr-online.ru/news/2022/5/23/yunesko-neravenstvo-v-gosudarstvennykh-rashodakh-na-vysshee-obrazovanie-uvelichivaetsya/> (Accessed: 25.04.2025).
10. TAdviser. (2025) *Inostrannyye studenty v Rossii* [Foreign Students in Russia]. [Online] Available from: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (Accessed: 25.04.2025).
11. Berry, J.W., Phinney, J.S., Sam, D.L. & Vedder, P. (2006) Immigrant Youth: Acculturation, Identity, and Adaptation. *Applied Psychology: An International Review*. 55 (3). pp. 303–332. doi: 10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x
12. Ivanova, G.P., Shirkova, N.N. & Logvinova, O.K. (2022) *Inostranny student v rossiyskom vuze* [The Foreign Student in a Russian University]. Moscow: RUSAYNS.
13. Fan, G. (2025) The Reconfiguration of Human Education in an Uncertain World. *ECNU Review of Education*. doi: 10.1177/20965311241266856.
14. Fakhrtutdinova, A.V. (2012) *Grazhdanskoe vospitanie uchashchikhsya v anglo-yazychnykh stranakh na rubezhe XX–XXI vekov* [Civic Education of Students in English-Speaking Countries at the Turn of the 20th Century]. Pedagogics Dr. Diss. Kazan.
15. Pinton, G. (2024) *Interplay Between Collaborative Learning and Interculturality: The Experience of International Masters' Students*. Edinburgh: The University of Edinburgh. doi: 10.7488/era/4934
16. Tavares, V. (2024) Feeling excluded: International students experience equity, diversity and inclusion. *International Journal of Inclusive Education*. 28 (8). pp. 1551–1568. doi: 10.1080/13603116.2021.2008536
17. Sergushina, E.S. (2022) Aktualnye zadachi i perspektivy razvitiya sistemy dovuzovskoy podgotovki [Current Tasks and Prospects for the Development of the Pre-University Training System]. *LI Ogarevskie chteniya* [LI Ogarev Readings]. S.I. pp. 1353–1362.
18. Anisimova, T.V. & Sinelnikova, E.A. (2025) Eksport i prodvizhenie rossiyskogo obrazovatel'nogo produkta na zarubezhnom rynke [Export and Promotion of the Russian Educational Product on the Foreign Market]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*. 4. pp. 33–42.
19. Prokhorov, A.M. (ed.) (2002) *Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar* [Great Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; Saint Petersburg: Leningradskaya galereya.
20. Frolov, I.T. (ed.) (2001) *Filosofskiy slovar* [Philosophical Dictionary]. 7th ed. Moscow: Respublika.
21. Purysheva, N.S. (2006) Struktura obrazovatel'noy kontseptsii v pedagogicheskikh issledovaniyakh [The Structure of the Educational Concept in Pedagogical Research]. *Obrazovanie i nauka*. 4. pp. 12–20.
22. Shaporov, A.M. (2022) *Pedagogicheskie usloviya akademikheskoy uspehnosti obuchayushchikhsya* [Pedagogical Conditions for Students' Academic Success]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Yaroslavl.
23. Birina, O.V. (2014) Ponyatie uspehnosti obucheniya v sovremennykh pedagogicheskikh i psikhologicheskikh teoriyakh [The Concept of Academic Success in Modern Pedagogical and Psychological Theories]. *Fundamentalnye issledovaniya*. 8. pp. 438–443.
24. Kicheva, I.V., Babayan, A.V., Akopyants, A.M., Bobryshov, S.V., Vorobev, G.A., Ermakova, L.I., Svintorzhytskaya, I.A., Fakhrtutdinova, A.V., Fedotova, I.B., Ivanova, O.E., Karakozov, S.D., Ryzhova, N.I., Airapetova, V.V., Bodneva, N.A., Kazaryants, K.E., Parsegyan, N.M. & Timoshenko, T.A. (2023) *Sovremennyye problemy obrazovaniya v Rossii i puti ikh resheniya* [Modern Problems of Education in Russia and Ways to Solve Them]. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University.
25. Abakumova, N.N. & Fakhrtutdinova, A.V. (2020) Inoyazychnaya sreda vuza kak resurs razvitiya vedushchikh issledovatel'skikh universitetov Rossii (rezulytaty monitoringa 2014–2019 gg.) [The Foreign Language Environment of a University as a Resource for the Development of Leading Research Universities in Russia (Results of Monitoring 2014–2019)]. *Prepodavatel' XXI vek*. 3 (1). pp. 43–55.
26. Fakhrtutdinova, A.V. & Abakumova, N.N. (2024) The multipolar world and the determinants of organizing a citizen's school education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 221–226. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/503/22
27. Shimkovich, E.D. (2025) Model formirovaniya uspehnosti obucheniya inostrannykh grazhdan v sotsialno-kulturnoy srede podgotovitel'nogo fakulteta klassicheskogo universiteta [A Model for Forming the Academic Success of Foreign Citizens in the Socio-Cultural Environment of a Preparatory Faculty of a Classical University]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*. 10 (5). pp. 545–552. doi: 10.30853/ped20250067
28. Abakumova, N.N., Fakhrtutdinova, A.V., Tsyuy, Ch. & Ley, G. (2024) *Pedagogicheskiy monitoring innovatsionnykh izmeneniy v vysshem obrazovanii* [Pedagogical Monitoring of Innovative Changes in Higher Education]. Tomsk: Tomsk State University.
29. Andreev, V.I. (2005) *Pedagogika vysshey shkoly: innovatsionno-prognosticheskiy kurs* [Higher Education Pedagogy: An Innovative and Predictive Course]. Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy.

30. Fakhrtudinova, A.V. & Mukhametzyanova, F.G. (2021) [The Human in the Digital Information and Educational Space: Origins and Realities]. *Sub"ektno-orientirovanny obrazovatelnyy protsess: istoriya, teoriya, innovatsionnaya praktika. Pedagogicheskie chteniya pamyati I.Ya. Lerner* [Subject-Oriented Educational Process: History, Theory, Innovative Practice. Pedagogical Readings in Memory of I.Ya. Lerner]. Proceedings of the X All-Russian Conference. Vladimir: Vladimir State University. pp. 124–129. (In Russian).
31. Gilmanshina, S.I. (ed.) (2023) *Tekhnologii dovuzovskogo obucheniya obshcheobrazovatelnykh distsiplin inostrannykh slushateley* [Technologies of Pre-University Teaching of General Education Disciplines to Foreign Students]. Kazan: Kazan University.
32. Shimkovich, E.D., Azitova, G.Sh. & Azitova, G.Sh. (2024) Metodika prepodavaniya razlichnykh distsiplin inostrannym obuchayushchimsya v universitete [Methods of Teaching Various Disciplines to Foreign Students at the University]. *Al'manakh Kazachestvo*. 78 (5). pp. 208–216.
33. Shimkovich, E.D., Zalyalova, R.R. & Makhmutova, G.F. (2021) Realizatsiya programm predmagisterskoy i predaspirantskoy podgotovki na podgotovitel'nom fakultete dlya inostrannykh uchashchikhsya KFU [Implementation of Pre-Master's and Pre-PhD Training Programs at the Preparatory Faculty for Foreign Students of KFU]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 7 (109). Part 4. pp. 143–147.
34. Ivanova, D.A. (2023) [On the Effectiveness of Teaching Russian as a Foreign Language Within the Framework of an Additional Educational Program Based on a Digital Educational Resource]. *Dovuzovskaya podgotovka inostrannykh grazhdan: problemy i perspektivy* [Pre-University Training of Foreign Citizens: Problems and Prospects]. Proceedings of the II International Conference. Kazan. September 28–30, 2023. Kazan: Kazan University. pp. 209–211. (In Russian).
35. Prokhorenko, N.B., Makhmutova, G.F. & Shimkovich, E.D. (2023) [The Use of the Electronic Educational Environment in Biology and Chemistry Classes When Teaching Foreign Students]. *Dovuzovskaya podgotovka inostrannykh grazhdan: problemy i perspektivy* [Pre-University Training of Foreign Citizens: Problems and Prospects]. Proceedings of the II International Conference. Kazan. September 28–30, 2023. Kazan: Kazan University. pp. 147–149. (In Russian).
36. Shimkovich, E.D., Makhmutova, G.F., Muratova, G.Z. & Mukhametov, A.R. (2022) Uspevaemost inostrannykh uchashchikhsya kak pokazatel kognitivno-deyatelnostnogo komponenta uspekhov pri raznykh formakh obucheniya [The Academic Performance of Foreign Students as an Indicator of the Cognitive-Activity Component of Success in Different Forms of Education]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 6 (1). doi: 10.17513/spno.32345

Информация об авторах:

Шимкович Е.Д. – канд. биол. наук, зав. кафедрой общеобразовательных дисциплин Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: EDShimkovich@kpfu.ru

Гильманшина С.И. – д-р пед. наук, зав. кафедрой химического образования Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: gilmanshina@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.D. Shimkovich, Cand. Sci. (Biology), head of the Department of Comprehensive Disciplines, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: EDShimkovich@kpfu.ru

S.I. Gilmanshina, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Chemical Education, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: gilmanshina@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.05.2025;
одобрена после рецензирования 04.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 20.05.2025;
approved after reviewing 04.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.829
doi: 10.17223/15617793/515/24

Взаимодействие субъектов исполнительной пробации (часть 2)

Алла Липаритовна Агабекян¹, Александр Олегович Долматов², Николай Владимирович Ольховик^{3, 4}

^{1, 2, 3} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

⁴ Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия

¹ AllaAgabekyan@yandex.ru

² adeostomsk@gmail.com

^{3, 4} lawtsu@rambler.ru

Аннотация. Объектом исследования выступают нормативно закрепленные критерии нуждаемости осужденных, которые свидетельствуют о необходимости оказания им медицинской, социальной помощи, а также применения иных мер поддержки, основной задачей которых является ресоциализация осужденных. Проведен анализ взаимодействия субъектов исполнительной пробации, выявлены основные проблемы взаимодействия указанных субъектов, а также проблемы и противоречия нормативно-правового регулирования в обозначенной сфере, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: исполнительная пробация, критерии нуждаемости, социальный контракт, субъекты пробации, пробационные меры

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043/>.

Для цитирования: Агабекян А.Л., Долматов А.О., Ольховик Н.В. Взаимодействие субъектов исполнительной пробации (часть 2) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 206–215. doi: 10.17223/15617793/515/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/24

Interaction of subjects of executive probation (part 2)

Alla L. Agabekyan¹, Aleksandr O. Dolmatov², Nikolay V. Olkhovik^{3, 4}

^{1, 2, 3} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

⁴ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation

¹ AllaAgabekyan@yandex.ru

² adeostomsk@gmail.com

^{3, 4} lawtsu@rambler.ru

Abstract. The authors have conducted a study of the normatively enshrined criteria of neediness of convicts, covering measures of medical and social assistance, as well as other support measures, the main objective of which is the resocialization of convicts. The material for the study was the studied and generalized personal files of persons, in respect of whom executive probation was or is applied, for January–December 2024 and January–March 2025, which were selected by random sampling in the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia in different subjects of the Russian Federation, as well as the results of questionnaire survey of probation officers of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia, assisting "clients" in receiving such assistance. The study involves the following methods: dialectical, formal-logical in the study of the content of the studied criteria, as well as the provisions of the legislation; the method of legal modeling in the study of the possibility of improving the provisions of the legislation on probation. The research analyzes the interaction between the subjects of executive probation, identifies the main problems of interaction between these subjects, as well as problems and contradictions of normative-legal regulation in this area, and proposes ways to solve them. In this regard, the authors came to the conclusion that it is necessary to implement individual support of persons who applied for assistance in the framework of probation, in the interaction of probation subjects with civil society institutions. In addition, a variant of combining the criteria of neediness in the current legislation is proposed. It is proposed to create a new criterion "the need for assistance in obtaining social security", which will combine such criteria of neediness as "the need for assistance in the formation, restoration or strengthening of family and social ties", "the need for assistance in obtaining state social assistance on the basis of a social contract in accordance with the legislation of the Russian Federation", "the need for assistance in obtaining pension provision", "the need to provide a temporary place of residence", "the need for assistance in obtaining

social security", "the need to provide a temporary place of residence". The authors conclude that the realization of individual support is impossible without the interaction of probation subjects with civil society institutions.

Keywords: executive probation, criteria of neediness, social contract, subjects of probation, probation measures

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project. No. 24-78-10043, <https://rscf.ru/en/project/24-78-10043/>.

For citation: Agabekyan, A.L., Dolmatov, A.O. & Olkhovik, N.V. (2025) Interaction of subjects of executive probation (part 2). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 206–215. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/24

Эмпирической базой для настоящего исследования послужили изученные и обобщенные неперсонифицированные данные о лицах, в отношении которых применялась или применяется исполнительная пробация, а также о личных делах некоторых из них за январь–декабрь 2024 г. и январь–апрель 2025 г., которые были отобраны методом случайной выборки в территориальных органах ФСИН России в различных субъектах России.

В ходе проведенного по гранту Российского научного фонда № 24-78-10043 исследования в отношении 193 «клиентов» пробации, чьи личные дела были изучены, установлено, что 4,66% нуждается в содействии в получении медицинской помощи, выборе медицинской организации и получении полиса обязательного медицинского страхования, 5,18% – в получении социальной помощи.

Необходимость содействия в получении медицинской помощи, выборе медицинской организации и получении полиса обязательного медицинского страхования. На лиц, обратившихся за такой помощью, распространяются положение ФЗ «О пробации в РФ» [1], Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2] и иное законодательство в сфере охраны здоровья.

Данная нуждаемость определяется не только его желанием, но посредством установления наличия у него трудной жизненной ситуации, которая обусловлена отсутствием осведомленности осужденного о порядке получения такой помощи, а также объективной невозможности получить ее самостоятельно. Кроме того, необходимо проверить наличие у лица предусмотренных законом оснований для получения указанной им в заявлении помощи. При этом сотрудник уголовно-исполнительной инспекции должен проанализировать ситуацию с позиции связанности данного критерия нуждаемости с криминальным поведением «клиента», то есть необходимо провести криминологический анализ до принятия решения о целесообразности.

Данный критерий нуждаемости включает в себя три подвида: 1) необходимость получить медицинскую помощь; 2) помощь с выбором медицинской организации; 3) помощь в получении полиса обязательного медицинского страхования. Последний подвид является самым распространенным из этих трех и тесно связан с другим критерием нуждаемости – помощью в получении документов, необходимых для реализации своих прав. В результате исследования было установлено, что в индивидуальной программе эти два мероприятия отображаются одновременно лишь для решения одной проблемы – получить полис. Кроме

того, встречались и случаи отображения в программе одномерно и другого мероприятия – консультирование по социальным и правовым вопросам. Более того, приказом Минюста России от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 «О пробации в Российской Федерации»» (далее – Приказ Минюста № 350) [3] предусматривается содействие в получении медицинской книжки в качестве мероприятия блока, связанного с оказанием содействия в получении документов, а содействие в предоставлении социально-медицинских услуг – в блоке, связанном с получением социальных услуг.

Несмотря на то, что такие случаи встречаются, считаем необоснованным расширение списка пробационных мер применительно к конкретному лицу, однако, чаще всего, нуждаемость одного лица в различных видах помощи (социальной, правовой, психологической, медицинской) устанавливается оправданно.

Основная проблема, с которой на начальной стадии применения ФЗ «О пробации в РФ» сталкивались как осужденные, так и сотрудники пробации территориальных органов ФСИН России, оказывающие содействие «клиентам пробации» в получении такой помощи, – отсутствие четкого механизма взаимодействия между субъектами пробации. Усложнялось такое взаимодействие непониманием со стороны медицинских учреждений специфики работы с «новым» контингентом и роли сотрудников такой организации в реализации непривычного, несвойственного им явления – пробации. Минздрав России предпринял ряд шагов, направленных на налаживание взаимодействия, например, разработал типовое соглашение о взаимодействии с учреждениями уголовно-исполнительной системы по вопросам применения пробации [4]. На его основе в г. Москве было заключено соглашение с ГБУ здравоохранения г. Москвы «Московский научно-практический центр наркологии Департамента здравоохранения г. Москвы», а в г. Томске – с Департаментом здравоохранения Томской области.

В настоящее время законом и Приказом Минюста решен вопрос о порядке получения информации от медицинских организаций по запросам уголовно-исполнительной инспекции (в течение 30 календарных дней), а также понятен механизм действий в случае неполучения сведений в соответствующий срок: инспекция уведомляет органы о непредставлении запрошенной информации, затем обжалует действия должностных лиц, в том числе в судебном порядке (п. 1 ч. 2

ст. 28 ФЗ «О пробации в РФ», пп. 79-80 Приказа Минюста № 350).

Между тем представляется, что более эффективным и оперативным было бы предусмотреть возможность заключения соглашения не только с органом управления здравоохранением, но и с конкретными медицинскими учреждениями напрямую, чтобы получение информации от таких организаций производилось более оперативно, а также для того, чтобы в соглашениях предусмотреть ряд организационных вопросов взаимодействия, например, ответственное лицо, его контактные данные. Еще одним решением по налаживанию сотрудничества уголовно-исполнительной инспекции с органом управления здравоохранением была бы разработка «дорожной карты», в которой бы описывался порядок работы с «клиентами» пробации, например, за определенной медицинской организацией был бы закреплён статус «опорного пункта», который бы координировал и направлял осуждённых в конкретное медицинское учреждение за необходимой помощью.

Тем не менее, спустя год с момента вступления в силу закона, в рамках научного исследования по гранту Российского научного фонда № 24-78-10043 было опрошено 387 сотрудников пробации на территории различных субъектов России, которым был задан вопрос о том, с какими органами/учреждениями/организациями/гражданами налажено эффективное взаимодействие в реализации (мер) исполнительной пробации. Каждый второй опрошенный из предложенного списка выбрал «медицинские организации», что позволяет прийти к выводу о постепенном решении указанной выше проблемы, связанной с отсутствием эффективного механизма взаимодействия между ними.

Рассмотрим несколько положительных примеров такого взаимодействия, выявленных в ходе проведенного исследования. Так, в Томской области сотрудник уголовно-исполнительной инспекции проконсультировал осуждённого Б. о мероприятиях, оказываемых благотворительным фондом «Томск-АнтиСПИД», а также выдал направление в ОГУЗ «Томский областной СПИД-центр». В другом субъекте – Алтайском крае – осуждённый Д. обратился за помощью в получении полиса обязательного медицинского страхования, а также за получением лечения от наркомании. Инспектор в данном случае предоставил всю необходимую информацию о порядке получения такого полиса, содействовал в оформлении документа, выдал направление в организацию «СМК РЕСО-Мед», а также было выдано направление в КГБУЗ «Алтайский краевой наркологический диспансер» для консультации, диагностики и при необходимости лечения.

Еще одной проблемой, которая возникает при реализации мероприятий по оказанию содействия в получении медицинской помощи, является правомерность получения сотрудником ФСИН доступа к сведениям, составляющим врачебную тайну (ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). Попытка решения данного вопроса была сде-

лана в Приказе Минюста № 350, утвердив образец согласия на обработку персональных данных и согласия на разглашение сведений, составляющих врачебную тайну. В п. 8 Приказа Минюста № 350 подчеркивается, что такие согласия необходимо получить при подготовке индивидуальной программы с отображением в нем информации о получении такого согласия. Вместе с тем считаем необходимым ограничить информацию, доступ к которой могут иметь сотрудники ФСИН России, исполняющие пробацию в отношении данного лица. Иначе пробация рискует превратиться в дополнительную ограничительную меру для осуждённого или освобождённого, которая вместо того, чтобы лишь содействовать в оказании помощи, она будет еще одной «надстройкой» для всестороннего контроля над жизнью «клиента». При этом положительным считаем тенденцию расширения оснований разглашения врачебной тайны в отношении педофилов после отбывания наказания, в период условно-досрочного освобождения или отбывания более мягкого вида наказания, когда такое согласие от лица вовсе не потребуется. Это стало возможным в июне 2025 г., когда вступил в силу Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 509-ФЗ «О внесении изменений в статью 16 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статью 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», отвечающий запросам обеспечения общественной безопасности.

Чаще встречаются критерии нуждаемости, относящиеся к социальной помощи. К данным критериям необходимо отнести следующие:

Необходимость содействия в получении социальной помощи, в том числе ветеранам боевых действий. Указанный критерий нуждаемости не соотносится с теми блоками индивидуальной программы, которые определены Приказом Минюста № 350, а также не совпадает с наименованием направлений ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, отраженных в форме согласия на обработку персональных данных. В указанных положениях используется формулировка «содействие в получении социальных услуг», при этом среди перечня услуг есть помощь не только в оформлении социальных выплат, но в получении временного места проживания, а также помощь в восстановлении документов, восстановлении связей с родственниками, что пересекается с другими самостоятельными одноименными критериями нуждаемости и вызывает правовую неопределенность.

Нуждаемость осуждённого в получении социальной помощи определяется наличием у осуждённого трудной жизненной ситуации, обусловленной отсутствием осведомленности о порядке получения такой социальной помощи, а также подтвержденной объективной невозможностью получить такую помощь самостоятельно. Безусловно, осуждённый должен выразить желание получить в соответствии с законом или подзаконными актами социальную помощь и должен иметь предусмотренные законом основания для ее получения (например, справка медико-социальной экспертизы, удостоверение ветерана боевых действий, судебное решение, заявление осуждённого).

При оказании такого вида помощи созданы широкие основы для применения не только федеральных законов (например, Федерального закона от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» [5]), но и региональных нормативных правовых актов. Вовлекаться в деятельность по социальной адаптации могут не только органы государственной власти РФ и субъекты, но и органы местного самоуправления, а также коммерческие и некоммерческие организации. Так, лицам, обратившимся за помощью в г. Москве, окажет помощь ГКУ «Центр социальной адаптации для лиц без определенного места жительства и занятий им. Е.П. Глинки», в г. Томске – МАУ «Центр профилактики и социальной адаптации «Семья». Это позволяет обеспечить гибкость при оказании мер, направленных на оказание социальной помощи.

Нуждаемость в предоставлении временного места пребывания была установлена только в отношении одного «клиента» пробации из 193. Нераспространенность данного критерия среди лиц, к которым применяется исполнительная пробация, объясняется тем, что в законе он отнесен к числу тех, которые могут возникнуть у лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы. Так, в ст. 27 особенно подчеркивается цель создания центров пробации – «оказание помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, в том числе в предоставлении временного места пребывания». Следовательно, осужденный, например, к наказаниям без изоляции от общества, не будет испытывать такой трудности ввиду наличия у него места проживания, при этом необходимо, чтобы недвижимость была его собственностью. Как показывает исследование, «клиенты» исполнительной пробации проживают, как правило, в квартирах своих родственников или сожителей либо в арендованном жилом помещении.

Нуждаемость в предоставлении временного места пребывания устанавливается при наличии желания лица найти место для временного пребывания, наличии у него предусмотренных законом оснований для получения такой помощи, а также наличии у лица трудной жизненной ситуации, обусловленной отсутствием места жительства или места пребывания.

Вместе с тем допускаем, что такая потребность все же может возникнуть у «клиентов» исполнительной пробации, не имеющих определенного места жительства. Тогда возникают два вопроса: где такие лица могут быть размещены; является или являлось ли отсутствие места проживания условием для совершения им преступления. Решением первого вопроса, как видится, могут заниматься центры социальной адаптации. Так, в личном деле одного осужденного было указано, что его выгнал из дома сын, следовательно, у него нет места жительства. Он обратился за помощью к сотруднику пробации, написав заявление на реализацию в отношении него исполнительной пробации. Индивидуальной программой было определено, что «клиент» был направлен в ОГБУ «Центр социальной адаптации г. Томска», где был обеспечен временным местом проживания.

Если ответ на второй вопрос о влиянии на совершение преступлений отрицательный, то справедливым было бы отказывать таким лицам в оказании содействия в предоставлении временного места пребывания, поскольку конечная цель реализации пробационных мер – снизить уровень рецидивной преступности, а не оказать всестороннее сопровождение лиц, ведь они способны самостоятельно справиться с такой ситуацией, обратившись лично без содействия сотрудника пробации. Полагаем, что решать такой вопрос лицо должно на общих для всех граждан началах путем обращения, например, в органы социальной защиты населения для получения различных социальных услуг, в том числе для получения койко-места для временного проживания. Между тем допускаем существование такой ситуации, когда потребность в получении места временного пребывания вызвана сложными семейными взаимоотношениями лиц, которые в рамках уголовного дела были признаны потерпевшим и осужденным. В таких случаях данный критерий нуждаемости должен быть подтвержден с вынесением постановления о целесообразности применения в отношении лица пробационных мер.

К социальным критериям индивидуальной нуждаемости в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, согласно п.п. 7, 13 ч. 2 Приложения № 4 к Приказу Минюста № 350, относятся также *необходимость содействия в получении государственной социальной помощи на основании социального контракта в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также необходимость содействия в социальном обслуживании*.

Указанные критерии целесообразно рассмотреть во взаимосвязи ввиду того, что их содержание составляет один общий элемент – меры социальной поддержки нуждающегося населения.

Федеральное законодательство о социальной помощи в данной части представлено в первую очередь Федеральным законом от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» [5].

Анализируя содержание ч. 1 ст. 8.1. указанного Федерального закона, приходим к выводу, что основная целевая аудитория для применения данного законодательства – это нуждающиеся социальные категории граждан. В Федеральном законе от 17.07.1999 № 178-ФЗ [5] прямо не указаны лица, проходящие пробацию, в качестве социальной категории, на которую распространяется деятельность по предоставлению соответствующей социальной помощи, однако закрепление нижней планки уровня дохода для предоставления данной социальной услуги достаточно для распространения действия ч. 1 ст. 8.1. указанного Федерального закона [5] на лиц, проходящих пробацию, поскольку основной критерий для применения данной нормы – уровень дохода, который у данной социальной категории, как правило, низкий.

Необходимость содействия в получении государственной социальной помощи на основании социального контракта является одним из самых распространенных оснований для начала исполнительной проба-

ции, поскольку 30% осужденных, обратившихся в исполнительную инспекцию с заявлением о применении в отношении них пробационных мероприятий, указывают на данный критерий нуждаемости.

Для определения востребованности социальных мер, относящихся к анализируемому критерию нуждаемости, необходимо исходить из содержания видов социальной помощи, к которым, в соответствии со ст. 12 указанного Федерального закона [5] относятся денежные выплаты, а также натуральная помощь (топливо, продукты питания и т.д.).

«Целевой аудиторией» для применения мер probationи являются осужденные к видам наказания, альтернативным лишению свободы, условно осужденные, а также освободившиеся из мест лишения свободы. Значительную долю среди них составляют лица, имеющие низкий доход, либо не имеющие дохода, находящиеся на иждивении родственников и близких.

Привлечение этих лиц к уголовной ответственности, как правило, ставит этих граждан в еще более затруднительное финансовое положение. В этот момент применение социальной помощи может являться действительно актуальным, в том числе с позиции осуществления социальной адаптации и реабилитации. В особенности это касается лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы и освободившихся условно-досрочно.

В отношении указанных лиц наиболее актуальным из предоставляемых мер видится применение таких мер социальной помощи, как единовременные социальные выплаты и выдача продуктовых наборов, одежды, обуви и иной натуральной помощи.

Результаты анкетирования сотрудников уголовно-исполнительных инспекций показали, что наиболее востребованным видом социальной помощи среди лиц, проходящих probationи, является материальная помощь, которая преимущественно выражалась в предоставлении продуктовых наборов питания, а также предметов первой необходимости и медикаментов.

В ходе анализа анкетных данных было установлено, что 13% осужденных нуждались в мерах социальной помощи, из которых 10% лиц нуждались в продуктах питания, 2% осужденных нуждались в предметах первой необходимости, 2% – в медикаментах, 4% – в единовременной выплате денежных средств, 1% осужденных нуждался в содействии в оформлении пособия по безработице и 1% – в содействии в оформлении инвалидности.

Сказанное актуализирует постановку вопроса о количественном и качественном выражении объема эффективной реализации мер социальной помощи осужденным. Когда можно считать данную меру реализованной в полном объеме? Сколько наборов продуктов, комплектов одежды, выплат нужно сделать, чтобы данная мера реально способствовала ресоциализации осужденного?

В особенности данный вопрос касается осужденных к наказанию в виде реального лишения свободы, поскольку за время отбывания наказания эти лица теряют

работу, утрачивают социальные связи, источники получения дохода.

Среди осужденных, прошедших анкетирование, 28% были осуждены к реальному лишению свободы, из которых 9% лиц нуждались в различных видах социальной помощи (преимущественно получение продуктов питания, предметов первой необходимости, медикаментов, выплат).

Согласно результатам анкетирования все перечисленные лица получили запрашиваемую помощь в полном объеме. Вместе с тем возникает вопрос: является ли разовая выплата денежных средств достаточной мерой содействия для того, чтобы освободившиеся из мест лишения свободы адаптировались к новым условиям и оказались готовы самостоятельно обеспечивать свои потребности. Представляется, что ответ на этот вопрос отрицательный.

В этой связи, не принижая необходимость реализации мер социальной поддержки, полагаем целесообразным рассмотреть вопрос о корректировке порядка реализации этих мер.

Приказ Минтруда России № 506н, Росстата № 389 от 30.09.2013 г. [6] содержит приложение к методике оценки эффективности оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта, закрепляющее перечень показателей для оценки эффективности оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта.

Особенностью этих показателей является то, что эффективность мер социальной поддержки понимается преимущественно не единовременными выплатами или иными разовыми действиями (выдача продуктов питания, одежды и т.п.), а ростом дохода лица, в отношении которого применяется социальная мера.

Представляется, что данный подход является правильным и может быть распространен и на осужденных, проходящих probationи. Действующее законодательство позволяет осуществлять предпринимательскую деятельность без образования юридических лиц и даже регистрации статуса индивидуального предпринимателя. Достаточно зарегистрировать правовой статус самозанятого и лицо может оказывать услуги/выполнять работы, систематически получая от этой деятельности доход.

Учитывая, что у осужденных часто возникают проблемы трудоустройства и далеко не всегда получается эти проблемы решить даже с помощью применяемых в отношении них мер probationи, контролируемая государством выдача денежных средств на систематической основе на протяжении относительно длительного периода времени (не единовременно) позволит решить проблему ресоциализации осужденного, поскольку, в соответствии с общепринятой позицией в науке криминологии, низкий доход в большинстве случаев и является причиной преступлений, в том числе повторных.

Не имея возможности трудоустроиться в организацию в связи с наличием судимости, лицо, имея навыки в определенных профессиях, имеет возможность офор-

мить статус самозанятого и начать осуществлять предпринимательскую деятельность. Однако и для этого необходимы денежные средства, которых у лица, попавшего в сферу пробации, может не быть. Помощь со стороны государства в таких ситуациях была бы реальной и ощутимой поддержкой, обеспечивающей достижение целей ресоциализации.

Правовую основу для реализации указанных мероприятий составляют Правила, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.11.2023 г. № 1931 [7]. Согласно п. «б» ч. 4 указанных Правил, «к социальному контракту прилагается программа социальной адаптации, предусматривающая мероприятия по осуществлению индивидуальной предпринимательской деятельности» [7].

Действующее законодательство не содержит препятствий распространения данной правовой основы на самозанятых для заключения социального контракта с целью ресоциализации осужденных, который содержательно будет предполагать выдачу денежных средств в объеме 60 000 рублей тремя платежами с интервалом в 2–3 недели. С целью контроля целевого использования денежных средств следует регламентировать следующий принцип: предоставление каждого следующего платежа возможно при условии документального подтверждения целевого использования предыдущих. Более того, в отношении такой категории, как лица, подвергнутые пробационным мерам, целесообразно установить приоритетный порядок оказания поддержки в форме социального контракта, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 13.02.2025 г. № 173.

Кроме того, взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций с образовательными организациями, коммерческими организациями, проводящими обучение, повышение квалификации, краткосрочные курсы и т.п. позволит, производя финансирование обучения, прохождение курсов, повышение квалификации, обеспечить для лиц, проходящих пробацию, возможность вернуться в трудовую и общественную деятельность.

Сказанное не исключает целесообразность единовременных выплат осужденным, выдачу продуктов питания, медикаментов и т.п. Анкетирование подтверждает высказанное выше предположение о том, что лица, попавшие в сферу уголовно-правового воздействия, для целей успешного осуществления их ресоциализации нуждаются в предметах первой необходимости, и данный аспект реализации пробационных мероприятий представляется крайне важным, поскольку отсутствие элементарных благ у лиц (в особенности тех из них, которые недавно освободились из мест лишения свободы) является мощным катализатором противоправного/преступного поведения, а следовательно, способствует росту рецидивной преступности.

Подтверждением вышеизложенному является и мнение опрошенных нами сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, из которых 30% указали в качестве наиболее эффективных мер по ресоциализации лиц, в отношении которых применяется исполнительная пробация, помощь в получении материальной поддержки.

На первый взгляд, это небольшое число (30%) в общей массе опрошенных сотрудников. Однако не следует забывать, что в числе иных пробационных мероприятий такие важнейшие для социализации меры, как содействие в трудоустройстве, в получении образования, в восстановлении документов. Поэтому признание значимости мер социальной поддержки как осужденными, так и сотрудниками уголовно-исполнительной системы, представляется высоким.

Согласно п. 11 ч. 2 Приложения № 4 к Приказу Минюста № 350, еще одним критерием нуждаемости является *необходимость содействия в получении пенсионного обеспечения*.

В силу более низкой социальной активности (в том числе преступной активности), лица, предпенсионного и пенсионного возраста составляют незначительный процент в общей массе лиц, совершивших преступления (в том числе подвергшимся пробации). Согласно результатам исследования, процент лиц, возраст которых составляет от пятидесяти восьми лет и старше, не превышает 3%. По результатам анкетирования ни одно из этих лиц не нуждалось в содействии в получении пенсионного обеспечения. Поэтому оценить реальную востребованность мероприятий, относящихся к данному критерию нуждаемости, мы можем только на основании теоретических умозаключений и предположений.

Вместе с тем известно, что лица, достигшие пенсионного возраста, достаточно часто сталкиваются с проблемами оформления пенсии. Наиболее распространены среди них: сложности с подтверждением стажа работы в различных организациях в отсутствие сохраненных документов; подтверждение работы в особых, вредных условиях; ошибки и опечатки в документах (трудовых книжках и т.п.). Нередко лица, выходящие на пенсию, вынуждены обращаться в юридические компании по подобным вопросам, поскольку единственным путем для восстановления своих пенсионных прав в данном случае является судебный порядок.

Представляется, что выход в подобных ситуациях возможен, как минимум, в двух вариантах.

Во-первых, в порядке межведомственного взаимодействия с пенсионным фондом, архивными организациями, ФНС, органами статистики и т.д. уголовно-исполнительные инспекции могут собрать необходимый и достаточный пакет документов для подтверждения пенсионных прав осужденного.

Во-вторых, в ситуации, когда документов объективно недостаточно для принятия решения пенсионным фондом, уголовно-исполнительные инспекции могут выполнить координационную функцию в порядке взаимодействия осужденных с органами и организациями социальной защиты, а также юридическими компаниями, которая будет выражаться в оценке судебных перспектив и содействии в подаче искового заявления в суд. В случае взаимодействия с коммерческими организациями необходимо будет осуществлять реализацию мер социальной поддержки в части оплаты услуг профессиональных юристов.

Изложенные меры могли бы значительно упростить осужденным реализацию их пенсионных прав,

поскольку оплатить юридические услуги по сбору необходимых документов и тем более по представлению интересов в судах могут себе позволить далеко не все лица пенсионного возраста, даже не попавшие в сферу уголовной репрессии.

Следующим анализируемым критерием, охватывающим социальную помощь «клиентам» пробации, является *формирование, восстановление либо укрепление семейных и социальных связей*. Проведенное исследование показывает, что за такой помощью обратились только 1% изученных осужденных, которые находились на исполнительной и постпенитенциарной пробации одновременно, освободились из мест лишения свободы и утратили социально-полезные связи со своей семьей.

Восстановление социально-полезных связей осужденных имеет целью формирование новой системы установок, норм и ценностей, соответствующих навыков социального поведения, сохранения, повышения социального статуса лиц, в отношении которых осуществляется пробация. Проведенное исследование показывает, что уголовно-исполнительные инспекции в соответствии с пунктом 70 Приложения № 1 к Приказу Минюста России № 350 [3] оказывают содействие в укреплении социальных связей с семьей, родственниками, лицами, оказывающими положительное влияние на поведение лиц, в отношении которых осуществляется пробация, трудовыми коллективами и организациями, осуществляющими образовательную деятельность, некоммерческими организациями, в розыске родственников и иных лиц.

Нуждаемость осужденного в формировании, восстановлении либо укреплении семейных и социальных связей обусловлена наличием у него трудной жизненной ситуации, а также желанием в соответствии с законом или подзаконными актами сформировать, восстановить либо укрепить семейные и социальные связи. Для этого инспектор отдела пробации должен провести опрос лица, обратившегося с заявлением об оказании содействия. В ходе такого опроса выясняется ряд обстоятельств. Во-первых, имеет ли данное лицо, по его мнению, основание для формирования, восстановления или укрепления семейных и социальных связей с указанными им лицами. Указанное основание должно быть подтверждено соответствующими документами: документом, удостоверяющим личность; документом, подтверждающим место жительства и (или) пребывания, фактического проживания; документом, подтверждающим наличие семейных или иных социальных отношений с указанными лицами (свидетельство о рождении, свидетельство о браке, свидетельство о расторжении брака и т.п.). Во-вторых, инспектору пробации следует уточнить, обладает ли заявитель какими-либо данными о местонахождении указанных им лиц. Если у заявителя не имеется указанных документов и данных, то следует установить причину их неполучения или утраты, а также лицо, у которого они могут находиться. В-третьих, очень важно выяснить, в каких отношениях заявитель находился и сейчас находится с указанными им лицами.

На основании полученной от заявителя информации и представленных документов делается вывод

о наличии у лица, обратившегося с заявлением о содействии, индивидуальной нуждаемости в формировании, восстановлении либо укреплении семейных и социальных связей.

При оказании содействия в формировании, восстановлении либо укреплении семейных и социальных связей следует учитывать положения действующего законодательства [8–13], указывающие на то, что правом получить конфиденциальные персональные данные обладает субъект персональных данных, а после его смерти – его наследники. Исключения предусматриваются законодательством о государственной тайне [14], об оперативно-розыскной деятельности [15], о Федеральной службе безопасности в Российской Федерации [16]. Исходя из этого, инспектор отдела пробации обязан ознакомить заявителя с вышеперечисленными нормативными правовыми актами.

Результаты проведенного нами исследования совпадают с выводами других ученых [17. С. 280] и свидетельствуют о том, что, как правило, рассматриваемое содействие заявителю оказать не удастся на основании ст. 7 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [8], поскольку в подавляющем большинстве случаев лица, с которыми клиент пробации планирует сформировать, восстановить либо укрепить семейные или социальные связи, отказываются от каких-либо контактов с ним в связи с его противоправным и аморальным поведением в прошлом, возражают против передачи своих персональных данных заявителю.

В то же время встречаются ситуации, когда, например, заявитель, который не лишен родительских прав, желает восстановить связь со своим ребенком, но бывший супруг заявителя, с которым проживает ребенок, отказывается от этого. Получив такую информацию, инспектор отдела пробации, как представляется, должен сообщить об этом клиенту пробации, разъяснить требования ст. 7 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [8] и не вправе передать заявителю информацию, относящуюся к персональным данным бывшего супруга и их совместного ребенка. В таком случае инспектор отдела пробации может только разъяснить клиенту пробации его право указать в заявлении об оказании содействия другой критерий нуждаемости – «необходимость консультирования по социальным и правовым вопросам» и уже в рамках данного вида содействия разъяснить лицу его право обратиться в органы опеки или в суд для решения вопроса о порядке общения с ребенком. При наличии желания клиента пробации на оказание ему такого содействия инспектор отдела пробации должен выполнить комплекс мероприятий по оценке данного критерия нуждаемости и направить в соответствующие органы, учреждения, организации, которые ему окажут соответствующую помощь.

Необходимость содействия в получении пособия по безработице. Признаки нуждаемости лица, обратившегося за содействием в рамках исполнительной пробации за оказанием содействия в получении пособия по безработице, предусмотрены Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [1]; Приложением № 4 к приказу Минюста

России № 350 [3] и определяются в статье 46 Федерального закона от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» [18].

Проведенное исследование показывает, что для определения и оценки индивидуальной нуждаемости заявителя в необходимости содействия в получении пособия по безработице инспектор отдела пробации проводит опрос лица, обратившегося с заявлением об оказании содействия. В ходе этого опроса выясняет наличие оснований для получения пособия по безработице, а также документов, которыми данное лицо может подтвердить его наличие. Далее инспектор пробации направляет запрос в органы государственной службы занятости населения с просьбой предоставить информацию о наличии у лица, обратившегося с заявлением о содействии, предусмотренных законом оснований для получения пособия по безработице. После этого направляет заявителя в соответствующий орган государственной службы занятости.

Анкетирование 1209 «клиентов» исполнительной пробации, проведенное по гранту Российского научного фонда № 24-78-10043, показало, что большинству (71%) довольно быстро и своевременно оказали помощь. Однако на вопрос о том, что лицу в пробации не понравилось, ответили так: «долго ждал ответа на запросы», «сложно найти подходящую работу в ЦЗН, в итоге нашел работу сам», «надо заполнять много документов», «много времени уходит на оформление документов», «пришлось ездить самому в организацию, но живу далеко от районного центра, нет возможности ездить», «можно было справиться самой»/«проблему возможно решить самостоятельно», «ничего не понравилось», «не было ничего особенного». Как представляется, именно поэтому за таким видом содействия обращается только 1% лиц, участвующих в пробации.

Последним, четырнадцатым критерием индивидуальной нуждаемости является «необходимость в получении иной помощи». Проведенное исследование свидетельствует о том, что из всех лиц, в отношении которых начато применение пробации в 2024 г., от 5 до 8,3% (в зависимости от региона) указали на необходимость содействия в получении иной помощи. К иной помощи относятся все иные виды помощи, которые не предусмотрены другими критериями нуждаемости «клиента» пробации [19. С. 29]. Категория «необходимость в получении иной помощи» носит открытый характер, но всегда обусловлена наличием у заявителя трудной жизненной ситуации и права на получение соответствующей помощи. Поэтому инспектор отдела пробации проводит опрос лица, обратившегося с заяв-

лением об оказании содействия, в ходе которого выясняет вид помощи, которую необходимо оказать лицу, наличие у него трудной жизненной ситуации, а также права на получение этой помощи, которые подтверждаются соответствующими документами. Далее инспектор отдела пробации направляет запрос в соответствующий орган власти, учреждение, организацию, на которые действующим законодательством возложена обязанность оказания этой помощи.

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о том, что содержание некоторых критериев нуждаемости клиента пробации частично пересекается. Если к этому добавить результаты анкетирования 387 специализированных субъектов (сотрудников уголовно-исполнительных инспекций), в полномочия которых входила реализация исполнительной пробации, 84% из которых отметили наиболее ощутимые негативные последствия от увеличения нагрузки, связанной с реализацией исполнительной пробации (увеличение отчетности, дополнительный документооборот, отсутствие должного технического обеспечения), а также то, что предполагаемое этими критериями содействие осуществляется Социальным фондом России, то не приходится сомневаться в необходимости объединения таких критериев нуждаемости, как «необходимость содействия в формировании, восстановлении либо укреплении семейных и социальных связей», «необходимость содействия в получении государственной социальной помощи на основании социального контракта в соответствии с законодательством Российской Федерации», «необходимость содействия в получении пенсионного обеспечения», «нуждаемость в предоставлении временного места пребывания», «необходимость содействия в получении социальной помощи, в том числе ветеранам боевых действий» в один критерий – «необходимость содействия в получении социального обеспечения».

Если учитывать, что около трети (32%) сотрудников отделов пробации отмечают такие недостатки в работе с «клиентами» пробации, как нежелание самих осужденных, их негативный настрой, нежелание официально трудоустроиться, нежелание являться в органы занятости без уважительных причин и ряд других, то можно предположить необходимость именно индивидуального сопровождения лиц, обратившихся с заявлением о содействии в рамках пробации. Реализация такого индивидуального сопровождения, как отмечается в научной литературе, невозможна без взаимодействия субъектов пробации с институтами гражданского общества [20. С. 71–79].

Список источников

1. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
3. Приказ Минюста России от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 «О пробации в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
4. Приказ Минздрава России от 07.12.2023 N 663н «Об утверждении формы и порядка заключения типового соглашения о взаимодействии органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере охраны здоровья с учреждениями уголовно-исполнительной системы по вопросам применения пробации» // СПС «Консультант Плюс».
5. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» // СПС «Консультант Плюс».

6. Приказ Минтруда России № 506н, Росстата № 389 от 30.09.2013 г. «Об утверждении методики оценки эффективности оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта» // СПС «Консультант Плюс».
7. Правила оказания субъектами Российской Федерации на условиях софинансирования из федерального бюджета государственной социальной помощи на основании социального контракта в части, не определенной федеральным законом «О государственной социальной помощи», утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.11.2023 г. № 1931 // СПС «Консультант Плюс».
8. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «Консультант Плюс».
9. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СПС «Консультант Плюс».
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.07.2004 № 290 «О Федеральном архивном агентстве» // СПС «Консультант Плюс».
11. Административный регламент по предоставлению государственной услуги регистрации актов гражданского состояния органами, осуществляющими государственную регистрацию актов гражданского состояния на территории Российской Федерации, утвержденный приказом Минюста России от 28 декабря 2018 года № 307 // СПС «Консультант Плюс».
12. Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по предоставлению адресно-справочной информации, утвержденный приказом МВД России от 23 декабря 2022 года № 984 // СПС «Консультант Плюс».
13. Административный регламент по предоставлению Федеральным архивным агентством государственной услуги «Организация информационного обеспечения граждан, органов государственной власти, местного самоуправления, организаций и общественных объединений на основе документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов», утвержденный приказом Министерства культуры Российской Федерации от 21.05.2009 № 271 // СПС «Консультант Плюс».
14. Закон РФ «О государственной тайне» от 21.07.1993 г. № 5485-1 // СПС «Консультант Плюс».
15. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
16. Федеральный закон «О Федеральной службе безопасности» от 03.04.1995 № 40-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
17. Бабаян С.Л., Устинов А.А. Оказание содействия в восстановлении и укреплении социальных связей лицам, в отношении которых применяется probation: правовые и организационные вопросы // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 279–288. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.007
18. Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
19. Ольховик Н.В. Критерии нуждаемости клиента probation и их оценка // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 1. С. 25–31.
20. Ольховик Н.В. Предмет, механизмы и правовые основы взаимодействия субъектов probation с институтами гражданского общества // Вестник Кузбасского института. 2023. № 1 (54). С. 71–79.

References

1. Russian Federation. (2023) *Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023, "On Probation in the Russian Federation"*. ConsultantPlus. (In Russian).
2. Russian Federation. (2011) *Federal Law No. 323-FZ of November 21, 2011, "On the Fundamentals of Public Health Protection in the Russian Federation"*. ConsultantPlus. (In Russian).
3. Ministry of Justice of the Russian Federation. (2023) *Order of the Ministry of Justice of Russia No. 350 of November 29, 2023, "On Resocialization, Social Adaptation and Social Rehabilitation of Persons Subject to Probation in Accordance with the Federal Law of February 6, 2023 'On Probation in the Russian Federation'"*. ConsultantPlus. (In Russian).
4. Ministry of Health of the Russian Federation. (2023) *Order of the Ministry of Health of Russia No. 663n of December 7, 2023, "On Approval of the Form and Procedure for Concluding a Standard Agreement on Interaction between Executive Authorities of the Subjects of the Russian Federation in the Field of Health Care and Institutions of the Penitentiary System on the Application of Probation"*. ConsultantPlus. (In Russian).
5. Russian Federation. (1999) *Federal Law No. 178-FZ of July 17, 1999, "On State Social Assistance"*. ConsultantPlus. (In Russian).
6. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation & Federal State Statistics Service. (2013) *Joint Order of the Ministry of Labor of Russia No. 506n and Rosstat No. 389 of September 30, 2013, "On Approval of the Methodology for Assessing the Effectiveness of Providing State Social Assistance on the Basis of a Social Contract"*. ConsultantPlus. (In Russian).
7. Government of the Russian Federation. (2023) *Rules for the Provision by Subjects of the Russian Federation, on the Terms of Co-Financing from the Federal Budget, of State Social Assistance on the Basis of a Social Contract in the Part Not Defined by the Federal Law "On State Social Assistance", approved by Decree of the Government of the Russian Federation No. 1931 of November 16, 2023*. ConsultantPlus. (In Russian).
8. Russian Federation. (2006) *Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006, "On Personal Data"*. ConsultantPlus. (In Russian).
9. Russian Federation. (2010) *Federal Law No. 210-FZ of July 27, 2010, "On the Organization of the Provision of State and Municipal Services"*. ConsultantPlus. (In Russian).
10. Government of the Russian Federation. (2004) *Decree of the Government of the Russian Federation No. 290 of July 17, 2004, "On the Federal Archival Agency"*. ConsultantPlus. (In Russian).
11. Ministry of Justice of the Russian Federation. (2018) *Administrative Regulations for the Provision of the State Service of Registration of Civil Status Acts by Bodies Carrying Out State Registration of Civil Status Acts on the Territory of the Russian Federation, approved by Order of the Ministry of Justice of Russia No. 307 of December 28, 2018*. ConsultantPlus. (In Russian).
12. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2022) *Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Provision of the State Service of Providing Address and Reference Information, approved by Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 984 of December 23, 2022*. ConsultantPlus. (In Russian).
13. Ministry of Culture of the Russian Federation. (2009) *Administrative Regulations for the Provision by the Federal Archival Agency of the State Service "Organization of Information Support for Citizens, State Authorities, Local Self-Government Bodies, Organizations and Public Associations on the Basis of Documents of the Archival Fund of the Russian Federation and Other Archival Documents", approved by Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation No. 271 of May 21, 2009*. ConsultantPlus. (In Russian).
14. Russian Federation. (1993) *Law of the Russian Federation No. 5485-1 of July 21, 1993, "On State Secrets"*. ConsultantPlus. (In Russian).
15. Russian Federation. (1995) *Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995, "On Operational-Search Activity"*. ConsultantPlus. (In Russian).
16. Russian Federation. (1995) *Federal Law No. 40-FZ of April 3, 1995, "On the Federal Security Service"*. ConsultantPlus. (In Russian).
17. Babayan, S.L. & Ustinov, A.A. (2024) *Okazanie soдействия v vosstanovlenii i ukreplenii sotsialnykh svyazey litsam, v otnoshenii kotorykh primenyaetsya probatsiya: pravovye i organizatsionnye voprosy [Assistance in Restoring and Strengthening Social Ties for Persons Subject to Probation: Legal and Organizational Issues]*. *Penitentsiarnaya nauka*. 18 (3). pp. 279–288. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.007
18. Russian Federation. (1991) *Law of the Russian Federation "On Employment in the Russian Federation"*. ConsultantPlus. (In Russian).
19. Olkhovik, N.V. (2025) *Kriterii nuzhdaemosti klienta probatsii i ikh otsenka [Criteria for the Need of a Probation Client and Their Assessment]*. *Soyuz kriminalistov i kriminologov*. 1. pp. 25–31.

20. Olkhovik, N.V. (2023) Predmet, mekhanizmy i pravovye osnovy vzaimodeystviya sub"ektov probatsii s institutami grazhdanskogo obshchestva [Subject, Mechanisms and Legal Foundations of Interaction between Probation Subjects and Civil Society Institutions]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 1 (54). pp. 71–79.

Информация об авторах:

Агабекян А.Л. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия).

E-mail: AllaAgabekyan@yandex.ru

Долматов А.О. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: adeostomsk@gmail.com

Ольховик Н.В. – канд. юрид. наук, зав. кафедрой уголовного права, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России (Москва, Россия).

E-mail: lawtsu@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.L. Agabekyan, Cand. Sci. (Law), associate professor, senior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: AllaAgabekyan@yandex.ru

A.O. Dolmatov, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: adeostomsk@gmail.com

N.V. Olkhovik, Cand. Sci. (Law), head of the Criminal Law Department, senior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lawtsu@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.05.2025;
одобрена после рецензирования 14.05.2025; принята к публикации 30.06.2025.*

*The article was submitted 02.05.2025;
approved after reviewing 14.05.2025; accepted for publication 30.06.2025.*

Научная статья
УДК 343.2./7
doi: 10.17223/15617793/515/25

Характеристика личности иностранного агента

Адам Адамович Долгиев¹

¹ Ассоциация юристов России, Москва, Россия, law-journal@internet.ru

Аннотация. Исследована уголовно-правовая и криминологическая характеристика личности иностранного агента как субъекта преступления, его мотивация, основанная на иностранном влиянии (иностранном сотрудничестве). Сделан вывод о глубоком характере его пренебрежения к государственной власти, сложности его мотивов на фоне внешнего благополучия, формирующих осознанность и стремление в действиях и наступающих от них последствий.

Ключевые слова: физическое лицо – иностранный агент, уголовная ответственность иностранных агентов, иностранное влияние, иностранное сотрудничество, криминологическая характеристика личности, государственная измена, конфиденциальное сотрудничество с иностранными спецслужбами, уголовная политика в сфере безопасности государства

Для цитирования: Долгиев А.А. Характеристика личности иностранного агента // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 216–220. doi: 10.17223/15617793/515/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/25

Characterization of the identity of a foreign agent as the subject of a crime

Adam A. Dolgiev¹

¹ Association of Lawyers of Russia, Moscow, Russian Federation, law-journal@internet.ru

Abstract. In this article, the author examines the criminal-legal characteristics of the identity of a foreign agent as the subject of a crime under Article 330.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The study of the identity of a foreign agent allows answering the question of what motivates such a person to commit a second or repeated offense, and then a crime (taking into account prejudice) in the context of a tendency to regress in international legal relations, as well as to identify preventive measures. A new phenomenon for the legal system and society is foreign influence, which shapes political and public thought contrary to the interests of the state, and is not only unexpected, but also widespread and viable. No criminal offense, especially in the field of state security and the preservation of the constitutional order, is committed by itself without a reason and grounds. The formation of criminal behavior of a foreign agent, oriented from the outside, is the result of the activities of foreign influence (foreign sources), which have strictly defined goals, both explicitly stated and veiled. The methodological basis of the research is the application of general and special scientific methods of cognition, including the formal-legal one and the method of legal statistics. The author comes to the conclusion that the standard personality portrait of a foreign agent is characterized as follows: it is a sane individual (regardless of citizenship) who has a higher education (academic degree), high intelligence and organizational skills, possesses authority and fame, sociability and skills to gain self-confidence. This applies to the obvious signs of the identity of a foreign agent. Negative psychological characteristics of a person can be attributed to hidden signs, since actions contrary to the interests of the state, society and individuals who may suffer from the activities of a foreign agent express their disregard for the norms of the law. The basis of such neglect is one's own moral guidelines, built on achieving personal goals and obtaining benefits or rewards. The criminal-legal characterization of the identity of a foreign agent who commits a crime repeatedly indicates their increased public danger and depends on the social conditions conducive to the continuation of illegal activities. Identifying such conditions is a criminological task in order to study the personality traits of a criminal – a foreign agent who distinguishes him from law-abiding citizens. Based on existing law enforcement practice, such conditions include the development of digital communications and the purpose of their use by certain individuals. Thus, questions concerning the characterization of the identity of a foreign agent as the subject of a crime are important for the science of law, as they help to identify factors contributing to the commission of crimes and determine the directions of criminal policy in the field of countering foreign influence.

Keywords: individual as foreign agent, criminal liability foreign agents, foreign influence, foreign cooperation, criminological characteristics of person, high treason, confidential cooperation with foreign special services, criminal policy in state security

For citation: Dolgiev, A.A. (2025) Characterization of the identity of a foreign agent as the subject of a crime. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 216–220. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/25

Понять личность субъекта преступления, его поведение можно только посредством основательного исследования его социально-демографических, нравственных и психологических характеристик, механизмов и мотивов его поведения, а также той среды, в которую включен индивид, и этот анализ не может быть получен только путем обобщения научных работ и уголовных дел [1. С. 9]. В теории уголовного права в самом обобщенном смысле личность преступника как понятие включает в себя совокупность определенных свойств и качеств человека, являющихся причинами и условиями совершения им различных преступлений.

Отечественное уголовное законодательство за последние несколько лет значительно обновилось, введена ответственность за преступления, которых ранее уголовный закон не содержал, появилось некоторое количество преюдициальных норм, и в том числе уголовная ответственность за уклонение от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством Российской Федерации об иностранных агентах¹ (ст. 330.1 Уголовного кодекса Российской Федерации – далее УК РФ), а с учетом изменений, внесенных в УК РФ в 2022 г., перед наукой права предстал совершенно новый субъект преступления: физическое лицо – иностранный агент. Изучение личности иностранного агента с криминологической точки зрения было бы весьма интересным и актуальным, однако в настоящее время вопрос о структуре и содержании этого вида преступности ввиду недолгого периода его существования не позволит выявить как элементы криминологической характеристики преступлений, так и их соотношения с криминологической характеристикой личности. В этой связи, понимая явную значимость такого исследования в будущем, обратимся к изучению личности иностранных агентов с уголовно-правовой точки зрения как субъектов преступления, выявив при этом и основные криминологические характеристики личности преступника.

История изучения личности правонарушителя в российской науке ведется не одно столетие, и основной целью таких исследований в дореволюционный и советский периоды являлись необходимость индивидуализации наказания и классификация осужденных [2. С. 8]. В современном праве понимание механизмов поведения преступника предполагает изучение особенностей лиц, совершивших криминальные деяния, так как субъект, наделенный свободой воли и выбора, способен регулировать свои действия в зависимости от ситуации [3. С. 66]. Исследованиям в разное время подвергались свойственные правонарушителям ценностные ориентации, особенности правосознания, системы интересов и потребностей, самооценка, уровень притязаний, механизмы психологической защиты и самооправдания. В итоге было выработано единое мнение, что отличие личности преступника от неправопорядочника определяют не отдельные качества личности, а их совокупность [3. С. 68], влияющая на закономерность или случайность принятия решения о совершении преступления. В науке права о необходимости обращения к психологическим аспектам для правового анализа как деяния, так и субъекта говорили многие авторы,

однако далеко не всегда психологические принципы применимы к исключительно правовым категориям, таким как мотив и цель.

Уголовно-релевантные свойства личности иностранного агента в структурно-функциональной организации противоправного поведения состоят в первую очередь из особенностей саморегуляции такого субъекта и его мотивации. При этом стоит отметить, что одни и те же действия могут побуждаться различными мотивами, а неосознанность или слабая осознанность не означает неспособность субъекта руководить своим поведением.

Исследование личности иностранного агента позволяет ответить на вопрос о том, что побуждает такое лицо на совершение повторного или неоднократного правонарушения, а потом и преступления (с учетом преюдиции) в условиях тенденции к регрессу международных правоотношений, а также выявить меры профилактического и превентивного воздействия.

Новое для правовой системы и общества явление – иностранное влияние, которое формирует политическую и общественную мысль вопреки интересам государства, является не только неожиданным, а более того, массовым и жизнеспособным. Изначальное включение в уголовный закон норм об уголовной ответственности иностранных агентов было воспринято неоднозначно в отечественной юридической литературе и очень агрессивно в международном сообществе. Взгляд Российской Федерации на собственное уголовное законодательство получил критику со стороны иностранных правительств, а также от признанных международно-правовых институтов [4. С. 26–31].

Вместе с тем ни одно криминальное посягательство, особенно в сфере государственной безопасности и сохранения конституционного строя, не совершается само по себе без повода и оснований. Формирование криминального поведения иностранного агента, ориентированного извне, – это результат деятельности иностранного влияния (иностраных источников), имеющего строго определенные цели, как прямо обозначенные, так и завуалированные.

Российская Федерация, как и многие страны мира, возвела юридические и организационные барьеры для прямой деятельности некоммерческих организаций, функционирующих вопреки интересам страны, существенно ограничив возможности получения ими иностранного финансирования, поскольку такая деятельность изначально продвигает иностранные интересы. При этом активное участие физических лиц (как граждан Российской Федерации, так и иностранных граждан и лиц без гражданства) в политической оппозиции ранее не проверялось на иностранное финансирование и законодательно никак не регулировалось.

Обвинения государственной власти в преследовании за инакомыслие и в нарушении прав человека по прошествии времени перестали быть такими активными, поскольку многие лица, которые были названы иностранными агентами за получение финансирования из-за рубежа, своей деятельностью не смогли доказать обратного, в том числе и через обращения в судебные инстанции.

Стоит отметить, что политические манипуляции общественным мнением со стороны отдельных физических лиц, как использующих свой авторитет и узнаваемость, так и прикрывающихся правозащитной или журналистской деятельностью, в случае признания их иностранными агентами, потенциально подрывают доверие общественности к их деятельности. Криминализация иностранного финансирования в любом виде в соответствии с Законом об иностранных агентах в России – это пример выраженного противодействия угрозам государственной безопасности. Причем расширение сферы применения закона ко всем лицам, находящимся не только под иностранным финансированием, но и под иностранным влиянием любого вида, обоснованно дополнено новым видом деятельности: целенаправленным сбором информации в области военной и военно-технической деятельности.

Согласно криминологической теории личность преступника в первую очередь определяется его антиобщественной деятельностью и взглядами, пренебрежением к нормам закона и морали, удовлетворением собственных интересов, в том числе и обогащением. Однако иностранный агент в качестве преступника выбивается из общей массы привычных отечественному юридическому сообществу криминальных элементов, поскольку он может и не иметь антиобщественных взглядов и быть совершенно законопослушным гражданином. Преступления, связанные с уклонением от исполнения так называемых обязанностей иностранного агента, включены законодателем в гл. 32 УК РФ. Преступления против порядка управления раздела преступлений против государственной власти, а значит субъект такого преступления должен осознавать масштаб угрозы, которую он создает своей деятельностью не конкретной личности или организации, а государственной власти в целом.

Лица, которые совершают преступления против государственной власти, конечно могут обладать различными характеристиками, также, как и лица, совершающие преступления против порядка управления, их статус не всегда одинаков и равнозначен, при этом статус иностранного агента позволяет выделить данных субъектов и обособить их ввиду специфических и индивидуальных признаков, которые не присущи иным субъектам преступлений.

Так, в частности, определенные высокоинтеллектуальные виды преступлений, по мнению многих исследователей, совершаются лицами, имеющими высшее образование, значимое положение в обществе, обладающими способностями тщательного планирования преступления и сокрытия его следов [5. С. 115–118]. Все эти общие признаки, безусловно, можно применить и к иностранным агентам, так как их наличие позволяет сформировать условия для совершения преступления. Однако для выявления специальных признаков субъекта преступления необходимо более подробное (насколько это возможно) исследование преступности иностранных агентов. Для начала необходимо обратить внимание на механизмы признания лица иностранным агентом, поскольку только после

этого могут наступить правовые и в том числе уголовно-правовые последствия для данного лица и вовлечь его в правоотношения, предусмотренные Законом об иностранных агентах.

Как нами указывалось выше, признание лица иностранным агентом имеет главной целью пресечение иностранного влияния на принятие государственных решений, а также противодействие скрытому вмешательству во внутреннюю политику страны. Такие лица, независимо от гражданства, включаются в Реестр иностранных агентов, после чего их деятельность обременяется различными обязанностями в целях большей прозрачности своей деятельности и ответственностью за их нарушения.

Статус иностранного агента присваивается лицам не просто за политические взгляды и убеждения, не совпадающие с общегосударственными. Наличие собственных политических взглядов хотя и предполагается при занятии политической деятельностью, однако не любая такая деятельность может стать объектом правоотношений, регулируемых Законом об иностранных агентах.

Основным признаком политической деятельности иностранного агента является получение им поддержки от иностранного источника. Это может быть не только денежное или иное материальное вознаграждение. К такой поддержке отнесены организационно-методическая или научно-техническая помощь, влияние в иных формах, а также воздействие путем принуждения. В науке высказано мнение, что таковыми могут быть и обещания в будущем оказать поддержку и содействие, в том числе в переезде за рубеж, предоставление места работы и нового гражданства [6. С. 67–76]. Кроме того, к деятельности иностранного агента отнесены распространение сообщений и материалов посредством любых средств коммуникаций, сбор сведений в области военной и военно-технической деятельности, а также финансирование этих видов деятельности.

Таким образом, специальными и обязательными признаками иностранного агента как субъекта преступления является осуществление им строго обозначенных видов деятельности, при этом наличие определенных политических взглядов к обязательным признакам субъекта преступления не относится, так как мотивы лица являются более широкими и не ограничены исключительно внутренними убеждениями.

Мотивы и цели иностранного агента, на наш взгляд, являются наиболее значимыми для анализа характеристики субъекта преступления, поскольку они могут быть обусловлены в равной степени как отсутствием политических взглядов и наличием корыстной заинтересованности, так и их наличием при отсутствии вознаграждения. То есть первоопределяющим в мотивах иностранного агента является его самоцель и желание находиться под иностранным влиянием, осознание этого и стремление влиять на внутригосударственные решения в интересах иностранных правительств и организаций.

Данные действия по мотивам можно было бы сравнить с сотрудничеством на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо

иностранной организацией (ст. 275.1 УК РФ) или государственной изменой (ст. 275 УК РФ), поскольку в указанных случаях также обязательным признаком субъекта является осознание им характера своих антигосударственных действий. Однако, если субъектом преступлений, предусмотренных ст. 275 и 275.1 УК РФ может являться любое лицо, то субъектом преступления, предусмотренного ст. 330.1 УК РФ – только лицо, официально признанное иностранным агентом.

Согласно судебной статистике, приговоры по ст. 330.1 УК РФ за уклонение от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством об иностранных агентах, носят единичный характер, в отличие от административной ответственности (в первом полугодии 2024 г. в суды поступило 318 материалов по ст. 19.34 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации и назначено 252 штрафа, в 2023 г. – назначено 368 штрафов)². Из анализа Реестра иностранных агентов³ на момент подготовки данного исследования следует, что в нем содержится 895 иностранных агентов, более половины из которых физические лица, имеющие неплохую репутацию, социальные позиции в обществе, достойные финансовые условия и иные признаки благополучия. При этом они обладают лидерскими качествами и авторитетом в определенных кругах.

На основе анализа действующей более двух лет административной и уголовной ответственности иностранных агентов можно сделать вывод о том, что стандартный портрет личности иностранного агента характеризуется следующим образом: это физическое вменяемое лицо (независимо от наличия гражданства), имеющее высшее образование (ученую степень), высокий интеллект и организационные навыки, обладающее авторитетом и известностью, коммуникабельностью и навыками расположения доверия к себе. Это что касается явных признаков личности иностранного агента. К скрытым же признакам можно отнести отрицательные психологические характеристики личности, так как действия вопреки интересам государства, общества и отдельных лиц, которые могут пострадать от деятельности иностранного агента, выражают его пренебрежение к нормам закона. Основой такого пренебрежения являются собственные морально-нравственные ориентиры, построенные на достижении личных целей и получении выгоды или вознаграждения.

Уголовно-правовая характеристика личности иностранного агента, совершающего преступление повторно, свидетельствует о его повышенной общественной опасности и зависит от социальных условий, способствующих продолжению противоправной деятельности. Выявление таких условий составляет криминологическую задачу в целях изучения признаков личности преступника – иностранного агента, отличающих его от законопослушных граждан. К таким условиям на основе имеющейся правоприменительной практики можно отнести развитие цифровых коммуникаций и цели их использования определенными лицами.

Политическая и иная, находящаяся под иностранным влиянием, деятельность иностранного агента мо-

жет быть как публичной, так и скрытой, что существенно осложняет доказанность факта вовлеченности иностранных источников в такую деятельность. При этом для выяснения причин, побуждающих лицо действовать вопреки интересам России, можно применить классическую криминологическую типологизацию личности преступника по содержанию преступной мотивации, которая может быть политической, корыстной, насильственно-эгоистической, анархически-индивидуалистической, легкомысленно-безответственной [7. С. 184–190]. Проанализировав все указанные типы мотивации, сложно определить какой-либо один из названных применительно к мотивам личности иностранного агента, так как такое лицо может иметь как один из названных мотивов, так и все вместе взятые. Вместе с тем можно точно утверждать, что иностранный агент при любой мотивации осознает, что основой его действий является иностранное влияние (иностранное сотрудничество), даже если он совершает действия самостоятельно и по собственной инициативе.

Субъективные причины, по которым лицо добровольно или под принуждением соглашается действовать против интересов государства, также имеют значение для выработки превентивных мер и профилактики правонарушений иностранных агентов. По мнению автора, уголовно-правовые репрессии, применяемые законодателем в современных условиях де-факто военного времени, сформировали правовое поле, в рамках которого деятельность иностранных агентов носит малоэффективный характер, и любые публичные заявления и политическая агитация рассматриваются обществом через призму патриотизма. Это дает возможность государственным органам своевременно включать в число иностранных агентов конкретных лиц в случае выявления иностранной ангажированности и обозначать их деятельность как находящуюся под иностранным влиянием. При этом, как следует из приведенной статистики, число привлекаемых к ответственности за уклонение от исполнения обязанностей иностранных агентов растет, а, следовательно, над причинами и условиями совершения такого рода деяний необходимо работать дальше.

Первым этапом профилактики преступности иностранных агентов является составление личностного портрета иностранного агента с присущими ему специальными свойствами и признаками, после чего необходимо исследование профессиональной среды, в которой действует иностранный агент для исключения условий для его функционирования и минимизации негативных последствий.

Таким образом, вопросы, касающиеся характеристики личности иностранного агента как субъекта преступления имеют важное значение для науки права, так как помогают обнаружить факторы, способствующие совершению преступлений и определению направлений уголовной политики в сфере противодействия иностранному влиянию. На основе выявленных личностных качеств и свойств иностранного агента можно сделать вывод о глубоком характере его пренебрежения к государственной власти, сложности его

мотивации на фоне внешнего благополучия и благопристойной репутации.

Именно такое сочетание качеств и свойств личности иностранного агента формирует его осознанность и стремление в действиях и наступающих от них последствиях. При этом специально следует оговорить, что пренебрежение иностранного агента к государственной власти, а не непосредственно к

государству и народу не исключает его ответственности, так как действия вопреки интересам власти напрямую влияют на качество и уровень жизни общества.

В свою очередь исключение фактов повторного совершения правонарушений и преступлений должно основываться на наказании, назначаемом за их совершение.

Примечания

- ¹ Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ (ред. от 15.05.2024) «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) здесь и далее – Закон об иностранных агентах.
- ² Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.12.2024).
- ³ Реестр иностранных агентов // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://www.minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryan-pukh-agentov/> (дата обращения: 01.12.2024).

Список источников

1. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 366 с.
2. Бехтерев Ю.Ю. Изучение личности осужденного: (История, задачи, методика и техника). М. : Изд-во Нар. ком. внутр. дел. РСФСР, 1928. 72 с.
3. Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия (экспертная типология и судебно-психологическая оценка). М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. 192 с.
4. Бирюков П.Н. Венецианская комиссия и Россия: оценка законодательства об иностранных агентах // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2021. Т. 8, № 4. С. 26–31.
5. Ковалева Ю.А. Личность преступника в криминологической науке // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 34. С. 115–118.
6. Долгиев М.М., Долгиева М.М. Физическое лицо – иностранный агент: правовое регулирование // Lex Russica (Русский закон). 2023. № 8 (201). С. 67–76.
7. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М. : Наука, 1991. 383 с.

References

1. Antonyan, Yu.M., Kudryavtsev, V.N. & Eminov, V.E. (2004) *Lichnost' prestupnika* [Identity of the Criminal]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
2. Bekhterev, Yu.Yu. (1928) *Izuchenie lichnosti osuzhdenного: (Istoriya, zadachi, metodika i tekhnika)* [Study of the Personality of the Convict: (History, Tasks, Methodology and Technique)]. Moscow: Izdatelstvo Narodnogo komissariata vnutrennikh del RSFSR.
3. Kudryavtsev, I.A. & Ratynova, N.A. (2000) *Kriminalnaya agressiya (ekspertnaya tipologiya i sudebno-psikhologicheskaya otsenka)* [Criminal Aggression (Expert Typology and Forensic Psychological Assessment)]. Moscow: Moscow University.
4. Biryukov, P.N. (2021) *Venecijskaya komissiya i Rossiya: otsenka zakonodatelstva ob inostrannykh agentakh* [The Venice Commission and Russia: Assessment of the Legislation on Foreign Agents]. *Vestnik Yuridicheskogo fakulteta Yuzhnogo federalnogo universiteta*. 8 (4). pp. 26–31.
5. Kovaleva, Yu.A. (2015) *Lichnost prestupnika v kriminologicheskoy nauke* [The Personality of the Criminal in Criminological Science]. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 34. pp. 115–118.
6. Dolgiev, M.M. & Dolgieva, M.M. (2023) *Fizicheskoe litso – inostranny agent: pravovoe regulirovanie* [Individual – Foreign Agent: Legal Regulation]. *Lex Russica*. 8 (201). pp. 67–76.
7. Luneev, V.V. (1991) *Motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Motivation of Criminal Behavior]. Moscow: Nauka.

Информация об авторе:

Долгиев А.А. – канд. экон. наук, юрист, Ассоциация юристов России (Москва, Россия). E-mail: law-journal@internet.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Dolgiev, Cand. Sci. (Economics), member of the Association of Lawyers of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: law-journal@internet.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2025;
одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 12.01.2025;
approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья
УДК 349
doi: 10.17223/15617793/515/26

Правовая природа договоров в сфере использования объектов животного мира (на примере охотхозяйственного соглашения)

Светлана Витальевна Иванова¹, Светлана Викторовна Рыбак²

^{1,2} Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ servis-05@list.ru

² Svetoch_2504@mail.ru

Аннотация. Анализируется правовая природа охотхозяйственного соглашения в контексте сочетания частного и публичного правового регулирования. Подчеркивается, что охотхозяйственное соглашение, регулирующее отношения между государственными органами и юридическими лицами в сфере охоты, приобретает особую значимость в условиях современного законодательства, направленного на сохранение ресурсов охоты. Исследуется специфика охотхозяйственного соглашения. Авторы определяют, как охотхозяйственные соглашения обеспечивают баланс между интересами государства, общества и охотников, а также главные цели – охрана экосистем и устойчивое использование ресурсов охоты.

Ключевые слова: договор, ресурсы охоты, использование, цель, права и обязанности, охотхозяйственное соглашение, аукцион

Для цитирования: Иванова С.В., Рыбак С.В. Правовая природа договоров в сфере использования объектов животного мира (на примере охотхозяйственного соглашения) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 221–229. doi: 10.17223/15617793/515/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/26

Legal nature of contracts in the sphere of wildlife utilization (on the example of the hunting management agreement)

Svetlana V. Ivanova¹, Svetlana V. Rybak²

^{1,2} Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

¹ servis-05@list.ru

² Svetoch_2504@mail.ru

Abstract. Recently, increasing interest in the issues of environmental protection and rational use of natural resources has become topical in scientific and practical circles. In this regard, the need for a deeper understanding of the legal nature of the hunting management agreement becomes especially necessary. The relevance of the study of the legal nature of hunting management agreement is related to a number of factors reflecting the complex and multilateral nature of the interaction between hunting, economy, and environmental protection. Modern society is facing increasing environmental challenges, including biodiversity loss, environmental disasters and climate change. In this context, the legal mechanisms governing hunting require careful reflection and rethinking in order to ensure sustainable utilization of natural resources. The aim of this article is to explore the hunting management agreement as a specific instrument of legal regulation, which provides a balance between economic interests and biodiversity protection. When writing the article, the authors used scientific works on the issues of the legal nature of hunting management agreement. The basis of the study was the norms of the current legislation on hunting, as well as judicial practice, which allows identifying relevant problems arising in the application of the norms on hunting management agreements in practice. The methodological basis is represented by individual philosophical, general and special scientific methods of research. The research is based on the study of legal relations, the balance of interests of nature and society, the needs of the population as legal values and ideals. In the course of the study, the authors applied concrete-historical, logical methods, analysis and synthesis. The article analyzes various points of view on the issue of the legal nature of the hunting management agreement and concludes that this agreement should be attributed to a public contract. The agreement on the transfer of rights to use hunting resources, although it includes mutual obligations between the hunting user and state authorities, cannot be considered as a civil law contract. The rights and obligations of the parties to this agreement are determined by the current legislation and relate to the interaction between the authorities at the level of the subjects of the Russian Federation and hunting users. Hunting agreements serve as a basis for the implementation of the state policy in the field of environmental protection. The absence of clearly formulated norms in the Law on Hunting, regulating the procedure and justifications for making changes to hunting agreements, often leads to legal uncertainty, thereby reducing the effectiveness of hunting resources management. The authors believe that it is necessary to analyze and eliminate the existing shortcomings in the legislative norms concerning the regulation of changes in hunting agreements.

Keywords: contract, hunting resources, use, purpose, rights and obligations, hunting agreement, auction

For citation: Ivanova, S.V. & Rybak, S.V. (2025) Legal nature of contracts in the sphere of wildlife utilization (on the example of the hunting management agreement). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 221–229. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/26

Научные дискуссии о правовой природе охотхозяйственного соглашения

Договорные отношения в сфере использования ресурсов охоты и рыболовства играют ключевую роль в обеспечении устойчивого использования природными ресурсами, соблюдении экосистемного баланса и сохранении биоразнообразия. Эти отношения регулируются различного рода соглашениями, которые могут быть заключены как между государственными органами, так и между частными лицами или организациями. Особенностью таких договорных отношений является то, что они отражают как интересы государства в области охраны окружающей среды, так и интересы общества. Государство, обладая правом собственности на ресурсы охоты и рыболовства, определяет процедуру выдачи разрешительных документов на охоту и рыболовство, устанавливая квоты и ограничения. С другой стороны, пользователи ресурсов должны соблюдать экологические нормы, правила и условия, прописанные в договорах, чтобы минимизировать влияние на экосистему.

Заключение договоров в сфере охоты и рыболовства требует четкой правовой базы, что, в свою очередь, обеспечивает защиту как интересов государства, так и прав пользователей природных ресурсов. Прозрачность в этих отношениях также важна; все участники должны понимать свои права и обязательства, что способствует повышению уровня доверия и ответственности между сторонами [1. С. 65]. В целом договорные отношения в области использования ресурсов охоты и рыболовства представляют собой сложную и многоуровневую систему взаимодействия, в которой экологические и экономические интересы должны находиться в гармонии для сохранения объектов животного мира для настоящего и будущего поколений.

Действующее законодательство¹, регулирующее охотничью деятельность, формирует четкие правовые рамки, которые упорядочивают передачу охотничьих ресурсов как юридическим лицам, так и индивидуальным предпринимателям. В частности, охотхозяйственное соглашение выступает в качестве инструмента, организующего данные отношения и обеспечивающего баланс между допустимой охотой и необходимостью охраны природных ресурсов. В соответствии с действующим законом об охоте одной из сторон охотхозяйственного соглашения может выступать как юридическое лицо, так и индивидуальный предприниматель. При этом оба указанных субъекта несут значимые обязательства, связанные с реализацией мероприятий, направленных на сохранение охотничьих ресурсов. Они должны обеспечивать не только поддержание численности диких животных, но и заботиться о воспроизводстве этих ресурсов. В этом контексте предполагается внедрение практик, способствующих устойчивому управлению популяциями, включая создание благоприятных условий для размножения животных, защиту их мест обитания и минимизацию факторов, угрожающих их существованию. Кроме того, охотпользователи обязаны гарантировать поддержание здоровья экосистем в надлежащем состоянии. Это

представляет собой критически важный аспект, поскольку экосистемы играют ключевую роль в поддержании биологического разнообразия и функционирования природных процессов [2. С. 30]. Поддержание здоровья экосистем требует от охотпользователей учета взаимодействий между видами, а также влияния окружающей среды на общее благосостояние дикой фауны и флоры. В результате эффективное управление охотничьими ресурсами требует интеграции научных принципов, экосистемного подхода и соблюдения этических норм, направленных на устойчивое взаимодействие человека с природой. На уровне субъектов Российской Федерации исполнительные органы власти имеют право арендовать земельные и лесные площади, а также контролировать добычу охотничьих ресурсов в обозначенных охотничьих угодьях на срок действия соответствующих соглашений. Эта правовая система обеспечивает эффективное и устойчивое использование охотничьих ресурсов и гарантирует соблюдение экологических стандартов и норм в процессе охоты. Сложившаяся ситуация имеет важное значение для долгосрочного развития охотничьего сектора в России, а также для охраны биологического разнообразия, что представляет собой неотъемлемую часть устойчивого природопользования.

Правовая природа охотничьего хозяйственного соглашения действительно остаётся предметом дискуссий, что, в свою очередь, подчеркивает сложность его положения в правовой системе [3. С. 27]. Одна группа учёных и практиков настаивает на том, что охотничьи соглашения следует воспринимать как договоры гражданского характера [4. С. 18]. Их аргументы основываются на принципах гражданского законодательства, в частности на тех положениях, которые акцентируют внимание на равенстве сторон, свободе договора и конкретных обязанностях каждой из сторон, что характерно для гражданских отношений [5. С. 109]. Сторонники этой точки зрения отмечают, что охотничье хозяйственное соглашение, которое может включать такие элементы, как наделение правами на использование охотничьих угодий, взаимные обязательства сторон и условия [6. С. 10], определяющие правила охоты, тесно переплетается с концепцией гражданских договоров. Кроме того, они указывают на то, что данные соглашения могут касаться как физических, так и юридических лиц, что расширяет их правовую природу и делает их частью гражданского оборота [7. С. 145].

Однако другая группа учёных [8. С. 68], рассматривающая эти соглашения как имеющие публично-правовой характер, основывает свои аргументы на том, что охота является не просто частной деятельностью, но и частью общественных интересов, обусловленных охраной экологии и поддержанием баланса в природе. Они указывают, что охота оказывает значительное влияние на интересы государства в целом, включая аспекты сохранения биологического разнообразия и рационального управления природными ресурсами. Это приводит к необходимости государственного надзора и регуляции в данной области. В этой связи охотхозяйственное соглашение рассматривается как договор,

связанный с публичным управлением и защитой природных ресурсов, что может требовать установления более строгих норм и стандартов по сравнению с гражданскими договорами. Таким образом, эта многогранность вопросов правового характера охотхозяйственного соглашения требует внимательного подхода. Необходимость четкой правовой базы, которая бы учитывала и гражданский, и публичный аспекты [9. С. 114], становится более актуальной, учитывая современные тенденции в управлении природными ресурсами и сохранении экосистем.

Ученые в сфере экологического права рассматривают охотхозяйственное соглашение в качестве публично-правового контракта. В частности, Б.Д. Ключин [10. С. 49] подчеркивает, что в контексте регулирования таких ресурсов, как недра, земельные участки, водные запасы и лесные богатства, данный договор служит инструментом управления общественными отношениями. Это связано с тем, что указанные природные ресурсы непосредственно затрагивают интересы общества и образуют особую категорию ресурсов, что находит отражение не только в Конституции Российской Федерации, но и в соответствующих законодательных актах, включая Земельный и Водный кодексы, а также закон «О недрах». Автор подчеркивает, что соглашения, регулирующие использование природных ресурсов, имеют публичный статус. Крайне важно отметить, что правовые отношения, возникающие в связи с использованием этих ресурсов, не могут ограничиваться лишь частными интересами участников; они должны также принимать во внимание более широкий контекст общественных интересов и задач охраны окружающей среды. В связи с этим охотхозяйственное соглашение рассматривается не только как инструмент частного управления, но и как ключевой компонент системы экологического права. Оно способствует устойчивому и комплексному использованию природных ресурсов, опираясь на механизмы контроля и регулирования, предусмотренные публичным правом [11. С. 115]. Подобный подход предоставляет возможность для более глубокой правовой оценки взаимоотношений между пользователями ресурсов и государством, возникающих в контексте защиты экологических интересов и соблюдения принципов устойчивого развития.

В контексте разграничения между частным и публичным правом В. Краева [12. С. 274] подчеркивает значимость охотхозяйственных соглашений как предмета исследований. Она акцентирует внимание на необходимости рассматривать данные соглашения через призму четкого различия между категориями «публичного права» и «частного права», подчеркивая, что их нельзя ограничивать более узкими терминами, такими как «гражданское» или «административное право». Данный подход предоставляет новые возможности для более глубокого анализа взаимодействия регулируемых отношений с нормами публичного права, демонстрируя при этом потенциал их интеграции в контекст гражданского права. Автор рассматривает охотхозяйственное соглашение как многофункциональный договор, охватывающий область регулиро-

вания природных ресурсов, где гармонично сочетаются элементы как публичного, так и частного права. Это предполагает, что такие соглашения не могут быть ограничены лишь интересами отдельных участников; они должны также принимать во внимание более широкие общественные интересы, включая защиту экосистем, устойчивое использование природных ресурсов и соблюдение требований экологического законодательства. Тем самым исследуемый предмет приобретает значимость не только в рамках частных правовых отношений, но и в контексте общественного блага и охраны окружающей среды.

Важно отметить, что подобная классификация имеет не только теоретическую, но и практическую значимость, поскольку она влияет на процедуру заключения этих соглашений, механизмы их исполнения и контроль за соблюдением условий. Открытость и доступность информации о таких соглашениях имеют значение для общественного контроля, что является необходимым условием для соблюдения экологических стандартов и прав местных сообществ. В целом подход В. Краевой подчеркивает необходимость более глубокого исследования взаимодействия между различными правовыми режимами, которые касаются использования и охраны природных ресурсов, что, в свою очередь, может способствовать более эффективному регулированию в области устойчивого использования ресурсов охоты.

В настоящее время наблюдается явная неопределенность относительно правовой природы охотничьего соглашения, что порождает значимый вопрос о его классификации – следует ли его рассматривать как гражданско-правовой институт или отнести к иной правовой категории. Данная проблематика представляет собой важный аспект не только с точки зрения теоретического анализа, но и в контексте практического применения, особенно в отношении правового регулирования в данной области [13. С. 115]. Л.Ф. Нетишинская фокусирует свое внимание на вопросах гражданско-правового регулирования имущественных отношений, прежде всего обязательств, которые возникают в процессе заключения и исполнения охотхозяйственного соглашения [14]. Автор высказывает мнение о том, что положения, содержащиеся в Федеральном законе «Об охоте», рассматриваемые в данной статье, обладают определенными недостатками. В частности, законодательные формулировки отмечаются своей неясностью, внутренними противоречиями, а также несоответствием нормам других федеральных законов.

Такое состояние дел порождает затруднения в восприятии смысла текстов участниками правовых отношений. По мнению автора, причина данной несовершенности заключается в небрежности, проявляемой на этапе разработки нормативных актов. Подобные проблемы не являются исключительными для Федерального закона «Об охоте», но также проявляются в нормах других федеральных законов, включая Гражданский кодекс Российской Федерации, который играет ключевую роль в области гражданского законодательства

Правовая природа охотхозяйственного соглашения представляет собой важный аспект, требующий внимательного анализа, поскольку это соглашение регулирует отношения, связанные с использованием, охраной и воспроизводством охотничьих ресурсов. Охотхозяйственное соглашение, как правило, является контрактом, заключаемым между исполнительными органами власти и субъектами, желающими осуществлять охоту на определенной территории. Такое соглашение имеет несколько ключевых характеристик. Прежде всего, охотхозяйственное соглашение основано на нормах административного и гражданского права. С одной стороны, оно регулируется общими принципами гражданского законодательства, включая условия и механизмы обязательств сторон, права и обязанности участников, порядок прекращения договора и т.д. [15. С. 254]. С другой стороны, в нем учитываются специфические нормы, касающиеся охраны природы, охоты и использования природных ресурсов, что предполагает соблюдение экологических стандартов и норм. Также важным аспектом является то, что охотхозяйственное соглашение носит публичный характер. Это означает, что оно подчиняется интересам общества и охраны природных ресурсов, а не только частным интересам сторон соглашения. В рамках данного соглашения государственные органы осуществляют функции контроля и регулирования, что позволяет обеспечить устойчивое использование охотничьих ресурсов и предотвращать их истощение. Кроме того, охотхозяйственное соглашение обладает элементами обязательства, что означает, что оно создает юридически значимые последствия для сторон, включая ответственность в случае нарушения условий соглашения или законодательных норм. Участники обязуются соблюдать правила эксплуатации охотничьих угодий, вплоть до ограничения на количество и виды добываемых животных, а также проводить мероприятия по охране и восстановлению экосистем.

Мы считаем, что соглашение о передаче прав на использование охотничьих ресурсов, хотя и включает взаимные обязательства между охотпользователем и государственными органами, не может рассматриваться как гражданско-правовой договор. Во-первых, важнейшим аспектом данного документа является передача прав на использование охотничьих ресурсов, которые являются неотъемлемой частью животного мира и классифицируются как природные объекты. Важно отметить, что действующее законодательство, регулирующее использование объектов животного мира, не укладывается в рамки гражданского права, а сами объекты животного мира не подлежат классификации как недвижимое имущество. Охотничьи ресурсы представляют собой общественное благо, находящееся под контролем государства, что в значительной степени определяет особенности правового регулирования в данной сфере. Соглашения о передаче прав на использование указанных ресурсов должны рассматриваться через призму административного управления и государственного регулирования. Это подчеркивает необходимость глубокой интеграции принципов охраны окружающей среды и устойчивого

использования природных ресурсов в права и обязанности всех участников процессов, связанных с использованием охотничьих ресурсов.

Во-вторых, права и обязанности сторон данного соглашения определяются действующим законодательством и касаются взаимодействия между органами власти на уровне субъектов Российской Федерации и охотпользователями. Данное соглашение подразумевает наличие определенной иерархии, в которой одна сторона подчиняется другой. В соответствии с этим, охотпользователь обязан осуществлять создание надлежащей охотничьей инфраструктуры и организовывать процесс охоты, строго соблюдая условия соглашения и требования статьи 27 Федерального закона «Об охоте». Независимо от характеристик охотхозяйственного соглашения, действующее законодательство устанавливает определенные обязательства для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые заключили подобные соглашения. Эти обязательства касаются выполнения мер, направленных на охрану охотничьих ресурсов и их естественных экосистем. В связи с этим следует рассматривать охотхозяйственное соглашение не как гражданский договор, а как специфическую форму организации взаимодействия между органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, наделенными полномочиями в сфере управления животным миром, и охотпользователями. Данная интерпретация охотхозяйственного соглашения акцентирует внимание на его статусе как инструмента, способствующего более эффективному управлению ресурсами и соблюдению экологических норм, а также на его роли в формировании правовых рамок, регламентирующих взаимодействие различных субъектов охоты.

Важно отметить, что охотхозяйственные соглашения служат основой для реализации государственной политики в области охраны окружающей среды, поскольку обеспечивают сбалансированный подход [16. С. 96] к использованию биологических ресурсов. Эти соглашения способствуют установлению четких правил и норм, которые регулируют деятельность охотпользователей и обеспечивают защиту экосистем. Кроме того, охотхозяйственные соглашения применяются в контексте взаимодействия между государственными органами и частным сектором, что подчеркивает важность координации усилий для достижения устойчивого управления охотничьими ресурсами. Благодаря эффективному сотрудничеству между всеми заинтересованными сторонами возможно не только сохранение биоразнообразия, но и развитие охотничьей инфраструктуры, что, в свою очередь, положительно сказывается на экономике регионов.

С точки зрения В.Н. Краевой, охотхозяйственные соглашения представляют собой договор, в котором ключевые аспекты, такие как сроки действия, конкретные обязательства охотпользователя, а также географическое расположение, границы и размеры охотничьих угодий, определяются исключительно государственными органами [17. С. 25]. Эта ситуация подчеркивает, что охотпользователь оказывается в рамках

жестко установленного регламента, не имея возможности изменить условия соглашения, даже если обе стороны были бы заинтересованы в каких-либо корректировках. Таким образом, охотпользователь, с одной стороны, имеет право на выбор: он может либо принять предложенные условия, либо отказаться от них. Однако это право не подразумевает возможности активного участия в разработке условий соглашения, что подчеркивает отсутствие полноценного обсуждения и достижения единства мнений среди участников. Следует также акцентировать внимание на том, что охотпользователь самостоятельно решает, участвовать ли ему в аукционе, который является необходимым этапом для заключения соглашения. Сам процесс заключения договора становится возможным только при условии, что охотпользователь станет победителем аукциона, что, в свою очередь, ставит его в зависимость от выбранной государственной политики и её условий.

Также необходимо подчеркнуть, что контракты в области природопользования основываются не на стремлении к коммерческой прибыли, а на удовлетворении интересов общества в целом, что придает им исключительно социально-экологическую направленность [18. С. 74]. В данной связи государственные органы, обладающие властью, руководствуются не желанием получить прибыль, а необходимостью решать важнейшие социально-экономические и экологические задачи. В этой парадигме экономическая выгода государства не заключается в достижении коммерческих целей, а находит свое выражение в активном управлении природными ресурсами для обеспечения устойчивого развития, защиты экосистем и достижения благосостояния общества в долгосрочной перспективе. А.П. Анисимов относит охотхозяйственное соглашение к категории природоресурсных договоров. Он подчеркивает, что специфические черты таких соглашений проявляются в их предмете, который включает предоставление природных ресурсов в собственность или для пользования с целью получения прибыли (что характерно для природоресурсных договоров), а также выполнение работ или оказание услуг, направленных на охрану окружающей среды. Это позволяет не только улучшить состояние экосистемы, но и снизить негативные последствия для нее, а также использовать природные объекты для удовлетворения потребностей граждан в туризме и отдыхе [19]. В научных исследованиях, например в работах М.А. Геталовой, акцентируется внимание на том, что аренда природных ресурсов не может ограничиваться исключительно хозяйственным использованием [5. С. 78]. Эта позиция подразумевает, что договоры аренды должны отражать широкий спектр факторов, включая аспекты охраны окружающей среды и поддержания устойчивого развития.

В соответствии с действующим законодательством об охоте, охотхозяйственные соглашения имеют обязанность способствовать привлечению инвестиций в управление охотничьими угодьями. Финансовые средства, получаемые через аукционную продажу прав [20. С. 57] на указанные соглашения, направляются в

бюджет соответствующего субъекта Российской Федерации. Это различие выражает принципиальную разницу в целях охотхозяйственных соглашений по сравнению с целями гражданских соглашений: в данном контексте государство не преследует защиту собственных интересов, а, напротив, ориентировано на эффективное осуществление своих публичных обязанностей. Таким образом, акцент на инвестициях в охотничьи угодья не только способствует развитию охотничьего хозяйства, но и обеспечивает дополнительные поступления в бюджет, что, в свою очередь, может быть использовано для улучшения экологической ситуации и сохранения биологического разнообразия [21. С. 160]. В итоге, реализация охотхозяйственного соглашения приобретает значение не только как средство управления природными ресурсами, но и как ключевая составляющая в вопросах обеспечения экологической устойчивости и сохранения биологического разнообразия. Это создает необходимость в комплексном подходе к вопросам аренды природных ресурсов, интегрируя экономические, экологические и социальные аспекты, что, в свою очередь, акцентирует важность многогранного и ответственного управления природными ресурсами.

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации в области охоты, функции исполнительного органа власти на региональном уровне заключаются в заключении охотхозяйственного соглашения с победителем аукциона [22. С. 19]. Данный орган имеет полномочия для принятия решений относительно необходимости проведения аукциона, а также способен осуществлять взаимодействие со специализированными организациями [23. С. 254]. В этой связи аукцион приобретает значимость как неотъемлемый этап в процессе оформления охотхозяйственного соглашения и подлежит регуляции как законодательными, так и административными нормами, что, в свою очередь, подчеркивает его публичную природу и значимость в системе управления охотничьими ресурсами.

Учитывая долгосрочную природу охотхозяйственного соглашения, в ходе его действия условия могут претерпевать значительные изменения как в территориальном и качественном аспектах охотничьих угодий, так и в составе охотничьих ресурсов. Отсутствие четко сформулированных норм в Законе об охоте, регулирующих порядок и обоснования для внесения изменений в охотхозяйственные соглашения, часто приводит к правовой неопределенности, снижая тем самым эффективность управления охотничьими ресурсами. Существует ряд нормативных правовых актов, регулирующих процесс предоставления государственного имущества и природных ресурсов отдельным юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, которые также содержат положения, касающиеся оснований для внесения изменений в лицензии и соглашения. В связи с вышеизложенным, необходимо произвести анализ и устранить существующие недостатки в законодательных нормах, касающихся регулирования изменений в охотхозяйственных соглашениях, руководствуясь практическим опытом применения данных федеральных законов. Это станет основой

для более согласованного и действенного правового механизма, который будет регулировать управление природными ресурсами и взаимодействие с хозяйствующими субъектами. При необходимости внесения корректировок в охотхозяйственные соглашения следует учитывать разнообразные факторы и обстоятельства, способные повлиять на такие изменения. Например, корректировки могут касаться условий эксплуатации охотничьих угодий, сроков действия соглашений, перераспределения прав и обязанностей сторон, а также ситуаций, связанных со слиянием или реорганизацией юридических лиц. Значимость законодательно закрепленного механизма заключается не только в упрощении процесса внесения изменений, но и в защите интересов всех участников охотничьего хозяйства.

Ключевым аспектом здесь является необходимость создания четкой процедуры, которая бы определяла последовательность действий при инициировании изменений. Это должно включать в себя обязательное уведомление всех заинтересованных сторон, а также возможность обращения в соответствующие государственные органы для получения необходимых разрешений и согласований. Наличие такой процедуры позволит минимизировать возникновение правовых споров, обеспечивать прозрачность и соблюдение интересов всех участников.

Проблемы толкования нормы о продлении долгосрочных лицензий: правоприменительная практика

В заключительных положениях Федерального закона об охоте говорится, что юридические лица и индивидуальные предприниматели, имеющие долгосрочные лицензии на использование животного мира, могут подписывать охотхозяйственные соглашения по указанным в контрактах охотничьим угодьям без необходимости участвовать в аукционах для получения прав на такие соглашения. Этот закон направлен на упрощение процессов оформления и продления охотхозяйственных соглашений, основываясь на доверии к добросовестным пользователям ресурсов [24. С. 54]. Такой подход также способствует повышению ответственности за использование, защиту и восстановление животного мира, что, в свою очередь, положительно сказывается на сохранении окружающей среды и поддерживает устойчивое развитие охотничьей деятельности. В этом контексте исключение для охотпользователей с долгосрочными лицензиями от общего правила обязательных аукционов, изложенное в части 3 статьи 71 закона об охоте, соответствует принципам равенства, соразмерности и справедливости, направленным на достижение целей законодательства. Такие выводы основаны на правовых позициях, касающихся специальных льготных режимов регулирования, выработанных Конституционным Судом Российской Федерации в нескольких своих решениях². При этом важно отметить, что при анализе конституционности части 3 ст. 71 данного закона необходимо учитывать, что сроки действия охотхозяйственного соглашения, заключаемого без аукциона, не были четко определены³.

Эта ситуация привела к появлению в юридической и судебной практике двух значительно различных подходов к трактовке этого положения, что ставит под сомнение его однозначность и подчеркивает необходимость дальнейшего правового уточнения. Основная суть этих подходов заключается в наличии существенных различий относительно правовых последствий, возникающих при заключении охотхозяйственного соглашения без проведения аукциона. Это, в свою очередь, отражает важные правовые аспекты, касающиеся инвестиционной привлекательности охотничьих угодий и защиты прав субъектов охотничьей деятельности. Ключевым аспектом в данной ситуации является необходимость соблюдения принципов равенства и справедливости, что подчеркивает важность соответствующего правового регулирования в этой области. Нормативные документы, касающиеся вопросов охоты, должны не только защищать общенациональные интересы, но и учитывать права и интересы отдельных пользователей охотничьих ресурсов, тем самым создавая баланс между конституционными гарантиями и требованиями устойчивого развития экосистем.

С позиции арбитражных судов, право на длительное использование объектов животного мира для охоты, предоставляемое на основании долгосрочной лицензии, ограничивается сроком действия этой лицензии и не может быть продлено. Таким образом, охотхозяйственное соглашение, вытекающее из лицензии, не должно превышать срок её действия. Это значит, что срок самого соглашения не может быть дольше оставшегося времени до истечения лицензии на момент его подписания. Данная позиция подтверждается решениями ряда арбитражных судов в различных регионах России⁴.

Схожие мнения по этому вопросу высказали представители Генеральной прокуратуры и Министерства юстиции Российской Федерации, которые четко обозначили свою точку зрения на открытом заседании Конституционного Суда.

В отличие от этой позиции, мнение о сроках охотхозяйственных соглашений, заключаемых без проведения аукциона юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, имеющими долгосрочные лицензии на использование животного мира, формируется на основании позиции Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Согласно приказа Минприроды⁵, срок соглашения, оформленного без аукциона в соответствии с ч. 3 ст. 71 Закона об охоте, может составлять от двадцати до сорока девяти лет. Эта точка зрения также была подтверждена решениями Верховного суда⁶.

Таким образом, в этой ситуации наблюдается разница в подходах между различными государственными структурами. Генеральная прокуратура и Министерство юстиции стоят на защите четких правовых норм и принципов, обеспечивающих прозрачность и конкурентность в процессе заключения охотхозяйственных соглашений. Их позиция акцентирует важность соблюдения законных процедур и проведения аукционов, чтобы избежать возможных злоупотреблений и обеспечить честное распределение ресурсов.

С другой стороны, Министерство природных ресурсов и экологии, принимая во внимание специфические обстоятельства и потребности в управлении охотничьими угодьями, может выступать за более гибкие подходы, позволяя заключать такие соглашения без аукционов для лиц, обладающих долгосрочными лицензиями. Это связано с тем, что такие организации уже имеют установленный статус и репутацию, что может гарантировать более ответственный и устойчивый подход к использованию объектов животного мира [25. С. 353].

С учетом представленных выше аргументов, Конституционный суд Российской Федерации установил, что ч. 3 ст. 71 Закона об охоте (в редакции, действовавшей до 2017 г.) не соответствует Конституции Российской Федерации. Это касается сроков охотхозяйственных соглашений, которые заключаются без аукциона людьми, имеющими долгосрочные лицензии. Суд подчеркнул, что неясные формулировки данной статьи могут привести к множественным интерпретациям, что, в свою очередь, открывает возможности для произвольного применения ее положений. Кроме того, Конституционный Суд⁷ приостановил действие этой части ст. 71 Закона, фактически введя мораторий. Необходимо обратить внимание на то, что Суд указал на трудности в четком понимании истинных намерений федерального законодателя, даже при попытках конституционно-правового толкования. Это создает проблемы для выработки единого подхода к данному вопросу в правоприменительной практике с учетом действующего законодательства. Конституционный суд, принимая во внимание правоприменительную практику и актуальные реалии охотничьего хозяйства, также отметил, что отсутствие четких критериев для заключения охотхозяйственных соглашений без аукциона может привести к нежелательным последствиям, включая неконтролируемое использование природных ресурсов и нарушение принципов устойчивого развития.

Действующим законодательством⁸ были внесены поправки в рассматриваемую статью закона об охоте, согласно которым юридические лица и индивидуальные предприниматели, которые ранее получили право долгосрочного пользования животным миром по долгосрочным лицензиям, могут заключать охотхозяйственные соглашения на указанные в этих лицензиях охотничьи угодья без участия в аукционах. Срок таких соглашений установлен в сорок девять лет. Эти изменения направлены на устранение неясностей относительно сроков подписания соглашений, но при этом остаются вопросы о практическом применении новых норм. Также следует заметить, что на сегодняшний день правовая природа охотхозяйственного соглашения не имеет четкого определения в действующем законодательстве [26. С. 28]. Это порождает обсуждения среди ученых о том, к какому типу договоров следует относить такое соглашение: к гражданскому или публичному праву. Мы считаем, что, несмотря на наличие взаимных обязательств между сторонами соглаше-

ния – охотпользователями и государственными органами, охотхозяйственное соглашение не должно классифицироваться как гражданско-правовой договор.

Прежде всего, в рамках данного соглашения осуществляется передача прав на использование охотничьих ресурсов, которые являются объектами животного мира и находятся под особой защитой государства как природные ресурсы. Во-вторых, права и обязанности сторон в охотхозяйственном соглашении определяются не только на основании взаимного согласия, но и руководствуясь нормативными актами, регулирующими охоту. Эти отношения пронизаны элементами публичного контроля, поскольку один из участников (охотпользователь) подчинен требованиям государственных органов, что подчеркивает общественный интерес и необходимость соблюдения экологических стандартов.

Кроме того, важно подчеркнуть, что статус охотхозяйственного соглашения имеет решающее значение для обеспечения устойчивого управления охотничьими ресурсами и сохранения биологического разнообразия. В тех случаях, когда законодательство не охватывает все аспекты, возникает риск злоупотреблений, что подчеркивает необходимость четкой регламентации данного типа договорных отношений. Обеспечение правовой ясности по этому вопросу способствовало бы не только стабильности охотничьей отрасли, но и эффективному выполнению экологических требований, защищая как природные ресурсы, так и интересы охотпользователей.

В заключение можно сделать вывод о том, что правовая природа охотхозяйственного соглашения представляет собой сложное и многогранное явление, находящееся на пересечении гражданского и публичного права. Анализ существующих нормативных актов и практики их применения показывает, что охотхозяйственное соглашение не может быть представлено в рамках гражданско-правового договора, поскольку оно охватывает аспекты, связанные с охраной ресурсов охоты и регулированием их использования. Общественные интересы в обеспечении сохранения биологического разнообразия и рационального использования природных ресурсов накладывают определенные обязательства на участников соглашения. Это подразумевает существование элементов государственного контроля и надзора со стороны государственных органов, что свидетельствует о наличии публично-правовых аспектов в данном соглашении.

Следовательно, охотхозяйственное соглашение следует рассматривать как особый правовой институт, позволяющий балансировать интересы охотпользователей и общества в целом, акцентируя внимание на вопросах охраны и рационального использования охотничьих ресурсов.

Данное понимание правовой природы охотхозяйственного соглашения будет способствовать более эффективному и устойчивому регулированию охоты, что, в свою очередь, положительно скажется на состоянии экосистем и сохранении популяций охотничьих видов животных.

Примечания

- ¹ Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
- ² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2015 г. № 17-П г. Санкт-Петербург «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 71 Федерального закона “Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Информационно-правовой портал «Гарант».
- ³ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 21 марта 1997 года № 5-П определения от 5 июня 2003 года № 275-О, от 21 декабря 2006 года № 633-О и от 17 июля 2007 года № 500-О-О.
- ⁴ Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 28 марта 2013 года по делу № А68-7294/2012 «О признании недействительным охотхозяйственного соглашения»; постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 8 октября 2013 года по делу № А72-106/2013 «О признании незаконными решений и предписаний антимонопольного органа» // СПС «Консультант Плюс».
- ⁵ Об утверждении примерной формы охотхозяйственного соглашения. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 31 марта 2010 года № 93 (с изменениями на 7 сентября 2021 года) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 31.05.2010. № 22.
- ⁶ Решение Верховного Суда РФ от 21.11.2013 № АКПИ13-1028 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующей примерной формы охотхозяйственного соглашения, утв. Приказом Минприроды России от 31.03.2010 № 93» // СПС «Консультант Плюс».
- ⁷ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2015 года № 17-П // СПС «Консультант Плюс».
- ⁸ Федеральный закон «О внесении изменения в статью 71 Федерального закона “Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”» от 29.07.2017 № 224-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. 30.07.2017. URL: www.pravo.gov.ru

Список источников

1. Алиев Р.И. Юридическая характеристика охотхозяйственного соглашения // Юридическая наука и практика. 2021. Т. 17, № 3. С. 63–68.
2. Горохов Д.Б. О правотворчестве в сфере природопользования: в чем заключаются истинные «особенности национальной охоты» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 2. С. 28–59.
3. Анисимов А.П. Правовой режим охотничьих угодий // Юридическая наука. 2013. № 1. С. 26–29.
4. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М., 2020. 847 с.
5. Геталова М. А. Договорные отношения в области охраны окружающей среды : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
6. Силицын С.А. Гражданское право в современных социально-экономических условиях // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 8–15.
7. Козяр Н.В., Митякина Н.М. Современное представление о категории «предпринимательский договор»: на примере охотхозяйственного соглашения // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 3 (224), т. 35. С. 143–146.
8. Минина Е.Л. Правовое регулирование использования и охраны биологических ресурсов. М. : ИНФРА-М, 2016. 328 с.
9. Боголюбов С.А., Хачатуров Р.Л. Памятники российского права : в 35 т. Т. 25: Природоресурсное и природоохранное законодательство РСФСР. М. : Юрлитинформ, 2016. 448 с.
10. Клюкин Б.Д. О развитии договорной основы права пользования недрами // Государство и право. 2004. № 9. С. 49.
11. Минина Е.Л. Нормативное закрепление принципов природоресурсного законодательства // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 6. С. 162–177.
12. Краева В.Н. Особенности охотхозяйственного соглашения // Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства. 2012. № 1. С. 273–274.
13. Хаустов Д.В. Публично-правовые договоры как особый инструмент государственного регулирования природопользования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
14. Нешитинская Л.Ф. Охотхозяйственное соглашение как гражданско-правовой договор // Гражданское право. 2024. № 5. С. 11–14.
15. Иутин И.Г., Кичигин Н.В., Пахарева Г.В., Пономарев М.В., Ширококов А.С. Комментарий к Федеральному закону от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (постатейный). М. : Юстицинформ, 2011. 296 с.
16. Боголюбов С.А., Хачатуров Р.Л. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России : в 12 т. Т. 11: Экологическое право. М. : Юрлитинформ, 2020. 392 с.
17. Краева В.Н. Правовое регулирование пользования охотничьими ресурсами на закрепленных охотничьих угодьях : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 232 с.
18. Галиновская Е.А., Пономарев М.В. Стратегическое планирование в природоресурсной сфере (правовой аспект) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 65–86.
19. Анисимов А.П., Исакова Ю.И. Экологический договор: понятие и место в системе гражданско-правовых договоров // Современное право. 2024. № 3. С. 73–80.
20. Беляева О.А. Правовые проблемы аукционов и конкурсов. М. : Юриспруденция, 2010. 296 с.
21. Шунаева Д.Д. Цифровая экономика и информационное обеспечение в сфере охотничьего хозяйства // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 159–169.
22. Тихомиров Ю.А., Талапина Э.В. Право как эффективный фактор экономического развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 4–26.
23. Хабриева Т.Я. Коррупция: природа, проявления, противодействие. М. : Юриспруденция, 2012. 688 с.
24. Тихомиров Ю.А. Юридическое прогнозирование. М. : Контракт, 2018. 168 с.
25. Карпунин М.Ю., Батыршина Э.Р. Правовое регулирование охоты в Российской Федерации // Образование и прав. 2023. № 11. С. 352–356.
26. Старикова П.А. Правовые и организационные аспекты регулирования охоты в Российской Федерации // Моя профессиональная карьера. 2022. Т. 1, № 40. С. 25–31.

References

1. Aliev, R.I. (2021) Yuridicheskaya kharakteristika okhotkhozyaystvennogo soglasheniya [Legal Characteristics of a Hunting Agreement]. *Yuridicheskaya nauka i praktika*. 17 (3). pp. 63–68.

2. Gorokhov, D.B. (2022) O pravotvorchestve v sfere prirodopolzovaniya: v chem zaklyuchayutsya istinnye "osobennosti natsionalnoy okhoty" [On Law-Making in the Sphere of Nature Management: What are the True "Peculiarities of the National Hunt"]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 15 (2). pp. 28–59.
3. Anisimov, A.P. (2013) Pravovoy rezhim okhotnichikh ugody [Legal Regime of Hunting Grounds]. *Yuridicheskaya nauka*. 1. pp. 26–29.
4. Braginsky, M.I. & Vitryansky, V.V. (2020) *Dogovornoe pravo. Obshchie polozheniya* [Contract Law. General Provisions]. Moscow.
5. Getalova, M.A. (2002) *Dogovornye otnosheniya v oblasti okhrany okruzhayushchey sredy* [Contractual Relations in the Field of Environmental Protection]. :Law Cand. Diss. Moscow.
6. Sinitsyn, S.A. (2021) Grazhdanskoe pravo v sovremennykh sotsialno-ekonomicheskikh usloviyakh [Civil Law in Modern Socio-Economic Conditions]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 1. pp. 8–15.
7. Kozyar, N.V. & Mityakina, N.M. (2016) Sovremennoe predstavlenie o kategorii "predprinimatelskiy dogovor": na primere okhotkhozyaystvennogo soglasheniya [Modern Understanding of the Category "Business Contract": On the Example of a Hunting Agreement]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 3 (224) 35. pp. 143–146.
8. Minina, E.L. (2016) *Pravovoe regulirovanie ispolzovaniya i okhrany biologicheskikh resursov* [Legal Regulation of the Use and Protection of Biological Resources]. Moscow: INFRA-M.
9. Bogolyubov, S.A. & Khachaturov, R.L. (2016) *Pamyatniki rossiyskogo prava: v 35 t.* [Monuments of Russian Law: in 35 vols]. Vol. 25. Moscow: Yurlitinform.
10. Klyukin, B.D. (2004) O razvitiy dogovornoj osnovy prava polzovaniya nedrami [On the Development of the Contractual Basis of Subsoil Use Rights]. *Gosudarstvo i pravo*. 9. p. 49.
11. Minina, E.L. (2021) Normativnoe zakreplenie printsipov prirodoresursnogo zakonodatelstva [Normative Consolidation of the Principles of Natural Resource Legislation]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 25 (6). pp. 162–177.
12. Kraeva, V.N. (2012) Osobennosti okhotkhozyaystvennogo soglasheniya [Features of a Hunting Agreement]. *Sovremennye problemy prirodopolzovaniya, okhotovedeniya i zverovodstva*. 1. pp. 273–274.
13. Khaustov, D.V. (2003) *Publichno-pravovye dogovory kak osoboy instrument gosudarstvennogo regulirovaniya prirodopolzovaniya* [Public Law Contracts as a Special Tool of State Regulation of Nature Management]. :Law Cand. Diss. Moscow.
14. Neshitinskaya, L.F. (2024) Okhotkhozyaystvennoe soglasenie kak grazhdansko-pravovoy dogovor [Hunting Agreement as a Civil Law Contract]. *Grazhdanskoe pravo*. 5. pp. 11–14.
15. Iutin, I.G., Kichigin, N.V., Pakhareva, G.V., Ponomarev, M.V. & Shirobokov, A.S. (2011) *Kommentariy k Federalnomu zakonu ot 24 iyulya 2009 g. № 209-FZ "Ob okhote i o sokhraneni okhotnichikh resursov i o vnesenii izmeneniy v otdelnye zakonodatelnye akty Rossiyskoy federatsii" (postateynnyy)* [Commentary on the Federal Law No. 209-FZ of July 24, 2009 "On Hunting and on the Conservation of Hunting Resources and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (Article-by-Article)]. Moscow: Yustitsinform.
16. Bogolyubov, S.A. & Khachaturov, R.L. (2020) *Formirovanie i razvitiye otrasley prava v istoricheskoy i sovremennoy pravovoy realnosti Rossii: v 12 t.* [Formation and Development of Branches of Law in the Historical and Modern Legal Reality of Russia: in 12 vols]. Vol. 11. Moscow: Yurlitinform.
17. Kraeva, V.N. (2010) *Pravovoe regulirovanie polzovaniya okhotnichimi resursami na zakreplennykh okhotnichikh ugodyakh* [Legal Regulation of the Use of Hunting Resources in Assigned Hunting Grounds]. :Law Cand. Diss. Moscow.
18. Galinovskaya, E.A. & Ponomarev, M.V. (2021) Strategicheskoe planirovanie v prirodoresursnoy sfere (pravovoy aspekt) [Strategic Planning in the Natural Resource Sphere (Legal Aspect)]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2. pp. 65–86.
19. Anisimov, A.P. & Isakova, Yu.I. (2024) *Ekologicheskyy dogovor: ponyatie i mesto v sisteme grazhdansko-pravovykh dogovorov* [Environmental Contract: Concept and Place in the System of Civil Law Contracts]. *Sovremennoe pravo*. 3. pp. 73–80.
20. Belyaeva, O.A. (2010) *Pravovye problemy auktsionov i konkursov* [Legal Problems of Auctions and Tenders]. Moscow: Yurisprudentsiya.
21. Shunaeva, D.D. (2019) Tsifrovaya ekonomika i informatsionnoe obespechenie v sfere okhotnicheskogo khozyaystva [Digital Economy and Information Support in the Field of Hunting]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 1. pp. 159–169.
22. Tikhomirov, Yu.A. & Talapina, E.V. (2020) Pravo kak effektivnyy faktor ekonomicheskogo razvitiya [Law as an Effective Factor of Economic Development]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 1. pp. 4–26.
23. Khabrieva, T.Ya. (2012) *Korrupsiya: priroda, proyavleniya, protivodeystvie* [Corruption: Nature, Manifestations, Counteraction]. Moscow: Yurisprudentsiya.
24. Tikhomirov, Yu.A. (2018) *Yuridicheskoe prognozirovanie* [Legal Forecasting]. Moscow: Kontrakt.
25. Karpukhin, M.Yu. & Batyrshina, E.R. (2023) Pravovoe regulirovanie okhoty v Rossiyskoy Federatsii [Legal Regulation of Hunting in the Russian Federation]. *Obrazovanie i pravo*. 11. pp. 352–356.
26. Starikova, P.A. (2022) Pravovye i organizatsionnye aspekty regulirovaniya okhoty v Rossiyskoy Federatsii [Legal and Organizational Aspects of Hunting Regulation in the Russian Federation]. *Moya professional'naya kar'era*. 1 (40). pp. 25–31.

Информация об авторах:

Иванова С.В. – д-р юрид. наук, профессор кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: servis-05@list.ru

Рыбак С.В. – канд. юрид. наук, зав. кафедрой «Гражданское право» Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: Svetoch_2504@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.V. Ivanova, Dr. Sci. (Law), professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: servis-05@list.ru

S.V. Rybak, Cand. Sci. (Law), head of the Civil Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: Svetoch_2504@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.03.2025;
одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 05.03.2025;
approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.

Научная статья
УДК 347.9
doi: 10.17223/15617793/515/27

Понимание природы административного иска через призму научных взглядов М.А. Гурвича

Елена Сергеевна Кошечева¹

¹ Волго-Вятский институт (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Киров, Россия,
koscheeva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена построению оптимальной доктринальной основы для понимания природы административного иска. На основании системного анализа концепции иска, предложенной М.А. Гурвичем, механизма ее применения, определена наиболее оптимальная доктринальная основа для достижения единого понимания правовой сущности административного иска как средства защиты в публичном правоотношении. Концепция формирования права на иск, проведенная М.А. Гурвичем, позволяет выстроить логическую доктринальную позицию относительно механизма возникновения и развития административного иска.

Ключевые слова: административный иск, право на иск, спор о публичном праве, публичное правоотношение, административное судопроизводство

Для цитирования: Кошечева Е.С. Понимание природы административного иска через призму научных взглядов М.А. Гурвича // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 230–237. doi: 10.17223/15617793/515/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/27

Understanding the nature of the administrative claim through the prism of Mark Gurvich's scientific views

Elena S. Koshcheeva¹

¹ Volga-Vyatka Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University, Kirov, Russian Federation,
koscheeva@yandex.ru

Abstract. The problem addressed in this article lies in the formation of a doctrinal foundation for understanding the nature of the administrative claim as a means of protecting rights in the sphere of public-law relations. The understanding of the formation of a claim and the right to a claim within civil procedure, as developed by the renowned procedural scholar Mark Gurvich, provides a basis for constructing a logical doctrinal position regarding the mechanism of the emergence and development of the administrative claim. Of particular interest are not so much his views on the nature of the claim itself, but rather the totality of his scientific views on the formation of a claim through its transformation from a substantive right of claim within regulatory legal relations into the very construct of a claim in procedural law. The author adopts Gurvich's position as a foundation, which holds that from a substantive legal perspective, the formation of a claim involves a "three-stage" development of the legal relation (or of a right within a legal relation). Subsequently, the author conducts a sequential analysis of the transformation of the public legal relation and its specific features at each of the three stages. Within the analysis of the first stage, it is established that public relations, in the process of forming the right to an administrative claim, undergo several states: from general to specific. Furthermore, these relations are of an active type, i.e., they are formed on the basis of obligating norms, and the center of the legal relation lies in the legal duty. It is also concluded that at the stage of a general legal relation, its content consists of the legitimate interest of a private entity and the legal duty of a public entity outside the framework of a specific legal relation. When the relation acquires a specific character, the legitimate interest transforms into a subjective public right. Within the analysis of the second stage, it is concluded that a claim in the state of the right to an administrative claim in its substantive legal aspect does not exist. Instead, there exists a demand for the performance of a legal duty as a subjective public right within specific relations, along with the possibility of applying extrajudicial methods of protection to it. As a result of analyzing the third stage, the author establishes that the right to an administrative claim, both in its substantive and procedural senses – unlike the civil claim – are similar in their legal nature in that both are, in the true sense of the word, demands made upon the state. The construct of the right to an administrative claim can be considered in both enforcement-oriented (*pravoprimeritel'nyi*) and procedural senses. However, the specific features of the transformation of the right to an administrative claim directly influence the future construct of the administrative claim itself, to which the content of the elements of a civil claim cannot be applied by analogy.

Keywords: collegiality, international criminal justice authorities, composition of court, making decisions, individual opinion

For citation: Koshcheeva, E.S. (2025) Understanding the nature of the administrative claim through the prism of Mark Gurvich's scientific views. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 230–237. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/27

Введение. Постановка проблемы

Одним из центральных направлений исследований в науке гражданского процессуального права является институт иска. Фундаментальные научные труды, предметом которых выступала категория иска, имели место как в трудах дореволюционных процессуалистов [1–4], советских ученых [5–8] и не менее актуальны в настоящее время [9, 10]. Традиционные доктринальные исследования проводились исключительно в рамках исследования иска как средства защиты права гражданского [1, 6, 8, 10] или возникающего из частных правоотношений и не распространялось на сферу отношений с участием государства. Отсутствие указанных научных исследований было связано с доминирующей точкой зрения, что отдельный частный субъект (гражданин или организация) не могут вступить в спор с государством. Так, в дореволюционный период в научной литературе были упоминания об иске административном, но в рамках анализа опыта зарубежных стран [5. С. 18–30], а в советский период возникающие споры в науке завершались в силу иного подхода законодателя [11], который не допускал применение исковых конструкций к действующему в соответствующих процессуальных кодексах порядку рассмотрения дел с участием публичного субъекта.

С принятием в 1993 г. Конституции РФ, в ч. 2 ст. 118 появилось указание на новый вид судопроизводства – административное. На основании буквального толкования нормы было понятно, что этот отдельный вид судопроизводства не является тождественным гражданскому, однако даже комментарий к Конституции РФ каких-либо пояснений по указанному вопросу не содержал [12. С. 483–484]. Вместе с тем с принятием каких-либо процессуальных кодифицированных актов, регулирующих порядок административного судопроизводства, или с корректировкой действующих в рамках действующего Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 г. законодатель не торопился. Более того, в процессе обсуждения в 2002 г. и принятия нового кодифицированного акта, регулирующего порядок гражданского судопроизводства, правовое регулирование порядка рассмотрения дел, вытекающих из спорных публичных отношений, было сохранено в нормах Гражданского процессуального кодекса РФ в рамках подраздела III «Производство по делам, возникающим из публичных правоотношений» и исключало применение исковых конструкций. Вместе с тем учеными-административистами идея необходимости принятия отдельного нормативного акта неоднократно поднималась [13–15].

Ситуация кардинально изменилась, когда в 2015 г. был принят Кодекс административного судопроизводства РФ, который вызвал в научной среде весьма бурные научные дискуссии [16–20], ключевым вопросом большинства из которых явилась отраслевая принадлежность норм, регулирующих порядок рассмотрения и разрешения судами административных дел «новых» категорий. Также новеллой законодателя было и то, что в основу административного судопроизводства

был положен исковой порядок защиты прав, что потребовало нового доктринального осмысления и построения единой концепции правопонимания административного иска без серьезной опоры на имеющиеся научные разработки по данной тематике.

Иными словами, конструкция иска, применяемая для защиты субъекта в публичном споре о праве, не является типичной для правосудия, хотя с точки зрения процессуальной науки этот термин не является новым. Деятельность судебных органов при разрешении споров с властью всегда находится под пристальным вниманием общества, получая самые разнообразные оценки. Решения судов должны носить принципиальный характер, определяющий в том числе направления законодательного регулирования, реализацию полномочий исполнительной власти и т.п.

Проблема, решению которой посвящена настоящая статья, находится в сфере формирования доктринальной основы для понимания природы административного иска как средства защиты прав в сфере публичных отношений. Разработанное в рамках научных трудов известным процессуалистом М. А. Гурвичем понимание порядка формирования иска и права на иск в рамках гражданского процесса позволит выстроить логическую доктринальную позицию относительно механизма возникновения и развития административного иска.

Структура анализа правоотношения, примененная М. А. Гурвичем

Для построения доктринальной позиции относительно механизма возникновения и развития административного иска следует применить научные взгляды М. А. Гурвича. При этом интерес представляют взгляды не столько на природу самого иска, сколько совокупность его научных взглядов на формирование иска посредством трансформации от материального права требования в рамках регулятивных правоотношений до собственно конструкции иска в процессуальном праве. Целостность картины научных взглядов М. А. Гурвича возможно построить на анализе всей совокупности его основных научных трудов [8, 21–23].

Основу доктрины в понимании иска в гражданском процессе в трудах ученого легло разделение материального и процессуального понимания права на иск и их анализ в качестве самостоятельных субъективных прав с определенной спецификой формирования и содержания. Для проведения настоящего исследования нет задачи говорить о «единстве» права на иск и давать оценку современным взглядам на указанную категорию. Ценность научных взглядов М. А. Гурвича для решения стоящих в рамках данной статьи цели видится в его отдельном последовательном анализе трансформации «материальной» части иска от состояния самостоятельного субъективного материального права до состояния самостоятельного субъективного права в рамках процессуальных отношений. Именно этот подход позволяет также увидеть прямую связь между характером материального права и способом защиты, выраженном в одном из элементов иска в последующем.

А применительно к анализу административного иска применение подобного механизма исследования позволит раскрыть его сущность.

Согласно научным взглядам М.А. Гурвича с материально-правовой позиции при формировании иска имеет место «трёхэтапное» развитие правоотношения (или права в правоотношении): существование притязания как субъективного материального права в рамках регулятивного правоотношения; право требования «в состоянии права на иск»; право на иск в материальном смысле как самостоятельное субъективное право в охранительных правоотношениях.

В рамках первого этапа в материальном правоотношении существует притязание, которое представляет собой «субъективное право требования, которому корреспондирует встречная обязанность должника совершить определенное действие или от него воздержаться» [23. С. 39]. На этом этапе право не может быть осуществлено принудительно.

В рамках второго этапа право требования переходит в «состояние права на иск» [23. С. 7] или состояние «зрелого» права на иск. Содержание «зрелого» права полностью определяется содержанием того требования, которое, созрев, представляет собой иск. Начинается этот этап с момента начала течения срока исковой давности, может быть предметом уступки права. При этом трансформации подлежит и корреспондирующая обязанность – она приходит в «состояние возможной реализации принуждения (как правило, через суд) по требованию истца» [23. С. 8]. В этом состоянии право на иск «подобно пружине, готово развернуться в исполнении обязанности помимо воли лица обязанного» [23. С. 7].

Анализ преобразования материального отношения до состояния иска также был предметом исследований в рамках общей теории права [24]. При этом общая логика по выделению трёх условных этапов для характеристики появления иска согласуется и с концепцией перехода от регулятивного к охранительному правоотношению и пониманию «правовой аномалии» в трудах Е.Г. Лукьяновой, в частности [25].

Притязание в рамках материального правоотношения

Остановимся на анализе первого этапа формирования права на иск в рамках концепции М.А. Гурвича. В самом общем виде этот анализ заключается в выявлении сущности материального правоотношения и характеристике притязания, являющегося основой формирования самостоятельного права на иск в будущем.

Безусловно, исследование М.А. Гурвича было направлено на анализ гражданского правоотношения, которое по своей природе относится к группе частных правоотношений. Целью настоящей исследования выступает приложение указанной концепции в рамках каждого из ее этапов к отношениям публичным.

Определим публичные отношения, в рамках которых следует рассматривать существование первоначального притязания.

Следует отметить, что определение сущности материального правоотношения, из которого можно отследить «зарождение» административного иска, представляет собой определенную сложность. Это связано, во-первых, с возможностью применения категории «публичное» правоотношение и неоднозначность его понимания; во-вторых, сложность определения круга отраслей права, регулирующих спорное правоотношение.

Неоднозначность в понимании категории «публичное» правоотношение связано с несколькими аспектами. В первую очередь это истоки появления рассматриваемого понятия, которое тесно связано с заимствованным из римского права дуализмом в делении права на частное и публичное. Выделение в римском праве «публично-правовой и частноправовой сферы было обусловлено практической потребностью и имело значение в процессуальном аспекте» [24]. Во-вторых, восприятие указанного деления в рамках российской правовой науки также было неоднозначным. Правоведы дореволюционной России находились в постоянных спорах об определении «демаркационной линии» между частным и публичным правом [26. С. 113]. В-третьих, в советский период существовало «табу на само деление объективного права на частное и публичное» [27]. В качестве заключительного аргумента неоднозначности в понимании категории «публичное» правоотношение отметим отсутствие единого мнения в отношении оснований для разграничения частного и публичного права и в современной науке. При этом для их разграничения в настоящее время наибольшее распространение получила категория «интерес» [24, 28].

По мнению многих авторов, одной лишь категории «интерес» при анализе правоотношений недостаточно. Предлагаются к применению дополнительно: или «весьма распространенная в романо-германской правовой системе модифицированная теория субъекта, исходящая из сущности конкретного правоотношения, поскольку принимает за основу содержание правоотношения – права и обязанности сторон» [29], или «формальные (юридические) признаки, в первую очередь метод правового регулирования» [30]. Иными словами, в качестве дополнительных к критерию «интерес» следует рассматривать «способ построения и регулирования юридических отношений – положение субъекта в правоотношении и признак централизации или децентрализации правового регулирования» [31]. Последнее десятилетие в рамках указанного направления исследования наиболее актуальной проблемой в науке является не разграничение, а поиск баланса частных и публичных интересов [32].

Вторым критерием мы выделяем сложность определения круга отраслей права, регулирующих спорное «публичное» правоотношение. Поскольку вопрос соотношения частного и публичного права в отношении конкретных отраслей не является определяющим для правового регулирования и имеет лишь теоретическую ценность, существует лишь условное разграничение на основе указанных выше принципов применительно к отраслям права. Так, в частности, конституционное,

административное, финансовое право и т.д. традиционно относят к отраслям публичного права, а гражданское, семейное и т.д. – частного. При этом остается много противоречий: в частности, вопрос по гражданским правоотношениям, возникающим на основании решений публичных субъектов. Отнесение их к группе отношений, требующих применения административно-правовых способов защиты, а также административного иска (в контексте судебной защиты) подтверждается серьезными научными исследованиями [33] и практикой применения [34].

Оговорив все сложности с доктринальной точки зрения, определим, каким образом можно определить «притязание» в рамках «регулятивных» «материальных» «публичных» правоотношений. По мнению автора, отправной точкой является содержание правоотношения с позиции частного субъекта (для схематизации в рассмотрении искомых категорий примем за основу публичное отношение как отношение «частный субъект – публичный (властный) субъект»), иными словами – субъективное право или иное правовое явление. Рассматривая первый этап формирования права на административный иск, за основу примем позицию А.В. Малько, что в публичных отношениях частному субъекту принадлежит «законный интерес». При этом «в отличие от классически понимаемого субъективного права, он характеризуется лишь двумя правомочиями – право-поведением и право-притязанием» (цит. по: [35. С. 39]).

И в этой связи с позиции теории права встает несколько вопросов:

1) обозначая законный интерес как основу притязания для формирования права на административный иск, исключаем применение конструкции субъективное публичное право в рамках данного первого этапа;

2) учитывая научные позиции применительно к природе законного интереса, встает вопрос – существует этот законный интерес в рамках правоотношений или вне их, поскольку только существование субъективного права связывается с корреспондирующей юридической обязанностью, что составляет содержание правоотношения [36. С. 51].

Для ответов на указанные вопросы обратимся как к классическим трудам по теории права [37], так и современным фундаментальным научным исследованиям [38].

Автор полагает, что разница между содержанием публичного и частного правоотношения на этапе его «материального» «регулятивного» состояния существенно отличается. Сущность различий наиболее четко отражается в теории правоотношений общих и конкретных правоотношений [37. С. 102–104], а также правоотношений активного и пассивного типа, предложенной С.С. Алексеевым [37. С. 109–111]. Применительно к рассматриваемой проблематике обозначим следующее. Во-первых, публичные отношения в рамках формирования права на административный иск «проживают» несколько состояний: от общего к конкретному. На первом этапе они носят характер общих отношений (не имеют поименной индивидуализации частных субъектов, конкретизирован только публичный субъект). Во-вторых, на первом этапе эти отноше-

ния являются отношениями активного типа, т.е. «складываются на основании обязывающих норм», «центр правоотношения находится в юридической обязанности» [37. С. 109], которая возложена на публичного субъекта. При этом интерес частного субъекта удовлетворяется за счет положительных действий обязанным лицом. В-третьих, в правоотношениях активного типа на этапе общего характера правоотношения содержанием выступают законный интерес частного субъекта и юридическая обязанность публичного субъекта, при этом с позиции С.С. Алексеева такая связь существует вне рамок конкретного правоотношения: «именно здесь юридическая обязанность (своей активной частью) выходит за пределы правовой связи как таковой и непосредственно соотносится с интересом лица» [37. С. 128]. При этом, когда отношение приобретает конкретный характер, законный интерес трансформируется в субъективное публичное право.

Иными словами, в момент, когда частный субъект индивидуализируется (обращается в уполномоченный орган и т.п.), законный интерес трансформируется в субъективное публичное право, а правоотношение становится конкретным. Субъективное публичное право при этом имеет «усеченную структуру», отличающуюся от структуры субъективного частного материального права: состоит только из правомочия требовать, отсутствует правомочие притязать (в смысле содержания гражданского права) [37. С. 133]. Далее оно может быть реализовано в рамках регулятивных публичных отношений. Однако для настоящего исследования интерес представляют случаи нарушения субъективного публичного права, когда отношение переходит в состояние охранительного правоотношения, а субъективное публичное право в «состояние права на иск».

Состояние права на административный иск

В рамках второго этапа законный интерес трансформируется в субъективное публичное право в состоянии исковой защиты. Здесь содержание субъективного права соответствует сущности будущего иска. В этой связи следует отметить, что если в отношениях пассивного типа (где акцент ставится на субъективное право и его содержание как право активно действовать) появляются варианты требования, которые непосредственно связаны со способами защиты (в частности, гражданских прав), то в рамках отношений, где акцент ставится на обязанности публичного субъекта реализовать свои полномочия по отношению к конкретному частному субъекту определенным образом и последующая ситуация с «правовой аномалией» (вывод частного субъекта, что допущено нарушение) порождает совершенно иную картину.

Кроме того, по мнению М.А. Гурвича в частном правоотношении вторая стадия «состояние права на иск» характеризуется трансформацией не только защищаемого права, но и юридической обязанности: на первой стадии «исполнение обязанности может быть только добровольным, хотя бы и в сознании угрозы неизбежного наступления в будущем возмож-

ности принуждения» [23. С. 8]. Однако в рамках публичного отношения, определенного нами в рамках концепции С.С. Алексеева как отношения активного типа, юридическая обязанность первоначально не предполагает добровольности. Кроме того, ее сущность изначально в рамках конкретных отраслевых отношений суть реализация полномочий органа государственной власти.

Таким образом, в рамках второй стадии мы говорим о двух принципиальных особенностях.

Во-первых, характеристика субъективного публичного права не имеет как таковой «материальной» природы, основанной на притязании. Это связано с тем, что законный интерес и корреспондирующая ему юридическая обязанность в общем отношении (или «вне» конкретного правоотношения) в случае нарушения юридической обязанности конкретизируются только в охранительном правоотношении. Следовательно, отсутствие фактического конкретного публичного правоотношения не позволяет определить «материальное» содержание субъективного права, а значит, и говорить о наличии притязания на второй стадии. Это означает фактическую невозможность говорить о «способах защиты права» по аналогии со ст. 12 Гражданского кодекса РФ, в частности.

Во-вторых, «состояние права на административный иск» в его материально-правовом содержании не существует, поскольку невозможно конкретизировать содержание субъективного материального публичного права. Следовательно, требование в «состоянии права на административный иск» говорит лишь о процессуальной возможности применения административно-правовых (внесудебных) способов защиты (жалоба в порядке подчиненности и т.п.).

Иными словами, с позиции концепции М.А. Гурвича, требования «в состоянии права на административный иск» в его материально-правовом аспекте не существует. Здесь мы можем говорить лишь о существовании требования об исполнении юридической обязанности как субъективного публичного права в рамках конкретных отношений и возможности применить к нему внесудебные способы защиты.

Важным сопутствующим выводом будет и позиция относительно отсутствия понятия «административно-правовой спор», поскольку спорность относительно наличия или отсутствия права в материальном правоотношении не ставится в принципе, в силу отсутствия притязания. Данная позиция автора является неоднозначной, поскольку не дается ответ на вопрос о наличии спора в исках о признании и преобразовательных исках. Тем не менее подобным выводом автор желает подчеркнуть принципиальные отличия природы субъективного права в рамках частных и публичных материальных правоотношений.

Процессуальный подход к пониманию административного иска

На основании изложенного выше подход к характеристике третьего этапа формирования права на иск является весьма непростым. С позиции М.А. Гурвича на

этом этапе право на иск в материальном смысле выступает как самостоятельное субъективное право в охранительных правоотношениях. Прежде чем обозначать позицию в отношении формирования права на административный иск на этом этапе, отметим, что М.А. Гурвич, к сожалению, не определяет к какому из видов правоотношений (регулятивное или охранительное) относится второй этап, когда требование находится в «состоянии права на иск». В этом вопросе автору видится необходимым оттолкнуться от позиции Е.А. Лукьяновой [25. С. 112], когда «правовая аномалия» выступает рубиконом между регулятивным и охранительным отношением. В рамках указанного понимания второй этап реализуется в рамках охранительных отношений.

В рамках концепции М.А. Гурвича иск (право на иск) в материальном (гражданско-правовом) смысле возникает на основании двух групп фактов: первые факты правообразующие (например, заключение договора) и вторая группа фактов «искообразующие» (например, нарушение права). Здесь мы сделали вывод о неприменимости указанной конструкции в виду отсутствия притязания и конкретного субъективного права в правоотношении. Однако М.А. Гурвич отдельно поясняет применение его теории к искам о признании, в которых также правоотношение выступает в «неисковом» состоянии. Здесь, по мнению ученого, «право на иск выступает как предмет отрицательного суждения суда» [23. С. 9], не обладающего принудительным исполнением. В этой связи цель административного иска состоит в устранении неопределенности и реализации судом функции судебного контроля в отношении действий органов исполнительной и законодательной ветви власти путем подтверждения законности или незаконности их действия (решения) или изданного нормативно-правового акта и т.п.

В этой связи конструкция иска, а также права на иск в материальном (гражданско-правовом) смысле не могут быть применены по аналогии к пониманию иска административного. Право на административный иск и в материальном смысле, и в процессуальном смысле, в отличие от гражданского иска, близки по своей правовой природе тем, что оба являются в собственном смысле слова требованиями к государству. При этом если право на иск в процессуальном смысле (право на предъявление иска) вытекает из конституционного права на судебную защиту, то право на иск в материальном смысле вытекает из права требования в рамках иных публичных отраслей права (в частности, административного). В этой связи выделение материального и процессуального смысла в праве на административный иск видится не вполне целесообразным. Наличие схожей природы не означает полное тождество указанных смыслов права на иск, поэтому в контексте терминологии возможно говорить о конструкции права на иск в правоприменительном и процессуальном смыслах. При этом указанные особенности напрямую влияют на будущую конструкцию административного иска, к которой невозможно будет применить содержание элементов гражданского иска по аналогии, поскольку связь основных элементов иска будет зависеть от особенностей трансформации права на административный иск в правоприменительном смысле.

Заключение

Применение концепции М.А. Гурвича в части этапов формирования права на иск в материальном смысле, по мнению автора, дает возможность наиболее полно провести анализ механизма возникновения и развития административного иска. При этом для анализа формирования права на административный иск применение категории «законный интерес» не исключает применения категории «субъективное публичное право». Более того, в зависимости от этапа формирования права на административный иск первое трансформируется во второе. Особенности формирования права на административный иск являются следующие:

1. На первом этапе публичное отношение существует как в общем, так и конкретном (индивидуализированном) виде. Общий вид определяет правовую связь между законным интересом и юридической обязанностью публичного субъекта, на которой делается акцент в рамках активного правоотношения. Когда отношение приобретает конкретный характер, законный интерес трансформируется в субъективное публичное право.

2. Требования «в состоянии права на административный иск» в его материально-правовом аспекте через призму концепции М.А. Гурвича не существует, но

имеется требование об исполнении юридической обязанности как субъективного публичного права в рамках конкретных отношений и возможности применить к нему внесудебные способы защиты.

3. В рамках третьего этапа целесообразно говорить не о формировании права на иск в материальном смысле, а о праве на административный иск в правоприменительном смысле, который по своей природе очень близок праву на иск в процессуальном смысле. Оба права требования направлены в адрес государства, но исходят из различных публичных правоотношений.

Построение концепции административного иска по аналогии с иском гражданским приводит к искажению смысла административной судебной защиты, и, как следствие, судебной защиты прав отдельных лиц в рамках публичных отношений в целом. Таким образом, применение концепции М.А. Гурвича позволяет выявить те особенности в формировании права на административный иск, которые позволяют определить подход к формированию самостоятельного подхода в построении доктрины административного иска, не применяя по аналогии конструкцию иска гражданского.

Список источников

1. Энгельман И.Е. О давности по русскому гражданскому праву: историко-догматическое исследование давности по русскому гражданскому праву: историко-догматическое исследование И. Энгельмана, орд. проф. Дерптского ун-та. 2-е, доп. изд. Судебного вестника. СПб., 1868. 244 с. URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/2/?ysclid=lowks5ukb1818300282>
2. Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М. : Издание Бр. Башмаковых, 1917. URL: <https://urait.ru/book/uchebnik-grazhdanskogo-processa-386275?ysclid=lowly3jmtt871062625>
3. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. М. : Тип Моск. ун-та, 1909. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003760451/?ysclid=lowlzonvhf538225858
4. Гордон В.М. Иски о признании. Ярославль : типография Губернского Правления, 1906. URL: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/18570?mode=full&ysclid=lowm0qqcpo22517670>
5. Рязановский В.А. Единство процесса : учеб. пособие. М., 2024.
6. Добровольский А.А. Исковая форма защиты права: основные вопросы учения об иске. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965.
7. Чечот Д.М. Иск и исковые формы защиты права // Правоведение. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. № 4. С. 71–79.
8. Гурвич М.А. Учение об иске. М. : Типография НИИмаш, 1981. 39 с.
9. Осокина Г.Л. Проблемы иска и права на иск : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1990. 414 с.
10. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М., 2008. 401 с.
11. Кошечкина Е.С. Дискуссия Сергея Наумовича Абрамова (УрГЮА) и Александра Филипповича Клейнмана (МГУ) о природе административного иска // Право и общество. 2022. № 1 (6). С. 18–21.
12. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Ю.В. Кудрявцева. М. : Правовая культура, 1996. 552 с.
13. Салищева Н.Г. Административное судопроизводство требует кодификации // ЭЖ-Юрист. 2003. № 12. URL: <https://base.garant.ru/3952592/?ysclid=lownv0aqs2574853690>
14. Стариков Ю.Н. Административная юстиция в России // Lex Russica. 2016. Т. 25, № 1. С. 21–33.
15. Бахрах Д.Н. Юридический процесс и административное судопроизводство // Журнал российского права. М. : Норма, 2000. № 9. С. 6–17.
16. Боннер А.Т. Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность, или Спор процессуалиста с административистом // Закон. 2016. № 7. С. 24–51.
17. Громошина Н.А. О единстве процесса и месте административного судопроизводства в системе российского права: продолжение дискуссии // Административное право и процесс. 2018. № 3. С. 42–46.
18. Сахнова Т.В. Процессуализация КАС РФ как зеркало процессуальной эволюции // Вестник гражданского процесса. 2018. № 4. С. 11–24.
19. Стариков Ю.Н. Дискуссия об административном судопроизводстве и Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации: год 2020-й // Журнал административного судопроизводства. 2020. № 3. С. 5–23.
20. Стариков Ю.Н. Административное судопроизводство и КАС РФ: к прекращению дискуссии о его отраслевой процессуальной принадлежности, уникальности, самостоятельности, избыточности или несостоятельности // Судебные и внесудебные формы защиты гражданских прав : сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Елены Ивановны Носыревой / отв. ред. Д.Г. Фильченко. М. : Инфотропик Медиа, 2020. С. 96–124.
21. Гурвич М.А. Избранные труды : в 2 т. / ред. Т.Е. Абова. Краснодар : Совет Кубань, 2006. Т. 1. 672 с.
22. Гурвич М.А. Избранные труды : в 2 т. / ред. Т.Е. Абова. Краснодар : Совет Кубань, 2006. Т. 2. 544 с.
23. Гурвич М.А. Право на иск : учеб. пособие. М. : ВЮЗИ, 1978. 53 с.
24. Аксенова О.В. Публичное и частное в римском праве: аксиологический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007.
25. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М. : НОРМА, 2003. 233 с.
26. Голубцов В.Г. Теории разграничения публичного и частного права в дореволюционной российской науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 2 (20). С. 112–118.
27. Бекбаев Е.З. Правоотношения частные и публичные // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 11. С. 222–225.

28. Сатонина К.А. Публичное и частное право: вопросы теории и практики: Становление и развитие в условиях правовой системы Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2005.
29. Деркач Т.В. Частное и публичное право как парные юридические категории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
30. Маштаков К.М. Теоретические вопросы разграничения публичного и частного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001.
31. Васильев С.В. Частное и публичное право в России : Историко-теоретический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002.
32. Архипова Е.Ю. Баланс частных и публичных интересов при правовом регулировании // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 2. С. 132–139.
33. Кузнецова О.А. Административный порядок защиты гражданских прав // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 42–58.
34. Письмо Верховного Суда РФ от 5 ноября 2015 г. № 7-ВС-7105/15 «О направлении информации по категориям гражданских дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции в исковом порядке» // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71219272/?ysclid=lp7a7ekzxw44535950>
35. Зеленцов А.Б. Законные интересы в сфере публичного управления // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2009. № 5. С. 37–45.
36. Белов В.А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского правоотношения: содержание о соотношении понятий // Объекты гражданского оборота : сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. докт. юрид. наук М.А. Рожкова. М. : Статут, 2007. С. 6–78.
37. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. Т. II. М. : Юрид. лит., 1982. 360 с.
38. Зеленцов А.Б. Административно-правовой спор: вопросы теории. М. : Издательство Российского университета дружбы народов, 2005. 732 с.

References

1. Engelmann, I.E. (1868) *O давности по русскому гражданскому праву: историко-догматическое исследование* [On Prescription in Russian Civil Law: A Historical-Dogmatic Study]. 2nd ed. Saint Petersburg. [Online] Available from: <https://civil.consultant.ru/elib/books/2/?ysclid=lowks5ukb1818300282> (Accessed: 25.05.2024).
2. Vaskovsky, E.V. (1917) *Uchebnik grazhdanskogo protsessa* [Textbook of Civil Procedure]. Moscow: Izdanie Br. Bashmakov. [Online] Available from: <https://urait.ru/book/uchebnik-grazhdanskogo-processa-386275?ysclid=lowly3jmtt871062625> (Accessed: 25.05.2024).
3. Nefedev, E.A. (1909) *Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Textbook of Russian Civil Procedure]. Moscow: Tipografiya Moskovskogo universiteta. [Online] Available from: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003760451/?ysclid=lowlzonvhf538225858 (Accessed: 25.05.2024).
4. Gordon, V.M. (1906) *Iski o priznanii* [Claims for Recognition]. Yaroslavl: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya. [Online] Available from: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/18570?mode=full&ysclid=lowm0qqcpo22517670> (Accessed: 25.05.2024).
5. Ryznovsky, V.A. (2024) *Edinstvo protsessa* [The Unity of Procedure]. Moscow.
6. Dobrovolsky, A.A. (1965) *Iskovaya forma zashchity prava: osnovnye voprosy ucheniya ob iske* [The Claim Form of Rights Protection: Main Issues of the Doctrine of the Claim]. Moscow: Moscow University.
7. Chehot, D.M. (1969) *Isk i iskovye formy zashchity prava* [The Claim and Claim Forms of Rights Protection]. *Pravovedenie*. 4. pp. 71–79.
8. Gurvich, M.A. (1981) *Uchenie ob iske* [The Doctrine of the Claim]. Moscow: Tipografiya NILmash.
9. Osokina, G.L. (1990) *Problemy iska i prava na isk* [Problems of the Claim and the Right to Sue]. Law Dr. Diss. Tomsk.
10. Sakhnov, T.V. (2008) *Kurs grazhdanskogo protsessa: teoreticheskie nachala i osnovnye instituty* [Course of Civil Procedure: Theoretical Foundations and Basic Institutions]. Moscow.
11. Koshcheeva, E.S. (2022) Diskussiya Sergeya Naumovicha Abramova (UrGYuA) i Aleksandra Filippovicha Kleynmana (MGU) o prirode administrativnogo iska [The Discussion between Sergei Naumovich Abramov (UrSULA) and Alexander Filippovich Kleinman (MSU) on the Nature of the Administrative Claim]. *Pravo i obshchestvo*. 1 (6). pp. 18–21.
12. Kudryavtsev, Yu.V. (ed.) (1996) *Kommentarii k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Constitution of the Russian Federation]. Moscow: Pravovaya kultura.
13. Salishcheva, N.G. (2003) Administrativnoe sudoproizvodstvo trebuyet kodifikatsii [Administrative Proceedings Require Codification]. *EZh-Yurist*. 12. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/3952592/?ysclid=lownv0aqs2574853690> (Accessed: 25.05.2024).
14. Starilov, Yu.N. (2016) Administrativnaya yustitsiya v Rossii [Administrative Justice in Russia]. *Lex Russica*. 25 (1). pp. 21–33.
15. Bakhrakh, D.N. (2000) Yuridicheskii protsess i administrativnoe sudoproizvodstvo [Legal Process and Administrative Proceedings]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 9. pp. 6–17.
16. Bonner, A.T. (2016) Administrativnoe sudoproizvodstvo v Rossiyskoy Federatsii: mif ili realnost, ili Spor protsessualista s administrativistom [Administrative Proceedings in the Russian Federation: Myth or Reality, or A Proceduralist's Dispute with an Administrative Law Scholar]. *Zakon*. 7. pp. 24–51.
17. Gromoshina, N.A. (2018) O edinstve protsessa i meste administrativnogo sudoproizvodstva v sisteme rossiyskogo prava: prodolzhenie diskussii [On the Unity of Procedure and the Place of Administrative Proceedings in the Russian Legal System: Continuation of the Discussion]. *Administrativnoe pravo i protsess*. 3. pp. 42–46.
18. Sakhnov, T.V. (2018) Protsessualizatsiya KAS RF kak zerkalo protsessualnoy evolyutsii [The Proceduralization of the CAS RF as a Mirror of Procedural Evolution]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*. 4. pp. 11–24.
19. Starilov, Yu.N. (2020) Diskussiya ob administrativnom sudoproizvodstve i Kodekse administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii: god 2020-y [The Discussion on Administrative Proceedings and the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation: The Year 2020]. *Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva*. 3. pp. 5–23.
20. Starilov, Yu.N. (2020) Administrativnoe sudoproizvodstvo i KAS RF: k prekrashcheniyu diskussii o ego otraslevoy protsessualnoy prinadlezhnosti, unikalnosti, samostoyatel'nosti, izbytochnosti ili nesostoyatel'nosti [Administrative Proceedings and the CAS RF: Towards Ending the Discussion on Its Branch Procedural Affiliation, Uniqueness, Independence, Redundancy or Invalidity]. In: Filchenko, D.G. (ed.) *Sudebnye i nesudebnye formy zashchity grazhdanskikh prav: sbornik statey k yubileyu doktora yuridicheskikh nauk, professora Eleny Ivanovny Nosyrevoy* [Judicial and Non-Judicial Forms of Protection of Civil Rights: Collection of Articles for the Anniversary of Doctor of Juridical Sciences, Professor Elena Ivanovna Nosyreva]. Moscow: Infotropik Media. pp. 96–124.
21. Gurvich, M.A. (2006) *Izbrannye trudy: v 2 t.* [Selected Works: in 2 vols]. Vol. 1. Krasnodar: Sovet Kuban.
22. Gurvich, M.A. (2006) *Izbrannye trudy: v 2 t.* [Selected Works: in 2 vols]. Vol. 2. Krasnodar: Sovet Kuban.
23. Gurvich, M.A. (1978) *Pravo na isk* [The Right to Sue]. Moscow: VYuZL.
24. Aksenova, O.V. (2007) *Publichnoe i chastnoe v rimskom prave: aksiologicheskii aspekt* [Public and Private in Roman Law: An Axiological Aspect]. Cand. Jurid. Sci. Thesis Abstract. Kazan.
25. Lukyanova, E.G. (2003) *Teoriya protsessualnogo prava* [Theory of Procedural Law]. Moscow: NORMA.
26. Golubtsov, V.G. (2013) Teorii razgranicheniya publichnogo i chastnogo prava v dorevolutsionnoy rossiyskoy nauke [Theories of Distinguishing Public and Private Law in Pre-Revolutionary Russian Science]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 2 (20). pp. 112–118.

27. Bekbaev, E.Z. (2009) *Pravootnosheniya chastnye i publichnye* [Private and Public Legal Relations]. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 11. pp. 222–225.
28. Satonina, K.A. (2005) *Publichnoe i chastnoe pravo: voprosy teorii i praktiki: Stanovlenie i razvitie v usloviyakh pravovoy sistemy Rossiyskoy Federatsii* [Public and Private Law: Questions of Theory and Practice: Formation and Development in the Conditions of the Legal System of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Ufa.
29. Derkach, T.V. (2011) *Chastnoe i publichnoe pravo kak parnye yuridicheskie kategorii* [Private and Public Law as Paired Legal Categories]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
30. Mashtakov, K.M. (2001) *Teoreticheskie voprosy razgranicheniya publichnogo i chasnogo prava* [Theoretical Issues of Distinguishing Public and Private Law]. Abstract of Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
31. Vasiliev, S.V. (2002) *Chastnoe i publichnoe pravo v Rossii: Istoriko-teoreticheskiy analiz* [Private and Public Law in Russia: Historical-Theoretical Analysis]. Abstract of Law Dr. Diss. Saint Petersburg.
32. Arkhipova, E.Yu. (2022) *Balans chastnykh i publichnykh interesov pri pravovom regulirovanii* [The Balance of Private and Public Interests in Legal Regulation]. *Aktualnye problemy gosudarstva i prava*. 6 (2). pp. 132–139.
33. Kuznetsova, O.A. (2017) *Administrativnyy poriyadok zashchity grazhdanskikh prav* [Administrative Procedure for the Protection of Civil Rights]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 1. pp. 42–58.
34. Supreme Court of the Russian Federation. (2015) *Letter of the Supreme Court of the Russian Federation No. 7-VS-7105/15 of November 5, 2015, "On Sending Information on Categories of Civil Cases Considered by Courts of General Jurisdiction in the Claim Procedure"*. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71219272/?ysclid=lpap7ekzxw44535950> (Accessed: 25.05.2024). (In Russian).
35. Zelentsov, A.B. (2009) *Zakonnye interesy v sfere publichnogo upravleniya* [Legitimate Interests in the Sphere of Public Administration]. *Vestnik RUDN. Ser. Yuridicheskie nauki*. 5. pp. 37–45.
36. Belov, V.A. (2007) *Ob"ekt sub"ektivnogo grazhdanskogo prava, ob"ekt grazhdanskogo pravootnosheniya i ob"ekt grazhdanskogo pravootnosheniya: sodержание o sootnoshenie ponyatiy* [The Object of a Subjective Civil Right, the Object of a Civil Legal Relationship and the Object of a Civil Legal Relationship: Content and Correlation of Concepts]. In: Rozhkova, M.A. (ed.) *Ob"ekty grazhdanskogo oborota: sb. st.* [Objects of Civil Circulation: Collection of Articles]. Moscow: Statut. pp. 6–78.
37. Alekseev, S.S. (1982) *Obshchaya teoriya prava: v 2 t.* [General Theory of Law: in 2 vols]. Vol. II. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
38. Zelentsov, A.B. (2005) *Administrativno-pravovoy spor: voprosy teorii* [Administrative-Legal Dispute: Questions of Theory]. Moscow: Izdatelstvo Rossiyskogo universiteta druzhby narodov.

Информация об авторе:

Кошечева Е.С. – канд. юрид. наук, зав. кафедрой гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Киров, Россия). E-mail: koscheeva@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.S. Koshecheva, Cand. Sci. (Law), head of the Department of Civil and Administrative Procedure, Volga-Vyatka Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (Kirov, Russian Federation). E-mail: koscheeva@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.12.2023;
одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.*

*The article was submitted 08.12.2023;
approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.*

Научная статья
УДК 34.096
doi: 10.17223/15617793/515/28

Правовые аспекты социального неравенства, связанные с «разноуровневым» доступом к возможностям искусственного интеллекта*

Елена Алексеевна Савченко¹

¹ Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, elen_savchenko@bk.ru

Аннотация. Определены основные векторы правового регулирования использования искусственного интеллекта, в том числе и в целях устранения «разноуровневого» доступа к возможностям искусственного интеллекта. Результатом исследования стали выводы о необходимости решить проблему «терминологического вакуума», создать программы на федеральном уровне в целях обучения использованию возможностей искусственного интеллекта, расширить перечень отечественных социально значимых информационных ресурсов, например, включить в данный перечень уже созданные информационные ресурсы в сфере культуры.

Ключевые слова: искусственный интеллект, социальное неравенство, «разноуровневый» доступ, социально значимые информационные ресурсы

Для цитирования: Савченко Е.А. Правовые аспекты социального неравенства, связанные с «разноуровневым» доступом к возможностям искусственного интеллекта // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 238–243. doi: 10.17223/15617793/515/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/28

Legal aspects of social inequality associated with a "multi-level" access to artificial intelligence capabilities

Elena A. Savchenko

¹ Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, elen_savchenko@bk.ru

Abstract. The author, analyzing the legal aspects of social inequality associated with a "multi-level" access to the capabilities of artificial intelligence, considers this issue taking into account the changes made to the national strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030, introduced by Decree of the President of the Russian Federation dated February 15, 2024, No. 124, which entered into force on February 15, 2024. Attention is focused on the fact that one of the main threats to the use of artificial intelligence is that, due to reasons beyond the control of citizens, not everyone will have the opportunity to exercise their right to use artificial intelligence in their daily lives. Considering the legal issues of using artificial intelligence, in addition to the issues of social inequality associated with the "multi-level" access to the capabilities of artificial intelligence, scientists note: the need to legally enshrine the principle of transparency when using AI in public administration, regulation of such issues as manipulation when processing personalized information (personal data); the ability to control the behavior of an individual, primarily on the Internet; the development of emotional artificial intelligence; the introduction of the so-called social rating; the need to create legislation that will ensure proper protection of human rights and freedoms when using artificial intelligence. The article aims to reveal the essence of the identified problem and determine the main vectors of legal regulation of the use of artificial intelligence, including for the purpose of eliminating the "multi-level" access to the capabilities of artificial intelligence. The methodological basis of the study was the principles of comprehensiveness, integrity, consistency, and objectivity. The study resulted in conclusions about the need to solve the problem of the "terminological vacuum", create programs at the federal level for the purpose of training in the use of artificial intelligence capabilities, expand the list of domestic socially significant information resources, for example, by including in this list already created information resources in the field of culture.

Keywords: artificial intelligence, social inequality, "multi-level" access, socially significant information resources

For citation: Savchenko, E.A. (2025) Legal aspects of social inequality associated with a "multi-level" access to artificial intelligence capabilities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 238–243. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/28

* Статья подготовлена по материалам выступлений на международной междисциплинарной конференции «Философия искусственного интеллекта – искусственный интеллект и сознание» и на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы цифрового права в условиях формирования экономики данных».

Президент Российской Федерации В.В. Путин в ходе выступления на пленарной сессии Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) в 2023 г. подчеркнул, что «социальная справедливость является одним из принципов развития экономики Российской Федерации», неукоснительное соблюдение которого должно вести к сокращению неравенства. Рост научно-технологического потенциала экономики должен вести к сокращению неравенства, а не к его усугублению. При этом глава государства добавил, что Россия «не является чемпионом по решению этих задач», остается много вопросов.

Как подчеркнул позже, в 2024 г. на Петербургском международном юридическом форуме (ПМЮФ), Председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин, одним из важнейших вопросов развития искусственного интеллекта (далее ИИ) является «проблема возрастающего социального неравенства и расслоения, связанная с «разноуровневым» доступом к возможностям ИИ» [1].

Академик Т.А. Хабриева акцентирует, что «во всем мире наблюдается нарастание правового регулирования» ИИ [2], в то же время нельзя не согласиться с точкой зрения профессора Ю.А. Тихомирова, что «законодательное регулирование «не успевает» за развитием отношений» в сфере искусственного интеллекта, служит средством их «запоздалого» регулирования, не оказывает опережающего воздействия» [3].

В выступлениях многих учёных на международной междисциплинарной конференции «Философия искусственного интеллекта – искусственный интеллект и сознание», которая была организована Российской академией наук, Научным советом при Президиуме РАН по методологии ИИ и когнитивных исследований вместе с Центром искусственного интеллекта МГИМО и рядом российских и зарубежных образовательных и исследовательских организаций, подчёркивалось, что вопросы регулирования использования искусственного интеллекта – проблематика широкого, межотраслевого характера не только правовых наук.

На конференции были рассмотрены вопросы феномена ИИ, например, как возможности перспективного технологического усовершенствования, а также были подняты вопросы необходимости определения границ применимости ИИ, проблем безопасности, защиты персональных данных и международного правового регулирования.

Рассматривая юридическую проблематику использования искусственного интеллекта, ученые отмечают: необходимость «при использовании ИИ в государственном управлении нормативно закрепить принцип прозрачности (транспарентности)» [4]; урегулирование таких вопросов, как манипуляция в процессе обработки информации персонифицированного характера (персональных данных); возможность контроля за поведением индивида, прежде всего в сети Интернет [5]; развитие эмоционального искусственного интеллекта; введение так называемого социального рейтинга и др. [6]; необходимость «создавать законодательство, которое будет обеспечивать надлежащую защиту прав и свобод человека» при использовании искусственного интеллекта [7].

Как отмечает профессор Н.С. Бондарь, «формирующееся информационно-цифровое пространство – качественно новая сфера правового, в том числе конституционно-правового влияния» [8].

Главная опасность использования искусственного интеллекта состоит все же не только в том, что люди станут думать как компьютеры, но и в том, что в силу независимости от граждан причин не все будут иметь возможность реализовывать в своей повседневной жизни своё право на использование ИИ.

В своём докладе в рамках Всероссийской междисциплинарной конференции «Философия искусственного интеллекта» на секции «Искусственный интеллект и право» директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, академик РАН Т.Я. Хабриева подчеркнула, что сейчас под эгидой ООН запущен процесс конструирования международно-правовой матрицы искусственного интеллекта.

Важное значение для построения регулирования искусственного интеллекта имеют Глобальный цифровой договор, принятый Генеральной ассамблеей ООН в 2022 г., а также Доклад ООН о регулировании ИИ, опубликованный 19.09.2024 г., в котором предлагается создать независимую Международную научную группу по ИИ.

Глобальный цифровой договор (далее ГЦД) является приложением к Пакту будущего и регламентирует, например, такие вопросы, как

- управление Интернетом и использование ИИ;
- преодоление цифрового разрыва и др.

Однако ГЦД не имеет обязательной силы. Одной из главных целей ГЦД является формирование инклюзивного цифрового пространства, в котором защищены права человека. Что касается регулирования искусственного интеллекта, то в ГЦД отмечается «необходимость сбалансированного и основанного на оценке рисков подхода к управлению искусственным интеллектом» при равном представительстве всех стран и полноценном участии всех заинтересованных сторон.

Равное представительство всех стран и полноценное участие всех заинтересованных сторон особенно важны для недопущения неокOLONиальной политики, которая подразумевает более скрытые и мягкие формы воздействия в технологической сфере. Например, развитые страны могут использовать цифровые технологии, мобильные приложения и онлайн-платформы для поддержания экономического и культурного доминирования над развивающимися странами, что усиливает технологический разрыв и подчеркивает неравенство. Новый вид цифровой зависимости имеет не только экономические, но и социальные последствия, например кража данных и последующие манипуляции.

Таким образом, можно сказать, что Глобальный цифровой договор – это документ «мягкого права», в котором отмечается:

- 1) необходимость международного сотрудничества в целях устранения цифровых разрывов между странами и внутри них;
- 2) необходимость выявлять и уменьшать риски и обеспечивать надзор за технологиями со стороны человека таким образом, чтобы это способствовало

устойчивому развитию и полному осуществлению прав человека;

3) необходимость цифрового сотрудничества, которое основано на нормах международного права, включая Устав ООН, международное право в области прав.

Перед продолжением дальнейшего анализа исследуемой темы необходимо отметить, что в соответствии с изменениями, внесенными Указом Президента РФ от 15.02.2024 № 124 в Национальную стратегию развития ИИ (далее Стратегия), изменилось определение ИИ. Теперь под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, который позволяет получать при выполнении конкретных задач результаты, не только сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека, но и превосходящие их.

В соответствии со Стратегией в состав комплекса технологических решений включены: информационно-коммуникационная инфраструктура, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

В части четвертой ГК РФ под базой данных понимается представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ).

Однако понятие «информационно-коммуникационная инфраструктура» в законодательстве отсутствует. В Стратегии всего лишь отмечается, что «дополнительными благоприятными факторами развития технологий искусственного интеллекта в России являются современная базовая информационно-коммуникационная инфраструктура (высокий уровень доступа к сети Интернет, развитые сети радиотелефонной связи 3-го и 4-го поколений) и доступность мобильной передачи данных».

По мнению автора, более правильно говорить не о сети радиотелефонной связи 3-го и 4-го поколений, а о новом поколении сетей связи 5G/IMT-2020. В то же время нельзя не отметить, что сети 5G также имеют свои риски. Например, в Евросоюзе был опубликован отчет оценки рисков, связанных с сетями 5G, в котором указывалось, что программные уязвимости в оборудовании сетей пятого поколения служат источником повышенного риска, еще большего, чем для сетей предыдущих поколений.

Что касается понятия информационно-коммуникационной инфраструктуры нужно отметить, что в Концепции развития информационно-коммуникационной инфраструктуры и технологий в Российской Федерации (проект, который так и не был принят) информационно-коммуникационная инфраструктура указывается, как совокупность информационных (определяемых, как взаимосвязанная совокупность информационных систем и подсистем) и коммуникационных инфраструктур.

Коммуникационная инфраструктура, в свою очередь, определена, как сетевая инфраструктура, обеспечивающая передачу информации между территориально распределенными источниками и получателями, состоящая из линий связи, использующих различные среды распространения электромагнитных сигналов, и оборудования, обеспечивающего прием, передачу этих сигналов и их обработку в процессе этой передачи.

Возвращаясь к теме нашей статьи и проанализировав состав понятия «искусственный интеллект», под равноуровневым доступом к возможностям ИИ, по мнению автора, необходимо считать:

1) уровень доступа к возможностям ИИ, обеспечиваемый в первую очередь уровнем доступа к сети Интернет и соответственно развитием коммуникационной инфраструктуры;

2) равноуровневость во владении навыками использования ИИ;

3) дифференциация во владении навыками использования ИИ свидетельствует о неравных возможностях индивидов (использование).

Использование ИИ в настоящее время невозможно без Интернета, где десятки миллионов пользователей фактически обеспечивают обучение и развитие ИИ. Однако, несмотря на широкое использование понятия «Интернет», в российском законодательстве единого легального определения этого понятия до сих пор нет. Интернет определяется как глобальная информационно-телекоммуникационная сеть, связывающая информационные системы и сети электросвязи различных стран посредством глобального адресного пространства, основанная на использовании комплексов интернет-протоколов и протокола передачи данных и предоставляющая возможность реализации различных форм коммуникации (см. ст. 2 Модельного закона об основах регулирования Интернета). В соответствии с п. 4 ст. 2 Закона об информации под информационно-телекоммуникационной сетью понимается технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

Учёные, исследующие возможности и правовое регулирование современных информационных технологий, подчёркивают, что только при наличии всеобщего минимального права на доступ в Интернет гарантирована реализация права на информацию, акцентируя внимание на то, что «мы накануне международного признания нового фундаментального права – права на доступ в Интернет» [8]. По мнению данных учёных, это право должно основываться на возможностях современной информационно-коммуникационной инфраструктуры с обязательной сетевой и технологической нейтральностью, запретом дискриминации сетевого трафика обеспечивать максимальный охват для доступа к сети Интернет.

По ГОСТ Р 55387-2012 под услугой «доступ в Интернет» понимается совокупность действий оператора связи по подключению оконечного оборудования или локальной сети пользователя к сети оператора и обеспечению возможности доступа пользователю к ресур-

сам и услугам Интернет (веб-службам, передаче файлов по протоколу FTP и др.). Подробное нормативное регулирование доступа к сети Интернет содержится в Правилах телематических услуг связи и в Правилах услуг по передаче данных. Доказывание отсутствия технической возможности для предоставления доступа к сети передачи данных лежит на операторе связи (абз. 4 п. 22, п.п. 23, 24 Правил телематических услуг связи).

Необходимо отметить, что в настоящее время легального общепринятого определения телематических услуг связи в российском законодательстве также нет. Например, в Определении Верховного Суда РФ от 12.12.2013 № АПЛ13-538 указано, что телематические услуги связи – это любые услуги связи, предусматривающие использование кибернетического пространства. Одним из видов оказания этих услуг является, в частности, предоставление доступа к сети Интернет.

Более ограниченным является определение, сформулированное в ФАС РФ службе, например, в решениях Магаданского УФАС России от 21.12.2016 по делу № 04-30/143-2016, Приморского УФАС России от 29.05.2018 № 476/04-2018, в частности, отмечается: телематические услуги связи – это комплекс услуг, которые оператор предоставляет клиентам в части электронных коммуникаций с присвоением каждому из них кода идентификации (адреса).

По мнению автора, телематические услуги связи – это услуги связи, оказываемые оператором на основании соответствующей лицензии в соответствии с договором, заключенным с абонентом, с присвоением абоненту кода идентификации и обеспечивающие:

- доступ к информационным системам информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе к сети Интернет;

- прием и передачу телематических электронных сообщений, передачу сигналов оповещения и экстренной информации об опасностях, связанных с чрезвычайными ситуациями.

Телематические услуги связи используются в роботехнике, нанотехнологиях, навигации (Glonass, GPS), в управлении техникой, в IP-телефонии, в голосовой почте и пр. Что касается услуг связи по передаче данных, то нужно отметить, что такие услуги подразделяются на

- услуги связи по передаче данных, за исключением услуг связи по передаче данных для целей передачи голосовой информации;

- услуги связи по передаче данных для целей передачи голосовой информации.

Легального определения услуг связи по передаче данных в РФ в настоящий период времени также нет. В соответствии с утратившим силу внутренним документом «Сети и службы передачи данных», утвержденным Приказом Министерства РФ по связи и информатизации от 12.11.2001 № 225, под сетью передачи данных понималась совокупность узлов и каналов электросвязи, специально созданная для организации связей между определенными точками с целью обеспечения передачи данных между ними.

На основе анализа законодательства о связи, можно сказать, что передача данных – это перенос данных в

виде сигналов от точки источника информации к ограниченному или неограниченному числу получателей, находящихся на расстоянии, современными средствами связи по каналам передачи данных, для последующей обработки средствами вычислительной техники.

В Постановлении Правительства РФ от 24.11.2014 № 1240 дается определение сети передачи данных органов власти, которые определяются как элемент инфраструктуры, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, в целях осуществления государственных функций.

В этой связи необходимо отметить, что по Федеральному закону «О связи» (далее – Закон о связи) на операторов связи, оказывающих услуги по предоставлению доступа в Интернет, возложена обязанность обеспечивать без взимания платы доступ к отечественным социально значимым информационным ресурсам, в число которых включены единый портал государственных и муниципальных услуг (Госуслуги) и социальная сеть «ВКонтакте».

Как отмечается в отчете Ericsson о мобильности, объем передачи данных в сетях мобильной связи в странах Западной Европы в 2017–2024 гг. вырос в расчёте на 1 смартфон с 3,05 до 22,46 Гб/месяц, в странах Центральной и Восточной Европы с 2,73 до 19,48 Гб/месяц. Ещё более высокий рост в Индии, Непале и Бутане – до 31,88 Гб/месяц. При этом операторы мобильной связи в нашей стране работают в условиях дефицита доступного радиочастотного ресурса по сравнению с крупнейшими иностранными рынками мобильной связи. В международном рейтинге GSMA – организации, объединяющей операторов мобильной связи – Mobile Connectivity Index (Индекс мобильного взаимодействия), Российская Федерация в 2023 г. заняла 45 позицию из 173. Отметим, что в 2014 г. РФ была на 36 (в 2017 г. – на 34). В значительной мере снижение позиции нашей страны произошло из-за задержки появления широкодоступной сотовой сети пятого поколения, обусловленной санкционным давлением стран Запада, поэтому разноуровневый доступ к возможностям искусственного интеллекта будет сохраняться.

Основными рисками разноуровневого доступа к возможностям искусственного интеллекта являются ограничения осуществления определенной жизненной стратегии индивида, полноценного участия в жизни общества, личностного роста и расширения социальных связей и отношений, а также демократического участия.

Рассматривая вопрос о социальном неравенстве, связанном с «разноуровневым» доступом к возможностям искусственного интеллекта, нельзя оставить без внимания Концепцию цифровой и функциональной трансформации социальной сферы до 2025 г., которая «изначально постулирует установки экономического и технологического детерминизма применительно к социальной сфере» [9. С. 81; 10].

В Концепции трансформации социальной сферы предусматривается внедрение искусственного интеллекта, в том числе для заключения социального контракта с малоимущими семьями.

Однако, как справедливо отмечают авторы, «ориентация на внедрение искусственного интеллекта во все сферы правового сопровождения социальной жизни рискует обернуться стагнацией в развитии права, лишая человека стимулов к аналитическому мышлению» [11].

Подводя итог, сделаем следующие выводы, чтобы решить вопрос социального неравенства, связанного с «разноуровневым» доступом к возможностям искусственного интеллекта:

1. Необходимо прежде всего решить проблему «терминологического вакуума», а именно дать легальное определение понятий «информационно-коммуникационная инфраструктура», «Интернет», «телематические услуги связи» и «услуги связи по передаче данных» в российском законодательстве.

2. В первую очередь для граждан, которые имеют право на льготы и меры социальной поддержки, очень

важно создать программы обучения на федеральном уровне.

3. Перечень отечественных социально значимых информационных ресурсов необходимо расширить, например, включить уже созданные информационные ресурсы в сфере культуры.

4. Внести изменения в Стратегию, пункт «з» дополнить после слов «информирование граждан и организаций о принципах использования технологий искусственного интеллекта» фразой «и организация обучения использованию технологий искусственного интеллекта для граждан, которые имеют право на льготы и меры социальной поддержки».

Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод, что разноуровневый доступ к возможностям искусственного интеллекта будет сохраняться как минимум до появления широкодоступной сотовой сети пятого поколения. Однако у любого минуса есть и свои плюсы, например, вынужденный постепенный переход к возможностям искусственного интеллекта позволит сохранить стимулы к аналитическому мышлению.

Список источников

1. Зорькин В. Право и вызовы искусственного интеллекта // Российская газета. 27.06.2024. URL: <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 01.09.2024).
2. Искусственный интеллект сквозь призму права. Интервью с академиком Т.Я. Хабриевой // Научная Россия. 09.09.2024. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/iskusstvennyj-intellekt-skvoz-prizmu-prava-intervyu-s-akademikom-taliej-habrievoj>
3. Тихомиров Ю.А. Методология анализа и оценки рисков в законодательной деятельности // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 46–52.
4. Талапина Э.В. Принцип прозрачности использования искусственного интеллекта // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 7. С. 36–39.
5. Авакян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23–28.
6. Ковалева Н.Н., Жиринова Н.А. Проблемы обеспечения конфиденциальности персональных данных при использовании систем искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2024. № 7. С. 109–121.
7. Виноградов В.А. Правовые аспекты развития систем искусственного интеллекта // Закон. 2023. № 12. С. 157–166.
8. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42.
9. Талапина Э.В. Право на информацию в свете теории субъективного публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6 (115). С. 70–83.
10. Щербович А.А. Реализация конституционных прав и свобод в Интернете. М.: ТЕИС, 2015. 148 с.
11. Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях: проблемы и решения / под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. М.: ИГП РАН, 2023. С. 390.

References

1. Zorkin, V. (2024) Pravo i vyzovy iskusstvennogo intellekta [Law and the Challenges of Artificial Intelligence]. *Rossiyskaya gazeta*. June 27th. [Online] Available from: <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html> (Accessed: 01.09.2024).
2. Nauchnaya Rossiya [Scientific Russia]. (2024) *Iskusstvennyy intellekt skvoz prizmu prava. Intervyu s akademikom T.Ya. Khabrievoj* [Artificial Intelligence Through the Prism of Law. Interview with Academician T.Ya. Khabrievoj]. September 9th. [Online] Available from: <https://scientificrussia.ru/articles/iskusstvennyj-intellekt-skvoz-prizmu-prava-intervyu-s-akademikom-taliej-habrievoj> (Accessed: 01.09.2024).
3. Tikhomirov, Yu.A. (2015) *Metodologiya analiza i otsenki riskov v zakonodatel'noy deyatel'nosti* [Methodology for Analysis and Risk Assessment in Legislative Activity]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 9. pp. 46–52.
4. Talapina, E.V. (2024) *Printsip prozrachnosti ispolzovaniya iskusstvennogo intellekta* [The Principle of Transparency in the Use of Artificial Intelligence]. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*. 7. pp. 36–39.
5. Avakyan, S.A. (2019) *Informatsionnoe prostranstvo znaniy, tsifrovoy mir i konstitutsionnoe pravo* [Information Space of Knowledge, Digital World and Constitutional Law]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*. 7. pp. 23–28.
6. Kovaleva, N.N. & Zhirnova, N.A. (2024) *Problemy obespecheniya konfidentsialnosti personalnykh dannykh pri ispolzovanii sistem iskusstvennogo intellekta* [Problems of Ensuring Confidentiality of Personal Data When Using Artificial Intelligence Systems]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 7. pp. 109–121.
7. Vinogradov, V.A. (2023) *Pravovye aspekty razvitiya sistem iskusstvennogo intellekta* [Legal Aspects of the Development of Artificial Intelligence Systems]. *Zakon*. 12. pp. 157–166.
8. Bondar, N.S. (2019) *Informatsionno-tsifrovoye prostranstvo v konstitutsionnom izmerenii: iz praktiki Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Information and Digital Space in the Constitutional Dimension: From the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 11. pp. 25–42.
9. Talapina, E.V. (2016) *Pravo na informatsiyu v svete teorii sub'ektivnogo publichnogo prava* [The Right to Information in the Light of the Theory of Subjective Public Law]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 6 (115). pp. 70–83.
10. Shcherbovich, A.A. (2015) *Realizatsiya konstitutsionnykh prav i svobod v Internetе* [The Realization of Constitutional Rights and Freedoms on the Internet]. Moscow: TEIS.

11. Vasilyeva, T.A. & Varlamova, N.V. (eds) (2023) *Obespechenie prav cheloveka i osushchestvlenie publichnoy vlasti v sovremennykh usloviyakh: problemy i resheniya* [Ensuring Human Rights and the Exercise of Public Power in Modern Conditions: Problems and Solutions]. Moscow: ISL, RAS.

Информация об авторе:

Савченко Е.А. – канд. юрид. наук, научный сотрудник отдела социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: elen_savchenko@bk.ru. ORCID: 0000-0001-8346-8829

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Savchenko, Cand. Sci. (Law), research fellow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: elen_savchenko@bk.ru. ORCID: 0000-0001-8346-8829

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.04.2025;
одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 30.06.2025.*

*The article was submitted 16.04.2025;
approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 30.06.2025.*